Гик
Анарх
Кропоткин.

„Пров 49“ 66

Великая Французская Революція

1789—1793.

П. КРОПОТКИНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ АВТОРА.

ЛОНДОНЪ
1914.

„Пров 38“ ПР 80 Пр.
„Пров 49“
All rights of reproduction reserved.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Записки Революціонера, Спб., 1906 (Изд-во „Знаніе“).

Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи, Спб. 1906 (то же изд-во).

Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ, Спб. 1906 (то-же).

Идеалы и дѣйствительность въ Русской литературѣ, Спб. 1906 (то-же).

Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла, 2-е изданіе, Москва, 1907 (изд-во „Посредникъ“).

Хлѣбъ и воля, Лондонъ, 1902 (изд. Группы русскихъ анархистовъ-коммунистовъ).

La Science moderne et l'Anarchie (новое, значительно увеличенное изданіе книжки „Современная Наука и Анархизмъ“), Paris 1912.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
191
29

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чѣмъ больше мы изучаемъ Французскую Революцію, тѣмъ болѣе мы узнаёмъ, насколько еще несовершенна исторія этого громаднаго переворота, сколько въ ней остается пробѣловъ, сколько фактовъ, еще неразъясненныхъ.

Дѣло въ томъ, что Революція, перевернувшая всю жизнь Франціи и начавшая всё перестраивать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, представляетъ собою цѣлый міръ, полный жизни и дѣйствія. И если, изучая первыхъ историковъ этой эпохи, въ особенности Мишлэ, мы поражаемся, видя невѣроятную работу, успѣшно выполненную нѣсколькими людьми, чтобы разобраться въ тысячахъ отдѣльныхъ фактовъ и параллельныхъ движеній, — мы узнаёмъ также громадность работы, которую предстоитъ еще выполнить будущимъ историкамъ.

Изслѣдованія, обнародованныя за послѣдніе тридцать лѣтъ историческою школою, которой представителями служатъ профессоръ Оларъ и Историческое Общество Французской Революціи, безспорно дали намъ въ высшей степени цѣнные матеріалы, бросающіе массу свѣта на акты Революціи, на ея политическую исторію и на борьбу партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть.

Тѣмъ не менѣе изученіе экономическаго характера Революціи и въ особенности — столкновеній, происхо-

дившихъ на почвѣ экономической, едва только начато, и, какъ замѣтилъ Оларъ, цѣлой жизни человѣка не хватитъ на такое изученіе, на основаніи сохранившихся архивныхъ документовъ. А между тѣмъ, нужно признать, что безъ такого изученія политическая исторія Революціи остаётся неполною и даже очень часто совершенно непонятною. Цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, чрезвычайно обширныхъ и сложныхъ, возникаетъ, едва только историкъ касается этой стороны революціоннаго переворота.

Съ цѣлью выяснить себѣ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, я началъ, еще съ 1886-го года — вѣрнѣе, съ 1878-го года, — нѣсколько частныхъ изслѣдованій: первыхъ шаговъ Революціи, крестьянскихъ возстаній въ 1789-мъ году, борьбы за и противъ уничтоженія феодальныхъ правъ, истинныхъ причинъ движенія 31-го мая и т. д. Къ сожалѣнію, я вынужденъ былъ ограничиться, для этихъ работъ, одними коллекціями — весьма, впрочемъ, богатыми — печатныхъ изданій въ Британскомъ музеѣ, не имѣя возможности заняться во Франціи работою въ Архивахъ.

Но такъ какъ читателю трудно было бы оріентироваться въ частныхъ изслѣдованіяхъ такого рода, не имѣя общаго изложенія всего развитія Революціи, я вынужденъ былъ дать болѣе или менѣе послѣдовательный разсказъ событій. Я не сталъ однако повторять, такъ часто уже разсказанную, драматическую сторону главныхъ эпизодовъ того времени; но я постарался употребить въ дѣло результаты новѣйшихъ изслѣдованій, чтобы освѣтить внутреннюю связь и причины различныхъ событій, изъ которыхъ сложился переворотъ, заканчивающій собою восемнадцатый вѣкъ.

Методъ, состоящій въ изученіи Революціи путемъ изслѣдованія въ отдѣльности различныхъ частей выполненнаго ею, имѣетъ конечно свои недостатки: онъ неизбѣжно ведетъ къ повтореніямъ. Я предпочелъ однако подвергнуться этому послѣднему упреку, надѣясь лучше запечатлѣть такимъ образомъ въ умѣ читателя различныя теченія мысли и дѣяній, столкнувшіяся во время Французской Революціи, — теченія, настолько обусловленныя самою сущностью человѣческой природы, что они неизбѣжно встрѣтятся и въ историческихъ событіяхъ будущаго.

Писатели, знакомые съ исторіею Революціи, знаютъ, какъ трудно избѣжать фактическихъ ошибокъ въ деталяхъ тѣхъ страстныхъ столкновеній, развитіе которыхъ приходится излагать. Я буду, поэтому, чрезвычайно признателенъ тѣмъ, кто укажетъ мнѣ ошибки, вкравшіяся въ мою работу. И я уже выражаю мою глубочайшую признательность моимъ друзьямъ, Джемсу Гильому и профессору Эрнесту Нису (E. Nys), которые были такъ добры, что прочли мою рукопись и корректуры, и помогали мнѣ своими обширными познаніями и своимъ критическимъ умомъ.

15 марта 1909.

Готовя къ печати русское изданіе, я воспользовался этимъ, чтобы внести нѣкоторыя поправки, не успѣвшія войти во французское, англійское и нѣмецкое изданія. Приношу при этомъ искреннюю благодарность моему товарищу и другу, Александру Шапиро, безъ помощи котораго я не могъ-бы справиться съ печатаніемъ книги въ маленькой за-рубежной типографіи.

П. КРОПОТКИНЪ.

5 іюля 1914.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано:	Должно быть:
17	9 снизу	ими	крестьянами
28	15 „	серьозные	серьёзные
и другія		серьозно	серьёзно
30	2 св.	народъ,	народъ
33	1 „	праздновались	праздновали
99	10 „	резнеслось	разнеслось
109	17 „	при извѣстіи	при полученіи извѣстія
123	2 сн.	противъ ратуши	на площади Ратуши
183	9 „	скромной-ограниченной монархіи;	скромно ограниченной монархіи,
196	19 „	будутъ	будетъ
225	1 св.	глава XXVI	глава XXIV
243	1 сн.	владѣнія	права владѣнія
249	16 „	става	устава
258	10 „	самъ ... знакомъ	сами ... знакомы
260	6 „	и	они
268	11 „	четюре	четыре
283	10 св.	Также	Такъ же какъ и
„	11 „	Двора, и	Двора,
297	15 „	ролялистскія	роялистскія
328	14 сн.	они могли	она могла
393	13 „	съ ксторомъ связаны	съ которымъ связаны
413	14 „	онъ уже требовалъ	онъ требовалъ
444	13 „	двегрей	дверей
462	14 „	которыхъ можно	которыя можно
„	14 „	совершились	совершались
558	18 „	взятъ назадъ	отнятъ
607	6 св.	Конвента	Конвентъ
665	14 „	дастъ	дадутъ

Великая Французская Революція

1789 — 1793.

21.E.21.

I.

Два главныхъ теченія Революціи.

Два главныхъ теченія подготовили и совершили Революцію. Одно изъ нихъ, напитывъ новыхъ понятій относительно политическаго переустройства государства, исходило изъ буржуазіи. Другое, элементъ дѣйствія, исходило изъ народныхъ массъ: крестьянства и городского пролетаріата, стремившихся къ непосредственному и осязательному улучшенію своего экономическаго положенія. И когда эти два теченія встрѣтились и объединились въ виду одной, вначалѣ общей имъ цѣли, и на нѣкоторое время оказали другъ-другу взаимную поддержку, тогда наступила Революція.

Философы восемнадцатаго вѣка давно уже подрывали основы современныхъ имъ культурныхъ государствъ, въ которыхъ, какъ политическая власть, такъ и громадная доля богатствъ принадлежали аристократіи и духовенству, народная же масса оставалась вьючнымъ жи-

вотнымъ для сильныхъ міра. Провозглашая верховное владычество разума, выступая съ проповѣдью вѣры въ человѣческую природу, — въ то, что природа человѣка, испорченная разнаго рода учрежденіями, поработившими ей втеченіе исторической жизни, проявитъ всѣ свои хорошія стороны, какъ только ей будетъ возвращена свобода, — философы открыли передъ человѣчествомъ широкіе, новые горизонты. Равенство всѣхъ людей, безъ различія рода и племени, обязанность всякаго гражданина, будь онъ король или крестьянинъ, повиноваться закону, установленному представителями народа и считающемуся выраженіемъ общей воли; наконецъ, свобода договоровъ между свободными людьми и уничтоженіе феодальной, крѣпостной зависимости — эти требованія философовъ, связанныя въ одно цѣлое, благодаря духу системы и методичности, свойственнымъ французскому мышленію, несомнѣнно подготовили въ умахъ паденіе стараго строя.

Но этого одного было бы недостаточно, чтобы вызвать революцію. Отъ теоріи предстояло перейти къ дѣйствію, отъ созданнаго въ воображеніи идеала — къ его осуществленію на практикѣ: а потому обстоятельства, которыя въ извѣстный моментъ дали французскому народу возможность сдѣлать этотъ шагъ, — приступить къ осуществленію намѣченнаго идеала, — пріобрѣтаютъ особенную важность для исторіи.

Съ другой стороны, задолго еще до 1789 года, Франція вступила въ періодъ небольшихъ народныхъ возстаній. Восшествіе на престолъ Людовика XVI-го, въ 1774-мъ году, послужило сигналомъ къ цѣлому ряду голодныхъ бунтовъ. Они продолжались до 1783-го года, послѣ чего наступило относительное затишье. Но затѣмъ, начиная съ 1786-го, а особенно съ 1788-го года, крестьянскія возстанія возобновились съ новой силой. Если въ первомъ рядѣ бунтовъ главнымъ двигателемъ былъ голодъ, то теперь, хотя недостатокъ въ хлѣбѣ все еще оставался одною изъ существенныхъ причинъ, главною чертою бунтовъ являлся отказъ отъ платежа

феодальныхъ (крѣпостныхъ) повинностей. Число бунтовъ все росло, вплоть до 1789-го года; и наконецъ, въ 1789 году, они охватили весь востокъ, сѣверо- и юго-востокъ Франціи

Строй общества, такимъ образомъ, расшатывался. Однако, сами по себѣ крестьянскія возстанія еще не составляютъ революціи, даже если они принимаютъ такія грозныя формы, какъ пугачевскій бунтъ, происходившій у насъ въ 1773-мъ году. Революція есть нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ рядъ возстаній въ деревняхъ и городахъ; большее чѣмъ простая борьба партій, какъ бы кровопролитна она ни была: большее чѣмъ уличная война и гораздо большее чѣмъ простая перемѣна правительства, подобная тѣмъ, какія происходили во Франціи въ 1830-мъ и 1848-мъ годахъ. Революція, это — быстрое уничтоженіе, на протяженіи немногихъ лѣтъ, учрежденій, устанавливавшихся вѣками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкіе реформаторы едва осмѣливались нападать на нихъ. Это — распаденіе, разложеніе въ нѣсколько лѣтъ всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религіозной, политической и экономической жизни націи: это — полный переворотъ въ установленныхъ понятіяхъ и въ ходячихъ мнѣніяхъ, по отношенію ко всѣмъ сложнымъ отношеніямъ между отдѣльными единицами человѣческаго стада.

Это, наконецъ — зарожденіе новыхъ понятій о равенствѣ въ отношеніяхъ между гражданами, которыя скоро становятся дѣйствительностью, и тогда начинаютъ распространяться на сосѣднія націи, перевёртываютъ весь міръ и даютъ слѣдующему вѣку его лозунгъ, его задачи, его науку, — все направленіе его экономическаго, политическаго и нравственнаго развитія.

Чтобы достигнуть такихъ крупныхъ результатовъ, чтобы движеніе приняло размѣръ революціи, какъ это было въ 1648—1688 годахъ въ Англіи и въ 1789—1793 во Франціи, — еще недостаточно было того, чтобы среди образованныхъ классовъ проявилось извѣстное идейное

теченіе, какъ-бы это теченіе ни было глубоко; недостаточно было и однихъ народныхъ бунтовъ, какъ-бы они ни были многочисленны и какъ бы широко они ни распространялись. Нужно было, чтобы *революціонное дѣйствіе*, исходящее изъ народа, совпало съ *движеніемъ революціонной мысли*, шедшимъ обыкновенно, до тѣхъ поръ, отъ образованныхъ классовъ. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали другъ другу руку.

Вотъ почему Французская революція, какъ и Англійская, произошла въ тотъ моментъ, когда буржуазія, обильно черпавшая свои мысли изъ философіи своего времени, дошла до сознанія своихъ правъ, создала новый планъ политическаго устройства и, сильная своими знаніями, готовая къ упорной работѣ, почувствовала себя способной взять въ свои руки управленіе, вырвавъ его изъ рукъ дворцовой аристократіи, которая своею неспособностью, легкомысліемъ и расточительностью вела государство къ полному разоренію. Но буржуазія и интеллигентные классы сами по себѣ ничего бы не сдѣлали, если бы, благодаря различнымъ условіямъ, не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы, цѣлымъ рядомъ возстаній, длившихся четыре года, возможность недовольнымъ элементамъ среднихъ классовъ бороться съ королемъ, дворомъ и бюрократіею, низвергнуть старыя учрежденія и совершенно измѣнить политическій строй государства.

Исторія этого двойного движенія еще не разсказана. Исторія Великой Французской Революціи была написана много разъ, съ точки зрѣнія самыхъ различныхъ партій; но до сихъ поръ историки занимались главнымъ образомъ политическою исторіею, исторіею побѣдъ, одержанныхъ буржуазіею надъ придворною партіею и надъ защитниками старыхъ монархическихъ учрежденій. Вслѣдствіе этого, мы очень хорошо знакомы съ умственнымъ пробужденіемъ, предшествовавшимъ Революціи. Мы знаемъ принципы, господствовавшіе въ Революціи и нашедшіе себѣ выраженіе въ ея законодательствѣ; мы восхищаемся великими идеями, которыя

она бросила въ міръ, и проведеніе которыхъ въ жизнь заняло затѣмъ весь девятнадцатый вѣкъ. Однимъ словомъ, *парламентская исторія* Революціи, ея войны и ея политика изучены и разсказаны во всѣхъ подробностяхъ. Но *народная* исторія Революціи еще не написана. Роль *народа* — деревень и городовъ — въ этомъ движеніи никогда еще не была полностью изучена и разсказана. Изъ двухъ теченій, совершившихъ Революцію, теченіе *умственное* извѣстно; но другое теченіе *народное дѣйствіе* — еще очень мало затронуто.

Наше дѣло — дѣло потомковъ тѣхъ, кого современники называли „анархистами", изучить это народное движеніе, или, по крайней мѣрѣ, указать его главныя черты.

II.

Идейное теченіе.

Чтобы понять идеи, вдохновлявшія буржуазію 1789 года, нужно обратиться къ ихъ результатамъ, т. е. къ современнымъ государствамъ.

Та форма культурныхъ государствъ, которую мы наблюдаемъ въ настоящее время въ Европѣ, еще только намѣчалась въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Централизація власти еще не достигла тогда, ни такого совершенства, ни такого единообразія, какія мы видимъ теперь. Грозная машина, благодаря которой все мужское населеніе страны, готовое къ войнѣ, приводится теперь въ движеніе по приказанію изъ столицы и несетъ раззореніе въ деревни и горе въ семьи, тогда еще не существовала. Этихъ странъ, покрытыхъ сложною административною сѣтью, гдѣ личности администраторовъ совершенно стушёвываются въ бюрократическомъ рабствѣ и машинальномъ подчиненіи передъ приказаніями, исходящими отъ центральной воли; этого пассивнаго повиновенія гражданъ закону и этого поклоненія закону, Парламенту, судебной власти и ея агентамъ, развившимся съ тѣхъ поръ; этой іерархіи

дисциплинированныхъ чиновниковъ; этой сѣти школъ, содержимыхъ или руководимыхъ государствомъ, гдѣ преподается повиновеніе власти и ея обожаніе; этой промышленности, давящей рабочаго, цѣликомъ отданнаго государствомъ въ руки хозяевъ: торговли, скопляющей неслыханныя состоянія въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ землю, каменно-угольныя копи, пути сообщенія и другія естественныя богатства, и доставляющей громадныя средства государству; наконецъ, нашей науки, которая, освободивъ мысль, увеличила въ сотни разъ производительныя силы человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремится подчинить эти силы праву сильнаго и государству, — ничего этого до Революціи не существовало.

Однако задолго до того времени, когда раздались первые раскаты Революціи, французская буржуазія — Третье Сословіе — уже составила себѣ понятіе о томъ политическомъ организмѣ, который долженъ былъ развиться, по ея мнѣнію, на развалинахъ феодальной монархіи. Весьма возможно, что англійская революція помогла французской буржуазіи понять, какую именно роль ей суждено было играть въ управленіи обществомъ. Несомнѣнно и то, что энергіи революціонеровъ во Франціи былъ данъ толчокъ американскою революціею. Но уже съ начала восемнадцатаго вѣка изученіе государственныхъ вопросовъ и того политическаго строя, который могъ бы возникнуть на почвѣ представительной системы (конституціи), сдѣлалось — благодаря Юму, Гоббсу, Монтескьё, Руссо, Вольтеру, Мабли, д'Аржансону и др. — любимымъ предметомъ изслѣдованій, причемъ, благодаря Тюрго и Смиту, къ нему присоединилось изученіе экономическихъ вопросовъ и роли собственности въ политическомъ устройствѣ государствъ.

Вотъ почему, задолго до того времени, когда вспыхнула Революція, идеалъ централизованнаго, благоустроеннаго государства, подъ управленіемъ классовъ обладающихъ земельною и промышленною собственностью, или же занимающихся свободными профессіями, намѣчается и излагается во множествѣ книгъ и брошюръ,

откуда дѣятели Революціи черпали впослѣдствіи свое вдохновеніе и свою обдуманную энергію.

И вотъ почему, французская буржуазія, вступая въ 1789 году въ революціонный періодъ, уже отлично знала, чего хочетъ. Правда, она тогда еще не стояла за республику (стоитъ-ли она за нее теперь?); но она не хотѣла королевскаго произвола, не признавала правленія принцевъ и двора, и отрицала привилегіи дворянства, которое захватывало главныя правительственныя должности, но умѣло только раззорять государство, — точно такъ же, какъ оно раззоряло свои собственныя громадныя помѣстья. Чувства у передовой буржуазіи были республиканскія въ томъ смыслѣ, что она стремилась къ республиканской простотѣ нравовъ, по примѣру молодыхъ американскихъ республикъ: но она желала также, и прежде всего, перехода управленія въ руки имущихъ классовъ.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, буржуазія того времени не доходила до атеизма; она скорѣе была „свободомыслящей", но вмѣстѣ съ тѣмъ она не питала вражды и къ католицизму. Она ненавидѣла только Церковь, съ ея іерархіей, съ ея епископами, державшимися заодно съ принцами, и съ ея священниками, — послушными орудіями въ рукахъ дворянства.

Буржуазія 1789 года понимала, что во Франціи наступилъ моментъ (какъ онъ наступилъ ста-сорока годами раньше въ Англіи), когда Третье Сословіе должно стать наслѣдникомъ власти, выпадающей изъ рукъ монархіи: и она уже обдумала заранѣе, какъ ей распорядиться съ этой властью.

Идеаломъ буржуазіи было дать Франціи конституцію, на манеръ англійской. Роль короля должна была быть сведена къ роли инстанціи, региструющей волю Парламента, иногда впрочемъ — властью, удерживающею равновѣсіе между партіями; но главнымъ образомъ король долженъ былъ служить символомъ національнаго единства. Настоящая же власть должна была быть выборною, и находиться въ рукахъ парламента, въ которомъ

образованная буржуазія, представляющая дѣятельную и думающую часть націи, господствовала бы надъ всѣми остальными сословіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ планы буржуазіи входило упраздненіе всѣхъ мѣстныхъ или частныхъ властей, представлявшихъ независимыя (автономныя) единицы въ государствѣ. Сосредоточеніе всѣхъ правительственныхъ силъ въ рукахъ центральной исполнительной власти, находящейся подъ строгимъ контролемъ парламента, было ея идеаломъ. Этой власти, все должно повиноваться въ государствѣ. Она должна будетъ держать въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія: взиманіе налоговъ, судъ, военныя силы, школы, полицейскій надзоръ и наконецъ общее руководство торговлей и промышленностью, — все! Но рядомъ съ этимъ, говорила буржуазія, слѣдуетъ провозгласить полную свободу торговыхъ сдѣлокъ; промышленнымъ предпринимателямъ слѣдуетъ предоставить полную возможность эксплуатировать всѣ естественныя богатства страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочихъ, — цѣликомъ отдавая ихъ на произволъ тѣхъ, кому угодно будетъ дать имъ работу.

Все это — подъ контролемъ государства, которое должно способствовать обогащенію частныхъ лицъ и накопленію большихъ состояній; этому условію, буржуазія того времени неизбѣжно придавала большое значеніе, такъ какъ и самый созывъ Генеральныхъ Штатовъ былъ вызванъ необходимостью бороться съ финансовымъ раззореніемъ государства.

Не менѣе ясны были экономическія понятія людей Третьяго Сословія. Французская буржуазія читала и изучала труды отцовъ политической экономіи, Тюрго и Адама Смита. Она знала, что ихъ теоріи уже прилагаются въ Англіи и смотрѣла на экономическую организацію своихъ сосѣдей, англійскихъ буржуа, съ такою же завистью, какъ и на ихъ политическое могущество. Она мечтала о переходѣ земель въ руки буржуазіи, крупной и мелкой, и объ эксплуатаціи естественныхъ

богатствъ страны, остававшихся до сихъ поръ непроизводительными въ рукахъ дворянства и духовенства. И въ этомъ, ея союзницею являлась мелкая деревенская буржуазія, которой численность была уже значительна, раньше чѣмъ Революція увеличила этотъ классъ собственниковъ. Наконецъ, французская буржуазія уже представляла себѣ быстрое развитіе промышленности и крупнаго производства, благодаря машинамъ, заморской торговлѣ и вывозу промышленныхъ издѣлій; а затѣмъ ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупныя финансовыя предпріятія и быстрый ростъ огромныхъ состояній.

Она понимала, что для достиженія этого идеала, ей прежде всего требовалось порвать связь крестьянина съ деревней. Ей нужно было, чтобы крестьянинъ могъ, и вынужденъ былъ, покинуть свое родное гнѣздо и направиться въ городъ, для пріисканія какой нибудь работы; ей нужно было, чтобы онъ перемѣнилъ хозяина и началъ бы обогащать промышленность, вмѣсто того, чтобы платить помѣщику всякія повинности, хотя и очень тяжелыя для крестьянина, но въ сущности мало обогащавшія барина. Нужно было, наконецъ, чтобы въ финансахъ государства водворилось больше порядка, чтобы налоги было легче платить, и чтобы они, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносили больше дохода казнѣ.

Буржуазіи нужно было, однимъ словомъ, то, что политико-экономы называли свободой промышленности и торговли, то-есть, съ одной стороны, освобожденіе промышленности отъ мелочнаго и мертвящаго надзора государства, а съ другой стороны — полной свободы въ эксплуатаціи рабочаго, лишеннаго всякихъ правъ самозащиты. Уничтоженіе государственнаго вмѣшательства, которое только стѣсняло предпринимателя, уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и всякаго рода стѣснительныхъ законовъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтоженіе всѣхъ существовавшихъ до того времени ремесленныхъ союзовъ, гильдій, цеховой организаціи, которые могли бы ограничивать эксплуатацію наёмнаго труда. Полная

„свобода" договоровъ для хозяевъ — и строгое запрещеніе всякихъ соглашеній между рабочими. „Laissez faire" („Пусть дѣйствуютъ"), для однихъ, — и никакой возможности объединяться для другихъ.

Таковъ былъ двойной планъ, намѣчавшійся въ умахъ. И какъ только представилась къ тому возможность, французская буржуазія, сильная своими знаніями, яснымъ пониманіемъ своей цѣли и своимъ навыкомъ въ «дѣлахъ», взялась, уже не колеблясь ни относительно общей цѣли, ни относительно деталей, надъ проведеніемъ своихъ взглядовъ въ жизнь. Она принялась за дѣло такъ сознательно, съ такой энергіей и послѣдовательностью, какой совершенно не было у народа, — такъ какъ народъ не выработалъ, не создалъ себѣ идеала, который онъ могъ бы противопоставить, въ жизни, идеалу господъ членовъ Третьяго Сословія.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что буржуазія 1789 года руководилась исключительно узко-эгоистическими разсчетами. Если бы такъ было на дѣлѣ, она бы никогда ничего не добилась. Для большихъ преобразованій всегда нужна извѣстная доля идеализма. И дѣйствительно, лучшіе представители Третьяго Сословія воспитывались на философіи восемнадцатаго вѣка — этомъ глубокомъ источникѣ, носившемъ въ зародышѣ всѣ великія идеи позднѣйшаго времени. Истинно-научный духъ этой философіи, ея глубоко-нравственный характеръ — даже тамъ, гдѣ она осмѣивала условную мораль, — ея вѣра въ умъ, въ силу и величіе освобожденнаго человѣка, разъ только онъ будетъ жить въ обществѣ равныхъ себѣ, ея ненависть къ деспотическимъ учрежденіямъ, — все это мы находимъ у революціонеровъ того времени. Иначе, откуда почерпнули бы они силу своихъ убѣжденій и преданность имъ, которую они проявили въ великой борьбѣ?

Нужно также признать и то, что среди людей, больше всего работавшихъ надъ осуществленіемъ программы буржуазіи, нѣкоторые искренно вѣрили, что обогащеніе отдѣльныхъ лицъ — лучшій путь къ обогащенію

всего народа. Это писалось тогда, съ полнымъ убѣжденіемъ, лучшими политико-экономами, начиная съ Адама Смита.

Но, какъ бы ни были высоки отвлеченныя идеи свободы, равенства и свободнаго прогресса, одушевлявшія искреннихъ людей изъ буржуазіи 1789 — 1793 годовъ, мы должны судить объ этихъ людяхъ на основаніи ихъ *практической* программы, на основаніи *приложенія* ихъ теоріи къ жизни. Какъ воплотится данная отвлеченная идея въ дѣйствительной жизни? Вотъ что даетъ намъ мѣрило для ея оцѣнки.

И вотъ, хотя буржуазія 1789 года несомнѣнно вдохновлялась идеями свободы, равенства передъ закономъ) и политическаго и религіознаго освобожденія, мы видимъ однако, что какъ только эти идеи облекались въ плоть и кровь, онѣ выражались именно въ той двойной программѣ, которую мы только что изложили: свобода пользованія всевозможными богатствами въ видахъ личнаго обогащенія, и свобода эксплуатаціи человѣческаго труда, безъ всякой защиты для жертвъ этой эксплуатаціи. При этомъ — такая организація политической власти, переданной въ руки буржуазіи, при которой свобода этой эксплуатаціи была бы вполнѣ обезпечена. И мы скоро увидимъ, какая страшная борьба разгорѣлась въ 1793 году, когда часть революціонеровъ захотѣла пойти дальше этой программы, для дѣйствительнаго освобожденія народа.

III.

Народное дѣйствіе.

А народъ? Какова была его идея?

Народъ также испыталъ до нѣкоторой степени вліяніе философіи восемнадцатаго вѣка. Тысячами окольныхъ путей великіе принципы свободы и равенства проникали въ деревни и въ рабочіе кварталы большихъ городовъ. Почтеніе къ королевской власти и аристократіи исчезало. Идеи равенства доходили даже до самыхъ темныхъ угловъ. Въ умахъ вспыхивалъ уже огонёкъ возмущенія, бунта. Надежда на близкую перемѣну заставляла сильнѣе биться сердца у самыхъ забитыхъ людей. — „Не знаю, что̀ такое случится, но что-то должно случиться, и скоро," говорила въ 1787 году одна старуха Артуру Юнгу, путешествовавшему по Франціи наканунѣ революціи. Это „что-то" должно было принести облегченіе народному бѣдствію.

Недавно былъ поднятъ вопросъ о томъ, имѣлись ли элементы соціализма въ движеніи, предшествовавшемъ Революціи и въ самой Революціи? Слова „соціализмъ" тамъ, конечно, не было, потому что самое это слово появилось только въ половинѣ девятнадцатаго вѣка. Понятіе о государственномъ капитализмѣ, тогда, конечно не занимало того господствующаго положенія, которое оно заняло теперь, такъ какъ труды творцовъ соціальдемократическаго „коллективизма", Видаля и Пеккёра, появились только въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Но когда читаешь произведенія предвѣстниковъ Революціи, то поражаешься, видя насколько они проникнуты мыслями, составляющими сущность современнаго соціализма.

Двѣ основныя мысли — равенство всѣхъ гражданъ въ правѣ на землю, и то, что мы теперь называемъ коммунизмомъ, — насчитывали убѣжденныхъ сторонниковъ, какъ среди энциклопедистовъ, такъ и среди популярныхъ писателей того времени, какъ Мабли, д'Аржансонъ и многіе другіе, менѣе извѣстные. Такъ какъ крупная промышленность была тогда еще въ пелёнкахъ, и главнымъ капиталомъ, главнымъ орудіемъ эксплуатаціи человѣческаго труда, являлась *земля*, а не фабрика — только что возникавшая въ это время, — то понятно, что мысль философовъ, а позднѣе и мысль революціонеровъ восемнадцатаго вѣка, направлена была главнымъ образомъ на *владѣніе землею*. Мабли, повліявшій на дѣятелей Революціи гораздо больше чѣмъ Руссо, еще въ 1768 году требовалъ (въ своихъ „Сомнѣніяхъ въ естественномъ и основномъ порядкѣ обществъ" — „Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés") равенства всѣхъ въ правѣ на землю и общей собственности на нее. Право народа на всю поземельную собственность и на всѣ естественныя богатства — лѣса, рѣки, водопады и проч. — было господствующею идеею у предвѣстниковъ Революціи, а также и у лѣваго крыла народныхъ революціонеровъ во время самой революціонной бури.

Къ сожалѣнію, эти коммунистическія стремленія не выражались у мыслителей, желавшихъ блага народу, въ ясной, опредѣленной формѣ. Въ то время, какъ у просвѣщенной буржуазіи освободительныя идеи находили себѣ выраженіе въ цѣлой программѣ политической и экономической организаціи, — идеи народнаго освобожденія и экономическихъ преобразованій преподносились народу лишь въ формѣ неясныхъ тяготѣній къ чему-то. Нерѣдко, въ нихъ ничего не было, кромѣ простого отрицанія. Тѣ, которые обращались къ народу, не

старались выяснить, въ какую конкретную форму могутъ вылиться эти пожеланія или эти отрицанія. Они даже, какъ будто, не хотѣли выражаться болѣе точно. Сознательно или безсознательно, они какъ будто думали: „Къ чему говорить народу о томъ, какъ организоваться въ будущемъ! Это только охладитъ его революціонный порывъ. Пусть только у него хватитъ силъ для нападенія на старыя учрежденія. А тамъ видно будетъ, какъ устроиться".

Сколько соціалистовъ и анархистовъ разсуждаютъ по сію пору такимъ же образомъ! Нетерпѣливо стремясь приблизить день возстанія, они называютъ усыпляющими теоріями всякую попытку сколько-нибудь выяснить то, что Революція должна стараться ввести.

Нужно сказать также, что важную роль играло при этомъ незнакомство писателей — по большей части горожанъ и людей кабинетной работы, — съ формами промышленной и крестьянской народной жизни. Въ такомъ, напримѣръ, собраніи людей образованныхъ и опытныхъ въ „дѣлахъ" — юристовъ, журналистовъ, торговцевъ, — каково было Національное Собраніе, нашлось всего два или три законовѣда, хорошо знакомыхъ съ феодальными правами; извѣстно также, что представителей крестьянъ, знакомыхъ съ нуждами деревни по собственному опыту, было въ этомъ Собраніи весьма мало.

Вотъ почему мысль народа выражалась главнымъ образомъ въ формахъ чисто-отрицательныхъ. „Будемъ жечь уставныя грамоты (terriers), въ которыхъ записаны феодальныя повинности! Долой десятину: ничего не платить попамъ! Долой госпожу Вето (королеву Марію Антуанету)! На фонарь аристократовъ!" Но кому достанется освобожденная земля? Кому пойдетъ наслѣдство гильотинированныхъ аристократовъ? Кто завладѣетъ властью, ускользавшею изъ рукъ г-на Вето, и ставшею въ рукахъ буржуазіи гораздо большею силою, чѣмъ она была при старомъ порядкѣ? На эти вопросы не было отвѣта.

Это отсутствіе, у народа, яснаго понятія о томъ, чего онъ можетъ ждать отъ Революціи, наложило свой отпечатокъ на все движеніе. Въ то время, какъ буржуазія шла твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ обоснованію своей политической власти въ государствѣ, которое она старалась построить сообразно своимъ соображеніямъ, — народъ колебался. Особенно въ городахъ, онъ вначалѣ даже какъ будто не зналъ, какъ воспользоваться въ своихъ интересахъ завоеванною властью. А когда, впослѣдствіи, проэкты аграрныхъ законовъ и уравненія состояній стали намѣчаться болѣе ясно, имъ пришлось столкнуться съ собственническими предразсудками, которыми были проникнуты даже люди, искренно ставшіе на сторону народа.

Подобное же столкновеніе произошло и въ понятіяхъ о политическомъ устройствѣ государства. Оно особенно ярко замѣтно въ борьбѣ между правительственными предразсудками демократовъ того времени и новыми идеями, зарождавшимися въ массахъ относительно политической децентрализаціи и той преобладающей роли, которую народъ хотѣлъ предоставить своимъ городскимъ управамъ, „отдѣламъ“ (секціямъ) въ большихъ городахъ, и сельскому обществу въ деревняхъ. Изъ этого источника произошелъ цѣлый рядъ кровавыхъ столкновеній, вспыхнувшихъ при Конвентѣ. Изъ этого же произошла неопредѣленность результатовъ Революціи для народа, за исключеніемъ того, что касалось отнятія земель у свѣтскихъ и церковныхъ владѣтелей и освобожденія этихъ земель отъ феодальныхъ повинностей.

Но, если въ смыслѣ положительномъ идеи народа оставались неясными, то въ смыслѣ отрицательномъ онѣ были, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вполнѣ опредѣленны.

Во-первыхъ, ненависть бѣдняка ко всей праздной, лѣнивой, развращенной аристократіи, господствовавшей надъ нимъ, въ то время какъ гнетущая нужда царила въ деревняхъ и темныхъ закоулкахъ большихъ городовъ, была совершенно опредѣленна. Затѣмъ — его ненависть къ духовенству, которое по своимъ симпати-

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ямъ, принадлежало скорѣе къ аристократіи, чѣмъ къ кормившему его народу. Ненависть ко всѣмъ учрежденіямъ стараго порядка, которыя, не признавая за бѣдными никакихъ человѣческихъ правъ, дѣлали ихъ бѣдность еще болѣе тяжелой. Ненависть къ феодальному строю, съ его повинностями, удерживавшими крестьянъ въ подчиненіи помѣщику, хотя личная ихъ зависимость уже перестала существовать. Наконецъ — отчаяніе, овладѣвавшее крестьяниномъ въ неурожайные годы, когда онъ видѣлъ, какъ земля остается необработанной въ рукахъ помѣщиковъ и служитъ только для дворянскихъ развлеченій, въ то время какъ голодъ свирѣпствуетъ въ деревняхъ.

Вотъ эта-то ненависть, медленно назрѣвавшая втеченіе всего восемнадцатаго вѣка, по мѣрѣ того, какъ все рѣзче и рѣзче становился эгоизмъ богатыхъ, эта *потребность въ землѣ*, этотъ протестъ голоднаго и возмущеннаго крестьянина противъ помѣщика, не допускавшаго его до земли, и пробудили, начиная съ 1788 года, бунтовской духъ въ народѣ. Эта-же ненависть, эта-же потребность, вмѣстѣ съ надеждою на успѣхъ, поддерживали втеченіе 1789—1793 годовъ непрерывные крестьянскіе бунты, и эти бунты дали буржуазіи возможность свергнуть старый порядокъ и организовать свою власть на началахъ представительнаго правленія, а крестьянамъ и городскому пролетаріату — возможность окончательно освободиться отъ феодальной (крѣпостной) зависимости.

Безъ этихъ возстаній, безъ полной дезорганизаціи провинціальныхъ деревенскихъ властей, произведенной ими, безъ той готовности тотчасъ же вооружаться и идти противъ королевской власти по первому зову революціонеровъ, какую проявилъ народъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, — всѣ усилія буржуазіи остались бы, несомнѣнно, безъ результата. Но именно этому-то вѣчно-живому источнику Революціи — народу, готовому схватиться за оружіе — историки Революціи до сихъ поръ не отдали той справедливости, которую обязана отдать ему исторія цивилизаціи.

IV.

Народъ наканунѣ Революціи.

Излишне было бы долго останавливаться здѣсь на описаніи положенія крестьянства и бѣдныхъ классовъ городского населенія наканунѣ 1789 года. Всѣ историки великой Революціи посвятили этому предмету рядъ краснорѣчивыхъ страницъ. Народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ, взимаемыхъ Государствомъ, оброка платимаго помѣщику, десятины, получаемой духовенствомъ, и барщины, требуемой всѣми тремя. Населеніе цѣлыхъ мѣстностей было доведено до нищеты, въ каждой провинціи толпы въ пять, десять, двадцать тысячъ человѣкъ, мужчинъ, женщинъ, и дѣтей, бродили по большимъ дорогамъ. Въ 1777 году была оффиціально установлена цифра въ 1.100.000 нищихъ. Въ деревняхъ, голодъ сталъ хроническимъ; онъ повторялся черезъ короткіе промежутки времени и опустошалъ цѣлыя провинціи. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь лучшія условія — надеждѣ, конечно, тщетной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городахъ число бѣдныхъ росло съ каждымъ годомъ. Хлѣба постоянно не хватало, а такъ какъ городскія управы оказывались

неспособными доставить на рынки нужное количество хлѣба, то голодные бунты, всегда сопровождавшіеся избіеніями народа, стали обычнымъ явленіемъ въ жизни Франціи.

Съ другой стороны, изнѣженная аристократія восемнадцатаго вѣка растрачивала въ безумной, нелѣпой роскоши громадныя состоянія — сотни тысячъ, милліоны франковъ годового дохода. Реакціонные историки, въ родѣ Тэна, могутъ конечно приходить въ восторгъ отъ ихъ образа жизни, потому что они видятъ его издали, сто лѣтъ спустя, и знаютъ только по книгамъ; но въ дѣйствительности, за регулируемыми танцмейстеромъ внѣшними формами, за всею ихъ шумною расточительностью, скрывалась самая грубая чувственность, отсутствіе всякаго интереса, всякой мысли, даже простыхъ человѣческихъ чувствъ. *Скука*, поэтому, постоянно стучалась въ дверь этихъ богачей, и чтобы развлечься, они прибѣгали ко всякимъ, даже самымъ пустымъ, даже самымъ ребяческимъ забавамъ.

Что такое представляли собою эти аристократы — ясно обнаружилось, впрочемъ, когда разразилась Революція, и когда всѣ они, нисколько не думая защищать „своего“ короля и „свою“ королеву, поспѣшили бѣжать за-границу и призывать оттуда иностранцевъ, чтобы они защитили ихъ отъ возставшаго народа. Ихъ нравственное достоинство и степень „благородства“ ихъ характеровъ достаточно обнаружились также въ жизни колоній этихъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, Брюсселѣ, Туринѣ, Митавѣ.

Контрасты роскоши съ нищетой, которыми такъ изобиловалъ восемнадцатый вѣкъ, были прекрасно описаны всѣми историками великой Революціи. Къ нимъ нужно прибавить только одну черту, значеніе которой особенно ясно выступаетъ передъ нами, при изученіи современнаго положенія крестьянъ въ Россіи.

Бѣдственное положеніе громаднаго большинства французскаго крестьянства было несомнѣнно ужасно. Оно, не переставая, ухудшалось, съ самого начала царство-

ванія Людовика XIV, по мѣрѣ того, какъ росли государственные расходы, а роскошь помѣщиковъ принимала тотъ утонченный и сумасбродный характеръ, на который ясно указываютъ нѣкоторые мемуары того времени. Особенно невыносимыми дѣлались требованія помѣщиковъ отъ того, что значительная часть аристократіи была въ сущности раззорена, но скрывала свою бѣдность подъ внѣшнею роскошью, а потому старалась выжать изъ крестьянъ какъ можно больше дохода, требуя отъ нихъ уплаты мельчайшихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, когда-то установленныхъ обычаемъ. Черезъ посредство своихъ управляющихъ, дворяне обращались съ крестьянами съ суровостью настоящихъ ростовщиковъ. Обѣдненіе дворянства превратило дворянъ, въ ихъ отношеніяхъ съ бывшими крѣпостными, въ настоящихъ буржуа, жадныхъ до денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособныхъ найти какіе-нибудь другіе источники дохода, кромѣ эксплуатаціи старыхъ привилегій — остатковъ феодальной эпохи, т. е. крѣпостного права. Вотъ почему мы находимъ въ историческихъ документахъ прямыя указанія на то, что требовательность помѣщиковъ по отношенію къ платежамъ крестьянъ замѣтно усилилась за послѣдніе пятнадцать лѣтъ передъ 1789-мъ годомъ, въ царствованіе Людовика XVI.

Но если историки великой Революціи вполнѣ правы, когда рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе крестьянъ, было бы ошибочно утверждать, что другіе историки (напр. Токвиль), ошибаются, когда говорятъ объ *улучшеніи* положенія деревенскаго населенія. Въ дѣйствительности, въ деревняхъ наблюдалось двоякое явленіе: обѣдненіе крестьянской массы, и улучшеніе положенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Крестьянскія массы раззорялись. Съ каждымъ годомъ ихъ существованіе становилось все болѣе и болѣе неустойчивымъ; малѣйшая засуха вела къ недороду и голоду. Но рядомъ съ этимъ создавался — особенно тамъ гдѣ раздробленіе дворянскихъ имѣній шло быстрѣе —

новый классъ отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянъ, стремившихся подняться надъ своими односельчанами. На сцену явились деревенскіе буржуа, обуржуазившіеся крестьяне, и именно они, передъ Революціей, стали первые протестовать противъ феодальныхъ платежей и требовать ихъ уничтоженія. Именно они втеченіе четырехъ или пяти лѣтъ Революціи, упорно требовали, чтобы отмѣна феодальныхъ правъ произведена была *безъ выкупа*, посредствомъ конфискаціи дворянскихъ земель и ихъ раздробленія; и они же, въ 1793 году, ожесточеннѣе всѣхъ нападали на разныхъ „бывшихъ“ (ci-devant) — бывшихъ дворянъ, бывшихъ помѣщиковъ.

Въ разсматриваемый моментъ, наканунѣ Революціи, именно благодаря имъ, — крестьянамъ, занимавшимъ видное положеніе въ деревнѣ, — надежда стала проникать въ села, и сталъ назрѣвать бунтовской духъ.

Слѣды этого пробужденія очень ясны: начиная съ 1786 года возстанія учащаются все болѣе и болѣе. И нужно сказать, что если отчаяніе и нищета толкали народъ къ бунту, то надежда на улучшеніе вела его къ революціи.

Какъ и всѣ революціи, революція 1789 года совершилась, благодаря надеждѣ достигнуть тѣхъ или иныхъ крупныхъ результатовъ. Безъ этого, не бываетъ революцій.

V.

Бунтовской духъ. Возстанія.

Всякое новое царствованіе почти всегда начинается какими нибудь реформами. Такъ же началось и царствованіе Людовика XVI-го. Черезъ два мѣсяца послѣ своего восшествія на престолъ король призвалъ въ министерство Тюрго, а мѣсяцъ спустя назначилъ его главнымъ контролёромъ финансовъ. Вначалѣ онъ даже защищалъ его противъ той рѣзкой враждебности, которую Тюрго — политико-экономъ, буржуа, бережливый правитель и врагъ тунеядствующей аристократіи — долженъ былъ неминуемо встрѣтить при Дворѣ.

Провозглашеніе свободы хлѣбной торговли въ сентябрѣ 1774 года*), отмѣна барщины въ 1776 году и уничтоженіе въ городахъ старыхъ корпорацій и цеховыхъ старшинъ, служившихъ только къ поддержанію своего рода промышленной аристократіи — всѣ эти мѣры неизбѣжно должны были возбудить въ народѣ

*) До этого времени, фермеръ не могъ продавать свой хлѣбъ раньше чѣмъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ его уборки. Это было исключительное право помѣщика, — феодальная привилегія, дававшая ему возможность продавать хлѣбъ по болѣе высокой цѣнѣ. Во многихъ мѣстахъ существовали также внутреннія заставы, воздвигнутыя крупными помѣщиками, на которыхъ взималась пошлина при ввозѣ или вывозѣ хлѣба.

нѣкоторую надежду на реформы. Видя, какъ падаютъ внутреннія таможни, воздвигнутыя по всей Франціи помѣщиками и мѣшавшія свободному обращенію хлѣба, соли и другихъ предметовъ первой необходимости, бѣдняки радовались этому началу уничтоженія возмутительныхъ привилегій дворянства. Болѣе зажиточные крестьяне радовались также отмѣнѣ круговой поруки. Наконецъ, въ 1779 году были уничтожены право „мертвой руки“ и личная крѣпостная зависимость въ помѣстьяхъ короля, а въ слѣдующемъ году рѣшено было отмѣнить пытку, все еще практиковавшуюся до того времени въ уголовныхъ дѣлахъ, въ самыхъ ужасныхъ формахъ, установленныхъ еще указомъ 1670 года*).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали говорить и о представительномъ правленіи — такомъ, какое ввели у себя англичане послѣ своей революціи и къ какому стремились многіе писатели-философы. Тюрго даже выработалъ въ этомъ смыслѣ планъ провинціальныхъ земскихъ собраній, за которыми должно было послѣдовать введеніе представительнаго правленія во всей Франціи и созывъ парламента изъ выборныхъ отъ имущихъ классовъ. Людовикъ XVI испугался однако этого проэкта и далъ отставку Тюрго; но тогда вся просвѣщенная Франція заговорила о Конституціи и народномъ представительствѣ**).

*) Декларація 24 Августа 1780 года. Колесованіе, впрочемъ, продержалось и существовало еще въ 1785 году. Несмотря на все вольтеріанство того времени и на общее смягченіе нравовъ, парламенты (такъ назывались областные суды, на которыхъ лежала также, какъ на русскомъ Сенатѣ, обязанность опубликованія королевскихъ указовъ) продолжали оставаться ярыми защитниками пытки, которая была окончательно уничтожена только Національнымъ Собраніемъ. Интересно (см. E. Seligman, „La Justice en France pendant la Révolution“, стр. 97), что Бриссо, Маратъ и Робеспьеръ содѣйствовали своими писаніями реформѣ уголовнаго кодекса.

**) Любопытно отмѣтить доводы, на которыхъ основывался Людовикъ XVI. Я резюмирую ихъ по труду E. Semichon'a „Les réformes sous Louis XVI: Assemblées pro-

Уклониться отъ этого вопроса, вообще, теперь было уже невозможно, и съ назначеніемъ, въ 1777 году, министромъ Неккера, онъ снова выступилъ на очередь. Неккеръ, умѣвшій угадывать мнѣнія своего господина и старавшійся примирить его самодержавныя стремленія съ финансовыми необходимостями, попробовалъ было лавировать. Онъ предложилъ сначала созывъ провинціальныхъ земскихъ собраній, говоря о возможности народнаго представительства, только какъ о вопросѣ отдаленнаго будущаго. Но онъ встрѣтилъ со стороны Людовика XVI рѣшительный отказъ. „Не прекрасно-ли будетъ, писалъ хитрый финансистъ, если Ваше Величество, сдѣлавшись посредникомъ между Вашими высшими сословіями и народомъ, будетъ проявлять свою власть только для указанія границъ между строгостью и справедливостью," — на что Людовикъ XVI отвѣтилъ: *„Въ природѣ моей власти быть не посредникомъ, а главою."* Эти слова не мѣшаетъ запомнить, въ виду чувствительныхъ фразъ, которыя въ послѣднее время историки изъ реакціоннаго лагеря стали преподносить своимъ читателямъ. Людовикъ XVI вовсе не былъ тѣмъ безразличнымъ, безобиднымъ, добродушнымъ человѣкомъ, занятымъ только охотой, какимъ хотятъ его изобразить. *Втеченіе пятнадцати лѣтъ*, вплоть до 1789

---

vinciales et parlements" Парижъ, 1876, стр. 57). Проэкты Тюрго казались Людовику XVI опасными, и онъ писалъ: „Будучи созданіемъ человѣка съ хорошими намѣреніями, его конституція можетъ перевернуть весь современный порядокъ." И дальше: „Система избранія на основаніи ценза создаетъ недовольныхъ среди неимѣющихъ собственности, а если позволить собираться симъ послѣднимъ, то этимъ будетъ посѣянъ безпорядокъ." „Переходъ отъ существующаго режима къ тому, который предлагаетъ г. Тюрго, заслуживаетъ вниманія; то, что есть, ясно видно, но то, что еще не существуетъ, можно только представлять себѣ въ воображеніи; не слѣдуетъ пускаться въ опасныя предпріятія, цѣль которыхъ не совсѣмъ видна." См. въ приложеніи А къ книгѣ Semichon'a очень интересный списокъ главныхъ законовъ, изданныхъ при Людовикѣ XVI между 1774 и 1789 годами.

года, онъ съумѣлъ противодѣйствовать настоятельно чувствовавшейся потребности въ новыхъ политическихъ формахъ, которыя замѣнили бы королевское своеволіе и положили бы конецъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ стараго порядка.

Главнымъ оружіемъ Людовика XVI-го была хитрость: онъ уступалъ только подъ вліяніемъ страха, и сопротивлялся — все тѣмъ же оружіемъ: хитростью и лицемѣріемъ — не только вплоть до 1789 года, но и до самой послѣдней минуты, вплоть до подножія эшафота. Во всякомъ случаѣ, въ 1778 году, когда болѣе или менѣе дальновиднымъ людямъ, какъ Тюрго и Неккеру, уже было ясно, что королевское самовластіе отжило свой вѣкъ, и что пришло время замѣнить его какою нибудь формою народнаго представительства, Людовика XVI-го удалось подвинуть только на незначительныя уступки. Онъ созвалъ провинціальныя собранія въ Берри и въ Верхней Гюйеннѣ (въ 1778 и 1779 годахъ); но въ виду сопротивленія привилегированныхъ классовъ планъ распространенія этихъ собраній на другія провинціи былъ оставленъ, и въ 1781 году Неккеръ получилъ отставку.

Между тѣмъ революція въ Америкѣ сильно способствовала пробужденію умовъ и распространенію духа свободы и республиканскаго демократизма. 4-го іюля 1776 года, сѣверо-американскія англійскія колоніи провозгласили свою независимость, а въ 1778 году новые „Соединенные Штаты“ были признаны Франціею, что вызвало войну съ Англіей, длившуюся до 1783-го года. Всѣ историки говорятъ о впечатлѣніи, произведенномъ этою войною на умы. Возстаніе англійскихъ колоній и образованіе ими Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительно имѣли вліяніе на Францію и сильно содѣйствовалипробужденію революціоннаго духа. Извѣстно также, что Декларація правъ, выработанныя въ молодыхъ американскихъ Штатахъ, оказали глубокое вліяніе на французскихъ революціонеровъ. Можно, пожалуй, указать и на то, что американская война, въ которой Франціи пришлось создать цѣлый флотъ, чтобы противупоставить

его англійскому, окончательно раззорила финансы стараго режима и ускорила его крушеніе. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что эта война положила начало цѣлому ряду ожесточенныхъ войнъ Англіи противъ Франціи, а также и коалиціи, направленной ею впослѣдствіи противъ Республики. Какъ только Англія оправилась отъ своихъ пораженій и почувствовала, что Франція ослаблена внутреннею борьбою, она повела противъ нея, всѣми способами, явными и тайными, рядъ войнъ, начавшихся ожесточенною войною 1793 года и продолжавшихся вплоть до 1815-го года.

Всѣ эти причины Великой Революціи необходимо указать, потому что, какъ всякое событіе крупной важности, она явилась послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, сошедшихся въ извѣстный моментъ и создавшихъ тѣхъ людей, которые, въ свою очередь, усилили дѣйствіе этихъ причинъ. Но нужно напомнить также и то, что несмотря на всѣ подготовлявшія революцію причины, несмотря на весь умъ и на все честолюбіе буржуазіи, эта послѣдняя, со свойственной ей осторожностью, еще долго продолжала бы ждать, если бы народъ не ускорилъ ходъ событій. Народные бунты, возросшіе въ силѣ и численности, и неожиданно принявшіе крупные размѣры, были тѣмъ новымъ элементомъ, который придалъ буржуазіи недостававшую ей наступательную силу.

Эти бунты начались съ самаго вступленія на престолъ Людовика XVI-го. Во все время царствованія Людовика XV-го народъ терпѣлъ нищету и угнетеніе; но какъ только, въ 1774 году, король умеръ, народъ, отлично понимая что при всякой перемѣнѣ хозяина во дворцѣ, власть ослабѣваетъ, началъ возставать. Между 1775 и 1777 годами вспыхнулъ цѣлый рядъ бунтовъ.

Это были голодные бунты. Урожай 1774 года былъ плохъ, хлѣба не хватало. Тогда, въ апрѣлѣ 1775 года, начались бунты. Въ Дижонѣ народъ завладѣлъ домами скупщиковъ-хлѣботорговцевъ, разгромилъ ихъ мебель, разломалъ ихъ мельницы. Тогда-то комендантъ города

— одинъ изъ тѣхъ изящныхъ, утонченныхъ господъ, о которыхъ говоритъ съ такимъ восхищеніемъ Тэнъ — и произнесъ въ обращеніи къ народу, тѣ роковыя слова, которыя потомъ столько разъ повторялись во время Революціи противъ дворянъ: „*Трава уже выросла — топчите, топчите ее!*“

Оксеръ, Аміенъ, Лилль послѣдовали примѣру Дижона. Черезъ нѣсколько дней „разбойники“ — такъ называетъ большинство историковъ голодныхъ бунтовщиковъ, — собравшись въ Понтуазѣ, въ Пуасси, въ Сенъ-Жерменѣ съ намѣреніемъ разграбить склады муки, направились въ Версаль. Людовику XVI-му пришлось выйти на балконъ дворца, говорить съ ними и обѣщать что цѣна на хлѣбъ будетъ понижена на два су (около 4 коп.), — чему Тюрго, какъ истинный экономистъ, конечно, воспротивился. Цѣна на хлѣбъ не была понижена. Въ то же время „разбойники“ вошли въ Парижъ, разграбили булочныя и роздали толпѣ хлѣбъ, который успѣли захватить. Войска разсѣяли ихъ. Двое бунтовщиковъ были повѣшены на площади Грэвы и, умирая, они кричали, что умираютъ за народъ.

Съ этого времени создаётся легенда о „разбойникахъ“, странствующихъ по Франціи, — легенда, которая сыграла такую важную роль лѣтомъ 1789 года, когда она послужила городской буржуазіи предлогомъ, чтобы вооружиться. Съ этого же времени въ Версали начинаютъ расклеивать прокламаціи, направленныя противъ короля и его министровъ и угрожающія, если цѣна на хлѣбъ останется та-же, казнить короля на другой день послѣ коронаціи, или уничтожить всю королевскую семью. Съ этого же времени въ провинціи начинаютъ распространяться подложные правительственные указы. Въ одномъ изъ нихъ говорится, что Совѣтъ назначилъ таксу на зерновой хлѣбъ, въ двѣнадцать ливровъ за сетье.

Эти бунты были, правда, подавлены, но они оставили глубокій слѣдъ. Началась ожесточенная борьба между партіями. Брошюры сыпались отовсюду; въ однѣхъ об-

виняли министровъ, въ другихъ говорилось о заговорѣ принцевъ противъ короля, въ третьихъ нападали на королевскую власть. Словомъ, при общемъ возбужденномъ состояніи умовъ, народный бунтъ явился искрой, упавшей на порохъ. Заговорили объ уступкахъ народу, о чемъ раньше никогда не думали: открыты были общественныя работы; уничтоженъ былъ налогъ на помолъ — что̀ послужило народу, въ окрестностяхъ Руана, поводомъ къ разнымъ слухамъ: говорили, что всѣ помѣщичьи права уничтожены, и крестьяне стали отказываться (въ іюлѣ) отъ платежа повинностей. Однимъ словомъ, недовольные видимо не теряли времени и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы расширить народныя возстанія.

Разсказать въ послѣдовательности обо всѣхъ народныхъ бунтахъ въ царствованіе Людовика XVI невозможно: для этого нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Историки мало занимаются этимъ вопросомъ, архивы не использованы, и только случайно приходится встрѣчать указанія на то, что въ томъ или другомъ мѣстѣ были „безпорядки“. Въ Парижѣ, напримѣръ, они происходили послѣ уничтоженія цеховыхъ судовъ въ 1776 году; въ томъ же году по всей Франціи были довольно серьезные бунты, вызванные слухами объ отмѣнѣ барщины и подушной подати, платившейся помѣщику. Нѣкоторыя печатныя данныя, которыя мнѣ пришлось изучать, указываютъ, однако, на то, что въ промежуткѣ между 1777 и 1783 годами число бунтовъ нѣсколько уменьшилось; возможно, что на это повліяла до нѣкоторой степени американская война, а также лучшіе урожаи.

Съ 1782 и 1783 года бунты, однако, возобновляются и идутъ, все усиливаясь, до самой Революціи. Въ 1782 году было возстаніе въ Пуатье; въ 1786 — въ Визилѣ; отъ 1783 до 1787 — въ Севеннахъ, въ Виварэ и въ Жеводанѣ. Недовольные, которыхъ называли „маскаратами“ (mascarats), врывались въ суды, къ нотаріусамъ и прокурорамъ, и жгли всѣ акты и контракты, чтобы отомстить такъ называемымъ praticiens (мелкимъ

адвокатамъ), сѣявшимъ раздоры между крестьянами и возбуждавшимъ всевозможные процессы. Трое вожаковъ было повѣшено, остальные — отправлены въ каторжныя работы; но безпорядки возобновились при первомъ же случаѣ, а именно, при закрытіи парламентовъ*). Въ 1786 году возсталъ Ліонъ (Chassin, Génie de la Révolution). Ткачи, обработывающіе шелкъ, забастовали; имъ обѣщали повышеніе заработной платы — и тѣмъ временемъ вызвали войска; произошло столкновеніе, и троихъ зачинщиковъ повѣсили. Съ этого времени, Ліонъ становится очагомъ возстаній, и когда въ 1789 году были назначены выборы, выборщиками избраны были тѣ самые, которые принимали участіе въ бунтѣ 1786 года.

Иногда возстанія принимаютъ религіозный характеръ, иногда они являются въ видѣ сопротивленій при наборѣ солдатъ (всякій наборъ милиціи, говоритъ гдѣ-то Тюрго, сопровождается бунтомъ); иногда народъ возстаетъ противъ налога на соль, или же отказывается платить десятину. Такъ или иначе, бунты происходятъ постоянно, и многочисленнѣе всего они на востокѣ, на юго-востокѣ и на сѣверо-востокѣ Франціи — будущихъ очагахъ Революціи. Они разростаются все больше и больше, и наконецъ, въ 1788 году, послѣ роспуска судебныхъ учрежденій, называвшихся въ то время парламентами, и назначенія, въ замѣну ихъ, другихъ судовъ (cours plénières), возстанія охватываютъ почти всю Францію.

Для народа, конечно, не было большой разницы между парламентомъ и „cour plénière“. Если парламенты иногда и отказывались зарегистровать какой нибудь королевскій указъ, или министерское распоряженіе, то они, съ другой стороны, не проявляли никакого вниманія къ народнымъ нуждамъ. Но парламенты сопротивлялись Двору — и этого было достаточно; когда послан-

*) C. de Vic и J. de Vaissette „Histoire générale du Languedoc“, продолженіе составилъ Du Mège; 10 томовъ, 1840—1846.

ные буржуазіи и парламентовъ являлись просить у народа поддержки, народъ, охотно начиналъ волноваться, чтобы выразить свой протестъ противъ Двора и богачей:

Въ іюнѣ 1787 года парижскій Парламентъ пріобрѣлъ себѣ популярность тѣмъ, что отказалъ Двору въ деньгахъ. Законъ требовалъ, чтобы королевскіе эдикты заносились въ парламентскіе реэстры для обнародованія, и парижскій парламентъ охотно исполнилъ это по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ: о хлѣбной торговлѣ, о созывѣ провинціальныхъ собраній и о барщинѣ. Но онъ отказался отъ регистраціи эдикта, устанавливавшаго новые налоги: новую „поземельную субсидію" и новый штемпельный сборъ. Тогда король созвалъ особое королевское засѣданіе, называвшееся lit de justice, и заставилъ зарегистрировать свои указы. Парламентъ выразилъ протестъ, и тѣмъ завоевалъ себѣ симпатіи, и буржуазіи, и народа. Во время каждаго засѣданія парижскаго парламента, около зданія суда собиралась цѣлая толпа: писцы разныхъ судебныхъ мѣстъ, любопытные и люди изъ народа толкались у дверей и устраивали овація членамъ парламента. Чтобы положить этому конецъ, король сослалъ парламентъ въ Труа; но тогда въ Парижѣ начались всеобщія демонстраціи, и народная ненависть была направлена — уже тогда — главнымъ образомъ противъ принцевъ (въ особенности противъ герцога Артуа) и противъ королевы, получившей прозвище *Госпожа Дефицитъ*.

Парижская палата денежныхъ сборовъ, поддерживаемая народными волненіями, а также и всѣ провинціальные парламенты и суды, выразили протестъ противъ ссылки парижскаго парламента, и такъ какъ волненія все усиливались, то королю пришлось, 9-го сентября, вернуть обратно сосланный парламентъ, причемъ это конечно подало поводъ къ новымъ демонстраціямъ въ Парижѣ, во время которыхъ жгли чучело, изображавшее министра Калонна.

Эти волненія происходили преимущественно среди мелкой буржуазіи. Но въ другихъ мѣстахъ они принимали и болѣе народный характеръ.

Въ 1788 году возстаніе вспыхнуло въ Бретани. Когда комендантъ города Ренна и интендантъ (губернаторъ) этой провинціи явились въ зданіе суда, чтобы объявить парламенту Бретани указъ о его упраздненіи, весь городъ поднялся. Толпа осыпала оскорбленіями и даже поимла коменданта и губернатора. Дѣло въ томъ, что народъ ненавидѣлъ интенданта, Бертрана де Мольвиля, а буржуазія, пользуясь этимъ, распространяла слухъ, что все это — дѣло его рукъ. „Это чудовище слѣдуетъ задушить", говорилось въ одномъ изъ листковъ, распространявшихся въ толпѣ. Когда Мольвиль вышелъ изъ суда, въ него стали бросать камнями и нѣсколько разъ пытались набросить на него веревку съ затяжной петлей. Были вызваны войска, и сраженіе готово было уже начаться, но молодежь дезорганизовала войска: одинъ изъ офицеровъ бросилъ свою шпагу и присоединился къ народу.

Мало по малу подобныя волненія распротранялись и на другіе города Бретани; затѣмъ крестьяне поднялись въ свою очередь во время нагрузки хлѣба въ Кемперѣ, Сенъ-Бріё, Морлэ, Поръ-л'Аббэ, Ламбалѣ и проч. Интересно отмѣтить дѣятельную роль, которую играли въ этихъ безпорядкахъ реннскіе студенты, присоединившіеся къ возстанію*).

Въ Дофинэ, въ особенности въ Гренобльѣ, движеніе приняло еще болѣе серьезный характеръ. Какъ только комендантъ, Клермонъ-Тонэръ, опубликовалъ указъ о распущеніи парламента, населеніе Гренобля поднялось. Забили въ набатъ; звуки его донеслись скоро до сосѣднихъ деревень, и крестьяне сбѣжались въ городъ. Произошло кровопролитное столкновеніе, было много

*) См. Du Châtelier, „Histoire de la Révolution dans les départements de l'ancienne Bretagne", 6 томовъ, 1836, т. II, стр. 60—70, 161 и слѣд.

убитыхъ. Стража, охранявшая коменданта, оказалась безсильной: его дворецъ былъ разгромленъ. Самъ Клермонъ-Тонэръ, подъ угрозою поднятаго надъ его головою топора, долженъ былъ отмѣнить королевскій указъ.

Здѣсь дѣйствовалъ народъ, особенно женщины. Что касается членовъ парламента, то народу было трудно даже разыскать ихъ. Они спрятались и писали въ Парижъ, что возстаніе произошло противъ ихъ воли. Когда народъ нашелъ ихъ, ему пришлось держать ихъ какъ плѣнниковъ, потому что ихъ присутствіе придавало возстанію видъ законности. Плѣнныхъ членовъ парламента сторожили женщины: онѣ боялись довѣрить это дѣло мужчинамъ, изъ опасенія, чтобы тѣ ихъ не выпустили.

Гренобльская буржуазія, очевидно, испугалась этого народнаго возстанія; ночью же она организовала свою милицію, которая завладѣла городскими воротами и военными постами и потомъ передала ихъ въ руки войска. Противъ возставшихъ были выставлены пушки, а члены парламента воспользовались темнотою, чтобы убѣжать. Отъ 9-го до 14-го іюня реакція торжествовала; но 14-го узнали, что въ Безансонѣ произошло возстаніе, и что швейцарцы отказались тамъ стрѣлять по народу, и это вновь подняло духъ: заговорили даже о созывѣ Провинціальныхъ Штатовъ. Но изъ Парижа были присланы новыя войска, и волненіе мало по малу утихло. Тѣмъ не менѣе броженіе, поддерживаемое въ особенности женщинами, продолжалось еще нѣкоторое время (см. Vie et Vaissette, т. X, стр. 637).

Помимо этихъ двухъ возстаній, о которыхъ упоминаютъ всѣ историки, было въ то же время еще много другихъ: въ Провансѣ, въ Лангедокѣ, въ Руссильонѣ, въ Беарнѣ, во Фландріи, въ Франшъ-Контэ и въ Бургундіи. Тамъ, гдѣ не было настоящихъ возстаній, общимъ возбужденіемъ все таки пользовались, чтобы поддерживать волненія и устраивать демонстраціи.

Въ Парижѣ праздновались многочисленными демонстраціями отставку архіепископа Сансъ, бывшаго до того министромъ. Для охраны Новаго Моста (Pont Neuf) была выставлена военная сила, и произошло нѣсколько столкновеній между войскомъ и народомъ, вожаками котораго, замѣчаетъ Бертранъ де Мольвиль въ своихъ Запискахъ (стр. 136), „были тѣ самые люди, которые впослѣдствіи принимали участіе во всѣхъ народныхъ движеніяхъ во время революціи". Интересно письмо Маріи Антуанеты къ графу Мерси, отъ 24 августа 1788 года, въ которомъ она говоритъ о своихъ опасеніяхъ, сообщаетъ объ отставкѣ архіепископа Санса и разсказываетъ, что она хлопочетъ о томъ, чтобы вернули Неккера. Изъ этого письма ясно видно, какое впечатлѣніе производили на Дворъ эти уличныя сборища. Королева предвидитъ, что возвращеніе Неккера „ослабитъ королевскую власть"; она боится „какъ-бы не пришлось назначить премьеръ-министра", но „время не терпитъ". Нужно непремѣнно, чтобы Неккеръ согласился*).

Три недѣли спустя, при извѣстіи объ отставкѣ Ламуаньона, начались новыя сборища. Толпа бросилась поджигать дома двухъ министровъ — Ламуаньона и Бріенна, — а также и домъ Дюбуа. Были призваны войска, и на улицахъ Мэле и Гренелль произошло „страшное избіеніе этихъ несчастныхъ, которые даже не защи-

*) J. Feuillet de Conches, „Lettres de Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Elisabeth", Парижъ, 1864 г., т. I, стр. 214—216. „Вчера вечеромъ, пишетъ королева, аббатъ написалъ вамъ и сообщилъ о моемъ желаніи. Больше чѣмъ когда нибудь я думаю, что время не терпитъ, и что необходимо, чтобы онъ (Неккеръ) согласился. Король вполнѣ со мной согласенъ, онъ только что принесъ мнѣ бумагу, написанную его рукою, съ изложеніемъ его мнѣній, копію съ которой я вамъ посылаю." На другой день она пишетъ опять: „Колебаться больше нечего. Если онъ можетъ приняться за дѣла завтра же, тѣмъ лучше. Дѣло очень спѣшное... Я боюсь, чтобы не пришлось назначить премьеръ-министра", т. е. составить министерство.

щались". Дюбуа бѣжалъ изъ Парижа. Иначе, „народъ устроилъ бы свой самосудъ", говорятъ „Два друга свободы".

Позднѣе, въ октябрѣ 1788 года, когда сосланный въ Труа парламентъ былъ возвращенъ, „клерки и чернь" устраивали, нѣсколько вечеровъ подъ рядъ, иллюминаціи на площади Дофинъ. Они выпрашивали у прохожихъ денегъ на фейерверки, заставляли господъ выходить изъ своихъ экипажей и кланяться статуѣ Генриха IV-го, жгли куклы, изображавшія любимцевъ Двора, — Калонна, Бретёйля, герцогиню Полиньякъ. Собирались также жечь изображеніе королевы. Мало по малу эти сборища распространились и на другіе кварталы, и чтобы разогнать ихъ вызваны были войска. Произошло кровопролитіе, и на площади Грэвы было много убитыхъ и раненыхъ; но такъ какъ арестованныхъ судили члены Парламента, то они отдѣлались легко.

Вотъ какъ возбуждался и распространялся революціонный духъ наканунѣ Революціи*). Починъ шелъ отъ буржуазіи, особенно отъ мелкой; но, вообще говоря, буржуа старались не компрометироваться, и очень немногіе изъ нихъ рѣшались, до созыва Генеральныхъ Штатовъ, болѣе или менѣе открыто сопротивляться Двору. Если бы не было ничего другого, кромѣ рѣдкихъ случаевъ ихъ протеста, Франція еще много лѣтъ ждала бы низверженія королевскаго самоволія. Къ счастію, много разныхъ причинъ толкали къ возстанію народныя массы; и, несмотря на то, что за каждымъ бунтомъ слѣдовали висѣлицы, массовые аресты и даже пытки арестованныхъ, народъ, доведенный до отчаянія нищетой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, движимый тою смутною надеждою, о которой говорила старуха Артуру Юнгу, всё таки возставалъ. Онъ поднимался противъ интендантовъ провинцій, противъ сборщиковъ

*) Для болѣе подробныхъ свѣдѣній см. Félix Roquain, „L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution". Парижъ, 1878.

податей, противъ сборщиковъ соляного налога, даже противъ самого войска, и такимъ образомъ, разстраивалъ правительственный механизмъ.

Начиная съ 1788 года, крестьянскіе бунты становятся такимъ общимъ явленіемъ, и подати такъ плохо поступаютъ въ казну, что на государственные расходы не хватаетъ средствъ; тогда Людовикъ XVI, втеченіе четырнадцати лѣтъ отказывавшійся собрать представителей народа, изъ опасенія что отъ этого пострадаетъ его королевская власть, оказался вынужденнымъ созвать, сначала, Собраніе Нотаблей (почетныхъ людей) и наконецъ, — Генеральные Штаты.

VI.

Необходимость созыва Генеральныхъ Штатовъ.

Для всякаго, кто зналъ положеніе Франціи, было ясно, что безотвѣтственное управленіе Дворомъ болѣе не можетъ продолжаться. Нищета въ деревняхъ все росла и росла, и съ каждымъ годомъ становилось труднѣе собирать подати и, кромѣ того, заставлять крестьянина платить еще повинности помѣщику и отбывать всевозможные виды барщины по приказу провинціальной администраціи. Одни налоги поглощали больше половины, а иногда и больше двухъ-третей того, что крестьянинъ могъ заработать впродолженіе года. Нищенство, съ одной стороны, и бунтъ — съ другой, становились обычнымъ явленіемъ въ деревняхъ. Да и не только крестьяне протестовали и возставали теперь. Буржуазія тоже громко выражала недовольство. Правда, она пользовалась раззореніемъ крестьянъ, чтобы вовлекать ихъ въ промышленность, пользовалась и демонализаціей въ администраціи, и безпорядкомъ въ финансовыхъ дѣлахъ, чтобы завладѣвать всевозможными монополіями и обогащаться на государственныхъ зай-

махъ. Однако, долго это не могло продержаться. Втеченіе нѣкотораго времени буржуазія можетъ отлично уживаться съ королевскимъ самовластіемъ и правленіемъ Двора. Но приходитъ моментъ, когда она начинаетъ бояться за свои монополіи, за деньги, данныя ею взаймы государству, за пріобрѣтенную земельную собственность, за свои промышленныя предпріятія, — и тогда она начинаетъ смотрѣть снисходительно на народные бунты, или даже поощряетъ ихъ, съ цѣлью сломить правленіе Двора и водворить свою собственную политическую власть. Это очень ясно видно въ первые тринадцать или четырнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI-го, отъ 1774 до 1788 года.

Необходимость полной перемѣны во всемъ политическомъ строѣ Франціи бросалась въ глаза; но Людовикъ XVI и весь Дворъ противились этому, и противились такъ долго, что тѣ скромныя реформы, которыя были бы очень хорошо приняты въ началѣ царствованія или даже въ 1783-мъ и 1785-мъ годахъ, оказались, къ тому времени, когда король рѣшился дать ихъ, далеко отставшими отъ развитія народной мысли. Въ то время, какъ въ 1775 году смѣшанный режимъ правленія аристократіи съ народнымъ представительствомъ вполнѣ удовлетворилъ бы буржуазію, двѣнадцатью или тринадцатью годами позже, въ 1787-мъ и 1788-мъ годахъ, король столкнулся съ общественнымъ мнѣніемъ, которое больше слышать не хотѣло о полу-мѣрахъ и уже требовало представительнаго правленія, со всѣмъ вытекающимъ изъ него ограниченіемъ королевской власти.

Мы уже видѣли, какъ Людовикъ XVI отвергъ скромные проэкты Тюрго. Его возмущала самая мысль объ ограниченіи королевской власти. Вотъ почему реформы Тюрго — уничтоженіе барщины, отмѣна учрежденія цеховыхъ старостъ и робкая попытка заставить привилегированные классы — дворянство и духовенство — платить кое-какіе налоги, не дали ничего существеннаго. Въ государствѣ все связано, а въ старомъ режимѣ все разрушалось.

Неккеръ, назначенный министромъ вскорѣ послѣ отставки Тюрго, былъ скорѣе финансистомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ; у него и умъ былъ ограниченный умъ финансиста, улавливающій скорѣе мелкую сторону общественныхъ дѣлъ, чѣмъ ихъ крупныя государственныя стороны. Среди финансовыхъ операцій и займовъ онъ былъ у себя дома, но стоитъ только прочесть его книгу „Pouvoir exécutif“ („Исполнительная власть“), чтобы увидать, какъ плохо его умъ, привыкшій разсуждать о *теоріяхъ* государства, разбирался въ борьбѣ человѣческихъ страстей и въ потребностяхъ общества въ данный моментъ: какъ мало способенъ былъ онъ понять громадную политическую, экономическую, религіозную и соціальную задачу, стоявшую въ 1789-мъ году передъ Франціей*).

Неккеръ, поэтому, никогда не могъ обходиться съ Людовикомъ XVI такъ рѣшительно, опредѣленно, строго и смѣло, какъ того требовало положеніе. Онъ робко говорилъ ему о представительномъ правленіи и ограничился такими реформами, которыя не могли ни вывести

*) „Du pouvoir exécutif dans les grands Etats“, 2 тома, 1792. Основная мысль этого труда — та, что если, въ 1792 году, Франція переживаетъ революціонный кризисъ, то причина этого въ томъ, что Національное Собраніе не дало въ руки короля сильной исполнительной власти. „Все бы пошло своимъ порядкомъ, болѣе или менѣе хорошо, если бы позаботились о томъ, чтобы установить у насъ спасительную руководящую власть“, пишетъ Неккеръ въ своемъ предисловіи, и объясняетъ затѣмъ, въ двухъ томахъ, какіе огромные права слѣдовало предоставить королю. — Правда, въ книгѣ „Sur la Législation et le commerce des grains“, вышедшей въ 1775 году, онъ развивалъ — въ противуположность системѣ свободы хлѣбной торговли, защищаемой Тюрго — нѣкоторыя мысли, указывающія на его сочувствіе бѣднымъ классамъ населенія: онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы государство вмѣшалось и установило таксу на хлѣбъ, въ интересахъ бѣдныхъ; но этимъ и ограничивался его правительственный „соціализмъ“. Самое главное было для него — сильное государство, пользующійся уваженіемъ тронъ, окруженный для этого высокими чиновниками, и могущественная исполнительная власть.

Францію изъ затруднительнаго положенія, ни удовлетворить кого-бы то ни было, а только показывали всѣмъ необходимость коренныхъ преобразованій.

Провинціальнымъ земскимъ собраніямъ — которыхъ Неккеръ созвалъ восемнадцать, въ придачу къ созваннымъ ранѣе Тюрго, и за которыми послѣдовали собранія окружныя и приходскія, — пришлось обсуждать самые сложные вопросы и обнаружить всѣ страшныя язвы неограниченной королевской власти. А такъ какъ пренія объ этихъ предметахъ скоро становились извѣстными и доходили даже до деревень, то они очевидно, еще болѣе расшатали старый порядокъ. Такимъ образомъ, провинціальныя собранія, которыя въ 1776 году могли бы служить громоотводомъ, въ 1788 уже явились пособниками революціи. Точно также и знаменитый „*Отчетъ* о состояніи финансовъ", опубликованный Неккеромъ въ 1781 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до его выхода въ отставку, былъ громовымъ ударомъ для королевской власти. Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, Неккеръ помогъ такимъ образомъ паденію уже расшатаннаго строя, но онъ былъ не въ силахъ предотвратить переходъ этого распаденія стараго строя въ революцію. По всей вѣроятности, онъ едва ли даже предвидѣлъ ея приближеніе.

За первой отставкой Неккера, послѣдовалъ, съ 1781-го до 1787-го года, періодъ полнаго финансоваго разгрома. Положеніе финансовъ стало такъ плохо, что долги государства, провинцій, министерствъ и даже самого королевскаго двора, росли ужасающимъ образомъ. Государство каждую минуту могло обанкротиться, а этого ни за что не хотѣла теперь буржуазія, заинтересованная въ качествѣ заимодавцевъ. Народъ такъ обѣднѣлъ, что не могъ уже больше платить податей: онъ и не платилъ ихъ, и возставалъ. Что же касается духовенства и дворянства, то они рѣшительно отказывались пожертвовать чѣмъ бы то ни было изъ своихъ привилегій ради пользы государства. При такихъ условіяхъ, крестьянскія возстанія быстро приближали Революцію.

И вотъ, посреди всѣхъ этихъ затрудненій, министръ Калоннъ созвалъ въ Версали, 22 февраля 1787 года, Собраніе Нотаблей („лучшихъ“ людей).

Этотъ созывъ Собранія Нотаблей былъ, какъ разъ, то самое, чего не слѣдовало дѣлать въ данный моментъ: это была полумѣра, которая, съ одной стороны, дѣлала неизбѣжнымъ созывъ Національнаго Законодательнаго Собранія, а съ другой — вызывала недовѣріе къ Двору и ненависть противъ привилегированныхъ сословій — дворянства и духовенства. Черезъ Нотаблей стало извѣстнымъ, что государственный долгъ достигъ цифры въ милліардъ шестьсотъ-сорокъ-шесть милліоновъ ливровъ, — сумма для того времени громадная — и что ежегодный дефицитъ дошелъ до ста-сорока милліоновъ*). И это — въ такой раззоренной странѣ, какой была тогда Франція!

Все это стало извѣстнымъ, объ этомъ заговорили; а когда всѣ уже говорили объ этомъ, тогда нотабли, избранные изъ высшихъ классовъ общества и представлявшіе собою, въ сущности, *министерское* собраніе, разошлись, 25 мая, ровно ничего не сдѣлавъ, ровно ничего не рѣшивъ. Во время ихъ засѣданій, на мѣсто Калонна назначили министромъ Ломени де Бріенна, архіепископа города Сансъ; но онъ, своими интригами и „мѣрами строгости“ только возстановилъ противъ себя парламенты, а потомъ вызвалъ повсюду бунты тѣмъ, что захотѣлъ распустить парламенты, и еще больше возбудилъ общественное мнѣніе противъ Двора. Когда онъ былъ отставленъ (25 августа), по всей Франціи устроили празднества. Но онъ такъ наглядно доказалъ невозможность самовластнаго режима, что Двору уже не осталось ничего другого, какъ подчиниться. И вотъ, 8 августа 1788 года, Людовикъ XVI былъ вынужденъ наконецъ созвать Генеральные Штаты. Ихъ открытіе было назначено на 1 мая 1789 года.

*) Ливръ былъ тогда около франка.

Но даже и тутъ Дворъ и Неккеръ, снова призванный въ 1788 году въ министерство, устроили такъ, что усилили всеобщее недовольство. Общественное мнѣніе во Франціи требовало, чтобы въ Генеральныхъ Штатахъ, гдѣ три существующія сословія имѣли каждое свое отдѣльное представительсво, Третьему Сословію было предоставлено двойное число мѣстъ, и чтобы голосованія происходили по числу депутатовъ, а не по сословіямъ. Въ этомъ направленіи высказались уже Провинціальныя Собранія (т. е. Провинціальныя Земства). Но Людовикъ XVI и Неккеръ воспротивились этому, и даже созвали (6 ноября 1788) Второе Собраніе Нотаблей, которое — они надѣялись — отвергнетъ и двойное представительство Третьяго Сословія, и поголовное голосованіе. Нотабли такъ и поступили, но и это ничему не помогло. Благодаря Провинціальнымъ Собраніямъ, общественное мнѣніе было уже такъ настроено въ пользу Третьяго Сословія, что Неккеръ и Дворъ были всё-таки вынуждены уступить. Третье Сословіе получило двойное представительство, т. е. изъ тысячи депутатовъ оно имѣло право на столько же представителей, какъ духовенство и дворянство вмѣстѣ взятыя.

Однимъ словомъ, Дворъ и Неккеръ сдѣлали все возможное, чтобы возстановить противъ себя общественное мнѣніе, ничего не выигравъ. Сопротивленіе Двора созыву представителей народа было побѣждено. 5-го мая 1789 года Генеральные Штаты собрались наконецъ въ Версали.

VII.

Крестьянское возстаніе въ первые мѣсяцы 1789 года.

Было бы совершенно ошибочно думать, что французскій народъ наканунѣ 1789 года состоялъ изъ героевъ; Кинэ былъ вполнѣ правъ, когда разрушилъ эту легенду. Конечно, если собрать и изложить на нѣсколькихъ страницахъ всѣ примѣры, впрочемъ, очень немногочисленные, открытаго сопротивленія буржуазіи старому режиму — какъ напримѣръ протестъ Д'Эпремениля, — то картина получится довольно внушительная. Но если посмотрѣть на Францію въ цѣломъ, то особенно поражаетъ насъ именно *рѣдкость серьезныхъ протестовъ, рѣдкость проявленій личности*, даже, можно сказать, *раболѣпіе въ средѣ буржуазіи*. — „Никто ни въ чемъ не даетъ о себѣ знать", вполнѣ справедливо говоритъ Кинэ — „Даже самого себя, человѣку нѣтъ случая познать" (Quinet, „La Révolution", изд. 1869 года, т. I, стр. 15). Гдѣ были въ то время, спрашиваетъ онъ, Барнавъ, Туръ, Сейесъ, Верньо, Гуадэ, Роланъ, Дантонъ. Робеспьеръ и многіе другіе, скоро ставшіе героями Революціи?

Въ провинціяхъ, въ городахъ, царило молчаніе, тишина. Для того, чтобы Третье Сословіе составило свои знаменитые наказы, нужно было, чтобы центральная власть пригласила людей, вслухъ высказать то, что они до тѣхъ поръ говорили потихоньку, промежь себя. Да и то! Если мы и находимъ въ нѣкоторыхъ наказахъ смѣлыя слова протеста, зато въ большинствѣ ихъ сколько покорности, сколько робости, какая умѣренность требованій! Рядомъ съ правомъ ношенія оружія и нѣкоторыми судебными гарантіями противъ произвольныхъ арестовъ, наказы Третьяго Сословія требуютъ, главнымъ образомъ, немножко больше свободы въ дѣлахъ городского самоуправленія*). И только позднѣе, когда депутаты Третьяго Сословія почувствовали, что ихъ поддерживаетъ народъ Парижа, и когда начали слышаться раскаты крестьянскаго возстанія, ихъ поведеніе по отношенію къ Двору стало болѣе смѣлымъ.

Къ счастью, начиная съ движеній, вызванныхъ роспускомъ парламентовъ, лѣтомъ и осенью 1788 года, народъ не переставалъ бунтовать повсюду; волны поднимаются все выше и выше, вплоть до большого крестьянскаго возстанія въ іюлѣ и августѣ 1789 года.

Мы уже говорили о томъ, что положеніе крестьянъ и городского населенія было таково, что одного неурожая достаточно было, чтобы вызвать страшное по-

*) Въ числѣ требованій, которыя больше всего возбудили впослѣдствіи негодованіе собственниковъ, нужно отмѣтить слѣдующія: Ліонъ, Труа, Парижъ и Шалонъ требуютъ таксы на хлѣбъ и на мясо, устанавливаемой на основаніи среднихъ цѣнъ. Реннъ требуетъ, чтобы „заработная плата устанавливаема была періодически, соотвѣтственно нуждамъ поденнаго рабочаго“; нѣкоторые города хотятъ, чтобы всѣмъ способнымъ къ работѣ бѣднякамъ была обезпечена работа. Что же касается роялистовъ-конституціоналистовъ — очень многочисленныхъ въ то время — то, какъ видно изъ проэкта „Общаго наказа“, разобраннаго Шассеномъ („Les élections et les cahiers de Paris en 1789, т. III, 1889, стр. 185), они хотѣли ограничить обсужденіе въ Генеральныхъ Штатахъ исключительно вопросомъ финансовъ и сокращенія дворцовыхъ расходовъ короля и принцевъ.

вышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ городахъ и голодъ въ деревнѣ. Крестьяне не были крѣпостными: крѣпостное право было уже давно уничтожено во Франціи, по крайней мѣрѣ во владѣніяхъ частныхъ лицъ. А съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ XVI отмѣнилъ его и въ своихъ помѣстьяхъ (въ 1779 году), во Франціи осталось очень мало крѣпостныхъ. Въ Юрѣ, напримѣръ, было не болѣе 80.000 человѣкъ, подчиненныхъ праву „мертвой руки", а во всей странѣ — самое большее около полутора милліона, а можетъ быть и меньше милліона: да и эти зависимые крестьяне не были въ точномъ смыслѣ слова крѣпостными. Что касается большинства французскихъ крестьянъ, то для нихъ крѣпостное право давно уже перестало существовать. Но они все еще продолжали платить, деньгами и своимъ трудомъ (въ частности барщиной), за свое личное освобожденіе. Эти повинности были крайне тягостны и разнообразны, но онѣ не были произвольными: онѣ считались выкупомъ за право владѣнія землею — коллективнаго, общиннаго, или частнаго, или наконецъ арендного: на каждой землѣ лежали свои многочисленныя и разнообразныя повинности, тщательно занесенныя въ *земельныя книги*, или „уставныя грамоты" (terriers).

Кромѣ того, за помѣщикомъ оставалось право суда, и на многихъ земляхъ онъ или самъ являлся судьей, или назначалъ судей; это издревле удержавшееся право давало ему возможность взимать со своихъ бывшихъ крѣпостныхъ всевозможные поборы*). Когда какая ни-

*) Въ прекрасной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Les Héaux de l'agriculture, ouvrage pour servir à l'appui des cahiers des Doléances des Campagnes" (Бичи земледѣлія, трудъ предназначенный для того, чтобы поддержать жалобы деревень), изданной нѣкимъ Д.... 10 апрѣля 1789 года, мы находимъ слѣдующее перечисленіе причинъ, мѣшающихъ развитію земледѣлія: громадные налоги; десятина, „обычная" и „необычная", все ростущая въ размѣрахъ; вредъ, наносимый дичью вслѣдствіе злоупотребленій правомъ охоты; наконецъ, придирки и злоупотребленія помѣщичьяго правосудія. Мы читаемъ тамъ, что „благодаря судамъ, связаннымъ съ по

будь старуха оставляла своей дочери въ наслѣдство одно или два орѣховыхъ дерева и какія нибудь старыя лохмотья (напр. „мою черную ватную юбку“ — мнѣ случалось встрѣчать такія наслѣдства), то „благородный и великодушный сеньёръ“, или „благородная и великодушная дама“ изъ замка взимали съ этого наслѣдства извѣстный налогъ. Крестьянинъ точно также платилъ за свадьбу, за крестины, за похороны, платилъ за всякую совершенную имъ покупку или продажу. Даже его право продавать свой хлѣбъ, или свое вино, было ограничено: онъ не могъ продавать своей жатвы раньше помѣщика. Наконецъ, сохранились еще со времени крѣпостного права всевозможные платежи за пользованіе принадлежавшими помѣщику мельницей, печью для печенья хлѣба, прессомъ для выжиманія винограднаго сока, печью для стирки, нѣкоторыми дорогами, извѣстными бродами и т. д., а также полагались всякія „приношенія“, орѣхами, грибами, полотномъ, тальками, считавшіяся въ прежнія времена подарками по случаю „счастливаго вступленія во владѣніе“, или „счастливаго пріѣзда“.

Что касается обязательныхъ барщинныхъ работъ, то онѣ были разнообразны до безконечности: работа на помѣщичьихъ поляхъ, въ паркѣ, въ садахъ, разныя работы ради удовлетворенія помѣщичьихъ капризовъ, и т. д. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существовало даже обязательство хлопать ночью палками по водѣ въ прудѣ, чтобы лягушки не мѣшали спать барину.

Лично, крестьянинъ былъ свободенъ, но вся эта сѣть платежей и взысканій, мало по малу сплетенная за долгіе вѣка крѣпостного права, хитростью помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, продолжала опутывать крестьянское населеніе.

Въ довершеніе, являлось государство съ своими налогами (подушныя, „двадцатыя“) и всё-растущими натуральными повинностями. — Подобно помѣщикамъ и

мѣстными, помѣщики сдѣлались деспотами, которые держатъ жителей деревень въ цѣпяхъ рабства“ (стр. 95).

ихъ управляющимъ, государство и его чиновники тоже все время изощрялись въ выдумываніи предлоговъ для обложенія крестьянъ, — новыхъ формъ поборовъ.

Правда, со времени реформъ Тюрго, крестьяне перестали платить нѣкоторыя феодальныя повинности, а нѣкоторые губернаторы провинцій даже отказывались прибѣгать къ силѣ при взысканіи тѣхъ платежей, которые они сами считали вредными злоупотребленіями. Но крупныя феодальныя повинности, связанныя съ землей, все еще платились цѣликомъ, и онѣ становились еще болѣе тягостными отъ непрерывнаго роста присоединявшихся къ нимъ государственныхъ и провинціальныхъ налоговъ. Вотъ почему, въ мрачныхъ картинахъ изъ крестьянской жизни, рисуемыхъ всѣми историками Революціи, нѣтъ ни слова преувеличенія. Но точно также не преувеличиваютъ и тѣ, которые разсказываютъ, что въ каждой деревнѣ было нѣсколько крестьянъ, достигшихъ извѣстнаго благосостоянія, и что они, въ особенности, стремились сбросить съ себя феодальныя обязательства и завоевать свободу личности. Оба типа, изображенные Эркманомъ-Шатріаномъ въ его *Исторіи одного крестьянина*, — типъ сельскаго буржуа и типъ крестьянина, подавленнаго нуждой, — вѣрны. Оба они существовали. Первый доставилъ Третьему Сословію его политическую силу, а революціонныя банды, которыя еще зимою 1788—1789 года начали принуждать дворянъ отказываться отъ взысканія феодальныхъ повинностей, внесенныхъ въ земельныя записи, вербовались преимущественно среди деревенской бѣдноты, которой жильемъ служили землянки, а пищей — каштаны, да подобранные послѣ помѣщичьей жатвы колосья.

То же самое можно сказать и о городахъ. Феодальное право существовало и въ городахъ. Бѣдные классы городского населенія точно также изнывали подъ тяжестью феодальныхъ платежей, какъ и крестьяне. Право сеньёра на отправленіе правосудія удержалось во многихъ городахъ, и хижины ремесленниковъ и чернорабочихъ точно также платили налогъ въ случаѣ про-

дажи или наслѣдованія, какъ и крестьянскія избы. Нѣкоторые города даже платили извѣстную дань помѣщикамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, какъ выкупъ изъ былого феодальнаго подчиненія. Кромѣ того, большинство ихъ платило еще *даръ благодарности* (don gratuit) королю, за сохраненіе нѣкоторой тѣни городской независимости, и всѣ эти платежи ложились всею своею тяжестью на бѣдные классы. Если прибавить къ этому тяжелые королевскіе налоги, провинціальные платежи и натуральныя повинности, затѣмъ налогъ на соль и т. д., кромѣ того произволъ чиновниковъ, большіе расходы при веденіи дѣлъ въ судахъ и невозможность для непривилегированнаго добиться у суда справедливости противъ дворянина или даже богатаго буржуа: если представить себѣ также все угнетеніе, всѣ оскорбленія и обиды, которымъ подвергался ремесленникъ, то мы сможемъ составить себѣ понятіе о положеніи бѣдныхъ классовъ городского населенія наканунѣ 1789 года.

Изъ этихъ бѣдныхъ классовъ и исходило революціонное движеніе городовъ и деревень, которое дало Третьему Сословію смѣлость сопротивляться въ Генеральныхъ Штатахъ королю и объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ.

Засуха погубила урожай 1788 года, и зима стояла очень суровая. Бывали, конечно, и раньше почти такія же суровыя зимы и такіе же плохіе урожаи; бывали и народные бунты. Почти каждый годъ въ какой нибудь мѣстности Франціи бывалъ недородъ, и нерѣдко онъ захватывалъ цѣлую четверть или треть страны. Но на этотъ разъ явилась *надежда*, пробужденная всѣми предшествовавшими событіями: провинціальными собраніями, созывомъ нотаблей, возстаніями въ городахъ по поводу парламентовъ, возстаніями, которыя (мы видѣли это по крайней мѣрѣ на примѣрѣ Бретани) распространялись и по деревнямъ. И вотъ, бунты 1789 года приняли въ силу этого широкіе и угрожающіе размѣры.

Профессоръ Карѣевъ, спеціально изучавшій послѣдствія Великой Революціи для французскихъ крестьянъ,

сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что въ Національномъ Архивѣ имѣются особыя связки документовъ, касающихся крестьянскихъ возстаній, предшествовавшихъ взятію Бастиліи *). Ихъ слѣдовало-бы изучить; но Я никогда не имѣлъ возможности работать во французскихъ архивахъ. Впрочемъ, изъ изученія провинціальныхъ исторій того времени**), я пришелъ, уже въ моихъ прежнихъ работахъ***), къ заключенію, что, начиная съ января 1789-го и даже съ декабря 1788-го года, въ деревняхъ происходило очень много возстаній. Во многихъ провинціяхъ неурожаемъ создалось ужасное положеніе, и повсюду населеніе охватывалъ мало привычный до того времени революціонный духъ. Къ веснѣ бунты стали учащаться въ Пуату, Бретани, Турени, Орлеанэ, Нормандіи, Иль-де-Франсѣ, Пикардіи, Шампани, Эльзасѣ, Бургундіи, Ниверне, Оверни, Лангедокѣ и Провансѣ.

Характеръ этихъ бунтовъ былъ почти вездѣ одинъ и тотъ же. Вооруженные вилами, косами, дубинами, крестьяне сбѣгались въ городъ, и тамъ заставляли землевладѣльцевъ и фермеровъ, привезшихъ на рынокъ хлѣбъ, продавать его по извѣстной „честной“ цѣнѣ (напримѣръ 3 ливра за четверикъ, boisseau); или

*) Теперь извѣстно, что Тэнъ, якобы изучившій доклады интендантовъ относительно этихъ возстаній, только бѣгло просмотрѣлъ, какъ показалъ Олларъ, 26 такихъ докладовъ изъ 1770-го. Но и эти доклады дали ему очень цѣнныя данныя.

**) Исторія Юры, Соммье; исторія Лангедока, Вика и Вессетта; исторія города Кастра, Комба; исторія Бретани, Дю-Пателье; исторія Франшъ-Конте, Клерка; исторія Оверни, Дюлора; исторія Берри, Рейналя; исторія Лимузена, Леймари; исторія Эльзаса, Штробеля, и т. д.

***) „La Grande Révolution“, брошюра, изданная въ Парижѣ въ 1890 году; „The Great French Revolution and its Lessons“, статья по случаю годовщины Революціи въ англійскомъ журналѣ «Nineteenth Century», іюль 1889 года; статьи о Революціи въ газетѣ «La Révolte».

же брали хлѣбъ у хлѣбныхъ торговцевъ и „дѣлили его между собою по уменьшеннымъ цѣнамъ", съ обѣщаніемъ заплатить послѣ слѣдующаго урожая; въ деревняхъ же иногда заставляли помѣщика отказаться на двухмѣсячный срокъ отъ взиманія пошлинъ за муку, или вынуждали городскія управленія назначить таксу на хлѣбъ, а иногда „повысить на четыре су плату за рабочій день." Тамъ, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ всего сильнѣе (напримѣръ въ Тьерри), рабочіе шли изъ городовъ снимать хлѣбъ въ деревняхъ. Часто взламывали хлѣбные амбары религіозныхъ общинъ, торговцевъ-скупщиковъ, или частныхъ лицъ, и муку отдавали булочникамъ. Кромѣ того, именно въ то же время стали собираться шайки, состоявшія изъ крестьянъ, дровосѣковъ, а иногда и контрабандистовъ, которыя ходили по деревнямъ, захватывали хлѣбъ, и мало по малу онѣ начали жечь земельныя записи (terriers) и принуждать помѣщиковъ отказываться отъ своихъ феодальныхъ правъ. Эти банды дали буржуазіи, въ іюлѣ 1789 года, предлогъ вооружить свою городскую милицію.

Начиная съ января, въ этихъ бунтахъ слышится уже крикъ: *Да здравствуетъ свобода!* и съ января же, а еще болѣе рѣшительно съ марта, крестьяне начинаютъ тамъ и сямъ отказываться отъ уплаты десятины и феодальныхъ повинностей, и даже налоговъ. Кромѣ трехъ провинцій — Бретани, Эльзаса и Дофинэ, — на которыя указываетъ Тэнъ, слѣды этихъ движеній можно найти почти во всей восточной части Франціи.

На югѣ, въ Агдѣ, во время бунта 19-го, 20-го и 21-го апрѣля „народъ", какъ писали потомъ мэръ и консулы (городское управленіе), „безумно вообразилъ себѣ, что онъ — все, и что онъ все можетъ, въ виду того, что король якобы желаетъ уравненія состояній." Народъ грозилъ совершенно разграбить городъ, если не будетъ понижена цѣна на всѣ продукты, и не будутъ уничтожены провинціальныя пошлины на вино, рыбу и мясо: кромѣ того — и въ этомъ уже видѣнъ коммуналистическій, т. е. общинный здравый смыслъ народныхъ массъ

во Франціи — „они хотятъ назначать консуловъ, изъ состава своего класса." Этимъ требованіямъ возставшаго народа дано было удовлетвореніе. Черезъ три дня народъ потребовалъ, чтобы налогъ на помолъ былъ уменьшенъ наполовину, и въ этомъ ему также должны были уступить*).

Въ этомъ возстаніи повторялось то, что происходило въ сотнѣ другихъ. Первымъ поводомъ для движенія являлся вопросъ о хлѣбѣ. Но скоро къ нему присоединяясь рядъ требованій изъ такой области, гдѣ экономическія условія и политическая организація соприкасаются — области, въ которой народное движеніе идетъ всегда наиболѣе увѣреннымъ шагомъ и достигаетъ непосредственныхъ результатовъ.

Въ Провансѣ, все въ томъ же мартѣ и апрѣлѣ 1789 года, больше сорока мѣстечекъ и городовъ, въ томъ числѣ Эксъ, Марсель и Тулонъ, отмѣнили налогъ на муку; повсюду толпа громила дома чиновниковъ, на обязанности которыхъ было собирать налоги на муку, кожи, мясо и т. д. Цѣны на жизненные припасы были понижены, и на всѣ продукты была назначена такса; когда же господа буржуа запротестовали, толпа стала бросать въ нихъ камнями; иногда начинали на ихъ глаза рыть могилу, чтобы похоронить ихъ, и даже приносили заранѣе гробъ, для вящаго устрашенія упорствующихъ, которые, конечно, спѣшили уступить. Все это происходило тогда (въ апрѣлѣ 1789 года) безъ всякаго кровопролитія. Это — „родъ войны, объявленной собственникамъ и имуществамъ", говорится въ докладахъ интендантовъ и городскихъ властей; „народъ продолжаетъ заявлять, что не хочетъ ничего платить: ни налоговъ, ни повинностей, ни долговъ**)".

Съ этого времени — т. е. съ апрѣля — крестьяне начали грабить замки и помѣщичьи усадьбы, и принуж-

*) Тэнъ, II, 22, 23.

**) Письма, находящіяся во французскихъ Національныхъ Архивахъ, H. 1453, цитированныя Тэномъ, т. II, стр. 24.

дали помѣщиковъ отказываться отъ своихъ правъ. Въ Пенье помѣщика заставили „подписать актъ, въ которомъ онъ отказывался отъ взиманія всякихъ помѣщичьихъ платежей“ (письмо въ Архивахъ); въ Ріезѣ требовали, чтобы епископъ сжегъ архивы. Въ Іерѣ (Hyères) и другихъ мѣстахъ сжигали старыя бумаги, въ которыхъ были записаны феодальныя повинности и налоги. Однимъ словомъ, уже съ апрѣля мы видимъ въ Провансѣ начало того большого крестьянскаго возстанія, которое заставило дворянство и духовенство сдѣлать первыя уступки 4-го августа 1789 года.

Легко понять, какое вліяніе эти бунты и это броженіе имѣли на выборы въ Національное Собраніе. Шассенъ*) разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворянство имѣло большое вліяніе на выборы, и что тамъ крестьянскіе выборщики не посмѣли ни на что жаловаться. Въ другихъ же мѣстахъ, напримѣръ въ Реннѣ, дворянство воспользовалось засѣданіемъ бретонскихъ Генеральныхъ Штатовъ (въ декабрѣ 1788 и январѣ 1789 года), чтобы попытаться поднять голодающій народъ противъ буржуа. Но, что могли сдѣлать эти предсмертныя конвульсіи дворянства противъ надвигающейся народной волны? Народъ видѣлъ, что въ рукахъ дворянства и духовенства больше половины земель остаются невоздѣланными, и понималъ, лучше чѣмъ если бы ему доказали это статистики, что до тѣхъ поръ, пока крестьяне не завладѣютъ этими землями и не начнутъ ихъ обрабатывать сами, голодъ всегда будетъ свирѣпствовать по-прежнему.

Самая невозможность дальнѣйшаго существованія заставляла крестьянъ возставать противъ скупщиковъ. Впродолженіе зимы 1788—89 года, говоритъ Шассенъ, не проходило дня въ Юрѣ, чтобы не были гдѣ-нибудь ограблены обозы съ хлѣбомъ (стр. 162). Высшія власти очень хотѣли бы „строгихъ мѣръ“ противъ народа, но суды отказывались осуждать и даже судить голодныхъ

*) Chassin, «Génie de la Révolution».

бунтовщиковъ. Офицеры отказывались стрѣлять въ народъ. Дворянство спѣшило открыть свои амбары, *изъ боязни поджоговъ* (въ началѣ апрѣля 1789 года). Повсюду, говоритъ Шассенъ, на Сѣверѣ и на Югѣ, на Западѣ и на Востокѣ, вспыхивали подобныя возстанія.

Выборы внесли большое оживленіе въ деревни и возбудили много надеждъ. Вліяніе помѣщика чувствовалось, правда, повсемѣстно; но какъ только въ деревнѣ оказывался какой-нибудь буржуа, врачъ или адвокатъ, читавшій Вольтера, или хотя бы брошюру Сейеса; какъ только находился какой-нибудь ткачъ или каменьщикъ, умѣвшій читать и писать, хотя бы только печатными буквами, — картина мѣнялась, и крестьяне спѣшили занести на бумагу свои *жалобы*. Правда, эти жалобы ограничивались большею частью второстепенными предметами, но почти повсюду проглядываетъ (какъ это было и въ нѣмецкомъ крестьянскомъ возстаніи 1525 года) требованіе, чтобы помѣщики *доказали свои права* на феодальныя привилегіи.

Представивъ свои наказы, крестьяне стали терпѣливо ждать. Но медлительность Генеральныхъ Штатовъ и Національнаго Собранія возмущала ихъ, и какъ только кончилась ужасная зима 1788—89 года, какъ только выглянуло солнце, а съ нимъ явилась и надежда на будущій урожай, бунты возобновились, особенно по окончаніи весеннихъ полевыхъ работъ.

Интеллигентная буржуазія, конечно, воспользовалась выборами для распространенія революціонныхъ идей. Былъ образованъ „Конституціонный Клубъ“, отдѣленія котораго создались во всѣхъ, даже самыхъ маленькихъ, городахъ. Равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, поражавшее Артура Юнга, продолжало, конечно, существовать: но тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстностяхъ буржуазія вполнѣ использовала избирательную агитацію. Можно даже видѣть, какъ событія въ Національномъ Собраніи, разыгравшіяся въ іюнѣ въ Версали, подготовлялись за нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи.

Такъ, въ Дофинэ, сліяніе трехъ сословій и голосованіе по числу депутатовъ было принято, еще въ августѣ 1788 года, провинціальными Штатами, подъ давленіемъ мѣстныхъ возстаній.

Ошибочно было бы думать, однако, что буржуа, выдвинувшіеся во время выборовъ, были въ какой бы то ни было мѣрѣ революціонно настроены. Это были люди умѣренные, люди „мирнаго протеста", какъ говоритъ Шассенъ. О революціонныхъ способахъ дѣйствія, говоритъ больше народъ: такъ, среди крестьянъ образуются тайныя общества, и по деревнямъ ходятъ незнакомцы, призывающіе крестьянъ не платить податей и сдѣлать такъ, чтобы ихъ платили дворяне. А то вдругъ распространяется слухъ, что дворяне уже согласились платить всѣ налоги, но что это, съ ихъ стороны, не болѣе какъ хитрость. „Женевскій народъ освободился въ одинъ день.... Бойтесь, дворяне!" гласитъ прокламація. Тайно распространяются брошюры, въ которыхъ обращаются къ крестьянамъ, напримѣръ, „Къ свѣдѣнію деревенскихъ жителей" (Avis aux habitants des campagnes"). Словомъ, броженіе въ деревняхъ было такъ сильно, говоритъ Шассенъ, несомнѣнно лучше чѣмъ кто-либо изучившій эту сторону Революціи, что если бы даже 14-го іюля Парижъ былъ побѣжденъ, то *невозможно было бы вернуть деревни къ тому состоянію, въ какомъ онѣ были въ январѣ 1789 года.* Для этого пришлось бы завоевывать каждую деревню въ отдѣльности. Уже съ марта нигдѣ не платили больше повинностей (стр. 167 и слѣд.).

Легко понять все значеніе этого глубокаго броженія въ деревняхъ. Если образованная буржуазія пользовалась для политической агитаціи столкновеніями между Дворомъ и парламентами, если она дѣятельно сѣяла недовольство, то истинною основою Революціи все время оставалось крестьянское возстаніе, захватившее и города; именно оно давало депутатамъ Третьяго Сословія рѣшимость — которую они скоро проявили въ Версали — преобразовать весь государственный строй

Франціи и положить начало глубокимъ перемѣнамъ въ распредѣленіи богатствъ.

Безъ крестьянскаго возстанія, начавшагося зимою, усилившагося лѣтомъ 1789 года и продолжавшагося вплоть до 1793 года, никогда королевскій деспотизмъ не былъ бы свергнутъ вполнѣ, и никогда за его сверженіемъ не послѣдовало бы такихъ глубокихъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ перемѣнъ. Франція получила бы парламентъ — какъ получила свой шуточный парламентъ Пруссія въ 1848 году — но это нововведеніе не носило бы характера революціи: оно осталось бы такимъ же поверхностнымъ, какимъ было въ нѣмецкихъ государствахъ послѣ 1848 года.

VIII.

Бунты въ Парижѣ и его окрестностяхъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Парижъ не могъ оставаться спокойнымъ. Голодъ свирѣпствовалъ въ окрестностяхъ столицы, какъ и повсюду; въ самомъ Парижѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, не хватало припасовъ, а наплывъ бѣдняковъ, ищущихъ работы, все усиливался, особенно въ предвидѣніи крупныхъ событій, приближеніе которыхъ чувствовалось всѣми.

Въ концѣ зимы (въ мартѣ и апрѣлѣ) мы находимъ въ докладахъ интендантовъ упоминаніе о голодныхъ бунтахъ и о захватахъ хлѣбнаго зерна въ цѣломъ рядѣ городовъ: въ Орлеанѣ, въ Конѣ (Cosnes), въ Рамбулье, въ Жуйи (Jouy), въ Понъ-Сентъ-Максансѣ, въ Брэ-на-Сенѣ, въ Сансѣ, въ Нанжи, въ Вирофлэ, въ Монлери, и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ той же области, въ лѣсахъ вокругъ Парижа, крестьяне начали въ мартѣ уничтожать зайцевъ и кроликовъ; даже лѣса, принадлежавшіе аббатству Сенъ-Дени, и тѣ рубились, и срубленныя деревья увозились на глазахъ у всѣхъ.

Парижъ жадно набрасывался на революціонныя брошюры, которыхъ каждый день выходило по десяти,

по двѣнадцати и по двадцати, и онѣ быстро переходили изъ рукъ богатыхъ въ руки самого бѣднаго населенія. Брошюра Сейеса, „Что такое Третье Сословіе?“, „Соображенія о нуждахъ Третьяго Сословія“ Рабо де Сентъ-Этіенна, нѣсколько окрашенная соціализмомъ, „Права Генеральныхъ Штатовъ“ д'Антрэга и сотни другихъ, менѣе извѣстныхъ, но часто еще болѣе рѣзкихъ, читались на расхватъ. Весь Парижъ страстно негодовалъ противъ Двора и дворянства, и именно въ бѣднѣйшихъ рабочихъ кварталахъ, въ самыхъ жалкихъ кабачкахъ городскихъ предмѣстій, буржуазія скоро начала вербовать руки и пики, нужныя ей, чтобы нанести ударъ королевской власти. Пока же, 24 апрѣля, вспыхнуло движеніе, которое впослѣдствіи получило названіе „Ревельоновскаго дѣла“ и явилось какъ бы предвозвѣстникомъ знаменитыхъ революціонныхъ дней.

27-го апрѣля былъ день созыва избирательныхъ собраній въ Парижѣ: и, повидимому, во время составленія наказовъ въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ, произошло какое-то столкновеніе между буржуа и рабочими. Рабочіе выставили свои жалобы, буржуа отвѣтили имъ грубостями. Особенно выдѣлился своею наглостью нѣкто Ревельонъ, собственникъ бумажной и обойной фабрики, самъ когда-то бывшій рабочимъ, но съумѣвшій, при помощи ловкой эксплуатаціи, стать хозяиномъ фабрики, на которой теперь работало до 300 рабочихъ. То, что онъ говорилъ, много разъ пришлось слышать впослѣдствіи: „Для рабочаго достаточно чернаго хлѣба и чечевицы; бѣлый хлѣбъ — не для него“, и т. д.

Есть-ли какая нибудь доля истины въ сопоставленіи, которое дѣлали позднѣе богатые, во время слѣдствія по дѣлу Ревельона, когда они указывали на фактъ, засвидѣтельствованный чиновниками у заставъ, а именно, — что будто бы „громадная толпа“ бѣдняковъ, оборванцевъ и всякихъ мрачныхъ фигуръ явилась въ тѣ дни въ Парижъ, — объ этомъ можно только строить предположенія, въ концѣ концовъ совершенно празд-

ныя. При томъ состояніи умовъ, какое было въ Парижѣ, и при гулѣ возстаній кругомъ столицы, поведеніе Ревельона по отношенію къ рабочимъ, само по себѣ, служитъ достаточнымъ объясненіемъ того, что произошло на другой день.

27-го апрѣля, народъ, раздраженный сопротивленіемъ и словами богатаго фабриканта, сталъ носить по улицамъ его чучело, чтобы судить его и сжечь на площади Грэвы, причемъ на площади Палэ Рояля распространился слухъ, что Третье Сословіе присудило Ревельона къ смерти. Но съ наступленіемъ вечера, толпа разсѣялась и только всю ночь наводила страхъ на богатыхъ своими криками. Наконецъ, на слѣдующее утро, 28-го, толпа явилась къ фабрикѣ Ревельона и принудила рабочихъ бросить работу; затѣмъ она взяла приступомъ самый домъ Ревельона и разграбила его. Явились войска, но народъ сопротивлялся, бросая изъ оконъ и съ крышъ что попало: камни, черепицы, мебель. Тогда войска стали стрѣлять, а народъ ожесточенно защищался втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ результатѣ оказалось 12 убитыхъ и 80 раненыхъ солдатъ, а со стороны народа — 200 убитыхъ и 300 раненыхъ. Рабочіе завладѣли трупами своихъ убитыхъ братьевъ и понесли ихъ по улицамъ предмѣстья.

Нѣсколько дней спустя, въ Вильжюифѣ собралась толпа, человѣкъ въ 500 или 600, и пыталась взломать ворота Бисетрской тюрьмы.

Такъ началось первое столкновеніе между парижскимъ народомъ и богатыми, и оно произвело сильное впечатлѣніе. Это было первое появленіе на улицѣ народа, доведеннаго до ожесточенія; и призракъ ожесточенной толпы глубоко повліялъ на выборы, удаливъ отъ нихъ реакціонные элементы.

Нечего и говорить, что господа буржуа попытались выставить этотъ бунтъ дѣломъ враговъ Франціи. „Развѣ могъ добрый парижскій народъ возстать противъ фабриканта?“ — „Они подкуплены были англійскими деньгами“, говорили одни — „Не даромъ на

нѣкоторыхъ изъ убитыхъ оказались деньги!" — „Деньгами принцевъ", говорили революціонеры изъ буржуазіи. И никто не хотѣлъ понять, что народъ взбунтовался просто потому, что онъ страдалъ, и что ему надоѣло терпѣть высокомѣріе богатыхъ, оскорбляющихъ даже самыя его страданія!*.

Такимъ образомъ, тогда уже начала складываться мало по малу легенда, которая впослѣдствіи пыталась свести всю Революцію къ ея парламентской дѣятельности, а всѣ народныя возстанія первыхъ четырехъ годовъ Революціи выставляла *случайными* явленіями: дѣломъ разбойниковъ, или же агентовъ, находившихся на жалованіи у англійскаго министра, Питта, или у реакціи. Впослѣдствіи эту легенду стали повторять и историки. — „Такъ какъ этотъ бунтъ могъ быть использованъ Дворомъ, какъ предлогъ, чтобы отложить открытіе Генеральныхъ Штатовъ, *слѣдовательно* онъ могъ быть только дѣломъ реакціи". Сколько разъ сталкивались мы съ подобными же разсужденіями и въ наши дни!

Въ дѣйствительности, дни 24—28 апрѣля — предвѣстники дней 8—14 іюля. Съ этого времени парижскій *народъ* проявляетъ свой революціонный духъ, зарождающійся въ рабочихъ слояхъ предмѣстій. Рядомъ съ садами Палэ-Рояля, которые стали революціоннымъ клубомъ буржуазіи, вставали рабочія предмѣстья — центры народнаго возстанія. Съ этого момента Парижъ становится очагомъ Революціи, и взоръ Генеральныхъ Штатовъ, имѣющихъ собраться въ Версали, будетъ обращенъ съ надеждою къ Парижу. Въ немъ будутъ они искать той силы, которая поддержитъ ихъ и будетъ толкать ихъ впередъ, въ борьбѣ за выставленныя ими требованія, противъ козней Двора.

---

*) Реакціонный историкъ, Дрозъ (Droz, „Histoire du règne de Louis XVI") вполнѣ справедливо замѣтилъ, что деньги, найденныя на нѣкоторыхъ изъ убитыхъ, могли быть продуктомъ грабежа.

IX.

Генеральные Штаты.

4-го мая 1789 года, тысяча двѣсти народныхъ представителей, собравшись въ Версали, присутствовали въ церкви Св. Людовика на молебнѣ по случаю открытія Генеральныхъ Штатовъ, а на другой день король, въ присутствіи многочисленной публики, открылъ засѣданіе. И уже въ этомъ первомъ засѣданіи почувствовалась вся неизбѣжность трагедіи, которою должна была стать Революція.

Король, прежде всего, отнёсся съ полнымъ недовѣріемъ къ созваннымъ имъ народнымъ представителямъ. Онъ согласился, наконецъ, созвать ихъ; но онъ жаловался передъ тѣми же представителями на „безпокойство въ умахъ“ и на всеобщее броженіе, — точно это безпокойство было нѣчто искуственное, а не было вызвано самимъ положеніемъ дѣлъ во Франціи; точно это собраніе было ничто иное, какъ безполезное и произвольное нарушеніе королевскихъ правъ.

Поставленная втеченіе долгаго времени въ невозможность провести какія бы то ни было реформы, Франція чувствовала теперь потребность въ полномъ пересмо-

трѣ всѣхъ своихъ учрежденій, – а король говорилъ лишь о нѣсколькихъ легкихъ измѣненіяхъ въ системѣ финансовъ, для которыхъ достаточно будетъ небольшой экономіи въ расходахъ. Онъ хотѣлъ „согласія между сословіями“, въ то время какъ провинціальныя собранія уже показали, что самое существованіе отдѣльныхъ сословій отжило свой вѣкъ въ умахъ, что оно — не бояѣе какъ балластъ, какъ пережитокъ прошлаго. И тогда, какъ являлась необходимость всеобщаго преобразованія, король опасался, главнымъ образомъ, „нововведеній“! Въ его рѣчи уже намѣчалась, такимъ образомъ, борьба не на жизнь, а на смерть, которая скоро должна была завязаться между королевскимъ самовластіемъ и народнымъ представительствомъ.

Что касается до народныхъ представителей, то существовавшій уже среди нихъ самихъ расколъ служилъ предвѣстникомъ того глубокаго раздѣленія, которое прошло впослѣдствіи черезъ всю Революцію: расколъ между тѣми, кто старался удержать свои привилегіи, и тѣми, кто стремился ихъ уничтожить.

Наконецъ, здѣсь былъ уже замѣтенъ и основной недостатокъ національнаго представительства. Народъ совершенно не былъ представленъ въ немъ; крестьяне отсутствовали. Буржуазія бралась говорить отъ имени всего народа; а что касается до крестьянъ, то въ этомъ собраніи, составленномъ изъ юристовъ, законниковъ, адвокатовъ, было всего, можетъ быть, пять или шесть человѣкъ, знавшихъ истинное, или даже только правовое, положеніе громадной массы крестьянства. Въ качествѣ горожанъ, они умѣли защищать интересы городскихъ жителей; но что касается крестьянъ, то они даже не знали, что́ имъ полезно и что́ имъ вредно.

Гражданская война уже ясно намѣчается въ этомъ первомъ засѣданіи, гдѣ король, окруженный дворянами, обращается къ Третьему Сословію, какъ повелитель, и попрекаетъ его своими „благодѣяніями“. Истинныя желанія короля обнаружилъ въ своей рѣчи хранитель печати, Барантэнъ, настаивавшій главнымъ образомъ

на томъ, какою ролью должны ограничиться Генеральные Штаты. Они будутъ обсуждать налоги, которые имъ предложатъ, они займутся пересмотромъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, выработаютъ законъ о печати, которую необходимо обуздать, въ виду вольностей, присвоенныхъ ею за послѣднее время. Вотъ и все. Не нужно опасныхъ реформъ. „Справедливыя требованія удовлетворены; король не захотѣлъ обращать вниманія на слишкомъ нескромныя выраженія недовольства, и соблаговолилъ отнестись къ нимъ снисходительно; *онъ простилъ даже выраженіе тѣхъ ложныхъ и крайнихъ взглядовъ, подъ прикрытіемъ которыхъ стремятся ввести опасныя химеры, взамѣнъ незыблемыхъ принциповъ монархіи. Вы, господа, отвергнете съ негодованіемъ эти опасныя нововведенія*".

Вся борьба послѣдующихъ четырехъ лѣтъ заключается въ этихъ словахъ, и рѣчь Неккера, говорившаго послѣ короля и хранителя печати, — рѣчь, продолжавшаяся три часа — нисколько не подвинула впередъ, ни существеннаго вопроса о представительномъ правленіи, занимавшемъ буржуазію, ни вопроса о землѣ и феодальныхъ повинностяхъ, интересовавшихъ крестьянъ. Хитрый контролёръ финансовъ съумѣлъ проговорить цѣлыхъ три часа такъ, чтобы не скомпрометировать себя, ни въ глазахъ Двора, ни въ глазахъ народа.

Король, по-прежнему вѣрный взглядамъ, высказаннымъ имъ еще Тюрго, совершенно не понималъ глубокой серьозности этой минуты. Онъ предоставлялъ королевѣ и принцамъ вести ихъ интриги, съ цѣлью помѣшать тѣмъ уступкамъ, которыхъ отъ него требовали. Но и Неккеръ также не понималъ, что дѣло шло, не только о финансовомъ, но и о глубокомъ политическомъ и соціальномъ кризисѣ, и что при такихъ условіяхъ политика лавированія между Дворомъ и Третьимъ Сословіемъ неизбѣжно окажется гибельной; что, если еще не поздно предотвратить Революцію, то нужно по крайней мѣрѣ выступить съ открытой политикой уступокъ

въ вопросахъ управленія и поставить, хотя въ общихъ чертахъ, существенный вопросъ — вопросъ земельный, такъ какъ отъ него зависитъ нищета, или благосостояніе цѣлаго народа.

Что касается самихъ представителей, то ни оба привилегированныя сословія, ни Третье Сословіе также не понимали всей глубины стоявшей передъ Франціею задачи. Дворянство мечтало вновь пріобрѣсти вліяніе на монарха; духовенство заботилось исключительно о сохраненіи своихъ привилегій; а Третье Сословіе, хотя и понимало, что̀ нужно дѣлать для завоеванія буржуазіею политической власти, не замѣчало однако, что на очередь поставленъ еще другой, неизмѣримо болѣе важный вопросъ: вопросъ о передачѣ земли крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы, владѣя этою землею, освобожденною отъ тягостныхъ феодальныхъ платежей, они могли бы удвоить и утроить производительность Франціи, и такимъ образомъ положить конецъ хроническому голоду, убивавшему силы французскаго народа.

Какой-же другой выходъ былъ возможенъ, при такихъ условіяхъ, какъ не столкновеніе и не борьба? — Народные бунты, крестьянское возстаніе и возстаніе рабочихъ и вообще бѣдняковъ въ городахъ — однимъ словомъ, Революція, со всею ея борьбою и со всею взаимною ненавистью партій, съ ея страшными столкновеніями интересовъ, съ ея актами мести и взаимнаго устраненія!

Втеченіе пяти слѣдующихъ недѣль депутаты Третьяго Сословія пытались, путемъ переговоровъ, склонить депутатовъ двухъ другихъ сословій къ тому, чтобы засѣдать вмѣстѣ, — въ то время какъ роялистскіе комитеты агитировали чтобы удержать раздѣленіе между сословіями. Переговоры ни къ чему не приводили. Но, тѣмъ временемъ, поведеніе народа въ Парижѣ становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ. Пале-Рояль, превратившійся въ клубъ на открытомъ воздухѣ, куда всѣ имѣли доступъ, возбуждался все больше и больше.

Брошюры сыпались изо дня въ день, и ихъ читали на расхватъ. „Каждый часъ появляется новая брошюра", говоритъ Артуръ Юнгъ; „сегодня ихъ вышло тринадцать, вчера шестнадцать, а на прошлой недѣлѣ девяносто-двѣ. Девятнадцать изъ двадцати говорятъ въ пользу свободы... Броженіе превосходитъ всякое воображеніе". Ораторы, обращающіеся съ рѣчами къ толпѣ, стоя на стульяхъ около кафе, уже говорятъ о томъ, чтобы захватить дворцы и замки. Слышатся уже угрозы террора, а въ Версали, у дверей Національнаго Собранія каждый день собираются толпы народа, чтобы демонстрировать противъ аристократовъ.

Депутатовъ Третьяго Сословія поддерживаютъ. Мало по малу они становятся смѣлѣе, и наконецъ, 17-го іюня они объявляютъ себя, по предложенію Сейеса, *Національнымъ Собраніемъ*. Это былъ первый шагъ къ упраздненію привилегированныхъ классовъ, и парижскій народъ привѣтствовалъ его шумными овваціями. Набираясь еще больше смѣлости, Собраніе постановляетъ тогда, что существующіе налоги, какъ неустановленные закономъ, будутъ взиматься лишь временно, и только покуда засѣдаетъ Собраніе. Какъ только оно будетъ распущено, народъ не обязанъ будетъ больше платить налоги. Назначается продовольственный комитетъ для борьбы съ голодомъ. Послѣ чего Собраніе поспѣшило успокоить капиталистовъ, торжественно признавъ и утвердивъ государственный долгъ. Актъ, очевидно, въ высшей степени благоразумный въ такой моментъ, когда главное было — просуществовать, и когда нужно было обезоружить такую силу, какъ заимодавцы капиталисты, которые стали бы весьма опасными, если бы они перешли на сторону Двора.

Но все это значило идти наперекоръ королевской власти. Поэтому принцы (герцогъ Артуа, герцогъ Кондэ и герцогъ Конти), въ сообществѣ съ хранителемъ печати, стали готовить государственный переворотъ. Въ намѣченный ими день король долженъ былъ торжественно отправиться въ Собраніе, отмѣнить всѣ его

постановленія, предписать раздѣленіе сословій и самъ указать нѣсколько реформъ, которыя должны провести сословія, засѣдая порознь.

Что же хотѣлъ противупоставить этому перевороту, подготовлявшемуся Дворомъ, типичный представитель буржуазіи того времени, — Неккеръ? — Компромиссъ, — ничего болѣе. Онъ тоже хотѣлъ, чтобы король, въ торжественномъ засѣданіи, заявилъ и утвердилъ свои права, свою личную власть, послѣ чего онъ *даровалъ* бы голосованіе по числу депутатовъ, безъ различія сословій, по всѣмъ вопросамъ о налогахъ. Во всемъ же томъ, что касается привилегій дворянства и духовенства, долженъ былъ быть сохраненъ порядокъ засѣданій каждаго сословія въ отдѣльности. Это было, очевидно, еще менѣе осуществимо чѣмъ проэктъ принцевъ. Прибѣгать къ рискованному средству — перевороту, силою королевской власти — ради такой полумѣры, которая все равно не могла бы продержаться дольше двухъ недѣль, — было совершенно нелѣпо. И притомъ, — какъ же можно было провести реформы въ налогахъ, не затрогивая именно привилегій двухъ высшихъ сословій?

Тогда, 20-го іюня, депутаты Третьяго Сословія, ободряемые все болѣе угрожающимъ поведеніемъ парижскаго и даже версальскаго населенія, рѣшили воспротивиться проэктамъ роспуска Собранія, и для этого взаимно связать себя торжественною клятвою. Найдя свою залу закрытою, въ виду происходившихъ въ ней приготовленій къ королевскому засѣданію, они отправились процессіею въ первую попавшуюся частную залу — въ залу Jeu de Paume. Толпа народа сопровождала эту процессію, когда она, съ Байльи во главѣ, проходила по улицамъ Версали. Солдаты-добровольцы предложили свои услуги для ея охраны. Энтузіазмъ окружавшей ихъ толпы увлекалъ депутатовъ.

Пріѣдя въ залу Jeu de Paume, взволнованные и потрясенные, они всѣ, за исключеніемъ одного, въ благородномъ порывѣ торжественно присягнули, что не

разойдутся до тѣхъ поръ, пока не выработаютъ конституцію для Франціи.

Правда, то были только слова. Въ этой присягѣ было даже нѣчто театральное. — Но, бываютъ минуты, когда такія слова, заставляющія биться сердца людей, необходимы. А присяга, принесенная въ залѣ Jeu de Paume, дѣйствительно заставила горячо биться сердца всей революціонной молодежи во Франціи. Горе тѣмъ Собраніямъ, которыя не съумѣютъ даже найти такихъ словъ, не съумѣютъ сдѣлать даже такого торжественнаго заявленія!

Послѣдствія этого смѣлаго акта не замедлили обнаружиться. Черезъ два дня, когда депутаты Третьяго Сословія находились въ церкви Св. Людовика, гдѣ имъ пришлось засѣдать за неимѣніемъ залы, туда явились представители духовенства и присоединились къ нимъ для совмѣстной работы.

Королевское засѣданіе, на которомъ должны были совершиться великія дѣла, произошло на другой день, 23-го іюня. Но его эфектъ уже заранѣе былъ ослабленъ присягою въ Jeu de Paume и засѣданіемъ въ церкви Св. Людовика. Король явился къ депутатамъ. Онъ отмѣнилъ всѣ постановленія Собранія, т. е: собственно Третьяго Сословія. Онъ велѣлъ сохранить раздѣленіе на сословія и ихъ засѣданія порознь; онъ опредѣлилъ предѣлы предстоящихъ реформъ, и грозилъ Генеральнымъ Штатамъ роспускомъ, въ случаѣ неповиновенія. Пока же онъ повелѣлъ депутатамъ разойтись.

Дворянство и духовенство повиновались и оставили залу, но депутаты Третьяго Сословія остались на своихъ мѣстахъ. Тогда-то Мирабо произнесъ свою прекрасную и знаменитую рѣчь, въ которой онъ сказалъ депутатамъ, что король — не больше какъ ихъ уполномоченный, что источникъ ихъ власти — въ народѣ, и что, разъ они принесли присягу, они не имѣютъ права разойтись, не создавъ конституціи. „Находясь здѣсь по

волѣ народа, они разойдутся только уступая силѣ штыковъ".

Но именно силы у Двора уже не было. Еще въ февралѣ Неккеръ вполнѣ справедливо говорилъ, что никто больше не повинуется, и что даже въ войскѣ нельзя быть увѣреннымъ.

Что касается до парижскаго народа, то событія 27-го апрѣля показали, каково было его настроеніе. Въ Парижѣ съ минуту на минуту ждали общаго возстанія *народа противъ богатыхъ*, и, несомнѣнно, нѣкоторые изъ смѣлыхъ революціонеровъ ходили въ темные закоулки предмѣстій, чтобы искать тамъ поддержки противъ Двора. Въ самой Версали, наканунѣ королевскаго засѣданія, народъ чуть не убилъ одного изъ депутатовъ духовенства, аббата Мори (Maury), а также депутата Третьяго Сословія д'Эпремениля, перешедшаго на сторону дворянства. Въ самый день засѣданія, хранитель печати и архіепископъ парижскій были такъ „освистаны, опозорены, оплеваны, и осмѣяны, — пишетъ современникъ — что можно было умереть отъ стыда и бѣшенства," и секретарь короля, Пассерэ, сопровождавшій министра, дѣйствительно „въ тотъ же день умеръ отъ пораженія". 24-го іюня, епископа города Бовэ чуть не убили въ Парижѣ, камнемъ, брошеннымъ ему въ голову. 25-го іюня, толпа освистала депутатовъ дворянства и духовенства. Во дворцѣ архіепископа парижскаго были выбиты всѣ окна. „Войска отказались бы стрѣлять въ народъ", прямо говоритъ Артуръ Юнгъ.

При такихъ условіяхъ, угроза короля оставалась пустымъ словомъ. Настроеніе народа было слишкомъ грозно, чтобы Дворъ осмѣлился прибѣгнуть къ силѣ штыковъ, и тогда Людовикъ XVI воскликнулъ: „А впрочемъ, чортъ съ ними, пусть засѣдаютъ!"

Но и сами засѣданія Третьяго Сословія происходили на глазахъ и подъ угрозами народа, сидѣвшаго на хорахъ залы. Уже 17-го іюня, когда Третье Сословіе объявило себя Національнымъ Собраніемъ, это

памятное рѣшеніе было принято при крикахъ одобренія со стороны публики на хорахъ и двухъ- или трехъ-тысячной толпы, окружавшей залу засѣданій. Списокъ именъ тѣхъ трехсотъ депутатовъ Третьяго Сословія, которые протестовали противъ этого рѣшенія и сплотились вокругъ роялиста Малуэ, ходилъ по рукамъ въ Парижѣ, и народъ собирался сжечь ихъ дома. А когда, во время присяги депутатовъ въ Jeu de Paume, Мартэнъ Дошъ высказался противъ, предсѣдатель Собранія Байльи, изъ предосторожности долженъ былъ выпустить его черезъ заднюю дверь, чтобы ему не пришлось встрѣтиться съ народомъ, стоявшимъ у дверей залы; втеченіе нѣсколькихъ дней онъ вынужденъ былъ скрываться.

Не будь этого давленія народа на Собраніе, наиболѣе смѣлымъ изъ депутатовъ Третьяго Сословія — тѣмъ о которыхъ воспоминаніе осталось въ исторіи — никогда не удалось бы побѣдить упорство болѣе робкихъ.

А въ Парижѣ, между тѣмъ, народъ открыто готовился къ возстанію, въ отвѣтъ на военный переворотъ, который подготовлялся Дворомъ противъ Парижа, на 16-ое іюля.

X.

Приготовленія къ перевороту.

Обычное представленіе о событіяхъ 14-го іюля сводится приблизительно къ слѣдующему: Національное Собраніе засѣдало. Въ концѣ іюня, послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ и колебаній, всѣ три сословія, наконецъ, объединились. Власть ускользала изъ руки Двора. Тогда придворная партія начала подготовлять переворотъ. Были созваны войска и расположены вокругъ Версали; въ назначенный день они должны были разогнать Собраніе и усмирить Парижъ.

11-го іюля — говорится все въ томъ же ходячемъ изложеніи событій — Дворъ рѣшается начать дѣйствія: Неккеръ получаетъ отставку и отправляется въ ссылку. 12-го, Парижъ узнаетъ объ этомъ. Устраивается процессія, которая шествуетъ по главнымъ улицамъ, неся бюстъ изгнаннаго министра. Въ Пале-Роялѣ Камиллъ Дюмуленъ призываетъ къ оружію. Предмѣстья поднимаются и въ 36 часовъ выковываютъ 50.000 пикъ; 14-го народъ, двигается на Бастилію, которая скоро спускаетъ свои висячіе мосты и сдается... Революція одержала свою первую побѣду.

Таковъ разсказъ о 14-мъ іюля, который обыкновенно повторяютъ на оффиціальныхъ празднествахъ Французской Республики. Но онъ вѣренъ только на половину. Какъ сухое изложеніе фактовъ, онъ не содержитъ неточностей; но онъ не передаетъ того, что слѣдуетъ сказать о роли народа въ возстаніи и объ истинныхъ отношеніяхъ между обѣими силами движенія: народомъ и буржуазіею. А между тѣмъ, въ парижскомъ возстаніи, разрѣшившемся взятіемъ Бастиліи, какъ и во всей Революціи, существовало уже два теченія различнаго происхожденія: политическое движеніе буржуазіи и движеніе народное. Въ нѣкоторые моменты, — въ великіе дни Революціи — оба эти теченія временно сливались и одерживали надъ старымъ строемъ крупныя побѣды. Но буржуазія всегда относилась съ недовѣріемъ къ своему временному союзнику — народу. Такъ было и въ іюлѣ 1789 года. Союзъ былъ заключенъ буржуазіею по неволѣ, и на другой же день послѣ 14-го іюля, и даже во время самого движенія, она уже спѣшила организоваться, чтобы быть въ силахъ обуздать возставшій народъ.

Со времени дѣла Ревельона, парижскій народъ, голодавшій и видѣвшій, какъ нужда ростетъ, и какъ его усыпляютъ пустыми обѣщаніями, все время готовъ былъ подняться. Но, не чувствуя поддержки со стороны буржуазіи, даже со стороны тѣхъ, кто выдвинулся своими нападеніями на королевскую власть, онъ только грызъ свои удила. Но вотъ придворная партія, сплотившись вокругъ королевы и принцевъ, рѣшаетъ однимъ ударомъ покончить съ Собраніемъ и усмирить народное броженіе въ Парижѣ. Они собираютъ войска, стараются возбудить въ нихъ чувство привязанности къ королю и королевѣ, и открыто подготовляютъ разгонъ Собранія и военное усмиреніе Парижа. Тогда Собраніе, почувствовавъ опасность, предоставляетъ свободу дѣйствія тѣмъ изъ его членовъ и его сторонниковъ въ Парижѣ, которые предлагаютъ „обращеніе къ народу“, т. е. призывъ къ народному возстанію. А такъ какъ

народъ въ предмѣстіяхъ только того и ждетъ, то онъ немедленно откликается на призывъ. Онъ начинаетъ бунтоваться еще раньше отставки Неккера — т. е. уже съ 8-го іюля и даже съ 27-го іюня. Этимъ пользуется буржуазія. Она толкаетъ народъ къ открытому возстанію, она предоставляетъ ему вооружаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ вооружается и сама, чтобы задержать народныя волны и помѣшать имъ зайти „слишкомъ далеко". Но народная волна, поднимаясь все выше и выше, овладѣваетъ, вопреки желаніямъ буржуазіи, Бастиліею, — эмблемою и опорою королевской власти; и тогда буржуазія, организовавшая тѣмъ временемъ свою собственную милицію, спѣшитъ укротить „людей вооруженныхъ пиками", т. е. народъ.

Это двойное движеніе я и постараюсь изложить.

Мы видѣли, что цѣлью королевскаго засѣданія 23-го іюня было — показать Генеральнымъ Штатамъ, что они вовсе не та сила, какою они себя считаютъ: что королевская власть существуетъ по-прежнему, что Генеральные Штаты не могутъ ничего измѣнить въ ея правахъ*), и что привилегированныя сословія — дворянство и духовенство — сами опредѣлятъ, какія они расположены сдѣлать уступки въ видахъ болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ. Благодѣянія, которыя будутъ оказаны народу, *будутъ оказаны самимъ королемъ*, и будутъ состоять въ слѣдующемъ: отмѣна натуральныхъ повинностей (уже въ нѣкоторой степени отмѣненныхъ), права „мертвой руки" и феодальнаго, т. е. крѣпостного подданства; ограниченіе права охоты; замѣна жребія, при вербовкѣ въ войска, правильнымъ рекрутскимъ наборомъ; уничтоженіе слова *подушныя;*

*) Первоначальный проэктъ Неккера оставлялъ за Собраніемъ право довести Революцію до составленія хартіи, на подобіе англійской, говорить Луи Бланъ, но „изъ предметовъ преній онъ поспѣшилъ исключить вопросъ о формѣ конституціи, на основаніи которой соберутся слѣдующіе Генеральные Штаты". («Histoire de la Révolution Française», изд. in 4-o, т. I, стр. 120).

и организація земскаго самоуправленія. Все это должно было, кромѣ того, оставаться въ формѣ однихъ обѣщаній, или даже простыхъ заголовковъ реформъ, потому что содержаніе этихъ реформъ, сущность этихъ измѣненій предстояло опредѣлить впослѣдствіи, а сдѣлать это, очевидно, было невозможно, не нарушая привилегій двухъ высшихъ сословій.

Но самымъ важнымъ пунктомъ королевской рѣчи — такъ какъ онъ оказался центральнымъ пунктомъ всей Революціи — было заявленіе короля относительно *неприкосновенности феодальныхъ правъ*. Онъ объявлялъ *абсолютно и на вѣки ненарушимою собственностью* десятину, чиншъ, ренту и всѣ помѣщичьи феодальныя права!

Такими обѣщаніями король, конечно, склонялъ на свою сторону дворянство и вооружалъ его противъ Третьяго Сословія. Но давать такія обѣщанія — значило заранѣе ограничить Революцію и сдѣлать ее неспособною произвести какія бы то ни было существенныя реформы въ государственныхъ финансахъ и во всемъ внутреннемъ строѣ Франціи. Это значило — сохранить въ цѣлости всю старую Францію, весь старый порядокъ. И мы увидимъ, что впослѣдствіи, впродолженіе всей Революціи, народъ уже не отдѣлялъ другъ отъ друга *королевскую власть* и *сохраненіе феодальныхъ правъ* — старую *политическую* и старую *экономическую* форму.

Несомнѣнно, что до извѣстной степени замыслы Двора сперва удались. Послѣ Королевскаго засѣданія 23-го іюня и приказа Собранію разойтись, дворянство устроило королю, а особенно королевѣ, овацію во дворцѣ, и на другой день, въ общее засѣданіе остальныхъ двухъ сословій явилось всего 47 дворянъ. Только нѣсколько дней спустя, когда разнесся слухъ, что сто тысячъ парижанъ идутъ на Версаль, большинство дворянъ, посреди общаго унынія, царившаго во дворцѣ по полученіи этого извѣстія, рѣшило присоединиться къ Духовенству и Третьему Сословію; но и это было сдѣлано

по приказанію короля, подтвержденному плачущею королевою (на короля дворянство больше не разсчитывало). Впрочемъ, и тутъ дворяне почти не скрывали своей надежды на то, что „бунтовщики“ Національнаго Собранія скоро будутъ разогнаны силою.

Между тѣмъ, всѣ интриги Двора, всѣ его секреты и даже слова, произнесенныя тѣмъ или другимъ принцемъ или аристократомъ, — скоро становились извѣстными у революціонеровъ. Тысячами тайныхъ путей, объ установленіи которыхъ позаботились въ свое время передовые люди, всё узнавалось въ Парижѣ, и слухи, доходившіе изъ Версали, поддерживали броженіе въ столицѣ. Бываютъ такія времена, когда сильные міра не могутъ больше разсчитывать даже на своихъ слугъ; и такое именно время наступило въ Версали. Пока дворянство радовалось ничтожному успѣху Королевскаго засѣданія, нѣсколько революціонеровъ изъ буржуазіи основали въ самой Версали клубъ, подъ названіемъ *Бретонскаго клуба*, скоро ставшій объединяющимъ центромъ, куда стекались всѣ свѣдѣнія. Туда приходили даже слуги короля и королевы и разсказывали всё, что тайно говорилось при Дворѣ. Основателями этого клуба были нѣсколько бретонскихъ депутатовъ, — между прочимъ Ле-Шапелье, Глезенъ и Ланжюинэ; Мирабо, герцогъ Эгильонъ, Сейесъ, Барнавъ, Петіонъ, аббатъ Грегуаръ и Робеспьеръ также были его членами. Впослѣдствіи онъ превратился въ Клубъ Якобинцевъ.

Со времени открытія Генеральныхъ Штатовъ, въ Парижѣ царило большое оживленіе. Пале-Роялъ, съ его садами и многочисленными кафе, превратился въ клубъ на открытомъ воздухѣ, куда стекалось до десяти тысячъ человѣкъ всевозможныхъ общественныхъ положеній, — подѣлиться новостями, поговорить о новой брошюрѣ, окунуться въ толпу и почерпнуть изъ нея силу для будущаго дѣла; познакомиться, столковаться другъ съ другомъ. Всѣ слухи, всѣ новости, узнанныя въ Версали бретонскимъ клубомъ, тотчасъ-же передавались въ

Пале-Рояль, бурному клубу парижской толпы. Оттуда они распространялись по предмѣстьямъ, и если, по дорогѣ, къ нимъ иногда присоединялись легенды, то эти легенды, какъ это часто бываетъ съ народными легендами, были вѣрнѣе самой истины, потому что онѣ забѣгали впередъ, вскрывали въ легендарной формѣ тайныя побужденія поступковъ и очень часто инстинктивно судили о людяхъ и вещахъ вѣрнѣе, чѣмъ судятъ люди „осторожные и благоразумные.“ Кто оцѣнилъ Марію-Антуанету, герцогиню Полиньякъ, лукаваго короля, безшабашныхъ принцевъ, лучше чѣмъ неизвѣстныя массы рабочихъ въ предмѣстьяхъ? Кто, лучше народа, съумѣлъ понять, разгадать ихъ?

На другой же день послѣ Королевскаго засѣданія, въ великомъ городѣ уже чувствовалось дыханіе революціи. Городская Дума послала Національному Собранію выраженіе своего одобренія, а Пале-Рояль обратился къ нему съ адресомъ, составленнымъ въ боевомъ тонѣ. Для народа, голоднаго и презираемаго, въ торжествѣ Собранія надъ дворцовою партіею блеснулъ лучъ надежды, и возстаніе являлось въ глазахъ народа единственнымъ средствомъ добыть себѣ хлѣбъ. Голодъ свирѣпствовалъ въ Парижѣ все больше и больше; даже плохой, желтой и горѣлой муки, которую оставляли обыкновенно для бѣдныхъ, и той все время не хватало; а между тѣмъ народъ зналъ, что въ Парижѣ и его окрестностяхъ имѣется достаточно хлѣба, чтобы накормить всѣхъ, и бѣдняки приходили къ мысли, что пока народъ не возстанетъ, спекуляторы будутъ по-прежнему морить его голодомъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ населеніе темныхъ закоулковъ Парижа роптало все громче и громче, парижская буржуазія и представители народа въ Версали все больше и больше боялись возстанія. „Лучше король и Дворъ, чѣмъ возставшій народъ!“ рѣшали они*).

*) Тѣ, которые произносятъ теперь рѣчи на празднованіяхъ республиканскихъ годовщинъ, предпочитаютъ умалчивать объ этомъ щекотливомъ предметѣ и разсказываютъ

Въ самый день соединенія сословій, 27-го іюня, послѣ первой побѣды Третьяго Сословія, Мирабо, до того времени взывавшій къ народу, рѣзко отдѣлился отъ него; онъ старался увлечь за собою и другихъ представителей, предостерегая ихъ противъ „помощниковъ-бунтовщиковъ". Въ Собраніи уже намѣчалась такимъ образомъ будущая программа Жирондистовъ. Мирабо хотѣлъ, чтобы Собраніе содѣйствовало „поддержанію порядка, общественнаго спокойствія и власти законовъ и министровъ". Онъ шелъ даже дальше. Онъ хотѣлъ, чтобы Собраніе сплотилось вокругъ короля, потому что король желаетъ добра, а если иногда и дѣлаетъ зло, то только потому, что его обманываютъ, что ему даютъ дурные совѣты!

И Собраніе ему рукоплескало. „Дѣло въ томъ," совершенно вѣрно говоритъ Луи Бланъ, „что, вмѣсто того, чтобы стараться свергнуть престолъ, *буржуазія уже стремилась стать подъ его защиту.* Отвергнутый дворянствомъ, *Людовикъ XVI нашелъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ заботливыхъ служителей въ средѣ Общинъ*, на мгновеніе казавшихся такими непреклонными. Онъ переставалъ быть королемъ дворянъ и становился *королемъ собственниковъ*". Этотъ коренной недостатокъ Революціи будетъ, какъ мы увидимъ дальше, тяготѣть надъ нею все время, вплоть до самой реакціи.

Между тѣмъ нищета въ столицѣ росла и росла. Правда, Неккеръ принялъ кое-какія мѣры для предотвращенія голода. 7-го сентября 1788 года онъ пріостановилъ вывозъ хлѣба изъ Франціи и назначилъ преміи для поощренія ввоза; 70 милліоновъ ливровъ было

намъ о трогательномъ согласіи, будто бы существовавшемъ между народомъ и его представителями. Но еще Луи Бланъ отлично показалъ, какой страхъ обуялъ буржуазію передъ 14-мъ іюля, а новыя изслѣдованія только подтверждаютъ это. Факты, которые я привожу здѣсь относительно дней отъ 2-го до 12-го іюля, показываютъ, что возстаніе парижскаго народа шло, до 12-го, своимъ собственнымъ путемъ, независимо отъ буржуазныхъ депутатовъ Третьяго Сословія.

истрачено на покупку хлѣба за-границей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ придалъ широкую гласность рѣшенію Королевскаго Совѣта, отъ 23-го апрѣля 1789 года, которое предоставляло судьямъ и полицейскимъ чиновникамъ право производить осмотръ хлѣбныхъ складовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, дѣлать описъ находившагося въ нихъ зерна и, въ случаѣ надобности, посылать его на рынокъ. Но исполненіе этихъ мѣръ было поручено старымъ властямъ, и въ результатѣ получалось то, что хотя правительство и давало преміи тѣмъ, кто ввозилъ хлѣбъ въ Парижъ, но ввезенный хлѣбъ тотчасъ же вывозился тайными путями и потомъ ввозился вторично, чтобы снова получить премію. Въ провинціи скупщики закупали хлѣбъ спеціально для этой спекуляціи; они скупали даже на корню будущій урожай.

Въ этомъ дѣлѣ вполнѣ проявился истинный характеръ Національнаго Собранія. Въ моментъ присяги въ Jeu de Paume оно было, несомнѣнно, прекрасно; но по отношенію къ народу оно всегда, прежде всего, оставалось буржуазнымъ. 4-го іюля, Собраніе, выслушавъ докладъ своего Продовольственнаго Комитета, обсуждало мѣры, которыя слѣдуетъ принять, чтобы обезпечить народу хлѣбъ и работу. Говорили цѣлые часы, предложенія сыпались одно за другимъ. Петіонъ предложилъ заёмъ, другіе говорили о томъ, чтобы предоставить провинціальнымъ Собраніямъ принять необходимыя мѣры; но ничего не было рѣшено, ничего не было предпринято: дѣло ограничилось выраженіемъ сожалѣній о народѣ. А когда одинъ изъ членовъ заговорилъ о спекуляторахъ и назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, все Собраніе оказалось противъ него. Черезъ два дня, 6-го іюля, Бушъ заявилъ, что виновные извѣстны, и что черезъ день они будутъ формально названы. „Общій страхъ овладѣлъ Собраніемъ“, писалъ Горсасъ въ только что основанномъ имъ „Courrier de Versailles et de Paris.“ Но пришелъ слѣдующій день, и на этотъ счетъ не было больше произнесено ни слова.

Въ промежуткѣ между двумя засѣданіями дѣло было замято. — Почему? Какъ показали дальнѣйшія событія — изъ боязни скандальныхъ разоблаченій.

Во всякомъ случаѣ, Собраніе настолько боялось народнаго бунта, что когда, 30-го іюня, въ Парижѣ произошли волненія по поводу ареста одинадцати солдатъ изъ французской гвардіи, отказавшихся заряжать ружья боевыми патронами, Собраніе послало королю адресъ, составленный въ самыхъ раболѣпныхъ выраженіяхъ и полный увѣреній въ „глубокой привязанности къ королевской власти*).

Какъ только король предоставилъ буржуазіи малѣйшую долю участія въ управленіи, она уже начала сплачиваться вокругъ него, и всею силою своей организованности стала помогать ему противъ народа. Но — и пусть это послужитъ предостереженіемъ для будущихъ революцій — въ жизни личностей, партій, а также и учрежденій, есть своя логика, которой никто не въ силахъ измѣнить. Королевскій деспотизмъ *не могъ* поладить съ буржуазіей, требовавшей себѣ долю власти. Онъ логически, фатально, долженъ былъ съ нею вступить въ бой и, разъ вступивши въ борьбу, долженъ былъ погибнуть и уступить мѣсто представительному правленію, т. е. формѣ, наиболѣе подходящей для буржуазіи. Точно также не могъ онъ, не измѣняя своей естественной опорѣ — дворянству, — стать на почву народной демократіи. Онъ старался, поэтому, всѣми силами защищать дворянство и его привилегіи, причемъ эти привилегированные дворяне, при первомъ же испытаніи, первые измѣнили ему.

*) „Національное Собраніе страдаетъ отъ безпорядковъ, волнующихъ въ настоящую минуту Парижъ... Къ королю будетъ послана депутація, чтобы умолять его соблаговолить прибѣгнуть, для возстановленія порядка, къ вѣрному средству милосердія и доброты, столь присущихъ его сердцу, а также довѣрія, которое его вѣрный народъ всегда будетъ заслуживать".

Между тѣмъ свѣдѣнія о тайныхъ придворныхъ интригахъ притекали со всѣхъ сторонъ, какъ къ сторонникамъ герцога Орлеанскаго, собиравшимся въ Монружѣ, такъ и къ революціонерамъ, посѣщавшимъ Бретонскій клубъ. Въ Версали и по дорогѣ изъ Версали въ Парижъ стягивались войска. Въ самомъ Парижѣ, они заняли одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, на дорогѣ къ Версали. Говорили, что на пространствѣ между Версалью и Парижемъ размѣщено уже 35,000 человѣкъ, и что на-дняхъ къ нимъ присоединятся еще 20,000. Принцы и королева сговаривались между собою, чтобы распустить Собраніе, раздавить, въ случаѣ возстанія, Парижъ, арестовать и убить не только главныхъ зачинщиковъ и герцога Орлеанскаго, но также и такихъ членовъ Собранія, какъ Мирабо, Мунье, Лалли-Толендаля, стремившихся превратить Людовика XVI-го въ конституціоннаго монарха. Двѣнадцать депутатовъ должны были быть принесены въ жертву, разсказывалъ впослѣдствіи Лафайетъ. Для осуществленія этого плана были вызваны баронъ де-Бретёйль и маршалъ де-Брольи, и оба были готовы дѣйствовать. — „*Если нужно сжечь Парижъ*, говорилъ де-Бретёйль, — *сожжемъ Парижъ!*“ А маршалъ де-Брольи писалъ принцу Кондэ, что „довольно будетъ одного пушечнаго залпа, чтобы разогнать всѣхъ этихъ споршиковъ и снова *поставить самодержавную власть на мѣсто нарождающагося республиканскаго духа*“*).

И не нужно думать, чтобы это были — какъ увѣряютъ нѣкоторые реакціонные историки — одни слухи. Найденное впослѣдствіи письмо герцогини Полиньякъ къ городскому головѣ Флесселю, — письмо, посланное ею 12-го іюля, въ которомъ всѣ видные дѣятели обозначены условными именами, ясно доказываетъ существованіе заговора, подготовлявшагося Дворомъ на 16-е іюля.

Если бы на этотъ счетъ могло оставаться хотя малѣйшее сомнѣніе, то достаточно напомнить сло-

*) Луи Бланъ, *Исторія Французской Революціи*.

ва, сказанныя 10-го іюля, въ Каннѣ, герцогинею де-Бёврономъ генералу Дюмурье, въ присутствіи больше чѣмъ шестидесяти торжествующихъ дворянъ:

„Знаете новости, Дюмурье? Вашъ пріятель Неккеръ прогнанъ; король снова восходитъ на престолъ; Собраніе низвергнуто; ваши друзья — всѣ сорокъ-семь — теперь, можетъ быть, уже въ Бастиліи, вмѣстѣ съ Мирабо, Тарже и еще сотней такихъ же нахаловъ изъ Третьяго Сословія; а маршалъ де-Брольи теперь, навѣрное, въ Парижѣ, съ тридцати-тысячнымъ войскомъ"*). Но герцогиня ошибалась: Неккеръ былъ прогнанъ только 11-го, а Брольи не поспѣлъ войти въ Парижъ. Парижъ опередилъ Дворъ.

Что же дѣлало въ это время Національное Собраніе? — То, что всегда дѣлали и всегда неизбѣжно будутъ дѣлать всѣ Собранія. Оно не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

Въ тотъ самый день, когда парижскій народъ началъ уже возставать, т. е. 8-го іюля, Собраніе поручило никому иному, какъ своему трибуну Мирабо, изложить почтительнѣйшую просьбу къ королю, въ которой Собраніе ходатайствовало передъ Людовикомъ XVI-мъ о томъ, чтобы онъ убралъ своихъ солдатъ. Просьба была написана въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Въ ней говорилось о томъ, какъ народъ любитъ своего короля, какъ онъ благословляетъ небо за тотъ даръ, который ему ниспосланъ въ этой любви! И такія же слова, такую же мысль мы еще не разъ встрѣтимъ во время Революціи въ обращеніяхъ народныхъ представителей къ королю.

Чтобы понять Революцію, нужно не упускать изъ вида эти постоянныя усилія имущихъ классовъ, привлечь къ себѣ королевскую власть и сдѣлать себѣ изъ нея щитъ для охраны противъ народа. Въ этой просьбѣ, поданной Національнымъ Собраніемъ за нѣсколько дней до 14-го іюля, уже находятся въ зародышѣ драмы, разыгравшіяся впослѣдствіи, въ 1793 году, въ Конвентѣ.

*) Dumouriez, «Mémoires», т. II, стр. 36.

XI.

Парижъ наканунѣ 14-го іюля.

Вниманіе историковъ обыкновенно бываетъ почти всецѣло поглощено Національнымъ Собраніемъ. Представители народа, собранные въ Версали, кажутся имъ олицетвореніемъ Революціи, и каждое слово, каждый ихъ жестъ отмѣчается съ благоговѣніемъ. А между тѣмъ, въ эти іюльскіе дни, сердце Революціи и революціонный починъ были не тамъ. Они были въ Парижѣ.

Не будь Парижа, не будь парижскаго народа, Собраніе было бы ничто. Если бы не страхъ передъ возставшимъ народомъ, Дворъ навѣрное распустилъ бы Собраніе, какъ это дѣлалось не разъ впослѣдствіи: 18 брюмера Наполеономъ I-мъ, и 2 декабря Наполеономъ III-мъ во Франціи, а въ самое недавнее время въ Венгріи и въ Россіи. Депутаты, конечно, протестовали бы; ими было бы сказано не мало красивыхъ фразъ, и, можетъ быть, даже сдѣлана была бы попытка поднять провинцію. Но безъ *готоваго возстать народа*, безъ предварительной революціонной работы, оставившей слѣдъ въ массахъ, безъ призыва народа къ возстанію

— призыва сдѣланнаго нѣсколькими смѣлыми людьми и переданнаго изъ устъ въ уста, въ народѣ, — безъ этого, собраніе представителей безсильно передъ установленнымъ правительствомъ, съ его сѣтью чиновниковъ, съ его послушною арміею!

Къ счастью, Парижъ не дремалъ. Пока Національное Собраніе, обманутое кажущеюся безопасностью, спокойно принималось, 10-го іюля, за продолженіе преній о проэктѣ Конституціи, парижскій народъ, къ которому, наконецъ, обратились наиболѣе смѣлые и дальновидные дѣятели изъ буржуазіи, готовился къ возстанію. Въ предмѣстьяхъ передавали другъ-другу всѣ подробности военнаго разгрома, который подготовлялся Двором на 16-ое число: все было извѣстно тамъ — даже угроза короля удалиться въ Суассонъ и отдать Парижъ въ руки войска. И вотъ это громадное горнило, Парижъ, стало организоваться въ своихъ „округахъ“ (districts), чтобы противупоставить силу силѣ. „Помощники-бунтовщики“, которыми Мирабо грозилъ Двору, были, дѣйствительно призваны на помощь; въ темныхъ кабачкахъ предмѣстій, бѣдный, одѣтый въ лохмотья Парижъ совѣщался о средствахъ „спасти отечество“, и вооружался какъ могъ.

Сотни агитаторовъ-патріотовъ — конечно, „неизвѣстныхъ“ — дѣлали все возможное, чтобы поддержать агитацію и вывести народъ на улицу. Однимъ изъ излюбленныхъ средствъ, пишетъ Артуръ Юнгъ, были петарды и фейерверки; ихъ продавали за полъ-цѣны, и когда на какомъ-нибудь перекресткѣ собиралась толпа, чтобы посмотрѣть на фейерверкъ, кто нибудь обращался къ ней съ рѣчью и передавалъ ей извѣстія о заговорѣ Двора. Чтобы разсѣять эти сборища, „прежде достаточно было бы одной роты швейцарцевъ; теперь же понадобился бы цѣлый полкъ, а черезъ нѣсколько дней понадобится цѣлое войско“, писалъ Артуръ Юнгъ передъ 14-мъ іюля (стр. 219).

И дѣйствительно, начиная съ половины іюня, парижскій народъ волновался и готовился къ возстанію. Еще

въ началѣ іюня ожидались бунты вслѣдствіе дороговизны хлѣба, говоритъ англійскій книгопродавецъ Гарди, жившій въ то время въ Парижѣ; и если Парижъ оставался спокойнымъ до 25-го іюня, то только потому, что до королевскаго засѣданія народъ все еще надѣялся, что Собраніе что-нибудь сдѣлаетъ въ его пользу. Но 25-го, Парижъ понялъ, что у него остается одна надежда — возстаніе.

Часть парижанъ въ этотъ день направилась уже къ Версали, готовясь къ столкновенію съ войсками. Въ самомъ Парижѣ повсюду устраивались сборища, „готовыя на самыя ужасныя крайности", читаемъ мы въ Тайныхъ докладахъ, адресованныхъ министру иностранныхъ дѣлъ и изданныхъ Шассеномъ*). „Народъ волновался всю ночь, устраивалъ иллюминаціи и пускалъ множество ракетъ передъ Пале-Роялемъ и Государственнымъ Контролемъ". Раздавались крики: „Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!"

Въ тотъ же день, 25-го іюня, солдаты французской гвардіи, покинувъ казармы, пили и братались съ народомъ, который увлекалъ ихъ за собою въ разные кварталы города, и ходилъ по улицамъ съ криками: „Долой поповъ!"

Между тѣмъ, парижскіе „округа" (districts), т. е. собранія выборщиковъ первой степени, которые продолжали сходиться и послѣ выборовъ, правильно организовывались, особенно въ рабочихъ кварталахъ, и принимали мѣры для боеваго сопротивленія Парижа. „Округа" находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, и ихъ представители старались составить изъ себя родъ независимаго городского управленія, помимо буржуазной Ратуши. 25-го іюня, въ собраніи избирателей, Бонневиль уже призывалъ къ оружію и предлагалъ избирателямъ составить „Коммуну", ссылаясь на историческія данныя для подкрѣпленія своего

*) Chassin, „Les élections et les cahiers de Paris", Парижъ, 1889, т. III, стр. 453.

предложенія. На слѣдующій день, послѣ предварительнаго собранія въ Музеѣ на улицѣ Дофинъ, представители округовъ отправились, наконецъ, на общее собраніе въ городскую Ратушу. 1-го іюля уже происходило ихъ второе засѣданіе, протоколъ котораго приводитъ Шассенъ (т. III., стр. 439—444, 458, 460). Такъ образовался тотъ „Постоянный Комитетъ", который потомъ засѣдалъ въ день 14-го іюля, и такъ создавалась революціонная организація Парижа, сыгравшая впослѣдствіи такую видную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ Революціи.

30-го іюня, такого простого случая, какъ арестъ и заключеніе въ тюрьму Аббатства (Abbaye) одиннадцати солдатъ французской гвардіи, отказавшихся зарядить свои ружья боевыми патронами, оказалось достаточно чтобы вызвать въ Парижѣ цѣлый бунтъ. Когда Луста-ло, редакторъ „Les Révolutions de Paris", взобрался на стулъ въ Пале-Роялѣ, противъ кафе Фуа, и обратился по этому поводу съ рѣчью къ толпѣ, взывая къ дѣйствію, четыре тысячи человѣкъ тотчасъ же направились къ тюрьмѣ Аббатства и освободили арестованныхъ солдатъ. Увидавъ приближающуюся толпу, тюремщики поняли, что всякое сопротивленіе было бы безполезно, и сами передали заключенныхъ народу. Въ это время прискакали въ карьеръ драгуны, готовые броситься на народъ; но и они поколебались, вложили сабли въ ножны и стали брататься съ толпою — обстоятельство, нагнавшее страхъ на Національное Собраніе, когда оно на другой день узнало, что войско оказалось за-одно съ бунтовщиками. — „Неужели мы станемъ трибунами разнузданнаго народа?" спрашивали господа депутаты.

Бунтъ начинался и въ окрестностяхъ Парижа. Въ Нанжи, народъ отказался платить налоги до тѣхъ поръ, пока они не будутъ установлены Собраніемъ. Хлѣба тамъ не хватало (каждому покупателю продавали не больше двухъ четвериковъ пшеницы), и рынокъ былъ постоянно окруженъ драгунами. Но несмотря на присутствіе войска, и въ Нанжи и въ другихъ городкахъ

вокругъ Парижа произошло нѣсколько бунтовъ. Повсюду легко возникали ссоры между народомъ и булочниками; тогда у нихъ захватывали весь хлѣбъ, — не платя имъ, говоритъ Юнгъ (стр. 225). 27-го іюня газета „Mercure de France“ разсказываетъ даже о попыткахъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ Сенъ-Кантенѣ, скосить еще зеленые хлѣба, — такъ сильно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ.

Въ Парижѣ, 30-го іюня, патріоты начали уже записываться въ кафе Погребка (du Caveau), въ виду возстанія; а когда, на другой день узнали, что де-Брольи назначенъ командующимъ войсками, населеніе, доносятъ тайные доклады полиціи, стало повсюду говорить и объявлять, что „если войска дадутъ хоть одинъ выстрѣлъ, все будетъ *сожжено и разнесено*... Оно говоритъ и многое другое, еще болѣе страшное.... *Благоразумные люди не рѣшаются выходить на улицу*“, прибавляетъ тотъ же полицейскій агентъ.

2-го іюля, народный гнѣвъ направляется противъ герцога Артуа и семейства Полиньяковъ, — приближенныхъ королевы. Ихъ собираются убить, а ихъ дома — разгромить. Собираются также завладѣть всѣми пушками, размѣщенными по Парижу. Сборища становятся все многочисленнѣе; „ярость народа невообразима“, говорится въ тѣхъ же полицейскихъ докладахъ. Въ этотъ же день, пишетъ въ своемъ дневникѣ книгопродавецъ Гарди, „около восьми часовъ вечера, изъ сада Пале-Рояля, разъяренная толпа“ чуть было не двинулась въ Версаль, спасать депутатовъ Третьяго Сословія, такъ какъ пронесся слухъ, что дворяне хотятъ ихъ перебить. При этомъ начинаютъ уже говорить о захватѣ оружія изъ Дома Инвалидовъ, гдѣ имѣлись склады ружей и пушки.

Одновременно съ негодованіемъ противъ Двора росло и раздраженіе, вызванное голодомъ. 4-го и 6-го іюля власти стали принимать мѣры въ виду возможнаго грабежа булочныхъ; по улицамъ, разсказываетъ Гарди,

ходили патрули изъ французской гвардіи, наблюдавшіе за распредѣленіемъ хлѣба.

8-го іюля, въ самомъ Парижѣ, среди двадцати тысячъ безработныхъ, которыхъ правительство занимало земляными работами на Монмартрѣ, разыгралась прелюдія къ возстанію, а черезъ два дня, 10-го, уже лилась кровь, и въ тотъ же день народъ началъ жечь городскія заставы. На Шоссе-д'Антенъ народъ воспользовался тѣмъ, что застава была сожжена, чтобы ввезить, не платя пошлины, разную провизію и вино.

Очевидно, что Камиллъ Дэмуленъ никогда не рѣшился бы, 12-го іюля, призывать народъ къ оружію, если бы онъ не былъ увѣренъ, изъ опыта предыдущихъ дней, что на его призывъ откликнутся; если бы онъ не зналъ, что уже за двѣнадцать дней до того, Лусталоподнялъ толпу по менѣе значительному поводу, и что теперь предмѣстья Парижа только ждутъ перваго сигнала, перваго толчка, чтобы возстать.

Нетерпѣніе принцевъ, увѣренныхъ въ успѣхѣ своего переворота, ускорило ударъ, подготовлявшійся Дворомъ на 16-ое. Королю пришлось дѣйствовать, такимъ образомъ, не дождавшись прибытія новыхъ подкрѣпленій въ Версаль*).

Неккеръ былъ уволенъ 11-го, причемъ герцогъ Артуа поднесъ свой кулакъ подъ носъ министру, когда онъ направлялся въ залу засѣданій Совѣта министровъ. Король же, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, сдѣлалъ видъ въ Совѣтѣ, что ничего не знаетъ, тогда какъ распоряженіе объ отставкѣ министра было уже подписано имъ. Неккеръ безпрекословно подчинился приказаніямъ своего господина. Онъ даже предвосхитилъ его намѣренія, устроивъ свой отъѣздъ въ Брюссель такъ, чтобы не возбудить въ Версали ни малѣйшаго шума.

*) См. письма саксонскаго уполномоченнаго Сальмура къ Штуттергейму, отъ 19 іюля и 20 августа. (Дрезденскій Архивъ, цитир. Фламмермономъ, „La Journée du 14 juillet 1789, par Pitra". Изд. Общ. Исторіи Французской Революціи, 1892).

Парижъ узналъ объ этомъ только на другой день, въ воскресенье 12-го, около полудня. Отставку Неккера, которая должна была быть первымъ актомъ военнаго переворота, всѣ уже ожидали. Вездѣ передавались также слова герцога де-Брольи, говорившаго что онъ, со своими тридцатью тысячами солдатъ, поставленныхъ между Парижемъ и Версалемъ, „отвѣчаетъ за Парижъ". А такъ какъ съ утра стали носиться зловѣщіе слухи о подготовлявшихся Дворомъ избіеніяхъ въ столицѣ, то „весь революціонный Парижъ" направился къ Пале-Роялю. Тамъ и получено было извѣстіе о ссылкѣ Неккера.

— „И такъ, Дворъ рѣшился начать войну?!" Тогда Камиллъ Д муленъ, выйдя изъ одного изъ пале-роялъскихъ кафе, изъ кафе Фуа, со шпагой въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, взобрался на стулъ и обратился къ толпѣ съ призывомъ къ оружію. Отломивъ вѣтку отъ дерева, онъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ себѣ изъ зеленаго листа кокарду, которая должна была служить знакомъ объединенія. И его крикъ: „*Нельзя терять ни минуты времени! Къ оружію!*" разнесся по всѣмъ предмѣстьямъ.

Послѣ обѣда, громадная процессія съ бюстами герцога Орлеанскаго и Неккера, обвитыми крепомъ (говорили, что герцогъ Орлеанскій также сосланъ), двинулась черезъ Пале-Рояль и улицу Ришельё, къ площади Людовика XV-го (теперешняя площадь Согласія). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французскою пѣхотою, гусарами и драгунами, подъ командой маркиза Безанваля. Но войска скоро оказались окруженными народомъ; они старались оттиснуть толпу саблями и даже дали залпъ по народу; но, подъ давленіемъ несмѣтной, всё-ростущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала ихъ и разбивала ихъ ряды, они вынуждены были отступить. Съ другой стороны, пронёсся слухъ о томъ, что солдаты французской гвардіи стрѣляли въ полкъ Королевскій-Нѣмецкій (Royal-Allemand), вѣрный королю, и что швейцарцы отказыва-

ются стрѣлять въ народъ. Тогда Безанваль — кажется, впрочемъ, не особенно довѣрявшій Двору, — отступилъ передъ ростущею народною волною и увёлъ свои войска на Марсово поле*).

Борьба, такимъ образомъ, началась. Но каковъ еще будетъ ея конечный исходъ, если войско, оставшееся вѣрнымъ королю, получитъ приказаніе идти на Парижъ? И вотъ, буржуазные революціонеры, скрѣпя сердце, рѣшаются прибѣгнуть къ крайнему средству: обратиться съ призывомъ къ народу. По всему Парижу бьютъ въ набатъ, и предмѣстья начинаютъ ковать пики**). Мало-по-малу населеніе выходитъ на улицу, вооруженное. Всю ночь люди изъ народа требуютъ у прохожихъ денегъ на покупку пороха. Заставы горятъ. Всѣ заставы на правомъ берегу, отъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ до предмѣстья Сентъ-Онорэ, а также у предмѣстій Сенъ-Марсель и Сенъ-Жакъ, сожжены; съѣстные припасы и вино свободно, безпошлинно ввозятся въ Парижъ. Всю ночь слышится набатъ, и буржуазія дрожитъ за свои имущества, потому что люди вооруженные пиками и дубинами, ходятъ по городу, грабятъ дома нѣкоторыхъ враговъ народа и спекуляторовъ и стучатся въ двери богатыхъ, прося хлѣба, и оружія.

На другой день, 13-го, народъ направляется прежде всего туда, гдѣ есть хлѣбъ, а именно въ монастырь Сенъ-Лазаръ, и осаждаетъ его при крикахъ: *Хлѣба, хлѣба!* Нагружаютъ пятьдесятъ-двѣ повозки, но хлѣбъ не грабятъ, а везутъ его на центральный рынокъ, на

*) „Солдаты французской гвардіи, присоединившіеся къ черни, стрѣляли въ отрядъ полка Royal-Allemand, расположенный на бульварѣ, подъ моими окнами. Было убито двое, и двѣ лошади", писалъ 13 іюля Симоленъ, уполномоченный Екатерины II въ Парижѣ, канцлеру Остерману. Затѣмъ онъ прибавлялъ: „Третьяго дня и вчера вечеромъ сожгли городскую заставу Бланшъ и заставу предмѣстья Пуассоньеръ". (Conches, «Lettres de Louis XVI, etc., стр. 223).

**) Ихъ было выковано 50,000, а также приготовлено «всевозможное второстепенное оружіе», на счетъ города, говоритъ Dusaulx («L'œuvre de sept jours», стр. 203).

площадь у Ратуши, чтобы досталось всѣмъ. Туда же направляетъ народъ и тѣ припасы, которые безпошлинно ввозятся въ Парижъ*).

Въ то же время толпа овладѣваетъ тюрьмою Форсъ (Force), гдѣ въ то время содержались сидѣвшіе за долги, и освобожденные заключенные идутъ по улицамъ Парижа и благодарятъ народъ; но бунтъ заключенныхъ въ Тюрьмѣ Шатлэ оказался усмиреннымъ, — повидимому, буржуазіею, которая поспѣшно вооружалась и разсылала свои патрули по улицамъ. Около шести часовъ вечера, сформировавшаяся буржуазная милиція уже направилась къ Ратушѣ, а въ десять часовъ вечера, говоритъ Шассенъ, она уже вступила въ должность.

Тэнъ и ему подобные, представляя собою вѣрное отраженіе страховъ буржуазіи, стараются показать, что 13-го Парижъ „былъ въ рукахъ разбойниковъ". Но это противорѣчитъ свидѣтельствамъ современниковъ. Были, конечно, случаи, когда голытьба, вооруженная пиками, останавливала прохожихъ на улицахъ и просила у нихъ денегъ на вооруженіе; было также и то, что въ ночь съ 12-го на 13-ое и съ 13-го на 14-ое вооруженные люди стучались въ двери богатыхъ и просили у нихъ ѣсть и пить, или оружія и денегъ. Извѣстно также, что были попытки грабежа, потому что достойные довѣрія свидѣтели разсказываютъ, что въ ночь съ 13-го на 14-ое нѣсколько человѣкъ было повѣшено за такого рода попытки**). Но и здѣсь, какъ

*) „Со всѣхъ сторонъ къ Ратушѣ притекало безконечное число возовъ, телѣгъ и телѣжекъ, остановленныхъ у городскихъ воротъ и нагруженнымъ припасами, посудою, мебелью, и т. д.... Народъ, требовавшій только оружія и боевыхъ запасовъ ... притекалъ къ намъ толпами и становился все настойчивѣе съ каждою минутою". Это было 13 іюля (Dusaulx, «L'œuvre de sept jours», въ «Mémoires sur la Bastille», Linguet-Dusaulx, изданныхъ H. Monin'омъ, Парижъ, 1889, стр. 197).

**) Цитаты, приведенныя Жюлемъ Фламмермономъ въ одномъ изъ примѣчаній, въ его трудѣ о 14-мъ іюля («La Journée du 14 juillet 1789, fragment des Mémoires de L. G. Pit-

и вездѣ, Тэнъ страшно преувеличиваетъ, когда ему нужно сказать что-нибудь противъ Революціи.

Что бы ни говорили теперешніе буржуазные республиканцы, но революціонеры 1789 года обратились за содѣйствіемъ именно къ тѣмъ „компрометирующимъ помощникамъ", о которыхъ говорилъ Мирабо. Они пошли искать ихъ въ темныхъ углахъ парижскихъ предмѣстій; и они поступили совершенно правильно, потому что, если и было нѣсколько случаевъ грабежа, то, въ общемъ, эти „помощники", понимая важное значеніе этихъ дней, отдали свое оружіе на служеніе общему дѣлу, гораздо больше чѣмъ на удовлетвореніе своей личной мести или на облегченіе своей личной нужды, какъ бы тяжела она ни была.

га», съ введеніемъ и примѣчаніями; Парижъ, 1892), указываютъ на это очень опредѣленно — болѣе опредѣленно, чѣмъ самый текстъ, въ которомъ, на страницахъ CLXXXI и CLXXXII, замѣчаются нѣкоторыя противорѣчія.—«Послѣ полудня, говоритъ графъ Сальмуръ, буржуазная гвардія, уже сформировавшаяся, начала обезоруживать всѣхъ подозрительныхъ людей Они, а также вообще вооруженные буржуа, и спасли Парижъ въ эту ночь своею бдительностью... Ночь прошла спокойно и въ полномъ порядкѣ; воровъ и бродягъ задерживали и, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, тутъ же вѣшали» (Письмо графа Сальмура отъ 16 іюля 1789, въ Дрезденскомъ Архивѣ). Слѣдующія фразы изъ письма доктора Ригби (Rigby), приводимаго Фламмермономъ въ примѣчаніи къ стр. CLXXXIII, и которыя я буквально перевожу съ англійскаго, говорятъ о томъ же: «Когда пришла ночь, можно было видѣть лишь очень немногихъ изъ тѣхъ людей, которые вооружились наканунѣ. Нѣкоторые, однако, отказались отдать свое оружіе и доказали, втеченіе ночи, какъ справедливы были по отношенію къ нимъ опасенія жителей, потому что они принялись грабить; но теперь, этого уже нельзя было дѣлать безнаказанно; ихъ скоро обличили и схватили, и мы узнали на слѣдующее утро, что нѣкоторыхъ изъ этихъ негодяевъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, повѣсили». («Dr. Rigby's Letters», стр. 55—57). Чтеніе этихъ свидѣтельствъ приводитъ къ тому выводу, что въ разсказѣ Морелле, гдѣ говорится что «въ ночь съ 13-го на 14-ое іюля были нападенія на людей и на имущества», есть доля правды.

Несомнѣнно, что случаи грабежа были очень рѣдки. Наоборотъ, настроеніе вооруженной толпы стало очень серьезно, какъ только она узнала о столкновеніи, происшедшемъ между войсками и вооруженными буржуа. „Люди съ пиками“ считали себя, очевидно, защитниками города, несущими на себѣ большую отвѣтственность. Такъ, напримѣръ, Мармонтель, завѣдомый противникъ Революціи, отмѣчаетъ тѣмъ не менѣе слѣдующую черту: „Сами разбойники, заразившись общимъ ужасомъ(?), не сдѣлали ничего вреднаго. Единственныя лавки, которыя они заставили открыть, были лавки оружейниковъ, и оттуда взяли оружіе“, говоритъ онъ въ своихъ *Мемуарахъ*. И когда народъ привезъ на площадь Грэвы (около Ратуши) карету принца Ламбеска, съ тѣмъ чтобы сжечь её, то онъ отдалъ сундукъ и всѣ найденныя въ ней вещи въ городскую Ратушу. У монаховъ-лазаристовъ, народъ отказался взять деньги и отобралъ только муку, оружіе и вино, которыя и были привезены на площадь Грэвы. — Ничего въ этотъ день не тронули, ни въ Казначействѣ, ни въ Учетномъ Банкѣ, говоритъ въ своемъ донесеніи англійскій посолъ.

Что правда, — такъ это то, что при видѣ этой толпы въ лохмотьяхъ и голодныхъ людей, вооруженныхъ дубинами и пиками „всѣхъ видовъ“, при видѣ вышедшихъ на улицу призраковъ голода, буржуазію обуялъ такой ужасъ, отъ котораго она съ тѣхъ поръ не с огла опомниться. Впослѣдствіи, въ 1791 и 1792 годахъ, даже тѣ изъ буржуа, которые стремились уничтожить монархію, предпочитали реакцію и иностранное нашествіе новому призыву народа къ революціи. Воспоминаніе о голодномъ и вооруженномъ народѣ, который они на мгновеніе увидали на улицахъ 12-го, 13-го и 14-го іюля 1789 года, не давало имъ покоя.

„Оружія!“ — таковъ былъ общій крикъ, послѣ того какъ народу удалось получить немного хлѣба. Оружія искали повсюду, но не находили, и въ предмѣстіяхъ день и ночь ковали, изо всего что попадалось подъ руку, пики всевозможныхъ формъ.

Между тѣмъ буржуазія, не теряя ни минуты, организовывала свою власть, — свое городское управленіе въ Ратушѣ и свою милицію.

Какъ извѣстно, выборы въ Національное Собраніе были двухстепенные; но, послѣ окончанія выборовъ, выборщики Третьяго Сословія, къ которымъ присоединилось нѣсколько выборщиковъ дворянства и духовенства, продолжали собираться, и начиная съ 27 іюня, выборщики изъ разныхъ избирательныхъ округовъ собирались въ Ратушѣ, съ разрѣшенія офиціальныхъ властей муниципалитета, т. е. Городскаго „Бюро“ и „Министра города Парижа“. Эти выборщики и взяли на себя организовать буржуазную милицію. Мы видѣли, что 1-го іюля происходило уже второе ихъ засѣданіе.

12-го іюля, они образовали „Постоянный Комитетъ“, подъ предсѣдательствомъ городского головы, Флесселя, и рѣшили, что каждый изъ шестидесяти избирательныхъ округовъ Парижа выберетъ двѣсти гражданъ, извѣстныхъ и способныхъ носить оружіе, которые образуютъ милицію въ 12,000 человѣкъ, для охраны общественной безопасности. Втеченіе четырехъ дней предполагалось довести численность этой милиціи до 48,000 человѣкъ, причемъ Комитетъ, въ то же время, старался обезоружить бѣдный народъ.

„Такимъ образомъ, говоритъ вполнѣ справедливо Луи Бланъ, буржуазія образовала для себя преторіанскую гвардію въ 12,000 человѣкъ. Народъ хотѣли обезоружить во что бы то ни стало, хотя бы даже рискуя снова подпасть подъ власть Двора“.

Вмѣсто зеленаго цвѣта кокарды первыхъ дней, милиція должна была носить кокарду красную съ синимъ, и Постоянный Комитетъ принялъ мѣры, чтобы простой народъ, вооружаясь, не наводнилъ бы собою ряды этой милиціи. Онъ издалъ распоряженіе, по которому всякій, кто будетъ носить оружіе и красную съ синимъ кокарду, *не будучи записаннымъ въ одномъ изъ округовъ*, будетъ преданъ суду Комитета. Въ ночь съ 13-го на 14-ое іюля Постояннымъ Комитетомъ былъ назначенъ

и главнокомандующій этой національной гвардіи; это былъ человѣкъ дворянскаго происхожденія — герцогъ д'Омонъ (d'Aumont). Онъ отказался; тогда начальство было дано другому дворянину, маркизу де-ла-Салль, который сперва былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго.

Словомъ, пока народъ ковалъ пики и вооружался, пока онъ принималъ мѣры, чтобы изъ Парижа не вывозили пороха, пока онъ захватывалъ муку и отправлялъ ее на центральный рынокъ или на площадь Грэвы; пока онъ, 14-го іюля, строилъ баррикады, чтобы помѣшать королевскимъ войскамъ вступить въ Парижъ; пока онъ овладѣвалъ оружіемъ изъ Дома Инвалидовъ и толпою направлялся къ Бастиліи, чтобы заставить её сдаться, — буржуазія заботилась о томъ, чтобы власть не ускользнула изъ ея рукъ. Она образовала буржуазную Парижскую Коммуну, которая старалась препятствовать народному движенію, и она поставила во главѣ этой Коммуны городского голову Флесселя, который переписывался съ г-жею Полиньякъ о томъ, какъ помѣшать возстанію Парижа. Извѣстно также, что 13-го іюля, когда народъ пришелъ къ Флесселю за оружіемъ, онъ выписалъ, вмѣсто ружей, ящики съ старымъ бѣльемъ, а на другой день употребилъ все свое вліяніе чтобы помѣшать народу взять Бастилію.

Такъ было положено, ловкими вожаками буржуазіи, начало той политикѣ измѣны, съ которою мы встрѣтимся на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи Революціи.

XII.

Взятіе Бастиліи.

Съ утра 14-го іюля, вниманіе возставшаго парижскаго народа стало направляться на Бастилію — мрачную крѣпость съ массивными, высокими башнями, возвышавшуюся среди домовъ рабочаго квартала, въ началѣ предмѣстья Сентъ-Антуанъ. Историки до сихъ поръ доискиваются, кто именно обратилъ вниманіе народа въ эту сторону, и нѣкоторые высказали предположеніе, что это было сдѣлано Постояннымъ Комитетомъ, засѣдавшимъ въ Ратушѣ; направляя народъ противъ этой эмблемы королевской власти, Комитетъ, говорятъ они, хотѣлъ такимъ образомъ дать возстанію опредѣленную цѣль. Это предположеніе, однако, ничѣмъ не подтверждается, и многіе факты говорятъ противъ него. Вѣрнѣе, что уже начиная съ 12-го и 13-го числа, народъ инстинктивно понялъ, что въ планахъ подавленія парижскаго возстанія, Бастилія должна была играть важную роль, и потому рѣшилъ овладѣть ею.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ западной части Парижа у Двора имѣлось тридцать тысячъ человѣкъ

солдатъ, расположенныхъ на Марсовомъ полѣ подъ начальствомъ Безанваля; а на востокѣ, точку опоры для нападающаго на Парижъ войска представляла Бастилія, которой пушки были направлены на революціонное предмѣстье Сентъ-Антуанъ и на его главную улицу, а также на другую большую артерію — улицу Сентъ-Антуанъ, ведущую къ Ратушѣ (Hôtel de Ville), къ Пале-Роялю и къ дворцу Тюильри. Угрожающее значеніе Бастиліи было, поэтому, очевидно, и уже съ ранняго утра 14-го іюля, разсказываютъ „Два друга свободы“, «слова *къ Бастиліи!* переходили изъ устъ въ уста отъ одного конца города до другого» *).

Правда, гарнизонъ Бастиліи состоялъ всего изъ 114-и человѣкъ, — 84-хъ инвалидовъ и 30-и швейцарцевъ, и извѣстно теперь, что комендантъ не позаботился о припасахъ. Но это доказываетъ только, что самая мысль о возможности серьезнаго нападенія на крѣпость считалась нелѣпой. Между тѣмъ, народъ зналъ, что заговорщики-роялисты разсчитываютъ на Бастилію; отъ жителей окрестныхъ домовъ узнали, что въ ночь 12-го на 13-ое изъ Арсенала были доставлены въ Бастилію запасы пороха. Извѣстно было также, что съ утра 14-го комендантъ крѣпости, маркизъ де-Лонэ, поставилъ пушки такъ, чтобы онѣ были на-готовѣ для стрѣльбы по народу, если толпа направится къ городской Ратушѣ.

Нужно сказать также, что народъ всегда ненавидѣлъ тюрьмы: Бисетрскую тюрьму, Венсенскій замокъ, Басти-

*) Уже въ нѣкоторыхъ своихъ наказахъ избиратели выражали желаніе, «чтобы Бастилія была разрушена и исчезла» (См. Наказъ квартала Рынка, а также кварталовъ Матюреновъ, Кордельеровъ, Сепюлькръ и др., приведенные у Шассена въ «Les élections et les cahiers de Paris», т. II, стр. 449 и слѣд.). Избиратели были правы, потому что уже во время дѣла Ревельона было отдано распоряженіе о вооруженіи Бастиліи. Вотъ почему уже въ ночь 30-го іюня поговаривали о томъ, что необходимо овладѣть этою крѣпостью. («Récit de l'élargissement.... des gardes françaises», цит. у Шассена, стр. 452, примѣчаніе).

лію. Во время волненій 1783 года, когда дворянство протестовало противъ произвольныхъ арестовъ, министръ Бретёйль отмѣнилъ заключеніе въ Венсеннѣ; послѣ чего знаменитый замокъ былъ превращенъ въ хлѣбный амбаръ, и Бретёйль, въ угоду общественному мнѣнію, даже разрѣшилъ публикѣ осматривать страшные каменные мѣшки этого замка. Объ ужасахъ, видѣнныхъ тамъ посѣтителями, много говорили въ ту пору, пишетъ Дрозъ*), и нѣтъ сомнѣнія, что, говоря о Венсенскомъ замкѣ, вспоминали и Бастилію, гдѣ заключеніе должно было быть еще ужаснѣе.

Какъ бы то ни было, извѣстно, что 13-го вечеромъ отрядъ вооруженныхъ парижанъ, проходившій мимо Бастиліи, и защитники крѣпости уже обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами, и что 14-го, съ ранняго утра, болѣе или менѣе вооруженныя толпы народа, загромождавшія улицы втеченіе всей предыдущей ночи, стали собираться на улицахъ, ведущихъ къ Бастиліи. Еще ночью разнёсся слухъ, что королевскія войска приближаются со стороны Тронной заставы къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью, такъ что толпы народа направились въ восточную часть города и баррикадировали улицы къ сѣверо-востоку отъ городской Ратуши.

Утромъ, 14-го іюля, удачное нападеніе на Домъ Инвалидовъ дало возможность народу вооружиться и добыть пушки. Еще наканунѣ нѣсколько буржуа, уполномоченныхъ своими округами, явились въ Домъ Инвалидовъ и требовали оружія, — въ виду того, говорили они, что ихъ домамъ угрожаетъ нападеніе разбойниковъ. Баронъ Безанваль, командовавшій королевскими войсками въ Парижѣ, находился въ это время въ Домѣ Инвалидовъ и обѣщалъ испросить разрѣшенія у маршала Брольи, на выдачу оружія. Но на другой день, 14-го, разрѣшеніе еще не было получено, когда, около семи часовъ утра, въ то время какъ инвалиды, подъ начальствомъ Сомбрёйля, стояли у своихъ пушекъ, раз-

*) Droz. „Histoire du règne de Louis XVI", т. I, стр. 417.

ставленныхъ передъ Домомъ Инвалидовъ, съ фитилями въ рукахъ, готовые открыть огонь, — изъ трехъ сосѣднихъ улицъ вдругъ высыпала бѣгомъ толпа въ семь или восемь тысячъ человѣкъ. Моментально, говорятъ очевидцы, эта толпа перешла, помогая другъ другу, черезъ рвы въ восемь футовъ глубиною и двѣнадцать шириною, окружавшіе площадку передъ Домомъ Инвалидовъ, заполнила эту площадку и захватила двѣнадцать пушекъ (двадцати-четырехъ, восемнадцати и десяти фунтовыхъ) и одну мортиру*). Инвалиды, уже затронутые „духомъ возмущенія", не защищались. Затѣмъ, толпа, мало по малу пробираясь повсюду, добралась до подваловъ и до церкви, гдѣ было спрятано 32,000 ружей, и нѣкоторое количество пороха**). Эти ружья и пушки въ тотъ же день послужили для взятія Бастиліи. Что же касается до пороха, то народъ еще наканунѣ задержалъ тридцать-шесть боченковъ, отсылавшихся въ Руанъ; они были привезены въ Ратушу, и порохъ раздавался всю ночь вооружавшемуся народу.

Ружья увозились народомъ изъ Дома Инвалидовъ очень медленно, и извѣстно, что къ двумъ часамъ дня они еще далеко не всѣ были вывезены. Времени, слѣдовательно, было бы достаточно, чтобы привести войска и разогнать народъ, тѣмъ болѣе, что пѣхота, кавалерія и даже артиллерія стояли очень близко — въ Военной Школѣ и на Марсовомъ Полѣ. Но офицеры этихъ полковъ не разсчитывали на своихъ солдатъ, а можетъ быть и сами колебались, въ виду несмѣтной толпы людей всѣхъ возрастовъ и состояній, свыше 300,000 человѣкъ, наводнявшей улицы за послѣдніе два дня. Всѣ предмѣстья, вооруженныя отчасти ружьями, а главное пиками, молотами, топорами или просто дубинами, тоже высыпали на улицу, и массы народа

*) Пушки такъ называются по вѣсу своихъ ядеръ.

**) Я руковожусь здѣсь письмомъ графа Сальмура, а также свидѣтельствомъ Mathieu Dumas, приведенными у Фламмермона.

толпились на площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласія), а также вокругъ городской Ратуши, Бастиліи и на улицахъ между Ратушею и Бастиліею. Народа было столько, что буржуазія пришла въ ужасъ при видѣ этой массы вооруженной бѣдноты.

Узнавъ, что народъ наводнилъ улицы, прилежащія къ Бастиліи, Постоянный Комитетъ, засѣдавшій въ Ратушѣ, о которомъ мы говорили выше, послалъ, съ утра 14-го, парламентёровъ къ коменданту крѣпости, де-Лонэ, съ просьбою убрать пушки, направленныя на улицы, и не предпринимать ничего противъ народа. Съ своей стороны Комитетъ, принималъ на себя обязательство, на которое онъ никѣмъ не былъ уполномоченъ; онъ обѣщалъ, что и „народъ не предприметъ противъ крѣпости ничего враждебнаго". Делегаты Комитета были очень хорошо приняты комендантомъ, который даже оставилъ ихъ у себя на завтракъ, протянувшій такимъ образомъ дѣло почти до двѣнадцати часовъ. Де-Лонэ, по всей вѣроятности, старался выиграть время, въ ожиданіи опредѣленныхъ распоряженій изъ Версали, которыя не приходили, потому что еще утромъ были перехвачены народомъ. Какъ всякій военный начальникъ, де-Лонэ очевидно предвидѣлъ, что ему трудно будетъ сопротивляться парижскому народу, толпами высыпавшему на улицу, и онъ старался затянуть дѣло переговорами. Пока, онъ приказалъ отодвинуть назадъ пушки, на четыре фута, а чтобы народъ ихъ не видѣлъ извнѣ, онъ велѣлъ забрать амбразуры досками.

Около двѣнадцати часовъ, округъ Сенъ-Луи-ла-Кюльтюръ прислалъ, съ своей стороны, двухъ депутатовъ къ коменданту, и одинъ изъ нихъ, адвокатъ Тюріо-де-ла-Розьеръ, получилъ отъ маркиза де-Лонэ форменное обѣщаніе не стрѣлять, если на него не будутъ нападать. Затѣмъ, около часу и около трехъ часовъ къ коменданту были посланы еще двѣ депутаціи отъ Постояннаго Комитета, но онѣ не были приняты. Обѣ онѣ просили коменданта передать крѣпость въ руки

буржуазной милиціи, которая будетъ охранять ее, вмѣстѣ съ солдатами и швейцарцами, составлявшими гарнизонъ Бастиліи.

Къ счастью, всѣ эти компромиссы были сведены на ничто народомъ, который отлично понималъ, что ему нужно во что бы то ни стало овладѣть Бастиліею. Послѣ того, какъ толпѣ удалось добыть ружья и пушки въ Домѣ Инвалидовъ, народный духъ сталъ подниматься все выше и выше. Толпа наводняла прилежащія къ Бастиліи улицы и окружавшіе крѣпость дворы. Скоро между народомъ и инвалидами, стоявшими на крѣпостной стѣнѣ, завязалась перестрѣлка. Пока Постоянный Комитетъ пытался охладить пылъ нападающихъ и собирался объявить на площади Грэвы, что де-Лонэ обѣщалъ не стрѣлять, если на него не будутъ нападать, — толпа, съ криками *Мы хотимъ Бастилію! Спустить мосты!* двигалась къ крѣпости. Говорятъ, что, увидавши съ высоты стѣнъ, что улица предмѣстья Сентъ-Антуанъ и сосѣднія съ нею черны отъ двигающаго къ Бастиліи народа, комендантъ, поднявшійся на стѣну вмѣстѣ съ адвокатомъ Тюріо, чуть не упалъ въ обморокъ. Онъ, повидимому, даже готовъ былъ сейчасъ же сдать крѣпость милиціи Комитета, но этому воспротивились швейцарцы*).

Вскорѣ первые подъёмные мосты той внѣшней части Бастиліи, которая называлась Передовою (l'Avancée), были спущены — какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, благодаря смѣлости горсти людей. Восемь или десять человѣкъ, среди которыхъ былъ бакалейный лавочникъ Паннетье — человѣкъ высокаго роста и сильный, — воспользовались тѣмъ, что къ внѣшней стѣнѣ Передовой части крѣпости былъ пристроенъ какой-то домъ. При помощи этого дома, они взобрались на стѣну; затѣмъ, подвигаясь по стѣнѣ верхомъ, они добра-

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ письмо швейцарца Де Гю (De Hue) къ его братьямъ, приведенное въ нѣмецкомъ подлинникѣ у Фламмермона, стр. CXCVIII, примѣчаніе.

лись до кордегардіи, стоявшей около маленькаго подъёмнаго моста Передовой части, а оттуда спрыгнули въ первый дворъ собственно Бастиліи — Губернаторскій дворъ, въ которомъ помѣщался домъ коменданта. Дворъ этотъ оказался пустымъ, такъ какъ послѣ ухода Тюріо инвалиды, вмѣстѣ съ де-Лонэ, удалились во внутрь крѣпости. Попавши на Губернаторскій дворъ, эти восемь или десять человѣкъ спустили прежде всего маленькій подъёмный мостъ Передовой части, выломали его ворота топорами, а затѣмъ спустили и большой мостъ. Тогда больше трехъ-сотъ человѣкъ ворвались въ Губернаторскій дворъ, и побѣжали къ двумъ другимъ подъёмнымъ мостамъ, малому и большому, служившимъ для перехода черезъ широкій главный ровъ, въ самую крѣпость. Оба моста были однако уже подняты извнутри, защитниками крѣпости.

Здѣсь произошло то, что сразу довело ярость парижскаго народа до высшей точки и позднѣе стоило жизни де-Лонэ. Когда толпа наводнила Губернаторскій Дворъ, защитники Бастиліи стали стрѣлять по ней; была даже сдѣлана кѣмъ-то попытка поднять большой подъёмный мостъ Передовой части, чтобы помѣшать толпѣ выйти изъ Губернаторскаго двора и взять её въ плѣнъ, или уничтожить*). Такимъ образомъ, въ тотъ самый моментъ, когда Тюріо и Корни объявляли народу на площади Грэвы, что комендантъ обѣщалъ не стрѣлять, солдаты, съ высоты крѣпостной стѣны, обстрѣливали Губернаторскій дворъ ружейными залпами а пушки Бастиліи обстрѣливали ядрами сосѣднія улицы.

*) Теперь есть историки, старающіеся доказать, что эта попытка была сдѣлана не по приказанію де-Лонэ, а по собственной иниціативѣ нѣсколькихъ инвалидовъ, которые выходили за провизіей и теперь возвращались въ крѣпость. Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій совершенно невѣроятенъ со стороны трехъ или четырехъ солдатъ, затерянныхъ въ громадной толпѣ. Кромѣ того, зачѣмъ было запирать толпу во дворѣ, если не имѣлось въ виду сдѣлать изъ нея заложниковъ противъ народа, или уничтожить её?

Послѣ всѣхъ переговоровъ, происходившихъ утромъ, этотъ огонь, открытый по толпѣ, естественно былъ понятъ какъ измѣна со стороны де-Лонэ, и народъ сталъ обвинять его въ томъ, что онъ самъ спустилъ первые два подъёмные моста Передовой части, съ цѣлью заманить толпу подъ огонь съ крѣпостной стѣны*).

Все это произошло приблизительно въ часъ по-полудни.

Извѣстіе, что орудія Бастиліи стрѣляютъ по народу немедленно разнеслось по всему Парижу и привело къ двумъ послѣдствіямъ. Постоянный Комитетъ парижской милиціи, съ своей стороны, поспѣшилъ отправить новую депутацію къ коменданту съ предложеніемъ, принять въ крѣпость отрядъ милиціи, который будетъ защищать её вмѣстѣ съ войсками. Но эта депутація не дошла до коменданта, вслѣдствіе сильной перестрѣлки, продолжавшейся все время между инвалидами и нападающими, которые, стоя подъ стѣнами окружающихъ построекъ, стрѣляли, въ особенности по солдатамъ, стоявшимъ на стѣнѣ у орудій. Народъ, кромѣ того, понималъ, что депутаціи Комитета только мѣшаютъ осадѣ. —„Они не хотятъ больше депутацій, они требуютъ сдачи Бастиліи и хотятъ разрушить эту ужасную тюрьму; они громко требуютъ смерти коменданта“, разсказывали вернувшіеся депутаты.

*) Этой внезапно начатой стрѣльбѣ были даны разныя объясненія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, защитники Бастиліи открыли огонь потому, что толпа, наводнившая дворы Ормъ и Губернаторскій, стала грабить домъ коменданта и домá, гдѣ жили инвалиды. Между тѣмъ, въ глазахъ всякаго военнаго, само *взятіе приступомъ* Передовой части, которое давало народу доступъ къ подъёмнымъ мостамъ крѣпости и къ самимъ ея воротамъ, было уже достаточною причиною для открытія стрѣльбы по осаждающимъ. Возможно также и то, что въ это самое время де-Лонэ получилъ ожидаемый имъ приказъ защищать Бастилію до послѣдней крайности. Извѣстно, что одинъ такой приказъ былъ перехваченъ; но возможно, что тотъ же приказъ, посланный другимъ путемъ, дошелъ по назначенію. Существуетъ даже предположеніе, что такой приказъ дѣйствительно былъ переданъ де-Лонэ.

Это не помѣшало, однако, Комитету, засѣдавшему въ Ратушѣ, послать еще третью депутацію. Королевскому и городскому прокурору, Этису-де-Корни и еще нѣсколькимъ гражданамъ было еще разъ поручено охладить пылъ народа, помѣшать осадѣ и войти въ соглашеніе съ де-Лонэ, съ тѣмъ, чтобы онъ впустилъ въ крѣпость комитетскую милицію. Стремленіе помѣшать народу овладѣть Бастиліею обнаружилось здѣсь очень ясно*).

Что же касается до парижскаго народа вообще, то онъ, со своей стороны, какъ только вѣсть о перестрѣлкѣ распространилась по городу, сталъ дѣйствовать, не ожидая ничьихъ приказаній, а руководствуясь однимъ своимъ революціоннымъ чутьемъ. Онъ привёзъ къ Ратушѣ захваченныя въ Домѣ Инвалидовъ пушки, и около трехъ часовъ, когда депутація Корни возвращалась, съ разсказомъ о своей неудачѣ, она встрѣтила на пути приблизительно триста солдатъ французской гвардіи и множество вооруженныхъ буржуа, подъ командою бывшаго солдата Юлена (Hulin), направлявшихся къ Бастиліи, съ пятью пушками. Въ это время стрѣльба продолжалась уже около трехъ часовъ. Народъ не отступалъ, несмотря на многихъ убитыхъ и

*) «Имъ было поручено уговаривать всѣхъ тѣхъ, кто находился въ окрестностяхъ Бастиліи, *возвратиться въ свои округа, и тамъ немедленно записываться въ парижскую милицію*, и напомнить г-ну де-Лонэ обѣщаніе, данное имъ господами Тюріо-де-ла-Розьеръ и Беллону...» (Фламмермонъ, l. c., стр CLVIII). Явившись во дворъ Передовой части, полный людей, вооруженныхъ ружьями, топорами и т. д., депутація обратилась къ инвалидамъ. Послѣдніе, очевидно, потребовали, чтобы народъ прежде всего удалился съ Губернаторскаго двора. Тогда депутація стала уговаривать народъ удалиться (См. Boucheron, цитированный Фламмермономъ, стр. CCXIV, примѣчаніе). Къ счастью, народъ и не думалъ послѣдовать ихъ совѣту, а продолжалъ осаду. Онъ понялъ, что время переговоровъ прошло и обошелся съ господами депутатами очень дурно; слышались даже разговоры о томъ, чтобы убить ихъ, какъ измѣнниковъ. (Boucheron, l. c., стр. CCXVI, примѣчаніе, и «Procès-verbal des électeurs»).

раненыхъ*), и продолжалъ осаду, прибѣгая къ разнаго рода уловкамъ: были, напримѣръ, привезены два воза соломы и навоза, чтобы дымъ отъ нихъ составилъ своего рода завѣсу и облегчилъ осаду двухъ входныхъ воротъ (у малаго и у большого подъёмнаго моста). Зданія, расположенныя на Губернаторскомъ дворѣ, уже были сожжены.

Пушки являлись какъ разъ во время. Ихъ ввезли на Губернаторскій дворъ и поставили противъ подъёмныхъ мостовъ и воротъ, всего въ пятнадцати саженяхъ отъ нихъ.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на осажденныхъ эти пушки въ рукахъ народа! Ясно было, что висячіе мосты скоро упадутъ, и ворота будутъ выбиты. Толпа, все болѣе и болѣе грозная, становилась все многочисленнѣе.

Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда защитники крѣпости поняли, что сопротивляться дольше — значило бы осудить себя на вѣрную смерть. Де-Лонэ рѣшилъ сдаться. Инвалиды, видѣвшіе, что имъ не устоять противъ всего Парижа, ведущаго на нихъ осаду, еще раньше совѣтовали капитуляцію, и около четырехъ часовъ, или между четырьмя и пятью, комендантъ выбросилъ бѣлый флагъ и велѣлъ бить отбой, т. е. приказъ прекратить огонь и сойти съ крѣпостной стѣны.

Гарнизонъ сдавался и просилъ оставить за нимъ право выйти съ оружіемъ. Возможно, что военные, Юленъ и Эли, находившіеся противъ большого подъёмнаго моста, дали свое согласіе на такое условіе, но народъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Раздавались ожесточенные крики: „Спустить мосты!“

Тогда, въ пять часовъ, комендантъ передалъ черезъ одну изъ бойницъ, около малаго подъёмнаго моста, записку слѣдующаго содержанія: „У насъ есть двадцать бочекъ пороха; если вы не примете капитуляціи,

*) 83 человѣка было убито на мѣстѣ, 15 умерло отъ ранъ, 13 было изувѣчено, 60 ранено.

мы взорвемъ весь кварталъ и гарнизонъ". Это были одни слова, такъ какъ если бы даже онъ думалъ привести свою угрозу въ исполненіе, то гарнизонъ никогда бы не допустилъ до этого. Какъ бы то ни было, де-Лонэ самъ отдалъ ключъ отъ воротъ маленькаго подъёмнаго моста.

Ворота отперли извнутри, и народъ тотчасъ же наводнилъ крѣпость, обезоруживая швейцарцевъ и инвалидовъ, и захватилъ самаго де-Лонэ, котораго потащили въ городскую Ратушу. По дорогѣ, толпа, разъяренная его измѣною, осыпа́ла его всякими оскорбленіями. Двадцать разъ рисковалъ онъ быть убитымъ, несмотря на героическія усилія нѣкоего Шола́, и еще одного*), заслонявшихъ его собою. Въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ Ратуши его впрочемъ вырвали изъ ихъ рукъ и отрубили ему голову. Де-Гю (De Hue), начальникъ швейцарцевъ, спасъ свою жизнь тѣмъ, что заявилъ, что сдается Городу и Націи, и выпилъ за ихъ процвѣтаніе; но три офицера генеральнаго Штаба Бастиліи и три инвалида были убиты. Что касается городского головы Флесселя, находившагося въ сношеніяхъ съ Безанвалемъ и герцогинею Полиньякъ, и въ рукахъ котораго, — какъ это выясняется изъ одного его письма, — было еще много другихъ тайнъ, сильно компрометировавшихъ королеву, то народъ готовился уже казнить его, когда какой-то неизвѣстный застрѣлилъ его изъ пистолета. Не рѣшилъ-ли этотъ неизвѣстный, что „только мертвые хранятъ тайны?"

Какъ только подъёмные мосты Бастиліи были спущены, народъ бросился во дворы и сталъ разыскивать заключенныхъ, заживо-погребенныхъ въ Бастиліи. При видѣ этихъ призраковъ, выходившихъ изъ темныхъ казематовъ и совершенно растерявшихся отъ свѣта и отъ гула привѣтствовавшихъ ихъ голосовъ, растроганная толпа проливала слезы. Мучениковъ королевскаго

*) Не былъ ли это Мальяръ (Maillard)? — Извѣстно, что имъ былъ арестованъ де-Лонэ.

деспотизма торжественною процессіею повели по улицамъ Парижа. И скоро, при извѣстіи, что Бастилія въ рукахъ народа, восторгъ овладѣлъ всѣмъ городомъ, причемъ населеніе сейчасъ же стало еще ревностнѣе заботиться о томъ, чтобы сохранить за собою свое завоеваніе. Переворотъ, задуманный Дворомъ, кончился полнѣйшею неудачею.

Такъ началась Революція. Народъ одержалъ первую свою побѣду. Такая осязательная побѣда была необходима. Нужно было, чтобы Революція выдержала борьбу и вышла изъ нея побѣдительницей. Народъ долженъ былъ показать свою силу, чтобы заставить своихъ враговъ считаться съ нимъ, чтобы повсюду въ странѣ возбудить бодрость и всюду дать толчокъ къ возстаніямъ, къ завоеванію свободы.

XIII.

Послѣдствія 14-го іюля въ Версали.

Во всякой Революціи, разъ она началась, каждое отдѣльное ея событіе не только подводитъ итоги всему тому, что уже совершилось, но также заключаетъ въ себѣ главные элементы будущаго; такъ что, если бы современники способны были отрѣшиться отъ впечатлѣній минуты, и отдѣлить въ происходившемъ вокругъ нихъ существенное отъ случайнаго, — они уже на другой день послѣ 14-го іюля могли бы предвидѣть весь дальнѣйшій ходъ Революціи.

При Дворѣ, еще наканунѣ вечеромъ, т. е. 13-го іюля, совершенно не понимали важности движенія, происходившаго въ Парижѣ. Въ Версали въ этотъ вечеръ устроено было празднество. Во дворцѣ танцовали, въ Оранжереѣ, и пили за будущую побѣду надъ взбунтовавшеюся столицею. Королева, со своею пріятельницею Полиньякъ и другими придворными дамами, а вмѣстѣ съ нею принцы и принцессы расточали въ казармахъ любезности иностраннымъ солдатамъ, чтобы возбудить ихъ къ предстоявшему бою*). Съ безумнымъ легкомыс-

*) Мирабо, въ отчетѣ о рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи Собранія, открывшемся 15-го въ восемь часовъ утра,

ліемъ, французскій Дворъ — жившій, какъ и всякій Дворъ, въ мірѣ иллюзій и условной лжи, — не подозрѣвалъ даже, что завладѣть Парижемъ уже невозможно, что моментъ былъ упущенъ. Самъ Людовикъ XVI зналъ о положеніи дѣлъ не больше, чѣмъ королева, или принцы. Когда, 14-го вечеромъ, Собраніе, испуганное народнымъ возстаніемъ, бросилось къ нему, и въ раболѣпныхъ выраженіяхъ стало умолять его вернуть министровъ и удалить войска, онъ отвѣтилъ тономъ властелина, все еще увѣреннаго въ побѣдѣ. Онъ вѣрилъ въ планъ, который ему присовѣтовали: а именно, поставить во главѣ буржуазной милиціи вѣрныхъ людей, обуздать съ помощью этой милиціи народъ, а затѣмъ — ограничиться изданіемъ нѣсколькихъ распоряженій относительно удаленія войскъ. Вотъ въ какомъ искуственномъ мірѣ, населенномъ призраками, жили король и Дворъ, — и продолжали жить, несмотря на краткіе моменты пробужденія, до той самой минуты, когда пришло время взойти на эшафотъ.

И какъ хорошо опредѣляются, уже тогда, характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ! Король, отуманенный своею неограниченною властью, готовъ всегда сдѣлать именно тотъ шагъ, который приведетъ къ катастрофѣ. Затѣмъ, когда катастрофа подходитъ, онъ проявляетъ въ борьбѣ съ нею свое упорство, свою косность, — только косность, — и наконецъ, какъ разъ тогда, когда всѣ думаютъ, что онъ выдержитъ и будетъ упорно сопротивляться, онъ уступаетъ — всегда только для вида. А вотъ королева: порочная, испорченная до глубины души своею неограниченною властью, она прямо толкаетъ короля къ катастрофѣ. Сперва она рѣзко сопротивляется событіямъ, не хочетъ признавать ихъ; затѣмъ, вдругъ рѣшается уступить — и впадаетъ со своими пріятельницами въ ребячество куртизанки. А

говоритъ такъ, какъ будто бы это празднествопроисходило наканунѣ. Но говорилъ онъ именно о празднествѣ 13-го числа.

принцы? Они совѣтуютъ королю самыя гибельныя рѣшенія и покидаютъ его при первой же неудачѣ; они оставляютъ Францію и становятся эмигрантами, тотчасъ же послѣ взятія Бастиліи, и ѣдутъ интриговать въ Германіи или въ Савойѣ. — Какъ быстро обрисовываются всѣ эти характеры, въ нѣсколько дней, отъ 8-го до 15-го іюля!

А съ другой стороны мы видимъ народъ, съ его пылкимъ энтузіазмомъ, съ его великодушіемъ, съ его готовностью погибнуть за торжество Свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ — народъ, ищущій руководителей, готовый подчиниться новымъ господамъ, водворяющимся въ Городской Ратушѣ. Онъ такъ хорошо понимаетъ всѣ интриги Двора, такъ ясно видитъ — лучше самыхъ проницательныхъ людей — развитіе заговора, подготовлявшагося уже съ конца іюня, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ себя опутать другимъ заговорщикамъ, т. е. имущимъ классамъ, которые скоро загоняютъ назадъ въ трущобы голодныхъ пролетаріевъ, вооружившихся пиками. Ихъ призвали на помощь, когда нужно было противопоставить силѣ арміи силу народнаго возстанія, а теперь ихъ выживаютъ съ улицы, надававши имъ разныхъ обѣщаній — и они повинуются.

Съ самыхъ первыхъ дней, въ поведеніи буржуазіи уже намѣчаются всѣ будущія великія драмы Революціи. 14-го іюля, по мѣрѣ того какъ королевская власть становится все менѣе и менѣе опасною, представители Третьяго Сословія, собравшіеся въ Версали, все болѣе и болѣе начинаютъ бояться народа. И, несмотря на пылкія слова Мирабо по поводу празднества, происходившаго въ Оранжереѣ, королю достаточно появиться въ Собраніи, признать власть представителей и обѣщать имъ личную неприкосновенность, чтобы они разразились рукоплесканіями, пришли въ восторгъ и вышли на улицу провожать короля, составляя ему почетный караулъ и оглашая Версаль криками: „Да здравствуетъ король!“ И это происходитъ въ то самое время, когда въ Парижѣ народъ избивается во имя того же короля,

а въ Версали толпа народа грозитъ королевѣ и герцогинѣ Полиньякъ, про обѣщанія же короля спрашиваетъ себя, — не надо ли видѣть въ нихъ одну его обычную лживость?

Парижскій народъ дѣйствительно не поддался на обѣщаніе короля удалить войска. Онъ ему не повѣрилъ. Онъ предпочёлъ организоваться въ революціонную Коммуну, и эта Коммуна, на подобіе средневѣковыхъ коммунъ, приняла нужныя мѣры для защиты города отъ короля. Улицы Парижа были перерѣзаны траншеями, или перегорожены баррикадами; народные патрули стали ходить по городу, готовые при малѣйшей тревогѣ забить въ набатъ.

Посѣщеніе Парижа королемъ не успокоило народа. 17-го числа, увидавъ себя побѣжденнымъ и покинутымъ всѣми, Людовикъ XVI рѣшился поѣхать въ Парижъ, въ Городскую Ратушу, чтобы помириться тамъ со своею столицею. Буржуазія постаралась сдѣлать изъ этого посѣщенія торжественный актъ примиренія между нею и королемъ. Буржуазные революціонеры, изъ которыхъ весьма многіе были франкъ-масонами, оказали королю великую почесть, составивши изъ своихъ, скрещенныхъ надъ его головою шпагъ такъ называемый „стальной сводъ", когда онъ поднимался въ Ратушу; а Байльи, назначенный мэромъ Парижа, прикололъ къ его шляпѣ трехцвѣтную кокарду. Въ буржуазіи стали даже поговаривать о томъ, чтобы поставить Людовику XVI-му статую на мѣстѣ разрушенной Бастиліи. Но народъ отнёсся ко всему этому весьма сдержанно и недовѣрчиво, и такое отношеніе не исчезло даже послѣ посѣщенія королемъ Ратуши. Король буржуазіи — сколько угодно, но не король народа!

Съ своей стороны, Дворъ отлично понялъ, что послѣ возстанія 14-го іюля, между королевскою властью и народомъ примиренія быть не можетъ. Герцогиню Полиньякъ спровадили въ Швейцарію, несмотря на слёзы Маріи-Антуанеты, и на другой-же день начали выѣзжать за-границу принцы. Тѣ, кто былъ душою неудав-

шагося заговора — принцы и министры — спѣшили покинуть Францію. Герцогъ д'Артуа скрылся ночью, и такъ боялся за свою жизнь, что тайно проѣхалъ черезъ городъ, а въ пути его сопровождалъ цѣлый полкъ, съ двумя пушками. Король обѣщалъ при первой возможности отправиться вслѣдъ за милыми его сердцу эмигрантами; и съ тѣхъ поръ уже создался планъ бѣгства короля за-границу, съ тѣмъ чтобы вернуться во Францію во главѣ нѣмецкихъ войскъ.

Въ сущности, 16 го іюля все уже было готово къ отъѣзду короля. Людовикъ XVI долженъ былъ доѣхать до Меца, стать тамъ во главѣ войска и идти войною на Парижъ. Экипажи уже были запряжены, и ихъ готовы были подать, чтобы увезти короля и королеву подъ прикрытіемъ войскъ, расположенныхъ между Версалью и нѣмецкою границею. Но герцогъ Брольи отказался везти короля въ Мецъ, а принцы слишкомъ торопились убѣжать сами по себѣ. Тогда Людовикъ XVI — онъ самъ разсказывалъ это впослѣдствіи, — видя себя покинутымъ принцами и дворянствомъ, отказался отъ плана вооруженнаго сопротивленія, внушеннаго ему исторіею англійскаго короля Карла I-го, и рѣшилъ съѣздить въ Парижъ, выразить свое подчиненіе волѣ народа.

Нѣкоторые историки — роялисты — стараются набросить сомнѣніе на самое существованіе при Дворѣ заговора противъ Національнаго Собранія и города Парижа. Но заговоръ доказанъ множествомъ документовъ. Минье, — историкъ, какъ извѣстно, весьма умѣренный и притомъ писавшій вскорѣ послѣ самихъ событій, не выражаетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и всѣ позднѣйшія изслѣдованія подтвердили его взглядъ. 13-го іюля, король долженъ былъ повторить заявленіе, сдѣланное имъ 23-го іюня, послѣ чего Собраніе должно было быть распущено. Заявленіе короля уже было отпечатано въ сорока тысячахъ экземпляровъ, для разсылки по всей Франціи. Командующій войсками, стянутыми на пространствѣ между Версалью и Парижемъ, но-

лучилъ неограниченныя полномочія, чтобы устроить избіеніе парижскаго народа и принять строгія мѣры противъ Собранія, въ случаѣ если бы оно стало сопротивляться.

Сто милліоновъ кредитныхъ билетовъ уже было отпечатано, безъ разрѣшенія Собранія, для покрытія издержекъ Двора. Все было готово, и когда, 12-го, пришло извѣстіе, что Парижъ возсталъ, на это возстаніе сперва взглянули при Дворѣ какъ на бунтъ, способствующій замысламъ придворныхъ. Потомъ, немного позже, когда узнали, что движеніе ростетъ, король собрался уѣзжать, предоставляя министрамъ разогнать Собраніе при помощи наёмныхъ иностранныхъ войскъ — нѣмецкихъ полковъ и швейцарцевъ. Но министры этому воспротивились, такъ какъ видѣли, что волна движенія все ростетъ и ростетъ. Вотъ почему, послѣ 14-го іюля, при извѣстіи о взятіи Бастиліи и казни де-Лонэ, Дворомъ овладѣла такая паника, и почему Полиньяки, принцы и многіе другіе аристократы, бывшіе душою заговора и боясь доносовъ, поспѣшили бѣжать за-границу.

Но народъ не дремалъ. Онъ смутно понималъ, чего ищутъ эти бѣглецы по ту сторону границы, и крестьяне начали задерживать ихъ. Въ числѣ ихъ были задержаны Фуллонъ и Бертье.

Мы уже говорили о нищетѣ, свирѣпствовавшей въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и о спекуляторахъ на хлѣбъ, которыхъ преступленія Собраніе не рѣшалось разслѣдовать. Среди этихъ спекуляторовъ, обогащавшихся народною нищетою, особенно указывали на Фуллона, нажившаго себѣ громадное состояніе, какъ финансовыми операціями, такъ и въ своей должности интенданта арміи и флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстна была его ненависть къ народу и Революціи. Бролья, когда подготовлялся переворотъ на 16-е іюля, приглашалъ Фуллона въ министры. Хитрый финансистъ, правда, отказался отъ этого опаснаго поста, но на совѣты онъ не скупился: по его мнѣнію, слѣдовало разомъ из-

бавиться отъ всѣхъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ вліяніе въ революціонномъ лагерѣ.

Послѣ взятія Бастиліи, когда онъ узналъ, какъ по улицамъ носили голову де-Лонэ, онъ понялъ, что ему не остаётся ничего другого, какъ послѣдовать примѣру принцевъ и бѣжать; но такъ какъ сдѣлать это было уже трудно, вслѣдствіе бдительнаго надзора парижскихъ „округовъ“, то онъ воспользовался смертью одного изъ своихъ лакеевъ, чтобы распустить слухъ, что Фуллонъ умеръ и похороненъ, а самъ тѣмъ временемъ выѣхалъ изъ Парижа и скрылся у одного изъ своихъ пріятелей, въ окрестностяхъ Фонтэнбло.

Тамъ Фуллона открыли и задержали крестьяне, и тогда они отмстили ему за всѣ свои долгія страданія, за всю свою нужду. Взваливъ ему на плечи охапку сѣна — намёкъ на его похвальбу, что онъ заставитъ парижанъ ѣсть сѣно, — озлобленная толпа потащила спекулятора въ Парижъ. Тамъ, въ Ратушѣ, Лафайетъ попытался спасти его. Но разъяренный народъ не послушалъ революціоннаго генерала и повѣсилъ Фуллона на фонарѣ.

Его зять, Бертье, — тоже участникъ въ королевскомъ заговорѣ и къ тому же интендантъ войска Брольи, — былъ задержанъ въ Компьени и тоже приведенъ толпою въ Парижъ, гдѣ его тоже собирались повѣсить на фонарѣ; но онъ сталъ сопротивляться, въ надеждѣ спастись, и былъ убитъ.

Нѣсколько другихъ заговорщиковъ, направившихся за-границу, было задержано на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Франціи, и они возвращены были въ столицу.

Легко себѣ представить, какой ужасъ охватилъ придворныхъ при извѣстіи объ этихъ актахъ народной расправы и неусыпной бдительности крестьянъ. Все высокомѣріе придворной партіи, вся ихъ рѣшимость бороться противъ Революціи исчезли. Теперь, они желали одного: чтобы ихъ забыли. Реакціонная партія поняла, что ея дѣла стоятъ очень плохо.

XIV.

Народныя возстанія.

Разстроивши всѣ планы Двора, Парижъ нанесъ королевской власти смертельный ударъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, появленіе на улицахъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ народа, въ качествѣ дѣятельной силы Революціи, придавало всему движенію новый характеръ; оно вносило въ него новыя требованія — требованія равенства. Богатые и властные сразу поняли смыслъ того, что произошло за эти дни въ Парижѣ, а эмиграція, сначала принцевъ, а потомъ и придворныхъ фаворитовъ и спекуляторовъ, только подчеркнула смыслъ народной побѣды. Дворъ сталъ искать за-границею поддержки противъ революціонной Франціи.

Тѣмъ не менѣе, если бы движеніе ограничилось одною столицею, то Революція никогда не выросла бы до того, чѣмъ она стала впослѣдствіи, т. е. до разрушенія всего стараго строя. Возстаніе въ центрѣ было, само собою, необходимо для того, чтобы нанести ударъ центральному правительству, чтобы поколебать его, чтобы обезкуражить его защитниковъ. Но для того,

чтобы сломить силу правительства въ провинціи, на мѣстахъ,—чтобы уничтожить старый порядокъ въ его правительственныхъ отправленіяхъ и въ его экономическихъ привилегіяхъ, необходимо было широкое народное возстаніе, въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ. Такое возстаніе и произошло въ іюлѣ, въ значительной части Франціи.

Историки, которые всѣ, сознательно или безсознательно, руководствуются первою исторіею Революціи, написанною „Двумя друзьями свободы", обыкновенно изображаютъ это движеніе въ городахъ и деревняхъ, какъ послѣдствіе взятія Бастиліи. Извѣстіе объ успѣхѣ народа въ Парижѣ подняло, говорятъ они, движеніе въ деревняхъ; крестьяне начали жечь замки, и это крестьянское возстаніе навело такой ужасъ, что 4-го августа дворянство и духовенство отказались отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ.

Но такое толкованіе вѣрно только отчасти. Въ городахъ, дѣйствительно, многія возстанія произошли подъ вліяніемъ взятія Бастиліи. Одни изъ нихъ, напримѣръ въ Труа — 18 іюля, въ Страсбургѣ — 19-го, въ Шербургѣ — 21-го, въ Руанѣ — 24-го, въ Мобёжѣ — 27-го, послѣдовали вскорѣ за парижскимъ движеніемъ. Другія совершились втеченіе слѣдующихъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, пока Національное Собраніе не провело муниципальнаго закона 14-го декабря 1789 года, установившаго правленіе буржуазіи въ городахъ, при очень значительной независимости отъ центральнаго правительства.

Но что касается крестьянъ, то при медленности сообщеній въ тѣ времена, трехъ недѣль, протекшихъ между 14-мъ іюля и 4-мъ августа, было совершенно недостаточно для того, чтобы взятіе Бастиліи могло вызвать движеніе въ деревняхъ, а крестьянское возстаніе, въ свою очередь, могло повліять на рѣшенія Національнаго Собранія. Представлять себѣ событія въ такомъ видѣ, значитъ, въ сущности, умалять глубокое значеніе движенія, происходившаго въ деревняхъ.

Возстаніе крестьянъ, съ цѣлью уничтоженія феодальныхъ правъ и возврата общинныхъ земель, отнимавшихся у деревенскихъ общинъ, еще съ семнадцатаго вѣка, свѣтскими и духовными помѣщиками, это — *самая сущность, истинная основа великой Революціи*. На этой основѣ крестьянскаго и городскаго возстанія разыгралась вся борьба буржуазіи изъ-за политическихъ правъ. Безъ крестьянскаго движенія никогда Революція не получила бы того глубокаго значенія, какое она имѣла во Франціи. Именно это широкое крестьянское возстаніе, начавшееся съ января 1789 года (даже съ 1788 года) и продолжавшееся съ перемѣнною силою цѣлыхъ пять лѣтъ, дало Революціи возможность выполнить ту громадную разрушительную работу, которой мы ей обязаны. Оно дало ей возможность заложить первыя основы политической жизни, построенной на идеѣ равенства; оно развило во Франціи республиканскій духъ, котораго ничто впослѣдствіи не могло убить, и оно дало возможность приступить въ 1793-мъ году къ выработкѣ принциповъ аграрнаго коммунизма. Это возстаніе составляетъ, наконецъ, характерную черту французской Революціи, въ отличіе отъ англійской Революціи 1648—1657 годовъ.

Въ Англіи, буржуазія, послѣ борьбы продолжавшейся девять лѣтъ, такъ же низвергла неограниченную власть короля и разрушила политическія привилегіи придворныхъ прислужниковъ. Но рядомъ съ этимъ, отличительную черту англійской Революціи составляетъ борьба за право каждаго человѣка исповѣдывать избранную имъ вѣру, толковать Библію, какъ онъ самъ её понимаетъ, и избирать самому своихъ пастырей; словомъ, право личности на тотъ путь умственнаго и религіознаго развитія, который она сама изберётъ. Другую отличительную черту англійской Революціи составляетъ борьба за мѣстную независимость приходовъ, а слѣдовательно и городовъ. Но на такое возстаніе, какое было во Франціи, чтобы уничтожить феодальныя повинности и вернуть отобранныя у сельскихъ общинъ

земли, англійскіе крестьяне не поднялись. Если банды Кромвеля и разрушили нѣкоторые замки, представлявшіе собою настоящія крѣпости феодализма, то онѣ не объявили войны, ни феодальнымъ притязаніямъ помѣщиковъ на землю, ни даже ихъ праву суда надъ своими вассалами. Вотъ почему англійская Революція, хотя и завоевала драгоцѣнныя для личности права, но оставила феодальную власть помѣщика почти нетронутою: она только слегка измѣнила ее, сохраняя однако за помѣщиками захваченныя ими права на землю — права, уцѣлѣвшія и до нашихъ дней.

Англійская Революція упрочила, конечно, политическую власть за буржуазіею; но, чтобы добиться этой власти, буржуазіи пришлось раздѣлить её съ землевладѣльческою аристократіею. И если Революція дала англійской буржуазіи процвѣтаніе торговли и промышленности, то только подъ условіемъ, что буржуазія, которая воспользуется этимъ процвѣтаніемъ, не тронетъ землевладѣльческихъ привилегій дворянства. Мало того: англійская Революція даже содѣйствовала развитію этихъ привилегій, — по крайней мѣрѣ въ смыслѣ увеличенія ихъ цѣнности. Она помогла помѣщикамъ овладѣть общинными землями, путемъ законодательства въ Парламентѣ, посредствомъ закона объ „огораживаніи“ этихъ земель (Enclosure Acts); вслѣдствіе чего деревенское населеніе, доведенное до нищеты, было отдано на произволъ помѣщиковъ и вынуждено было выселяться въ города, гдѣ обезземеленные крестьяне подпадали подъ ничѣмъ не ограниченную эксплуатацію промышленной буржуазіи. При этомъ, англійская буржуазія помогла дворянству сдѣлать изъ своихъ громадныхъ имѣній, не только источникъ доходовъ, иногда баснословныхъ, но и источникъ мѣстной политической и судебной власти, благодаря возстановленію, въ вопросахъ о продажѣ земли, монополіи собственности на землю, потребность въ которой все болѣе и болѣе чувствовалась въ странѣ, гдѣ непрерывно развивались промышленность и торговля.

Мы знаемъ теперь, что французская буржуазія — особенно высшая промышленная и торговая буржуазія — хотѣла послѣдовать примѣру англійской. „Конституція на англійскій ладъ“ (à l'anglaise) была ея идеаломъ. Она охотно вошла бы въ соглашеніе съ королемъ и дворянствомъ, чтобы получить власть. Но это ей не удалось, потому что во Франціи основа Революціи оказалась шире, чѣмъ она была въ Англіи. Во Франціи, движеніе не было только возстаніемъ для завоеванія *религіозной* свободы, или свободы *торговли* и *промышленности*, или борьбою за установленіе *городского самоуправленія* въ рукахъ небольшой кучки мѣстныхъ буржуа. Это было, главнымъ образомъ, *крестьянское возстаніе*, т. е. народное движеніе съ цѣлью овладѣть землею и освободить ее отъ тяготѣвшихъ надъ ней феодальныхъ поборовъ. И хотя мы находимъ въ немъ сильный индивидуалистическій элементъ, — т. е. стремленіе овладѣть землею въ личную собственность, — но былъ въ немъ и элементъ *коммунистическій, общинный*, утверждавшій *право на землю всего народа*, — право, которое, какъ мы увидимъ ниже, громко провозглашалось бѣдными въ 1793-мъ году.

Вотъ почему, изображать крестьянскія возстанія, происходившія лѣтомъ 1789 года, какъ кратковременную вспышку, вызванную подъёмомъ духа послѣ взятія Бастиліи, значило бы съуживать значеніе движенія, имѣвшаго глубокіе корни въ самой жизни значительной доли французскихъ крестьянъ.

XV.

Города.

Послѣ всѣхъ мѣръ, принятыхъ королевскою властью впеченіе двухсотъ лѣтъ противъ городскаго самоуправленія, — къ восемнадцатому вѣку оно пришло въ состояніе полнаго упадка. Со времени уничтоженія городскихъ вѣчевыхъ собраній, пользовавшихся въ прежнія времена правомъ судебной и административной власти, дѣла большихъ городовъ шли все хуже и хуже. Мѣста „городскихъ совѣтниковъ", учрежденныхъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, покупались у города, и очень часто эти полномочія становились пожизненными (Babeau, „La ville sous l'ancien régime", стр. 153 и слѣд.). Собранія Городскихъ Совѣтовъ происходили все рѣже и рѣже — въ нѣкоторыхъ городахъ, всего два раза въ годъ — и посѣщались они неакуратно. Весь механизмъ городскаго управленія былъ въ рукахъ секретаря, который взымалъ съ заинтересованныхъ лицъ тяжелую дань. Прокуроры и адвокаты, а еще болѣе того интенданты провинціи (губернаторы) постоянно вмѣшивались въ дѣла городовъ и подрывали всякую независимость городскихъ управъ.

При такихъ условіяхъ городскія дѣла все болѣе и болѣе сосредоточивались въ рукахъ пяти или шести семей, присваивавшихъ себѣ львиную часть городскихъ доходовъ. Вотчинные доходы, сохранившіеся за нѣкоторыми городами, доходъ съ городскихъ таможенъ, торговля города и налоги шли главнымъ образомъ на обогащеніе этихъ семей. Кромѣ того, мэры и синдики (т. е. голова и члены городской Думы) занимались хлѣбною и мясною торговлю и пускались въ спекуляціи. Рабочее населеніе обыкновенно ненавидѣло ихъ. Притомъ синдики, совѣтники и городскіе судьи раболѣпствовали передъ „Господиномъ интендантомъ", т. е. губернаторомъ, и исполняли его капризы. Расходы городовъ на помѣщеніе интенданта, на увеличеніе его жалованія, на подарки ему, на крестины его дѣтей и т. д., всё росли и росли, не говоря уже о взяткахъ, которыя приходилось ежегодно посылать разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Парижѣ.

Въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, феодальныя права оставались еще въ полной силѣ. Всякая недвижимая собственность несла на себѣ феодальныя повинности. Епископъ продолжалъ быть феодальнымъ владѣльцемъ, и всѣ владѣльцы, какъ свѣтскіе, такъ и духовные — какъ, напримѣръ, „пятьдесятъ канониковъ въ Бріудѣ" — сохраняли за собою, не только почетныя права, или право вмѣшиваться въ выборы городскихъ старшинъ, но въ нѣкоторыхъ городахъ они удержали за собой и право суда. Въ городѣ Анжерѣ, напримѣръ, было шестнадцать владѣльческихъ судебныхъ округовъ, гдѣ судьями состояли феодальные владѣльцы этихъ округовъ. Въ Дижонѣ, кромѣ муниципальнаго суда, сохранилось шесть духовныхъ судовъ: „епископство, капитулъ и монахи Сентъ-Бенинъ, Святой Капеллы, Шартрёзы и коммандорства Св. Магдалины". И все это наживалось на счетъ полу-голоднаго народа. Въ Труа было девять владѣльческихъ судовъ, помимо „двухъ королевскихъ мэрій". Точно также полиція не всегда была въ рукахъ города, а очень часто находилась въ

рукахъ тѣхъ, кто отправлялъ „правосудіе“. Словомъ, феодальный порядокъ сохранился вполнѣ*).

Но въ особенности раздражали горожанъ всевозможные феодальные налоги: подушныя, „двадцатыя“ и всякія „субсидіи“ (dons gratuits), ставшія обязательными съ 1758 года и уничтоженныя только въ 1789-мъ году, а также „lods et ventes,“ т. е. феодальная пошлина, взимаемая владѣльцемъ, всякій разъ какъ его вассалъ продавалъ или покупалъ что-нибудь. Всё это тяжело ложилось на горожанъ, особенно на ремесленниковъ. Хотя эти платежи и были, можетъ быть, менѣе значительны чѣмъ въ деревняхъ, но въ суммѣ, вмѣстѣ съ другими городскими налогами, они оказывались очень тяжелыми.

Особенно возмущало горожанъ то, что при распредѣленіи налоговъ, сотни привилегированныхъ лицъ требовали для себя изъятія отъ податей. Духовенство, дворянство и офицеры были избавлены отъ податей по праву, но избавлялись отъ нихъ также и „офицеры королевскаго дома“, т. е. всевозможные почётные конюшіе и т. п., покупавшіе за деньги эти „должности“ безъ всякой службы, только для удовлетворенія своего тщеславія и для избавленія отъ налоговъ. Достаточно было выставить свой титулъ на воротахъ дома, чтобы ничего не платить городу. Понятно, какую ненависть возбуждали въ народѣ эти привилегированные господа.

Все городское управленіе предстояло, такимъ образомъ, преобразовать. Но — кто знаетъ, сколько времени оно еще продержалось бы въ прежнемъ видѣ, если бы дѣло преобразованія было предоставлено Учредительному Собранію. Народъ, впрочемъ, взялся за него самъ, тѣмъ болѣе, что ко всѣмъ указаннымъ причинамъ недовольства присоединилась лѣтомъ 1789 года еще одна: недородъ, страшно высокія цѣны на хлѣбъ и недо-

*) См. Babeau, «La Ville», стр. 323, 331 и слѣд. — Rodolphe Reuss, въ своемъ сочиненіи, «L'Alsace pendant la Révolution», т. I, приводитъ наказъ Третьяго Сословія Страсбурга, очень интересный въ этомъ отношеніи.

статокъ хлѣба, отъ котораго сильно страдало бѣдное населеніе большинства городовъ. Даже тамъ, гдѣ городскія управленія старались по возможности понизить цѣны, сами закупая зерновой хлѣбъ или устанавливая таксу на хлѣбъ, его все таки не хватало, и толпы голоднаго народа простаивали цѣлыя ночи у дверей булочныхъ.

Но во многихъ городахъ мэръ (голова) и городскіе старшины, слѣдуя примѣру Двора и принцевъ, сами спекулировали на хлѣбѣ. Вотъ почему, какъ только извѣстіе о взятіи Бастиліи и о казни Фуллона и Бертье распространилось въ провинціи, городское населеніе начало повсюду волноваться. Народъ требовалъ, прежде всего, таксы на хлѣбъ и мясо; затѣмъ толпа громила дома главныхъ спекуляторовъ — часто, самихъ членовъ городскаго управленія, — завладѣвала ратушей и назначала, путемъ народнаго избранія, новое городское управленіе, не обращая вниманія ни на требованія закона, ни на законныя права прежняго городскаго Совѣта, ни на то, что должности „совѣтниковъ“ были куплены.

Такимъ образомъ произошло во Франціи движеніе, имѣвшее глубокое революціонное значеніе, тѣмъ болѣе что города не только утверждали на дѣлѣ свою городскую независимость (автономію), но и заявляли, вмѣстѣ съ тѣмъ, о своемъ рѣшеніи принимать дѣятельное участіе въ общемъ управленіи страною. Какъ очень вѣрно замѣчаетъ Оларъ*), это было въ высшей степени важное общинное (коммуналистическое) движеніе, въ которомъ провинція слѣдовала примѣру Парижа, организовавшаго у себя, какъ мы видѣли, 13-го іюля, свою Коммуну.

Само собою, это движеніе не было повсемѣстнымъ; оно проявилось болѣе или менѣе ярко въ нѣкоторыхъ крупныхъ и мелкихъ городахъ, преимущественно въ

*) F. Aulard, «Histoire politique de la Révolution Française», 2-ое изд., 1903. Есть русскій переводъ.

восточной Франціи. Но повсюду муниципалитетамъ стараго порядка пришлось подчиниться волѣ народа, или, по крайней мѣрѣ, — мѣстныхъ собраній избирателей. Такъ произошла, — *прежде всего, въ самой жизни*, — въ іюлѣ и августѣ 1789-го года, та коммуналистическая революція, которую Учредительное Собраніе утвердило законами о городскомъ управленіи, 14-го декабря 1789 и 21-го іюня 1790 года.

Едва-ли нужно говорить о томъ, какую могучую силу и жизненность внесло это движеніе въ Революцію. Вся сила Революціи сосредоточилась, какъ мы увидимъ, когда дойдемъ до 1792 и 1793 года, въ городскихъ и деревенскихъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, для которыхъ примѣромъ и образцомъ послужила революціонная Коммуна Парижа.

Сигналъ этого переустройства былъ поданъ, какъ уже сказано выше, Парижемъ. Не дожидаясь закона о городскомъ самоуправленіи, который когда-нибудь проведётъ Учредительное Собраніе, Парижъ началъ съ того, что самъ создалъ у себя Коммуну. Онъ назначилъ свой Муниципальный Совѣтъ, своего мэра — Байльи — и своего командующаго національною гвардіею — генерала Лафайета, отличившагося въ Америкѣ во время войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость. Что важнѣе всего, Парижъ организовалъ свои шестьдесятъ „округовъ“ (districts) — „шестьдесятъ республикъ“, какъ удачно выразился одинъ современникъ, Монжуа. Эти „округа“, хотя и облекли властью собраніе представителей всего города Парижа, но значительную власть удержали за собою. — „Власть разсѣяна повсюду“, говорилъ Байльи, „а въ центрѣ ея нѣтъ“. „Каждый округъ представлялъ независимую власть“, съ грустью говорятъ по сію пору сторонники казарменной дисциплины, не понимающіе, что только такъ и происходятъ революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда могло бы Національное Собраніе, при постоянной опасности роспуска и при гро-

мадномъ количествѣ предстоявшихъ ему дѣлъ, приступить къ обсужденію закона о преобразованіи суда? Оно едва дошло до него десять мѣсяцевъ спустя. Между тѣмъ, уже 18-го іюля одинъ изъ округовъ Парижа, Petits Augustins, „рѣшаетъ самъ установить мировыхъ судей", писалъ Байльи въ своихъ Мемуарахъ. И этотъ округъ тотчасъ же приступаетъ къ выбору судей, всеобщею подачею голосовъ. Другіе округа и цѣлые города (Страсбургъ и другіе) дѣлаютъ то же самое, и когда, въ ночь 4-го августа, феодальнымъ владѣльцамъ приходится отказаться отъ своихъ судебныхъ правъ, во многихъ городахъ это уже сдѣлано: новые судьи уже избраны народомъ, и Учредительному Собранію остается только занести впослѣдствіи, въ конституцію 1791 года, совершившійся фактъ.

Тэнъ и другіе почитатели административнаго порядка сонныхъ министерствъ, конечно, съ неудовольствіемъ отмѣчаютъ, что „округа" Парижа опередили Національное Собраніе и своими рѣшеніями показали ему, чего хочетъ народъ; но именно такъ и развиваются человѣческія учрежденія, когда они — не продуктъ бюрократіи. Такъ построились всѣ большіе города, такъ строятся они и до сихъ поръ. Вотъ группа домовъ и нѣсколько лавокъ — это будетъ со временемъ важный пунктъ зарождающагося города; вотъ едва обозначающаяся дорога — это будетъ одна изъ главныхъ улицъ. Таковъ анархическій путь развитія, — единственный, который мы видимъ въ свободной Природѣ. Тоже происходитъ и съ учрежденіями, когда они органически развиваются въ жизни; потому-то революціи и имѣютъ такое громадное значеніе въ жизни обществъ, что онѣ даютъ людямъ *возможность заняться органическою созидательною работою*, безъ вмѣшательства въ ихъ дѣло стѣснительной власти, всегда неизбѣжно являющейся представительницею прошлыхъ вѣковъ и прошлаго гнёта.

Бросимъ же взглядъ на нѣкоторыя изъ этихъ городскихъ революцій.

Въ 1789 году, извѣстія распространялись съ большою медленностью. Артуръ Юнгъ, объѣзжавшій Францію въ іюлѣ этого года, не нашелъ, 12 іюля, въ Шато-Тьери, и 27 іюля въ Безансонѣ, ни одного кафе, гдѣ имѣлась бы какая-нибудь газета. Въ городѣ толковали о событіяхъ, происшедшихъ двѣ недѣли тому назадъ. Въ Дижонѣ, черезъ девять дней послѣ большаго возстанія въ Страсбургѣ и взятія городской ратуши народомъ, никто еще объ этомъ не зналъ. За то, когда до провинціи доходили слухи изъ Парижа, если они и принимали сказочный характеръ, то всегда складывались такъ, что двигали народъ къ возстанію. Говорилось, напримѣръ, что всѣ депутаты посажены въ Бастилію, и съ увѣренностью разсказывали о всякихъ злодѣйствахъ, яко бы совершенныхъ Маріею-Антуанетою.

Въ Страсбургѣ волненія начались 19-го іюля, какъ только въ городѣ разнеслась вѣсть о взятіи Бастиліи и убійствѣ де-Лонэ. Народъ еще раньше былъ недоволенъ Магистратомъ, т. е. городскимъ совѣтомъ, за ту медленность, съ какой онъ сообщалъ „представителямъ народа", т. е. собраніямъ выборщиковъ, о результатахъ своего обсужденія свода жалобъ, поданнаго бѣднымъ населеніемъ. Теперь, т. е. 19-го іюля, подъ вліяніемъ вѣстей изъ Парижа, толпа бросилась къ дому аммейстера (городскаго головы) Лемпа и разгромила его.

Устами своего „Собранія буржуазіи" народъ требовалъ мѣръ „для того, чтобы обезпечить политическое равенство гражданъ и ихъ вліяніе на избраніе лицъ, управляющихъ общимъ достояніемъ, и свободно избираемыхъ судей"*). Онъ хотѣлъ, чтобы, независимо отъ существующаго закона, были выбраны, всеобщею подачею голосовъ, новый муниципалитетъ и новые судьи.

*) „Lettre des représentants de la bourgeoisie aux députés de Strasbourg à Versailles", 28 іюля 1789 (R. Reuss, «L'Alsace pendant la Révolution française». Парижъ, 1881, Documents, XXVI). Перевожу буквально.

Магистратъ, т. е. городское управленіе, наоборотъ, совершенно не хотѣло этого „и противопоставляло законъ, установленный нѣсколькими вѣками, предлагавшемуся измѣненію". Тогда народъ сталъ осаждать городскую ратушу, и въ залу, гдѣ происходили переговоры Магистрата съ представителями революціонеровъ, посыпался градъ камней. Магистратъ уступилъ.

Между тѣмъ, при видѣ высыпавшей на улицу бѣдноты, зажиточная буржуазія стала вооружаться противъ народа и явилась къ коменданту провинціи, графу Рошамбо, „чтобы испросить его согласія на то, чтобы *добрая* буржуазія вооружилась и присоединилась къ войску для охраны порядка," — на что генеральный штабъ коменданта, проникнутый аристократическими взглядами, отвѣтилъ отказомъ, — какъ де-Лонэ въ Бастиліи.

На другой день въ городѣ распространился слухъ, что Магистратъ взялъ свои уступки назадъ, и народъ снова явился къ ратушѣ съ требованіемъ уничтоженія таможенныхъ платежей при ввозѣ въ городъ припасовъ и Палаты денежныхъ сборовъ (aides). Разъ это сдѣлано въ Парижѣ, — почему не сдѣлать того же въ Страсбургѣ? Около шести часовъ, по тремъ улицамъ ведущимъ къ ратушѣ, двинулись толпы „рабочихъ, вооруженныхъ топорами и молотками". Они выломали топорами двери ратуши, разбили ея погреба и стали съ ожесточеніемъ уничтожать накопившіяся въ канцеляріяхъ старыя бумаги. „На эти бумаги набросились съ варварскою яростью: онѣ были всѣ выброшены въ окно" и уничтожены, писалъ потомъ новый Магистратъ. Всѣ двойныя двери архивовъ были выломаны, чтобы сжечь старые документы. Изъ ненависти къ Магистрату, народъ ломалъ даже мебель ратуши и выбрасывалъ её въ окна. Главную канцелярію и „Складъ спорныхъ документовъ" постигла та же участь. Въ Отдѣленіи денежныхъ сборовъ были выломаны двери и деньги разграблены. Войска, собравшіяся на площади ~~противъ~~ ратуши, оказались безсильны; народъ дѣлалъ что хотѣлъ.

Перепуганный Магистратъ поспѣшилъ уменьшить цѣны на мясо и хлѣбъ: на хлѣбъ была назначена такса, въ двѣнадцать су за ковригу въ шесть фунтовъ*). Затѣмъ Магистратъ вступилъ въ дружескіе переговоры съ представителями двадцати „отдѣловъ," или гильдій города (называвшихся въ Страсбургѣ „les tribus"), съ цѣлью выработки новой городской конституціи. Приходилось спѣшить, такъ какъ бунты продолжались въ Страсбургѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Вездѣ народъ смѣщалъ „установленныхъ" prévots des communes, т. е. чиновниковъ, купившихъ свои мѣста, и назначалъ новыхъ старшинъ, по своему выбору; а вмѣстѣ съ тѣмъ „выставлялъ требованія на лѣса, и требовалъ себѣ другихъ правъ, прямо противоположныхъ установленіямъ законно-пріобрѣтенной собственности. Теперь всякій считаетъ, что можетъ вернуть себѣ то, на что якобы имѣетъ право", писалъ Магистратъ въ своемъ письмѣ отъ 5 августа.

Между тѣмъ, 11 августа доходитъ до Страсбурга вѣсть о ночи 4-го августа въ Національномъ Собраніи, и движеніе сразу становится еще болѣе грознымъ, тѣмъ болѣе что войско дѣйствуетъ теперь заодно съ возставшими. Тогда старый Магистратъ рѣшается сложить свои полномочія (Reuss, „L'Alsace", стр. 147). На другой день, 12 августа, триста городскихъ старшинъ, въ свою очередь, оставляютъ свои „должности" — вѣрнѣе свои привилегіи. Народъ выбираетъ новыхъ старшинъ, и они назначаютъ новыхъ судей. Такимъ образомъ составляется, 14-го августа, новый Магистратъ, — родъ временнаго городскаго управленія, — которое беретъ на себя завѣдываніе городскими дѣлами до тѣхъ поръ, пока Національное Собраніе не выработаетъ новаго муниципальнаго закона.

Не дожидаясь этого закона, не сваливая революціонной задачи на плечи Собранія, Страсбургъ самъ назна-

*) Мѣшокъ зерна стоилъ тогда 19 ливровъ. Въ концѣ августа, цѣны поднялись до 28 и 30 ливровъ, и булочникамъ было запрещено печь пирожныя, хлѣбъ на молокѣ, и т. п.

чаетъ, по своему усмотрѣнію, свою собственную Коммуну и своихъ судей.

Старый порядокъ рушился такимъ образомъ, и 17-го августа, г. Дитрихъ привѣтствовалъ новый городской совѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Господа, переворотъ, совершившійся въ нашемъ городѣ отмѣтитъ собою моментъ возвращенія того довѣрія, которое должно царить между гражданами одной и той же коммуны.... Это высокое собраніе свободно уполномочено своими согражданами быть ихъ представителемъ.... Первое, на что вы употребили свою власть, это — назначеніе новыхъ судей.... Какую силу дастъ намъ это единеніе!“ И Дитрихъ предлагалъ, чтобы 14-е августа — день страсбургской революціи — праздновался ежегодно.

Въ этой революціи нужно отмѣтить одинъ важный фактъ. Страсбургская буржуазія освободилась отъ феодальнаго порядка и создала для себя демократическое городское управленіе; но она не имѣла ни малѣйшаго желанія разстаться со своими феодальными (вотчинными) правами, которыми она пользовалась по отношенію къ нѣкоторымъ окружающимъ сельскимъ мѣстностямъ. Когда отъ обоихъ депутатовъ, представлявшихъ Страсбургъ въ Національномъ Собраніи, ихъ сотоварищи потребовали, въ ночь 4-го августа, чтобы они отреклись отъ своихъ правъ, они отвѣтили отказомъ.

И когда, впослѣдствіи, одинъ изъ этихъ депутатовъ (Швендтъ) настаивалъ передъ страсбургскими буржуа на томъ, чтобы они не препятствовали теченію Революціи, его избиратели все таки продолжали требовать сохраненія за собою феодальныхъ правъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ, уже начиная съ 1789-го года, въ Страсбургѣ образуется партія, которая сгруппируется затѣмъ вокругъ короля — „лучшаго изъ королей“, „самаго уступчиваго изъ всѣхъ монарховъ“, а еще позже сплотится въ партію жирондистовъ, — ради сохраненія своихъ правъ на богатыя помѣстья,

принадлежавшія городу при феодальномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи очень характерный документъ представляетъ собою письмо, въ которомъ другой страсбургскій депутатъ, Тюркгеймъ, убѣжавшій изъ Версали послѣ народнаго движенія 5-го октября, заявляетъ о томъ, что подаётъ въ отставку (письмо это напечатано у Reuss'a). Изъ него уже видно, какимъ образомъ и почему жирондисты могли впослѣдствіи сгруппировать вокругъ своего буржуазнаго знамени, „защитниковъ имуществъ" и роялистовъ.

Событія, происходившія въ Страсбургѣ, даютъ намъ довольно ясное представленіе о томъ, что происходило и въ другихъ большихъ городахъ. Въ Труа, напримѣръ, — городѣ, о которомъ мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія — движеніе сложилось изъ тѣхъ же элементовъ. Начиная съ 18-го іюля, т. е., какъ только получилось извѣстіе, что въ Парижѣ жгутъ заставы, народъ началъ возставать, при поддержкѣ сосѣднихъ крестьянъ. 20-го іюля, крестьяне, вооруженные вилами, серпами и цѣпами, пришли въ городъ — вѣроятно съ цѣлью захватить хлѣбъ, котораго у нихъ не хватало, и который скупщики держали въ городѣ, въ своихъ амбарахъ. Но буржуазія наскоро составила національную гвардію и отогнала крестьянъ; она уже тогда называла ихъ „разбойниками". Втеченіе слѣдующихъ десяти или пятнадцати дней, буржуазія воспользовалась общей паникой, чтобы вполнѣ организовать свою національную гвардію (распространился слухъ, что 500 „разбойниковъ" идутъ изъ Парижа, съ цѣлью все разгромить). Вооружились также другіе мелкіе города вокругъ Труа. 8-го августа, вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстія о ночи 4-го августа въ Парижѣ, народъ сталъ требовать оружія для *всѣхъ* желающихъ вступить въ національную гвардію, и таксы на хлѣбъ. Муниципалитетъ колебался. Тогда, 19-го августа, народъ смѣстилъ старую городскую думу и, также какъ въ Страсбургѣ, выбралъ свою, новую.

Захвативъ ратушу, народъ забралъ оружіе и подѣлилъ его. Соляной складъ былъ взломанъ, но и тутъ его не разграбили, а „заставили выдавать соль по шести су“. Наконецъ, 9 сентября движеніе, не прекращавшееся съ 19 августа, достигло своей высшей точки. Толпа захватила мэра Гюэза, котораго обвиняли въ защитѣ скупщиковъ, и убила его. Его домъ былъ разгромленъ; пострадали также дома одного нотаріуса, бывшаго коменданта Сенъ-Жоржа, за двѣ недѣли до того отдавшаго приказъ стрѣлять въ народъ, и лейтенанта жандармовъ, приказавшаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ бунтовъ повѣсить одного бунтовщика; народъ грозилъ (какъ въ Парижѣ послѣ 14-го іюля) разгромить еще много другихъ домовъ. Послѣ этого, втеченіе приблизительно двухъ недѣль, среди высшей буржуазіи царила паника,—что впрочемъ ей не помѣшало организовать за это время свою національную гвардію, такъ что 26 сентября, въ концѣ концовъ, буржуазія взяла верхъ надъ безоружнымъ народомъ.

Вообще говоря, народный гнѣвъ направлялся, повидимому, столько же противъ представителей буржуазіи, спекулировавшихъ на предметахъ первой необходимости —хлѣбѣ, мясѣ, и т. п., сколько и противъ помѣщиковъ, захватившихъ землю. Въ Аміенѣ, напримѣръ, народъ чуть не убилъ трехъ хлѣбныхъ торговцевъ, послѣ чего буржуазія поспѣшила вооружить свою милицію. Можно даже сказать, что повсемѣстной организаціи милиціи въ городахъ втеченіе августа и сентября вѣроятно не было бы, если бы народное возстаніе происходило только въ деревняхъ и направлено было только противъ помѣщиковъ. Но когда народъ сталъ угрожать имуществамъ городской буржуазіи, она, не дожидаясь рѣшеній Собранія, организовала, по образцу парижскихъ Трехсотъ, свои муниципалитеты, въ которые ей пришлось, впрочемъ, принять также и представителей отъ возставшаго бѣднаго народа.

Почти то же самое происходило 21-го іюля въ Шербургѣ, 24-го — въ Руанѣ, а затѣмъ во многихъ дру-

гихъ, менѣе крупныхъ, городахъ. Народъ возставалъ съ криками: *Хлѣба! Смерть скупщикамъ! Долой заставы!* (что означало свободный ввозъ съѣстныхъ припасовъ изъ деревень). Онъ заставлялъ городскія управы понизить цѣну на хлѣбъ, или завладѣвалъ складами скупщиковъ и увозилъ хлѣбъ. Дома тѣхъ, кто спекулировалъ на съѣстныхъ припасахъ, народъ громилъ. Тогда буржуазія пользовалась народнымъ движеніемъ, чтобы свергнуть старое городское управленіе, проникнутое феодальнымъ духомъ, и назначить новый муниципалитетъ, *избранный народомъ на демократическихъ началахъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь паникой, вызванной возстаніемъ „черни" въ городахъ, и „разбойниковъ" въ деревняхъ, буржуазія вооружалась и организовала свою муниципальную гвардію. Затѣмъ, она приступала къ „возстановленію порядка"; иногда казнила народныхъ вожаковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брала на себя и возстановленіе порядка въ деревняхъ, давая сраженія крестьянамъ и вѣшая предполагаемыхъ „зачинщиковъ".

Послѣ ночи 4-го августа городскія возстанія стали еще многочисленнѣе. Они вспыхивали повсюду. Ни податей, ни внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, ни всякихъ поборовъ натурою, ни соляного налога никто больше не платилъ. „Сборщики подушныхъ не знаютъ что дѣлать", писалъ Неккеръ, въ своемъ докладѣ отъ 7-го августа. — „Пришлось уменьшить на половину цѣну на соль въ двухъ возставшихъ военныхъ округахъ; поборовъ (aide) нельзя больше собирать". и т. д. „Множество мѣстъ", писалъ онъ, взбунтовалось противъ казны. Народъ не хочетъ больше платить косвенныхъ налоговъ. Что же касается до прямыхъ, то народъ не отказывается ихъ платить, — но только на извѣстныхъ условіяхъ. Въ Эльзасѣ, напримѣръ, „народъ по большей части отказывается платить что бы то ни было, пока неподатныя сословія (дворянство, духовенство) и привилегированныя лица не будутъ также внесены въ списки плательщиковъ".

Вотъ какимъ образомъ французскій народъ, *задолго до Собранія*, совершалъ революцію *на мѣстахъ*, создавая революціоннымъ путемъ новое городское управленіе, установляя новый судъ, проводя границу между различными налогами — тѣми, которые онъ соглашался платить, и тѣми, въ которыхъ онъ отказывалъ, — и указывая, какъ слѣдуетъ равномѣрно распредѣлить тѣ налоги, которые народъ намѣревался платить государству или общинѣ.

Только изучая эти пріемы народнаго воздѣйствія, — вмѣсто того, чтобы упорно заниматься одною законодательною дѣятельностью Собранія, — можемъ мы уловить духъ великой Революціи, т. е., въ сущности, духъ всѣхъ революцій, прошлыхъ и будущихъ.

XVI.

Крестьянское возстаніе.

Мы видѣли, что уже начиная съ зимы 1788-го года, и особенно съ марта 1789-го, народъ переставалъ платить повинности помѣщикамъ. Что въ этомъ его поощряли буржуазные революціонеры — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: среди буржуазіи 1789 года было немало людей, понимавшихъ, что безъ народнаго возстанія, имъ никогда не одолѣть королевской неограниченной власти. Что пренія въ Собраніи Нотаблей, во время которыхъ говорилось объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, способствовали волненіямъ, и что составленіе приходскихъ наказовъ (которыми должны были руководствоваться выборщики при первыхъ выборахъ) вліяли въ томъ же направленіи — все это вполнѣ понятно. Революціи никогда не бываютъ результатомъ отчаянія, какъ это часто думаютъ молодые революціонеры, предполагающіе, что отъ избытка зла можетъ произойти добро. Напротивъ того: въ 1789 году народъ увидѣлъ проблески близкаго освобожденія и тѣмъ охотнѣе сталъ возставать. Но одной надежды еще мало: нужно дѣйствовать, нужно платиться жизнью за первые бунты, подготовляющіе революцію, — и народъ такъ и дѣлалъ.

Даже въ тѣ времена, когда бунтъ карался еще желѣзнымъ ошейникомъ, пытками и висѣлицей, крестьяне все-таки возставали. Уже въ ноябрѣ 1788 года интенданты доносили министру, что подавить всѣ бунты нѣтъ возможности. Въ отдѣльности, каждый изъ нихъ не имѣлъ большого значенія, но вмѣстѣ взятые, они подрывали самыя основы государства.

Въ январѣ 1789-го года началось составленіе наказовъ, а затѣмъ приступили къ выборамъ. И тогда уже крестьяне стали отказываться въ многихъ мѣстахъ отъ барщины помѣщику и отъ натуральныхъ повинностей государству. Среди нихъ стали возникать тайныя общества, и отъ времени до времени тотъ или другой помѣщикъ оказывался казненнымъ *Жакомъ**). Въ одномъ мѣстѣ, сборщика податей встрѣчали дубинами; въ другомъ — захватывали и запахивали помѣщичьи земли.

Съ каждымъ мѣсяцемъ эти волненія становились все многочисленнѣе. Въ мартѣ, возстаніе охватило всю восточную часть Франціи. Движеніе, конечно, не было ни непрерывнымъ, ни повсемѣстнымъ; крестьянскія возстанія никогда такими не бываютъ. Очень вѣроятно даже, что, какъ это всегда случается съ крестьянскими возстаніями, они утихали во время полевыхъ работъ, въ апрѣлѣ, и лѣтомъ при началѣ уборки хлѣба. Но послѣ уборки, во второй половинѣ іюля и въ августѣ 1789 года, волненія возобновились съ новою силою, особенно на востокѣ, сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ Франціи.

Точныхъ данныхъ, относительно этихъ возстаній очень мало. То, что было напечатано объ нихъ — очень неполно и, кромѣ того, носитъ на себѣ слѣды партійныхъ взглядовъ. Если, напримѣръ, обратиться къ „Moniteur“у, начавшему выходить, какъ извѣстно, только 24-го ноября 1789 года, такъ что его первые 93 номера были составлены лишь впослѣдствіи, въ IV-мъ

*) Жакъ — такое же ходячее имя, какъ въ Россіи «Иванъ».

году*), то въ немъ видна наклонность приписывать все крестьянское движеніе врагамъ революціи, — безсовѣстнымъ людямъ, пользовавшимся невѣжествомъ крестьянъ. Другіе писатели доходятъ до того, что говорятъ, что крестьянъ подняли дворяне, помѣщики, или англичане. Что же касается до матеріаловъ, изданныхъ Комитетомъ изысканій (Comité des recherches) въ январѣ 1790 года, то въ нихъ все дѣло изображается скорѣе какъ продуктъ недоразумѣнія: какіе-то разбойники опустошали страну, буржуазія вооружилась и истребила ихъ. Вотъ и всё.

Теперь уже ясно, какъ неправильно подобное толкованіе событій, и если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ разобрать архивы и основательно изучить находящіеся тамъ документы, это была бы, несомнѣнно, въ высшей степени драгоцѣнная работа, тѣмъ болѣе необходимая, что крестьянскія возстанія продолжались вплоть до августа 1793 года, т. е. до того времени, когда Конвентъ отмѣнилъ наконецъ феодальныя права безъ выкупа, и деревенскія общины получили право вернуть себѣ земли, отнятыя у нихъ впродолженіе двухъ предыдущихъ вѣковъ. Въ настоящее же время, пока архивы не разработаны, намъ приходится ограничиваться тѣмъ, что даютъ намъ нѣкоторыя исторіи отдѣльныхъ провинцій, кое-какіе мемуары и указанія отдѣльныхъ авторовъ; причемъ лучше извѣстныя намъ движенія послѣдующихъ годовъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на первыя возстанія 1789 года.

Голодъ, несомнѣнно, игралъ въ крестьянскихъ бунтахъ важную роль. Но главными двигателями ихъ были: стремленіе къ уничтоженію занесенныхъ въ земельныя описи феодальныхъ повинностей, платившихся помѣщикамъ, и „десятины“, платившейся духовенству, а также желаніе захватить землю, когда-то принадлежавшую крестьянскимъ общинамъ, но понемногу отнятую у нихъ помѣщиками.

*) Въ 1795 году. Кромѣ того, тогда же были вновь составлены номера отъ 24 ноября 1789 и 3 февраля 1790 года.

Въ этихъ возстаніяхъ есть, кромѣ того, одна любопытная черта. Въ центрѣ Франціи, на югѣ и на западѣ, за исключеніемъ Бретани, они остаются единичными фактами; но на востокѣ, сѣверо- и юго-востокѣ они разливаются широкою волною. Ими охвачены въ особенности Дофинэ, Франшъ-Контэ и Маконнэ. Во Франшъ-Контэ, говоритъ Доніоль*), почти всѣ замки были сожжены; въ Дофинэ изъ каждыхъ пяти замковъ было разрушено три**). Затѣмъ слѣдуютъ Эльзасъ, Ниверне, Божолэ, Бургундія, Овернь Вообще, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, если составить карту мѣстностей, гдѣ происходили возстанія, эта карта будетъ поразительно похожа на карту „трехсотъ-шестидесяти трехъ“, изданную въ 1877 году, — т. е. карту округовъ, въ которыхъ были выбраны радикальные депутаты во время выборовъ, упрочившихъ существованіе теперешней Республики. Дѣло Революціи защищала въ особенности восточная часть Франціи, и эта же часть осталась политически наиболѣе передовой до нашихъ дней.

Доніоль очень вѣрно замѣтилъ, что источникъ этихъ возстаній лежалъ еще въ наказахъ, составленныхъ передъ выборами 1789 года. Разъ крестьяне были призваны высказать свои жалобы, они были увѣрены, что для нихъ что нибудь будетъ сдѣлано. *Вѣра* въ то, что или король, къ которому они обращались съ этими жалобами, или Собраніе, или какая нибудь другая сила придетъ имъ на помощь и уничтожитъ несправедливость, или по крайней мѣрѣ, развяжетъ имъ руки, если они захотятъ взяться за дѣло сами, — вотъ что толкнуло ихъ къ бунтамъ, тотчасъ-же послѣ выборовъ, даже раньше чѣмъ открылось Собраніе. Когда же начались засѣданія Генеральныхъ Штатовъ, то слухи, доходившіе до крестьянъ изъ Парижа, какъ они ни были

*) «La Révolution française et la féodalité», стр. 48.

**) «Замками» называли тогда, какъ настоящіе замки съ башнями и рвами, такъ и просто господскія усадьбы.

неопредѣленны, все таки наводили на мысль, что пришло время требовать отмѣны феодальныхъ правъ и захватывать земли.

Малѣйшей поддержки, - со стороны революціонеровъ, или даже со стороны партіи герцога Орлеанскаго, или какихъ бы то ни было агитаторовъ, — было достаточно, при тревожныхъ извѣстіяхъ изъ Парижа и изъ другихъ возставшихъ городовъ, чтобы поднять деревни. Что для агитаціи въ деревняхъ пользовались именемъ короля и Національнаго Собранія, — въ этомъ также нѣтъ теперь никакого сомнѣнія: о подложныхъ указахъ (декретахъ) отъ имени короля и Національнаго Собранія, распространявшихся среди деревенскаго населенія, упоминается во многихъ документахъ. Во всѣхъ крестьянскихъ возстаніяхъ — во Франціи, въ Россіи, въ Германіи — болѣе рѣшительные крестьяне всегда старались подѣйствовать такимъ путемъ на менѣе рѣшительныхъ; скажу даже больше: они старались убѣдить и самихъ себя въ томъ, что есть какая-то сила, готовая ихъ поддержать. Это придавало дѣйствіямъ крестьянъ бо́льшую согласованность, а кромѣ того, въ случаѣ неудачи и преслѣдованій, могло послужить нѣкоторымъ извиненіемъ: крестьяне всегда могли сказать, что они думали — и въ большинствѣ они дѣйствительно думали, — что повинуются, если не прямымъ распоряженіямъ, то желаніямъ короля или Собранія.

И вотъ, какъ только, лѣтомъ 1789 года, былъ убранъ первый хлѣбъ и деревенское населеніе нѣсколько утолило голодъ, а вѣсти изъ Версали и изъ Парижа пробудили нѣкоторую надежду, крестьяне начали возставать. Они пошли войной на помѣщичьи замки и усадьбы, чтобы уничтожать всякія хартіи, росписи и уставныя грамоты (terriers), гдѣ записаны были ихъ повинности; и тамъ гдѣ помѣщики не соглашались добровольно отказаться отъ феодальныхъ правъ, занесенныхъ во всѣ эти хартіи и росписи во время личнаго освобожденія крестьянъ, — замки помѣщиковъ и ихъ усадьбы были сожжены.

Въ окрестностяхъ Везуля (Vesoul) и Бельфора крестьянское возстаніе началось 16 іюля; въ этотъ день крестьяне разгромили замокъ Санси, а затѣмъ — замки Люръ, Битэнъ и Молансъ. Возстаніе скоро охватило всю Лотарингію. — „Увѣренные въ томъ, что Революція водворитъ равенство состояній и положеній, крестьяне повсюду поднялись противъ помѣщиковъ", говоритъ „Courrier françai " (стр. 242 и слѣд.). Въ Саарлуи, въ Форбахѣ, въ Саргеминѣ, въ Фальсбургѣ, въ Тіонвилѣ, сборщики податей были изгнаны, а ихъ конторы разграблены и сожжены. Соль продавалась безпошлинно по три су за фунтъ. Окрестныя деревни послѣдовали примѣру городовъ.

Въ Эльзасѣ, крестьянское возстаніе разлилось почти повсемѣстно. Втеченіе восьми дней, въ концѣ іюля, было разрушено три аббатства, окончательно разгромлены одиннадцать замковъ и усадьбъ, и многіе другіе ограблены. Крестьяне захватили и уничтожили всѣ поземельныя росписи, а также всѣ реестры (уставныя грамоты) феодальныхъ налоговъ, барщинныхъ и всякихъ другихъ повинностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались цѣлые подвижные отряды изъ нѣсколькихъ сотъ, а иногда и изъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, собиравшихся изъ сосѣднихъ деревень; эти отряды двигались къ наиболѣе укрѣпленнымъ замкамъ, осаждали ихъ, захватывали всѣ бумаги и торжественно сжигали ихъ. Аббатства были разгромлены и ограблены, наравнѣ съ домами богатыхъ торговцевъ въ городахъ. Въ Мюрбахскомъ аббатствѣ, вѣроятно оказавшемъ сопротивленіе, все было разрушено*).

Во Франшъ-Контэ первыя сборища начались въ Лонсъ-ле-Сонье, 19-го іюля, когда узнали о подготов-

*) По разсказу Strobel'я («Vaterländische Geschichte des Elsasses») возстаніе происходило обыкновенно такимъ образомъ: поднималась какая нибудь деревня, затѣмъ составлялась банда изъ жителей нѣсколькихъ деревень, и эта банда отправлялась громить замки. Иногда бандамъ приходилось скрываться въ лѣсахъ.

лявшемся переворотѣ въ Парижѣ и объ отставкѣ Неккера, но о взятіи Бастиліи, по словамъ Соммье*), еще ничего не было извѣстно. Крестьяне стали собираться толпами, и въ тотъ же день буржуазія вооружила свою милицію (носившую трехцвѣтную кокарду), чтобы сопротивляться „набѣгамъ разбойниковъ, наводнившихъ страну" (стр. 24—25). Вскорѣ въ деревняхъ началось возстаніе. Крестьяне стали дѣлить между собою помѣщичьи луга и лѣса, иногда заставляли помѣщиковъ отказываться отъ своихъ правъ на тѣ земли, которыя прежде принадлежали общинамъ: или же отбирали у помѣщиковъ лѣса, бывшіе встарину общинными. Всѣ тѣ имущества, которыми владѣло въ сосѣднихъ мѣстностяхъ аббатство Бернардиновъ, были у него отняты**). Въ Кастрѣ бунты начались послѣ 4-го августа. Въ этомъ городѣ съ каждаго *сетье* (четверти) хлѣба, ввезеннаго изъ какой-нибудь другой провинціи, взимался налогъ натурой. Это было старое феодальное право, которое король отдавалъ на откупъ частнымъ лицамъ. И вотъ, какъ только, 19-го августа, въ Кастрѣ получилось извѣстіе о ночи 4-го августа, народъ поднялся и сталъ требовать отмѣны этого налога. И тотчасъ же буржуазія, еще съ 5 августа собравшая національную гвардію изъ 600 человѣкъ, принялась возстановлять „порядокъ". Между тѣмъ, по деревнямъ движеніе разросталось: замки Гэ (Gaix) и Монледье, картезіанскій монастырь Фэ, аббатство Віельмюръ и др. были разграблены и феодальныя хартіи уничтожены***).

Въ Оверни крестьяне очень старались показать, что законное право на ихъ сторонѣ: когда они являлись

*) Sommier, „Histoire de la Révolution dans le Jura", Парижъ, 1846, стр. 22. Изъ одной пѣсни, приведенной въ наказѣ Аваля, видно каково было настроеніе умовъ въ Юрѣ.

**) Edouard Clerc, «Essai sur l'Histoire de la Franche-Comté», 2-ое изд., Безансонъ, 1870.

***) Anacharsis Combes, «Histoire de la ville de Castres et de ses environs pendant la Révolution Française». Кастръ, 1875.

въ какой нибудь замокъ, чтобы жечь хартіи и уставныя грамоты, они всегда заявляли помѣщику, что дѣйствуютъ по приказу короля*). Но въ восточныхъ провинціяхъ прямо говорилось, что Третье Сословіе не позволитъ больше дворянству и монахамъ господствовать надъ собою. И безъ того слишкомъ долго держали они власть въ своихъ рукахъ; теперь же имъ пришло время отказаться отъ нея. Ко многимъ обѣднѣвшимъ помѣщикамъ, жившимъ по деревнямъ, и къ тѣмъ, которые пользовались любовью окрестнаго населенія, возставшіе крестьяне относились очень мягко. Они не дѣлали имъ никакого зла, не трогали ихъ личной собственности, но къ земельнымъ записямъ и документамъ, устанавливавшимъ феодальныя права, они были неумолимы. Ихъ они сжигали, заставивъ предварительно помѣщика клятвенно заявить, что онъ отказывается отъ своихъ правъ.

Подобно городской буржуазіи, отлично знавшей, чего она хочетъ и чего ждетъ отъ Революціи, крестьяне тоже отлично понимали свою цѣль: вернуть себѣ отнятыя у общинъ земли и отмѣнить всѣ повинности, возникшія на почвѣ феодальнаго строя. Мысль о томъ, что, вообще, богатые должны исчезнуть, можетъ быть проглядывала кое гдѣ; но въ общемъ крестьяне унич-

*) Xavier Roux, издавшій въ 1891-мъ году, подъ заглавіемъ «Mémoire sur la marche des brigandages dans le Dauphiné en 1789», свѣдѣнія, полученныя при слѣдствіи 1789 года, приписываетъ, въ своемъ введеніи, все движеніе зачинщикамъ: «Призывать прямо народъ къ возстанію противъ короля было бы безполезно, говоритъ онъ... Это было сдѣлано окольнымъ путемъ. Былъ задуманъ удивительно смѣлый планъ и этотъ планъ былъ осуществленъ по всей странѣ. Его можно изложить въ двухъ словахъ: возмутить, именемъ короля, народъ противъ помѣщиковъ; затѣмъ, когда помѣщики будутъ низвергнуты, — броситься на оставшійся беззащитнымъ тронъ и разрушить его» (стр. IV Введенія). Укажемъ однако на признаніе самого Ру, что ни одному слѣдствію ни разу не удалось «узнать имя хотя бы одного зачинщика» (стр. V). Если это былъ «заговоръ», то это былъ заговоръ всего народа.

тожали только вещи — людей же не трогали. Если и встрѣчались нападенія на самихъ помѣщиковъ, то это были единичные случаи, обыкновенно объяснявшіеся тѣмъ, что крестьяне считали того или другого помѣщика скупщикомъ, спекулирующимъ на голодѣ. Если помѣщикъ выдавалъ крестьянамъ земельныя росписи и заявлялъ о своемъ добровольномъ отказѣ отъ феодальныхъ правъ, все обходилось мирно: росписи сжигали, въ деревнѣ сажали „майское дерево", къ вѣтвямъ котораго привѣшивали разныя эмблемы феодализма, и народъ танцовалъ вокругъ дерева*). Въ противномъ же случаѣ — если крестьяне встрѣчали сопротивленіе, или если помѣщикъ, или его управляющій обращались къ властямъ, дѣло кончалось вооруженнымъ нападеніемъ; тогда въ замкѣ все бывало разгромлено, и самъ замокъ часто поджигался. Въ Дофинэ было такимъ образомъ разграблено и сожжено тридцать замковъ; во Франшъ-Контэ около сорока; въ Маконнэ и Божолэ — семьдесятъ два; въ Оверни — всего девять; въ Віенну а — двѣнадцать монастырей и пять замковъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ отношеніи политическихъ убѣжденій крестьяне, повидимому, различія не дѣлали и нападали на замки „патріотовъ", наравнѣ съ замками „аристократовъ".

Какъ же отнеслась къ этимъ бунтамъ буржуазія?

Если въ Національномъ Собраніи и были люди, понимавшіе, что крестьянское возстаніе представляетъ въ настоящую минуту революціонную силу, то вся масса провинціальной буржуазіи видѣла въ немъ, прежде всего, опасность, съ которою нужно бороться. Въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили движенія, многіе города были охвачены, какъ тогда говорили, „великимъ страхомъ" (la grande peur). Въ Труа, напримѣръ, кресть-

*) Иногда, а именно на югѣ, къ дереву привѣшивали надпись: «По приказу короля и Національнаго Собранія, окончательное уничтоженіе всякой аренды (Mary Lafon, «Histoire politique du Midi de la France», 1842—1845, т. IV, стр. 377).

яне, вооруженные косами и цѣпами, вошли въ городъ и вѣроятно разгромили бы дома спекуляторовъ, если бы „все, что есть честнаго въ буржуазіи“ (Moniteur, I, 378) не вооружилось противъ „разбойниковъ“ и не разогнало ихъ. Тоже произошло и во многихъ другихъ городахъ. Паника овладѣвала буржуазіей. „Разбойниковъ“ ждали постоянно. Люди разсказывали, что *видѣли*, какъ „шесть тысячъ“ ихъ двигалось на городъ, чтобы все разнести. И вотъ, изъ опасенія, чтобы городская бѣднота, присоединившись къ „разбойникамъ“, не напала на богатыхъ, буржуазія брала оружіе въ Ратушѣ, или у оружейниковъ, и организовывала свою національную милицію.

Въ Перонѣ, столицѣ Пикардіи, населеніе взбунтовалось во второй половинѣ іюля. Оно сожгло городскія заставы, бросило въ воду таможенныхъ чиновниковъ, захватило денежныя суммы изъ государственныхъ учрежденій и освободило всѣхъ заключенныхъ. Все это произошло до 28-го іюля. Въ ночь на 28-ое, писалъ мэръ города, когда получились извѣстія изъ Парижа, провинціи Гено (Hainault), Фландрія и вся Пикардія взялись за оружіе; повсюду, въ городахъ и въ деревняхъ зазвонили въ набатъ. Патрули буржуазіи — всего до трехъ сотъ человѣкъ — стояли на готовѣ: и все это было направлено противъ двухъ тысячъ „разбойниковъ“, которые по слухамъ, ходили по деревнямъ и жгли хлѣбъ. Въ дѣйствительности же, какъ кто-то совершенно справедливо разъяснилъ Артуру Юнгу, всѣ эти „разбойники“ были не грабители, а вполнѣ честные крестьяне, которые дѣйствительно возставали, вооружались вилами, дубинами и серпами и принуждали помѣщиковъ отказываться отъ феодальныхъ правъ. Эти крестьяне останавливали также по дорогамъ прохожихъ и спрашивали ихъ, стоятъ ли они „за націю“ или противъ нея? Мэръ города Перонна тоже очень вѣрно замѣтилъ: „Мы *сами хотимъ* быть въ страхѣ. Благодаря ему, мы могли поднять на ноги, во всей Франціи, трехмилліонную армію изъ буржуазіи и крестьянъ“.

Очевидно, что часть французской буржуазіи прекрасно поняла въ эти дни, что одной ей, въ Парижѣ, не справиться съ самодержавною королевскою властью. И эти смѣлые люди не задумались поднять крестьянъ, во имя уничтоженія феодальныхъ правъ и крестьянскихъ правъ на землю, — чтобы дать Революціи силу, которую король уже не могъ сокрушить.

Адріенъ Дюпоръ, одинъ изъ очень извѣстныхъ членовъ Національнаго Собранія и Бретонскаго клуба, даже гордился тѣмъ, что ему удалось вооружить такимъ образомъ буржуазію во многихъ городахъ. У него было два или три агента — „люди рѣшительные, но неизвѣстные", писалъ онъ. Городовъ они избѣгали, но когда пріѣзжали въ какую-нибудь деревню, то возвѣщали, что „разбойники идутъ", что ихъ — пятьсотъ, тысяча, три тысячи; что они жгутъ повсюду хлѣбъ, чтобы морить народъ голодомъ. Тогда, крестьяне ударяли въ набатъ и вооружались, чѣмъ попало. По мѣрѣ того, какъ звонъ набата разносился все дальше по деревнямъ, слухи росли и становились все тревожнѣе; а когда они доходили до ближайшаго большого города, то „разбойниковъ" оказывались уже шесть тысячъ. Ихъ даже „видѣли" въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города, въ такомъ-то лѣсу;— и вотъ народъ, а особенно буржуазія, вооружались и посылали патрули въ лѣсъ, гдѣ, конечно, никого не находили. Но оружіе было уже въ ихъ рукахъ, и тогда — худо будетъ королю! Когда, въ 1791-мъ году, онъ вздумаетъ бѣжать за-границу, крестьянскія войска преградятъ ему дорогу и вернутъ его въ Парижъ.

Легко себѣ представить, какой ужасъ наводили на всю страну эти возстанія, и какое впечатлѣніе производили они въ Версали. Подъ вліяніемъ этого ужаса Національное Собраніе и собралось вечеромъ 4-го августа, съ намѣреніемъ обсудить мѣры для подавленія бунтовъ, а кончило тѣмъ, что провозгласило, въ принципѣ, уничтоженіе феодальныхъ правъ.

XVII.

4-ое августа и его послѣдствія.

Ночь 4-го августа — одно изъ великихъ событій Революціи. Подобно 14-му іюля и 5-му октября 1789-го года, подобно 21-му іюня 1791-го, 10-му августа 1792-го и 31-му мая 1793-го, она отмѣчаетъ собою одинъ изъ главныхъ шаговъ въ развитіи революціоннаго движенія и опредѣляетъ характеръ всего послѣдующаго періода.

Историческая легенда съ любовью останавливается на этой ночи и разукрашиваетъ её, и большинство историковъ, слѣдуя разсказу нѣсколькихъ современниковъ, описываютъ ее, какъ минуту святого вдохновенія и чистаго самопожертвованія.

„Со взятіемъ Бастиліи", говорятъ намъ историки, „Революція одерживаетъ первую свою побѣду. Вѣсть о ней распространяется въ провинціи и вызываетъ повсюду подобныя же возстанія. Она доходитъ и до деревень, и тамъ, по наущенію всякихъ безшабашныхъ людей, крестьяне начинаютъ нападать на своихъ помѣщиковъ, и жгутъ ихъ замки. Тогда духовенство и дворянство, въ порывѣ патріотическаго чувства, видя, что они еще ничего не сдѣлали для крестьянъ, отказываются въ эту

памятную ночь отъ своихъ феодальныхъ правъ. Дворяне, духовные, самые бѣдные священники и самые богатые феодалы, города, провинціи — всѣ приносятъ на алтарь отечества отказъ отъ своихъ вѣковыхъ привилегій. Собраніе охвачено энтузіазмомъ; всѣ стремятся принести что-нибудь въ жертву....". „Это засѣданіе было священнымъ празднествомъ, трибуна стала алтарёмъ, зала — храмомъ", говоритъ одинъ историкъ, обыкновенно довольно спокойный. „Это была Варѳоломѣевская ночь собственности", говорятъ другіе. „И когда, на другой день, первые проблески зари освѣтили Францію, стараго феодальнаго строя уже не существовало. Франція возродилась, сжёгши въ одномъ ауто-да-фе всѣ злоупотребленія привилегированныхъ классовъ".

Такова легенда. Правда, что когда два аристократа — виконтъ де-Ноайль и герцогъ д'Эгильонъ — предложили уничтоженіе феодальныхъ правъ и различныхъ дворянскихъ привилегій, а два епископа (городовъ Нанси и Шартра) стали говорить въ пользу отмѣны десятины*), — Собраніемъ овладѣлъ глубокій восторгъ. Правда и то, что этотъ восторгъ все возросталъ, и что дворяне и духовные, втеченіе этого ночного засѣданія, одинъ за другимъ всходили на трибуну и на перерывъ отказывались отъ права помѣщичьяго суда, требуя свободнаго, даровато и равнаго правосудія для всѣхъ; правда и то, что свѣтскіе и духовные помѣщики отказались также отъ права охоты. Собраніе дѣйствительно было охвачено энтузіазмомъ. И посреди этого энтузіазма даже не замѣтили что оба аристократа и оба епископа ввели въ свои рѣчи условіе *выкупа* феодальныхъ правъ и десятины — условіе, ужасное по самой своей неясности, такъ какъ оно могло означать, или всё, или ничего. Благодаря ему, дѣйствительная отмѣна феодальныхъ правъ, какъ мы увидимъ дальше, была отложена на четыре года, вплоть до 1793-го года. Но, кто изъ насъ, читая прекрасные разсказы современниковъ

*) Со всѣхъ урожаевъ духовенству платилась десятая часть, или больше.

объ этой ночи, не поддавался самъ тому же энтузіазму? И кто не пропустилъ безъ вниманія коварныхъ словъ: „выкупъ по тридцати-лѣтней сложности", кто понялъ ихъ страшное значеніе! Такъ случилось и во Франціи въ 1789 году.

Прежде всего, вечернее засѣданіе 4-го августа началось вовсе не съ энтузіазма, а со страха — съ паники. Какъ мы видѣли, втеченіе предыдущихъ двухъ недѣль было сожжено или разграблено много замковъ. Начавшись на Востокѣ, крестьянское возстаніе распространилось затѣмъ къ Югу, къ Сѣверу и къ Центру Франціи и грозило сдѣлаться повсемѣстнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне обошлись съ своими господами жестоко, а въ извѣстіяхъ изъ провинціи событія разсказывались кромѣ того въ преувеличенномъ видѣ. Дворяне съ ужасомъ видѣли, что на мѣстахъ нѣтъ силы, способной остановить движеніе.

Засѣданіе открылось, поэтому, чтеніемъ проекта заявленія, протестующаго противъ крестьянскихъ бунтовъ. Собранію предлагалось выразить бунтовщикамъ сильное и строгое порицаніе, и громко призвать ихъ къ уваженію собственности, — феодальной, или иной, *каково бы ни было ея происхожденіе*, — до тѣхъ поръ пока Собраніе не разрѣшитъ вопроса о феодальныхъ правахъ законодательнымъ порядкомъ.

„Собственность всякаго рода подвергается, повидимому, самому преступному разбою", говорилъ Комитетъ докладовъ. „Повсюду поджигаютъ замки, разрушаютъ монастыри, грабятъ фермы. Налоги, повинности, платимыя помѣщикамъ — все уничтожено. Законы безсильны, власть судей не существуетъ...." Затѣмъ въ докладѣ предлагалось Собранію ясно высказать свое порицаніе этимъ безпорядкамъ и заявить, что „старые (феодальные) законы остаются въ силѣ, до тѣхъ поръ, пока власть націи не отмѣнитъ или не измѣнитъ ихъ; что всѣ повинности и накопившіяся недоимки должны быть платимы сполна, по прежнему, до тѣхъ поръ, пока Собраніе не рѣшитъ иначе".

„Это дѣлаютъ вовсе не разбойники!“ воскликнулъ тогда герцогъ д'Эгильонъ; „во многихъ провинціяхъ весь народъ составляетъ одну лигу, съ цѣлью уничтоженія замковъ и опустошенія земель, и особенно съ цѣлью захватить уставныя грамоты, въ которыя занесены права феодальной собственности“. Какъ видно, здѣсь говорилъ вовсе не энтузіазмъ, а скорѣе страхъ*).

Собраніе намѣревалось, въ виду этого, просить короля, чтобы онъ принялъ противъ бунтовщиковъ суровыя мѣры. Объ этомъ уже поднимался вопросъ наканунѣ, 3-го августа. Но за нѣсколько дней до того, небольшая группа дворянъ, изъ наиболѣе передовыхъ и дальновидныхъ, — виконтъ де-Ноайль, герцогъ д'Эгильонъ, герцогъ Ла-Рошфуко, Александръ Ламетъ и еще нѣкоторые другіе — начали втайнѣ сговариваться между собою о томъ, какое положеніе занять по отношенію къ крестьянскому возстанію. Они поняли, что единственное средство спасти феодальныя права, это — пожертвовать нѣкоторыми, „почётными“, но мало-цѣнными правами, и предложить крестьянамъ *выкупъ* тѣхъ феодальныхъ повинностей, которыя были *связаны съ землею и имѣли дѣйствительную цѣнность*. Герцогу д'Эгильону было поручено развить эту мысль, что и было исполнено имъ и виконтомъ де-Ноайлемъ.

Сельское населеніе требовало отмѣны феодальныхъ правъ съ самого начала Революціи*). Теперь же, говорили эти два уполномоченныхъ либеральнаго дво-

*) «Опустошеніе земель» означаетъ, вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, по словамъ докладовъ, снимали помѣщичій хлѣбъ «еще зеленый» (dans le vert). Это было, впрочемъ, въ концѣ іюля, хлѣбъ уже почти созрѣлъ, и народъ, которому нечего было ѣсть, косилъ его у помѣщиковъ.

**) «Проявленія восторга и наплывъ великодушныхъ чувствъ, которые съ каждымъ часомъ все сильнѣе и живѣе обнаруживались въ Собраніи, не дали возможности выработать мѣры благоразумія, которыя необходимы были для осуществленія этихъ спасительныхъ проэктовъ, *уже раньше изложенныхъ во столькихъ мемуарахъ, во столькихъ, трогательно выраженныхъ мнѣніяхъ и громкихъ требованіяхъ про-*

рянства, крестьянство, недовольное тѣмъ, что втеченіе трехъ мѣсяцевъ для него еще ничего не сдѣлано, начало возставать, и теперь оно уже не знаетъ удержа, такъ что въ настоящее время приходится выбирать „между разрушеніемъ общества и нѣкоторыми уступками“. Уступки эти виконтъ де-Ноайль формулировалъ такъ: равенство всѣхъ по отношенію къ налогамъ, которые должны быть распредѣляемы пропорціонально доходу каждаго; всѣ обязаны нести общественныя тягости; затѣмъ, „выкупъ всѣхъ феодальныхъ правъ общинами“, на основаніи средняго годового дохода, и, наконецъ, „отмѣна безъ выкупа барщины, права мертвой руки и другихъ формъ личной (крѣпостной) зависимости“ *).

Нужно впрочемъ сказать, что всѣ повинности послѣдняго рода крестьяне, уже за нѣкоторое время до того, перестали платить; объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ доклады интендантовъ (губернаторовъ). Послѣ-же іюльскаго возстанія стало ясно, что ихъ вовсе платить не будутъ и впредь, откажутся-ли отъ нихъ помѣщики, или нѣтъ.

виціальныхъ собраній, собраній волостныхъ (balliages) *и другихъ учрежденій, гдѣ могли собираться граждане за послѣдніе полтора года*». Такъ гласитъ офиціальная газета, Moniteur.

*) «Всѣ феодальныя права смогутъ быть выкуплены общинами, за деньги, или посредствомъ обмѣна», говорилъ виконтъ де-Ноайль. «Всѣ, безъ различія, будутъ нести всѣ общественныя тягости, платить всѣ государственные платежи», говорилъ д'Эгильонъ. «Я предлагаю, чтобы духовныя имущества были выкуплены», говорилъ Лафаръ, епископъ города Нанси, «и чтобы выкупъ шелъ не въ пользу духовнаго владѣльца, а на употребленіе полезное для бѣдныхъ». Епископъ Шартрскій требовалъ отмѣны права охоты и заявилъ, что самъ онъ отказывается отъ этого права. Дворяне и духовные встаютъ тогда, чтобы послѣдовать его примѣру. Де-Ришэ требуетъ не только отмѣны помѣщичьяго суда, но и дарового правосудія. Нѣкоторые священники просятъ разрѣшенія отказаться отъ платъ за требы, но хотятъ, чтобы платимая имъ крестьянами десятина была замѣнена денежнымъ государственнымъ налогомъ.

Но и эти уступки, предложенныя виконтомъ де-Ноайль, подверглись урѣзанію, какъ со стороны дворянъ, такъ и со стороны буржуа, изъ которыхъ многіе владѣли землями и феодальными правами, связанными съ землевладѣніемъ. Выступившій послѣ Ноайля герцогъ д'Эгильонъ уполномоченный отъ тѣхъ либеральныхъ дворянъ, о которыхъ сказано выше, выразилъ въ своей рѣчи нѣкоторую симпатію къ крестьянамъ. Онъ даже извинялъ ихъ бунты, но прибавлялъ: „Варварскіе остатки феодальныхъ законовъ, существующіе еще во Франціи, представляютъ собою, нужно въ этомъ сознаться, извѣстную *собственность, а всякая собственность — священна. Справедливость запрещаетъ требовать отъ собственника отказа отъ своей собственности безъ соотвѣтственнаго вознагражденія*". Вотъ почему герцогъ д'Эгильонъ смягчилъ фразу Ноайля относительно налоговъ, сказавъ, что всѣ граждане должны нести ихъ „пропорціонально тому, что они могутъ платить". Что же касается феодальныхъ правъ, то онъ требовалъ, чтобы *всѣ* они — личныя и не-личныя — были *выкуплены* вассалами, „если они этого пожелаютъ"; причемъ уплата должна производиться „au denier 30", т. е. уплачиваемая сумма должна быть равна годовому платежу, увеличенному въ тридцать разъ! Выкупъ дѣлался, такимъ образомъ, на дѣлѣ невозможнымъ, такъ какъ выкупъ земельной ренты считается тяжелымъ даже при условіи платежа „au denier 25"; обыкновенно же, при продажѣ земель, берутъ 20, или даже только 17 разъ годовую ренту.

Тѣмъ не менѣе, эти рѣчи Ноайля и Эгильона вызвали восторгъ Третьяго Сословія и перешли въ исторію, какъ акты высокаго самопожертвованія со стороны дворянства, хотя въ дѣйствительности Національное Собраніе, принявъ программу, предложенную герцогомъ д'Эгильономъ, создало тѣмъ самымъ условія для страшной, кровавой борьбы послѣдующихъ четырехъ лѣтъ. Тѣ немногіе крестьяне, которые засѣдали въ Собраніи, не сдѣлали никакихъ возраженій и не пока-

зали, какъ мало цѣны имѣлъ такой яко-бы „отказъ“ дворянства отъ своихъ правъ. Большинство же депутатовъ Третьяго Сословія, будучи горожанами, имѣли лишь самое смутное понятіе, какъ о феодальныхъ правахъ, такъ и о размѣрахъ крестьянскаго возстанія. Отказъ отъ феодальныхъ правъ, даже при условіи выкупа, казался имъ великой жертвой на алтарѣ Революціи.

Ле-Генъ-дю-Керангаль, бретонскій депутатъ, „одѣтый по крестьянски“, произнесъ въ свою очередь красивую и прочувствованную рѣчь. Его слова, когда онъ говорилъ о „гнусныхъ дворянскихъ грамотахъ“, въ которыхъ перечислены личныя повинности — остатки крѣпостного права — заставляли, и до сихъ поръ заставляютъ, биться сердца. Но и онъ не возражалъ противъ *выкупа* всѣхъ феодальныхъ правъ, въ томъ числѣ и „гнусныхъ“ повинностей, созданныхъ „во времена невѣжества и мрака“, и несправедливость которыхъ онъ самъ такъ краснорѣчиво доказывалъ.

Впрочемъ, въ эту ночь 4-го августа, когда дворяне и духовные отказывались отъ привилегій, считавшихся неоспоримыми втеченіе вѣковъ, Собраніе должно было, дѣйствительно представлять красивое зрѣлище. Съ великолѣпными порывами, въ прекрасныхъ выраженіяхъ, дворяне отказывались отъ налоговыхъ изъятій, духовные — отъ десятины, самые бѣдные священники — отъ платы за требы, крупные помѣщики — отъ права помѣщичьяго суда, и всѣ единогласно требовали отмѣны права охоты, а также уничтоженія помѣщичьихъ голубятенъ, на которыя особенно жаловались крестьяне. Прекрасное зрѣлище представлялъ и отказъ цѣлыхъ провинцій отъ привилегій, создававшихъ для нихъ исключительное положеніе въ государствѣ. Такимъ образомъ были уничтожены pays d'Etats*) и привилегіи городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались

*) Области, имѣвшія свое, особое,—преимущественно дворянское — самоуправленіе, въ родѣ нашихъ Остзейскихъ губерній.

по отношенію къ сосѣднимъ съ ними сёламъ феодальными правами. Представители Дофинэ (мы видѣли, что возстаніе было всего сильнѣе и распространялось всего шире именно въ этой области), первые предложили отмѣнить провинціальныя различія; за ними послѣдовали остальные.

Всѣ свидѣтели этого памятнаго засѣданія разсказываютъ о немъ съ восторгомъ. Послѣ того, какъ дворянство приняло въ принципѣ выкупъ феодальныхъ правъ, наступаетъ очередь духовенства. Оно также вполнѣ соглашается на выкупъ феодальныхъ правъ духовныхъ владѣльцевъ, съ условіемъ, что стоимость выкупа пойдетъ не на созданіе личныхъ богатствъ духовныхъ лицъ, а на общественныя нужды. Одинъ епископъ говоритъ о вредѣ, причиняемомъ крестьянскимъ полямъ сворами помѣщичьихъ собакъ, и требуетъ уничтоженія права охоты; дворянство громкими и горячими криками заявляетъ о своемъ согласіи. Энтузіазмъ доходитъ тогда до высшей точки, и когда въ два часа ночи Собраніе расходится, всѣ чувствуютъ, что ими заложенъ фундаментъ новаго общества.

Не станемъ и мы умалять значеніе этой ночи. Для того, чтобы двигать событіями, подобный энтузіазмъ необходимъ. Онъ будетъ необходимъ и для соціальной Революціи. Въ Революціи, вызвать энтузіазмъ, сказать такое слово, отъ котораго забьются сердца, — въ высшей степени важно. Уже одно то, что въ это ночное засѣданіе дворянство, духовенство и всевозможные обладатели привилегій признали успѣхи Революціи и ея права, и рѣшили подчиниться ей, вмѣсто того, чтобы бороться противъ нея, — уже это одно было крупной побѣдой человѣческой правды. И эта побѣда была тѣмъ значительнѣе, что отказъ произошелъ въ порывѣ энтузіазма — правда при свѣтѣ зарева пылавшихъ замковъ; но, сколько разъ такое же зарево толкало привилегированные классы только на упорную борьбу, и вызывало одни только взрывы ненависти и крики объ истребленіи бунтующихъ. Въ эту же ночь 4-го авгу-

ста далекое зарево пожаровъ вызвало иныя слова: слова сочувствія къ возставшимъ, и иные поступки: шаги къ примиренію.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ 14-го іюля, духъ Революціи — результатъ броженія, происходившаго во Франціи — царилъ надо всѣмъ, что̀ жило и чувствовало; и этотъ духъ, выражавшій волю милліоновъ, создавалъ вдохновеніе, котораго не существуетъ въ обыкновенное время.

Но, отмѣтивъ прекрасные порывы энтузіазма, — которые можетъ вызвать только революція, — историкъ долженъ также бросить на нихъ спокойный взглядъ и указать, до-куда дошли порывы владѣющихъ классовъ, и чего они не посмѣли переступить: что̀ они дали народу, и что̀ они отказались ему дать.

Границы эти ясно обозначены: Собраніе подтвердило въ принципѣ и обобщило то, что̀ во многихъ мѣстностяхъ народъ уже самъ осуществлялъ. Дальше этого оно не пошло, ни на дѣлѣ, ни въ теоріи.

Вспомнимъ, что̀ сдѣлалъ народъ въ Страсбургѣ и во многихъ другихъ городахъ. Онъ, какъ мы видѣли, подчинилъ всѣхъ гражданъ — дворянъ и буржуа — обязанности платить налоги и провозгласилъ подоходный налогъ, — и Собраніе приняло подоходный налогъ въ принципѣ. Народъ уничтожилъ всѣ почётныя, покупныя должности, — и въ ночь 4-го августа дворяне отказались отъ нихъ, признавая такимъ образомъ и утверждая революціонный актъ. Народъ отмѣнилъ помѣщичьи суды и самъ назначилъ своихъ судей путемъ избранія, — и Собраніе приняло это. Наконецъ, народъ уничтожилъ привилегіи нѣкоторыхъ городовъ и границы между провинціями (это было сдѣлано въ восточной Франціи) — и Собраніе распространило теперь на всю страну то, что было уже совершившимся фактомъ въ одной части Франціи.

Въ деревняхъ, духовенство согласилось въ принципѣ на выкупъ десятины; но во многихъ мѣстахъ народъ и такъ уже не платилъ ея вовсе, не дожидаясь выкупа.

И когда Собраніе потребовало въ 1790-мъ году, чтобы десятину продолжали платить вплоть до 1791-го года, то только угроза смертной казни могла заставить крестьянъ повиноваться. И то не всѣхъ. Можно, конечно, радоваться тому, что духовенство согласилось на уничтоженіе десятины, хотя бы и подъ условіемъ выкупа; но надо замѣтить также, что оно поступило бы несравненно лучше, если бы не настаивало на выкупѣ. Какой борьбы, какого ожесточенія, какого кровопролитія избѣгла бы Франція, если бы въ эту ночь 4-го августа духовенство прямо отказалось отъ десятины и предоставило всей націи, или еще лучше — своимъ прихожанамъ, позаботиться о доставленіи средствъ существованія избранному ими священнику.

Что касается до феодальныхъ правъ, то точно также, — какой ожесточенной борьбы можно было бы избѣгнуть, если бы Собраніе, тогда же, 4-го августа 1789-го года, вмѣсто проекта герцога д'Эгильона, приняло хотя бы очень скромное по существу предложеніе Ноайля: уничтоженіе всѣхъ личныхъ повинностей безъ выкупа, и выкупъ одной только земельной ренты. Мы увидимъ въ послѣдующихъ главахъ, сколько крови было пролито впослѣдствіи, впродолженіе трехъ лѣтъ, чтобы добиться, наконецъ, этой мѣры въ 1792 году! Я уже не говорю о той кровавой борьбѣ, которую пришлось вести для того, чтобы достигнуть, въ 1793-мъ году, полной отмѣны всѣхъ феодальныхъ правъ безъ выкупа.

Но послѣдуемъ, пока, примѣру людей 1789-го года. Послѣ засѣданія 4-го августа все ликовало; всѣ радовались „Варфоломѣевской ночи", постигшей феодальныя злоупотребленія. И это показываетъ, до какой степени важно бываетъ въ революціонное время признать, или по крайней мѣрѣ, провозгласить, *новый принципъ*. Гонцы изъ Парижа разнесли по всѣмъ угламъ Франціи великую вѣсть: „Всѣ феодальныя права уничтожены!" Не уничтожатся, а уже *уничтожены*. Народъ понялъ рѣшенія Собранія именно такъ, и именно такъ былъ

формулированъ первый пунктъ постановленія 5-го августа. Всѣ феодальныя права уничтожены! Нѣтъ больше десятины! Нѣтъ чинша, нѣтъ платы при продажахъ и наслѣдованіи крестьянской усадьбы; нѣтъ больше доли помѣщика и священника въ жатвѣ; нѣтъ барщины, нѣтъ подушныхъ! Нѣтъ больше барскаго права охоты! Долой голубятни! всякій можетъ охотиться! барскіе голуби не будутъ больше опустошать крестьянскія поля! Наконецъ, нѣтъ больше ни дворянъ, ни привилегированныхъ особъ, ни крѣпостныхъ: всѣ равны передъ избираемымъ всѣми судьею!

Такъ, по крайней мѣрѣ, была понята въ провинціи ночь 4-го августа. Гораздо раньше, чѣмъ Собраніе формулировало постановленія принятыя имъ между 5-мъ и 11-мъ августа, въ которыхъ разграничивалось то, что подлежитъ еще выкупу, и то, что отмѣняется сейчасъ же, — гораздо раньше, чѣмъ всѣ эти отказы отъ привилегій были облечены въ форму параграфовъ закона, гонцы уже принесли крестьянину благую вѣсть. И теперь, даже подъ угрозою разстрѣла, крестьянинъ уже ничего больше платить не будетъ!

Послѣ этого, крестьянское возстаніе вспыхнуло съ новою силою. Оно распространилось на такія области, въ которыхъ до того времени все было довольно спокойно, какъ напримѣръ, на Бретань. И если помѣщики требовали уплаты какихъ-бы то ни было повинностей, крестьяне захватывали замки и усадьбы и сжигали уставныя грамоты и земельныя росписи. „Они не хотятъ подчиняться августовскимъ декретамъ и разбирать, какія права подлежатъ выкупу и какія не подлежатъ", говоритъ Дю-Шателье*).

Повсюду, по всей Франціи уничтожаются голубятни и истребляется дичь. Въ деревняхъ, наконецъ, ѣдятъ до сыта. Земли, нѣкогда принадежавшія общинамъ, а

*) Du Châtelier, «Histoire de la Révolution dans les départements de l'Ancienne Bretagne», 6 томовъ, т. I, стр. 422.

затѣмъ отнятыя у нихъ помѣщиками, теперь захватываются крестьянами.

Тогда обнаружилось на востокѣ Франціи явленіе, которому впродолженіи двухъ послѣдующихъ годовъ суждено было занять въ Революціи выдающее мѣсто: буржуазія выступила противъ крестьянъ. Либеральные историки обходятъ это явленіе молчаніемъ, но оно — фактъ, въ высшей степени важный, и намъ необходимо его отмѣтить.

Мы видѣли, что наиболѣе крупные размѣры возстаніе крестьянъ приняло въ Дофинэ и, вообще, въ восточной Франціи. Богачи-помѣщики начинали тогда убѣгать за-границу, и министръ Неккеръ жаловался, что втеченіе двухъ недѣль ему пришлось выдать до шести тысячъ паспортовъ, самымъ богатымъ изъ мѣстныхъ жителей. Они наводнили сосѣднюю Швейцарію.

Но средняя буржуазія осталась на мѣстѣ, вооружилась и организовала свою милицію, а Національное Собраніе приняло 10-го августа 1789 года, драконовскую мѣру противъ возставшихъ крестьянъ*). Подъ тѣмъ предлогомъ, что возстаніе — дѣло разбойниковъ, оно дало разрѣшеніе муниципалитетамъ требовать войска, обезоруживать всѣхъ людей, не имѣющихъ опредѣленной профессіи и мѣстожительства, разгонять скопища и судить ихъ скорымъ судомъ. Буржуазія Дофинэ широко воспользовалась этими правами. Когда скопища возставшихъ крестьянъ проходили по Бургундіи, сжигая замки, городская и деревенская буржуазія немедленно объединялась противъ нихъ. Одно изъ этихъ скопищъ, говорятъ *Два друга Свободы*, было разбито въ Кормателѣ, 27-го іюля, причемъ было 20 убитыхъ и 60 раненыхъ. Въ Клюни было убито 100 человѣкъ и взято въ плѣнъ 160. Маконскій муниципалитетъ повѣлъ противъ крестьянъ, отказывавшихся платить десятину, настоящую войну и повѣсилъ двадцать человѣкъ. Въ Дуэ было повѣшено двѣнадцать крестьянъ; въ Ліо-

*) Buchez et Roux, «Histoire parlementaire», т. II, стр. 254.

нѣ, буржуазія, въ сраженіи съ крестьянами, убила 80 человѣкъ и взяла въ плѣнъ 60. Что касается до военнаго судьи (grand prévôt) Дофинэ, то онъ разъѣзжалъ по всей провинціи и вѣшалъ возмутившихся крестьянъ*).

Въ области Руэргъ, городъ Мильо обращался даже къ сосѣднимъ городамъ „съ предложеніемъ вооружиться противъ разбойниковъ и тѣхъ, кто отказывается платить налоги“**).

Эти нѣсколько примѣровъ, къ которымъ нетрудно было бы прибавить еще много другихъ, показываютъ, что тамъ, гдѣ крестьянское возстаніе становилось наиболѣе серьёзнымъ, буржуазія пыталась задавить его; и несомнѣнно она сильно способствовала бы усмиренію крестьянъ, если бы вѣсти изъ Парижа, полученныя

*) Buchez et Roux, II, 244.

**) «Courrier Parisien», засѣданіе 19 августа 1789, стр. 1729. Послѣ пораженія двухъ большихъ крестьянскихъ скопищъ, изъ которыхъ одно угрожало корматенскому замку, а другое — городу Клюни, и послѣ страшно жестокихъ пытокъ, разсказываютъ Бюше и Ру, война продолжалась, но въ раздробленномъ видѣ. «Между тѣмъ, продолжаютъ они, Маконскій постоянный комитетъ незаконно принялъ на себя роль судилища и присудилъ къ казни двадцать несчастныхъ крестьянъ, виновныхъ только въ томъ, что они были голодны и возмутились противъ десятины и феодальныхъ правъ» (стр. 244). Вообще, возстанія, говорятъ эти авторы, вспыхивали по маловажнымъ поводамъ: гдѣ-нибудь происходилъ споръ съ помѣщикомъ или церковнымъ причтомъ о какомъ-нибудь лугѣ или ключѣ, и дѣло вело къ возстанію; въ одномъ замкѣ, пользовавшемся правомъ высшаго и низшаго суда, нѣсколько крестьянъ было повѣшено за самые мелкіе грабежи. Въ брошюрахъ того времени, которыми пользовались Бюше и Ру, разсказывается также, что парламентъ города Дуэ казнилъ 12 главарей крестьянскихъ сборищъ; ліонскій комитетъ избирателей (изъ буржуазіи) отправилъ противъ крестьянъ подвижную колонну добровольцевъ изъ своей національной гвардіи. Въ одной изъ брошюръ говорится, что это маленько войско въ одномъ сраженіи «убило 80 человѣкъ такъ-называемыхъ разбойниковъ, и 60 увело въ плѣнъ». Военный судья Дофинэ, сопровождаемый отрядомъ буржуазной милиціи, ѣздилъ по деревнямъ и предавалъ крестьянъ казни (Buchez et Roux, II, 245)

послѣ ночи 4-го августа, не придали движенію новой силы.

Крестьянскіе бунты стали затихать, повидимому, только въ сентябрѣ и октябрѣ, — можетъ быть, благодаря наступленію полевыхъ работъ; но въ январѣ 1790-го года, по свѣдѣніямъ, которыя даетъ намъ докладъ Феодальнаго Комитета, они снова начались, — вѣроятно, вслѣдствіе требованія съ крестьянъ разныхъ платежей. Крестьяне не хотѣли подчиняться различію, установленному Собраніемъ, между правами, связанными съ землею, и личными (крѣпостными) повинностями; они отказывались платить, какъ тѣ, такъ и другія.

Мы впрочемъ еще вернемся къ этимъ важнымъ событіямъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

XVIII.

Феодальныя права остаются.

Когда Національное Собраніе вновь собралось 5-го августа и стало придавать форму законныхъ постановленій происшедшему наканунѣ отреченію привилегированныхъ сословій отъ своихъ правъ, въ немъ сразу сказался его „собственническій" духъ. Оно стало отстаивать всѣ денежныя права, связанныя съ тѣми самыми феодальными правами, отъ которыхъ оно отказалось за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Во Франціи еще существовали тогда, подъ названіемъ *права мертвой руки, баналитетовъ* и т. д., различные остатки прежняго крѣпостного права. Во Франшъ-Контэ, въ Ниверне, въ Бургундіи были еще крестьяне, подчиненные праву мертвой руки. Они были крѣпостными въ полномъ смыслѣ слова, т. е. не могли продавать своей земли, или передавать ее по наслѣдству, иначе какъ дѣтямъ, живущимъ съ ними; они оставались такимъ образомъ, сами и ихъ потомки, прикрѣпленными къ землѣ. Сколько ихъ было — въ точности неизвѣстно, но предполагаютъ, что цифра въ триста тысячъ,

которую приводитъ Бонсерфъ (Boncerf), наиболѣе вѣроятна *).

Рядомъ съ этими крестьянами, подчиненными праву мертвой руки, существовало еще много свободныхъ крестьянъ и даже горожанъ, на которыхъ тѣмъ не менѣе продолжали лежать разнаго рода личныя повинности по отношенію къ ихъ бывшихъ помѣщикамъ, или по отношенію къ бывшимъ владѣльцамъ земель, купленныхъ ими, или снимаемыхъ въ аренду**).

Привилегированнымъ сословіямъ — дворянамъ и духовенству — принадлежало тогда, вообще говоря, около половины всѣхъ земель въ каждой деревнѣ; кромѣ того, они взимали разные феодальные платежи съ земель, принадлежавшихъ крестьянамъ. Изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, говорятъ, что уже въ то время мелкіе собственники были во Франціи очень многочисленны; но, прибавляетъ Саньякъ, лишь немногіе „владѣли землею въ полную собственность и не обязаны были платить хотя бы чинша, или какой-нибудь другой подати, въ качествѣ признанія помѣщичьяго права владѣнія". Почти со всѣхъ земель платилось что-нибудь — деньгами, или частью урожая — какому-нибудь владѣльцу.

Повинности этого рода были очень разнообразны; но ихъ можно раздѣлить на пять разрядовъ: 1) Повинности личныя и часто унизительныя — остатки крѣпостного права (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, крестьяне обязаны были ночью колотить палками по

*) Sagnac, «La législation civile de la Révolution française», Парижъ, 1898, стр. 59, 60.

**) Сущность крѣпостной зависимости состоитъ въ прикрѣпленіи къ землѣ. Всюду, гдѣ крѣпостное право существовало впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, помѣщики получили также отъ государства извѣстныя права надъ *личностью* крѣпостного, вслѣдствіе чего крѣпостное состояніе представляло собою (напр. въ Россіи, съ конца восемнадцатаго вѣка) положеніе приближавшееся къ рабству; вотъ почему въ разговорѣ часто смѣшиваютъ крѣпостную зависимость съ рабствомъ.

водѣ въ пруду, чтобы лягушки не мѣшали барину спать); 2) повинности денежныя и всевозможныя повинности и барщины, натурой и трудомъ, въ уплату за дѣйствительный или предполагаемый наёмъ земли; въ число этихъ повинностей входили: право мертвой руки и земельная барщина, — corvée réelle*), чиншъ, champart, земельная рента и подати при продажахъ и наслѣдованіи (lods et ventes); 3) различные платежи, вытекающіе изъ принадлежащихъ помѣщику разныхъ монополій: т. е. сборы съ внѣшнихъ и внутреннихъ таможенъ, плата за пользованіе амбаромъ или вѣсами помѣщика, его мельницей, прессомъ для выжиманія виноградного сока, сельскою печью, въ которой крестьяне поочередно пекли хлѣбъ, и т. п.; 4) судебныя пошлины, взимавшіяся помѣщикомъ тамъ, гдѣ ему принадлежало право суда; штрафы, пошлины и т. д.; и наконецъ 5) исключительное право помѣщика охотиться на своихъ собственныхъ и на крестьянскихъ земляхъ, а также право держать голубятни и парки для кроликовъ, что̀ составляло почётную привилегію, цѣнившуюся очень высоко, но очень тяжело ложилось на крестьянъ и фермеровъ, которыхъ поля и посѣвы истреблялись голубями и кроликами.

Всѣ эти права были въ высшей степени стѣснительны, и обходились крестьянамъ очень дорого, даже тогда, когда приносили помѣщику очень мало дохода, или даже никакого. Бонсерфъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, „Les inconvénients des droits féodaux“ (стр. 52), указываетъ на тотъ фактъ, что начиная съ 1776 года, помѣщики, почти всѣ обѣднѣвшіе, а главнымъ образомъ ихъ управляющіе, начали сильно прижимать арендаторовъ и крестьянъ, чтобы получать съ нихъ по возможности больше дохода. Въ 1786 году, былъ даже произведенъ во многихъ мѣстахъ пере-

*) Réel противуполагается здѣсь personnel и означаетъ обязательство, связанное съ *вещью*, т. е. съ владѣніемъ землею.

смотръ „земельныхъ росписей“ (уставныхъ грамотъ), съ цѣлью повышенія феодальныхъ платежей.

И вотъ теперь, Собраніе, провозгласивши отмѣну всѣхъ пережитковъ феодальнаго строя, когда ему пришлось выразить всѣ эти отказы отъ привилегій въ формѣ опредѣленныхъ законовъ, отступило и стало на сторону владѣльцевъ.

Казалось бы, напримѣръ, что разъ помѣщики сами отказались отъ права мертвой руки, то о немъ больше не можетъ быть рѣчи, и остается только придать этому отказу форму закона. Но даже и по этому вопросу начались пренія. Пытались установить различіе между *личною* зависимостью (mainmorte personnelle), которая должна быть уничтожена безъ вознагражденія, и mainmorte réelle, которая связана *съ землей* и передается отъ одного владѣльца другому при арендѣ или покупкѣ земли, а потому подлежитъ выкупу. И если Собраніе, наконецъ, рѣшило отмѣнить безъ выкупа всѣ права и обязанности, какъ феодальныя, такъ и чиншевыя „связанныя съ вещнымъ или личнымъ правомъ мертвой руки и съ личной зависимостью“, то оно устроило такъ, что и здѣсь, даже въ этомъ вопросѣ, осталось нѣкоторое сомнѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда права *мертвой руки* трудно было отдѣлить отъ *феодальныхъ* правъ вообще.

Тотъ же шагъ назадъ былъ сдѣланъ Собраніемъ въ вопросѣ о церковной десятинѣ, платимой духовенству. Десятина доходила, какъ извѣстно, очень часто до пятой части, или даже до четверти всего урожая; притомъ духовенство требовало даже свою долю сѣна, собранныхъ орѣховъ и т. п. Эта подать ложилась на крестьянъ очень тяжело, особенно на бѣдняковъ. Поэтому, 4-го августа духовенство отказалось отъ всѣхъ формъ десятины натурой, — съ условіемъ, однако, что онѣ будутъ *выкуплены* плательщиками. Но такъ какъ при этомъ не указывались ни условія выкупа, ни процедура, посредствомъ которой выкупъ будетъ происходить, то этотъ отказъ сводился къ простому пожела-

нію. Духовенство *соглашалось на выкупъ*; оно *позволяло* крестьянамъ, если они захотятъ и смогутъ, выкупать десятину, устанавливая ея стоимость по соглашенію съ владѣльцами. Но когда, 6-го августа, захотѣли формулировать относящійся къ десятинѣ законъ, то Собраніе встрѣтилось съ крупнымъ затрудненіемъ.

Впродолженіе ряда вѣковъ, отдѣльныя духовныя лица продавали свои права на взиманіе десятины частнымъ людямъ; такія десятины назывались *свѣтскими*, или *закрѣпленными* (inféodées), и по отношенію къ нимъ, Собраніе сочло выкупъ совершенно необходимымъ, ради охраны права собственности послѣдняго покупателя. Мало того: десятины, платимыя крестьянами самому духовенству, оказались, въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ Собранія, какъ бы *налогомъ*, который нація платитъ для содержанія своего духовенства; и мало по малу, по мѣрѣ обсужденія этого предмета, въ Собраніи взяло верхъ мнѣніе тѣхъ, кто говорилъ, что о выкупѣ десятины можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если нація возьметъ на себя платить духовенству правильное жалованіе. Эти пренія продолжались цѣлыхъ пять дней, до 11-го числа, когда нѣсколько священниковъ, а за ними и архіепископы, заявили, что они приносятъ десятину въ жертву отечеству, а въ остальномъ полагаются на справедливость и щедрость націи.

Такимъ образомъ, было рѣшено, что всѣ виды десятины, платимые духовенству, будутъ отмѣнены; но до тѣхъ поръ, пока не будутъ изысканы иныя средства на покрытіе жалованья духовенству, *десятина должна платиться по прежнему*. Что же касается до закрѣпленной десятины, то она должна будетъ выплачиваться до тѣхъ поръ, пока не будетъ выкуплена!

Можно себѣ представить, какое разочарованіе и какія волненія вызвало такое постановленіе среди крестьянъ. Десятина отмѣнялась въ теоріи, но на дѣлѣ должна была взиматься *по прежнему*. — „До какихъ поръ?“ спрашивали себя крестьяне. — „Пока государ-

ство не найдетъ средствъ платить духовенству какъ-нибудь иначе!" А такъ какъ финансовое положеніе государства ухудшалось, то крестьяне вполнѣ справедливо начали сомнѣваться въ томъ, что десятина будетъ когда-либо уничтожена. Безработица и революціонныя бури неизбѣжно затрудняли поступленіе налоговъ; въ то же время расходы на новыя судебныя учрежденія и на новую администрацію неизбѣжно возростали. Демократическія реформы всегда обходятся очень дорого, и только мало по малу народу, въ средѣ котораго происходитъ революція, удаётся возстановить равновѣсіе бюджета и покрывать вызванныя революціею издержки. А пока, крестьяне должны были платить попрежнему десятину, и до самаго 1791-го года десятину продолжали взыскивать съ нихъ очень строго. А такъ какъ они больше платить не хотѣли, то Собраніе издавало противъ недоимщиковъ законъ за закономъ, со всевозможными карательными мѣрами.

То же самое нужно сказать и о правѣ охоты. Въ ночь 4-го августа дворяне отказались отъ этого права. Но когда пришлось точно выразить въ законѣ, что̀ значитъ ихъ отказъ, то оказалось, что онъ долженъ былъ означать только то, что право охоты предоставляется всѣмъ и каждому. Между тѣмъ, Собраніе отступило передъ такимъ рѣшеніемъ и только распространило право охоты „на своихъ земляхъ" *на всѣхъ собственниковъ*, или *владѣльцевъ* недвижимыхъ имуществъ. Но даже и здѣсь, въ окончательной редакціи закона были оставлены неясности. Собраніе отмѣнило *исключительное* право охоты и право держать открытые парки для кроликовъ, и заявило, что „всякій собственникъ имѣетъ право истреблять самъ, или поручать другимъ истреблять дичь, исключительно на своихъ наслѣдственныхъ земляхъ (héritages)". Распространялось-ли это разрѣшеніе на арендаторовъ, или нѣтъ, оставалось подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, крестьяне не стали ждать разрѣшенія начальства и не стали обращаться къ

судамъ за разрѣшеніемъ сомнѣній. Они истолковали постановленія 4-го августа въ свою пользу, и тотчасъ же послѣ 4-го августа принялись истреблять помѣщичью дичь. Втеченіе долгихъ годовъ они видѣли, какъ голуби и кролики уничтожали ихъ посѣвы, и теперь, не дожидаясь ничьего разрѣшенія, они сами стали истреблять раззорителей.

Наконецъ, въ самомъ важномъ вопросѣ — въ вопросѣ *о феодальныхъ правахъ*, волновавшемъ больше двадцати милліоновъ французовъ, Собраніе, когда ему пришлось облечь въ законную форму разные отказы, заявленные въ ночь 4-го августа, ограничилось простымъ *провозглашеніемъ, въ принципѣ*, уничтоженія феодальныхъ правъ.

„Національное Собраніе совершенно уничтожаетъ феодальный строй", гласилъ первый пунктъ его постановленія 5-го августа. Но дальнѣйшіе пункты постановленій, сдѣланныхъ отъ 5-го до 11-го августа, объясняютъ, что совершенно исчезаетъ *только личная зависимость*, какъ унизительная для достоинства человѣка. *Всѣ же остальныя повинности, каковы бы ни были ихъ происхожденіе и природа, остаются. Онѣ могутъ быть выкуплены со временемъ*, но въ августовскихъ постановленіяхъ ничто не указываетъ, когда и на какихъ условіяхъ сможетъ произойти выкупъ. Не назначается никакого срока для выкупа и не дается никакихъ указаній относительно процедуры, посредствомъ которой выкупъ можетъ быть совершенъ. Нѣтъ ничего, ровно ничего, кромѣ *принципа*, кромѣ *высказаннаго желанія*. А пока, крестьяне должны платить все, по прежнему.

Въ этихъ постановленіяхъ 5—11 августа 1789 года было даже нѣчто худшее. Они открывали путь одной мѣрѣ, которая могла сдѣлать выкупъ совершенно немыслимымъ, и такую мѣру Собраніе дѣйствительно провело семь мѣсяцевъ спустя. Въ февралѣ 1790 года, оно обязало крестьянъ выкупить *разомъ всѣ* феодальные платежи, падавшіе на покупщика или арендатора земли, и тѣмъ сдѣлало выкупъ совершенно недоступнымъ

для нихъ. Саньякъ, въ своемъ интересномъ трудѣ (стр. 90), замѣчаетъ, что Демёнье предлагалъ такого рода мѣру еще 6-го и 7-го августа. И вотъ, какъ мы увидимъ ниже, Собраніе издало въ февралѣ 1790 года законъ, по которому стало невозможнымъ выкупать повинности, связанныя съ владѣніемъ *землею*, не выкупая вмѣстѣ съ тѣмъ и повинностей *личныхъ*, т. е. крѣпостнаго происхожденія, хотя эти послѣднія были уже уничтожены декретомъ 5-го августа 1789 года.

Увлеченные энтузіазмомъ, съ какимъ была встрѣчена въ Парижѣ и во всей Франціи вѣсть о засѣданіи 4-го августа, историки не останавливаются достаточно на тѣхъ ограниченіяхъ, которыя Собраніе внесло въ первый параграфъ своего постановленія въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, отъ 5-го до 11-го августа. Даже Луи Бланъ, приводящій въ главѣ „Отношеніе Революціи къ собственности“ (кн. II, гл. I) всѣ необходимыя данныя для того, чтобы судить о содержаніи августовскихъ постановленій, повидимому колеблется, словно онъ боится разрушить красивую легенду. Онъ только вскользь упоминаетъ объ этихъ ограниченіяхъ и даже старается оправдать ихъ, говоря, что „логика фактовъ осуществляется въ исторіи далеко не такъ быстро, какъ логика идей въ головѣ мыслителя“. Но эта неясность, эти сомнѣнія, эти колебанія, которыми Собраніе отвѣтило крестьянамъ на ихъ требованіе ясныхъ и точныхъ мѣръ для уничтоженія старыхъ злоупотребленій, сдѣлались источникомъ жестокой борьбы втеченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ. Только четыре года спустя, послѣ исключенія жирондистовъ изъ Конвента въ іюнѣ 1793 года, удалось поставить во всей цѣлости вопросъ о феодальныхъ правахъ, и разрѣшить его въ духѣ 1-го пункта постановленія 4-го августа*).

*) Buchez и Roux («Histoire parlementaire de la Révolution française», т. II, стр. 243) видятъ въ заявленіяхъ 4-го августа лишь необходимую уступку, вытекавшую неизбѣжно изъ преній о Деклараціи Правъ чековѣка. Большинство было заранѣе согласно съ этой декларацією, а ея принятіе неизбѣ-

Теперь, сто лѣтъ спустя, жаловаться на поведеніе Національнаго Собранія не приходится. Въ сущности, оно сдѣлало все, чего только можно было ожидать отъ собранія собственниковъ и буржуа: можетъ быть, оно сдѣлало даже больше. *Оно провозгласило принципъ громадной важности*, и тѣмъ, какъ бы призывало народъ идти дальше. Но имѣть въ виду сдѣланныя имъ ограниченія необходимо, потому что, если мы примемъ въ точномъ смыслѣ первый пунктъ декрета 4-го августа, въ которомъ говорится о полномъ упраздненіи феодальнаго строя, мы рискуемъ не понять, ни исторіи послѣдующихъ четырехъ годовъ Революціи, ни той жестокой борьбы между революціонерами, которая произошла въ 1793-мъ году въ Конвентѣ.

Постановленія Собранія встрѣтили страшное сопротивленіе. Если, съ одной стороны, они нисколько не удовлетворили крестьянъ и послужили сигналомъ къ новому взрыву крестьянскаго возстанія, то съ другой стороны, дворянство, высшее духовенство и король увидѣли въ нихъ попытку ограбить привилегированныя сословія. Съ этого момента началась противъ Революціи подпольная, неустанная и все болѣе и болѣе ревностная агитація. Собраніе думало, что охраняетъ права земельной собственности, и въ обыкновенное время подобный законъ могъ бы даже достигнуть этой цѣли. Но всѣ тѣ, кто былъ тогда на мѣстахъ, понимали, что ночь 4-го августа нанесла рѣшительный ударъ всѣмъ

жно влекло за собою уничтоженіе привилегій. — Интересно, какъ сообщала о ночи 4 августа Madame Elisabeth, сестра короля, своей пріятельницѣ, госпожѣ de Mombelles: „Съ энтузіазмомъ, достойнымъ французскаго сердца, пишетъ она, дворянство отказалось отъ всѣхъ феодальныхъ правъ и отъ правъ охоты. Туда же войдетъ, я думаю, и рыбная ловля. Духовенство точно также отказалось отъ десятины, требъ и возможности имѣть нѣсколько бенефицій одновременно. Это постановленіе было разослано по всѣмъ провинціямъ. *Надѣюсь, что это прекратитъ поджоги замковъ.* Ихъ сожжено семьдесятъ". (См. Conches, сочиненіе, указанное выше, стр. 238.)

феодальнымъ правамъ: что августовскими постановленіями, хотя они и требовали выкупа, все равно, на дѣлѣ, уничтожались феодальныя права. Весь общій смыслъ этихъ постановленій, въ томъ числѣ уничтоженіе десятины, права охоты и другихъ привилегій, показывалъ народу, что *его права — выше историческихъ правъ собственности.* Въ августовскихъ постановленіяхъ заключалось осужденіе, во имя справедливости, всѣхъ унаслѣдованныхъ привилегій феодализма. Теперь, уже ничто не могло дать этимъ правамъ ихъ прежнюю неприкосновенность въ глазахъ крестьянъ.

Крестьяне поняли, что феодальныя права осуждены, и вовсе не стали выкупать ихъ; они просто перестали платить. Но Собраніе, у котораго не хватило смѣлости, ни совершенно отмѣнить феодальныя права, ни установить возможный для крестьянъ способъ выкупа, создало этимъ то неопредѣленное положеніе, которое должно было вскорѣ породить гражданскую войну по всей Франціи. Съ одной стороны, крестьяне увидѣли, что имъ ничего не слѣдуетъ выкупать, ничего платить, — что нужно продолжать Революцію, чтобы добиться уничтоженія феодальныхъ правъ безъ выкупа. А съ другой стороны, богатые люди поняли, что въ августовскихъ постановленіяхъ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго: что этими постановленіями еще ничего не сдѣлано, кромѣ принесенія въ жертву права мертвой руки и права охоты, и что, ставши на сторону контръ-революціи и короля, какъ ея представителя, имъ удастся, можетъ быть, еще сохранить и феодальныя права, и земли, когда-то отнятыя ими и ихъ предками у деревенскихъ общинъ.

Король, — слѣдуя вѣроятно мнѣнію своихъ совѣтниковъ, - отлично понялъ, чего ждетъ отъ него контръ-революція. Онъ увидалъ, что ему предстоитъ сдѣлаться объединяющимъ символомъ защиты феодальныхъ привилегій, и онъ поспѣшилъ написать архіепископу города Арль, что никогда, иначе какъ подъ давленіемъ насилія, онъ не дастъ своего согласія на августовскія

постановленія. „Принесенная жертва (двухъ первыхъ сословій государства) прекрасна, говоритъ онъ; но все, что я могу сдѣлать, это — выразить мое уваженіе передъ нею: — я никогда не соглашусь лишить мое духовенство и мое дворянство ихъ имуществъ. Я не дамъ своей санкціи такимъ законамъ, которые разсорили бы ихъ".

И онъ дѣйствительно отказывался дать свое согласіе на законное обнародованіе этихъ постановленій, до тѣхъ поръ, пока народъ не привезъ его, какъ плѣнника, въ Парижъ. И даже тогда, когда онъ уступилъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ — вмѣстѣ со всѣми имущими классами: духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей, — чтобы эти постановленія Собранія не вылились въ форму законовъ: чтобы они остались мертвой буквой.

...

Мой другъ Джемсъ Гильомъ, который былъ такъ добръ, что прочелъ всю мою рукопись, написалъ, по вопросу о королевской *санкціи* постановленіямъ 4-го августа, слѣдующее примѣчаніе, которое я привожу цѣликомъ. Вотъ оно:

„Собраніе имѣло власть *учредительную* и *законодательную*, и много разъ заявляло, что его дѣйствія, въ качествѣ *власти учредительной*, независимы отъ власти короля. Королевская санкція требовалась только для *законовъ* (постановленія Собранія назывались *декретами* до полученія этой санкціи, и *законами* — послѣ).

„Акты 4 августа были *учредительнаго* характера: Собраніе формулировало ихъ въ видѣ *постановленій* (arrêtés), но ни минуты не думало, что разрѣшеніе короля нужно было для того, чтобы привилегированные классы могли отказаться отъ своихъ привилегій. Характеръ этихъ постановленій — или *этого постановленія*, такъ какъ о нихъ упоминаютъ то во множественномъ, то въ единственномъ числѣ — видѣнъ изъ 19-го и послѣдняго параграфа, въ которомъ говорится: „Національ-

ное Собраніе займется, тотчасъ же *послѣ конституціи*, составленіемъ *законовъ*, необходимыхъ для развитія *началъ, высказанныхъ въ настоящемъ постановленіи*, которое будетъ немедленно разослано господами депутатами по всѣмъ провинціямъ" и т. д. — 11-го августа текстъ постановленій былъ окончательно принятъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Собраніе дало королю титулъ *возстановителя французской свободы* и рѣшило отслужить молебенъ въ дворцовой часовнѣ.

„12-го августа, предсѣдатель Собранія (Ле-Шапелье) отправился къ королю узнать, когда онъ пожелаетъ принять Собраніе для этого молебна; король назначилъ пріемъ на 13-ое, въ двѣнадцать часовъ. 13-го, все Собраніе является во дворецъ; предсѣдатель произноситъ рѣчь, въ которой онъ нисколько не проситъ короля санкціонировать рѣшеніе Собранія, а только объясняетъ королю, что̀ именно сдѣлало Собраніе, и сообщаетъ о данномъ имъ королю титулѣ. Людовикъ XVI отвѣчаетъ, что принимаетъ титулъ съ благодарностью, привѣтствуетъ Собраніе и выражаетъ ему свое довѣріе. Затѣмъ въ часовнѣ отслуженъ былъ молебенъ.

„Что король тайнымъ образомъ выражалъ архіепископу арльскому совсѣмъ иныя чувства — это не важно: здѣсь рѣчь идетъ лишь о томъ, что̀ онъ дѣлалъ публично.

„Итакъ, въ первое время король *публично не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія* постановленіямъ 4-го августа.

„Но 12-го сентября, вслѣдствіе происходившихъ въ странѣ волненій, партія патріотовъ предложила, въ видахъ успокоенія страны, придать постановленіямъ 4-го августа форму торжественной декларацiи; для этого большинство рѣшило *представить эти постановленія на санкцію короля*, несмотря на сопротивленіе контръ-революціонеровъ, которые предпочли бы, чтобы объ этихъ постановленіяхъ больше не было бы рѣчи.

„Уже въ понедѣльникъ, 14-го сентября, патріоты увидали однако, что слово *санкція* можетъ вызвать не-

доразумѣніе. Въ Собраніи, рѣчь шла какъ разъ о „задерживающемъ вето“ (veto suspensif), которое хотѣли предоставить королю, и Барнавъ замѣтилъ, что такое вето неприложимо къ постановленіямъ 4-го августа. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и Мирабо. „Постановленія 4-го августа, сказалъ онъ, составлены учредительною властью; поэтому, они не подлежатъ санкціи. Постановленія 4-го августа — не законы, а принципы и основныя конституціонныя положенія. И когда вы обратились къ королю за санкціей для актовъ 4-го августа, вы собственно обратились къ нему за *обнародованіемъ* (promulgation) ихъ“. Тогда Ле-Шапелье предложилъ замѣнить, по отношенію къ этимъ постановленіямъ, слово *санкція* словомъ *обнародованіе* и прибавилъ: „Я считаю, что постановленія, которымъ Его Величество выразилъ свое безспорное одобреніе — какъ въ письмѣ, переданномъ имъ мнѣ, когда я имѣлъ честь говорить отъ имени Собранія (въ качествѣ представителя), такъ и служеніемъ благодарственнаго молебна въ королевской часовнѣ — не нуждаются въ санкціи короля“. Тогда внесено было предложеніе, чтобы Собраніе отложило обсужденіе стоящаго на очереди вопроса (о вето) до того времени, когда произойдетъ обнародованіе королемъ постановленій 4-го августа. Общій шумъ. Засѣданіе закрывается; никакого рѣшенія не принято.

„15-го — новыя пренія безъ результата. 16-го и 17-го говорятъ совсѣмъ о другомъ: о порядкѣ престолонаслѣдія.

„Наконецъ, 18-го получается отвѣтъ короля. Онъ выражаетъ свое одобреніе общему духу постановленій 4-го августа, но замѣчаетъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ можетъ выразить свое согласіе лишь условно; затѣмъ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Итакъ, я одобряю бо́льшую часть этихъ пунктовъ и санкціонирую ихъ, *когда они будутъ составлены въ видѣ законовъ*“. Этотъ отвѣтъ, затягивавшій дѣло, вызвалъ большое неудовольствіе; депутаты повторяли, что отъ короля требуется только простое обна-

родованіе постановленій, и что онъ не можетъ отказать въ этомъ. Было рѣшено, что предсѣдатель отправится къ королю и будетъ умолять его, немедленно дать распоряженіе объ обнародованіи. Въ виду угрожающаго тона рѣчей ораторовъ въ Собраніи, Людовикъ XVI понялъ, что нужно уступить; но и тутъ онъ сталъ придираться къ словамъ: 20-го сентября, вечеромъ, онъ передалъ предсѣдателю (Клермонъ-Тонеру) отвѣтъ, въ которомъ говорилось: „Вы просили меня санкціонировать постановленія 4-го августа... Я вамъ сообщилъ замѣчанія, которыя я могъ сдѣлать по поводу ихъ... Теперь вы просите объ *обнародованіи* тѣхъ же самыхъ постановленій: *обнародованію* подлежатъ законы... Но я уже сказалъ вамъ, что одобряю общій духъ этихъ постановленій... Я издамъ распоряженіе объ ихъ *опубликованіи* (publication) по всему государству... Я не сомнѣваюсь, что смогу дать свою *санкцію* всѣмъ тѣмъ *законамъ*, которые вы издадите относительно разныхъ предметовъ, указанныхъ въ этихъ постановленіяхъ".

„Такимъ образомъ, если въ постановленіяхъ 4-го августа выражены только одни принципы и теоретическіе взгляды, если мы напрасно стали бы искать въ нихъ конкретныхъ *мѣръ* и проч., то это потому, что таковъ и долженъ былъ быть характеръ этихъ постановленій, ясно опредѣленный Собраніемъ въ 19-мъ пунктѣ. 4-го августа было провозглашено *въ принципѣ* уничтоженіе феодальнаго строя; затѣмъ было сказано, что Собраніе издастъ *законы* для проведенія этого *принципа* въ жизнь, и что это будетъ тогда, *когда будетъ закончена конституція*. Можно, если угодно, критиковать такой методъ работы, избранный Собраніемъ; но нужно замѣтить, что оно никого не обманывало и не измѣняло своему слову тѣмъ, что не издавало законовъ *сейчасъ же*. разъ оно обѣщало издать ихъ лишь *послѣ конституціи*. А когда, въ сентябрѣ 1791 года, конституція была закончена, Учредительному Собранію пришлось удалиться и уступить мѣсто Законодательному Собранію".

Это примѣчаніе Джемса Гильома проливаетъ новый свѣтъ на тактику Учредительнаго Собранія. Когда война крестьянъ противъ помѣщичьихъ замковъ поставила вопросъ о феодальныхъ правахъ, — передъ Собраніемъ было два выхода. Оно могло заняться выработкой *законопроэктовъ* о феодальныхъ правахъ, обсужденіе которыхъ заняло бы цѣлые мѣсяцы, или вѣрнѣе годы, и, въ виду разногласій въ средѣ самихъ представителей, не привело бы ни къ чему, кромѣ раскола въ Собраніи, который привелъ бы къ его роспуску королемъ. (Въ эту ошибку впала русская Дума при обсужденіи земельнаго вопроса). Или же, оно могло ограничиться провозглашеніемъ нѣсколькихъ *основныхъ началъ*, которыя должны были послужить впослѣдствіи основаніемъ для составленія *законовъ*. Собраніе избрало второй путь. Оно поспѣшило составить въ нѣсколько засѣданій рядъ конституціонныхъ *постановленій*, которыя королю въ концѣ-концовъ пришлось опубликовать. Въ деревняхъ же эти принципіальныя постановленія Собранія послужили приглашеніемъ къ отмѣнѣ феодальныхъ правъ революціоннымъ путемъ, и настолько расшатали весь феодальный строй, что четыре года спустя Конвентъ уже могъ провести *законъ о полной отмѣнѣ феодальныхъ правъ, безъ всякаго выкупа*. Сознательно или нѣтъ былъ избранъ этотъ второй путь, — во всякомъ случаѣ онъ оказался цѣлесообразнѣе перваго.

XIX.

Декларація Правъ Человѣка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Бастиліи, Конституціонный комитетъ Національнаго Собранія поставилъ на обсужденіе „Декларацію Правъ Человѣка и Гражданина“. Мысль о такомъ торжественномъ заявленіи (декларации), внушенная знаменитою Декларацією Независимости Соединенныхъ Штатовъ, была очень удачна. Такъ какъ во Франціи происходила революція, и въ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ слоевъ должны были, въ силу этого, произойти глубокіяизмѣненія, то слѣдовало, прежде чѣмъ эти измѣненія найдутъ себѣ выраженіе въ пунктахъ какой бы то ни было конституціи, установить ихъ общія начала. Народъ могъ видѣть, такимъ образомъ, какъ понимаетъ Революцію революціонное меньшинство, и во имя какихъ новыхъ началъ оно призываетъ къ борьбѣ.

Такая декларація не была бы простымъ наборомъ красивыхъ словъ. Она должна была выразить общій взглядъ на то будущее, которое революція стремится завоевать, и этотъ взлядъ, высказанный въ формѣ Заявленія Правъ, сдѣланнаго цѣлымъ народомъ, долженъ былъ получить значеніе торжественной народной клятвы.

Выраженныя въ немногихъ словахъ начала, которыя предполагалось провести въ жизнь, должны были вдохнуть бодрость во французскій народъ и показать всему міру, куда онъ идетъ. Міромъ управляютъ идеи гораздо больше чѣмъ это думаютъ, и великія идеи, выраженныя въ рѣшительной формѣ, всегда имѣли вліяніе на умы. Такъ, молодыя сѣверо-американскія республики издали подобную декларацію, когда свергли англійское иго, и съ тѣхъ поръ Декларація Независимости Соединенныхъ Штатовъ сдѣлалась хартіей, почти-что десятью заповѣдями молодой сѣверо-американской націи*).

Вотъ почему, какъ только Собраніе избрало (9-го іюля) Комитетъ для подготовительной работы по вы-

*) «Когда теченіе человѣческихъ событій», говорится въ Декларации Независимости Соединенныхъ Штатовъ, «ставитъ какой-нибудь народъ въ необходимость порвать политическія узы, соединявшія его съ другимъ народомъ, и занять въ ряду земныхъ державъ то отдѣльное и равноправное мѣсто, на которое даютъ ему право законы природы и Бога природы, — то уваженіе къ мнѣнію человѣчества требуетъ отъ этого народа, чтобы онъ изложилъ міру побужденія, вынуждающія его къ такому отдѣленію.

«Мы считаемъ слѣдующія истины безспорными и очевидными сами по себѣ: что всѣ люди созданы равными; что они получили отъ Создателя нѣкоторыя неотчуждаемыя права; что среди этихъ правъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто жизнь, свободу и исканіе счастья; что для обезпеченія себѣ возможности пользоваться этими правами, люди создали въ своей средѣ правительства, справедливая власть которыхъ основывается на согласіи управляемыхъ; *что всякій разъ, когда какая-нибудь форма правленія оказывается гибельной для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ она была создана, народъ имѣетъ право измѣнить, или упразднить ее,* и создать новое управленіе, обосновавъ его на такихъ началахъ и придавъ власти такую форму, которые покажутся ему наиболѣе обезпечивающими безопасность и счастье» (Декларація, принятая въ Филадельфіи, 4-го іюля 1776-го года). Эта декларація, правда, не отвѣчала коммунистическимъ стремленіямъ, высказаннымъ тогда-же многими группами гражданъ Сѣверной Америки; но она точно выражала ихъ взглядъ на ту политическую форму, которую они хотѣли создать, и помогла вдохнуть въ американскихъ революціонеровъ гордый и независимый духъ.

работкѣ конституціи, возникла мысль о составленіи Декларації правъ человѣка, и сейчасъ же послѣ 14-го іюля представители принялись за дѣло. Декларація независимости Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлавшаяся знаменитой съ 1776-го года, какъ лозунгъ демократіи, какъ выраженіе ея стремленій, была принята за образецъ*). Къ несчастью, у этой Декларації были заимствованы и всѣ ея недостатки. Слѣдуя примѣру основателей американской конституціи, собравшихся на конгрессъ въ Филадельфіи, французское Національное Собраніе тоже исключило изъ своей декларації все, что касалось экономическихъ отношеній между гражданами, и ограничилось провозглашеніемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, права націи выбирать себѣ желательное для нея правительство и конституціонныхъ свободъ личности. Что касается собственности, то Декларація поспѣшила заявить о ея „ненарушимомъ и священномъ“ характерѣ, и прибавила, что „никто не можетъ быть лишенъ собственности иначе, какъ въ томъ случаѣ, если того потребуетъ *закономъ признанная* общественная необходимость и при условіи *справедливаго, предварительнаго вознагражденія*“. Это было прямымъ отрицаніемъ права крестьянъ на землю и на революціонную отмѣну повинностей феодальнаго происхожденія.

Буржуазія такимъ образомъ провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство передъ закономъ, и правительство, подчиненное народу, существующее только по его волѣ. И, какъ всѣ такъ-называемыя „программы-минимумъ“ (перечисленія *наименьшихъ* требованій), она оказалась программою-максимумъ, т. е. *наибольшихъ* требованій. Она означала, что по

*) Объ этомъ, какъ видно изъ работы Джемса Гильома, «La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» (Парижъ, 1900, стр. 9), было упомянуто самимъ предсѣдателемъ Конституціоннаго Комитета. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ, впрочемъ, только сравнить тексты французскихъ проэктовъ и американскихъ декларацій, приведенные въ книгѣ Гильома.

мнѣнію Собранія, *дальше* этого народу идти не слѣдуетъ: что онъ не долженъ касаться правъ собственности, хотя они и установлены были феодальнымъ строемъ и королевскимъ деспотизмомъ, которые подлежатъ уничтоженію.

Очень вѣроятно, что во время преній, при составленіи Декларації правъ человѣка, были высказаны и идеи соціальнаго характера, — идеи равенства. Но онѣ очевидно, были отвергнуты. Мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ слѣдовъ ихъ въ Декларації 1789 года*). Даже мысль Сейеса, что „если люди не равны въ *средствахъ*, т. е. по богатству, по уму, по силѣ и т. д., то изъ этого не слѣдуетъ, что они не равны въ *правахъ*“**) — даже эта скромная мысль не нашла себѣ выраженія въ Декларації, выработанной Собраніемъ. Вмѣсто этихъ словъ Сейеса, мы находимъ слѣдующую формулировку перваго пункта Декларації: „Люди родятся и остаются свободными и равными въ правахъ. *Соціальныя различія не могутъ быть основаны ни на чемъ иномъ, кромѣ общей пользы*“. Это предполагаетъ существованіе соціальныхъ различій, *установленныхъ закономъ ради общей пользы*, и посредствомъ этого неправильнаго предположенія открывается доступъ всѣмъ видамъ неравенства.

Когда мы перечитываемъ теперь „Декларацію правъ человѣка и гражданина“, составленную въ 1789-мъ году, мы естественно задаемъ себѣ вопросъ: имѣла ли вообще эта декларація то вліяніе на умы, какое ей приписываютъ историки? — Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые пункты Декларації оказали такое вліяніе. Такъ, пунктъ 1-й провозглашалъ равенство въ правахъ всѣхъ людей; въ пунктѣ 6-мъ говорилось, что законъ

*) Въ Америкѣ, въ нѣкоторыхъ Штатахъ, народъ потребовалъ провозглашенія общаго права націи на всю землю; но эта идея, предосудительная съ буржуазной точки зрѣнія, не была введена въ Декларацію независимости.

**) Пунктъ 16-й проэкта Сейеса. См. James Guillaume, «La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen», стр. 30.

долженъ быть „одинаковъ для всѣхъ“, и что „всѣ граждане имѣютъ право участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ его созданіи“; пунктъ 10-й гласилъ, что „никто не долженъ быть преслѣдуемъ за убѣжденія, даже религіозныя, лишь бы проявленіе ихъ не нарушало установленнаго закономъ общественнаго порядка“, и наконецъ пунктъ 12-й заявлялъ, что общественная власть „учреждена на пользу всѣмъ, а не для личной пользы тѣхъ, кому она поручена“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти заявленія, — въ обществѣ гдѣ еще существовали различныя формы феодальной зависимости, и гдѣ королевская фамилія смотрѣла на всю Францію какъ на свою вотчину, — должны были произвести цѣлую революцію въ умахъ.

Но такъ же несомнѣнно и то, что Декларація 1789 года никогда не имѣла бы того вліянія, какое она пріобрѣла впослѣдствіи, втеченіе всего девятнадцатаго вѣка, если бы Революція остановилась на этомъ заявленіи буржуазнаго либерализма. Къ счастію, Революція пошла дальше этого. И когда, два года спустя, въ сентябрѣ 1791-го года, Національное Собраніе выработало текстъ Конституціи, оно присоединило къ первой „Декларации правъ человѣка“ родъ „Вступленія въ Конституцію“, заключавшаго уже слѣдующія слова: „Національное Собраніе .... безвозвратно отмѣняетъ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство въ правахъ“. И дальше: „Не существуетъ больше ни дворянства, ни пэрства*), ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословныхъ отличій, *ни феодальнаго строя, ни вотчиннаго суда,* никакихъ титуловъ, званій и преимуществъ, изъ нихъ вытекавшихъ; никакихъ рыцарскихъ орденовъ, никакихъ корпорацій или орденовъ, для которыхъ требовались бы доказательства дворянскаго происхожденія и которыя предполагали бы тѣ или другія прирожденныя различія; никакого другого высшаго

*) Пэры были нѣчто въ родѣ русскихъ бояръ шестнадцатаго вѣка: родъ младшихъ родственниковъ короля.

положенія, кромѣ положенія чиновниковъ при исполненіи ихъ обязанностей. — Не существуетъ больше ни цеховъ, ни старшинъ, ни корпорацій въ профессіяхъ и искусствахъ, или ремеслахъ (въ этомъ послѣднемъ сказывается уже буржуазный идеалъ всемогущаго государства). — *Законъ не признаетъ больше ни религіозныхъ обѣтовъ, ни другихъ обязательствъ, противныхъ естественнымъ правамъ и Конституціи!*"

Если мы вспомнимъ, что этотъ вызовъ былъ брошенъ Европѣ, еще всецѣло погруженной въ тьму всемогущей монархической власти и феодальныхъ привилегій, мы поймемъ, почему „Декларація правъ человѣка", которую часто смѣшивали со „Вступленіемъ въ Конституцію", увлекала народы во время войнъ Республики, а впослѣдствіи, втеченіе всего девятнадцатаго вѣка, служила лозунгомъ прогрессивнаго движенія во всѣхъ европейскихъ странахъ. Но не нужно забывать одного: въ этомъ Вступленіи вовсе не выражаются желанія всего Собранія, ни даже желанія вообще буржуазіи 1789 года. Признать права народа и порвать съ феодализмомъ ихъ заставила мало по малу продолжавшаяся уже два года народная революція, и мы скоро увидимъ — цѣною какихъ жертвъ были достигнуты эти уступки.

XX.

Дни 5-го и 6-го октября 1789 года.

Въ глазахъ короля и Двора, „Декларація правъ человѣка и гражданина“ являлась наглымъ нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Король рѣшительно отказался утвердить ее. Правда, Декларація, подобно „постановленіямъ 5—11 августа“, представляла собою ничто иное, какъ провозглашеніе извѣстныхъ основныхъ началъ: она имѣла, какъ тогда выражались, „учредительный характеръ“ и, какъ таковая, не нуждалась въ утвержденіи королемъ. Ему предстояло только обнародовать ее.

Но и отъ этого онъ отказывался, подъ разными предлогами. Такъ, 5-го октября, онъ написалъ Собранію, что прежде чѣмъ санкціонировать Декларацію, онъ хочетъ знать, какъ будутъ прилагаться высказанныя въ ней начала*).

*) «Я не буду объясняться по поводу Декларации правъ человѣка: въ ней есть очень хорошія правила для руководства въ вашихъ работахъ. Но въ ней выражены и такія начала, которыя могутъ вызвать различныя объясненія и даже толкованія, правильная оцѣнка которыхъ будетъ возможна только тогда, когда истинный смыслъ ихъ будетъ установленъ законами, основою для которыхъ послужитъ Декларація. — Подписано: Людовикъ».

Мы видѣли, что онъ отвѣтилъ подобнымъ же отказомъ и на постановленія 5—11 августа объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, и мы легко можемъ себѣ представить, какимъ оружіемъ послужили эти два отказа въ рукахъ Національнаго Собранія. — „Какъ?“ говорилось въ народѣ. „Собраніе отмѣняетъ феодальный строй, личную зависимость и оскорбительныя права помѣщиковъ; оно провозглашаетъ, съ другой стороны, равенство всѣхъ передъ закономъ; а король, и въ особенности принцы, королева, Дворъ, Полиньяки, Ламбали и всѣ остальные противятся этому! Если бы еще дѣло шло только о запрещеніи какихъ-нибудь рѣчей, проникнутыхъ идеями равенства! Но нѣтъ: *все* Собраніе — въ томъ числѣ дворяне и епископы — согласилось на томъ, чтобы издать законъ въ пользу народа и отказаться отъ своихъ привилегій (для народа, не вникающаго въ смыслъ юридическихъ терминовъ, „постановленія“ 5—11 августа были настоящими законами); и вдругъ какая-то сила не позволяетъ провести въ жизнь эти законы! Король, пожалуй, еще согласился бы принять ихъ: братался-же онъ съ Парижемъ послѣ 14-го іюля; но Дворъ, принцы, королева не хотятъ, чтобы Собраніе устроило счастье народа“.

Въ начавшейся такимъ образомъ грозной борьбѣ между королевскою властью и буржуазіею, послѣдней удалось, благодаря своей ловкой политикѣ и своему умѣнію разбираться въ законодательной дѣятельности, привлечь народъ на свою сторону. Теперь, народъ горячо ненавидѣлъ принцевъ, королеву, высшую аристократію и горячо защищалъ Собраніе, за трудами котораго онъ началъ слѣдить съ интересомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ и самъ оказывалъ давленіе на Собраніе въ демократическомъ направленіи.

Такъ напримѣръ, Собраніе, можетъ быть, согласилось бы на систему двухъ Палатъ „на англійскій манеръ“, которая предлагалась нѣкоторою частью буржуазіи. Но народъ не хотѣлъ и слышать о ней. Онъ

чутьемъ понималъ то, что впослѣдствіи очень ясно стали доказывать учёные юристы: что во время революціи вторая палата немыслима; что она можетъ существовать только тогда, когда революція уже истощила свои силы, и началась реакція.

Точно также народъ, съ гораздо бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ его представители въ Собраніи, высказывался противъ королевскаго права отвергать принятые Собраніемъ законы, т. е. противъ права *вето* *). Онъ и здѣсь отлично понялъ сущность дѣла. Дѣйствительно, если въ обыкновенное время вопросъ о томъ, можетъ или не можетъ король воспрепятствовать рѣшенію парламента, не имѣетъ особенно большого значенія (такъ какъ мало вѣроятно, чтобы парламентъ и король оказались въ непримиримомъ разногласіи), то въ революціонный періодъ дѣло стоитъ иначе; не потому, чтобы королевская власть становилась съ теченіемъ времени менѣе склонною къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ народныхъ правъ, а потому, что въ обыденное время парламентъ — органъ привилегированныхъ классовъ — не принимаетъ такихъ рѣшеній противъ существующихъ привилегій, которыя королю приходилось бы останавливать своимъ вмѣшательствомъ. Въ революціонное же время, рѣшенія парламента, принимаемыя подъ давленіемъ народнаго настроенія, улицы, часто будутъ клониться именно къ уничтоженію старыхъ привилегій, а потому неизбѣжно встрѣтятъ сопротивленіе со стороны короля. И тогда, если ему будетъ предоставлено право вето, и если онъ почувствуетъ нѣкоторую силу на своей сторонѣ, онъ непремѣнно воспользуется этимъ правомъ. Такъ оно и случилось съ августовскими постановленіями и съ Декларацією Правъ.

Въ Собраніи была однако многочисленная партія, стоявшая за абсолютное вето короля, т. е. желавшая предоставить королю возможность помѣшать законнымъ

*) Латинское слово veto значило „запрещаю", „противлюсь".

путемъ всякой серьезной реформѣ; такъ что послѣ долгихъ преній, Собраніе пришло наконецъ къ компромиссу. Оно отказало въ *абсолютномъ вето* (т. е. въ правѣ навсегда отвергнуть законъ, проведенный Собраніемъ), но приняло вето *задерживающее* (veto supsensif), дававшее королю возможность, *не отмѣняя* того или другого закона, *задерживать* на нѣкоторое время его проведеніе въ жизнь.

Теперь, сто лѣтъ спустя, историки неизбѣжно склонны идеализировать Собраніе и представлять его себѣ вполнѣ готовымъ бороться за Революцію. Но если истина, для насъ, дороже красиваго преданія, легенды, то приходится отказаться отъ такого представленія. На дѣлѣ, даже въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей, Собраніе далеко не было на высотѣ требованій того времени. Оно чувствовало свое безсиліе. Самый составъ его былъ далеко не однороденъ, такъ какъ въ немъ было больше трехъ-сотъ, а по другимъ исчисленіямъ до четырехъ-сотъ депутатовъ, т. е. больше трети общаго числа, готовыхъ вполнѣ примириться съ королевскою властью. Помимо этого, не говоря уже о тѣхъ, кто прямо состоялъ на жалованіи у Двора — а были и такіе, — сколько въ немъ было депутатовъ, боявшихся революціи гораздо больше, чѣмъ королевскаго произвола! Но время было тогда революціонное, и помимо прямого давленія народа и страха передъ его гнѣвомъ, кругомъ царило то особое умственное настроеніе, которое покоряетъ робкихъ и заставляетъ осторожныхъ идти за болѣе смѣлыми. Кромѣ того — и это было главное — народъ по прежнему держался угрожающе, а воспоминаніе о де-Лонэ, Фуллонѣ и Бертье было еще свѣжо въ памяти. Въ предмѣстьяхъ Парижа даже поговаривали о томъ, чтобы убить членовъ Собранія, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ со Дворомъ.

Между тѣмъ, въ Парижѣ по-прежнему свирѣпствовала страшная нужда. Былъ сентябрь; жатва уже была

кончена, но хлѣба всё-таки не хватало. У дверей булочныхъ, цѣлыя вереницы людей ждали съ ранняго утра своей очереди, и часто, послѣ долгихъ часовъ ожиданія, люди уходили безъ хлѣба. Муки не хватало. Несмотря на закупку зерна за-границей, организованную правительствомъ, несмотря на преміи, выдаваемыя за ввозъ зерна въ Парижъ, хлѣба всё-таки не доставало, какъ въ столицѣ, такъ и въ сосѣднихъ съ нею большихъ и малыхъ городахъ. Всѣ мѣры, принимавшіяся для продовольствія населенія, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что дѣлалось, мѣшали разнаго рода мошенничества. Весь старый строй, всё государственное сосредоточеніе власти, понемногу создававшееся съ шестнадцатаго вѣка, проявили себя въ этомъ вопросѣ о хлѣбѣ. На верхахъ — утонченная роскошь достигала крайнихъ предѣловъ, а внизу — народная масса, раззоряемая всякими поборами, не находила себѣ пропитанія на плодородной почвѣ и въ прекрасномъ климатѣ Франціи!

Кромѣ того, противъ принцевъ королевскаго дома и высокопоставленныхъ придворныхъ лицъ раздавались самыя тяжелыя обвиненія: въ народѣ говорили, что они снова заключили „голодный договоръ“*) и барышничаютъ на высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Документы, напечатанные съ тѣхъ поръ, вполнѣ подтверждаютъ тогдашніе слухи. И когда мы видимъ, что теперь дѣлаютъ въ Россіи великіе князья, всякое сомнѣніе въ этихъ обвиненіяхъ исчезаетъ.

Къ тому же, возможное банкротство государства висѣло, какъ угроза, надъ головами. Государственные долги требовали немедленнаго взноса процентовъ; расходы-же всё росли, и казна была пуста. Прибѣгать, во время революціи, къ тѣмъ жестокимъ мѣрамъ, которыми выколачивались налоги при старомъ строѣ,

*) «Голодный договоръ» — такъ назывался договоръ, заключенный въ 1729 году, при Людовикѣ XV-мъ, между скупщиками зерна, при участіи придворныхъ и членовъ королевской семьи.

когда у крестьянина продавали его послѣднее имущество за недоимки — теперь уже не рѣшались, боясь бунтовъ; а съ другой стороны, крестьяне, въ ожиданіи болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ, перестали платить; богатые-же, ненавидѣвшіе революцію, не платили ничего изъ тайнаго злорадства. Напрасно Неккеръ, вновь вступившій въ министерство 17-го іюля 1789 года, придумывалъ всякія средства для предотвращенія банкротства — онъ ничего не находилъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, какимъ образомъ могъ бы онъ помѣшать банкротству, не прибѣгая къ принудительному займу у богатыхъ, или не завладѣвая имуществами духовенства. Онъ такъ и сдѣлалъ. И буржуазіи, дѣйствительно, скоро пришлось согласиться на эти мѣры, такъ какъ, вложивши свои деньги въ государственные займы, она вовсе не хотѣла потерять ихъ при банкротствѣ государства. Но, какъ могли согласиться на такое посягательство на ихъ имущества со стороны государства, король, Дворъ и высшее духовенство?

Странное чувство должно было овладѣвать умами въ августѣ и сентябрѣ 1789-го года. Вотъ, наконецъ, исполнились желанія столькихъ лѣтъ. Во Франціи, созвано наконецъ Національное Собраніе, и оно облечено законодательною властью. Оно охотно поддается демократическимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, — и всё-таки оно безсильно, безсильно до смѣшного. Собраніе можетъ издать тѣ или иные законы для предотвращенія банкротства; но король, Дворъ, принцы откажутся утвердить ихъ. Точно выходцы съ того свѣта, они еще имѣютъ силу задушить представительство французскаго народа, парализовать его волю, протянуть до безконечности временное положеніе.

Мало того: эти привидѣнія все время собираются сдѣлать рѣшительный шагъ противъ Собранія. Вокругъ короля обсуждаются новые планы его побѣга. Онъ уѣдетъ въ скоромъ времени въ Рамбулье, или въ Орлеанъ, или же станетъ во главѣ войскъ, расположенныхъ

къ западу отъ Версали, и оттуда будетъ угрожать и Версали, и Парижу. Или, наконецъ, онъ бѣжитъ къ восточной границѣ, и тамъ будетъ ждать нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, обѣщанныхъ ему эмигрантами. Во дворцѣ сталкиваются всевозможныя вліянія: вліяніе герцога Орлеанскаго, мечтающаго завладѣть престоломъ послѣ отъѣзда короля, вліяніе „Monsieur", т. е. брата Людовика XVI-го, который былъ бы очень радъ, если бы и король, и Марія-Антуанета, съ которой у него личная вражда, могли бы куда-нибудь исчезнуть.

Съ сентября мѣсяца Дворъ задумываетъ побѣгъ; обсуждаютъ различные планы, но ни на одномъ изъ нихъ не рѣшаютъ остановиться. Нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ XVI и въ особенности королева мечтали повторить — но съ бо́льшимъ успѣхомъ — исторію англійскаго короля, Карла I-го, и вступить, какъ онъ сдѣлалъ, въ открытую войну съ Парламентомъ. Исторія англійскаго короля, повидимому, не давала имъ покоя: утверждаютъ даже, что единственная книга, которую Людовикъ XVI выписалъ изъ своей версальской библіотеки въ Парижъ послѣ 6-го октября, когда онъ долженъ былъ переселиться въ Парижъ, была исторія Карла I-го. Эта исторія точно гипнотизировала ихъ; но они читали её такъ, какъ заключенные въ тюрьмѣ читаютъ уголовные романы. Они не дѣлали изъ нея выводовъ относительно необходимости своевременныхъ уступокъ, а думали только: „Вотъ здѣсь нужно было сопротивляться; здѣсь нужно было дѣйствовать хитростью, а вотъ тутъ нужно было проявить рѣшимость!" Не также-ли читаетъ теперь русскій царь исторію Людовика XVI-го и Карла I-го?.. — И вотъ они устроили всевозможные планы, привести которые въ исполненіе, ни у нихъ, ни у ихъ окружающихъ не хватало смѣлости.

Съ другой стороны, Революція тоже туманила ихъ взоры: они видѣли готовившееся поглотить ихъ чудовище и не рѣшались, ни подчиниться ему, ни сопротивляться. Парижъ, все время собиравшійся идти на

Версаль, внушалъ имъ ужасъ и парализовалъ ихъ волю. „А что, если въ самый рѣшительный моментъ борьбы, войско подастся? Что, если военные начальники измѣнятъ королю, какъ измѣнили ему уже столько другихъ? Тогда останется только раздѣлить участь Карла I-го!“

А тѣмъ временемъ, они всё-таки продолжали обсуждать свои тайные планы. Ни король, ни его окружающіе, ни вообще привилегированные классы не могли понять, что время компромиссовъ давно прошло, что теперь уже ничего не остаётся, какъ откровенно признать новую народившуюся силу и стать подъ ея покровительство, — тѣмъ болѣе, что Собраніе съ величайшею охотою взяло бы короля подъ свою защиту. Вмѣсто этого, они устраивали заговоры и тѣмъ толкали даже самыхъ умѣренныхъ членовъ Собранія къ контръ-заговорамъ, т. е. въ революціонный лагерь. Вотъ почему Мирабо и другіе депутаты, которые охотно бы способствовали установленію очень скромной ограниченной монархіи, пошли поневолѣ вмѣстѣ съ болѣе крайними группами. И вотъ почему такіе умѣренные люди, какъ Дюпоръ, устроили „конфедерацію клубовъ“, дававшую возможность держать народъ постоянно наготовѣ, — въ чемъ уже предчувствовалась близкая надобность.

Походъ 5-го октября на Версаль произошелъ не такъ внезапно, какъ обыкновенно разсказываютъ. Всякое народное движеніе, даже во время Революціи, должно быть подготовлено агитаторами изъ народа, и ему всегда предшествуетъ рядъ неудавшихся попытокъ въ томъ же направленіи. Такъ, еще 30-го августа маркизъ де-Сентъ-Юрюжъ (de Saint-Huruge), одинъ изъ популярныхъ ораторовъ Пале-Рояля, хотѣлъ идти на Версаль во главѣ полутора тысячъ человѣкъ, чтобы требовать удаленія „невѣжественныхъ, подкупленныхъ и подозрительныхъ депутатовъ, отстаивающихъ „задерживающее вето короля“. А народъ, въ то же время,

грозился сжечь помѣстья и замки этихъ депутатовъ, и ихъ извѣщали, что съ этою цѣлью уже разослано по провинціямъ двѣ тысячи писемъ. Сборище маркиза Юрюжа было разогнано, но самый планъ не былъ оставленъ.

31-го августа, изъ Пале-Рояля было отправлено въ Городскую Ратушу пять депутацій (одна изъ нихъ — подъ предводительствомъ республиканца Лустало), съ просьбою парижскому муниципалитету оказать давленіе на Собраніе и помѣшать принятію королевскаго вето. Среди членовъ этихъ депутацій, одни грозили депутатамъ, другіе-же упрашивали ихъ. Въ Версали, толпа народа со слезами умоляла Мирабо отказаться отъ абсолютнаго вето, на томъ, совершенно справедливомъ основаніи, что если королю будетъ предоставлено это право, то само Собраніе сдѣлается ненужнымъ*).

Тогда-же, повидимому, явилась мысль, что гораздо удобнѣе было бы имѣть Собраніе и короля у себя подъ руками, въ Парижѣ. Съ первыхъ чиселъ сентября, на сборищахъ, происходившихъ въ Пале-Роялѣ на открытомъ воздухѣ, уже говорилось о томъ, чтобы привезти въ Парижъ короля и дофина (наслѣдника). Ради этого, всѣхъ истинныхъ гражданъ приглашали идти походомъ на Версаль. Въ „Mercure de France", объ этомъ упоминается уже въ номерѣ отъ 5-го сентября (стр. 84), а Мирабо говорилъ о походѣ женщинъ на Версаль за двѣ недѣли до самаго событія.

Обѣдъ, данный во дворцѣ гвардейцамъ, и придворные заговоры ускорили дѣло. Все указывало на то, что реакція готовится вскорѣ нанести сильный ударъ. Она подняла голову; а парижскій муниципальный совѣтъ, вполнѣ буржуазный, шелъ смѣлѣе, чѣмъ раньше, по пути реакціи. Роялисты, почти не скрываясь, организовывали свои силы. По дорогѣ между Версалью и Мецомъ**) были стянуты войска, и открыто гово-

*) Buchez et Roux, стр. 368 и слѣд.; Bailly, II, 326, 341.

**) Укрѣпленный городъ близъ восточной границы Франціи.

рилось о томъ, чтобы похитить короля и увезти его въ Мецъ, черезъ Шампань, или черезъ Вердёнъ. Маркизъ Булье, командовавшій войсками на востокѣ, а также герцогъ Бретёйль и Мерси были въ заговорѣ. Во главѣ его сталъ Бретёйль. Съ этою цѣлью приберегались всевозможныя денежныя суммы и, какъ вѣроятный день переворота, намѣчалось 5-е октября. Въ этотъ день король долженъ былъ уѣхать въ Мецъ и тамъ присоединиться къ войску маркиза Булье. Затѣмъ, онъ обратился-бы съ призывомъ къ дворянству и войскамъ, оставшимся ему вѣрными, и объявилъ бы членовъ Собранія мятежниками.

Тѣмъ временемъ, въ версальскомъ дворцѣ было удвоено число тѣлохранителей (молодыхъ людей изъ аристократіи, охранявшихъ дворецъ), и были вызваны въ Версаль фландрскій полкъ и драгуны. 1-го октября тѣлохранители устроили даже въ честь фландрскаго полка большое празднество, на которое были приглашены драгунскіе и швейцарскіе офицеры версальскаго гарнизона.

Во время обѣда, Марія-Антуанета и придворныя дамы, вмѣстѣ съ королемъ, дѣлали все возможное, чтобы довести до бѣлаго каленія вѣрноподданическій энтузіазмъ офицеровъ. Дамы сами прицѣпляли офицерамъ и солдатамъ бѣлыя кокарды, а національную трехцвѣтную кокарду топтали ногами. Два дня спустя, 3-го октября, былъ устроенъ второй, подобный же праздникъ.

Эти празднества ускорили ходъ событій. Слухи о нихъ, можетъ быть преувеличенные, скоро дошли до Парижа, и народъ понялъ, что, если онъ не пойдетъ теперь же на Версаль, то Версаль пойдетъ на Парижъ.

Дворъ очевидно готовился нанести рѣшительный ударъ. Если бы король уѣхалъ и скрылся гдѣ-нибудь среди своихъ войскъ, не было бы ничего легче, какъ разогнать Собраніе, или заставить его вернуться къ системѣ трехъ сословій. Въ самомъ Собраніи была партія, насчитывавшая отъ 300 до 400 человѣкъ, главари

которой уже устраивали совѣщанія у Малуэ и задумывали перенести Собраніе въ городъ Туръ, подальше отъ революціоннаго парижскаго народа. Но если бы планъ Двора удался, всё пришлось бы начинать сызнова. Потеряны были бы плоды 14-го іюля, плоды крестьянскаго возстанія и паники 4-го августа.

Что-же нужно было предпринять, чтобы предотвратить переворотъ? *Ни больше ни меньше, какъ поднять народъ!* И въ этомъ состоитъ главная заслуга тѣхъ революціонеровъ, которые въ этотъ моментъ имѣли преобладающее вліяніе: они поняли истину, которая обыкновенно заставляетъ буржуазныхъ революціонеровъ блѣднѣть отъ страха; и они стали дѣйствовать. Поднять народъ — темную, бѣдную массу парижскаго населенія — вотъ чѣмъ съ жаромъ занялись 4-го октября революціонеры. Дантонъ, Маратъ и Лусталó (имя котораго мы уже упоминали, передъ взятіемъ Бастиліи), были самыми энергичными изъ нихъ.

Горсть заговорщиковъ не можетъ бороться съ войскомъ. Кучка людей, какъ бы рѣшительны они ни были, не можетъ побѣдить реакцію. Войску нужно противупоставить либо *войско-же*, либо *народъ*, — населеніе цѣлаго города, сотни тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, вышедшихъ на улицу. Только они могутъ побѣдить, — только они *побѣждали* войска, лишая ихъ бодрости духа, парализуя ихъ дикую силу.

5-го октября, въ Парижѣ дѣйствительно началось подготовлявшееся возстаніе, при крикахъ: *Хлѣба! Хлѣба!* Одна молодая дѣвушка забила въ барабанъ, и это послужило призывнымъ сигналомъ для женщинъ. Скоро ихъ собралась цѣлая толпа, которая двинулась къ Городской Ратушѣ. Здѣсь она выломала двери и требовала хлѣба и оружія. А такъ какъ о походѣ на Версаль говорилось уже нѣсколько дней, то крикъ: *Въ Версаль!* скоро сталъ общимъ лозунгомъ. Предводителемъ своего отряда женщины избрали Мальяра, прославившагося въ Парижѣ послѣ 14-го іюля, благодаря

своему участію во взятіи Бастиліи. Подъ его руководствомъ двинулись въ путь.

Тысячи разныхъ мыслей несомнѣнно роились, въ то время, въ ихъ головахъ; но господствующею мыслью была, вѣроятно, мысль о хлѣбѣ. Въ Версали, думали онѣ, готовятся заговоры противъ народнаго блага; тамъ заключили „голодный договоръ", тамъ мѣшаютъ уничтоженію феодальныхъ правъ, которыя доводятъ народъ до голода, — и женщины шли на Версаль. Можно почти навѣрное сказать, что въ глазахъ массы парижанъ, король, какъ всѣ короли, представлялся добродушнымъ существомъ, желающимъ добра народу. Обаяніе королевской власти глубоко еще коренилось въ умахъ. Но королеву уже тогда ненавидѣли. Объ ней разсказывали самыя ужасныя вещи. — „Гдѣ эта негодница?" — Вотъ она...! Нужно схватить эту.... и свернуть ей шею", говорили женщины, и можно только удивляться тому, съ какой готовностью, съ какимъ, можно сказать, удовольствіемъ, уголовный судъ Шателэ повторилъ потомъ всѣ эти слова, въ одной изъ бумагъ, когда назначено было слѣдствіе о бунтѣ 5-го октября.

Народъ и тутъ, въ общемъ, былъ совершенно правъ. Если король, узнавъ о неудачѣ, которую потерпѣло королевское засѣданіе 23-го іюня, сказалъ въ концѣ концовъ: „Чортъ съ ними, пусть остаются!", то Марія-Антуанета приняла эту неудачу за личное оскорбленіе. Она встрѣтила съ величайшимъ презрѣніемъ короля — „разночинца", когда онъ вернулся съ трехцвѣтною кокардою на шляпѣ, послѣ посѣщенія Парижа 17-го іюля, и съ тѣхъ поръ королева была центромъ всѣхъ придворныхъ заговоровъ. Съ этихъ поръ уже было заложено начало той перепискѣ, которую она вела впослѣдствіи со шведскимъ барономъ Ферзеномъ, съ цѣлью привести иностранныя войска въ Парижъ*). И въ ту самую ночь, 5-го октября, когда женщины наводнили дворецъ, королева — по свидѣтельству даже такой ре-

*) Эта переписка теперь издана.

акціонерки, какъ маламъ Кампанъ, — принимала Ферзена у себя въ спальнѣ.

Народъ зналъ все это, отчасти отъ самой дворцовой прислуги; и умъ толпы — коллективный умъ парижскаго народа — понялъ то, что́ съ такимъ трудомъ понимали отдѣльныя личности изъ образованныхъ классовъ. Онъ понялъ, что Марія-Антуанета зайдетъ далеко въ своей враждѣ къ народу, и что единственное средство предотвратить придворные заговоры, это — держать короля и его семью, а также и Собраніе, въ самомъ Парижѣ, подъ контролемъ народа.

Въ первые моменты своего вступленія въ Версаль, женщины, измученныя усталостью и голодомъ, измокшія подъ проливнымъ дождемъ, требовали только хлѣба. Когда онѣ ворвались въ Собраніе, то попадали въ изнеможеніи на скамьи депутатовъ; но самое ихъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ было уже побѣдою. И Собраніе немедленно воспользовалось этою побѣдою, чтобы получить отъ короля утвержденіе Декларація правъ человѣка.

Вслѣдъ за женщинами, въ путь тронулись и мужчины. Тогда, во избѣжаніе какого-нибудь несчастья во дворцѣ, Лафайетъ, въ семь часовъ вечера, двинулся въ Версаль во главѣ буржуазной національной гвардіи.

Ужасъ охватилъ Дворъ. Весь Парижъ, стало-быть, идетъ походомъ на дворецъ? Немедленно былъ созванъ Совѣтъ, но опять-таки онъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Между тѣмъ, изъ сарая были уже поданы экипажи, чтобы король и его семья могли убѣжать; но отрядъ національной гвардіи замѣтилъ эти экипажи и велѣлъ убрать ихъ назадъ.

Прибытіе національной гвардіи, старанія Лафайета, а въ особенности, можетъ быть, проливной дождь, заставили разойтись толпу, наполнявшую улицы Версаля, залу Собранія и окрестности Дворца. Но около пяти или шести часовъ утра, кучка мужчинъ и женщинъ изъ народа, не слушая ничьихъ совѣтовъ, разыскала

какую-то незапертую дверь, ведущую во дворецъ, и ворвалась туда. Въ нѣсколько минутъ толпа была уже въ спальнѣ королевы, едва успѣвшей убѣжать къ королю: иначе ее могли растерзать. Та же участь могла постичь и тѣлохранителей, если бы Лафайетъ не прискакалъ во-время имъ на-помощь.

Вторженіе народа во дворецъ нанесло королевской власти такой ударъ, отъ котораго она уже не оправилась. Напрасно Лафайетъ устроилъ овацію королю, когда онъ вышелъ на балконъ: она не помогла. Ему удалось даже вызвать въ толпѣ рукоплесканія по адресу королевы, когда она появилась, по его настоянiямъ, на балконѣ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, и Лафайетъ почтительно поцѣловалъ ей руку. Но этотъ театральный эффектъ не подѣйствовалъ: королеву уже ненавидѣли, и ей приписывали всѣ злодѣйства.

Народъ, овладѣвшій дворцомъ, понялъ свою силу и тотчасъ же воспользовался ею, чтобы заставить короля переѣхать въ Парижъ. Король долженъ былъ подчиниться, и его карета, окруженная толпою народа, направилась въ столицу. И, какія сцены буржуазія ни разыгрывала во время этого возвращенія короля, чтобы поднять его обаяніе, народъ понялъ, что *король теперь его плѣнникъ*. Впрочемъ, у самого Людовика XVI-го, когда онъ въѣхалъ въ Парижѣ въ старый дворецъ Тюильри, покинутый королями со временъ царствованія Людовика XIV-го, не было на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. — „Пусть размѣщаются, кто гдѣ хочетъ!“ отвѣтилъ онъ на предложенный ему вопросъ — и велѣлъ принести себѣ изъ библіотеки... исторію Карла I-го.

Великой Версальской монархіи приходилъ конецъ. Послѣ такого возврата въ столицу могли еще быть королибуржуа, или императоры, завладѣвавшіе престоломъ путемъ обмана и насилія. Но царствованію королей „Божіею милостью“ пришелъ конецъ.

Еще разъ, какъ и 14 го іюля, *народъ*, напоромъ своей массы и своимъ сильнымъ выступленіемъ, нанесъ старому порядку громовой ударъ. Революція сразу сдѣлала громадный шагъ впередъ.

XXI.

Страхъ буржуазіи. — Новая муниципальная организація.

Казалось бы, что теперь, Революція начнетъ свободно развиваться. Реакціонныя попытки королевской власти были подавлены; „Господинъ и Госпожа Вето", какъ называли въ шутку короля и королеву, находились плѣнниками въ Парижѣ; теперь, навѣрное, можно было думать, Національное Собраніе начнетъ рѣшительную борьбу со старыми злоупотребленіями, окончательно сломитъ феодализмъ и приложитъ къ жизни великіе принципы выработанной имъ Декларации правъ человѣка и гражданина. Отъ ея обѣщаній такъ бились сердца въ народѣ.

Но на дѣлѣ, оказалось, ничего этого не было. Какъ ни трудно этому повѣрить, но послѣ 5-го октября начинается реакція. Она организуетъ свои силы и проявляется все яснѣе и яснѣе, вплоть до іюня 1792 года.

Парижскій народъ возвратился въ свои трущобы; буржуазія распустила его, отослала по домамъ. И если бы не крестьянскія возстанія, которыя шли своимъ чередомъ до того момента, когда, въ іюлѣ 1793 года, взаправду были отмѣнены феодальныя права, если бы не движенія въ провинціи, слѣдовавшія одно за дру-

гимъ и мѣшавшія буржуазіи прочно установить свою власть, — реакція могла бы восторжествовать еще въ 1791-мъ и даже въ 1790-мъ году.

„Король въ Луврѣ, Національное Собраніе въ Тюильри, пути сообщенія становятся свободны, рынки ломятся отъ мѣшковъ муки, государственная казна наполняется, мельницы работаютъ, измѣнники бѣгутъ, духовенство — низвергнуто, аристократія — при послѣднемъ издыханіи," — такъ писалъ Камиллъ Дэмуленъ въ первомъ номерѣ своей газеты (28 ноября). Но въ дѣйствительности, реакція повсемѣстно поднимала голову. Въ то время, какъ революціонеры торжествовали и считали Революцію почти законченной, реакція понимала, что теперь-то и начнется въ каждомъ провинціальномъ городѣ, большомъ или маломъ, въ посёлкѣ и деревушкѣ, главная, настоящая борьба между прошлымъ и будущимъ; теперь-то настаётъ для реакціи моментъ, когда нужно заняться обузданіемъ революціи.

Реакція шла даже еще дальше въ своемъ пониманіи общаго положенія. Она поняла, что буржуазія, до сихъ поръ искавшая поддержки у народа, въ виду достиженія конституціонныхъ правъ и побѣды надъ высшею аристократіею, теперь, — разъ она почувствовала народную силу, — сдѣлаетъ всё возможное, чтобы обуздать этотъ народъ, обезоружить его и снова привести въ повиновеніе.

Въ Національномъ Собраніи, страхъ передъ народомъ проявился тотчасъ же послѣ 5-го октября. Больше двухсотъ депутатовъ отказались ѣхать въ Парижъ и потребовали паспортовъ для возвращенія по домамъ. Имъ было въ этомъ отказано; ихъ стали называть измѣнниками; но, несмотря на это, нѣкоторые изъ нихъ всё-таки вышли въ отставку, на томъ основаніи, что никогда они не ожидали, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Какъ и послѣ 14-го іюля, началась эмиграція; только теперь примѣръ подавалъ уже не Дворъ, а депутаты, члены Собранія.

Тѣмъ не менѣе, Собраніе насчитывало въ своей средѣ значительное большинство такихъ представителей буржуазіи, которые не только не думали удалятъся, но съумѣли воспользоваться обстоятельствами, чтобы установить господство своего класса на прочномъ основаніи. Еще до своего переѣзда въ Парижъ, т. е. 19-го октября, Собраніе воспользовалось народнымъ движеніемъ и ввело отвѣтственность министровъ и членовъ администраціи передъ народнымъ представительствомъ, и постановило, что налоги могутъ быть вводимы и устанавливаемы только Національнымъ Собраніемъ. Два основныхъ условія конституціоннаго правленія были такимъ образомъ отвоеваны. Титулъ „короля Франціи" былъ измѣненъ на „короля Французовъ".

Въ то время, какъ Собраніе пользовалось, такимъ образомъ, движеніемъ 5-го октября для упроченія своихъ верховныхъ правъ, буржуазный муниципальный совѣтъ Парижа, т. е. Совѣтъ Трехсотъ, взявшій въ свои руки городское управленіе послѣ 14-го іюля, съ своей стороны также воспользовался обстоятельствами, чтобы укрѣпить свою власть. Шестьдесятъ администраторовъ, избранныхъ изъ числа Трехсотъ были поставлены во главѣ восьми отдѣловъ управленія: продовольствіе города, полиція, общественныя работы, больницы, воспитаніе, городскія владѣнія и другіе доходы, налоги и національная гвардія. Завѣдуя всѣми этими отраслями жизни въ столицѣ, Совѣтъ Трехсотъ становился громадною силою, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи было 60,000 человѣкъ національной гвардіи, вербовавшейся исключительно изъ зажиточныхъ гражданъ.

Мэръ Парижа, Байльи, а въ особенности Лафайетъ, командующій національною гвардіею, становились теперь большими особами. Что-же касается полиціи, то буржуазія вмѣшивалась во все: въ собранія жителей, въ газеты, къ уличную продажу, въ объявленія, и вездѣ запрещала все, что было враждебно ей. Наконецъ, воспользовавшись убійствомъ одного булочника (21-го

октября), Совѣтъ Трехсотъ обратился къ Національному Собранію, умоляя его издать законъ о военномъ положеніи, что и было сдѣлано. По этому закону, стоило только муниципальному чиновнику развернуть красное знамя, чтобы тѣмъ самымъ въ этомъ городѣ или деревнѣ объявлено было военное положеніе; тогда всякія сборища становились противузаконными, и войска, призванныя муниципальными чиновниками, имѣли право, послѣ трехъ предупрежденій, стрѣлять въ толпу. Если толпа расходилась мирно, безъ сопротивленія, раньше чѣмъ сдѣлано было третье предупрежденіе, то преслѣдовались только зачинщики скопищъ и присуждались — если сборище было безъ оружія — къ тремъ годамъ тюрьмы, а если оно было вооруженное — къ смертной казни. Но если народъ оказывалъ сопротивленіе, то всѣмъ участникамъ бунта грозила смерть. Смерть грозила также каждому солдату и офицеру національной гвардіи, если онъ устраивалъ сборища, или подстрекалъ къ нимъ.

Такимъ образомъ, случайнаго убійства, совершеннаго на улицѣ, было достаточно, чтобы побудить Собраніе издать такой свирѣпый законъ, и во всей парижской прессѣ, по очень вѣрному замѣчанію Луи Блана, нашелся всего одинъ голосъ — голосъ Марата, — который протестовалъ противъ новаго закона, доказывая, что во время революціи, когда народъ еще только разбиваетъ свои оковы и долженъ вести тяжелую борьбу съ врагами, законъ о военномъ положеніи не имѣетъ никакого смысла. Въ Собраніи, противъ этого закона высказались только Робеспьеръ и Бюзо, да и то не въ принципѣ, а потому, говорили они, что нельзя вводить такой законъ, пока не будетъ созданъ судъ, который могъ бы судить преступленія, совершаемыя противъ націи.

Пользуясь нѣкоторымъ затишьемъ, неизбѣжно наступившимъ въ народѣ послѣ событій 5-го и 6-го октября, буржуазія занялась, такимъ образомъ, и въ Собраніи и въ муниципалитетѣ, организаціей правительства среднихъ классовъ; причемъ не обошлось, конечно, безъ

нѣкоторыхъ столкновеній и интригъ изъ-за вопросовъ личнаго честолюбія.

Придворная партія, со своей стороны, не видѣла никакой причины отказываться отъ своихъ притязаній; она тоже интриговала и перетягивала на свою сторону политическихъ дѣятелей, честолюбивыхъ и нуждающихся въ большихъ средствахъ, въ родѣ Мирабо. Мирабо былъ тогда-же подкупленъ Дворомъ.

Такъ какъ второй братъ короля, герцогъ Орлеанскій, оказался скомпрометированнымъ въ движеніи 5—6-го октября, которому онъ тайно способствовалъ, то Дворъ послалъ его въ изгнаніе, назначивъ его посланникомъ въ Англію. Но тогда началъ вести всякія интриги слѣдующій братъ короля, герцогъ Прованскій, который старался заставить Людовика XVI-го уѣхать изъ Парижа. Цѣль его была та, что въ случаѣ бѣгства короля (котораго онъ называлъ „чурбаномъ"), онъ предъявилъ бы свои права на французскій престолъ. Въ Мирабо, который пріобрѣлъ послѣ 23-го іюня большое вліяніе въ Собраніи, но вѣчно нуждался въ деньгахъ, онъ думалъ найти союзника. Мирабо стремился стать министромъ; но когда Собраніе разрушило его планы, постановивши, что никто изъ членовъ Собранія не можетъ быть министромъ, Мирабо сошелся съ герцогомъ Прованскимъ, въ надеждѣ добиться власти черезъ его посредство. Въ концѣ концовъ, онъ однако продался королю и принялъ отъ него жалованье въ 50,000 ливровъ въ мѣсяцъ, на четыре мѣсяца, съ обѣщаніемъ назначить его впослѣдствіи посломъ. За эту плату, Мирабо обязывался, какъ сказано въ его письмѣ, „помогать королю своими совѣтами, своими силами и своимъ краснорѣчіемъ, во всемъ томъ, что герцогъ Прованскій найдетъ полезнымъ для нуждъ государства и интересовъ короля". Все это, конечно, узналось только позднѣе, въ 1792-мъ году, послѣ взятія Тюильри; а пока, Мирабо, вплоть до самой своей смерти (2 апрѣля 1791 года), сохранилъ репутацію защитника народа.

Распутать сѣть интригъ, которыя велись тогда вокругъ Лувра и дворцовъ разныхъ принцевъ, а также при лондонскомъ, вѣнскомъ, мадридскомъ и другихъ дворахъ и около разныхъ нѣмецкихъ князей, — вѣроятно никогда не удастся. Вокругъ гибнувшей королевской власти все копошилось, тогда какъ въ Собраніи разыгрывалась своя борьба честолюбій изъ-за достиженія власти. Но все это, въ сущности, мелочи, не имѣющія особенно большаго значенія. Онѣ объясняютъ нѣкоторые отдѣльные факты революціи, но нисколько не измѣняютъ хода событій, намѣченнаго самою логикою вещей и наличностью борющихся силъ.

Собраніе являлось представителемъ интеллигентной буржуазіи, задавшейся завоеваніемъ и организаціею власти, выпадавшей изъ рукъ Двора, высшаго духовенства и высшаго дворянства. Цѣль его была опредѣленная, и оно имѣло въ своей средѣ немало людей, шедшихъ прямо къ этой цѣли и обладавшихъ умомъ и извѣстною смѣлостью, которая возростала всякій разъ, что народъ одерживалъ новую побѣду надъ старымъ порядкомъ. Былъ, правда, въ Собраніи „тріумвиратъ", какъ его называли, состоявшій изъ Дюпора, Шарля де Ламета и Барнава*), а въ Парижѣ былъ мэръ Байльи и командующій національною гвардіею, Лафайетъ, къ которымъ обращались взоры буржуазіи и отчасти народа. Но настоящая сила въ эту пору была въ сплоченной массѣ Собранія, вырабатывавшаго законы для установленія власти Третьяго Сословія.

За эту работу Собраніе принялось, какъ только оно устроилось въ Парижѣ и смогло болѣе или менѣе спокойно возобновить свои занятія.

Начата была эта работа, какъ мы видѣли, на другой же день послѣ взятія Бастиліи. Когда буржуазія увидала, какъ народъ вооружился въ Парижѣ, въ нѣсколько дней,

*) Triumvirat d'opinion, — т. е. тріумвиратъ людей, которыхъ мнѣнія преобладали въ этотъ моментъ революціи. Въ 1793 году, такой же «умственный тріумвиратъ» представляли Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ.

пиками, какъ онъ жегъ таможни и бралъ вездѣ, гдѣ могъ, съѣстные припасы, и какъ враждебно относился онъ къ богатымъ буржуа—не менѣе враждебно, чѣмъ къ „краснымъ каблукамъ", т. е. къ аристократамъ, — буржуазія пришла въ ужасъ. Она поспѣшила сама вооружиться, организовала *свою* національную гвардію и противупоставила людей въ „мѣховыхъ шапкахъ" людямъ въ „шерстяныхъ колпакахъ" и съ пиками, чтобы, въ случаѣ надобности, быть въ силахъ подавить всякое народное возстаніе. Теперь, послѣ 5-го октября, она поспѣшила провести законъ о сборищахъ, о которомъ мы только что говорили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она, не медля, приняла такія законодательныя мѣры, которыя помѣшали бы политической власти, ускользавшей изъ рукъ Двора, достаться народу. Такъ, недѣлю спустя послѣ 14-го іюля, Сейесъ, знаменитый защитникъ Третьяго Сословія, уже предложилъ Собранію раздѣлить всѣхъ французовъ на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна, побогаче, — *активные граждане* — будутъ принимать участіе въ управленіи, другая же, обнимающая собою всю народную массу и названная имъ *пассивные граждане*, будетъ лишена всякихъ политическихъ правъ. Пять недѣль спустя, Собраніе приняло это раздѣленіе, какъ основу Конституціи. Только-что провозглашенная Декларація правъ, въ первомъ пунктѣ которой говорилось о равенствѣ всѣхъ гражданъ въ правахъ, такимъ образомъ была безсистѣнчиво нарушена.

Принявшись за политическое преобразованіе Франціи, Собраніе упразднило затѣмъ старое дѣленіе на провинціи, которыя сохраняли для дворянства и для своихъ парламентовъ извѣстныя феодальныя привилегіи. Франція была раздѣлена на департаменты, а старые „парламенты", т. е. суды, пользовавшіеся извѣстными привилегіями, была уничтожены. Для всей страны была создана новая, единообразная администрація, на основаніи все того же принципа, исключавшаго бѣдные классы изъ управленія страною.

Національное Собраніе, открывшееся еще при старомъ режимѣ, несмотря на двухстепенные выборы, было избрано почти всеобщимъ голосованіемъ. Въ каждомъ избирательномъ округѣ было созвано по нѣсколько *избирательныхъ собраній первой степени* (assemblées primaires), въ которыя входили почти всѣ граждане данной мѣстности. Они избирали *выборщиковъ*, которые составляли въ каждомъ округѣ *собраніе выборщиковъ*, и это собраніе избирало представителя въ Національное Собраніе. Нужно замѣтить еще, что по окончаніи выборовъ, собранія выборщиковъ продолжали собираться; они получали отъ своихъ депутатовъ письма о ходѣ дѣлъ въ Собраніи и слѣдили за тѣмъ, *какъ* ихъ представители голосовали.

Теперь, достигнувъ власти, буржуазія приняла двѣ мѣры. Она, во-первыхъ, расширила область дѣятельности избирательныхъ собраній первой степени, передавши въ ихъ руки избраніе, въ каждомъ департаментѣ, директорій, судей и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ*). Такимъ образомъ, она облекала ихъ значительною властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она исключила изъ избирательныхъ собраній первой степени народную массу, которая была лишена, такимъ образомъ, всѣхъ политическихъ правъ. Въ избирательныя собранія допускались теперь только *активные граждане*, т. е. тѣ, которые платили прямой налогъ, цѣнностью по крайней мѣрѣ въ *три* рабочихъ дня**). Остальные становились гражданами *пассивными*. Они не имѣли права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ первой степени, а потому не могли избирать, ни выборщиковъ, ни муниципалитеты, ни судей, ни какую бы то ни бы-

*) Употребляя термины изъ русской жизни, директоріи департаментовъ и округовъ соотвѣтствовали бы Губернскимъ и Уѣзднымъ Земскимъ Управамъ.

**) Стоимость рабочаго дня, въ деньгахъ, опредѣлялась каждымъ муниципалитетомъ; за основаніе принимался рабочій день поденщика.

ло другую власть въ департаментѣ. Они не могли также входить въ составъ національной гвардіи*).

Мало того: чтобы быть назначеннымъ выборщикомъ, нужно было платить прямой налогъ цѣною въ *десять* рабочихъ дней, — что дѣлало собранія выборщиковъ вполнѣ буржуазными по составу. (Впослѣдствіи, когда, послѣ избіенія на Марсовомъ Полѣ въ іюлѣ 1791-го года, реакція стала смѣлѣе, Собраніе ввело еще одно ограниченіе: для того, чтобы быть выборщикомъ, потребовалось владѣть недвижимою собственностью). А для того, чтобы быть представителемъ народа въ Собраніи, нужно было платить 50 ливровъ, т. е. стоимость серебряной марки, прямого налога.

Хуже того. Собраніямъ выборщиковъ запрещено было объявлять свои засѣданія „непрерывными", т. е. собираться безъ особаго созыва (это называлось la permanence). Какъ только выборы были закончены, эти собранія не должны были больше собираться. Разъ народъ назначилъ своихъ правителей, изъ буржуазіи, онъ терялъ право держать ихъ подъ своимъ контролемъ. Вскорѣ у него отняли и право петицій и выраженія своихъ пожеланій. „Вотируйте — и молчите!"

Въ деревняхъ, какъ мы видѣли, почти во всей Франціи сохранялось при старомъ режимѣ общее собраніе всѣхъ жителей, на подобіе русской *мірской сходки*. Эта сходка распоряжалась всѣми дѣлами общины, а также распредѣляла общинныя земли — поля, луга и лѣса и пустоши — и завѣдывала ими. Теперь, муниципальнымъ закономъ 22—24 декабря 1789-го года, мірскіе сходы всѣхъ домохозяевъ были запрещены. Только зажиточные крестьяне — активные граждане — имѣли теперь

*) Муниципальный законъ 14 декабря 1789 года не только исключилъ пассивныхъ гражданъ изъ выборовъ всѣхъ муниципальныхъ чиновниковъ (параграфы 5, 6, 8 и проч.); онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалъ собраніямъ избирателей собираться «по ремесламъ, профессіямъ, или по корпораціямъ». Они не могли собираться иначе, какъ по кварталахъ или по округамъ. Это было направлено противъ прежнихъ цеховыхъ организацій.

право собираться *разъ въ годъ* для избранія мэра (старосты) и муниципалитета, въ который обыкновенно попадали три или четыре деревенскихъ буржуа. Подобное же устройство было введено и въ городахъ: одни только активные граждане должны были собираться для избранія Генеральнаго совѣта города и муниципалитета, т. е. власти законодательной въ городскихъ дѣлахъ и власти исполнительной, которой было поручено завѣдываніе полиціею и начальство надъ національною гвардіею.

Съ другой стороны, нужно однако сказать, что муниципалитетамъ, городскимъ и деревенскимъ, были даны обширныя права *самоуправленія*; они были поставлены очень независимо отъ Собранія. Движеніе, которое произошло въ городахъ въ іюлѣ и привело къ водворенію революціоннымъ путемъ избранной муниципальной власти, еще въ ту пору, когда находившіеся въ полной силѣ законы стараго порядка не допускали ничего подобнаго, — это движеніе было признано, такимъ образомъ, и утверждено муниципальнымъ закономъ 22—24 декабря 1789 года.

Муниципальный законъ, какъ мы увидимъ дальше, имѣлъ обширныя и глубокія послѣдствія для развитія Революціи. Во Франціи создались теперь 36,000 центровъ мѣстнаго самоуправленія, которые по множеству вопросовъ нисколько не зависѣли отъ центральнаго правительства. И, если во главѣ ихъ становились революціонеры — какъ оно и случалось по мѣрѣ развитія Революціи, — они могли дѣйствовать, и дѣйствовали, вполнѣ революціонно. Какъ видно будетъ впослѣдствіи, эти независимыя деревенскія и городскія управленія придали Революціи въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи громадную силу.

Конечно, буржуазія приняла всякія предосторожности, чтобы городское управленіе не выходило изъ рукъ зажиточной части средняго класса, и это удалось ей во многихъ мѣстахъ. Ради этого, муниципалитеты были также подчинены Департаментскимъ Совѣтамъ (direc-

toires), которые избирались по двухстепенной системѣ и, являясь представителями зажиточной буржуазіи, служили во все время Революціи оплотами для контръ-революціонеровъ.

Кромѣ того, самые муниципалитеты, избиравшіеся только активными гражданами и явившіеся представителями буржуазіи, а не народа, сдѣлались во многихъ городахъ — какъ, напримѣръ, въ Ліонѣ и другихъ — центрами реакціи Но, несмотря на все это, въ громадномъ большинствѣ, муниципалитеты все таки были не то, что королевскіе чиновники, и нужно признать, что муниципальный законъ, проведенный въ декабрѣ 1789 года, болѣе всякаго другого закона способствовалъ успѣху Революціи. Правда, мы видѣли, что во время возстанія крестьянъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ въ августѣ 1789 года, муниципалитеты Дофинэ предприняли походъ противъ крестьянъ и стали вѣшать возставшихъ. Но по мѣрѣ того, какъ Революція развивалась, народъ начиналъ держать городскихъ чиновниковъ въ своихъ рукахъ. Затѣмъ, начиная съ конца 1792-го года, муниципалитеты стали избираться всѣмъ народомъ, и тогда революціонеры овладѣвали сельскими и городскими управленіями и пользовались ими для успѣха революціоннаго дѣла. Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ Революція расширяла свои задачи, муниципалитеты (а въ большихъ городахъ — секціи, отдѣлы) также становились революціоннѣе, и въ 1793 и 1794 годахъ, они были настоящими центрами дѣятельности народныхъ революціонеровъ.

Другой важный для Революціи шагъ былъ сдѣланъ Собраніемъ, когда оно отмѣнило старыя формы суда и ввело судей, избранныхъ народомъ. Въ деревняхъ, каждый кантонъ*), состоявшій изъ пяти или шести приходовъ, выбиралъ самъ, посредствомъ своихъ активныхъ гражданъ, своихъ судей; въ большихъ городахъ это право было предоставлено собраніямъ избирателей. Ста-

*) Кантонъ, во Франціи, соотвѣтствовалъ нашей волости.

рые парламенты, конечно, вступились за свои прерогативы. На югѣ, въ Тулузѣ, 80 членовъ парламента, вмѣстѣ съ 89-ю лицами изъ дворянскаго сословія, стали во главѣ движенія, стремившагося вернуть монарху его законную власть и его „свободу", а религіи — „ея полезное вліяніе". Въ Парижѣ, въ Руанѣ, въ Мецѣ, въ Бретани, парламенты тоже не хотѣли подчиниться уравнительнымъ мѣрамъ Собранія и начали устраивать заговоры въ пользу возстановленія стараго порядка.

Но народъ не поддержалъ ихъ, и имъ пришлось подчиниться закону 30-го ноября 1789 года, который распускалъ парламенты, „впредь до новаго распоряженія". Ихъ попытки сопротивленія вызвали только новый декретъ (11 января 1790 года), въ которомъ объявлялось, что сопротивленіе закону со стороны судей города Ренъ „дѣлаетъ ихъ неспособными исполнять функціи активныхъ гражданъ, до тѣхъ поръ, пока они, подавъ объ этомъ прошеніе въ законодательное учрежденіе, не получатъ разрѣшенія принести присягу на вѣрность Конституціи, декретированной Національнымъ Собраніемъ и принятой королемъ".

Собраніе, какъ видно, не допускало явнаго сопротивленія своимъ постановленіямъ относительно новаго административнаго устройства Франціи. Но это новое устройство встрѣтило сильнѣйшее, глухое сопротивленіе со стороны высшаго духовенства, дворянства и высшей буржуазіи. Для того, чтобы уничтожить старую организацію и ввести новую, потребовались цѣлые годы жестокой борьбы; причемъ Революція, ради этого, вынуждена была захватить общественную жизнь гораздо *глубже, чѣмъ того желала буржуазія.*

Въ этомъ проявилась вся сила *народной Революціи,* по сравненію съ простымъ *политическимъ переворотомъ.*

XXII.

Финансовыя затрудненія.—Продажа имуществъ духовенства.

Самая главная трудность для Революціи состояла въ томъ, что она вынуждена была пробивать себѣ путь при ужасныхъ экономическихъ условіяхъ. Банкротство государства висѣло, какъ угроза, надъ головою тѣхъ, кто взялся управлять Франціей, и если бы дѣло дѣйствительно дошло до банкротства, то это возстановило бы противъ Революціи всю богатую буржуазію. Если дефицитъ былъ одною изъ причинъ, вынудившихъ у королевской власти первыя конституціонныя уступки и придавшихъ буржуазіи достаточно смѣлости, чтобы требовать свою долю участія въ управленіи, то тотъ же самый дефицитъ, все время, какъ кошмаръ, тяготѣлъ надъ революціей.

Правда, въ то время государственные займы не были еще международными, и Франціи нечего было бояться, что другія націи, согласившись между собою, захватятъ ея области, какъ это случилось бы теперь, если бы какое нибудь европейское государство, во время революціи, объявило себя банкротомъ. Но ей приходилось заботиться о внутреннихъ заимодавцахъ; и

если бы Франція прекратила платежи, это было бы раззореніемъ для столькихъ буржуа, что противъ Революціи возстала бы вся буржуазія, крупная и средняя, — т. е. всѣ, кромѣ рабочихъ и самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Вотъ почему и Учредительное, и Законодательное Собраніе, и Конвентъ, и, позднѣе, Директорія должны были втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ, дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы избѣжать банкротства.

Средство, на которомъ остановилось Собраніе въ концѣ 1789 года, заключалось въ томъ, чтобы конфисковать церковныя имущества и пустить ихъ въ продажу, а духовенству платить, взамѣнъ этого, постоянное жалованіе. Церковные доходы оцѣнивались въ 1789 году въ 120 милліоновъ ливровъ, получаемыхъ отъ десятины, 80 милліоновъ доходовъ отъ разныхъ имуществъ (домовъ и земель, стоимость которыхъ оцѣнивалась немного больше 2,000 милліоновъ) и около 30-и милліоновъ пособія, платимаго ежегодно государствомъ. Въ общемъ, это составляло до 230-ти милліоновъ въ годъ. Доходы эти, конечно, распредѣлялись между членами духовенства самымъ несправедливымъ образомъ. Епископы жили въ утонченной роскоши и соперничали въ расточительности съ богачами-аристократами и принцами, тогда какъ городскіе и сельскіе священники бѣдствовали. Поэтому, 10-го октября, епископъ города Отёна, Талейранъ, предложилъ, чтобы государство завладѣло всѣми церковными землями, пустило ихъ въ продажу и назначило духовенству достаточное жалованіе (1,200 ливровъ въ годъ и квартиру на каждаго священника); а остальное употребило бы на покрытіе части государственнаго долга, составлявшаго 50 милліоновъ пожизненной и 60 милліоновъ вѣчной ренты. Эта мѣра давала возможность покрыть дефицитъ, уничтожить остатки соляного акциза и не разсчитывать больше на продажу должностей, офицерскихъ и чиновничьихъ, покупавшихся у государства. Продажею церковныхъ земель имѣлось въ виду, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать новый классъ земельныхъ собственниковъ, кото-

рые чувствовали бы свою связь съ пріобрѣтенною ими въ собственность землею.

Такой планъ возбудилъ, разумѣется, сильныя опасенія во всѣхъ тѣхъ, кто владѣлъ земельною собственностью. — „*Вы ведете насъ къ аграрному закону!*“ говорили въ Собраніи.*) — „Знайте, что всякій разъ, когда вы начнете добираться до происхожденія земельной собственности, народъ тоже начнетъ добираться до этого вмѣстѣ съ вами!“ Такимъ образомъ владѣльцы земель сами признавали, что въ основѣ всякой земельной собственности лежитъ несправедливость — захватъ, обманъ, или воровство.

Но буржуазія, не владѣвшая землею, была въ восторгѣ отъ плана, предложеннаго Талейраномъ. Имъ избѣгалось банкротство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, буржуазіи представлялась возможность покупать церковныя земли. А такъ какъ слово „экспропріація“ пугало благонамѣренныхъ собственниковъ, то нашли способъ избѣгнуть его. Было сказано, что имущества духовенства *поступаютъ въ распоряженіе націи*, и рѣшено было, что ихъ тотчасъ же будетъ пущено въ продажу на сумму до 400 милліоновъ ливр въ.

2-го ноября 1789 года былъ тотъ памятный день, когда экспропріація церковныхъ имуществъ была принята Собраніемъ, 568-ю голосами противъ 346-и. Трехсотъ-сорока-шести! Эту цифру стоитъ запомнить. Отнынѣ, эта оппозиція, превратившаяся въ заклятыхъ враговъ Революціи, стала дѣлать все возможное, чтобы принести конституціонному строю, а впослѣдствіи Республикѣ, какъ можно больше вреда.

Но значительная часть буржуазіи, находившаяся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, а съ другой — подъ страхомъ неизбѣжнаго банкротства,

*) Подъ словомъ «Аграрный законъ» (loi agraire) подразумѣвалось тогда законодательство, которое установитъ *всеобщій раздѣлъ* всѣхъ земель, такъ чтобы всякій желающій обрабатывать землю могъ получить свою долю.

не дала себя запугать. Когда громадное большинство духовенства, а въ особенности монашескіе ордена, начали интриговать противъ экспропріаціи церковныхъ имуществъ, Собраніе провело (12 февраля 1790 года) законъ объ упраздненіи вѣчныхъ монашескихъ обѣтовъ и монашескихъ орденовъ обоего пола. Оно проявило нѣкоторую слабость только въ томъ, что не тронуло пока тѣхъ монашескихъ конгрегацій, которыя занимались обученіемъ дѣтей и уходомъ за больными. Онѣ были уничтожены только 18 августа 1792 года, послѣ взятія Тюильри.

Можно себѣ представить, какое негодованіе вызвали эти декреты въ средѣ духовенства, а также и всѣхъ тѣхъ — а въ провинціи число ихъ было громадно — кто находился подъ его вліяніемъ! Тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ, пока духовенство и монашескіе ордена надѣялись удержать за собою *управленіе* своими громадными имѣніями, они не особенно проявляли свое неудовольствіе. Разъ управленіе оставалось за духовенствомъ, его имѣнія являлись-бы какъ-бы взятыми правительствомъ въ опеку, какъ гарантія государственныхъ займовъ.

Но долго продолжаться такое положеніе вещей не могло. Казна была пуста, налоги не поступали; заёмъ въ 30 милліоновъ, принятый Собраніемъ 9 августа 1789 года, не удался; другой заёмъ, въ 80 милліоновъ, вотированный 27-го числа того же мѣсяца, далъ слишкомъ мало. Затѣмъ, 26-го сентября, послѣ знаменитой рѣчи Мирабо, Собраніе провотировало чрезвычайную контрибуцію со всѣхъ имущихъ, равную четверти ихъ годового дохода. Но и этотъ налогъ былъ сейчасъ-же поглощенъ процентами по прежнимъ займамъ, и тогда явилась мысль о выпускѣ ассигнацій съ принудительнымъ курсомъ, которыя гарантировались бы національными имуществами, конфискованными у духовенства, и выкупались бы по мѣрѣ полученія денегъ съ продажи этихъ имуществъ.

Всякому ясно, какія громадныя спекуляціи вызвали эти двѣ мѣры: продажа въ большихъ размѣрахъ національныхъ имуществъ и выпускъ ассигнацій! Легко угадать и то, какой элементъ внесли они въ Революцію. А между тѣмъ, до сихъ поръ, ни политико-экономы, ни историки, критиковавшіе эти мѣры, не могли указать никакого другого средства удовлетворить самымъ насущнымъ нуждамъ государства. Прошлое французскаго государства — преступленія, злоупотребленія, воровство, войны стараго королевства тяжелымъ бременемъ падали на Революцію. Имѣя на плечахъ всю громадную тяжесть долговъ, завѣщанныхъ ей старымъ порядкомъ, Революція неизбѣжно должна была нести на себѣ ихъ послѣдствія.

Она развивалась теперь подъ страхомъ гражданской войны, гораздо болѣе ужасной, чѣмъ уже начавшаяся борьба противъ королевской власти, — подъ опасеніемъ вооружить противъ себя буржуазію, которая, хотя и преслѣдовала свои собственныя цѣли, но во всякомъ случаѣ предоставляла народу возможность освобождаться отъ помѣщиковъ и пережитковъ крѣпостныхъ отношеній, — тогда какъ она сразу повернулась бы противъ всякихъ освободительныхъ попытокъ, если бы капиталамъ, вложеннымъ ею въ займы, стала угрожать опасность. Поставленная въ необходимость выбрать между этими двумя опасностями, Революція остановилась на планѣ выпуска ассигнацій, гарантируемыхъ продажею національныхъ имуществъ.

29-го декабря 1789 года, по предложенію парижскихъ „округовъ“ (см. ниже, гл. XXIV), завѣдываніе имуществами духовенства было передано муниципалитетамъ, которые должны были пустить ихъ въ продажу, на 400 милліоновъ. Это былъ рѣшительный шагъ. Съ того момента духовенство — за исключеніемъ нѣсколькихъ деревенскихъ священниковъ, друзей народа — отнеслось къ Революціи съ непримиримою, чисто-клерикальною ненавистью. Уничтоженіе монашескихъ обѣтовъ еще болѣе разожгло эту ненависть. По всей

Франціи духовенство стало тогда душою заговоровъ, въ виду возвращенія стараго порядка и феодализма. Оно же было душою той реакціи, которая, какъ мы увидимъ, взяла верхъ въ 1790 и 1791 годахъ и чуть было не остановила дѣла Революціи.

Но буржуазія продолжала бороться и не поддавалась. Въ іюнѣ и іюлѣ 1790 года Собраніе занялось обсужденіемъ важнаго вопроса: внутренней организаціи Церкви во Франціи. Духовенство было теперь на жалованіи у государства, и законодатели задумали освободить его изъ подъ власти Рима и окончательно подчинить его Конституціи. Епископства были слиты съ новыми департаментами. Число ихъ такимъ образомъ уменьшилось, и двѣ административныя единицы — духовная и свѣтская: епархія и департаментъ — сливались въ одно, что́ конечно не нравилось духовенству. Впрочемъ, съ этимъ оно, можетъ быть, еще помирилось бы, но по новому закону избраніе епископа предоставлялось собранію выборщиковъ, — тѣмъ самымъ, кто избиралъ депутатовъ въ Палату, судей и администрацію.

Епископъ лишался такимъ образомъ своего духовнаго характера и становился чиновникомъ на службѣ у государства. Правда, и въ старинной Церкви епископы и священники избирались народомъ; но собранія избирателей, созванныя для избранія политическихъ представителей и чиновниковъ, были не то, что старинныя собранія всѣхъ вѣрующихъ. Какъ бы то ни было, вѣрующіе увидѣли въ этомъ посягательство на старые церковные уставы, а священники использовали это недовольство. Духовенство раздѣлилось на двѣ партіи: одна — духовенство конституціонное — подчинилась, по крайней мѣрѣ по внѣшности, новымъ законамъ и принесла присягу Конституціи; другая же отказалась отъ этой присяги и стала открыто во главѣ контръреволюціоннаго движенія. Такимъ образомъ, въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ посёлкѣ, передъ жителями вставалъ вопросъ: будутъ ли они за Революцію, или противъ нея?

И вездѣ началась жестокая борьба. Изъ Парижа, Революція переходила теперь въ каждую деревню. Изъ парламентской она дѣлалась все-народною.

Законодательная работа, совершенная Учредительнымъ Собраніемъ, носила, конечно, буржуазный характеръ. Но она была громадна въ смыслѣ введенія въ привычки народа *принципа политическаго равноправія*, въ дѣлѣ уничтоженія пережитковъ *господства одного человѣка надъ личностью другого*, и въ пробужденія *чувства равенства и возмущенія* противъ всякаго неравенства. Но нужно помнить, какъ сказалъ уже Луи Бланъ, что для поддержанія огня въ очагѣ, который представляло собою Собраніе, необходимо было „дуновеніе вѣтра съ городской площади". „Въ эти великіе дни, прибавляетъ онъ, изъ самыхъ волненій бунта исходило столько мудраго вдохновенія! *Каждое возстаніе было такъ полно мысли!*" Иначе говоря, именно улица, уличная толпа, все время толкала Собраніе впередъ въ дѣлѣ общественнаго переустройства. Даже революціонное Собраніе, или, по крайней мѣрѣ, Собраніе, революціонно устанавливавшее свою власть, какимъ было Учредительное Собраніе, даже оно не сдѣлало бы ничего, если бы народъ все время не толкалъ его, и если бы, своими многочисленными возстаніями, онъ не сломилъ сопротивленія контръ-революціи.

XXIII.

Праздникъ Федераціи.

Съ переселеніемъ короля и Собранія изъ Версали въ Парижъ заканчивается первый, — такъ сказать, героическій періодъ Великой Революціи. Открытіе Генеральныхъ Штатовъ, королевское засѣданіе 23-го іюня, клятва въ Jeu de Paume, взятіе Бастиліи, возстаніе городовъ и деревень въ іюлѣ и августѣ, ночь 4-го августа, наконецъ походъ женщинъ на Версаль и ихъ тріумфальное возвращеніе съ плѣнникомъ-королемъ — таковы главные моменты этого періода.

Съ переѣздомъ Собранія и короля въ Парижъ — „законодательной и исполнительной власти", какъ тогда говорили, — начинается періодъ глухой борьбы, съ одной стороны, между умирающею королевскою властью, а съ другой стороны, — новою конституціонною силою, медленно создающеюся законодательными трудами Собранія и тою созидательною работою, которая происходила на мѣстахъ, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ.

Въ лицѣ Національнаго Собранія Франція обладаетъ теперь конституціонною властью, и король вынужденъ

былъ её признать. Но, признавъ её оффиціально, онъ продолжаетъ видѣть въ ней ничто иное, какъ узурпацію, какъ посягательство на его королевскія права; уменьшенія этихъ правъ онъ не хочетъ признать. Онъ изыскиваетъ поэтому всевозможные мелочные способы унизить Собраніе и оспариваетъ у него всякую частицу власти. Надежда, рано или поздно подчинить себѣ эту новую силу, не оставляетъ его до послѣдней минуты: онъ упрекаетъ себя въ томъ, что позволилъ ей вырости рядомъ со своею.

Въ этой борьбѣ король не пренебрегаетъ никакими средствами. Онъ знаетъ по опыту, что окружающихъ его людей можно подкупить, однихъ за недорогую цѣну, другихъ — при условіи дать надлежащую плату; и вотъ онъ старается найти денегъ — какъ можно больше денегъ, путемъ личныхъ займовъ въ Лондонѣ, — для подкупа вожаковъ партій, въ Собраніи и внѣ его. По отношенію къ одному изъ наиболѣе видныхъ — Мирабо — подкупъ вполнѣ удался: за крупную сумму Мирабо сталъ совѣтникомъ Двора и защитникомъ короля, и послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ безумной роскоши. Но королевская власть находитъ поддержку не только въ Собраніи, а въ особенности — внѣ его. Поддержать её готовы всѣ тѣ, у кого Революція отняла ихъ привилегіи, ихъ громадное жалованіе и ихъ колосальныя богатства. На ея сторонѣ духовенство, которое чувствуетъ, что его вліяніе падаетъ; дворяне, теряющіе, вмѣстѣ съ феодальными правами, свое привилегированное общественное положеніе; буржуа, опасающіеся за капиталы, вложенные ими въ промышленныя и торговыя предпріятія и государственные займы; и наконецъ тѣ самые буржуа, кто обогащается во время Революціи и благодаря ей.

Такихъ, которые видятъ въ Революціи врага, очень много. Здѣсь — всѣ тѣ, кто нѣкогда жилъ въ кругу высшаго духовенства, дворянства и высшей привилегированной буржуазіи, т. е. больше половины той дѣятельной и мыслящей части націи, которая творитъ

ея историческую жизнь. И если въ Парижѣ, Страсбургѣ, Руанѣ и многихъ другихъ, большихъ и малыхъ городахъ, народъ является самымъ горячимъ защитникомъ Революціи, то — сколько такихъ городовъ, какъ Ліонъ, напримѣръ, гдѣ вѣковое вліяніе духовенства и экономическая зависимость рабочаго населенія таковы, что самъ народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, оказывается здѣсь противникомъ Революціи! Сколько такихъ городовъ, какъ крупные порты: Нантъ, Бордо, Сенъ-Мало, гдѣ богатые торговцы и все зависящее отъ нихъ населеніе заранѣе готовы стать на сторону реакціи!

Даже среди крестьянъ, для которыхъ было-бы выгодно стоять за Революцію, — сколько крестьянъ побогаче („кулаковъ“ и мелкихъ буржуа), которые боятся ея; не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ революціонеры сами, своими ошибками, отталкиваютъ отъ себя населеніе. Слишкомъ большіе теоретики, слишкомъ большіе любители „стройности“ и „единообразія“, они оказываются неспособными понять все разнообразіе формъ земельной собственности, вытекающихъ изъ обычнаго права. Съ другой стороны, они слишкомъ пропитаны вольтерьянскимъ духомъ, чтобы быть терпимыми къ предразсудкамъ массъ, обрѣченныхъ на нищету; а, главное, они слишкомъ политики, чтобы понять, какъ важенъ для крестьянина земельный вопросъ. Сами революціонеры, поэтому, вооружаютъ противъ себя крестьянъ въ Вандеѣ, въ Бретани, на юго-востокѣ.

Контръ-революція съумѣла воспользоваться всѣми этими элементами. Такіе „дни“, какъ 14-е іюля или 6-е октября, конечно перемѣщали центръ власти въ правительствѣ; но собственно Революція должна была произойти во всѣхъ 36,000 коммунахъ Франціи, — въ самомъ духѣ и образѣ дѣйствій обывателей, — а на это требовалось время. Этимъ временемъ и воспользовались контръ-революціонеры, чтобы склонить на свою сторону всѣхъ недовольныхъ изъ зажиточныхъ классовъ, имя которымъ въ провинціи было легіонъ.

Дѣло въ томъ, что если радикальная буржуазія дала Революціи поразительное количество выдающихся умовъ (развившихся благодаря самой Революціи), то у провинціальнаго дворянства, у торговаго класса и у духовенства тоже не было недостатка въ хитрости, смѣтливости и знакомствѣ съ „дѣлами“, и всѣ они, вмѣстѣ взятые, придавали королевской власти громадную силу для сопротивленія.

Эта глухая борьба заговоровъ и контръ-заговоровъ, частичныхъ возстаній въ провинціяхъ и парламентскихъ столкновеній въ Учредительномъ, а позднѣе въ Законодательномъ Собраніи, эта скрытая борьба продолжалась почти три года: отъ октября 1789 до іюня 1792 года, когда Революціи былъ данъ новый толчекъ. Эти три года бѣдны событіями, имѣющими историческое значеніе. Всё, что слѣдуетъ отмѣтить за этотъ промежутокъ времени, это — усиленіе крестьянскихъ движеній въ январѣ и февралѣ 1790 года, праздникъ Федераціи 14-го іюля 1790 года, избіеніе народа въ Нанси (31 августа 1790 года), бѣгство короля 20 іюня 1791 года и избіеніе парижскаго народа на Марсовомъ полѣ (17 іюля 1791 года).

О крестьянскихъ возстаніяхъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о праздникѣ Федераціи. Онъ воплощаетъ въ себѣ весь первый періодъ Революціи. Общее вдохновеніе и духъ общаго согласія, проявившіеся въ этомъ праздникѣ, показали, чѣмъ могла-бы быть Революція, если бы привилегированные классы и королевская власть поняли неизбѣжность совершающихся измѣненій и уступили добровольно тому, чему помѣшать они уже были не въ силахъ.

Тэнъ старался унизить празднества Революціи, и дѣйствительно въ 1793 и 1794 годахъ они часто носили слишкомъ театральный характеръ. Они устраивались *для* народа, а *не самимъ народомъ*. Но праздникъ 14 іюля 1790 года былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ праздниковъ въ исторіи.

До 1789 года, Франція не представляла собою ничего цѣльнаго. Это была историческая группа, связанная общею властью, но ея различныя части мало знали и не любили другъ-друга. Но послѣ событій 1789 года — послѣ ударовъ, нанесенныхъ остаткамъ феодализма, послѣ прекрасныхъ минутъ, пережитыхъ сообща представителями разныхъ частей Франціи, — между провинціями зародилось чувство единенія, взаимности. Вся Европа приходила въ восторгъ отъ словъ и дѣлъ Революціи; какъ-же могли противиться объединенію въ общемъ движеніи къ лучшему будущему тѣ области, которыя сами участвовали въ немъ? Символомъ этого объединенія и явился Праздникъ Федераціи.

Въ немъ была еще одна поразительная черта. Для подготовленія этого празднества нужно было выполнить нѣкоторыя земляныя работы — выровнять почву одного громаднаго пустыря (Марсово Поле), построить тріумфальную арку, и т. д.; и за недѣлю до назначеннаго дня стало ясно, что пятнадцать тысячъ рабочихъ, занятыхъ на Марсовомъ Полѣ, ни за что не справятся со своею задачею. Что же сдѣлалъ тогда Парижъ? — Кто-то подалъ мысль, чтобы весь Парижъ отправился работать на Марсово Поле — и тогда всѣ, богатые и бѣдные, артисты и рабочіе, монахи и солдаты, весело принялись за работу. Франція, представленная на праздникѣ тысячью делегатовъ, съѣхавшихся изъ провинцій, обрѣла свое національное единство въ этой работѣ надъ землей символъ того, что̀ совершитъ когда-нибудь равенство и братство людей и народовъ.

Присяга „Конституціи, декретированной Національнымъ Собраніемъ и принятой королемъ“, принесенная нѣсколькими тысячами присутствовавшихъ, и присяга, принесенная королемъ и добровольно подтвержденная королевою за своего сына — все это не имѣло большого значенія. Всякій дѣлалъ про себя извѣстную „умственную оговорку“, ставилъ мысленно нѣкоторыя условія. Король присягнулъ въ такихъ выраженіяхъ: „Я, король Французовъ, клянусь употребить власть,

предоставленную мнѣ актомъ государственной конституціи, на то, чтобы сохранить конституцію, декретированную Собраніемъ и принятую мною". А это уже означало, что онъ бы не прочь уважать конституцію, но что она будетъ нарушена, и онъ не въ силахъ будетъ этому помѣшать. Въ дѣйствительности же, въ то самое время, когда король приносилъ свою присягу, онъ самъ думалъ только о томъ, какъ бы выѣхать изъ Парижа, подъ предлогомъ смотровъ войскамъ. Онъ соображалъ, какъ подкупить вліятельныхъ членовъ Собранія, и разсчитывалъ на помощь изъ-за-границы, чтобы остановить Революцію, которую самъ же вызвалъ своимъ сопротивленіемъ необходимымъ преобразованіямъ и своею лживостью въ отношеніяхъ съ Національнымъ Собраніемъ.

Клятвы имѣли мало значенія. Но, что нужно отмѣтить въ этомъ празднествѣ, кромѣ провозглашенія существованія новой *націи*, воодушевленной общимъ идеаломъ, это — поразительное добродушіе Революціи. Черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, когда Маратъ съ полнымъ правомъ писалъ: „Откуда эта неудержимая радость? Съ какой стати это глупое ликованіе? *Революція до сихъ поръ была для народа лишь тяжелымъ сномъ*"; въ эту минуту, когда еще ничего не было сдѣлано для удовлетворенія нуждъ трудящагося народа, и уже дѣлалось все (какъ мы сейчасъ увидимъ) для того, чтобы помѣшать дѣйствительному уничтоженію феодальныхъ злоупотребленій; когда народу повсюду приходилось расплачиваться жизнью и страшною нищетою за успѣхи политической Революціи, — несмотря на все это, народъ восторженно привѣтствовалъ провозглашавшійся на этомъ празднествѣ новый, демократическій строй. Подобно тому, какъ пятьдесятъ-восемь лѣтъ спустя, въ 1848 году, народъ отдавалъ въ распоряженіе Республики „три мѣсяца нищеты", такъ и теперь онъ готовъ былъ перенести все, лишь бы Конституція обѣщала ему нѣкоторое облегченіе,

лишь бы она хоть сколько-нибудь постаралась объ этомъ.

Если, три года спустя, этотъ самый народъ, при всей его готовности довольствоваться малымъ, и ждать, ожесточился и сталъ истреблять враговъ Революціи, то онъ дошелъ до этого крайняго средства, чтобы *спасти хотя частицу Революціи*, и дошелъ до него только тогда, когда увидѣлъ, что *Революція погибаетъ, не произведя еще никакихъ существенныхъ для народа экономическихъ перемѣнъ*.

Въ іюлѣ 1790 года, ничто еще не предвѣщало такого мрачнаго и озлобленнаго настроенія. „Революція была до сихъ поръ для народа лишь тяжелымъ сномъ. Она не сдержала своихъ обѣщаній. — Не бѣда! *Она все-таки идетъ впередъ — и этого достаточно!*“ И народъ ликовалъ повсюду.

Но реакція уже стояла на готовѣ, во всеоружіи, и черезъ мѣсяцъ или два, она вполнѣ проявила свои силы. Къ слѣдующей годовщинѣ 14-го іюля, къ 17 іюлю 1791 года, она была уже настолько сильна, что на томъ же Марсовомъ полѣ велѣла разстрѣливать народъ.

XXIV.

Округа и секціи Парижа.

Мы видѣли что Революція началась народными возстаніями, въ первые мѣсяцы 1789-го года. Но однихъ народныхъ возстаній, болѣе или менѣе успѣшныхъ, еще мало, чтобы совершить революцію: нужно, чтобы эти возстанія оставили въ существующихъ учрежденіяхъ нѣчто новое, что́ дало бы возможность выработаться и упрочиться новымъ формамъ жизни.

Французскій народъ, повидимому, отлично понялъ это, и съ самыхъ же первыхъ волненій внесъ новый элементъ въ жизнь страны: это была народная коммуна, община. Правительственное сосредоточиваніе власти (централизація) явилось позже; въ началѣ-же, Революція создала коммуну — общину, — деревенскую и городскую, и это установленіе придало ей, какъ мы сейчасъ увидимъ, громадную силу.

Дѣйствительно, въ деревняхъ, требованія отмѣны феодальныхъ повинностей предъявлялись помѣщикамъ общиною крестьянъ, и община-же узаконивала отказъ отъ платежей. Она отбирала отъ помѣщиковъ земли, когда-то бывшія общинными; она сопротивлялас

дворянамъ, боролась со священниками, защищала „патріотовъ", т. е. революціонеровъ, а позднѣе — „санъ-кюлотовъ". Она заарестовывала возвращавшихся эмигрантовъ — она же задержала убѣгавшаго короля.

Въ городахъ, граждане сложившіеся въ городскую общину, перестроивали всю общественную жизнь. Коммуна присвоивала себѣ право назначать судей, измѣняла по собственному почину распредѣленіе налоговъ, а впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія Революціи, она становилась орудіемъ въ рукахъ санъ-кюлотовъ (болѣе смѣлыхъ революціонеровъ) для борьбы съ королевскою властью, съ конспираторами-роялистами и съ нѣмецкимъ нашествіемъ. Еще позднѣе, во II-мъ году Республики, нѣкоторыя коммуны принялись и за уравненіе состояній.

Извѣстно, наконецъ, что въ Парижѣ именно Коммуна, создавшаяся въ ночь на 10-е августа, низвергла короля и стала, послѣ 10-го августа, настоящимъ очагомъ и главною силою Революціи. Въ сущности, Революція сохранила свою жизненность только до тѣхъ поръ, пока эта Коммуна оставалась независимою силою.

Коммуны были, такимъ образомъ, душою Великой Революціи, — ея очагами, разсѣянными по всей странѣ; безъ нихъ, у нея никогда не хватило бы силы низвергнуть старый порядокъ, отразить нѣмецкое нашествіе и возродить Францію.

Тогдашнія коммуны не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ на подобіе современныхъ муниципальныхъ учрежденій, которыми граждане интересуются всего втеченіе нѣсколькихъ дней, во время выборовъ, а затѣмъ съ полнымъ довѣріемъ предоставляютъ имъ управлять всѣми дѣлами, сами-же больше ими не занимаются. Безумной вѣры въ представительное правленіе, которая свойственна нашему времени, во время Великой Революціи еще не существовало. Коммуна, зародившаяся изъ народныхъ движеній, не отдѣлялась отъ народа. Напротивъ того, благодаря своимъ *округамъ, отдѣламъ, секціямъ*, составлявшимъ органы на-

роднаго само-управленія, она оставалась народнымъ учрежденіемъ; это-то и дало сельскимъ и городскимъ общинамъ ихъ революціонную силу.

Такъ какъ организація и жизнь округовъ (districts) и отдѣловъ (sections) всего лучше извѣстна для Парижа, то мы будемъ говорить именно о парижскихъ округахъ и „секціяхъ", тѣмъ болѣе что жизнь любой изъ парижскихъ секцій даетъ уже представленіе о жизни тысячи провинціальныхъ коммунъ.

Какъ только началась Революція, а въ особенности, какъ только событія, предшествовавшія 14-му іюля 1789-го года, пробудили инціативу парижскаго населенія, народъ, съ свойственнымъ ему революціонно-организаторскимъ духомъ, и почувствовавши серьезность предстоявшей борьбы, началъ создавать прочныя организаціи, въ виду этой борьбы.

Для выборовъ въ Собраніе, Парижъ былъ раздѣленъ на шестьдесятъ округовъ (districts), которые назначали избирателей второй степени, т. е. выборщиковъ. Послѣ выборовъ, эти окружныя собранія должны были разойтись; но они не разошлись, и мало по малу, присвоивая себѣ обязанности, прежде принадлежавшія полиціи, суду, или различнымъ министерствамъ стараго порядка, они превратились въ постоянные, необходимые органы городской жизни.

Этимъ самымъ они заставили признать свое право на существованіе; и въ тотъ моментъ, когда, въ первой половинѣ іюля, весь Парижъ заволновался, „округа" занялись немедленно вооруженіемъ народа и вообще стали дѣйствовать, какъ самостоятельныя революціонныя власти. „Постоянный Комитетъ", составившійся въ Городской ратушѣ изъ вліятельной буржуазіи (см. гл. XII), увидалъ себя вынужденнымъ созвать округа и совѣщаться съ ними. Округа-же проявили большую энергію въ вооруженіи народа, въ составленіи національной гвардіи, и въ особенности въ подготовленіи Парижа къ сопротивленію, на случай вооруженнаго нападенія со стороны Версаля.

Послѣ взятія Бастиліи, округа стали уже дѣйствовать какъ оффиціальные органы городского управленія. Каждый округъ избиралъ, для завѣдыванія своими дѣлами, особый Гражданскій Комитетъ (Comité Civil), состоявшій изъ 16-и до 24-хъ членовъ. Впрочемъ, какъ очень вѣрно замѣтилъ Сигизмундъ Лакруа въ своемъ Введеніи къ первому тому изданныхъ имъ Актовъ Парижской Коммуны*), каждый округъ устраивался, „какъ самъ того желалъ“. Во внутренней организаціи округовъ было даже большое разнообразіе. Одинъ изъ округовъ, говоритъ Лакруа, „опережая желанія Національнаго Собранія относительно организаціи правосудія, самъ сталъ избирать своихъ мировыхъ судей (juges de paix et de conciliation)“. Для сношеній другъ съ другомъ округа „создали свое центральное бюро, въ которомъ делегаты, спеціально назначавшіеся для всякаго дѣла, встрѣчались и обмѣнивались своими сообщеніями“. Такимъ образомъ возникала первая попытка Коммуны, составившейся *снизу вверхъ*, изъ федераціи окружныхъ организацій, возникшихъ революціоннымъ путемъ, по иниціативѣ народа. Революціонная Коммуна 10-го августа 1792 года намѣчалась уже съ этихъ поръ. Въ декабрѣ 1789-го года, делегаты округовъ уже сдѣлали попытку образовать, въ зданіи архіепископства, свой особый Центральный Комитетъ.

Этими „округами“ и пользовались Дантонъ, Маратъ и другіе**), чтобы вдохнуть въ народныя массы духъ протеста, а сами массы привыкали такимъ путемъ обходиться безъ представительныхъ учрежденій и управлять дѣлами непосредственно сами***).

*) Sigismond Lacroix, «Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution», т. I, Парижъ, 1894, стр. VII; изданіе Парижскаго Муниципалитета.

**) Преимущественно члены Клуба Кордельеровъ.

***) См. Sigismond Lacroix, Actes de la Commune, т. III, стр. 625. — Mellié, «Les Sections de Paris pendant la Révolution», изданіе Общества для изученія Французской Революціи, Парижъ, 1898, стр. 9.

Тотчасъ же послѣ взятія Бастиліи округа поручили своимъ депутатамъ подготовить, вмѣстѣ съ мэромъ Парижа Байльи, планъ муниципальной организаціи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ представленъ затѣмъ на обсужденіе самихъ округовъ. А пока, они дѣйствовали, какъ находили нужнымъ, и сами постепенно расширяли кругъ своей дѣятельности.

Когда Національное Собраніе принялось за обсужденіе муниципальнаго закона, оно повело это дѣло, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого разнороднаго по составу учрежденія, съ подобающею медленностью. „Прошло два мѣсяца, говоритъ Лакруа, а первый параграфъ новаго плана городского устройства еще не былъ написанъ". (Actes, т. II, стр. XIV). Понятно, что „эта медлительность показалась округамъ подозрительной"; и съ этого времени, у нѣкоторой части парижанъ, стала проявляться все болѣе и болѣе рѣзко выраженная враждебность къ офиціальному Собранію представителей Коммуны. Но что особенно слѣдуетъ отмѣтить, это то, что, стараясь придать городскому управленію извѣстную законную форму, округа вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли свою собственную независимость. Они искали единства дѣйствій, не въ подчиненіи округовъ какому-нибудь Центральному Комитету, а въ федеративномъ союзѣ.

„Настроеніе округовъ... характеризуется одновременно сильнымъ сознаніемъ коммунальнаго единства и не менѣе сильнымъ стремленіемъ къ самоуправленію", говоритъ Лакруа, (т. II, стр. XIV и XV). „Парижъ не хочетъ быть федераціею изъ шестидесяти республикъ, произвольно выкроенныхъ на его территоріи; Коммуна едина, она состоитъ изъ совокупности всѣхъ округовъ... Нельзя указать ни одного округа, который захотѣлъ бы жить отдѣльно отъ остальныхъ... Но рядомъ съ этимъ, не подлежащимъ спору принципомъ проявляется еще и другой... а именно: Коммуна должна издавать свои законы и управлять собою сама, — по возможности непосредственно; ея представитель-

ное правленіе должно быть низведено до минимума; все что Коммуна можетъ дѣлать непосредственно, должно быть рѣшаемо ею самою, безъ всякихъ посредниковъ,— безъ делегатовъ, или же делегатами, роль которыхъ сводится къ роли *уполномоченныхъ для спеціальной цѣли*, дѣйствующихъ подъ непрестаннымъ контролемъ пославшихъ ихъ,.. въ концѣ же концовъ, право издавать законы и вести администрацію общинныхъ дѣлъ принадлежитъ самимъ округамъ, т. е. общему собранію всѣхъ гражданъ даннаго округа".

Мы видимъ изъ этого, что анархическія начала, провозглашенныя въ Англіи, нѣсколько лѣтъ спустя, Годвиномъ, существовали уже въ 1789-мъ году, и что источникомъ ихъ были не теоретическія измышленія, а самые *факты* Великой Революціи.

Мало того. Лакруа отмѣчаетъ одинъ поразительный фактъ, показывающій насколько округа понимали, въ чемъ они отличаются отъ муниципалитета, и какъ они не допускали со стороны послѣдняго никакихъ посягательствъ на свои права. Когда, 30 ноября 1789 года, Бриссо (Brissot, будущій Жирондистъ) предложилъ, чтобы Національное Собраніе, вмѣстѣ съ Комитетомъ, избраннымъ Собраніемъ представителей Коммуны („Постоянный Комитетъ" 12-го іюля 1789 года), выработало для Парижа муниципальную конституцію,— округа тотчасъ же воспротивились этому. Ничто не должно быть сдѣлано, заявляли они, помимо прямого утвержденія самими округами (Actes, т. III, стр. IV). Отъ плана Бриссо Національное Собраніе должно было отказаться. Точно также, позднѣе, въ апрѣлѣ 1790 года, когда Національное Собраніе начало обсуждать муниципальный законъ, ему предстоялъ выборъ между двумя проэктами: одинъ проэктъ шелъ отъ вольнаго и независимаго собранія представителей округовъ, засѣдавшаго въ архіепископствѣ; онъ былъ принятъ большинствомъ округовъ и былъ подписанъ Байльи; другой же шелъ отъ официальныхъ представителей Коммуны, и его поддерживали лишь нѣсколько округовъ.

И. Національное Собраніе вынуждено было высказаться за первый.

Нечего и говорить, что округа далеко не ограничивались одними чисто городскими дѣлами. Они принимали участіе въ обсужденіи всѣхъ крупныхъ политическихъ вопросовъ, волновавшихъ Францію. Королевское veto, повелительный наказъ депутатамъ, помощь бѣднымъ, еврейскій вопросъ, вопросъ объ избирательномъ цензѣ (см. гл. XXI) — все это обсуждалось округами. По поводу избирательнаго ценза, округа сами взяли на себя починъ обсужденія этого вопроса. Они созывали другъ-друга, выбирали комитеты. „Они постановляли свои рѣшенія", пишетъ Лакруа, „и, не считаясь нисколько съ офиціальными представителями Коммуны, они отправились 8 февраля (1790 года) прямо въ Національное Собраніе и подали ему первый *Адресъ Парижской Коммуны, представленной ея секціями*. Это была самостоятельная демонстрація со стороны округовъ, устроенная помимо всякаго офиціальнаго представительства, съ цѣлью поддержать предложеніе, внесенное въ Національное Собраніе Робеспьеромъ противъ ценза (Лакруа, т. III, стр. XII и XIII).

Еще замѣчательнѣе то, что провинціальные города начинали входить, по всевозможнымъ дѣламъ, въ прямыя сношенія съ парижскою Коммуною. Такимъ образомъ проявлялось стремленіе установить между городами и деревнями Франціи *прямую связь*, помимо обще-національнаго парламента, — стремленіе, такъ ясно обнаружившееся впослѣдствіи. Легко представить себѣ, какую силу придалъ Революціи этотъ независимый способъ дѣйствія городскихъ и сельскихъ общинъ.

Особенно проявились вліяніе округовъ и ихъ организаторскія способности въ такомъ существенномъ вопросѣ, какъ продажа имуществъ духовенства. Законъ предписалъ конфискацію этихъ имуществъ и продажу ихъ въ пользу націи; но онъ не указалъ никакого практическаго пути къ осуществленію конфискаціи

и продажи имуществъ. Тогда Парижскіе округа предложили свои услуги, въ качествѣ посредниковъ по продажѣ этихъ имуществъ, и пригласили всѣ другія городскія управленія Франціи послѣдовать ихъ примѣру. Этимъ и создалась возможность практическаго приложенія закона.

Издатель „Актовъ Коммуны", Лакруа, разсказываетъ, какъ взялись за дѣло округа, чтобы убѣдить Національное Собраніе поручить имъ выполненіе этой важной задачи. „Кто говорилъ и *дѣйствовалъ* отъ имени великаго цѣлаго — Парижской Коммуны?" спрашиваетъ онъ. — „Во первыхъ, Бюро Города, подавшее самую мысль; затѣмъ — округа, которые одобрили её и, одобривъ её, приняли на себя роль Городского Совѣта въ дѣлѣ ея осуществленія, *вступили непосредственно въ переговоры съ государствомъ*, т. е. съ Національнымъ Собраніемъ и, *наконецъ, непосредственно осуществили предполагавшуюся покупку имуществъ*, — все это вопреки формальному декрету, но съ согласія верховнаго (Національнаго) Собранія".

Интереснѣе всего то, что, разъ взявшись за это дѣло, округа отстранили отъ него — какъ слишкомъ устарѣвшее для серьознаго дѣла — Собраніе Представителей Коммуны. Они отстранили также, два раза, Городской Совѣтъ, пожелавшій вмѣшиваться въ эти продажи. Округа, говоритъ Лакруа, „предпочли составить, въ виду этой спеціальной цѣли, особое собраніе изъ шестидесяти делегатовъ, по одному отъ каждаго округа, и маленькій Исполнительный совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, избранныхъ изъ числа этихъ шестидесяти" (т. IV, стр. XIX).

Поступая такимъ образомъ, — и такъ же поступили бы теперь анархисты, — парижскіе округа положили начало новой общественной организаціи, снизу вверхъ, основанной на началахъ свободы*).

*) С. Лакруа подробно разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ въ Введеніи къ четвертому тому *Актовъ Коммуны*. Я не могу удержаться, однако, чтобы не привести здѣсь слѣдующія

Въ 1790-мъ году, въ то время, какъ политическая реакція все болѣе и болѣе усиливалась (см. ниже), парижскіе округа, наоборотъ, пріобрѣтали на ходъ Революціи все бо́льшее и бо́льшее вліяніе. Пока Собраніе подкапывалось понемногу подъ королевскую власть, округа, а затѣмъ секціи Парижа, расширяли мало по малу кругъ своей дѣятельности въ народѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, они закрѣпляли союзъ между Парижемъ и провинціею и подготовляли почву для революціонной Коммуны Десятаго августа.

„Муниципальная исторія", говоритъ Лакруа, „происходитъ внѣ офиціальныхъ Собраній. Самые важные акты коммунальной жизни, политической и административной, совершаются округами: продажа національныхъ имуществъ ведется, какъ того пожелали округа, черезъ посредство ихъ особыхъ коммисаровъ; федерація всей французской націи подготовляется собраніемъ делегатовъ, получившихъ отъ своихъ округовъ спеціальныя полномочія ... Праздникъ Федераціи, 14-го іюля 1790 года, устраивается исключительно и *непосредственно* самими округами"; причемъ, въ данномъ случаѣ, ихъ органомъ послужило Собраніе депутатовъ секцій, спеціально избранныхъ ради установленія федеративнаго договора (т. I, стр. II, IV и 729, примѣчаніе).

Обыкновенно думаютъ, что представителемъ національнаго единства было Національное Собраніе. А ме-

---

слова *Адреса, поданнаго Національному Собранію депутатами шестидесяти секцій Парижа, относительно пріобрѣтенія отъ лица Коммуны національныхъ имуществъ.* ' лены Городского Совѣта хотѣли взять на себя роль секцій въ этой покупкѣ; но секціи запротестовали и высказали слѣдующую, вполнѣ вѣрную, мысль относительно народнаго представительства: «Возможно-ли, чтобы пріобрѣтеніе сдѣланное *самою Коммуною, посредствомъ коммисаровъ, спеціально назначенныхъ для этой цѣли, было менѣе законно, чѣмъ если бы оно было сдѣлано общими представителями Франціи... Развѣ тотъ принципъ, что функціи уполномоченнаго кончаются въ присутствіи уполномочившаго его, больше не признается?*» Прекрасныя и вѣрныя слова, къ несчастью забытыя теперь ради разныхъ ходячихъ измышленій — фикцій — о роли правительства.

жду тѣмъ, когда возникла мысль о праздникѣ Федераціи, политики, какъ замѣтилъ еще Мишлэ, пришли въ ужасъ при видѣ этой массы людей, стекавшихся на праздникъ въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи. Для того, чтобы Національное Собраніе дало свое согласіе, нужно было, чтобы въ него силой вломилась парижская Коммуна. „Собраніе волей-неволей должно было дать свое согласіе".

Но еще важнѣе то, что это движеніе, зародившееся вначалѣ, по вѣрному замѣчанію Бюшэ и Ру, изъ потребности обезпечить продовольствіе населенія Парижа и защититься отъ опасности иностраннаго вторженія, т. е. отчасти изъ задачъ мѣстной администраціи, приняло въ секціяхъ*) характеръ *общей конфедераціи* всего французскаго народа, въ которой участвовали представители всѣхъ волостей и департаментовъ Франціи и всѣхъ полковъ ея войска! Округа, т. е. органы, созданные для индивидуализаціи, для проявленія самобытности различныхъ кварталовъ Парижа, стали такимъ образомъ орудіями федеративнаго объединенія всей націи.

*) См. S. Lacroix, «Actes de la Commune», I-ая серія, т. VI, 1897 г. стр. 273 и слѣд.

XXV.

Парижскія секціи при новомъ муниципальномъ законѣ.

Вѣра въ необходимость полной зависимости гражданъ по отношенію къ централизованному государству до того владѣетъ людьми въ настоящее время, что представленія о независимости общинъ (слово „автономія“ было бы недостаточно), которыя признавались въ 1789 году, теперь кажутся намъ даже странными. Поэтому, одинъ изъ французскихъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, Л. Фуберъ*), совершенно правъ, когда, говоря о планѣ муниципальной организаціи, принятомъ Національнымъ Собраніемъ, онъ замѣчаетъ, что „наши понятія такъ измѣнились, что теперь, предложеніе этого плана показалось бы намъ актомъ революціоннымъ, даже анархическимъ“; между тѣмъ какъ парижане, привыкшіе, съ 14-го іюля 1789 года, къ очень большой независимости въ своихъ округахъ, не были удовлетворены этимъ закономъ.

Точное разграниченіе областей управленія, которому придаютъ теперь такое значеніе, казалось тогда, и

*) L. Foubert, «L'idée autonomiste dans les districts de Paris en 1789 et 1790» въ журналѣ «La Révolution française», годъ XIV, 1895, стр. 141 и слѣд.

парижанамъ, и законодателямъ, засѣдавшимъ въ Собраніи, вопросомъ праздным и опаснымъ для свободы. Подобно тому, какъ Прудонъ говорилъ: „*Коммуна будетъ всѣмъ, или ничѣмъ*“, парижскіе округа не понимали, какъ можетъ Коммуна не быть *всѣмъ*. „Коммуна, говорили они, есть общество людей, сообща владѣющихъ извѣстною собственностью, живущихъ вмѣстѣ въ предѣлахъ одного ограниченнаго пространства и имѣющихъ, всѣ, вмѣстѣ взятые, тѣ же права, что и каждый гражданинъ“. Исходя изъ этого опредѣленія, они говорили, что парижская Коммуна — какъ всякій другой гражданинъ — имѣетъ право „свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію“, а слѣдовательно можетъ располагать своими имуществами, а также заботиться объ управленіи ими, о личной безопасности своихъ гражданъ, о полиціи, о военной силѣ — однимъ словомъ, *обо всемъ*. Коммуна фактически верховна (souveraine) на своей территоріи, и это — единственное условіе, обезпечивающее ей свободу.

Мало того. Въ третьей части Введенія къ муниципальному закону, изданному въ маѣ 1790 года, устанавливается одно начало, которое даже плохо понимается въ наше время, хотя тогда оно цѣнилось очень высоко. Это — право управлять своими дѣлами непосредственно, безъ посредниковъ (gouvernement direct). „Парижская Коммуна — говорится въ этомъ параграфѣ, — въ виду того, что она свободна и имѣетъ право пользоваться всѣми своими правами и всею своею властью, *всегда пользуется ими сама*, — по возможности непосредственно и по возможности обходясь безъ делегатовъ“.

Иными словами, парижская коммуна должна быть не управляемымъ государствомъ, а народомъ, который самъ управляетъ собою, — по возможности, безъ всякихъ посредниковъ, безъ всякихъ господъ.

Верховною властью, во всемъ что касается жителей Парижа, должно быть, не Собраніе выборныхъ членовъ

Общиннаго Совѣта, а *общее Собраніе секцій* („отдѣла"), „непрерывно засѣдающее" (en permanence), т. е. имѣющее всегда право собираться, безъ особаго разрѣшенія свыше. И если секціи, по взаимному соглашенію, рѣшаютъ подчиняться въ общихъ вопросахъ мнѣнію большинства секцій, то этимъ онѣ вовсе не отказываются отъ права вступать между собою въ федеративную связь по взаимнымъ симпатіямъ, — посѣщать сосѣднія секціи съ цѣлью повліять на нихъ, и всегда стремиться къ достиженію единогласнаго рѣшенія по всякому вопросу.

Постоянное существованіе общихъ собраній секцій должно, по ихъ мнѣнію, способствовать политическому воспитанію гражданъ; именно оно дастъ имъ возможность, въ случаѣ надобности, „сознательно избирать тѣхъ, чье усердіе и умъ они смогутъ замѣтить и оцѣнить" (Секція Матюреновъ; приведено у Фубера, стр. 155).

Постоянно присутствующая секція — другими словами, всегда открытое вѣче — представляетъ, по ихъ мнѣнію, единственное средство обезпечить себѣ честное и разумное управленіе.

Наконецъ, замѣчаетъ Фуберъ, въ секціяхъ всегда царитъ недовѣріе — *недовѣріе ко всякой исполнительной власти*. „Тотъ, кто *исполняетъ*, имѣетъ въ своихъ рукахъ силу и *долженъ* непремѣнно злупотреблять ею". „Это была также мысль Монтескьё и Руссо", прибавляетъ Фуберъ; и съ нею мы вполнѣ согласны.

Понятно, какую силу долженъ былъ придать Революціи такой взглядъ на общественныя дѣла, тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилось еще и другое соображеніе, на которое также указываетъ Фуберъ. „Революціонное движеніе, пишетъ онъ, было направлено настолько-же противъ централизаціи, какъ и противъ деспотизма". Французскій народъ понялъ, повидимому, уже въ началѣ Революціи, что громадныя преобразованія, стоящія передъ нимъ, какъ насущныя задачи, не могутъ быть выполнены, ни парламентскимъ путемъ, ни какою-либо центральною силою: что они должны

быть дѣломъ *силъ мѣстныхъ*; а эти послѣднія, для того, чтобы проявиться вполнѣ, должны пользоваться широкою свободою.

Быть можетъ, онъ думалъ также, что освобожденіе, завоеваніе свободы, должно начаться съ каждой деревни, съ каждаго города, и что тогда, такимъ завоеваніемъ облегчится задача ограниченія королевской власти.

Національное Собраніе старалось, конечно, всѣми силами, ослабить силу округовъ и подчинить ихъ опекѣ городскаго управленія, которое держало бы ихъ подъ своимъ контролемъ. Муниципальный законъ 27-го мая — 27-го іюня 1790 года, прежде всего, упразднилъ округа. Онъ хотѣлъ положить конецъ этимъ очагамъ Революціи, и ради этого, ввелъ новое дѣленіе Парижа на 48 „секцій", или „отдѣловъ", и далъ однимъ только „активнымъ" гражданамъ, платившимъ извѣстный налогъ, право участвовать въ избирательныхъ и административныхъ собраніяхъ этихъ отдѣловъ.

Но какъ ни старался законъ ограничить секціи, постановивъ, что онѣ не должны на своихъ собраніяхъ заниматься „никакимъ другимъ дѣломъ, кромѣ выборовъ и принесенія гражданской присяги" (отдѣлъ I, статья 11), ему не подчинялись. За годъ успѣли уже создаться извѣстныя привычки, пробиты были извѣстные пути, и „секціи" продолжали дѣйствовать такъ же, какъ раньше дѣйствовали „округа". Впрочемъ, и самъ муниципальный законъ долженъ былъ уступить секціямъ тѣ административныя обязанности, которыя были уже захвачены старыми округами. Мы находимъ, поэтому, въ новомъ законѣ, тѣхъ же шестнадцать выборныхъ комиссаровъ, что и раньше, и они должны нести, не только разнаго рода полицейскія и даже судебныя обязанности, но администрація департамента можетъ также поручать имъ „разверстку налоговъ въ предѣлахъ ихъ секцій" (отдѣлъ IV, статья 12). Кромѣ того, хотя Учредительное Собраніе и отмѣнило „непрерывность" засѣданій, — т. е. постоянное право сек-

ціи собираться, не ожидая спеціальнаго созыва, — но ему тѣмъ не менѣе пришлось признать за ними право устраивать общія собранія, какъ только этого потребуютъ пятьдесятъ активныхъ гражданъ*).

Этого было достаточно, и секціи не преминули этимъ воспользоваться. Черезъ мѣсяцъ послѣ водворенія новаго муниципалитета, Дантонъ и Байльи уже явились въ Національное Собраніе, отъ имени 43-хъ секцій (изъ 48-и), съ требованіемъ немедленнаго удаленія министровъ и преданія ихъ суду націи.

Секціи, такимъ образомъ, не отказались отъ своихъ верховныхъ правъ. Хотя эти права были отняты у нихъ закономъ, онѣ продолжали ревностно охранять и громко провозглашать эти права. Требованіе секцій объ удаленіи министровъ конечно не имѣло муниципальнаго характера, но онѣ *дѣйствовали* — и съ закономъ не справлялись. Надо сказать и то, что значеніе секцій, вслѣдствіе различныхъ обязанностей, принятыхъ ими на себя, было уже такъ велико, что Національное Собраніе не могло не выслушать ихъ, и отвѣтило въ доброжелательномъ тонѣ.

То же самое произошло и съ другимъ пунктомъ муниципальнаго закона 1789 года, которымъ муниципалитеты вполнѣ подчинялись „администраціи департамента и уѣзда (district), во всѣхъ тѣхъ обязанностяхъ, кото-

*) Дантонъ отлично понялъ всю важность сохраненія за секціями правъ, которыми округа завладѣли въ первый годъ Революціи; вотъ почему въ „общемъ уставѣ Парижской Коммуны" (Réglement général pour la Commune de Paris), выработанномъ депутатами секцій, собравшимися въ архіепископствѣ, отчасти подъ вліяніемъ Дантона, и принятомъ 7 апрѣля 1790 года сорока округами, упразднялся даже Общій Совѣтъ Коммуны. Рѣшеніе вопросовъ предоставлялось *гражданамъ, собравшимся въ секціяхъ*, за которыми оставлялось право „непрерывности" засѣданій. Наоборотъ, въ „муниципальномъ планѣ" Кондорсэ, — будущаго жирондиста, оставшагося вѣрнымъ началамъ *представительной* системы, —Коммуна воплощалась въ избранномъ Генеральномъ Совѣтѣ, которому были предоставлены всѣ права (Lacroix, «Actes», 2-ая серія, т. I, стр. XIII).

рыя имъ приходится выполнять по порученію общаго управленія" (ст. 55). Ни секціи, ни дѣйствовавшая черезъ ихъ посредство Парижская Коммуна, ни провинціальныя коммуны не подчинились этому пункту. Онѣ просто не обращали на него вниманія и продолжали сохранять за собою свою власть.

Вообще, послѣ упраздненія парижскихъ „округовъ", секціи мало по малу, въ свою очередь, стали очагами Революціи; и если ихъ дѣятельность нѣсколько замедлилась въ періодъ реакціи 1790 и 1791 годовъ, то, какъ мы увидимъ дальше, именно онѣ разбудили Парижъ въ 1792-мъ году и подготовили революціонную Коммуну Десятаго августа.

Каждая секція, какъ мы уже упомянули, избирала, на основаніи новаго закона 21-го мая 1790 года, шестнадцать комиссаровъ, составлявшихъ Гражданскіе Комитеты; и эти комитеты, которымъ вначалѣ были даны однѣ полицейскія обязанности, не переставали втеченіе всей Революціи, расширять свои полномочія во всѣхъ направленіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ 1790 года Собранію пришлось признать за секціями право, которое, какъ мы видѣли, еще въ августѣ 1789 года признало за собою городское управленіе Страсбурга: право назначать мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, а также судей для соглашеній въ торговыхъ и промышленныхъ спорахъ (prud'hommes). Этимъ правомъ секціи пользовались вплоть до водворенія якобинскаго правительства, т. е. до 4 декабря 1793 года.

Съ другой стороны, эти же самые Гражданскіе Комитеты секцій взяли въ свои руки, въ концѣ 1790-го года, послѣ упорной борьбы, завѣдываніе дѣлами благотворительныхъ комитетовъ, а также и право — очень существенное — наблюдать за общественною благотворительностью и организовать её. Это дало имъ возможность замѣнить благотворительныя мастерскія стараго порядка новыми „мастерскими для помощи", подъ управленіемъ самихъ секцій. Впослѣдствіи, секціи сдѣлали въ

этомъ направленіи очень много. По мѣрѣ того, какъ соціальныя идеи Революціи развивались, развивались и секціи. Мало-по-малу онѣ взяли на себя доставку одежды, бѣлья и обуви для войска, организовали помолъ зерна и т. д., такъ что въ 1793 году всякій гражданинъ и всякая гражданка, живущіе въ данной секціи, могли явиться въ соотвѣтственную мастерскую и получить тамъ работу (Meillé, стр. 289). Позднѣе, изъ этихъ первыхъ опытовъ возникла болѣе обширная организація, и во Второмъ году Республики (1793—1794) секціи уже дѣлали попытки замѣстить администрацію, занимавшуюся обмундировываніемъ войска, и предпринимателей*).

*) Въ іюнѣ 1793 года, говоритъ Мелье, секція Финистеръ организовала работу по поставкѣ одежды для войска такъ, что «каждый гражданинъ и каждая гражданка, живущіе въ области секціи, представивши (въ удостовѣреніе мѣста жительства) свидѣтельство отъ домовладѣльца, могли явиться въ мастерскую и получить работу» (стр. 289). Въ августѣ 1793 года Конвентъ старался сосредоточить поставку одежды въ рукахъ своей администраціи, но и она должна была распредѣлять работу между различными секціями, согласно ихъ потребностямъ. Это подало поводъ жалобамъ и тогда (въ концѣ августа) распредѣленіе работы было поставлено подъ контроль комисаровъ, назначаемыхъ секціями. «Совершенно новая организація возникла изъ этого», говоритъ Мелье. «Секціи совершенно замѣстили предпринимателей и администрацію поставки одежды. Эти (распредѣлительные) бюро, открытые въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, стали мастерскими секцій: а такъ какъ они были подъ ихъ рукой, то не было нужды въ посредникахъ». Изъ документовъ, случайно сохранившихся въ одной секціи (вслѣдствіе возникшаго спора), видно слѣдующее: «Такимъ образомъ секція назначаетъ и смѣщаетъ комисаровъ, управляющихъ мастерскою, опредѣляетъ ихъ жалованье, назначаетъ цѣну изготовленныхъ вещей, такъ чтобы не было никакого барыша, лишь бы покрыть расходы по магазину, принимаетъ жалобы,... однимъ словомъ является полнымъ хозяиномъ предпріятія, за которымъ она наблюдаетъ, провѣряетъ счеты и оплачиваетъ расходы» (Mellié, стр. 290—295). Съ наступленіемъ реакціи, послѣ паденія Робеспьера, всему этому, конечно, былъ положенъ конецъ. Декретомъ 13 іюня 1795 года, снабженіе одеждою было отнято у Парижской Коммуны.

Такимъ образомъ, „право на трудъ", котораго требовало въ 1848 году рабочее населеніе большихъ городовъ Франціи, было ничѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ того, что уже вводилось въ Парижѣ во время Великой Революціи, но вводилось, какъ нѣчто организованное снизу, а не сверху, какъ того хотѣли, во время Революціи 1848-го года, Луи Бланъ, Видаль и другіе, засѣдавшіе въ Люксембургѣ государственники.

Мало того. Секціи не только наблюдали, во все время Революціи, за подвозомъ и продажей хлѣба, за цѣнами на предметы первой необходимости и за соблюденіемъ закона о максимальныхъ цѣнахъ, когда этотъ законъ былъ введенъ; но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, взяли на себя починъ обработки находившихся вокругъ Парижа пустырей, съ цѣлью помочь, развитіемъ огородничества, увеличенію земледѣльческой производительности страны.

Все это, можетъ быть, покажется очень мелочнымъ для тѣхъ, кто видитъ въ революціи только выстрѣлы и баррикады; но именно своему вмѣшательству въ ежедневныя мелочи жизни рабочихъ, парижскія секціи обязаны были развитіемъ своей политической и революціонной силы.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Вернемся къ разсказу о событіяхъ. Съ парижскими секціями мы еще встрѣтимся, когда будемъ говорить о Коммунѣ Десятаго августа.

XXVI.

Задержки въ уничтоженіи феодальныхъ правъ.

По мѣрѣ того, какъ Революція шла впередъ, тѣ два теченія, о которыхъ мы говорили въ началѣ — теченіе народное и теченіе буржуазное — обозначались все яснѣе и яснѣе, особенно въ вопросахъ экономическихъ.

Народъ стремился къ уничтоженію феодальнаго строя. Онъ страстно желалъ *равенства*, вмѣстѣ со *свободой*. Видя, какъ медленно велась даже борьба съ королемъ и духовенствомъ, онъ терялъ терпѣніе и старался довести революцію до конца. Предвидя, что силы революціоннаго порыва рано или поздно истощатся, народъ пытался сдѣлать окончательно невозможнымъ возвращеніе помѣщичьяго ига, королевскаго деспотизма, феодальнаго порядка и царства богачей и духовенства. Для этого онъ хотѣлъ — по крайней мѣрѣ, въ бо́льшей половинѣ Франціи — возврата земли народу, земельныхъ законовъ, которые бы дали возможность каждому обрабатывать столько земли, сколько онъ можетъ самъ воздѣлывать, и законовъ, уравнивающихъ богатыхъ и бѣдныхъ въ гражданскихъ правахъ.

И вотъ народъ возставалъ, когда его заставляли платить десятину, и силою захватывалъ власть, въ городахъ и деревняхъ, чтобы воспользоваться ею противъ привилегированныхъ классовъ — дворянства и духовенства. Однимъ словомъ, онъ поддерживалъ рево-

люціонное броженіе въ цѣлой половинѣ Франціи, а въ Парижѣ зорко наблюдалъ за законодателями съ высоты трибунъ Собранія, въ клубахъ и въ секціяхъ. Наконецъ, когда приходилось бороться съ королевской властью силой, онъ организовывался для возстанія и — 14-го іюля 1789 и 10 августа 1792 года — боролся съ оружіемъ въ рукахъ.

Со своей стороны буржуазія, какъ мы видѣли, упорно работала надъ „завоеваніемъ власти" (самое слово, „conquête des pouvoirs", было пущено въ ходъ уже тогда). По мѣрѣ того, какъ власть короля и Двора разрушалась и падала подъ тяжестью общаго презрѣнія, буржуазія овладѣвала этою властью и создавала для нея прочныя основанія въ провинціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обезпечивала себѣ богатство, въ настоящемъ и въ будущемъ.

Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ главная доля имуществъ, отобранныхъ у эмигрантовъ и духовенства, перешла мелкими участками въ руки бѣдняковъ — какъ это видно, по крайней мѣрѣ, изъ изслѣдованій проф. Лучицкаго*), — то въ другихъ мѣстностяхъ огромная доля этихъ имуществъ пошла на обогащеніе буржуазіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, всевозможныя финансовыя спекуляціи положили основаніе цѣлому ряду крупныхъ состояній въ средѣ Третьяго Сословія.

Но что въ особенности хорошо узнала просвѣщенная буржуазія (её научилъ этому примѣръ Революціи 1648 года въ Англіи), это то, что теперь пришла ея очередь завладѣть правительствомъ Франціи, и что тотъ классъ, который будетъ стоять у власти, будетъ имѣть возможность наживаться. Это было тѣмъ болѣе возможно, что области дѣятельности государства предстояло громадное расширеніе, благодаря образованію многочисленной постоянной арміи и переустройству народнаго образованія, правосудія, налоговъ и т. д. Англійская Революція уже показала это на дѣлѣ.

*) *Извѣстія* Кіевскаго Университета, годъ XXXVII, №№ 3 и 8.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, пропасть между буржуазіею и народомъ во Франціи должна была все болѣе и болѣе расширяться. Буржуазія стремилась къ революціи и толкала къ ней народъ, только до тѣхъ поръ, пока не увидѣла, что дѣло „завоеванія власти“ заканчивается въ ея пользу. Народъ-же искалъ въ революціи средства освободиться отъ двойного гнёта нужды и политическаго безправія.

На одной сторонѣ оказались, такимъ образомъ, тѣ, кого „государственные люди“, „люди порядка“, называли уже тогда „анархистами“, и съ ними — нѣсколько поддерживавшихъ ихъ человѣкъ изъ буржуазіи, — большею частью, члены клуба Кордельеровъ и нѣкоторые члены клуба Якобинцевъ. Что же касается до „государственныхъ людей“ и „защитниковъ имуществъ“, какъ говорили тогда, то ихъ точною выразительницею была та политическая партія, которая впослѣдствіи получила названіе Жирондистовъ, т. е. партія политиковъ, группировавшихся въ 1792 году вокругъ Бриссо и министра Ролана.

Мы уже говорили въ главѣ XV-й о томъ, къ чему сводилась такъ-называемая отмѣна феодальныхъ правъ въ ночь на 4-е августа, и каковы были постановленія, принятыя Собраніемъ между 5-мъ и 11-мъ августа; мы посмотримъ теперь на дальнѣйшее развитіе этого законодательства въ 1790-мъ 1791-мъ годахъ.

Но въ виду того, что вопросъ о феодальныхъ правахъ — главный вопросъ Революціи, и что онъ былъ разрѣшенъ только въ 1793-мъ году, послѣ изгнанія Жирондистовъ изъ Конвента, мы вновь изложимъ вкратцѣ — рискуя даже нѣкоторыми повтореніями, — въ чёмъ заключались августовскіе законы 1789-го года, а затѣмъ уже перейдемъ къ тому, что было сдѣлано въ два послѣдующіе года. Это тѣмъ болѣе необходимо, что несмотря на то, что отмѣна феодальныхъ правъ была главнымъ дѣломъ Великой Революціи, по этому вопросу въ исторической литературѣ царствуетъ самое

печальное смѣшаніе понятій. На этомъ вопросѣ произошли самыя ожесточенныя и кровопролитныя столкновенія, повсемѣстно въ земледѣльческой Франціи, а также и въ Парижѣ, въ стѣнахъ Палаты; и изъ всего, сдѣланнаго Революціей, отмѣна феодальныхъ правъ оказалась самымъ прочнымъ завоеваніемъ, удержавшимся несмотря на всѣ дальнѣйшія превратности въ политическихъ судьбахъ Франціи втеченіе девятнадцатаго вѣка. Надъ этимъ слѣдуетъ остановиться.

Раньше 1789-го года, тѣ кто стремился къ обновленію общественнаго строя были несомнѣнно далеки отъ мысли, чтобы феодальныя права могли быть вполнѣ отмѣнены. Даже объ уничтоженіи злоупотребленій феодальнаго строя думали немногіе, и дѣло шло лишь о томъ, — возможно ли, какъ выражался Неккеръ, „уменьшеніе особенныхъ правъ помѣщика?“ Вопросъ объ *уничтоженіи* феодальныхъ правъ былъ поставленъ уже Революціею.

„Всякая собственность, безъ исключенія, останется неприкосновенной“ — вотъ слова, которыя были вложены въ уста короля при открытіи Генеральныхъ Штатовъ, „и Его Величество понимаетъ подъ названіемъ собственности десятину, чиншъ, ренту, обязательства феодальныя и по отношенію къ помѣщику, и вообще всѣ права и прерогативы (права классовыя), полезныя или почётныя, связанныя съ землями и помѣстьями, принадлежащими частнымъ лицамъ“.

Никто изъ будущихъ революціонеровъ не протестовалъ тогда противъ такого пониманія правъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ.

„Но земледѣльческое населеніе, говоритъ Даллозъ — извѣстный авторъ большаго юридическаго Словаря (Répertoire de jurisprudence), котораго никто не заподозритъ въ революціонномъ пристрастіи, — „земледѣльческое населеніе понимало обѣщанную свободу иначе; повсюду въ деревняхъ началось возстаніе: крестьяне поджигали замки, уничтожали архивы, списки платежей и повинностей и проч.; и въ очень мно-

гихъ мѣстностяхъ помѣщики подписали отрѣченіе отъ своихъ правъ" (Статья *Феодализмъ*).

Тогда, при заревѣ крестьянскаго возстанія, грозившаго принять широкіе размѣры, произошло засѣданіе 4-го августа.

Національное Собраніе издало, какъ мы видѣли, постановленіе, или вѣрнѣе принципіальное заявленіе, въ 1-мъ пунктѣ котораго говорилось:

„Національное Собраніе совершенно отмѣняетъ феодальный строй".

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, было громадно. Они потрясли Францію и Европу. Ночь 4-го августа называли „Варѳоломеевской ночью земельной собственности" *). Но на другой же день Собраніе, какъ мы видѣли, одумалось. Рядомъ декретовъ, или вѣрнѣе постановленій, отъ 5, 6, 8, 10 и 11 августа оно возстановило и поставило подъ покровительство Конституціи все, что было *существеннаго* въ феодальныхъ правахъ. Отказываясь, за немногими исключеніями, отъ тѣхъ личныхъ повинностей, которыми они пользовались, помѣщики тѣмъ болѣе старательно закрѣпляли за собою всѣ тѣ, часто не менѣе чудовищныя, права, которыя можно было такъ или иначе изобразить въ качествѣ взиманія платежей за владѣніе или пользованіе землею — права *реальныя*, по выраженію законодателей (т. е. права на *вещи*: res, по латыни,—*вещь*). Сюда входили не только разные виды поземельной аренды, но и всевозможные платежи деньгами и натурой, различные въ различныхъ мѣстностяхъ, установленные при отмѣнѣ крѣпостного права и въ то время связанные съ владѣніемъ землею. Всѣ эти платежи были занесены въ земельныя росписи (terriers — уставныя грамоты) и часто продавались или уступались третьимъ лицамъ.

---

*) Варѳоломеевскою ночью называютъ ночь 24 августа 1572 года, когда, въ царствованіе Карла IX-го, въ Парижѣ католики стали поголовно убивать протестантовъ.

Теперь, всѣ феодальные платежи, всѣхъ наименованій, а также и десятина духовенству, имѣвшіе денежную цѣнность, *были сохранены полностью*. Крестьяне получили *только право выкупа этихъ платежей* — если когда нибудь сойдутся въ цѣнѣ съ помѣщикомъ. Собраніе-же не назначало ни срока для выкупа, ни размѣровъ его.

Въ сущности, за исключеніемъ того факта, что первымъ пунктомъ постановленій 5—11 августа былъ поколебленъ самый принципъ феодальной собственности, все, что касалось платежей, считавшихся *связанными съ землею*, оставалось по старому, и муниципалитетамъ было поручено образумить крестьянъ, въ случаѣ если бы они вздумали не платить. Мы видѣли, съ какой жестокостью нѣкоторые изъ нихъ принялись усмирять крестьянъ*).

Мы видѣли, кромѣ того, изъ приведеннаго выше примѣчанія Джемса Гильома, что придавъ своимъ ав-

*) Эти факты, идущіе въ разрѣзъ съ преувеличенными похвалами, которыми многіе историки осыпаютъ Національное Собраніе, были изложены мною первоначально въ одной статьѣ, написанной по поводу столѣтней годовщины Великой Революціи и помѣщенной въ англійскомъ журналѣ The Nineteenth Century, въ іюнѣ 1889 года, а затѣмъ въ рядѣ статей, въ газетѣ La Révolte, отъ 1892 до 1893 года, появившихся отдѣльной брошюрой въ Парижѣ подъ заглавіемъ La Grande Révolution.

Съ того времени, работы Саньяка (Ph. Sagnac, «La législation civile de la Révolution française, 1789—1804. Essai d'Histoire sociale». Парижъ, 1898 г.) потвердили мой взглядъ. Впрочемъ, дѣло шло вовсе не о *толкованіи фактовъ*, а о самихъ *фактахъ*. Сами же факты даны законами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ любому своду законовъ французскаго государства, — хотя бы къ извѣстному «Répertoire de jurisprudence» Dalloz'a. Тамъ приведены, въ подлинникахъ, или въ точномъ изложеніи, всѣ законы касающіеся поземельной собственности — частной и общинной, — которыхъ мы не находимъ у историковъ. Я нашелъ ихъ въ первый разъ у Даллоза, и именно изучая эти тексты законовъ, могъ понять смыслъ Великой Революціи.

густовскимъ рѣшеніямъ характеръ простыхъ „постановній“ (arrêtés), Собраніе дѣлало для нихъ излишнимъ утвержденіе королемъ. Но тѣмъ самымъ оно отнимало у нихъ характеръ *законовъ*, до тѣхъ поръ пока они не выльются въ форму конституціонныхъ декретовъ, и такимъ образомъ лишало ихъ всякой обязательности. По закону, ничего еще не было сдѣлано.

Но и эти „постановленія“ показались помѣщикамъ и королю слишкомъ крайними. Король старался выиграть время и затянуть обнародованіе ихъ; 18 сентября онъ еще только обратился къ Національному Собранію со своими „возраженіями“, приглашая Собраніе одуматься; рѣшился онъ на обнародованіе августовскихъ постановленій только 6 октября, послѣ того, какъ женщины привезли его въ Парижъ и отдали подъ надзоръ народа. Но тогда Собраніе, въ свою очередь, ничего не дѣлало; оно обнародовало свои „постановленіе“ только 3 ноября 1789 года, разослалъ ихъ провинціальнымъ парламентамъ (судебнымъ учрежденіямъ). Въ сущности, “постановленія“ 5—11 августа никогда не были по настоящему обнародованы.

Понятно, поэтому, что крестьянскія возстанія должны были продолжаться, и они дѣйствительно продолжались. Въ докладѣ, представленномъ Собранію, отъ имени Феодальнаго Комитета, въ февралѣ 1790 года, аббатъ Грегуаръ показалъ, что начиная съ января, крестьянское движеніе разгорѣлось съ новою силою, распространяясь отъ востока къ западу.

Въ Парижѣ, тѣмъ временемъ, начиная съ 6-го октября, реакція уже сдѣлала однако значительные успѣхи; и когда, подъ вліяніемъ доклада Грегуара, Національное Собраніе принялось за разсмотрѣніе феодальныхъ правъ, его законодательная работа уже оказалось проникнутою реакціоннымъ духомъ. Оно „одумалось“. Декреты, изданные имъ отъ 28 февраля до 5 марта, и 18 іюня 1790 года, вели уже къ *закрѣпленію феодальнаго порядка во всѣхъ его существенныхъ чертахъ*.

Таково было (какъ видно изъ документовъ того времени) и мнѣніе тогдашнихъ дѣятелей, стремившихся къ уничтоженію феодализма. О декретахъ 1790-го года они говорили, какъ о законахъ, *возстановляющихъ феодализмъ*.

Во-первыхъ, въ нихъ сохранилось и подтверждалось различіе между правами *почетными*, отнимавшимися безъ выкупа, и правами *полезными*, которыя крестьяне должны были выкупать. Мало того: такъ какъ нѣкоторыя личныя феодальныя права были включены въ число правъ *полезныхъ*, эти послѣднія оказались „вполнѣ отождествленными съ простою земельною рентою и другими земельными платежами“*). Права, которыя были ничѣмъ инымъ, какъ насиліемъ, — какъ пережиткомъ личной крѣпостной зависимости и, въ силу такого своего происхожденія, должны были быть уничтожены безъ всякаго выкупа, ставились такимъ образомъ на одинъ уровень съ обязательствами, вытекавшими изъ найма земли, изъ аренды.

Въ случаѣ неплатежа, помѣщикъ — даже если онъ терялъ право „*феодальной конфискаціи*“ имущества арендатора (saisie féodale, ст. 6), — могъ прибѣгнуть къ различнымъ формамъ принужденія, на основаніи общаго закона. Это подтверждается въ слѣдующей-же статьѣ: „Феодальныя и чиншевыя права, говорится тамъ, а также всѣ платежи за продажу, рента и другіе платежи, подлежащіе, по своей природѣ, выкупу, подчинены, вплоть до выкупа, правиламъ, установленнымъ въ государствѣ различными существующими законами и обычаями“.

Собраніе пошло еще дальше. Въ засѣданіи 27 февраля, соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика Мерлена,

*) „Всякія почетныя отличія, высшія положенія и власть, связанныя съ феодальнымъ строемъ, уничтожаются. Что же касается до тѣхъ полезныхъ правъ, которыя будутъ существовать до выкупа, то они вполнѣ отожествляются съ простою земельною рентою и другими земельными платежами“ (законъ 24 февраля 1790 года, ст. 1-ая I-го отдѣла).

оно утвердило, въ примѣненіи къ значительному числу случаевъ, *право мертвой руки.* Оно постановило, что „поземельныя права, которыя изъ права мертвой руки были превращены въ право чиншевое (tenure censive), не представляютъ собою больше права мертвой руки, а потому должны быть сохранены".

Буржуазія такъ крѣпко стояла за это наслѣдіе крѣпостного права, что въ ст. 4 отдѣла III-го этого закона говорится, что „если право мертвой руки, *вещное* (réelle) или *смѣшанное* (mixte), было, во время освобожденія, превращено въ земельныя обязательства, или въ платежи за право перехода земли изъ рукъ въ руки,—то эти обязательства продолжаютъ существовать".

Вообще, когда читаешь отчёты объ обсужденіи феодальнаго закона въ Національномъ Собраніи, невольно возникаетъ вопросъ: неужели эти дебаты происходятъ въ мартѣ 1790-го года, послѣ взятія Бастиліи и послѣ ночи 4-го августа, а не въ началѣ царствованія Людовика XVI, въ 1775-мъ году?

Такъ, 1-го марта 1790-го года, уничтожаются безъ выкупа нѣкоторые платежи: за право разводить въ избѣ огонь, держать собаку, и т. д., а также нѣкоторые платежи при покупкѣ и продажѣ крестьянами скота, хлѣба и т. п. Но вѣдь, казалось бы, однако, что всѣ эти платежи были уже отмѣнены безъ выкупа, еще въ ночь 4 августа? Оказывается, однако — нисколько. По закону, въ 1790 году, еще въ очень значительной части Франціи, крестьянинъ не имѣлъ права купить корову или продать свой хлѣбъ, не уплативъ извѣстнаго налога помѣщику! Онъ не могъ даже продать свой хлѣбъ раньше помѣщика, который пользовался такимъ образомъ высокими цѣнами, стоявшими обыкновенно до окончанія молотьбы.

—„Но, скажетъ читатель, наконецъ, 1-го марта 1790 года эти платежи были все-таки отмѣнены, вмѣстѣ съ тѣми, которые взимались помѣщикомъ за право пользованія общественною печью, мельницею, прессомъ для выжиманія винограднаго сока и т. д.?"...—Не торопи-

тесь однако дѣлать выводы. Да, они были отмѣнены, — но *за исключеніемъ* тѣхъ, относительно которыхъ существовалъ когда-нибудь письменный договоръ между помѣщикомъ и крестьянскою общиною, или которые были признаны платою за какой-нибудь участокъ земли, или въ обмѣнъ на другой платёжъ.

Плати, крестьянинъ! Плати безъ конца, и не пытайся выиграть время, потому что противъ тебя существуетъ право „немедленнаго принужденія", отъ котораго ты можешь спастись не иначе, какъ выигравши процессъ въ судѣ!

Трудно вѣрится всему этому, но оно было такъ.

Вотъ, впрочемъ, самый текстъ 2-й статьи отдѣла III-го этого феодальнаго закона. Онъ нѣсколько длиненъ, но его стоитъ привести цѣликомъ, чтобы показать, въ какой зависимости удерживалъ крестьянъ феодальный законъ 24 февраля — 15 марта 1790 года.

„Ст. 2. — Считаются подлежащими выкупу, впредь до доказательства противнаго (т. е. пока крестьянинъ не докажетъ по суду, что они уничтожены, какъ *личные* платежи):

„1) Всѣ ежегодные платежи въ пользу помѣщика, деньгами, зерномъ, птицей, съѣстными припасами, продуктами земли, обозначаемые подъ названіемъ чинша (cens), сверхъ-чинша (sur-cens), феодальной, помѣщичьей или эмфитетической ренты, champart, tasque, terrage, agrier, soète, corvées réelles (барщины) и подъ всякими другими названіями, которые уплачиваются или должны уплачиваться исключительно собственникомъ или владѣльцемъ земли, до тѣхъ поръ пока онъ состоитъ ея собственникомъ или владѣльцемъ и соотвѣтственно продолжительности его владѣнія.

„2) Всѣ единовременные платежи (casuels), которые, подъ названіемъ quint, requint, treizième, lods et treizains, lods et ventes, mi-lods, rachats, venterolles, reliefs, relevoisons, plaids и подъ всякими другими названіями, должны уплачиваться вслѣдствіе перехода изъ рукъ въ руки собственности или владѣнія землею.

„3) Платежи acapts, arrière-acapts и другіе имъ подобные, перешедшіе отъ помѣщика другому владѣльцу“ (dus à la mutation des ci-devant seigneurs)“.

Съ другой стороны, 9-го марта Собраніе отмѣнило различные платежи за пользованіе дорогами, каналами и проч., взимавшіеся помѣщиками. Но затѣмъ оно тотчасъ же поспѣшило прибавить:

„Тѣмъ не менѣе, Національное Собраніе не имѣетъ въ виду включить въ число отмѣненныхъ предыдущимъ пунктомъ установленныхъ акцизныхъ сборовъ... и т. д..., а равно и тѣхъ сборовъ, упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ, на которые право было *пріобрѣтено въ качествѣ вознагражденія* (dédommagement)“.

Это значитъ вотъ что. Многіе помѣщики продали или заложили свои права; иногда же, при раздѣлѣ наслѣдства, старшій сынъ получалъ землю или замокъ, а остальные, особенно же дочери, получали *въ видѣ вознагражденія* право взимать сборы съ дорогъ, каналовъ и мостовъ. Такъ, вотъ, въ подобныхъ случаяхъ всѣ эти платежи, *хотя и признавались несправедливыми, но остались непрочтыми*, потому что ихъ отмѣна была бы убыткомъ для очень многихъ дворянскихъ и буржуазныхъ семей.

Подобные случаи встрѣчаются въ новомъ феодальномъ законѣ на каждомъ шагу. За каждою отмѣною слѣдуетъ какая-нибудь лазейка, сводящая отмѣну на нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ создавались поводы для безконечныхъ процессовъ.

Только въ одномъ вопросѣ чувствуется здѣсь дуновеніе Революціи: это — въ вопросѣ о десятинѣ духовенства. Такъ, мы находимъ заявленіе, что всѣ формы десятины, духовной или „закрѣпленной“ (т. е. проданной свѣтскимъ лицамъ), навсегда перестанутъ взиматься съ 1 января 1791 года. Впрочемъ и здѣсь Собраніе рѣшило, что въ 1790 году десятина должна еще уплачиваться — „полностью“, кому слѣдуетъ.

Мало того, Собраніе не забыло и карательныхъ мѣръ противъ тѣхъ, кто ослушается этихъ декретовъ, и, при-

ступивъ къ обсужденію III части феодальнаго закона, оно постановило:

„Никакой муниципалитетъ, никакая администрація округа или департамента не могутъ, подъ угрозой признанія ихъ рѣшенія недѣйствительнымъ, *привлеченія ихъ къ отвѣтственности и взысканія съ нихъ убытковъ*, препятствовать взысканію тѣхъ платежей въ пользу помѣщика, которые будутъ *потребованы имъ*, — подъ предлогомъ, что они считаютъ эти платежи — прямо или по смыслу закона — уничтоженными безъ выкупа".

Со стороны уѣздныхъ и департаментскихъ властей, такого „потворства" бояться было нечего. Онѣ тѣломъ и душой принадлежали помѣщикамъ изъ дворянства и буржуазіи. Но революціонерамъ удалось завладѣть нѣкоторыми муниципалитетами, особенно въ восточной части Франціи, и эти муниципалитеты нерѣдко говорили крестьянамъ, что феодальные платежи отмѣнены, и если помѣщикъ будетъ ихъ требовать, крестьяне могутъ не платить.

Теперь, изъ боязни преслѣдованій и продажи ихъ собственнаго имущества, члены деревенскихъ муниципалитетовъ ничего подобнаго не могли дѣлать. Крестьянинъ долженъ былъ платить (а они должны были продавать его имущество), и ему оставалась одна надежда, что быть можетъ, если судъ признаетъ этотъ платёжъ необязательнымъ, то выплаченная сумма впослѣдствіи будетъ возвращена помѣщикомъ — если онъ не эмигрировалъ къ нѣмцамъ, въ Кобленцъ.

Этимъ пунктомъ, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Саньякъ, вводилось ужасное условіе. Обязанность *доказывать*, что вносить тѣ или другіе феодальные платежи не слѣдуетъ, — что они связаны съ личною зависимостью крестьянина, а не съ землею — эта трудная обязанность возлагалась на крестьянина. Если онъ не представлялъ такого доказательства, если онъ *не могъ* его представить — а такъ и было въ большинствѣ случаевъ — онъ долженъ былъ платить.

XXVII.

Феодальное законодательство 1790 года.

И такъ, пользуясь временнымъ затишьемъ крестьянскихъ возстаній въ началѣ зимы, Національное Собраніе провело, въ мартѣ 1790 года, законы, которыми создавалось, въ сущности, новое законное основаніе для феодальныхъ помѣщичьихъ правъ. Чтобы читатель не думалъ, что такое мнѣніе о мартовскихъ законахъ — не болѣе, какъ наше личное ихъ толкованіе, достаточно было бы привести текстъ самихъ законовъ, или то, что объ нихъ говорилъ уже Даллозъ. Но вотъ что думаетъ о нихъ одинъ современный авторъ, Ф. Сальякъ, котораго никто не заподозритъ въ санкюлотизмѣ — хотя бы потому, что онъ считаетъ безвозмездную отмѣну феодальныхъ повинностей, произведенную впослѣдствіи Конвентомъ, вреднымъ и несправедливымъ „грабежомъ“. Посмотримъ-же, какую оцѣнку даетъ онъ мартовскимъ законамъ 1790 года.

„Старое право, говоритъ онъ, всею своею тяжестью давитъ, во всей дѣятельности Учредительнаго Собранія, на новое законодательство. Если крестьянинъ не желаетъ больше платить чиншъ, сносить въ помѣщичьи амбары часть своего урожая, или бросать свое поле, чтобы работать на помѣщика, — онъ долженъ *доказать*, что требованіе помѣщика представляетъ собою узурпацію (феодальнаго происхожденія)“ Но если помѣщикъ пользовался какимъ-бы то ни было правомъ въ теченіе сорока лѣтъ, то, каково бы ни было происхожденіе этого права при старомъ порядкѣ, законъ 15 марта узаконяетъ его. Самый фактъ владѣнія уже достаточенъ. Нужды нѣтъ, что арендаторъ земли оспариваетъ именно законность этого владѣнія, — онъ всѣ-таки обязанъ платить. И если возставшіе крестьяне заставили своего помѣщика отказаться, въ августѣ 1789 года, отъ нѣкоторыхъ правъ, или если они сожгли его письменные документы, ему стóитъ только представить теперь доказательство своего владѣнія втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, чтобы всѣ его права были возстановлены *).

Правда, что новые законы разрѣшали также крестьянину выкупъ аренды. Но „всѣ эти мѣропріятія“, говоритъ Саньякъ, „вполнѣ благопріятныя для плательщика *однихъ реальныхъ* повинностей**), обращались противъ него, потому что для него, самымъ важнымъ было платить только то, что полагалось по закону, а ему приходилось — за невозможностью доказать противное — уплачивать и возвращать даже то, что представляло узурпацію“ (стр. 120).

Иными словами, чтобы выкупить что́ бы то ни было, крестьянину приходилось выкупить *все*: и *земельныя* повинности, признанныя закономъ, и *личныя* повинности, крѣпостнаго происхожденія, отмѣненныя въ законѣ.

*) Ph. Sagnac, «La législation civile de la Révolution Française». Парижъ, 1898, стр. 105—106.

**) Droits réels, т. е. въ видѣ аренды за землю.

Дальше мы читаемъ у того же автора, при всей умѣренности его оцѣнки, слѣдующій строгій приговоръ:

„Система Учредительнаго Собранія падаетъ сама собою. Это собраніе, состоявшее изъ помѣщиковъ и юристовъ и нисколько не желавшее, несмотря на данное имъ обѣщаніе, совершенно разрушить помѣщичье и доманіальное [крѣпостное] право, позаботилось сперва сохранить владѣльцамъ самыя существенныя права“ [т. е., какъ мы видѣли, всѣ права, которыя имѣли дѣйствительную цѣнность], „а потомъ оно дошло въ своемъ великодушіи до того, что разрѣшило крестьянамъ выкупъ. Но затѣмъ оно сейчасъ-же сдѣлало этотъ выкупъ невозможнымъ въ дѣйствительности.... Земледѣлецъ умолялъ о реформахъ, требовалъ ихъ, или вѣрнѣе требовалъ признанія революціи, уже совершившейся по его мнѣнію и (такъ онъ думалъ, по крайней мѣрѣ) запечатлѣвшейся уже въ совершившихся фактахъ: законодатели-же не давали ему ничего, кромѣ словъ. Тогда онъ почувствовалъ, что помѣщики еще разъ восторжествовали надъ нимъ“ (стр. 120). И, прибавимъ мы, продолжалъ бунтоваться.

„Никогда еще ни одинъ законъ не вызывалъ такого негодованія. Обѣ стороны точно поклялись не исполнять его“ (стр. 121).

Чувствуя за собою поддержку Собранія, помѣщики стали ожесточенно требовать платежа всѣхъ феодальныхъ повинностей, которыя крестьяне уже считали навѣки похороненными. Они требовали всѣхъ недоимокъ, и процессы тысячами возникали въ деревняхъ.

Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, видя, что Собраніе ничего не даётъ, продолжали вести войну съ помѣщиками. Многіе зáмки были разгромлены и сожжены; въ другихъ мѣстахъ крестьяне жгли только документы и поджигали или громили конторы финансовыхъ прокуроровъ, судебныхъ приставовъ и нотаріусовъ. Притомъ возстаніе распространялось и на западную часть Франціи. Въ

Бретани, втеченіе февраля 1790 года, было сожжено тридцать-семь помѣщичьихъ замковъ.

Когда декреты, изданные въ февралѣ и мартѣ 1790 года, стали извѣстны въ деревняхъ, крестьянская война противъ помѣщиковъ возгорѣлась съ новою силою и охватила такія мѣстности, которыя въ предыдущее лѣто еще не рѣшались на возстаніе. Въ засѣданіи 5 іюня, въ Собраніи получились извѣстія о бунтѣ въ Бурбонъ-Ланси и въ провинціи Шаролэ: тамъ распространялись подложные декреты Собранія и выставлялось требованіе „аграрнаго закона“ (т. е. уравнительнаго дѣлежа земли). Въ засѣданіи 2-го іюня читаются доклады о серьозныхъ возстаніяхъ въ Бурбоннэ, Нивернэ и Берри. Нѣсколько муниципалитетовъ провозгласили военное положеніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть убитые и раненые. „Разбойники“ появились въ области Кампинъ и осаждаютъ въ этотъ моментъ городъ Десизъ. Въ Лимузенѣ — тоже большіе „эксцессы“: крестьяне требуютъ таксы на хлѣбъ. „Планъ завладѣть землями, уже сто-двадцать лѣтъ тому назадъ закрѣпленными за помѣщиками, составляетъ одинъ изъ пунктовъ ихъ устава“, говорится въ докладѣ. Рѣчь идетъ, очевидно, о возвращеніи общинныхъ земель, отнятыхъ у общинъ помѣщиками.

При этомъ повсюду распространяются подложные декреты Національнаго Собранія. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1790 года въ деревняхъ выпускаются такого рода декреты, приказывающіе платить за хлѣбъ не дороже одного су за фунтъ. Народная революція, такимъ образомъ, предвосхитила мысль Конвента и его законъ о „максимумѣ“.

Въ августѣ, народныя возстанія продолжаются. Въ городѣ Сентъ-Этіеннъ, въ Форезѣ, народъ убиваетъ одного изъ скупщиковъ и избираетъ новый муниципальный совѣтъ, который заставляетъ понизить цѣны на хлѣбъ; но буржуазія вооружается и арестуетъ двадцать-два бунтовщика. Ту-же картину мы находимъ,

впрочемъ, почти повсюду, не говоря уже о крупныхъ движеніяхъ, какъ въ Ліонѣ и на югѣ.

Что же дѣлаетъ Собраніе? Удовлетворяетъ ли оно требованіямъ крестьянъ? Спѣшитъ ли оно отмѣнить безъ выкупа ненавистные крестьянину феодальные платежи, которые онъ вноситъ не иначе, какъ изъ подъ палки?

Конечно, нѣтъ! Собраніе издаётъ, напротивъ того, драконовскіе законы противъ крестьянъ. 2 іюня 1790 года „Собраніе, съ глубокимъ прискорбіемъ узнавши о злоупотребленіяхъ, произведенныхъ шайками разбойниковъ и воровъ“ (читай: „крестьянъ“) въ департаментахъ Шеръ, Ньевры и Алье, и распространившихся на департаментъ Коррезъ, принимаетъ мѣры противъ „нарушителей порядка“ и возлагаетъ на общины круговую отвѣтственность за произведенныя насилія.

„Всѣ тѣ, говорится въ первомъ пунктѣ этого закона, кто будетъ возбуждать населеніе городовъ и деревень къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ имѣній, владѣній и перешедшихъ по наслѣдству огороженныхъ земель (clôtures d'héritages), противъ жизни и безопасности гражданъ, взиманія налоговъ, свободной продажи и передвиженія жизненныхъ припасовъ, объявляются врагами Конституціи, трудовъ Національнаго Собранія, Природы и Короля. Къ нимъ будетъ примѣненъ законъ военнаго времени“ („Moniteur“, отъ 6 іюня).

Черезъ нѣсколько дней, 18 іюня, Собраніе издаетъ новый декретъ, еще болѣе жестокій. Его стóитъ привести.

Въ первомъ пунктѣ говорится, что всѣ плательщики десятины, какъ свѣтской, такъ и „закрѣпленной“ (inféodée), должны „платить её, только въ настоящемъ году, кому слѣдуетъ и сполна“. Причемъ крестьяне, конечно, спрашивали себя, не будетъ ли, пожалуй, изданъ еще какой-нибудь декретъ, который велитъ платить еще годъ или два; а потому они больше ничего не платили.

На основаніи второй статьи, „всѣ обязанные платить часть своей жатвы (champart, terrier, agrier comptant) и *другіе платежи, уплачиваемые натурой* и не отмѣненные безъ выкупа, обязаны въ этотъ и слѣдующіе годы платить ихъ обычнымъ порядкомъ... на основаніи декретовъ отъ 3 марта и 4 мая текущаго года".

Въ статьѣ 3-й говорится, что никто не имѣетъ права, ссылаясь на существованіе какого-нибудь спорнаго иска, отказываться отъ платежа десятины, champart'a и проч.

Особенно воспрещается „нарушать порядокъ при взиманія повинностей". Если составятся скопища, муниципалитеты должны, на основаніи декрета 20—23 февраля, принимать самыя строгія мѣры.

Этотъ декретъ отъ 20—23 февраля поразителенъ. Онъ предписываетъ муниципалитетамъ*) провозглашать военное положеніе, какъ только гдѣ-нибудь возникнетъ какое-нибудь сборище. Если этого не будетъ сдѣлано, то выборныя должностныя лица несутъ отвѣтственность за всѣ убытки, которые потерпятъ собственники. И не только одни должностныя лица: „всѣ граждане, могущіе содѣйствовать возстановленію общественнаго порядка, вся община несутъ отвѣтственность за двѣ трети убытковъ". Каждый гражданинъ имѣетъ право требовать провозглашенія военнаго положенія; только этимъ онъ избавляетъ себя отъ отвѣтственности.

Этотъ декретъ былъ бы еще хуже, если бы власть имущіе не промахнулись и не сдѣлали одной тактической ошибки. Взявъ за образецъ англійскій законъ, они хотѣли провести статью, позволяющую призывать войска или милицію и провозглашать въ данной мѣстности „королевскую диктатуру". Буржуазія, однако, испугалась этого и, послѣ долгихъ преній, муниципалитетамъ было предоставлено право провозглашать военное положеніе и оказывать другъ-другу поддержку,

*) Деревенскіе муниципалитеты соотвѣтствовали нашимъ волостнымъ правленіямъ, но имѣлись въ каждой деревнѣ.

не объявляя королевской диктатуры. Кромѣ того, сельскія общины должны были отвѣчать за убытки, которые понесутъ помѣщики, если общины во-время не употребятъ силы противъ крестьянъ, отказывающихся отъ платежа феодальныхъ повинностей.

Все это, закономъ 18 іюня 1790 года подтверждалось вновь. Всѣ феодальныя права, имѣвшія дѣйствительную цѣнность, все то, что, посредствомъ разныхъ законническихъ ухищреній, могло быть представлено, какъ связанное съ владѣніемъ землею, должно было выплачиваться по-прежнему. А если кто-нибудь отказывался, — ему грозили разстрѣлъ и висѣлица, сдѣлавшіеся обязательными. Протестовать, *даже на словахъ*, противъ феодальныхъ повинностей было уже преступленіемъ, за которое можно было поплатиться головою, въ случаѣ провозглашенія военнаго положенія*).

Вотъ въ чемъ состояло наслѣдіе Учредительнаго Собранія, о которомъ намъ разсказываютъ столько прекрасныхъ вещей. Мало того, все осталось въ такомъ-же положеніи и при слѣдующемъ, Законодательномъ Собраніи, вплоть до 1792-го года. Феодальными правами, если и занимались законодатели, то только для установленія нѣкоторыхъ условій выкупа, для жалобъ на то, что крестьяне не хотятъ ничего выкупать (законъ 3—9 мая 1790 года), и для повторенія угрозъ по адресу не-плательщиковъ.

Февральскіе декреты 1790 года, это — *все, что Учредительное Собраніе сдѣлало для уничтоженія возмутительнаго феодальнаго строя.* Только въ іюнѣ 1793 года, т. е. уже послѣ движенія 31 мая противъ жиронди-

*) Во время этихъ преній Робеспьеръ высказалъ одну очень вѣрную мысль, которую могутъ вспомнить при случаѣ революціонеры всѣхъ странъ. Когда вокругъ него старались какъ можно больше преувеличить ужасы крестьянскаго возстанія, онъ воскликнулъ: «А я могу увѣрить, что никогда еще революція не стоила такъ мало крови и не представляла такъ мало жестокостей!» И дѣйствительно, кровопролитіе началось только позже, благодаря контръ-революціи.

стовъ, удалось парижскому народу заставить „оздоровленный“ Конвентъ провозгласить дѣйствительную отмѣну феодальныхъ повинностей.

Итакъ, запомнимъ эти числа:

4-го августа 1789 года — отмѣна, въ принципѣ, феодальнаго строя и десятины; уничтоженіе права мертвой руки по отношенію къ личности крестьянина; уничтоженіе права охоты и помѣщичьяго суда.

Отъ 5 до 11 августа — частичное возстановленіе этого строя посредствомъ постановленій, предписывающихъ *выкупъ* всѣхъ феодальныхъ повинностей, имѣющихъ какую бы то ни было цѣнность.

Въ концѣ 1789-го года, а также въ 1790-мъ году — походы городскихъ муниципалитетовъ противъ возставшихъ крестьянъ и казни ихъ.

Въ февралѣ 1790 года — докладъ Феодальнаго Комитета, показывающій распространеніе крестьянскаго возстанія.

Въ февралѣ, мартѣ и іюнѣ 1790 года — драконовскіе законы противъ крестьянъ, не платящихъ феодальныхъ повинностей, или проповѣдующихъ уничтоженіе ихъ. Крестьянскія возстанія распространяются.

Въ іюнѣ 1791-го года — новое подтвержденіе тѣхъ же распоряженій. Реакція по всей линіи. Но крестьянскія возстанія продолжаются.

И, какъ мы увидимъ дальше, только въ іюнѣ 1792-го года, наканунѣ нападенія народа на дворецъ короля, и въ августѣ 1792 года, послѣ паденія монархіи, Собраніе дѣлаетъ первые рѣшительные шаги противъ феодальныхъ правъ.

Наконецъ, только въ іюнѣ 1793 года, послѣ изгнанія жирондистовъ изъ Конвента, провозглашается полная отмѣна феодальныхъ повинностей безъ выкупа.

Такова истинная картина Революціи.

Другой вопросъ, тоже имѣвшій для крестьянъ громадное значеніе, былъ вопросъ объ общинныхъ земляхъ.

Повсюду, гдѣ только крестьяне чувствовали себя достаточно сильными (на востокѣ, на сѣверѣ и на юго-востокѣ Франціи) они пытались вернуть себѣ, захватнымъ порядкомъ, общинныя земли, отнятыя у нихъ съ помощью государства (особенно со времени царствованія Людовика XIV-го, въ силу декрета 1669-го года), или обманомъ, или подъ предлогомъ задолженности общинъ. Помѣщики, священники, монахи, деревенскіе и городскіе буржуа — всѣ попользовались этими землями.

Но многія земли все еще оставались въ общинномъ владѣніи, и окрестные буржуа съ жадностью заглядывались на нихъ. Законодательное Собраніе поспѣшило поэтому издать законъ (1 августа 1791 года), дозволявшій *продажу общинныхъ земель частнымъ лицамъ*. Это равносильно было разрѣшенію грабить эти земли.

Дѣйствительно, мірскіе сходы были тогда уничтожены, а деревенскіе общинные совѣты (деревенскіе муниципалитеты), замѣстившіе собою сельскій сходъ (въ силу Муниципальнаго закона, проведеннаго Національнымъ Собраніемъ въ декабрѣ 1789 года), состояли исключительно изъ нѣсколькихъ человѣкъ, избранныхъ изъ среды богатой деревенской буржуазіи, *однимъ активнымъ гражданамъ*, т. е. богатыми крестьянами, безъ всякаго участія бѣдноты, безлошадныхъ. Эти деревенскіе совѣты поспѣшили, конечно, гдѣ могли, пустить общинныя земли въ продажу, причемъ значительную часть ихъ пріобрѣли по низкой цѣнѣ мѣстные деревенскіе кулаки.

Что-же касается до всей массы бѣднаго крестьянства, то она всѣми силами противилась этому уничтоженію общинной собственности на землю, какъ противится теперь въ Россіи.

Съ другой стороны, всѣ крестьяне вообще, какъ бѣдные, такъ и богатые, старались вернуть своимъ сельскимъ обществамъ общинныя земли, отнятыя у нихъ за послѣдніе 200 лѣтъ помѣщиками, монахами и буржуа: одни — въ надеждѣ поживиться частью этихъ

земель, другіе же — въ надеждѣ сохранить ихъ для всей общины. Проявленія всего этого были, конечно, безконечно разнообразны, соотвѣтственно разнообразію мѣстныхъ условій въ разныхъ частяхъ Франціи.

И вотъ, этому-то стремленію крестьянъ, вернуть себѣ отнятыя у нихъ общинныя земли, и Учредительное Собраніе, и слѣдующее, т. е. Законодательное Собраніе, и даже Конвентъ, противились вплоть до іюня 1793-го года. Чтобы добиться этого возврата, понадобилось арестовать и казнить короля (21 января 1793) и изгнать изъ Конвента жирондистовъ (31 мая—2 іюня 1793).

Великой Революціи, какъ и всякой другой революціи, требовалось *время* для своего развитія. *Революціи* въ одинъ день не дѣлаются.

XXVIII.

Пріостановка Революціи въ 1790-мъ году.

Мы видѣли, каково было экономическое положеніе крестьянства въ 1790-мъ году. Оно было таково, что если бы возстанія не продолжались, несмотря на всѣ усмиренія, то крестьяне, хотя и освобожденные отъ личной крѣпостной зависимости, остались-бы тѣмъ не менѣе подъ экономическимъ игомъ феодальнаго строя.

Но помимо этого, *политическое* дѣло освобожденія точно также оставалось въ 1790-мъ году совершенно незаконченнымъ. Даже самый исходъ начатаго политическаго освобожденія казался сомнительнымъ.

Оправившись отъ перваго страха, вызваннаго въ 1789 году неожиданнымъ натискомъ народа, Дворъ, дворянство, богатые люди вообще и духовенство объединялись теперь, чтобы организовать дѣло реакціи. И скоро они почувствовали себя настолько сильными и увѣренными въ поддержкѣ, что стали изыскивать средства вполнѣ подавить Революцію и возстановить Дворъ и дворянство во всѣхъ ихъ прежнихъ правахъ.

Всѣ историки упоминаютъ объ этой реакціи, но они не показываютъ всей ея глубины и ширины. Въ сущности, можно сказать, что, начиная съ лѣта 1790 го-

да до лѣта 1792-го, дѣло Революціи пріостановилось. Приходилось даже задавать себѣ вопросъ: „кто побѣдитъ? Революція, или контръ-революція?“ Коромысло вѣсовъ качалось между ними. И только въ виду такого безвыходнаго положенія, революціонные „вожди общественнаго мнѣнія“ рѣшились наконецъ, въ іюнѣ 1792 года, еще разъ обратиться къ народу и призвать его къ возстанію.

Нужно сказать, однако, что если Учредительное, а затѣмъ Законодательное Собраніе противились отмѣнѣ революціоннымъ путемъ феодальныхъ правъ и народной революціи вообще, то они, съ другой стороны, сдѣлали очень много въ смыслѣ уничтоженія стараго порядка, т. е. прочно организованной власти короля и двора, и для обоснованія политическаго господства буржуазіи, овладѣвшей государствомъ. И когда законодатели въ этихъ двухъ Собраніяхъ стали выражать въ формѣ законовъ новую конституцію Третьяго Сословія, они оказались, нужно сознаться, людьми энергичными и понимавшими свое дѣло.

Они съумѣли въ корень подорвать власть дворянства и найти выраженіе правамъ гражданина въ буржуазной конституціи. Они выработали такую организацію департаментовъ*) и общинъ, которая дѣйствительно могла представить изъ себя преграды правительственному сосредоточенію власти (централизаціи); и они постарались, посредствомъ измѣненій въ законѣ о наслѣдствѣ, демократизировать собственность, увеличивая число собственниковъ.

Они навсегда уничтожили политическія различія между „сословіями“: духовенствомъ, дворянствомъ и „третьимъ“ сословіемъ, а для того времени это было дѣло громадное: стоитъ только посмотрѣть, съ какимъ трудомъ даётся это уравненіе сословій въ Германіи,

*) Департаментъ соотвѣтствовалъ русской губерніи. Раньше этого, Франція дѣлилась на историческія провинціи: законъ 18—30 декабря 1789 года раздѣлилъ Францію на 86 департаментовъ.

или въ Россіи. Они уничтожили дворянскіе титулы и существовавшія въ то время безчисленныя привилегіи, и съумѣли найти болѣе справедливыя основанія для распредѣленія налоговъ. Они съумѣли избѣгнуть образованія Верхней Палаты, которая стала бы оплотомъ реакціи. А закономъ объ организаціи департаментовъ, муниципалитетовъ и общинъ (18—30 декабря 1789 года) они необычайно облегчили дѣло Революціи, сильно ослабивши въ провинціи центральную власть и давши городамъ и общинамъ значительную долю мѣстной независимости и самоуправленія.

Наконецъ, они отобрали у Церкви ея богатства, и тѣмъ уничтожили ея силу и превратили членовъ духовенства въ простыхъ чиновниковъ на службѣ у государства. Войско было преобразовано, суды — тоже, причемъ избраніе судей было предоставлено народу. И во всемъ этомъ законодателямъ буржуазіи удалось избѣгнуть слишкомъ большой централизаціи. Словомъ, въ отношеніи *законодательства* мы видимъ здѣсь дѣло умѣлыхъ и энергичныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ извѣстную долю республиканскаго демократизма и *мѣстной независимости*, которую не умѣютъ достаточно оцѣнить передовыя партіи нашего времени, проникнутыя духомъ централизма,—т.е. „единой власти“ и „сосредоточенія власти“ въ рукахъ министерствъ.

И всё-таки, несмотря на всѣ эти законы, ничего еще не было сдѣлано. *Дѣйствительность не соотвѣтствовала теоріи*, потому что — и въ этомъ состоитъ всегда ошибка тѣхъ, кто самъ не достаточно близко знакомъ со способомъ дѣйствія правительственнаго механизма, — *между изданнымъ закономъ и его практическимъ проведеніемъ въ жизнь лежитъ еще цѣлая пропасть.*

Легко сказать: „Имущества духовенства перейдутъ въ руки государства“. Но, *какъ это произойдетъ въ дѣйствительности?* Кто, напримѣръ, явится въ аббатство Сенъ-Бернаръ въ Клерво и велитъ аббату и монахамъ удалиться? Кто выгонитъ ихъ, если они не уйдутъ добровольно? Кто помѣшаетъ имъ вернуться

завтра же, при поддержкѣ всѣхъ богомолокъ сосѣднихъ деревень, и вновь начать отправлять службу въ аббатствѣ? Кто организуетъ раздѣлъ, или хотя бы только продажу ихъ земель? Кто, наконецъ, превратитъ прекрасное зданіе аббатства въ пріютъ для стариковъ, какъ это сдѣлало впослѣдствіи революціонное правительство? — Мы видѣли (гл. XXIV), что если бы парижскія *секціи* не взяли продажу имуществъ духовенства въ свои руки, законъ объ этой продажѣ даже не началъ бы примѣняться на практикѣ.

Въ 1790, 1791 и 1792 годахъ старый порядокъ еще держался очень крѣпко и грозилъ, при первомъ удобномъ случаѣ, вновь возродиться — съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, — точно также какъ во времена Тьера и Макъ-Магона, въ 1871—1878 году, послѣ паденія Наполеона III-го, каждую минуту грозила вновь возродиться наполеоновская Имперія. Духовенство, дворянство, старое чиновничество, а главное — старый духъ, старыя привычки, были тутъ, подъ рукой, готовые поднять голову и запереть въ тюрьму всякаго, кто посмѣлъ опоясаться трехцвѣтнымъ шарфомъ. Они искали только удобнаго случая, и умѣло подготовляли этотъ случай. Къ тому же новыя департаментскія директоріи (губернскія управленія, directoires de département), созданныя Революціею, но состоявшія изъ представителей болѣе зажиточнаго класса, представляли собою готовыя рамки для возстановленія стараго строя. Это были оплоты контръ-революціи.

Учредительное и Законодательное Собранія издали цѣлый рядъ законовъ, ясностью и слогомъ которыхъ восхищаются до сихъ поръ, и тѣмъ не менѣе огромное большинство этихъ законовъ оставалось мертвою буквою. Извѣстно, напримѣръ, что больше двухъ-третей основныхъ законовъ, изданныхъ между 1789 и 1793 годами, никогда даже и не начали проводиться въ жизнь.

Дѣло въ томъ, что издать новый законъ еще мало: почти всегда бываетъ нужно создать еще механизмъ,

приспособленный для исполненія этого новаго законодательства. И если оно хоть сколько-нибудь затрогиваетъ установившіяся привилегіи, то для приложенія его на практикѣ, со всѣми его послѣдствіями, приходится пустить въ ходъ цѣлую революціонную организацію. Къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привели, напримѣръ, всѣ законы о даровомъ и обязательномъ обученіи, изданные Конвентомъ! Они остались мертвою буквою.

Даже теперь, при существующей бюрократической концентраціи и при цѣлой арміи новыхъ чиновниковъ, введенныхъ въ современномъ государствѣ и сведенныхъ къ центру, къ Парижу, — мы видимъ, что для проведенія въ жизнь всякаго новаго закона — какъ бы ничтожно ни было его значеніе — требуются цѣлые годы. Да и то, какъ часто, въ практическомъ приложеніи законъ оказывается совершенно искаженнымъ! Во время-же Великой Революціи этого бюрократическаго, чиновничьяго механизма еще не существовало: чтобы развиться до теперешнихъ размѣровъ, ему потребовалось больше пятидесяти лѣтъ.

Но, при такихъ условіяхъ, — какъ могли бы проводиться въ жизнь законы, издаваемые Собраніемъ, если бы Революція *фактически* не осуществлялась въ каждомъ городѣ, въ каждомъ посёлкѣ, въ каждой изъ тридцати-шести тысячъ общинъ Франціи!

И, не смотря на это, вліятельные революціонеры изъ буржуазіи оказались настолько недальновидными, что они приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ, бѣдняки — единственные, всею душою бросившіеся въ революцію — не имѣли особенно значительной доли участія въ государственныхъ, городскихъ и общинныхъ дѣлахъ, всѣми силами противились тому, чтобы Революція зарождалась и совершалась народомъ на мѣстахъ — въ городахъ и деревняхъ.

Для того, чтобы изъ декретовъ Собранія вышло что-нибудь жизненное, *нуженъ былъ безпорядокъ*. Нужно было, чтобы въ каждомъ маленькомъ мѣстечкѣ энерги-

ческіе люди — патріоты, ненавидящіе старый режимъ, — завладѣли муниципалитетомъ, хотя-бы силой; чтобы они произвели въ мѣстечкѣ революцію; чтобы былъ нарушенъ весь обычный порядокъ жизни; чтобы властямъ перестали повиноваться. Кромѣ того, для того только, чтобы революція *политическая* могла совершиться, революція уже *должна была быть въ значительной мѣрѣ соціальной.*

Нужно было, чтобы крестьяне сами захватили землю и вспахали захваченную землю, не ожидая приказа свыше: такой приказъ, разумѣется, никогда не явился бы. Нужно было, чтобы въ каждой деревнѣ началась новая жизнь. Но безъ безпорядка, безъ большого *соціальнаго* безпорядка, этого произойти не могло.

А законодатели именно этому-то безпорядку и хотѣли воспрепятствовать!...

Они не только лишили народъ участія въ управленіи, передавши, въ силу муниципальнаго закона 18—30 декабря 1789 года, все управленіе въ руки *активныхъ гражданъ* и исключивъ, подъ именемъ *пассивныхъ гражданъ*, бѣдныхъ крестьянъ и почти всѣхъ городскихъ рабочихъ. Они не только передали, такимъ образомъ, всю власть въ провинціи въ руки буржуазіи, но еще усиливали власть этой буржуазіи, чтобы помѣшать бѣднотѣ продолжать свои бунты.

А между тѣмъ, только эти бунты и дали возможность впослѣдствіи, въ 1792 и 1793 годахъ, нанести послѣдній ударъ старому режиму*).

Итакъ, вотъ какую картину представляло собою положеніе дѣлъ.

Крестьяне, начавшіе революцію, отлично понимали, что еще ничего не сдѣлано. Отмѣна *личной* зависимости

*) Читатель съ интересомъ прочтетъ у Олара *(Политическая исторія Французской Революціи.* Москва, 1902, стр. 73—86) тѣ страницы, гдѣ онъ показываетъ, какъ Собраніе старалось помѣшать тому, чтобы власть попала въ руки народа. Замѣчаніе Олара относительно запрещенія, закономъ 14 октября 1790 года, жителямъ общинъ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, чаще чѣмъ разъ въ годъ — для выборовъ, вполнѣ справедливо.

только пробудила ихъ надежды. Теперь нужно было уничтожить тяжелую фактическую экономическую зависимость — навсегда и, конечно, безъ выкупа. Кромѣ того, крестьяне стремились вернуть себѣ свои общинныя земли. Они, прежде всего, хотѣли сохранить за собою то, что было захвачено ими революціоннымъ путемъ въ 1789 мъ году, а для этого нужно было добиться законнаго утвержденія совершившихся фактокъ. То же чего имъ не удалось вернуть себѣ изъ этихъ земель, они хотѣли получить теперь, не подпадая за это подъ кару закона о военномъ положеніи.

Но буржуазія, всѣми силами, сопротивлялась этимъ двумъ народнымъ требованіямъ. Она воспользовалась крестьянскимъ движеніемъ 1789 года для борьбы съ феодализмомъ, для первыхъ нападеній на неограниченную власть короля, дворянства и духовенства. Но, какъ только начатки буржуазной конституціи были проведены Собраніемъ и приняты королемъ (за которымъ, впрочемъ, были оставлены право и возможность нарушать эту конституцію), буржуазія остановилась, испугавшись слишкомъ быстраго развитія революціоннаго духа въ народѣ.

Буржуазія понимала, кромѣ того, что имѣнія помѣщиковъ должны будутъ перейти въ ея руки, и она хотѣла получить эти имѣнія въ цѣлости, со всѣми добавочными доходами, которые представляли собою старыя крѣпостныя повинности, превращенныя теперь въ денежные платежи. Впослѣдствіи, думала буржуазія, видно будетъ, не выгоднѣе ли станетъ уничтожить всѣ остатки этихъ повинностей, — и тогда это будетъ произведено законнымъ образомъ, „методически“, „въ порядкѣ“. А если только допустить безпорядокъ, то кто знаетъ, гдѣ остановится народъ? Вѣдь уже и теперь онъ поговариваетъ о „равенствѣ“, объ „аграрномъ законѣ“, объ „уравненіи состояній“, о томъ, что „фермы не должны превышать пятидесяти десятинъ!“

Что касается городскихъ ремесленниковъ и всего рабочаго городского населенія, то здѣсь происходило то-

же самое что и въ деревнѣ. Учрежденія цеховыхъ мастеровъ и присяжныхъ, изъ которыхъ монархія сдѣлала орудія угнетенія труда, были отмѣнены. Остатки феодальной зависимости, еще существовавшіе въ очень многихъ городахъ, были уничтожены народными возстаніями лѣта 1789 года. Владѣльческіе суды исчезли въ городахъ, и судьи избирались народомъ, изъ среды имущей буржуазіи.

Но все это было, въ сущности, очень немного. Въ промышленности стояла безработица, хлѣбъ продавался по страшно высокимъ цѣнамъ. Рабочая масса готова была терпѣть и ждать, лишь бы только подвигалась работа для установленія Свободы, Равенства и Братства. Но такъ какъ этого не дѣлалось, она начинала терять терпѣніе. Рабочіе стали требовать, чтобы Парижская коммуна, городскія управленія Руана, Нанси, Ліона и т. д. сами взяли на себя закупку съѣстныхъ припасовъ и продавали хлѣбъ по той же цѣнѣ, по которой покупали его. Они требовали, чтобы на хлѣбъ, ссыпанный въ амбары у купцовъ и еще непроданный, была назначена такса, чтобы были изданы законы противъ роскоши, чтобы богатые были обложены обязательнымъ и прогрессивнымъ налогомъ! Вообще, народъ волновался. Но тогда буржуазія, которая съ 1789 года запаслась оружіемъ, въ то время какъ пассивные граждане оставались безоружными, выходила на улицу, развертывала красное знамя (въ знакъ того, что объявлено военное положеніе), давала народу приказъ разойтись — и разстрѣливала бунтовщиковъ въ упоръ. Такъ случилось въ Парижѣ въ іюлѣ 1791 года, такъ было почти повсюду во Франціи.

Революція останавливалась. Королевская власть начинала чувствовать, что возвращается къ жизни. Дворяне-эмигранты, въ Кобленцѣ и въ Митавѣ, потирали себѣ руки*). Богатые поднимали голову и пускались въ отчаянныя спекуляціи.

*) Германія и Россія конечно приняли ихъ съ распростертыми объятіями.

Такимъ образомъ, начиная съ лѣта 1790 года, вплоть до іюня 1792-го, контръ-революція могла считать себя торжествующей.

Вполнѣ естественно, впрочемъ, что революція, настолько глубокая, какъ та, которая совершилась между 1789 и 1793 годами, должна была время отъ времени останавливаться и даже идти назадъ. Старый порядокъ располагалъ громадными силами, и эти силы, послѣ перваго пораженія, непремѣнно должны были вновь сплотиться, чтобы преградить дорогу новому духу времени.

Вотъ почему въ реакціи, наступившей съ первыхъ мѣсяцевъ 1790-го и даже съ декабря 1789-го года, нѣтъ ничего удивительнаго. Но если эта реакція оказалась настолько сильною, что могла продолжаться до іюня 1792 года; если, несмотря на всѣ преступленія Двора, она могла возрости настолько, чтобы въ 1791-мъ году дѣло революціи оказалось вновь подъ сомнѣніемъ — это зависѣло отъ того, что реакція была дѣломъ не одного только дворянства и духовенства, собравшихся вокругъ королевскаго знамени. Сама буржуазія — эта новая сила, создавшаяся благодаря той же Революціи — принесла свою умѣлость въ дѣлахъ, свою любовь къ „порядку“ и собственности, и свою ненависть къ безпорядку народныхъ волненій, на поддержку тѣхъ, кто стремился остановить революцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очень многіе образованные люди,—интеллигенты, пользовавшіеся довѣріемъ народа, отвернулись отъ него, какъ только завидѣли первые проблески истинно *народнаго* возстанія, и поспѣшили стать вновь въ ряды защитниковъ порядка, чтобы обуздать народъ и положить предѣлъ его стремленіямъ къ равенству.

Усилившіеся такимъ образомъ и сплотившіеся противъ народа контръ-революціонные элементы повели дѣло такъ успѣшно, что если бы крестьяне не продолжали волноваться, а городское населеніе не поднялось снова, въ концѣ лѣта 1792 года, то Революція остановилась бы, не успѣвъ сдѣлать ничего прочнаго.

Вообще, положеніе дѣлъ, въ 1790 году, было довольно мрачное. — „Безстыдно установилась настоящая аристократія богатыхъ", писалъ Лусталó, уже 28 ноября 1789 года, въ своей газетѣ „ Révolutions de Paris". — Кто знаетъ, не будетъ ли уже теперь преступленіемъ противъ націи сказать что *нація* имѣетъ верховное право?*)" Между тѣмъ, съ того времени реакція еще болѣе окрѣпла, и росла съ каждымъ днемъ.

Въ своемъ обширномъ трудѣ по политической исторіи Великой Революціи, Оларъ старается показать, какое противодѣйствіе встрѣчала идея республиканской формы правленія среди буржуазіи и интеллигенціи того времени — даже тогда, когда измѣна Двора и монархистовъ дѣлали уже Республику неизбѣжной. И дѣйствительно, тогда какъ въ 1789 году, революціонеры дѣйствовали такъ, какъ будто бы хотѣли совершенно обойтись безъ королевской власти, — немного позднѣе, среди самихъ же революціонеровъ стало обозначаться монархическое движеніе — все ярче и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ упрочивалась конституціонная власть Собранія**). Можно даже сказать, что послѣ 5 и 6 октября 1789 года и послѣ бѣгства короля, въ

*) Оларъ, указанное сочиненіе, стр. 89. Читатель найдетъ у Олара подробный разборъ всего того, что Собраніе сдѣлало въ анти-демократическомъ духѣ.

**) Интересное указаніе на такое настроеніе мы находимъ, между прочимъ, въ письмахъ M-me Jullien: «Итакъ я выздоровѣла — пишетъ она — отъ своей римской лихорадки, которая, впрочемъ, никогда не доводила меня до республиканства, потому что я боялась гражданской войны. Я остаюсь, вмѣстѣ со всевозможными животными, въ священномъ ковчегѣ Конституціи...» «Быть въ Парижѣ спартанкой или римлянкой значитъ быть немножко Гуронкой» (намекъ на «дикаря» Гурона въ романѣ Вольтера). Въ другомъ письмѣ она проситъ своего сына: «Разскажи мнѣ, не превратились ли Якобинцы въ Фёльянтовъ» (Фёльянтскій клубъ былъ клубъ монархистовъ). См. «Journal d'une bourgeoise pendant la Révolution», изд. Эдуардомъ Локруа (Lockroy), Парижъ, 1881, 2-ое изд., стр. 31, 32, 35).

іюнѣ 1791-го, буржуазія и ея духовные вожди все болѣе и болѣе проникались монархическими чувствами, всякій разъ, когда народъ выступалъ, какъ революціонная сила.

Это — фактъ очень важный; причемъ не нужно забывать что самымъ существеннымъ для буржуазіи и ея представителей было, какъ тогда выражались, *сохраненіе имуществъ*. Этотъ вопросъ о *сохраненіи пріобрѣтенной собственности* проходитъ красною нитью черезъ всю Революцію, вплоть до паденія Жирондистовъ*). Можно даже съ увѣренностью сказать, что если Республика такъ пугала буржуазію и даже самыхъ ярыхъ Якобинцевъ (Кордельеры, напротивъ, охотно принимали её), то именно потому, что народъ связывалъ съ понятіемъ о республикѣ *понятіе о равенствѣ;* а это послѣднее выражалось въ идеалѣ *равенства состояній* и *аграрнаго закона*, составлявшихъ боевой кличъ „уравнителей", коммунистовъ, экспропріаторовъ, — „анархистовъ" того времени.

И буржуазія поспѣшила положить предѣлъ Революціи, именно для того, чтобы помѣшать народу нарушить „священный принципъ" собственности. Еще въ октябрѣ 1789 года, Собраніе приняло извѣстный законъ о военномъ положеніи, позволявшій разстрѣливать возставшихъ крестьянъ, какъ только на улицу выступалъ мэръ, или другой городской чиновникъ, съ краснымъ флагомъ; а позднѣе, въ іюлѣ 1791 года, оно воспользовалось имъ, чтобы избивать парижскій народъ. Точно также старалось оно помѣшать прибытію провинціаловъ — людей изъ народа — въ Парижъ, на Праздникъ Федераціи, 14-го іюля 1790 года. Оно приняло, затѣмъ, рядъ мѣръ противъ мѣстныхъ революціонныхъ обществъ, составлявшихъ всю силу народной революціи, — рискуя убить этимъ то самое, что было зародышемъ его собственной власти.

*) Одинъ Маратъ осмѣлился поставить на своей газетѣ слѣдующій эпиграфъ: Ut redeat miseris abeat fortuna superbis (Богатство да оставитъ богатыхъ и перейдетъ къ бѣднымъ). Не даромъ его такъ ненавидѣли буржуазные революціонеры.

Съ самаго начала Революціи, по всей Франціи возникли тысячи политическихъ союзовъ. Тутъ были не только первичныя собранія, или собранія выборщиковъ, о которыхъ мы говорили выше (гл. XXIV), не только многочисленные клубы Якобинцевъ, связанные съ главнымъ ихъ обществомъ въ Парижѣ. Тутъ были, главнымъ образомъ, Секціи, Народныя общества (Sociétés populaires) и Братскія общества (Sociétés fraternelles), возникавшія самостоятельно и часто безъ всякихъ формальностей. Это были тысячи мѣстныхъ комитетовъ и мѣстныхъ властей, почти независимыхъ, становившихся на мѣсто королевской власти и помогавшихъ распространять въ народѣ мысль объ уравнивающей, соціальной Революціи.

Вотъ эти-то тысячи мѣстныхъ центровъ буржуазія ревностно старалась раздавить, парализовать, или по крайней мѣрѣ разстроить, и это настолько удалось ей, что въ городахъ и мѣстечкахъ значительно большей половины Франціи, монархическая, клерикальная и дворянская реакція стала брать верхъ.

Скоро начались судебныя преслѣдованія, и въ январѣ 1790 года Неккеръ добился приказа объ арестѣ Марата, рѣшительно ставшаго на сторону народа, бѣдноты. Изъ опасенія народнаго бунта, для ареста этого трибуна была вызвана пѣхота и кавалерія; его типографскій станокъ былъ сломанъ, а самому ему пришлось, въ самый разгаръ Революціи, бѣжать въ Англію. Вернувшись четыре мѣсяца спустя, онъ вынужденъ былъ все время скрываться, а въ декабрѣ 1791 года, онъ долженъ былъ еще разъ переѣхать на ту сторону Ла-Манша.

Однимъ словомъ, буржуа, защитники собственности, такъ усердно постарались сломить порывъ народнаго движенія, что остановили и самую Революцію. Но, по мѣрѣ того, какъ создавалась власть буржуазіи, возрождалась и власть *короля*.

„Истинная Революція, врагъ распущенности, упрочивается съ каждымъ днемъ“, писалъ монархистъ Мал-

ле-Дю-Панъ (Mallet du Pan) въ іюнѣ 1790 года. И онъ былъ правъ. Три мѣсяца спустя, контръ-революція уже почувствовала себя настолько сильною, что усѣяла трупами улицы города Нанси.

Въ началѣ, революціонный духъ мало коснулся арміи, состоявшей въ то время изъ наемниковъ, — отчасти иностранцевъ: нѣмцевъ и Швейцарцевъ. Но мало по малу онъ сталъ проникать и туда. Этому способствовалъ, между прочимъ, праздникъ Федераціи, къ участію въ которомъ, въ качествѣ гражданъ, были приглашены делегаты отъ солдатъ. И вотъ, въ августѣ 1790 года, произошелъ рядъ волненій среди войска, въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ гарнизонахъ восточныхъ городовъ. Солдаты требовали, чтобы офицеры отдали отчётъ въ суммахъ, проходившихъ черезъ ихъ руки, и возвратили солдатамъ то, что они задержали изъ солдатскихъ денегъ. Суммы такого рода достигали громадныхъ размѣровъ. Въ различныхъ гарнизонахъ онѣ доходили отъ 100,000 ливровъ до 240,000 (въ одномъ полку провинціи Beauce), и даже до двухъ милліоновъ.

Броженіе всё росло; но такъ какъ часть солдатъ, забитыхъ долгою службою, оставалась на сторонѣ офицеровъ, то контръ-революціонеры воспользовались этимъ, чтобы вызвать столкновенія и кровавыя стычки между самими солдатами. Въ Лиллѣ, напримѣръ, четыре полка вступили въ драку между собою — роялисты съ патріотами — и оставили на мѣстѣ пятьдесятъ убитыхъ и раненыхъ.

Очень вѣроятно, что начиная съ конца 1789-го года, когда заговорщическая дѣятельность роялистовъ начала развиваться, особенно среди офицеровъ войскъ, стоявшихъ въ восточной Франціи и находившихся подъ командой Буле, въ планы заговора вошло — воспользоваться первымъ же солдатскимъ бунтомъ, чтобы потопить его въ крови при помощи роялистскихъ полковъ, оставшихся вѣрными своимъ начальникамъ.

Такой случай скоро представился въ городѣ Нанси.

Узнавъ о броженіи среди военныхъ, Національное Собраніе провело 6 августа 1790 года законъ, уменьшавшій численность арміи и запрещавшій солдатамъ устраивать въ полкахъ „ассоціаціи для обсужденія дѣлъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же законъ предписывалъ офицерамъ, немедленно дать денежный отчётъ своимъ полкамъ.

Какъ только вѣсть объ этомъ законѣ получилась въ Нанси — 9 августа — солдаты, особенно швейцарскій полкъ Шатовьё (Chateauvieux, состоявшій главнымъ образомъ изъ уроженцевъ ваадтскаго и женевскаго кантоновъ), потребовали отъ своихъ офицеровъ отчёты. Затѣмъ они захватили кассу полка, приставили къ ней своихъ часовыхъ и обратились къ начальству съ угрожающими заявленіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они послали восемь человѣкъ делегатовъ въ Парижъ, чтобы изложить дѣло передъ Національнымъ Собраніемъ. Подозрительныя движенія австрійскихъ войскъ, происходившія на границѣ, усиливали броженіе.

Въ это время Собраніе, обманутое ложными свѣдѣніями изъ Нанси, а также подъ вліяніемъ командира національной гвардіи Лафайета, которому буржуазія вполнѣ довѣряла, издала — 16-го августа — декретъ, въ которомъ солдаты города Нанси осуждались за нарушеніе дисциплины, а гарнизонамъ и національной гвардіи, стоявшимъ въ департаментѣ Мёртъ предписывалось „усмирить возставшихъ". Делегаты недовольныхъ солдатъ были арестованы, а Лафайетъ издалъ съ своей стороны, циркуляръ, приглашавшій національную гвардію сосѣднихъ съ Нанси мѣстностей выступить противъ возставшаго гарнизона.

Между тѣмъ, въ самомъ Нанси дѣло, повидимому, улаживалось мирно. Большинство возставшихъ даже подписало „актъ раскаянія". Но роялистамъ это было, очевидно, не съ руки*).

*) См. «Grands détails par pièces authentiques de l'affaire de Nancy», Парижъ, 1790; «Détail très exact des ravages commis...

28 августа, Булье вышелъ изъ Меца во главѣ трехъ тысячъ вѣрныхъ солдатъ, съ твердымъ намѣреніемъ нанести возставшимъ въ Нанси желанный рѣшительный ударъ.

Двойственное поведеніе департаментской директоріи и муниципалитета города Нанси помогло ему осуществить свой планъ, и въ то время, когда всё еще могло уладиться мирно, Булье поставилъ гарнизону невозможныя условія и вступилъ съ нимъ въ бой. Солдаты Булье произвели въ Нанси страшную бойню; они убивали не только возставшихъ, но и мирныхъ гражданъ города и грабили дома.

Три тысячи труповъ на улицахъ таковъ былъ результатъ этой битвы, за которой послѣдовали „законныя преслѣдованія“. Тридцать-два солдаты были приговорены къ казни и колесованы; сорокъ-одинъ были отправлены въ каторжныя работы.

Король поспѣшилъ одобрить „хорошее поведеніе г-на Булье“ въ особомъ письмѣ; Національное Собраніе послало благодарность убійцамъ, а парижскій муниципалитетъ устроилъ похоронное торжество въ честь убитыхъ въ сраженіи *побѣдителей*. Никто не осмѣлился протестовать. Робеспьеръ молчалъ, подобно другимъ. Такъ оканчивался 1790-й годъ. Реакція, съ оружіемъ въ рукахъ, брала верхъ.

à Nancy», Парижъ, 1790; «Relation exacte de ce qui s'est passé à Nancy le 31 Août 1790»; «Le sens commun du bonhomme Richard sur l'affaire de Nancy», Филадельфія (?), годъ второй французской свободы; и другія брошюры изъ богатой коллекціи британскаго музея, томы 7, 326, 327, 328, 962.

XXIX.

Бѣгство короля. — Реакція. — Конецъ Учредительнаго Собранія.

Великая Революція полна самыхъ трагическихъ событій. Взятіе Бастиліи, походъ женщинъ на Версаль, осада Тюльери и казнь короля прогремѣли по всему міру. Мы съ дѣтства помнимъ дни этихъ событій. Но рядомъ съ этими великими днями, были и другіе дни, не менѣе важные по своимъ послѣдствіямъ. Объ нихъ часто забываютъ, но они имѣли, по нашему мнѣнію, еще большее значеніе для выраженія духа Революціи въ извѣстный моментъ и для опредѣленія ея дальнѣйшаго пути.

Такъ, для сверженія монархіи самымъ важнымъ моментомъ Революціи, лучше всего выразившимъ первый ея періодъ и придавшимъ всему послѣдующему ходу событій извѣстный народный характеръ, является 21-е іюня 1791 года — та памятная ночь, когда неизвѣстные люди изъ народа задержали въ Вареннѣ короля и его семью, какъ разъ въ то время, когда они уже были готовы переѣхать границу и броситься въ объятія иностранныхъ армій. Съ этой ночи начинается быстрое паденіе монархіи. Съ этой минуты народъ выступаетъ на сцену и оттѣсняетъ на задній планъ политическихъ вожаковъ.

Самое это событіе хорошо извѣстно. Чтобы дать королю возможность убѣжать изъ Парижа за-границу, и стать тамъ во главѣ эмигрантовъ и нѣмецкихъ войскъ, былъ устроенъ цѣлый заговоръ. Планъ его составлялся при Дворѣ еще въ сентябрѣ 1789 года и, повидимому, Лафайетъ зналъ о немъ*).

Что роялисты видѣли въ этомъ бѣгствѣ средство избавить короля отъ опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ подавить Революцію, — это вполнѣ понятно. Но этому плану способствовали и революціонеры изъ буржуазіи. Они думали, что разъ Бурбоны уѣдутъ изъ Франціи, можно будетъ посадить на престолъ Филиппа Орлеанскаго и получить отъ него буржуазную конституцію, не прибѣгая къ помощи — всегда опасной для нихъ — народныхъ бунтовъ

Народъ разстроилъ этотъ планъ.

„Неизвѣстный“ человѣкъ, почто-содержатель Друэ (Drouet), узнаётъ короля въ одной деревнѣ, на пути къ границѣ. Но королевская карета уже мчится дальше. Тогда Друэ и его пріятель Гильомъ, верхами, пускаются во весь духъ за ней. Они знаютъ, что по лѣсамъ вдоль дороги рыщутъ гусары, которые выѣхали встрѣтить королевскій экипажъ въ Понъ-де-Соммъ-Вэль, но, не дожидавшись его и испугавшись враждебнаго отношенія народа, скрывались въ лѣсу. Друэ и Гильому удаётся однако, пробираясь по извѣстнымъ имъ тропинкамъ, избѣгнуть гусарскихъ патрулей; но карету короля они догоняютъ уже только въ Вареннѣ, гдѣ она задержалась вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства. Въ условленномъ мѣстѣ, въ Верхнемъ Городѣ, по сю сторону рѣки, не оказалось ни подставныхъ лошадей, ни конвоя гусаровъ. Тогда, Друэ, пользуясь остановкою кареты, заѣзжаетъ окольною улицею впе-

*) См. письмо графа д'Эстенъ (d'Estaing), къ королевѣ, черновое котораго было найдено впослѣдствіи и напечатано въ «Histoire de la Révolution de France», par Deux Amis de la Liberté, 1792, т. III, стр. 101—104. А также у Луи Блана, т. III, изд. 1852 г., стр. 175—176.

редъ, и едва успѣваетъ забѣжать къ одному пріятелю, кабатчику. „*Хорошій ты патріотъ?*“ — *Еще бы!* — „*Такъ бѣжимъ, задержать короля!*“

Прежде всего, они, не поднимая шума, загораживаютъ путь тяжелой королевской каретѣ, поставивъ поперегъ дороги, на мосту черезъ Эру (Aire), случайно оказавшуюся тамъ телѣгу съ мебелью. Затѣмъ, въ сопровожденіи четырехъ или пяти гражданъ, вооруженныхъ ружьями, они задерживаютъ бѣглецовъ, въ тотъ самый моментъ, когда экипажъ, спускаясь изъ Верхняго Города къ мосту, ведущему черезъ Эру, въѣзжалъ подъ сводъ церкви Сенъ-Жансу, подъ которымъ проходила главная улица*).

Друэ и его товарищи заставили тогда путешественниковъ, несмотря на ихъ протесты, выйти изъ экипажа, и въ ожиданіи, пока чиновники муниципалитета соберутся для провѣрки паспорта, короля и его семью ввели въ комнату, при бакалейной лавкѣ

*) Изъ брошюры, имѣющейся въ коллекціи революціонныхъ брошюръ въ Британскомъ музеѣ („Rapport sommaire et exact de l'arrestation du roi à Varennes près Clermont, par Bayon, Commandant du 7-e bataillon de la 2-de division“—брошюра въ 7 стр., безъ обозначенія мѣста и года изданія, но несомнѣнно того времени; въ каталогѣ Музея она записана подъ помѣткою F. 893 (13)), оказывается возможнымъ, что у Друэ были сначала только подозрѣнія насчётъ путешественниковъ; и что ихъ подтвердилъ, въ Сенъ Менегу, или, вѣрнѣе, уже въ Вареннѣ, посланный Байона. Байонъ былъ одинъ изъ добровольцевъ, посланныхъ изъ Парижа Лафайетомъ, утромъ 21 іюня, въ погоню за королемъ. Доскакавши до Saintrix (или Chantrix), не доѣзжая до Шалона (около 140 верстъ отъ Парижа), онъ вѣроятно былъ уже больше не въ силахъ скакать дальше и послалъ—своего сына, говоритъ онъ, (но откуда взялся этотъ сынъ въ Шантри?) — или, по другимъ источникамъ, Жана Ланьи, сына почтосодержателя въ Шантри, Ж.-Б. Ланьи, — съ письменнымъ приказомъ остановить карету короля. — Возможно также, что Людовика XVI-го уже узналъ въ Шантри Габріель Валле — молодой человѣкъ, недавно женившійся на одной изъ дочерей Ж.-Б. Ланьи и побывавшій въ Парижѣ, во время праздника Федераціи. Этотъ Валле ѣхалъ форейторомъ королевскаго экипажа, до Шалона, и тамъ разсказалъ секретъ.

Соса. Тамъ, короля уже окончательно призналъ одинъ жившій въ Варенне бывшій судья, и королю пришлось отказаться отъ своей роли слуги при „госпожѣ Корфъ“ (подъ этимъ паспортомъ, добытымъ черезъ русскаго посла, ѣхала Марія Антуанета).

Со свойственной ему изворотливостью, Людовикъ XVI началъ тогда же ссылаться, въ оправданіе своего бѣгства, на то, что его семьѣ грозила въ Парижѣ опасность со стороны герцога Орлеанскаго.

Но народъ не поддался обману. Онъ сразу понялъ планы и измѣну короля. Въ Варенне забили въ набатъ, и звуки колоколовъ разнеслись среди ночи изъ Варенна по окрестнымъ деревнямъ. На ихъ призывъ стали сбѣгаться отовсюду крестьяне, вооруженные вилами и дубинами. Они и сторожили короля, въ ожиданіи разсвѣта. У дверей лавки, часовыми стояли два крестьянина съ вилами.

Тысячами стекались крестьяне, всю ночь и всѣ слѣдующіе дни на дорогу, между Варенномъ и Парижемъ, мѣшая передвиженію гусаровъ и драгунъ Булье, на которыхъ король разсчитывалъ для своего бѣгства. Въ Сентъ-Менегу забили набатъ уже тотчасъ послѣ отъѣзда королевской кареты; тоже самое было и въ Клермонѣ. Въ Сентъ-Менегу народъ даже обезоружилъ драгунъ, явившихся чтобы сопровождать короля, и теперь братался съ ними. Въ Варенне, шестьдесятъ нѣмецкихъ гусаровъ, прибывшихъ туда 21-го, чтобы охранять короля до его встрѣчи съ Булье, и стоявшихъ въ Нижнемъ городѣ, по ту стороны Эры, подъ командой подпоручика Рорига, почему-то не показывались. Ихъ офицеръ даже исчезъ, и объ немъ никогда больше ничего не узнали. Что-же касается солдатъ-гусаровъ, то они цѣлый день пили съ жителями (которые не обижали ихъ, а наоборотъ, старались братскимъ отношеніемъ привлечь на свою сторону), и теперь, ночью, они не проявили къ королю никакого участія. Нѣкоторые изъ нихъ пили съ народомъ и кричали: *Да здравствуетъ нація!* Тѣмъ временемъ, все городское

населеніе, поднятое на ноги набатомъ, сбѣгалось къ лавкѣ Соса.

Всѣ пути къ Варенну были немедленно забарикадированы, чтобы помѣшать уланамъ Булье войти въ городъ. А съ разсвѣтомъ въ толпѣ начали раздаваться крики: *Въ Парижъ! Въ Парижъ!*

Крики еще болѣе усилились, когда около десяти часовъ утра прискакали два комисара, посланные, одинъ — Собраніемъ, а другой — Лафайетомъ, чтобы задержать короля и его семью. *Пусть они ѣдутъ! Пусть непремѣнно ѣдутъ! Мы силою ставимъ ихъ въ экипажъ!* въ ярости кричали крестьяне, которые отлично понимали, что Людовикъ XVI старается только выиграть время до прибытія улановъ Булье. Тогда, уничтоживъ предварительно компрометирующія бумаги, которыя онъ увозилъ съ собою, король и его семья рѣшили, наконецъ, что имъ ничего не остаётся, какъ подчиниться толпѣ и отправиться въ путь.

Народъ вёзъ ихъ плѣнниками въ Парижъ. Королевская власть погибала — и погибала съ позоромъ.

14-го іюля 1789 года королевская власть потеряла свой оплотъ, свою крѣпость; но за ней оставалась ея нравственная сила, ея обаяніе. Три мѣсяца спустя, 6-го октября, король сдѣлался заложникомъ Революціи; обаяніе пострадало, но монархическій принципъ продолжалъ еще жить. Король, вокругъ котораго группировались имущіе классы, еще обладалъ громадною силою. Даже Якобинцы не рѣшались нападать на него.

Но въ эту ночь, которую король, переодѣтый лакеемъ, провелъ подъ стражей крестьянъ въ лавкѣ деревенскаго лавочника, въ обществѣ „патріотовъ“, при свѣтѣ сальной свѣчки, вставленной въ фонарь, — въ эту ночь, когда кругомъ били въ набатъ, чтобы помѣшать королю передаться иноземцамъ и измѣнить своему народу, когда крестьяне сбѣжались, чтобы вернуть его плѣнникомъ въ руки парижскаго народа, — въ эту ночь королевская власть рушилась на вѣки. Король, бывшій когда-то символомъ національнаго единства,

терялъ теперь всякое значеніе, становясь символомъ международнаго объединенія тирановъ — противъ народовъ. Это паденіе отразилось даже на всѣхъ тронахъ Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ выступалъ на сцену, чтобы толкать впередъ политическихъ вожаковъ. Друэ, дѣйствующій по собственной иниціативѣ и разрушающій всѣ планы политическихъ мудрецовъ — этотъ крестьянинъ, по собственному вдохновенію пускающій вскачь свою лошадь по горамъ и доламъ, въ погоню за королемъ, это — символъ самого народа, который съ этой минуты, во всѣ критическіе моменты Революціи будетъ брать дѣло освобожденія въ свои руки и руководить политиками.

Вторженіе народа въ Тюильри 20-го іюня 1792 года, нападеніе парижскихъ предмѣстій на Тюильри 10 августа 1792 года, низверженіе короля и все послѣдующее — всѣ эти великія событія теперь будутъ вытекать одно изъ другого, съ исторической неизбѣжностью.

Планъ короля, когда онъ рѣшился бѣжать, состоялъ въ томъ, чтобы стать во главѣ войска, находившагося подъ начальствомъ Буле и, при поддержкѣ нѣмецкой арміи, идти на Парижъ. Что думали дѣлать роялисты, когда столица будетъ завоевана ими, это теперь извѣстно въ точности. Всѣ „патріоты“ были бы арестованы: списки для этого были уже заготовлены. Одни изъ патріотовъ были-бы казнены, другіе — сосланы или посажены въ тюрьму. Затѣмъ были бы отмѣнены всѣ декреты, изданные Собраніемъ для установленія Конституціи или противъ духовенства; возстановленъ былъ-бы старый порядокъ, съ его сословіями и классами, и вновь введены были-бы, при помощи вооруженной силы и казней, десятина для духовенства, феодальныя повинности для помѣщиковъ, право охоты и вообще всѣ феодальныя права стараго времени.

Таковъ былъ планъ роялистовъ, и они даже не скрывали его. — „Погодите, господа патріоты“, говорили они повсюду, „скоро вы поплатитесь за всѣ ваши преступленія“.

Народъ, какъ мы видѣли, разрушилъ этотъ планъ. Король, задержанный въ Варенпѣ, былъ привезенъ въ Парижъ и отданъ подъ надзоръ патріотовъ изъ парижскихъ предмѣстій.

Казалось-бы, что теперь Революція должна была двинуться вновь исполинскими шагами по пути своего неизбѣжнаго развитія. Разъ измѣна короля доказана, что-же оставалось, какъ не объявить его низложеннымъ, уничтожить старыя феодальныя учрежденія и ввести демократическую республику?

Но ничего этого не произошло. Напротивъ того, черезъ мѣсяцъ послѣ Варенпскаго бѣгства, восторжествовала реакція, и буржуазія поспѣшила вновь выдать королевской власти отпускную ея преступленій и свидѣтельство о неприкосновенности.

Народъ сразу понялъ истинное положеніе дѣлъ. Онъ понялъ, что оставить короля на престолѣ, какъ ни въ чемъ не бывало — совершенно невозможно. Водворенный снова во дворцѣ, онъ опять примется за заговоры и еще болѣе усердно поведетъ тайные переговоры съ Австріею и Пруссіею. Разъ ему невозможно выѣхать изъ Франціи, онъ усерднѣе прежняго будетъ стараться ускорить иностранное нашествіе. Это было совершенно ясно, тѣмъ болѣе, что король ничему не научился изъ опыта, пережитаго имъ. Онъ продолжалъ отказывать въ своей подписи декретамъ, направленнымъ противъ духовенства и помѣщичьихъ правъ. Низложить его теперь-же, становилось, слѣдовательно, необходимостью.

Народъ, въ Парижѣ, и въ значительной мѣрѣ въ провинціяхъ, такъ и понялъ дѣло. Въ Парижѣ, на другой-же день послѣ 21 іюня, принялись уничтожать бюсты Людовика XVI и стирать королевскія надписи. Толпа наводнила Тюильри; на открытомъ воздухѣ прямо говорили противъ королевской власти, требовали низложенія короля. Когда герцогъ Орлеанскій вздумалъ проѣхаться по Парижу съ улыбкой на устахъ, въ надеждѣ выловить себѣ корону, отъ него холодно

отвернулись: народъ больше не хотѣлъ никакого короля. Кордельеры открыто требовали въ своемъ клубѣ республики и подписали адресъ, въ которомъ единогласно объявляли себя врагами королей, „тираноубійцами“. Городское управленіе Парижа сдѣлало заявленіе въ томъ же смыслѣ. Парижскія секціи объявили себя въ непрерывномъ засѣданіи; люди въ шерстяныхъ колпакахъ и съ пиками вновь появились на улицахъ; чувствовался канунъ новаго 14-го іюля. И народъ, дѣйствительно, готовъ былъ вступить въ дѣйствіе, чтобы окончательно свергнуть королевскую власть.

Подъ вліяніемъ толчка, даннаго народнымъ движеніемъ, Національное Собраніе тоже дѣйствовало рѣшительнѣе. Оно стало поступать такъ, какъ будто короля больше не было. Развѣ бѣгство короля не было уже актомъ отреченія? Собраніе взяло въ свои руки исполнительную власть; оно отдавало приказанія министрамъ, вело дипломатическія сношенія. Втеченіе приблизительно двухъ недѣль Франція жила безъ короля.

Но вдругъ буржуазія мѣняетъ фронтъ, отрекается отъ того, что она дѣлала до сихъ поръ и становится въ открытую вражду къ республиканскому движенію. Въ томъ-же направленіи внезапно мѣняется и поведеніе Собранія. Въ то время, какъ всѣ „народныя“ и „братскія“ Общества, развившіяся по всей Франціи со времени Революціи, требуютъ низложенія короля, клубъ Якобинцевъ, состоящій изъ буржуазныхъ государственниковъ, отвергаетъ въ принципѣ республику и высказывается за сохраненіе конституціонной монархіи. „Слово *республика* пугаетъ гордыхъ Якобинцевъ“, говоритъ Реаль на трибунѣ въ ихъ клубѣ. Самые крайніе изъ нихъ, въ томъ числѣ Робеспьеръ, боятся зайти слишкомъ далеко: они не рѣшаются высказаться за низверженіе короля, и когда ихъ называютъ республиканцами, говорятъ, что на нихъ клевещутъ.

Учредительное Собраніе, такъ рѣшительно настроенное 22-го іюня, вдругъ беретъ всё обратно, и 15-го іюля поспѣшно выпускаетъ декретъ, въ которомъ ста-

рается оправдать короля, и выступаетъ противъ его низложенія — противъ республики. Требовать республики становится теперь преступнымъ.

Что-же такое произошло за эти двадцать дней? Что заставило революціонныхъ вожаковъ буржуазіи такъ внезапно перемѣнить фронтъ? Что убѣдило ихъ въ необходимости удержать Людовика XVI-го на престолѣ? Не выразилъ-ли онъ раскаянія? Не далъ-ли онъ какихъ-нибудь гарантій въ томъ, что подчинится конституціи? — Ничего подобнаго не было!

Все дѣло въ томъ, что вожаки буржуазіи вновь увидѣли призракъ, ужаснувшій ихъ 14-го іюля и 6-го октября 1789 года: *призракъ народнаго возстанія*. Какъ въ 1789-мъ году, люди съ пиками опять, было, вышли на улицу, и провинціи, повидимому, были близки къ возстанію. Уже одинъ видъ тысячъ крестьянъ, сбѣжавшихся при звонѣ набата на дорогу, провожать короля въ Парижъ, нагналъ страхъ на имущіе классы. А теперь, парижскій народъ поднимался, вооружался и настаивалъ на продолженіи революціи. Онъ требовалъ республики, отмѣны феодальныхъ правъ, равенства на дѣлѣ. „Аграрный законъ", такса на хлѣбъ, налоги на богатыхъ близки были къ осуществленію!

„Нѣтъ, лучше король-измѣнникъ, лучше иностранное нашествіе, чѣмъ успѣхъ народной Революціи!" рѣшили богатые.

Вотъ почему Собраніе поспѣшило положить конецъ республиканской агитаціи, наскоро издавъ, 15-го іюля, декретъ, выгораживающій короля, возвращающій ему тронъ и объявляющій преступникомъ всякаго, кто будетъ стремиться къ тому, чтобы Революція продолжала свое шествіе.

Послѣ чего, Якобинцы — эти, якобы, вожаки Революціи, — поколебавшись одинъ день, отдѣлились отъ республиканцевъ, которые предлагали устроить 17-го іюля на Марсовомъ Полѣ грозную народную демонстрацію противъ монархіи. Тогда, увѣренная въ своей силѣ, контръ-революціонная буржуазія собрала свою

буржуазную національную гвардію, подъ начальствомъ Лафайета, направила ее противъ безоружнаго народа, собравшагося на Марсовомъ Полѣ вокругъ „алтаря отечества“, гдѣ подписывалась республиканская петиція, заставила выкинуть красное знамя, т. е. объявить военное положеніе, и устроила избіеніе народа, республиканцевъ.

Съ этого момента начался періодъ открытой реакціи, проявлявшейся все рѣзче и рѣзче, вплоть до весны 1792-го года.

Республиканцы, подписавшіе на Марсовомъ Полѣ петицію о низложеніи короля, конечно подверглись преслѣдованіямъ. Дантону пришлось на время уѣхать въ Англію (въ августѣ 1791 года). Роберъ (искренній республиканецъ, редакторъ „Révolutions de Paris“), Фреронъ, а въ особенности Маратъ принуждены были скрываться.

Воспользовавшись моментомъ паники, буржуазія поспѣшила еще больше ограничить избирательныя права народа. Собраніе постановило, что для полученія права быть выборщикомъ, нужно было, кромѣ платежа прямыхъ налоговъ въ размѣрѣ десяти рабочихъ дней, еще владѣть, въ собственность или въ пользованіе, недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ въ 150—200 рабочихъ дней, или же держать въ арендѣ участокъ земли, стоимостью въ 400 рабочихъ дней. Крестьяне, такимъ образомъ, оказались совершенно лишенными политическихъ правъ.

Послѣ 17-го іюля стало опаснымъ называться, или даже считаться республиканцемъ, и скоро революціонеры стали называть „развращенными людьми“, „которымъ нечего терять и которые могутъ только выиграть отъ безпорядка и анархіи“, всѣхъ тѣхъ, кто требовалъ низложенія короля и провозглашенія республики.

Мало по малу буржуазія становилась все смѣлѣе и смѣлѣе; и когда, 14-го сентября 1791 года, король явился въ Собраніе, чтобы торжественно принять Кон-

ституцію и присягнуть ей (въ тотъ же самый день онъ измѣнилъ ей), его встрѣтили явно-роялистскою демонстраціею, а парижская буржуазія устроила ему и королевѣ восторженную встрѣчу.

Двѣ недѣли спустя, Учредительное Собраніе закончило свое существованіе, и это послужило конституціоналистамъ новымъ поводомъ для выраженія своихъ монархическихъ чувствъ по отношенію къ Людовику XVI-му. Управленіе страною переходило теперь въ руки Законодательнаго Собранія (Assemblée Législative), избраннаго на основаніи ограниченнаго избирательнаго права и несомнѣнно еще болѣе буржуазнаго, чѣмъ Учредительное Собраніе.

А реакція все усиливалась! Къ концу 1791-го года, лучшіе революціонеры стали совершенно отчаяваться въ Революціи. Маратъ считалъ её погибшей. „Революція не удалась", писалъ онъ въ своей газетѣ, „Другъ Народа". Онъ настаивалъ, чтобы революціонеры обратились къ народу, но никто его не слушалъ. „Стѣны Бастиліи разрушила вѣдь кучка бѣдняковъ", писалъ онъ въ своей газетѣ 21-го іюля. „Пусть обратятся къ нимъ — и они снова проявятъ себя такъ же, какъ и въ первые дни; они готовы, теперь, какъ и тогда, бороться съ тиранами. *Но тогда они могли дѣйствовать свободно, а теперь — они связаны*". Связаны вожаками. „Патріоты не смѣютъ болѣе показаться на улицу", пишетъ тотъ же Маратъ 15 октября 1791 года, „а враги свободы наполняютъ трибуны Сената (т. е. Учредительнаго Собранія) и находятся повсюду".

Вотъ во что обращалась Революція, по мѣрѣ того, какъ буржуазія и ея вожаки одерживали верхъ.

Тѣ-же слова отчаянія повторялъ Камиллъ Дэмуленъ въ Якобинскомъ клубѣ, 24-го октября 1791 года. „Реакціонеры, говорилъ онъ, обратили въ свою пользу іюльскія и августовскія движенія 1789-го года. Придворные фавориты, чтобы обмануть народъ, говорятъ теперь о народномъ верховенствѣ, о правахъ человѣка,

о равенствѣ всѣхъ гражданъ, и наряжаются въ мундиры національной гвардіи, чтобы получить, или даже купить, мѣста офицеровъ этой гвардіи. Вокругъ нихъ собрались тѣ, кто поддерживаетъ тронъ. Демоны аристократіи проявили адскую ловкость".

Прюдо́мъ открыто говорилъ, что *націи измѣняютъ ея представители, а войску — его начальники.*

Но Прюдо́мъ и Дэмуленъ всё-таки могли еще показываться Такому-же народному революціонеру, какъ Маратъ, приходилось скрываться по подваламъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда не зная даже, гдѣ найти пріютъ для ночлега. Вѣрно было сказано о немъ, что онъ защищалъ народное дѣло, держа голову на плахѣ. Дантонъ едва избѣгнулъ ареста, уѣхавъ на время въ Лондонъ.

Сама королева, въ перепискѣ со своимъ другомъ Ферзеномъ, черезъ котораго она подготовляла иностранное нашествіе и вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ столицу, сама королева отмѣчала „замѣтную перемѣну въ Парижѣ". Народъ не читаетъ больше газетъ. „Ихъ занимаетъ только дороговизна хлѣба и декреты", писала она своему дружку 31 октября 1791 года.

Дороговизна хлѣба—и декреты! Хлѣбъ, необходимый для того, чтобы жить и продолжать Революцію: его не хватало уже съ октября! И декреты, направленные противъ священниковъ и эмигрантовъ, которые король отказывался утверждать! Стало быть, духъ революціи еще былъ живъ въ народѣ.

Но измѣна была повсюду, и теперь уже извѣстно, что въ это самое время, т. е. въ концѣ 1791 года, Дюмурье — жирондистскій генералъ, командовавшій войсками на востокѣ Франціи — уже былъ въ заговорѣ съ королемъ. Онъ посылалъ ему тайный мемуаръ о средствахъ остановить революцію! Этотъ мемуаръ былъ найденъ послѣ взятія Тюильри, въ желѣзномъ шкафу Людовика XVI-го.

XXX.

Законодательное Собраніе. — Реакція 1791-1792 годовъ.

Новое Національное Собраніе, избранное одними активными гражданами и принявшее названіе Національнаго Законодательнаго Собранія (Assemblée Nationale Législative), открылось 1 октября 1791 года, и съ самаго же начала король, ободренной дружественными демонстраціями толпившейся вокругъ него буржуазіи, принялъ по отношенію къ новому Собранію высокомѣрный тонъ. Также въ первыхъ засѣданіяхъ Генеральныхъ Штатовъ, начались со стороны Двора, мелкіе уколы, встрѣчавшіе лишь слабое сопротивленіе со стороны народныхъ представителей. И несмотря на это, когда король явился въ Собраніе, оно встрѣтило его униженными знаками почтенія и проявило самый восторженный энтузіазмъ. Людовикъ XVI говорилъ о постоянной гармоніи и ненарушимомъ довѣріи между Законодательнымъ Собраніемъ и королемъ. — „Пусть любовь къ отечеству объединитъ насъ, а общая польза сдѣлаетъ неразлучными“, говорилъ король — и въ это же самое время подготовлялъ иностранное нашествіе, долженствовавшее укротить конституціоналистовъ и возстановить отдѣльное представительство трехъ сословій и всѣ привилегіи дворянства и духовенства.

Вообще, начиная съ октября 1791-го года — въ сущности даже съ бѣгства короля и его ареста въ Варенне 21-го іюня — страхъ иностраннаго нашествія охватилъ умы и сталъ главнымъ предметомъ общихъ заботъ. Въ Законодательномъ Собраніи была правая сторона — Фёльяны, или конституціонные монархисты, и лѣвая — партія Жиронды, составлявшаяся промежуточное звено между полу-конституціонною и полу-республиканскою буржуазіею*). Но ни тѣ ни другіе не занимались великими задачами, завѣщанными имъ Учредительнымъ Собраніемъ. Ни установленіе Республики, ни уничтоженіе феодальныхъ правъ не интересовало Законодательное Собраніе. Даже Якобинцы, даже Кордельеры точно сговорились не поднимать больше вопроса о Республикѣ. Страсти революціонеровъ и контръ-революціонеровъ разгорались и сталкивались только на самыхъ второстепенныхъ вопросахъ, вродѣ того, кому быть мэромъ Парижа.

Главную заботу теперь составляли вопросъ о духовенствѣ и вопросъ объ эмигрантахъ. Они заслонили собою всѣ остальные, отчасти вслѣдствіе попытокъ контръ-революціонныхъ возстаній, организованныхъ духовенствомъ и эмигрантами, а также и потому, что эти вопросы были тѣсно связаны съ войной, близость которой чувствовалась всѣми.

Самый младшій изъ братьевъ короля, графъ д'Артуа, эмигрировалъ, какъ мы видѣли, еще 15-го іюля 1789 года. Другой братъ его, графъ Прованскій, бѣжалъ одновременно съ Людовикомъ XVI-мъ и добрался до Брюсселя. И тотъ и другой протестовали противъ принятія королемъ Конституціи. Онъ не можетъ, говорили они, уступать правъ старой монархіи, а потому его актъ не дѣйствителенъ. Ихъ протестъ былъ широко распространенъ роялистскими агентами по всей Франціи и произвелъ большое впечатлѣніе.

*) Она такъ называлась по имени провинціи, Жиронды, изъ которой происходили главные члены этой партіи.

Дворяне массами покидали свои полки, или зáмки, и эмигрировали, а остававшимся дома роялистамъ эмигранты грозили „разжалованіемъ въ буржуа“ послѣ побѣды дворянства. Эмигранты, собравшіеся въ Кобленцѣ, въ Вормсѣ и въ Брюсселѣ, открыто подготовляли контръ-революцію, которая должна была быть поддержана вторженіемъ иностранныхъ войскъ. Такимъ образомъ становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что король ведетъ двойную игру: всѣмъ было ясно, что все, что дѣлается среди эмиграціи, дѣлается съ его согласія.

30-го октября 1791 года Законодательное Собраніе рѣшилось, наконецъ, принять мѣры противъ второго брата короля, Людовика-Станисласа-Ксавье, герцога Прованскаго, которому Людовикъ XVI вручилъ въ моментъ своего бѣгства декретъ, назначающій его регентомъ, въ случаѣ если самъ онъ будетъ арестованъ. Теперь Собраніе требовало отъ герцога Прованскаго, чтобы онъ вернулся во Францію не позже двухъ мѣсяцевъ, подъ угрозою потери своихъ правъ на регентство. Черезъ нѣсколько дней (9 ноября) Собраніе послало также всѣмъ эмигрантамъ приказъ вернуться раньше конца года; иначе съ ними поступятъ, какъ съ заговорщиками: сами они будутъ осуждены заочно, а ихъ имущества конфискованы въ пользу націи, — „не нарушая, впрочемъ, правъ ихъ женъ, дѣтей и законныхъ кредиторовъ“.

Король утвердилъ декретъ относительно своего брата, но наложилъ свое *вето* на второй декретъ, касавшійся эмигрантовъ. То же случилось и съ декретомъ, которымъ предписывалось священникамъ принести присягу Конституціи, причемъ, въ противномъ случаѣ, грозили арестовать ихъ, какъ подозрительныхъ лицъ, если въ тѣхъ общинахъ, гдѣ они исправляютъ свою должность произойдутъ какіе-нибудь религіозные безпорядки. На этотъ декретъ король также наложилъ свое вето.

Самымъ важнымъ актомъ Законодательнаго Собранія было объявленіе войны Австріи. Австрія открыто го-

товилась къ войнѣ, чтобы вернуть Людовику XVI-му всѣ права, которыми онъ пользовался до 1789 года. Король и Марія-Антуанета побуждали къ ней австрійскаго императора; а послѣ неудачной попытки къ бѣгству стали торопить его всё настойчивѣе. Очень возможно, впрочемъ, что приготовленія Австріи затянулись бы еще надолго, — можетъ быть, до весны, — если бы войну не постарались, съ другой стороны, вызвать Жирондисты.

Несогласія въ министерствѣ, гдѣ одинъ членъ, Бертранъ-де-Мольвиль, былъ рѣшительнымъ противникомъ конституціоннаго строя, а другой, Нарбоннъ, хотѣлъ сдѣлать изъ Конституціи опору трона, скоро привели къ паденію этихъ министровъ. Тогда, въ мартѣ 1792-го года, Людовикъ XVI призвалъ ко власти Жирондистское министерство, въ которомъ Дюмурье былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Роланъ, (т. е. въ сущности, госпожа Роланъ) — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Де-Гравъ, котораго вскорѣ смѣнилъ Серванъ — министромъ военнымъ, Клавьеръ — министромъ финансовъ, Дюрантонъ — юстиціи и Лакостъ — морскимъ.

Нечего и говорить, что (какъ на это сейчасъ же указалъ Робеспьеръ) переходъ власти къ Жирондистамъ не только не содѣйствовалъ революціи, но наоборотъ былъ полезенъ для реакціи. Теперь, когда король согласился, какъ выражались при Дворѣ, на „министерство изъ санъ-кюлотовъ“, умѣренность стала всеобщимъ кличемъ. Единственное, къ чему это министерство толкало съ ожесточеніемъ, вопреки предостереженіямъ Марата и Робеспьера, это — къ войнѣ. И вотъ, 20-го апрѣля 1792 года, Жирондисты восторжествовали. Австріи, или, какъ говорили тогда, „королю Богеміи и Венгріи“, была объявлена война.

Была ли эта война необходимостью? Жоресъ („Histoire Socialiste, La Législative“, стр. 815 и слѣд.) поставилъ этотъ вопросъ и привелъ для его разрѣшенія много матеріаловъ того времени. Заключеніе, къ кото-

рому приводятъ эти матеріалы и къ которому пришелъ Жоресъ, — то же самое, къ какому приходили Маратъ и Робеспьеръ. Война *не* была необходимостью. Иностранные государи, конечно, боялись распространенія республиканскихъ идей во Франціи; но отъ этого до рѣшимости летѣть на помощь Людовику XVI-му было еще очень далеко. Начать такого рода войну они не рѣшались. Войны желали въ особенности Жирондисты, и они толкали къ ней, потому что видѣли въ ней средство борьбы съ королевскою властью.

Маратъ сказалъ по этому поводу глубокую правду, безъ всякихъ фразъ. Вы стремитесь къ войнѣ, говорилъ онъ, *потому что не хотите обратиться къ народу*, чтобы при его помощи нанести королевской власти рѣшительный ударъ. Дѣйствительно, обращенію къ народу (appel au peuple), съ призывомъ къ революціи, Жирондисты и очень многіе Якобинцы предпочитали чужеземное нашествіе. Оно должно было, по ихъ мнѣнію, разбудить общій патріотизмъ, обнаружить измѣну короля и роялистовъ, и привести такимъ образомъ къ паденію монархіи, *безъ участія народнаго возстанія*.— „Намъ нужны громкія измѣны", говорилъ жирондистъ Бриссо, — человѣкъ ненавидѣвшій народъ, съ его безпорядочными возстаніями и нападеніями на собственность.

Итакъ, съ одной стороны Дворъ, а съ другой — Жирондисты дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи, стремясь вызвать и ускорить вторженіе чужеземцевъ во Францію. При такихъ условіяхъ война стала неизбѣжна, и она загорѣлась съ ожесточеніемъ, на цѣлые двадцать-три года, со всѣми своими послѣдствіями, пагубными и для Революціи, и для европейскаго прогресса вообще. — „Вы не хотите обратиться къ народу, вы не хотите народнаго возстанія, такъ получите войну — и можетъ быть, разгромъ!" говорилъ Маратъ. И сколько разъ правдивость этихъ словъ подтверждалась впослѣдствіи!

Призракъ вооруженнаго и возставшаго народа, требующаго отъ буржуазіи своей доли національнаго богатства, не переставалъ ужасать людей, попавшихъ во власть, или пріобрѣтшихъ, благодаря клубамъ и газетамъ, вліяніе на ходъ событій. Нужно сказать и то, что революціонное воспитаніе народа подвинулось впередъ, благодаря самой Революціи, и теперь онъ уже начиналъ требовать мѣръ, проникнутыхъ коммунистическимъ духомъ и способныхъ сколько-нибудь сгладить экономическое неравенство*).

Среди народа говорилось тогда объ „уравненіи состояній". Крестьяне, владѣвшіе ничтожнымъ клочкомъ земли, и городскіе рабочіе, страдавшіе отъ безработицы, рѣшались заговаривать о своемъ правѣ на землю. Въ деревняхъ требовали, чтобы ни одинъ фермеръ не могъ снимать больше сорока десятинъ земли, а въ городахъ говорили, что каждый, кто хочетъ обрабатывать землю, долженъ имѣть право на столько-то десятинъ.

Такса на жизненные припасы, съ цѣлью предотвратить спекуляцію на предметахъ первой необходимости, законы противъ спекуляторовъ, закупка муниципалитетами жизненныхъ припасовъ и продажа ихъ жителямъ по покупной цѣнѣ, прогрессивный налогъ на богатыхъ, принудительный заёмъ и, наконецъ, высокій налогъ на наслѣдства — все это обсуждалось въ народѣ; тѣ же требованія проникали и въ печать. Самое единодушіе, съ которымъ они выражались всякій разъ, когда народъ, въ Парижѣ или въ провинціи, одерживалъ побѣду, доказываетъ, что эти мысли были широко распространены среди обездоленной массы, даже тогда, когда писатели изъ революціонной среды не рѣшались

*) Декреты 15 марта, о которыхъ мы говорили выше, вызвали много протестовъ. Они указаны у Doniol'я «La Révolution», стр. 104 и слѣд.) и у Карѣева («Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка», стр. 489 и слѣд. французскаго изданія, Парижъ, 1889) и приложеніе № 33.

особенно громко высказывать ихъ. „Неужели вы не замѣчаете“, писалъ Роберъ въ маѣ 1791 года, въ своихъ „Révolutions de Paris“, „что Французская Революція, за которую вы боретесь, говорите вы, *какъ гражданинъ*, представляетъ собою настоящій аграрный законъ, проводимый въ жизнь народомъ? Онъ уже вернулъ себѣ свои права. Еще одинъ шагъ — и онъ вернетъ себѣ и свое имущество. Самое трудное уже сдѣлано...“ *)

Легко себѣ представить, какую вражду возбуждали эти требованія въ буржуазіи, которая только что расположилась спокойно наслаждаться пріобрѣтенными богатствами и новымъ привилегированнымъ политическимъ положеніемъ въ государствѣ. Объ этомъ можно судить по тому страшному возбужденію, которое было вызвано въ Парижѣ, въ мартѣ 1792 года, извѣстіемъ объ убійствѣ крестьянами мэра города Этампа, нѣкоего Симонно. Подобно многимъ другимъ буржуазнымъ мэрамъ, онъ разстрѣливалъ безъ суда возставшихъ крестьянъ, и никто противъ этого не протестовалъ. Но когда голодные крестьяне, требовавшіе таксы на хлѣбъ, убили, наконецъ, этого мэра пиками — то какимъ взрывомъ негодованія отозвалась на это парижская буржуазія!

„Насталъ день, когда собственники, *принадлежащіе ко всѣмъ классамъ*, должны наконецъ почувствовать, что они падутъ подъ косою анархіи“, жаловался Малле-дю-Панъ въ „Mercure de France“; и вслѣдъ за тѣмъ онъ совѣтовалъ „объединеніе собственниковъ“ противъ народа, — противъ разбойниковъ, проповѣдующихъ аграрный законъ. Всѣ стали тогда кричать противъ народа, Робеспьеръ — наравнѣ съ другими. Одинъ только священникъ Доливье, (впослѣдствіи его причисляли къ „бѣшенымъ“, къ „анархистамъ“) рѣшился поднять голосъ въ защиту народныхъ массъ и сказать, что „нація — дѣйствительно, собственница своей земли“. —

*) «Révolutions de Paris», № 96, 7—14 мая 1791, стр. 247. — Цитата приведена у Олара, часть I, гл. IV.

„Нѣтъ такого закона, говорилъ онъ, который могъ бы по справедливости заставить крестьянина голодать, когда слуги и даже животныя богатыхъ не нуждаются ни въ чемъ".

Что касается Робеспьера, то онъ поспѣшилъ заявить, что „аграрный законъ - ничто иное, какъ нелѣпое пугало, которымъ злонамѣренные люди пугаютъ глупцовъ". Онъ заранѣе высказывался противъ всякой попытки „уравненія состояній". Всегда стараясь идти въ уровень съ тѣми мнѣніями, которыя брали перевѣсъ въ данную минуту среди прогрессивной части буржуазіи, онъ и не подумалъ стать на сторону тѣхъ, кто шелъ съ народомъ и кто понималъ, что только уравнительныя и коммунистическія стремленія могутъ дать Революціи силу, нужную ей, чтобы завершить уничтоженіе феодальнаго строя.

Эта боязнь народнаго возстанія и его экономическихъ послѣдствій побуждала вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазію, все тѣснѣе и тѣснѣе сплачиваться вокругъ престола и довольствоваться конституціею въ томъ видѣ, въ какомъ она была выработана Собраніемъ, со всѣми ея недостатками и уступками королю. Вмѣсто того, чтобы идти впередъ по пути республиканскихъ идей, буржуазія и ея интеллигенція двигались въ обратномъ направленіи. Если въ 1789 году, во всемъ что́ дѣлаетъ Третье Сословіе можно видѣть явно республиканскій, демократическій духъ, то теперь, по мѣрѣ того какъ коммунистическія и уравнительныя стремленія ростутъ въ народѣ, тѣ же самые люди становятся защитниками королевской власти; истинные-же республиканцы, вродѣ Томаса Пэна и Кондорсэ, являются представителями лишь ничтожнаго меньшинства среди образованной буржуазіи. По мѣрѣ того, какъ народъ становится республиканскимъ, буржуазная интеллигенція пятится назадъ, къ конституціонной монархіи.

13-го іюня 1792 года, т. е. всего за недѣлю до вторженія народа въ Тюильри, Робеспьеръ еще громилъ республику.—„Напрасно, восклицалъ онъ, хотятъ

увлечь горячія и мало освѣдомленныя головы приманкою болѣе свободнаго управленія и именемъ республики: низверженіе конституціи не можетъ въ настоящій моментъ дать ничего, кромѣ гражданской войны, которая приведетъ къ анархіи и деспотизму".

Боялся-ли онъ, какъ предполагаетъ Луи Бланъ, водворенія аристократической республики? Возможно; но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что, оставаясь до того времени рѣшительнымъ защитникомъ собственности, Робеспьеръ, какъ почти всѣ Якобинцы, боялся взрыва народнаго гнѣва и его попытокъ „уравненія состояній" (теперь мы сказали бы: „экспропріаціи"). Онъ боялся, что революція погибнетъ въ коммунистическихъ начинаніяхъ. Какъ-бы то ни было, всего за нѣсколько недѣль до возстанія 10-го августа, когда все дѣло Революціи — незаконченной, остановленной въ своемъ развитіи и окруженной тысячами всевозможныхъ заговоровъ, было поставлено на карту, и ничто не могло спасти её, кромѣ ниспроверженія королевской власти народнымъ возстаніемъ, — Робеспьеръ какъ и всѣ Якобинцы, предпочиталъ сохранить короля и Дворъ, чѣмъ обратиться къ революціонному натиску народа. Совершенно такъ-же, въ наши дни, итальянскіе и испанскіе радикалы предпочитаютъ монархическое правленіе риску народной революціи, потому что послѣдняя неизбѣжно была-бы проникнута коммунистическими стремленіями.

Исторія постоянно повторяется — и сколько разъ еще она повторится, когда въ Россіи, Италіи, Германіи, Австріи начнется своя великая революція!

Самое поразительное въ тогдашнемъ настроеніи политическихъ дѣятелей было то, что какъ разъ въ это время Революціи угрожалъ со стороны роялистовъ гигантскій ударъ, давно уже подготовленный и готовый теперь разразиться, при поддержкѣ крупныхъ возстаній на югѣ и на западѣ Франціи, одновременно съ на-

паденіемъ на Францію германскихъ государствъ, Англіи, Сардиніи и Испаніи.

Въ іюнѣ 1792-го года, король уже удалилъ изъ своего министерства трехъ жирондистскихъ министровъ (Ролана, Клавьера и Сервана), и тогда Лафайетъ, глава партіи Фёльянтовъ (т. е. конституціонныхъ роялистовъ) и роялистъ въ душѣ, обратился къ Законодательному Собранію съ письмомъ (помѣченнымъ 18 іюня), въ которомъ онъ предлагалъ совершить переворотъ противъ революціонеровъ. Онъ прямо совѣтовалъ въ этомъ письмѣ очистить Францію отъ революціонеровъ и прибавлялъ, что въ войскѣ „принципы свободы и равенства пользуются любовью, законы уважаются, и *собственность — священна*“ — не такъ, какъ напримѣръ, въ Парижѣ, въ Коммунѣ, или у Кордельеровъ, гдѣ позволяютъ себѣ нападать на неё.

Лафайетъ требовалъ — и это можетъ служить для насъ мѣриломъ тогдашней реакціи — чтобы королевская власть была неприкосновенна и независима. Онъ хотѣлъ, чтобы „король былъ окруженъ почётомъ“ (это — послѣ вареннскаго побѣга!), и все это — въ то самое время, когда въ Тюильри подготовлялся обширный роялистскій заговоръ, когда король вёлъ дѣятельную переписку съ Австріей и Пруссіей, отъ которыхъ ждалъ своего „освобожденія“, и когда онъ обращался съ Собраніемъ съ бо́льшимъ или меньшимъ пренебреженіемъ, смотря по тому, какія получались извѣстія относительно близости нѣмецкаго нашествія.

Подумать только, что Собраніе готово было разослать это письмо Лафайета по всѣмъ 83-мъ департаментамъ, и что только хитрый маневръ Жирондистовъ помѣшалъ этому: Гуадэ (Guadet) сталъ увѣрять Собраніе, что письмо должно быть подложное, что Лафайетъ не могъ его написать! И все это — меньше чѣмъ за два мѣсяца до 10-го августа, когда парижскій народъ свергъ короля.

Роялистскіе заговорщики наводняли въ ту пору Парижъ. Эмигранты свободно ѣздили взадъ и впередъ

между Кобленцомъ и Тюильри, откуда они возвращались, обласканные Дворомъ и снабженные деньгами. „Тысячи притоновъ были открыты для роялистовъ", говоритъ Шометъ (Chaumette), бывшій въ то время прокуроромъ парижской Коммуны*). Департаментское управленіе Парижа, въ составъ котораго входили Талейранъ и Ла-Рошфуко, было вполнѣ предано Двору. Городское управленіе, значительная часть мировыхъ судей, большинство національной гвардіи и весь ея генеральный штабъ были также на сторонѣ Двора. Изъ нихъ составлялась вся куча горлодёровъ, которые сопровождали Дворъ, во время ставшихъ нынѣ частыми прогулокъ короля по Парижу и присутствія его при всѣхъ театральныхъ представленіяхъ, — писалъ въ своихъ запискахъ Шометъ.

„Военно-лакейская челядь, окружавшая Дворъ и состоявшая въ значительной мѣрѣ изъ бывшихъ тѣлохранителей, изъ вернувшихся эмигрантовъ и изъ тѣхъ героевъ 28 февраля 1791 года, которые извѣстны были подъ именемъ *рыцарей кинжала*, вооружала противъ себя народъ своимъ высокомѣрнымъ обращеніемъ, оскорбляла національное представительство и открыто говорила о своихъ пагубныхъ для свободы замыслахъ". Всѣ монахи, монахини и огромное большинство священниковъ были на сторонѣ контръ-революціи**).

*) „Mémoires sur la Révolution du 10 Août 1792", съ предисловіемъ Ф. А. Олара, Парижъ, 1893. Шометъ даже обвиняетъ департаментскую директорію въ томъ, что она выписала шестьдесятъ тысячъ контръ-революціонеровъ и дала имъ пріютъ. Если эта цифра и преувеличена, то самый фактъ скопленія въ Парижѣ значительнаго числа контръ-революціонеровъ остается несомнѣннымъ.

**) Вотъ случай, о которомъ говорилъ тогда весь Парижъ и о которомъ разсказываетъ г-жа Жюльенъ: «Настоятельница Сердобольныхъ вдовъ въ Рюэйлѣ потеряла свой бумажникъ; его нашли, и его осмотрѣли въ мѣстномъ муниципалитетѣ. Оказалось, что съ 1-го января эти монахини послали эмигрантамъ 48.000 ливровъ». (M-me Jullien, „Journal d'une bourgeoise", стр. 203).

Что касается до Собранія, то вотъ какъ характеризовалъ его Шометъ: „Безсильное, оно не пользуется уваженіемъ, его разъѣдаютъ внутренніе раздоры, и оно унижаетъ себя передъ Европой своими мелочными и озлобленными преніями; Дворъ нагло оскорбляетъ его, а оно отвѣчаетъ на презрительное отношеніе Двора еще бо́льшимъ униженіемъ; власти оно никакой не имѣетъ, не имѣетъ и опредѣленной воли". И, дѣйствительно, Собраніе, по цѣлымъ часамъ обсуждавшее, изъ сколькихъ человѣкъ должна состоять депутація, посылаемая имъ къ королю, будутъ-ли для нея открыты обѣ створки дверей, или только одна, и проводившее время, какъ говоритъ Шометъ, „въ выслушиваніи декламаторскихъ докладовъ, всегда кончавшихся.... обращеніями къ королю" — такое Собраніе должно было непремѣнно вызывать презрѣніе даже у самого Двора.

Между тѣмъ, на Западѣ и на Юго-Востокѣ Франціи, подъ самыми стѣнами такихъ революціонныхъ городовъ, какъ Марсель, работали тайные роялистскіе комитеты. Они собирали въ за́мкахъ оружіе, вербовали офицеровъ и солдатъ и готовились, въ концѣ іюля, двинуть на Парижъ сильную армію, подъ предводительствомъ эмигрантовъ, присланныхъ изъ Кобленца.

Эти движенія на Югѣ настолько характерны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться и дать объ нихъ нѣкоторое понятіе.

XXXI.

Контръ-революція на Югѣ.

При изученіи Великой Революціи, вниманіе обыкновенно бываетъ такъ поглощено борьбою, происходящею въ Парижѣ, что положеніе дѣлъ въ провинціи и сила, которою все время пользовалась тамъ контръ-революція, невольно упускаются изъ виду. А между тѣмъ, эта сила была громадная. Въ прошедшемъ она имѣла за собою цѣлые вѣка безправія, а въ настоящемъ она опиралась на денежныя выгоды цѣлаго класса собственниковъ. Изучая проявленія этой силы, мы видимъ также, какъ ничтожна, во время революціи, сила собранія представителей, даже въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы большинство его оказалось воодушевлено самыми лучшими намѣреніями. Когда въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ приходится бороться со старымъ порядкомъ, который послѣ минутной растерянности вновь собирается съ силами и готовится остановить революцію, — то побѣдить такое сопротивленіе можетъ только революціонный натискъ, сдѣланный на мѣстахъ, именно въ этихъ городахъ и деревушкахъ.

Чтобы разсказать всѣ интриги и дѣянія роялистовъ во время Великой Революціи, потребовались бы цѣлые годы работы въ мѣстныхъ архивахъ. Но уже нѣкото-

рые факты, которые я приведу, дадутъ объ нихъ понятіе.

О возстаніи въ Вандеѣ писали всѣ историки. Но обыкновенно думаютъ, что единственный серьезный очагъ контръ-революціи былъ только тамъ, среди полудикаго населенія, возбужденнаго религіознымъ фанатизмомъ. А между тѣмъ, другой подобный же очагъ существовалъ на Югѣ, и этотъ очагъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что въ этой части Франціи деревни, на которыя опирались роялисты, эксплуатировавшіе религіозную вражду между католиками и протестантами, находились рядомъ съ другими деревнями и большими городами, давшими Революціи ея лучшихъ дѣятелей.

Руководство всѣми этими противу-революціонными движеніями шло изъ Кобленца — маленькаго нѣмецкаго городка, находившагося въ Тревскомъ Курфиршествѣ и сдѣлавшагося центромъ роялистской эмиграціи. Начиная съ лѣта 1791 года, когда графъ д'Артуа, вмѣстѣ съ министромъ Калонномъ и впослѣдствіи со своимъ братомъ, графомъ Прованскимъ, поселился въ этомъ городѣ, онъ сталъ средоточіемъ всѣхъ роялистскихъ заговоровъ. Оттуда отправлялись эмиссары, организовывавшіе по всей Франціи контръ-революціонныя возстанія. Они вербовали солдатъ для Кобленца — повсюду, даже въ Парижѣ, гдѣ редакторъ „Gazette de Paris“ открыто предлагалъ 60 ливровъ каждому солдату, завербованному на службу эмигрантовъ. Впродолженіе нѣкотораго времени, этихъ солдатъ совершенно открыто отправляли, сначала въ Мецъ, а оттуда въ Кобленцъ.

„Общество слѣдовало за ними“, пишетъ Эрнестъ Додэ въ своей работѣ, „Роялисткіе заговоры на Югѣ“ (Les conspirations royalistes dans le Midi); „дворянство подражало принцамъ, а многіе буржуа, многіе люди незнатнаго происхожденія подражали дворянству. Эмигрировали изъ моды, изъ нужды, изъ страха. Одна молодая женщина, которую тайный правительственный агентъ встрѣтилъ въ дилижансѣ, ему отвѣтила: „Я —

портниха, мои заказчицы уѣхали въ Германію, и я дѣлаюсь эмигреткой („émigrette"), чтобы быть тамъ, гдѣ онѣ".

Вокругъ братьевъ короля создался цѣлый дворъ, съ его министрами, камергерами и офиціальными пріёмами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ его интригами и мелочностью. Монархіи другихъ странъ Европы признавали этотъ дворъ, вели съ нимъ сношенія, входили съ нимъ въ заговоры. Эмигранты всё время ждали, что Людовикъ XVI пріѣдетъ къ нимъ и станетъ во главѣ войскъ. Его ждали въ іюнѣ 1791 года — въ моментъ его бѣгства въ Вареннъ, — затѣмъ, позднѣе, въ ноябрѣ 1791-го и въ январѣ 1792-го года. Наконецъ, іюль 1792-го года былъ избранъ моментомъ рѣшительнаго дѣйствія: роялисткія войска Западной и Южной Франціи должны были, при поддержкѣ войскъ англійскихъ, нѣмецкихъ, сардинскихъ и испанскихъ, пойти на Парижъ, поднимая по дорогѣ Ліонъ и другіе большіе города; а въ самомъ Парижѣ роялисты въ это время должны были предпринять рѣшительныя дѣйствія: разогнать Собраніе и покарать всѣхъ „бѣшеныхъ", — всѣхъ „якобинцевъ".

„Вернуть короля на престолъ", т. е. сдѣлать его вновь абсолютнымъ монархомъ; ввести опять старый государственный строй, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ, когда были созваны Генеральные Штаты, — таковы были ихъ виды. И когда прусскій король, который былъ умнѣе всѣхъ этихъ версальскихъ выходцевъ съ того свѣта, спрашивалъ у нихъ: „Не требуютъ ли справедливость и благоразуміе, чтобы нѣкоторыя злоупотребленія стараго порядка были принесены въ жертву націи?" они отвѣтили ему: — „Никакой перемѣны, Ваше Величество, никакой поблажки!" (Документъ, находящійся въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ и приведенный у Эрнеста Додэ).

Нечего и говорить, что всѣ интриги, сплетни, зависть, свойственныя Версали, были перенесены цѣликомъ въ Кобленцъ. У каждаго изъ двухъ братьевъ

былъ свой дворъ, своя официальная любовница, свои пріёмы и свой придворный штабъ; бездѣльничающее дворянство жило сплетнями, которыя стали еще болѣе злостными, когда нужда свила свое гнѣздо среди эмигрантовъ.

Вокругъ этого центра совершенно открыто собирались теперь фанатики-священники, предпочитавшіе гражданскую войну подчиненію конституціи, котораго требовали новые декреты, и вращались разные авантюристы-дворяне, готовые скорѣе попытать счастья въ заговорѣ, чѣмъ примириться съ утратою своего привилегированнаго положенія. Они пріѣзжали въ Кобленцъ, получали благословеніе принцевъ и папы для дальнѣйшихъ заговоровъ, и возвращались въ Севеннскія горы, или на берега Вандеи, чтобы тамъ разжигать религіозный фанатизмъ крестьянъ и поднимать роялистскія возстанія.

Симпатизирующіе Революціи историки обыкновенно слегка касаются этихъ контръ революціонныхъ движеній. Они большею частью представляютъ ихъ, какъ мало-значущія событія, вызванныя нѣсколькими фанатиками и легко побѣжденныя Революціей. Но въ дѣйствительности роялистскіе заговоры охватывали цѣлыя области Франціи, а такъ какъ, съ одной стороны, имъ оказывали поддержку крупные вожаки буржуазіи, а съ другой — имъ давала пищу религіозная вражда между протестантами и католиками (такъ было, напримѣръ, на Югѣ), то революціонерамъ приходилось въ каждомъ городѣ, въ каждой маленькой общинѣ вести съ роялистами ожесточенную борьбу.

Такъ, напримѣръ, въ то самое время когда въ Парижѣ устраивался, 14-го іюля 1790 года, праздникъ Федераціи, который объединилъ всю Францію и долженъ былъ, казалось, поставить Революцію на прочныя коммунальныя основы, роялисты подготовляли на юго-востокѣ федерацію контръ-революціонеровъ. 18 августа того же года, около 20.000 представителей 185-и общинъ провинціи Виварэ собрались на равнинѣ Жалеса.

У всѣхъ былъ на шляпѣ бѣлый крестъ. Въ этотъ день, подъ руководствомъ дворянъ, они положили основаніе Южной роялистской Федераціи, которая торжественно съорганизовалась затѣмъ, въ февралѣ слѣдующаго года.

Эта федерація стала готовить, прежде всего рядъ мѣстныхъ возстаній къ лѣту 1791-го года, а затѣмъ — большое возстаніе, которое должно было вспыхнуть повсемѣстно въ іюлѣ 1792-го года и, при помощи иностранныхъ войскъ, нанести рѣшительный ударъ Революціи. Роялистская Федерація дѣйствовала, такимъ образомъ, впродолженіе двухъ лѣтъ, ведя правильныя сношенія, съ одной стороны, съ Тюильрійскимъ дворцомъ, а съ другой — съ Кобленцомъ. Она клялась „вернуть королю его славу, духовенству — его имущества, дворянству — его почести". А когда первыя попытки кончились неудачей, она организовала, съ помощью аббата-настоятеля Шамбаназскаго монастыря, Клода Алльe, обширный заговоръ, въ которомъ должны были принять участіе 50.000 человѣкъ. Это войско должно было выступить подъ бѣлымъ знаменемъ, имѣя во главѣ многочисленныхъ священниковъ. При поддержкѣ Сардиніи, Испаніи и Австріи, оно должно было идти на Парижъ, „освободить" короля, разогнать Собраніе и „покарать патріотовъ".

Въ департаментѣ Лозеръ, нотаріусъ Шарье, бывшій депутатъ Національнаго Собранія, женившійся на дѣвушкѣ дворянскаго происхожденія и получившій отъ графа д'Артуа полномочіе на командованіе войсками, открыто организовывалъ контръ-революціонную милицію и даже обучалъ своихъ артиллеристовъ.

Другимъ центромъ эмиграціи былъ городъ Шамбери, въ Савойѣ, принадлежавшей въ то время Сардинскому королевству. Бюсси образовалъ тамъ роялистскій легіонъ, который совершенно открыто обучался военному дѣлу.

Такъ организовывалась контръ-революція на Югѣ, а на Западѣ духовные и дворяне въ то же время вво-

зили оружіе и посланія папы, призывавшія къ бунту; они подготовляли, при поддержкѣ Англіи и Рима, громадное Вандейское возстаніе.

Напрасно говорятъ историки, что въ сущности, такихъ заговорщиковъ и такихъ сборищъ было немного. Революціонеровъ — по крайней мѣрѣ, такихъ, что готовы были къ рѣшительному дѣйствію — тоже было немного. Люди дѣйствія, во всѣ времена, во всѣхъ партіяхъ, составляютъ ничтожное меньшинство. Но контръ-революція держала въ своихъ рукахъ цѣлыя провинціи, — благодаря привязанности однихъ къ старинѣ и предразсудкамъ, желанію другихъ охранить свои вновь пріобрѣтенныя имущества, и благодаря силѣ денегъ и вліянію религіи; и именно эта-то страшная сила реакціи, а вовсе не кровожадность революціонеровъ, объясняютъ ожесточеніе, охватившее Революцію въ 1793-мъ и 1794-мъ годахъ, когда ей пришлось сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы вырваться изъ рукъ, стремившихся задушить ее.

Дѣйствительно-ли было у Клода Алье 60.000 сторонниковъ, готовыхъ взяться за оружіе, какъ онъ утверждалъ въ Кобленцѣ, куда ѣздилъ въ январѣ 1792 года, — это довольно сомнительно. Но несомнѣнно одно: во всѣхъ южныхъ городахъ революціонеры и контръ-революціонеры вели между собою, съ перемѣннымъ счастьемъ, непрерывную борьбу.

Въ Перпиньянѣ, роялисты, состоявшіе на военной службѣ, готовились открыть доступъ черезъ границу испанскимъ войскамъ. Въ Арлѣ, въ мѣстной борьбѣ между патріотами и контръ-революціонерами, (одни назывались monnetiers, другіе — chiffonistes), побѣда осталась сначала за послѣдними.

„Узнавъ, разсказываетъ одинъ авторъ, что марсельцы собираются въ походъ противъ нихъ и даже разграбили въ виду этого похода марсельскій арсеналъ, граждане Арля стали готовиться къ сопротивленію, укрѣпились, заколотили городскія ворота, прорыли рвы вокругъ городскихъ стѣнъ, обезпечили себѣ доступъ

къ морю и преобразовали національную гвардію такъ, чтобы лишить патріотовъ всякой силы".

Эти нѣсколько строкъ, взятыхъ у Эрнеста Додэ*), очень характерны. Такую же картину можно было видѣть почти повсюду во Франціи. Чтобы болѣе или менѣе парализовать реакцію потребовалось четыре года революціи, т. е. отсутствіе впродолженіе четырехъ лѣтъ сильнаго правительства, и непрерывная борьба со стороны мѣстныхъ революціонеровъ.

Въ Монпелье патріотамъ пришлось устроить союзъ для защиты священниковъ, принесшихъ присягу Конституціи, и тѣхъ прихожанъ, кто ходилъ на отправляемую ими службу. Безпрестанно происходили уличныя столкновенія. То же самое было въ Люнелѣ, въ департаментѣ Эро (Hérault), въ Иссенжо, въ департаментѣ Верхней Луары, въ Мандъ, въ департаментѣ Лозеръ. Жители были постоянно вооружены. Можно сказать, что по всей этой области, въ каждомъ городѣ происходила борьба между роялистами, или мѣстными фёльянтами, и патріотами, а впослѣдствіи — между жирондистами и тѣми, кого тогда называли „анархистами". Мало того: въ громадномъ большинствѣ центральныхъ и западныхъ городовъ реакціонеры одерживали верхъ, и изъ восьмидесяти-трехъ департаментовъ Франціи, Революція встрѣтила серьёзную поддержку только въ какихъ-нибудь тридцати департаментахъ. Кромѣ того, сами революціонеры въ большинствѣ случаевъ не сразу набирались смѣлости и лишь понемногу рѣшались на борьбу съ роялистами, — по мѣрѣ того какъ, подъ вліяніемъ событій, сами они получали революціонное воспитаніе.

Во всѣхъ этихъ городахъ контръ-революціонеры оказывали другъ-другу поддержку. У богатыхъ людей ихъ лагеря, — чего обыкновенно не было у патріотовъ —

*) „Histoire des conspirations royalistes du Midi sous la Révolution", Парижъ, 1881. Додэ—авторъ умѣренный и даже скорѣе реакціонеръ; но въ его трудѣ собрано много матеріаловъ, и онъ работалъ въ мѣстныхъ архивахъ.

имѣлись тысячи средствъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, посылать особыхъ эмиссаровъ, скрываться въ замкахъ, устраивать тамъ склады оружія. Патріоты сносились, правда, съ парижскими Народными и Братскими обществами, съ обществомъ Бѣдняковъ и съ центральнымъ обществомъ Якобинцевъ, но они были такъ бѣдны! У нихъ не было ни возможности запасти оружіе, ни даже возможности свободно передвигаться!

Къ тому-же, всё что было направлено противъ Революціи пользовалось поддержкой извнѣ. Англія издавна слѣдовала той-же политикѣ, какъ и теперь: ослаблять своихъ соперниковъ, вербуя, своими деньгами, сторонниковъ въ ихъ средѣ. „Питтовскія деньги", о которыхъ такъ много писалось тогда во Франціи вовсе не были „мифъ", какъ это стараются представить теперь, — далеко нѣтъ! На эти деньги роялисты свободно ѣздили, съ острова Джерсея*), гдѣ былъ ихъ центръ и складъ оружія, во французскіе порты, Сенъ-Малò и Нантъ; и во всѣхъ крупныхъ портахъ Франціи, особенно въ Сенъ-Малò, Нантѣ и Бордò, англійскія деньги создавали имъ приверженцевъ и подкупали торговый классъ, — „коммерсантистовъ", выступавшихъ противъ Революціи. Екатерина II, со своей стороны, дѣлала то-же, что Питтъ. Въ сущности, въ этомъ приняли участіе всѣ европейскія монархіи. Въ Бретани, въ Вандеѣ, въ Бордò, въ Тулонѣ роялисты разсчитывали на Англію; въ Эльзасѣ и Лотарингіи — на Германію, на югѣ — на вооруженную помощь, обѣщанную Сардиніей и на испанскія войска, которыя должны были высадиться въ Эгъ-Мортъ (Aigues Mortes). Въ этомъ походѣ противъ Революціи готовился принять участіе даже мальтійскій орденъ, посылкою двухъ фрегатовъ.

Въ началѣ 1792-го года департаменты Лозеръ и Ардешъ, гдѣ скопились неподчинявшіеся конституціи священники, были покрыты цѣлою сѣтью роялистскихъ заговоровъ, центръ которыхъ находился въ Мандъ

* Онъ находится близко къ берегамъ Бретани.

маленькомъ городкѣ, затерянномъ въ горахъ Виварэ; жители были здѣсь очень отсталые, а богатые буржуа и дворянство держали городское управленіе въ своихъ рукахъ. Посланцы заговорщиковъ свободно разъѣзжали по окрестнымъ деревнямъ и приказывали крестьянамъ вооружаться ружьями, серпами и вилами, и быть готовыми выступить по первому призыву. Такимъ образомъ подготовлялось движеніе, посредствомъ котораго надѣялись поднять области Жеводанъ и Велэ, а затѣмъ — заставить и Виварэ идти имъ на помощь.

Правда, ни одно изъ роялистскихъ возстаній, поднятыхъ втеченіе 1791 и 1792 года, въ Перпиньянѣ, Арлѣ, Мандъ, Иссенжо и въ провинціи Виварэ, не удалось. Лозунга, „Долой патріотовъ!“ оказывалось недостаточно, чтобы привлечь къ себѣ нужное число возставшихъ, и патріотамъ быстро удавалось разсѣять роялистскія скопища. Тѣмъ не менѣе борьба велась непрерывно втеченіе двухъ лѣтъ. Бывали времена, когда вся область была охвачена гражданской войной, и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ неумолчно били въ набатъ.

Возстаніе настолько было серьезно, что на выручку патріотамъ должны были выступить вооруженныя банды марсельцевъ. Онѣ начали арестовать мѣстныхъ контръреволюціонеровъ, захватили Арль и Эгъ-Мортъ и положили начало тому террору, который впослѣдствіи достигъ, на югѣ, — въ Ліонѣ и въ Ардешѣ, такихъ ужасныхъ размѣровъ. Что касается довозстанія, организованнаго въ іюлѣ 1792 года графомъ Сальяномъ, съ тѣмъ, чтобы оно вспыхнуло одновременно съ возстаніемъ въ Вандеѣ, въ тотъ самый моментъ, когда нѣмецкія войска уже направятся на Парижъ, — то оно несомнѣнно оказало бы на ходъ Революціи самое вредное вліяніе, если бы народъ не положилъ ему очень быстро предѣлъ. Къ счастью, на югѣ самъ народъ взялся за это дѣло; а вмѣстѣ съ тѣмъ и Парижъ началъ организовываться, чтобы овладѣть, наконецъ, центромъ всѣхъ роялистскихъ заговоровъ — Тюильрійскимъ дворцомъ.

XXXII.

20 іюня 1792 года.

Изъ только-что сказаннаго видно, въ какомъ печальномъ положеніи было дѣло Революціи въ первые мѣсяцы 1792 года. Если буржуазные революціонеры удовлетворялись тѣмъ, что завоевали себѣ долю участія въ управленіи и положили основаніе богатствамъ, которыя они надѣялись въ будущемъ пріобрѣсти съ помощью государства, то народъ видѣлъ, что для него еще ничего не сдѣлано. Феодальный порядокъ продолжалъ существовать въ деревняхъ; а въ городахъ, масса пролетаріата· почти ничего не выиграла. Купцы и спекуляторы наживали огромныя состоянія — благодаря ассигнаціямъ, на курсѣ которыхъ они спекулировали, продажѣ имуществъ духовенства, которыя они скупали и перепродавали, и благодаря государственнымъ подрядамъ и биржевой игрѣ на всѣхъ предметахъ первой необходимости. Цѣны на хлѣбъ всё росли, несмотря на хорошій урожай, и нищета оставалась обычной спутницей жизни народа въ большихъ городахъ.

Тѣмъ временемъ аристократія начинала оживать, Дворяне и богатые люди поднимали голову и хвалились, что скоро образумятъ „санъ-кюлотовъ“, т. е. бѣдноту. Они каждый день ждали извѣстія о вступленіи во Францію нѣмецкихъ войскъ и ихъ побѣдоносномъ шествіи на Парижъ, чтобы возстановить наконецъ старый строй, во всемъ его великолѣпіи. Въ провинціяхъ, какъ мы видѣли, реакціонеры открыто организовывали своихъ приверженцевъ.

Что касается Конституціи, которую буржуа и даже революціонная интеллигенція изъ буржуазіи хотѣли сохранить во что бы то ни стало, то ея существованіе проявлялось лишь въ самыхъ маловажныхъ вопросахъ; серьёзныя же реформы оставались безъ движенія. Власть короля была ограничена, но очень немного. При тѣхъ правахъ, которыя были ему оставлены конституціей (гарантированный націею бюджетъ на содержаніе Двора, командованіе войсками, назначеніе министровъ, право вето и т. д.), а въ особенности при внутреннемъ устройствѣ Франціи, которое представляло полное господство богатымъ, — народъ былъ совершенно безсиленъ.

Никто, конечно, не заподозритъ Законодательное Собраніе въ радикализмѣ. Его декреты относительно феодальныхъ повинностей и духовенства были проникнуты, какъ мы видѣли, самою буржуазною умѣренностью. А между тѣмъ, даже эти декреты король отказывался подписать. Всѣ чувствовали, что живутъ изо дня въ день; что существующая полу-конституціонная система непрочна и легко можетъ быть свергнута, — со дня на день возможенъ возвратъ къ старому порядку.

Между тѣмъ заговоръ, задуманный въ Тюильри, съ каждымъ днемъ все больше и больше распространялся по самой Франціи и охватывалъ Европу. Дворы берлинскій, вѣнскій, стокгольмскій, туринскій, мадридскій и петербургскій присоединились къ нему. Приближался моментъ рѣшительнаго выступленія контръ-революціо-

неровъ, назначеннаго ими на лѣто 1792 года. Король и королева торопили нѣмецкія войска; они звали ихъ скорѣе въ Парижъ, даже назначали имъ день, когда они должны вступить въ столицу, гдѣ ихъ встрѣтятъ съ распростертыми объятіями вооруженные и организованные роялисты.

Народъ и тѣ изъ революціонеровъ, которые, какъ Маратъ и Кордельеры вообще, стояли близко къ народу, — тѣ, кто создалъ потомъ Коммуну 10-го августа, — отлично понимали грозящую Революціи опасность. Народъ всегда чувствуетъ истинное положеніе дѣлъ, даже тогда, когда онъ не можетъ, ни правильно его выразить, ни обосновать свои предчувствія аргументами, свойственными интеллигенту. Онъ поэтому понималъ, гораздо лучше политикановъ, всѣ интриги Тюильри и дворянскихъ замковъ. Но онъ былъ безоруженъ, тогда какъ буржуазія была организована въ батальоны національной гвардіи. Хуже всего было то, что у интеллигентовъ выдвинутыхъ Революціей и явившихся ея выразителями — въ томъ числѣ и у честныхъ людей, какъ Робеспьеръ, — не было необходимаго довѣрія къ Революціи, а тѣмъ менѣе къ народу. Подобно парламентскимъ радикаламъ нашего времени, они боялись того „великаго неизвѣстнаго", которое представляетъ собою вышедшій на улицу народъ, когда онъ становится хозяиномъ положенія. Не рѣшаясь признаться самимъ себѣ въ этомъ страхѣ передъ революціею, совершающеюся во имя равенства, они объяснили свою нерѣшительность желаніемъ „сохранить, по крайней мѣрѣ, тѣ немногія вольности, которыя дала Конституція". Они предпочитали полу-конституціонную монархію риску новаго возстанія.

Только съ объявленіемъ войны (21-го апрѣля 1792 года) и началомъ нѣмецкаго нашествія положеніе нѣсколько измѣнилось. Видя, что ему измѣняютъ всѣ — даже тѣ самые вожаки, которымъ онъ всегда довѣрялъ, — народъ сталъ дѣйствовать самъ, сталъ оказывать давленіе на „вождей общественнаго мнѣнія". Парижъ

самъ началъ подготовлять возстаніе для сверженія короля. Секціи города Парижа, Народныя и Братскія общества, т. е. „неизвѣстные“, толпа, принялись, съ помощью болѣе смѣлыхъ Кордельеровъ, за дѣло. Наиболѣе горячіе и просвѣщенные патріоты, разсказываетъ Шометъ въ своихъ „Мемуарахъ“ (стр. 13), собирались въ клубѣ Кордельеровъ и тамъ проводили цѣлыя ночи въ совѣщаніяхъ. Былъ, между прочимъ, образованъ комитетъ, который соорудилъ себѣ красное знамя съ надписью: Народъ провозглашаетъ военное положеніе противъ бунта Двора (Loi martiale du peuple contre la révolte de la Cour). Вокругъ этого знамени должны были собраться всѣ свободные люди, всѣ настоящіе республиканцы, всѣ тѣ, кто хотѣлъ отомстить за друга, за сына, за родственника, убитыхъ 17-го іюля 1791 года на Марсовомъ полѣ.

Историки Революціи, отдавая дань своему государственному воспитанію, всегда приписываютъ клубу Якобинцевъ иниціативу и веденіе революціонныхъ движеній въ Парижѣ и въ провинціи, и втеченіе цѣлыхъ двухъ поколѣній мы всѣ думали такъ, какъ насъ учили. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ изданы многіе новые документы, касающіеся Революціи, мы знаемъ, что это совершенно невѣрно. Починъ движеній 20-го мая и 10-го августа вовсе не принадлежалъ Якобинцамъ. Наоборотъ, втеченіе цѣлаго года они — даже наиболѣе революціонные изъ нихъ — были *противъ* новаго обращенія къ народу. И только тогда, когда они увидали, что народное движеніе опередило ихъ, и сомнетъ ихъ, они — *и то только часть ихъ* — рѣшились слѣдовать за народомъ.

Да и то, какъ робко они это дѣлали! Они не прочь были, чтобы народъ вышелъ на улицу и далъ сраженіе роялистамъ; но ихъ страшили возможныя послѣдствія этого сраженія. — «А что, если народъ не удовольствуется сверженіемъ королевской власти? Что, если онъ пойдетъ противъ богатыхъ вообще, противъ власть имущихъ, противъ спекуляторовъ, увидавшихъ

въ Революціи путь къ наживѣ? Что, если народъ, послѣ Тюильри, разгромитъ и Законодательное Собраніе? если Парижская Коммуна, если „бѣшеные", „анархисты" — тѣ, кого такъ усердно осуждалъ Робеспьеръ, — если всѣ эти республиканцы, проповѣдующіе „равенство имуществъ", возьмутъ верхъ?»

Вотъ почему во всѣхъ переговорахъ, происходившихъ передъ 20-мъ іюня, мы видимъ со стороны извѣстныхъ революціонеровъ самое сильное колебаніе. Вотъ почему Якобинцы относятся съ отвращеніемъ къ возможности новаго народнаго возстанія, и слѣдуютъ за нимъ только тогда, когда народъ уже побѣдилъ. Только въ іюлѣ, когда парижскій народъ, вопреки всякимъ конституціоннымъ законамъ, объявляетъ о непрерывности засѣданій своихъ секцій и дѣлаетъ распоряженіе о всеобщемъ вооруженіи, вынуждая Собраніе провозгласить „отечество въ опасности",— только тогда Робеспьеръ, Дантонъ и, въ самый послѣдній моментъ Жирондисты, рѣшаются послѣдовать за народомъ, за революціонною Коммуною, и заявить о своей большей или меньшей готовности примкнуть къ движенію.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, въ движеніи 20-го іюня не было ни того увлеченія, ни того единства, которое могло бы превратить его въ успѣшное возстаніе противъ Тюильрійскаго дворца. Народъ вышелъ на улицу; но, не будучи увѣренъ въ отношеніи къ нему буржуазіи, не рѣшился особенно зарываться. Секціи приняли противъ этого свои мѣры. Онѣ, какъ будто, хотѣли нащупать почву, узнать, до какихъ предѣловъ готовы идти во дворцѣ противъ народа, — а остальное предоставить всѣмъ случайностямъ крупныхъ народныхъ демонстрацій. Выйдетъ изъ этого что нибудь, — тѣмъ лучше; не выйдетъ — мы все таки поглядимъ вблизи на Тюильри и узнаемъ, насколько они тамъ сильны.

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Демонстрація вышла вполнѣ мирная. Громадная толпа двинулась по-

улицамъ, подъ предлогомъ подачи петиціи Собранію; собирались также праздновать годовщину клятвы въ Jeu de Paume и посадить „дерево свободы“ у входа въ Собраніе. Всѣ улицы, ведущія отъ Бастиліи къ Собранію, скоро были буквально запружены народомъ. Тѣмъ временемъ Дворъ собралъ своихъ приверженцевъ на площади Карузель, на большомъ дворѣ Тюильрійскаго дворца и въ прилегающихъ улицахъ. Всѣ ворота дворца были заперты, и пушки направлены на народъ; солдатамъ были розданы патроны; столкновеніе казалось неизбѣжнымъ.

Но видъ этой всё-ростущей толпы поколебалъ защитниковъ Двора. Внѣшнія ворота были скоро отперты, или взломаны, и Карузель и дворы дворца наполнились народомъ. Многіе изъ народа были вооружены пиками, саблями, или дубинами, на которыя насаженъ былъ ножъ, топоръ, или пила; но люди, принимавшіе участіе въ демонстраціи, были тщательно подобраны каждою изъ Секцій.

Толпа собиралась уже разбить топорами другія ворота Тюильри, когда Людовикъ XVI самъ велѣлъ отпереть ихъ. Тысячи людей сразу наводнили внутреннія дворы и самый дворецъ. Приближенные королевы едва успѣли втолкнуть её, вмѣстѣ съ ея сыномъ, въ одну изъ залъ и тамъ забарикадировать её большимъ столомъ. Въ одной изъ залъ народъ нашелъ короля, и она въ мигъ наполнилась толпою. У короля требовали, чтобы онъ утвердилъ декреты о духовенствѣ и другіе, которые онъ отказывался утвердить; чтобы онъ вернулъ министровъ Жирондистовъ, удаленныхъ 13-го іюня, изгналъ священниковъ, не желающихъ присягать Конституціи; чтобы онъ выбралъ наконецъ между Кобленцомъ и Парижемъ. Король махалъ шляпой, далъ надѣть на себя красный шерстяной колпакъ; его заставили выпить стаканъ вина за здоровіе націи. Но онъ всё-таки втеченіе двухъ часовъ сопротивлялся народу, упорно заявляя, что будетъ держаться Конституціи.

Какъ нападеніе на королевскую власть, движеніе оказалось неудачнымъ. Результатовъ не получилось никакихъ.

За то, съ какимъ ожесточеніемъ напали тогда на народъ имущіе классы! Разъ народъ не рѣшился дѣйствовать наступательно, и тѣмъ самъ выдалъ свою слабость, на него набросились теперь со всею ненавистью, какую только можетъ внушить страхъ.

Когда въ Собраніи было прочитано письмо, въ которомъ Людовикъ XVI жаловался на нападеніе на его дворецъ, Собраніе разразилось такими же рабскими рукоплесканіями, какъ будто оно состояло изъ придворныхъ, и дѣло происходило раньше 1789 года. Якобинцы и Жирондисты единодушно выразили движенію 20-го іюня свое порицаніе.

Ободренный, по всей вѣроятности, такимъ пріёмомъ, Дворъ добился назначенія, въ тюильрійскомъ дворцѣ, особаго суда для наказанія „виновныхъ“. Дворъ хотѣлъ воскресить, говоритъ Шометъ въ своихъ *Мемуарахъ*, такое же возмутительное судилище, какое засѣдало послѣ событій 6-го октября 1789 и 17-го іюля 1791-го года. Судъ состоялъ изъ мировыхъ судей, продавшихся королевской власти. Дворъ кормилъ ихъ, и гофъ-фурьерское управленіе получило приказъ, снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ*). Наиболѣе выдающіеся писатели подверглись преслѣдованіямъ, или тюремному заключенію; та-же участь постигла нѣсколькихъ представителей и секретарей секцій и нѣкоторыхъ членовъ Народныхъ обществъ. Называться республиканцемъ онять стало опасно.

Департаментскія Управы (директоріи) и многіе муниципалитеты присоединились къ раболѣпной демонстраціи Собранія и прислали письма, въ которыхъ выражали свое негодованіе противъ „мятежниковъ“. Въ сущности, изъ восьмидесяти-трехъ департаментскихъ дирек-

*) Дневникъ Perlet, 27 іюня, цитир у Олара, въ замѣткѣ, приложенной къ *Мемуарамъ* Шомета.

торій тридцать-три — т. е. вся западная Франція — открыто были проникнуты роялистскимъ и контръ-революціоннымъ духомъ.

Революціи — не нужно забывать этого — дѣлаются всегда меньшинствомъ, и даже тогда, когда революція уже началась и часть народа принимаетъ ее со всѣми ея послѣдствіями, всегда только ничтожное меньшинство понимаетъ, что̀ остаётся еще сдѣлать, чтобы обезпечить побѣду за сдѣланными уже измѣненіями, и обладаетъ нужною для дѣйствія смѣлостью. Вотъ почему всякое Собраніе, всегда являясь представителемъ *средняго уровня страны*, или даже стоя ниже этого средняго уровня, было и будетъ тормазомъ революціи и никогда не можетъ сдѣлаться ея орудіемъ. Если оно и парализуетъ до нѣкоторой степени власть короля, оно никогда не можетъ стать средствомъ, чтобы толкать революцію впередъ, по пути имущественныхъ завоеваній народа. Народъ *самъ* долженъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, помимо Собранія.

Законодательное Собраніе Французской Революціи служитъ поразительнымъ подтвержденіемъ этого взгляда. Вотъ что происходило, напримѣръ, въ этомъ Собраніи 7-го іюля 1792 года (замѣтьте, что четыре дня спустя, въ виду нѣмецкаго вторженія, уже было провозглашено „отечество въ опасности“, а мѣсяцъ спустя, уже пала монархія). Втеченіе нѣсколькихъ дней передъ 7-мъ іюля шли пренія о мѣрахъ къ охраненію общественной безопасности. И вотъ, по наущенію Двора, ліонскій епископъ Ламуретъ внесъ предложеніе объ общемъ примиреніи партій, а для этого предложилъ такое, очень простое, средство: „Одна часть Собранія приписываетъ другой крамольное желаніе разрушить монархію, — говорилъ онъ. Другіе-же обвиняютъ своихъ сотоварищей въ стремленіи уничтожить конституціонное равенство и установить аристократическое правленіе, извѣстное подъ названіемъ двухъ Палатъ. Такъ вотъ, господа, убьёмъ общимъ проклятіемъ и

непоколебимою клятвою, *и Республику, и систему двухъ Палатъ!*" Тогда, все Собраніе, охваченное энтузіазмомъ, встаётъ и выражаетъ свою ненависть, и къ Республикѣ, и къ двумъ Палатамъ. Шляпы летятъ вверхъ, всѣ обнимаются, правая и лѣвая братаются между собою, и тотчасъ-же посылается депутація къ королю, который присоединяется къ всеобщему ликованію. Эта сцена получила въ исторіи названіе „поцѣлуя Ламурета".

Къ счастью, общественное мнѣніе не поддалось на такія чувствительныя сцены. Въ тотъ-же вечеръ крайній Якобинецъ, Бильо-Варенъ, протестовалъ въ якобинскомъ клубѣ противъ такого лицемѣрнаго сближенія, и клубъ рѣшилъ разослать его рѣчь всѣмъ якобинскимъ обществамъ въ провинціи.

Со своей стороны, Дворъ нисколько не думалъ идти на уступки. Въ тотъ же день, мэръ Парижа Петіонъ былъ отставленъ отъ должности, роялистскою директоріею сенскаго департамента, — за бездѣйствіе въ день 20-го іюня. Но тогда Парижъ сталъ горячо защищать своего мэра. Началось опасное броженіе — и шесть дней спустя, 13-го іюля, Собраніе вынуждено было отмѣнить это распоряженіе.

Въ народѣ, колебаній не было. Всѣ понимали, что пришло время избавиться отъ власти короля, и что, если за 20-мъ іюня не послѣдуетъ вскорѣ народное возстаніе, Революція погибла. Конечно, политиканы, засѣдавшіе въ Собраніи, думали иначе. — Кто знаетъ, соображали они, къ чему приведетъ возстаніе? И вотъ, многіе изъ этихъ законодателей стали готовить себѣ исходъ, на случай если побѣдитъ контръ-революція.

Страхъ у государственныхъ людей, ихъ желаніе обезпечить себѣ прощеніе на случай неудачи, — въ этомъ всегда лежитъ опасность для всякой революціи.

Вообще, эти семь недѣль, между демонстраціею 20-го іюня и взятіемъ Тюильри 10-го августа 1792 года, для того, кто хочетъ извлечь изъ исторіи какой-нибудь урокъ, представляютъ собою время, въ высшей степени поучительное.

Демонстрація 20-го іюня, хотя и не дала никакихъ непосредственныхъ результатовъ, была однако сигналомъ общаго пробужденія во Франціи. „Бунтъ переходитъ изъ города въ городъ", говоритъ Луи Бланъ. Иностранныя войска уже у воротъ Парижа, и 11-го іюля провозглашается „отечество въ опасности"; 14-го, происходитъ празднованіе Федераціи, и народъ дѣлаетъ изъ него грандіозную демонстрацію противъ королевской власти. Со всѣхъ сторонъ революціонные муниципалитеты посылаютъ Собранію адреса, призывая его къ дѣйствію. Въ виду измѣны короля, они требуютъ низложенія, или, по крайней мѣрѣ, временнаго устраненія Людовика XVI-го. Однако, слово „Республика" еще не произносится; общественное мнѣніе склоняется скорѣе къ регентству. Исключеніе составляла, однако, Марсель. Здѣсь, уже 27-го іюня требовали отмѣны королевской власти, и отсюда послали въ Парижъ 500 волонтёровъ, пришедшихъ въ столицу подъ звуки торжественнаго, боевого гимна, — Марсельезы. Брестъ и другіе города также послали волонтёровъ, общее число которыхъ дошло въ первые дни августа до трехъ тысячъ.

Вообще чувствуется, что приближается рѣшительный моментъ революціи.

Что-же дѣлаетъ Собраніе? Что дѣлаютъ буржуазные республиканцы, — Жирондисты?

Когда въ Собраніи читаютъ смѣлое посланіе марсельцевъ, требующихъ принятія мѣръ, соотвѣтственныхъ положенію дѣлъ, — почти всё Собраніе протестуетъ! А когда, 27-го іюля, Дюэмъ (Duhem) предлагаетъ обсудить вопросъ о низложеніи короля, его предложеніе встрѣчаютъ криками негодованія.

Марія-Антуанета была безспорно права, когда писала, 7-го іюля, своимъ сообщникамъ за-границей, что патріоты боятся и хотятъ пойти на переговоры: такъ оно и случилось, нѣсколько дней спустя.

Тѣ, кто стоялъ близко къ народу, въ секціяхъ, чувствовали, конечно, что надвигаются рѣшающія событія. Парижскія секціи, а также нѣкоторые провинціальные муниципалитеты, объявили свои засѣданія непрерывными. Нисколько не считаясь съ закономъ, исключавшимъ „пассивныхъ гражданъ" изъ засѣданій секцій, секціи допускали ихъ участвовать въ своихъ засѣданіяхъ и раздавали имъ пики, наравнѣ съ другими. Очевидно, подготовлялось крупное революціонное движеніе.

Въ это самое время Жирондисты — партія „государственныхъ людей" — посылали королю, черезъ посредство его лакея, Тьерри, письмо, въ которомъ извѣщали, что готовится грандіозный бунтъ, что послѣдствіемъ его можетъ быть низложеніе короля, или даже что-нибудь еще болѣе ужасное, и что остаётся одно только средство предотвратить катастрофу: это средство — не позже какъ втеченіе недѣли, призвать назадъ въ министерство Ролана, Сервана и Клавьера!

Нѣтъ сомнѣнія, что не двѣнадцать милліоновъ, обѣщанные Бриссо, побудили Жиронду къ такому выступленію. Это не было также простое желаніе вновь быть у власти, какъ думаетъ Луи Бланъ. Причина этого выступленія лежала гораздо глубже, — въ самой сущности политики Жиронды. Взгляды Жирондистовъ очень ясно выражены въ памфлетѣ Бриссо: „Къ своимъ избирателямъ" („A ses commettants"). Ими двигала *боязнь народной революціи, которая можетъ коснуться собственности*, — страхъ передъ презираемымъ ими народомъ, передъ толпою оборванной бѣдноты: боязнь такого строя, въ которомъ собственность и — что еще важнѣе было для нихъ — „подготовленность къ государственному управленію" и „умѣлость въ дѣлахъ" утратятъ то привилегированное положеніе, которое они занимали до сихъ поръ; боязнь оказаться *равными*, поставленными на одну доску съ народною массою!

Эта боязнь парализовала Жирондистовъ, какъ она парализуетъ теперь всѣ тѣ партіи, которыя занимаютъ

въ современныхъ парламентахъ то же, до извѣстной степени правительственное положеніе, какое занимали тогда Жирондисты въ роялистскомъ парламентѣ.

Понятно, какое отчаяніе овладѣвало настоящими „патріотами", т. е. революціонерами: оно вылилось у Марата въ слѣдующихъ строкахъ:

„Вотъ уже три года, какъ мы волнуемся, чтобы добиться свободы, и тѣмъ не менѣе мы стоимъ теперь дальше отъ нея, чѣмъ когда-бы то ни было.

„Революція обратилась противъ народа. Для Двора и его приспѣшниковъ она является вѣчнымъ поводомъ для заискиванія и подкуповъ; для законодателей, она открыла поприще ихъ вѣроломству и лицемѣрію... Для богатыхъ и скопидомовъ, она уже теперь ничто иное, какъ путь къ незаконному обогащенію, къ спекуляціямъ, къ мошенничеству, къ хищеніямъ. Народъ-же раззоренъ, и безчисленный классъ бѣдняковъ долженъ выбирать между опасностью погибнуть отъ нищеты и необходимостью продавать себя... Скажемъ безъ боязни, еще разъ, что теперь мы — дальше отъ свободы, чѣмъ когда бы то ни было, потому что *мы — не только рабы, но мы — рабы по закону*".

На государственной сценѣ, пишетъ Маратъ, перемѣнились только декораціи. Остались тѣ-же дѣйствующія лица, тѣ же интриги, тѣ-же тайные двигатели. — „Неизбѣжно такъ должно было случиться", продолжаетъ онъ, *„разъ низшіе классы націи одни борятся противъ высокопоставленныхъ лицъ.* Въ моментъ возстанія, народъ, правда, подавляетъ все своею массою; но, каковы бы ни были его завоеванія, въ концѣ концовъ его побѣждаютъ заговорщики изъ высшихъ классовъ —коварные, проныривые, изощрившіеся во всевозможныхъ хитросплетеніяхъ. Образованные люди изъ высшихъ классовъ, обезпеченные и умѣлые интриганы сначала выступили противъ деспота; но — только для того, чтобы, завладѣвъ довѣріемъ народа и воспользовавшись его силами, стать самимъ на мѣсто устра-

ненныхъ ими привилегированныхъ сословій и обратиться затѣмъ противъ этого самаго народа".

„Итакъ", продолжаетъ Маратъ, и это — золотыя слова, потому что они написаны точно сейчасъ, въ двадцатомъ вѣкѣ, „Революція сдѣлана была и поддерживается лишь самыми низшими классами общества: рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледѣльцами, т. е. плебеями, — тѣми несчастными, которыхъ безстыдное богатство называетъ *чернью*, а римское высокомѣріе называло *пролетаріями*. Но чего никакъ нельзя было ожидать, это то — что революція окажется сдѣланною исключительно для выгоды мелкихъ земельныхъ собственниковъ и законниковъ, кляузниковъ".

На другой день послѣ взятія Бастиліи представителямъ народа нетрудно было, „лишить деспота и его агентовъ всѣхъ ихъ должностей", пишетъ дальше Маратъ. „Но для этого, народные представители должны были обладать дальновидностью и добродѣтелью". Что-же касается до народа, то вмѣсто того, чтобы всѣмъ немедленно вооружиться, онъ допустилъ, чтобы вооруженною оказалась только часть гражданъ [національная гвардія, состоявшая изъ активныхъ гражданъ]. И, *вмѣсто того, чтобы немедленно напасть на враговъ Революціи*, онъ самъ лишилъ себя своего выгоднаго положенія, оставаясь только въ оборонительномъ положеніи.

„Въ настоящую минуту", говоритъ Маратъ, „послѣ трехъ лѣтъ безконечныхъ рѣчей въ патріотическихъ обществахъ и цѣлаго ворока всевозможныхъ писаній,... народъ стоитъ дальше отъ пониманія того, что ему дѣлать для сопротивленія своимъ угнетателямъ, чѣмъ въ первый день Революціи. Тогда онъ слѣдовалъ своему истинкту, своему непосредственному здравому смыслу, и здравый смыслъ подсказывалъ ему, гдѣ искать средства для укрощенія его враговъ.... Теперь-же онъ скованъ по закону, терпитъ угнетеніе во имя закона; теперь, онъ — *рабъ на основаніи конституціи*".

Можно было бы подумать, что это писано вчера, если бы оно не было взято изъ № 657-го „Друга Народа".

Глубокое отчаяніе охватывало Марата при видѣ такого положенія дѣлъ, и онъ видѣлъ только одинъ исходъ: „ожесточенный взрывъ гражданскихъ чувствъ" со стороны народа, какъ было 13-го и 14-го іюля, 5-го и 6-го октября 1789 года. И онъ продолжалъ видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ, пока въ Парижъ не пришли волонтёры (fédérés) изъ провинціи, которые вновь вдохновили его надеждой.

Шансы контръ-революціи были въ этотъ моментъ (въ концѣ іюля 1792 года) такъ велики, что Людовикъ XVI наотрѣзъ отказался отъ упомянутаго предложенія Жирондистовъ, — взять ихъ вожаковъ себѣ въ министры. Пруссаки уже шли на Парижъ; Лафайетъ и Люкнеръ стояли, каждый со своею арміею, готовые направить её противъ Якобинцевъ, противъ Парижа; причемъ Лафайетъ пользовался большимъ вліяніемъ на Сѣверѣ, а въ самомъ Парижѣ былъ божкомъ буржуазной національной гвардіи.

И въ самомъ дѣлѣ, король имѣлъ полное основаніе надѣяться. Якобинцы, пользовавшіеся вліяніемъ среди парижскихъ революціонеровъ, *не рѣшались дѣйствовать*; а когда, 18-го іюля, стала извѣстна измѣна Лафайета и Люкнера (16-го числа, они хотѣли похитить короля и поставить его во главѣ своихъ войскъ), и Маратъ предложилъ объявить короля заложникомъ націи противъ иностраннаго нашествія, — всѣ отвернулись отъ него и называли его безумцемъ. Одни санъ-кюлоты, въ своихъ трущобахъ, сочувствовали ему. Только потому, что онъ осмѣлился сказать то, что впослѣдствіи оказалось истинною *правдою*, только потому, что онъ осмѣлился изобличить тайныя сношенія короля съ непріятелемъ, Марата покинули всѣ, даже тѣ нѣсколько якобинскихъ патріотовъ, на которыхъ онъ — тотъ самый Маратъ, котораго изображаютъ такимъ подозрительнымъ — всѣ-

таки еще разсчитывалъ. Они отказали ему даже въ убѣжищѣ, когда его искала полиція, и онъ обращался къ нимъ за пристанищемъ.

Что касается до Жиронды, то послѣ отказа короля, она всё еще продолжала вести съ нимъ переговоры — въ этотъ разъ, черезъ посредство художника Боза; а 25-го іюля она обратилась къ нему съ новымъ посланіемъ.

Это было всего за двѣ недѣли до 10-го августа. Революціонная Франція грызла свои удила. Она понимала, что наступилъ моментъ дѣйствовать. Или королевской власти будетъ нанесенъ послѣдній ударъ, или же революція останется незаконченной и всё придется начинать сначала. Неужели-же такъ и оставить королю и Двору возможность окружить себя войсками и привести въ исполненіе ужасный дворцовый заговоръ, чтобы предать Парижъ въ руки нѣмцевъ? Кто знаетъ, сколько еще лѣтъ продержится тогда на французскомъ тронѣ королевская власть, немного подновленная, но въ сущности почти самодержавная?

И вотъ, въ этотъ рѣшающій моментъ главная забота политикановъ — споръ о томъ, *кому достанется власть*, если она выпадетъ изъ рукъ короля?

Жирондисты хотятъ, чтобы власть перешла къ нимъ, къ Коммиссіи Двѣнадцати, которая станетъ такимъ образомъ исполнительною властью. Робеспьеръ, съ своей стороны, требуетъ новыхъ выборовъ, „обновленнаго Собранія“, Конвента, который выработалъ-бы для Франціи новую, республиканскую конституцію.

Но, о томъ чтобы дѣйствовать, о томъ чтобы подготовить низложеніе короля — объ этомъ, кромѣ народа, не думаютъ ни тѣ, ни другіе, и ужъ никакъ не клубъ Якобинцевъ. Въ кабачкѣ Золотого Солнца собираются, для подготовленія нападенія на дворецъ и всеобщаго возстанія подъ краснымъ знаменемъ, одни „неизвѣстные“, — любимцы народа, пивоваръ Сантерръ, Фур-

нье-Американецъ, полякъ Лазовскій, Карра, Симонъ*), Вестерманъ (тогда бывшій простымъ писцомъ), изъ которыхъ нѣкоторые состояли вмѣстѣ съ тѣмъ въ тайной директоріи волонтёровъ („федератовъ"). Затѣмъ — секціи (большинство парижскихъ, и нѣкоторыя отдѣльныя секціи на Сѣверѣ, въ департаментѣ Мэнъ-и-Луары, въ Марсели), и наконецъ — марсельскіе и брестскіе волонтёры, призванные для революціоннаго дѣла парижскимъ народомъ. Народъ, вездѣ народъ!

„Тамъ (въ Собраніи) засѣдали *законники, постоянно препиравшіеся, подъ угрозой хлыста своихъ господъ*...

„Здѣсь (въ собраніи секцій) было положено основаніе Республикѣ", говоритъ Шометъ въ своихъ Мемуарахъ.

---

*) J. F. Simon былъ нѣмецкій учитель, бывшій сотоварищъ Базедова по Дессаускому Филантропіуму. (Рукописная замѣтка Дж. Гильома).

XXXIII.

10-ое августа; его непосредственные результаты.

Мы видѣли, каково было положеніе Франціи лѣтомъ 1792 года.

Революція продолжалась уже свыше трехъ лѣтъ, и возвратъ къ старому порядку сталъ уже невозможенъ. Если феодальный строй и существовалъ еще по закону, на практикѣ крестьяне его не признавали; они не платили повинностей, захватывали земли духовенства и эмигрантовъ, а во многихъ мѣстахъ отбирали обратно земли, отнятыя въ прежнія времена у деревенскихъ общинъ. Въ деревенскихъ муниципалитетахъ они считали себя хозяевами.

То же самое происходило и съ государственными учрежденіями. Всё административное зданіе, казавшееся при старомъ укладѣ такимъ грознымъ, рухнуло подъ дуновеніемъ народной революціи. Кто думалъ теперь объ интендантѣ, о его жандармеріи, о судьяхъ старыхъ парламентовъ! Муниципалитетъ, захваченный санъ-кюлотами, мѣстное Народное Общество, первичное собраніе избирателей, народъ вооруженный пиками — вотъ что представляло теперь новую силу въ довольно значительной части Франціи.

Общій видъ страны, весь духъ населенія — его языкъ, нравы, понятія,—все измѣнилось подъ вліяніемъ революціи. *Народилась новая нація*, и эта нація, по своимъ политическимъ и соціальнымъ понятіямъ совершенно не походила на то, чѣмъ она была какихъ-нибудь десять, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ!

А между тѣмъ старый порядокъ все еще держался. Королевская власть продолжала существовать и представляла собою силу, готовую собрать вокругъ себя всѣхъ враговъ Революціи. Люди жили, изо дня въ день, подъ какимъ-то временнымъ распорядкомъ. Возвратить королю его прежнюю власть было безумною мечтою, которую, кромѣ нѣкоторыхъ придворныхъ фанатиковъ, никто уже не лелѣялъ. Но эта власть все еще была страшно сильна — сильна возможностью приносить вредъ. Если она не могла уже возстановить феодальный порядокъ, то сколько зла она всё-таки могла надѣлать освобожденнымъ крестьянамъ, въ случаѣ своего торжества, если бы въ каждой деревнѣ она стала оспаривать у крестьянъ завоеванныя ими землю и волю! Таковы, впрочемъ, и были планы короля и Фёльянтовъ (конституціонныхъ монархистовъ), — планы, которые они собирались осуществить, какъ только партіи Двора удастся раздѣлаться съ тѣми, кого они называли „якобинцами".

Что касается администраціи, то мы видѣли, что въ двухъ-третяхъ всѣхъ департаментовъ, и даже въ Парижѣ, департаментская и окружная (губернская и уѣздная) администраціи были противъ Революціи; онѣ помирились бы на всякомъ подобіи конституціи, лишь бы только оно давало буржуазіи возможность получить долю власти, принадлежавшей раньше королю и Двору.

Войско, во главѣ котораго стояли такіе люди, какъ Лафайетъ и Люкнеръ, могло быть каждую минуту направлено противъ народа. Послѣ 20-го іюня Лафайетъ оставилъ свой лагерь, прилетѣлъ въ Парижъ и тамъ предложилъ королю помощь „своего" войска, что-

бы разогнать общества патріотовъ и произвести переворотъ въ пользу Двора.

Наконецъ, феодальный строй, какъ мы видѣли, продолжалъ существовать по закону. Неплатёжъ крестьянами феодальныхъ повинностей былъ, съ точки зрѣнія закона, злоупотребленіемъ. Пусть только завтра король вернётъ себѣ свою власть — и старый порядокъ вновь заставитъ крестьянъ платить все, до послѣдняго гроша, пока они не выкупятъ себя изъ когтей прошлаго; онъ заставитъ ихъ возвратить дворянамъ и духовенству всѣ захваченныя, или даже купленныя, ими земли.

Такое временное положеніе, очевидно, не могло продолжаться. Нельзя жить съ постоянно висящимъ надъ головою мечомъ. Кромѣ того, народъ, со свойственнымъ ему вѣрнымъ инстинктомъ, отлично понималъ, что король состоитъ въ соглашеніи съ нѣмцами, идущими на Парижъ. Въ то время, письменныхъ доказательствъ его измѣны еще не было. Переписка короля и Маріи Антуанеты съ австрійцами еще не была извѣстна; и никто еще не зналъ въ точности, какъ король и королева торопили австрійцевъ и пруссаковъ идти скорѣе на Парижъ, какъ они извѣщали ихъ обо всѣхъ передвиженіяхъ французскихъ войскъ, сообщали немедленно всѣ военные секреты и предавали Францію во власть чужеземнаго нашествія. Обо всемъ этомъ узнали — да и то болѣе догадались, чѣмъ узнали, — только послѣ взятія Тюильри, когда въ потайномъ шкафу, сдѣланномъ для Людовика XVI-го слесаремъ Гаменомъ, были найдены нѣкоторыя бумаги короля. Но измѣну скрыть нелегко, и тысячи признаковъ, которые такъ легко улавливаютъ люди изъ народа, указывали на то, что Дворъ былъ въ соглашеніи съ нѣмцами и призвалъ ихъ во Францію.

И вотъ, въ Парижѣ и кое-гдѣ въ провинціи укрѣплялась мысль, что рѣшительный ударъ долженъ быть направленъ на Тюильри: что старый порядокъ будетъ оставаться угрозою для Франціи до тѣхъ поръ, пока не будетъ провозглашено низложеніе короля.

Но для этого нужно было обратиться — какъ обратились передъ 14-мъ іюля 1789 года — съ призывомъ къ парижскому народу, къ „людямъ съ пиками". А именно этого-то и не хотѣла буржуазія; этого она боялась. Въ писаніяхъ того времени мы видимъ какой-то ужасъ передъ „людьми съ пиками". Неужели эти страшные для богачей люди опять покажутся на улицахъ?!

И если-бъ этотъ страхъ передъ народомъ былъ только у капиталистовъ! Но тѣ-же опасенія раздѣляли и политическіе дѣятели. Робеспьеръ, еще въ іюнѣ 1792 года, высказывался противъ обращенія къ народу. „Низверженіе конституціи не можетъ въ настоящій моментъ, говорилъ онъ, дать ничего, кромѣ гражданской войны, которая приведетъ къ анархіи и деспотизму". Въ случаѣ свержения короля, республика кажется ему невозможной. „Какъ!" восклицаетъ онъ, „при такихъ гибельныхъ разногласіяхъ насъ хотятъ оставить вдругъ безъ Конституціи, безъ закона!" Республика была бы, по его мнѣнію, „произволомъ небольшого меньшинства" (читай: Жирондистовъ); „въ этомъ, говоритъ онъ, цѣль всѣхъ интригъ, уже столько времени волнующихъ насъ". Чтобы ихъ избѣжать, онъ предпочитаетъ сохранить короля, примириться со всѣми интригами Двора! И это говорилось въ іюнѣ, меньше чѣмъ за два мѣсяца до 10-го августа! Изъ боязни, чтобы движеніемъ не завладѣла другая партія, Робеспьеръ предпочиталъ удержать короля; онъ высказывался противъ возстанія.

Только послѣ неудачной демонстраціи 20-го іюня и послѣдовавшей за нею реакціи; послѣ безразсуднаго поступка Лафайета, явившагося въ Парижъ и предложившаго свое войско для роялистскаго переворота; только послѣ того, какъ нѣмцы рѣшились идти на Парижъ, съ цѣлью „освободить короля и наказать якобинцевъ", и Дворъ дѣятельно занялся военными приготовленіями къ битвѣ противъ населенія Парижа, — только послѣ всего этого революціонные „вожди обще-

ственнаго мнѣнія" рѣшились обратиться къ народу, призывая его къ тому, чтобы нанести Тюильрійскому дворцу окончательный ударъ.

Разъ это было рѣшено, все остальное уже было сдѣлано самимъ народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что между Дантономъ, Робеспьеромъ, Маратомъ, Роберомъ, Шометомъ (Лусталó умеръ при полученіи извѣстій изъ Нанси) и нѣкоторыми другими состоялось предварительное соглашеніе. Робеспьеру, все было ненавистно въ Маратѣ: и его революціонный пылъ, который Робеспьеръ считалъ преувеличеніемъ, и его ненависть къ богатымъ, и его абсолютное недовѣріе къ политиканамъ — всё, вплоть до бѣдной и грязной одежды этого человѣка, который съ самаго начала Революціи сталъ питаться, какъ питался народъ — хлѣбомъ и водою — чтобы цѣликомъ отдаться народному дѣлу. Несмотря на это, изящный и „корректный" Робеспьеръ, а также и Дантонъ, пришли къ Марату и его товарищамъ — къ людямъ изъ секцій, изъ Коммуны, — чтобы сговориться съ ними насчетъ того, какъ еще разъ поднять народъ, по примѣру 14-го іюля, — на этотъ разъ, для окончательнаго нападенія на королевскую власть. Они поняли, наконецъ, что если временное положеніе будетъ продолжаться, Революція погибнетъ, не закрѣпивъ ничего изъ своихъ дѣлъ.

Либо обратиться къ народу — и тогда предоставить ему полную свободу раздѣлываться, какъ онъ знаетъ, со своими врагами и оказывать на богатыхъ, какое онъ сможетъ оказать давленіе, чтобы обложить и обрѣзать ихъ собственность. Или же королевская власть восторжествуетъ въ борьбѣ, и тогда это будетъ побѣдою контръ-революціи и уничтоженіемъ всего, что только было сдѣлано въ направленіи равенства. Въ такомъ случаѣ бѣлый терроръ 1794-го года, т. е. истребленіе революціонеровъ, начался-бы уже въ 1792-мъ году.

Итакъ, между нѣкоторыми крайними Якобинцами (они даже засѣдали въ отдѣльномъ помѣщеніи), между

Кордельерами и людьми изъ народа, которые хотѣли нанести Тюильрійскому дворцу рѣшительный ударъ, состоялось соглашеніе. Но разъ это было сдѣлано, разъ „вожди общественнаго мнѣнія“ — Робеспьеры и Дантоны — обѣщали болѣе не противиться народному движенію, а наоборотъ рѣшили поддержать его, все остальное было предоставлено народу, который понимаетъ, лучше чѣмъ партійные вожди, необходимость предварительнаго соглашенія, въ моментъ, когда революціи предстоитъ сдѣлать рѣшительный шагъ.

Разъ установилось такое соглашеніе и выяснилась общность одной идеи, Великій Неизвѣстный — народъ — принялся за подготовленіе возстанія и самостоятельно создалъ, въ виду потребностей минуты, родъ организаціи по секціямъ, признанной нужною для приданія движенію необходимой связности. Подробности были предоставлены организаторскому духу самаго населенія предмѣстій; и когда, 10-го августа, солнце всходило надъ Парижемъ, никто не могъ бы предсказать, чѣмъ кончится этотъ знаменитый день. Въ обоихъ батальонахъ „федератовъ“, явившихся изъ Марселя и Бреста, хорошо организованныхъ и вооруженныхъ, насчитывалось не больше тысячи человѣкъ, и никто, кромѣ тѣхъ, кто работалъ въ предыдущіе дни и ночи въ раскаленной атмосферѣ предмѣстій, не могъ бы сказать, поднимется ли масса населенія этихъ предмѣстій, или нѣтъ.

— „Гдѣ же были обычные вожаки? Что они дѣлали?“ спрашиваетъ Луи Бланъ, этотъ обожатель Робеспьера, — и отвѣчаетъ: — „Ничто не указываетъ на то, какова была въ эту рѣшающую ночь роль Робеспьера, и игралъ-ли онъ какую-нибудь роль“. Дантонъ тоже, повидимому, не принималъ дѣятельнаго участія, ни въ подготовленіи возстанія, ни въ самой битвѣ 10 го августа*).

*) См. Приложеніе въ концѣ этой книги.

Понятно, что разъ движеніе было рѣшено, народъ уже больше не нуждался въ руководителяхъ политики. Теперь нужно было запасаться оружіемъ, раздавать его тѣмъ, кто съумѣетъ владѣть имъ, организовать ядро надёжныхъ бойцовъ внутри каждаго батальона, образовать колонны во всѣхъ улицахъ предмѣстій. Въ этомъ, политическіе вожаки могли только мѣшать. Вотъ почему, въ ночь съ 9-го на 10-ое августа, когда дѣлались послѣднія приготовленія къ движенію, ихъ попросили уйти къ себѣ домой спать. Дантонъ такъ и сдѣлалъ; какъ видно изъ дневника жены Дэмулена, Люсили, Дантонъ провелъ до часа ночи въ своей секціи, а затѣмъ спалъ всю ночь.

На сцену выступили теперь, при назначеніи секціями новаго Генеральнаго Совѣта Коммуны, т. е. Революціонной Коммуны Десятаго августа, — новые люди — все „неизвѣстные“. Каждая секція, становясь сама для себя закономъ, избрала „для спасенія отечества“ своихъ трехъ коммисаровъ, причёмъ выборъ народа палъ, какъ разказываютъ намъ историки, исключительно на людей никому неизвѣстныхъ. Въ числѣ ихъ былъ — Эберъ (Hébert), но не было въ началѣ даже ни Марата, ни Дантона*).

Такимъ образомъ возникла изъ нѣдръ народа и взяла на себя руководительство движеніемъ новая „Коммуна“ — революціонная Коммуна. И мы увидимъ, какое могущественное вліяніе окажетъ она на весь послѣдующій ходъ событій, какъ она будетъ господствовать надъ Конвентомъ и толкать на революціонное дѣло членовъ Горы, чтобы упрочить, по крайней мѣрѣ, тѣ завоеванія, которыя уже сдѣланы революціей.

*) „Сколько величія было въ этомъ Собраніи!“ пишетъ Пометъ („Mémoires“, стр. 44). „Какіе высокіе порывы патріотизма видѣлъ я, когда обсуждали вопросъ о низложеніи короля! Что такое было Національное Собраніе, съ его мелкими страстями,... мелкими мѣрами, съ его декретами, задержанными на поль-дорогѣ, а затѣмъ и совсѣмъ убитыми посредствомъ veto, — въ сравненіи съ этимъ собраніемъ парижскихъ секцій!“

Подробно разсказывать о событіяхъ 10-го августа было бы излишне. Драматическая сторона революціи лучше всего разсказана у историковъ, и мы находимъ у Мишлэ и у Луи Блана превосходныя описанія событій. Мы ограничимся поэтому тѣмъ, что напомнимъ самыя главныя изъ нихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марсель рѣшительно высказалась за низложеніе короля, петиціи и адреса въ пользу низложенія стали поступать въ Собраніе изъ разныхъ мѣстъ. Въ Парижѣ, сорокъ-двѣ секціи высказались въ томъ же смыслѣ. 4-го августа Петіонъ даже явился въ Собраніе, чтобы выразить желаніе секцій.

Что касается до политическихъ дѣятелей Національнаго Собранія, то они, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ серьезномъ положеніи дѣлъ, и въ то время, какъ въ письмахъ изъ Парижа (сноски Жюльенъ) отъ 7 и 8 августа мы читаемъ: „На горизонтѣ собирается страшная гроза", „горизонтъ теперь насыщенъ парами, отъ которыхъ долженъ произойти страшный взрывъ", — Собраніе въ ночномъ засѣданіи оправдываетъ Лафайета, котораго нѣкоторые члены хотѣли осудить за его письмо,—точно никакого взрыва негодованія противъ королевской власти вовсе не было.

Парижскій народъ, тѣмъ временемъ, готовился къ рѣшительной битвѣ. У революціонныхъ комитетовъ хватило, однако, достаточно здраваго смысла, чтобы не назначать возстанія на опредѣленный день. Они только зорко наблюдали за измѣнчивымъ состояніемъ умовъ, старались поднять настроеніе и поджидали моментъ, когда можно будетъ обратиться съ призывомъ къ оружію. Была, повидимому, попытка вызвать движеніе 26-го іюля, для чего былъ устроенъ банкетъ на развалинахъ Бастиліи, въ которомъ приняло участіе все населеніе предмѣстья, принесшее свои столы и свою провизію (Mortimer Ternaux, „La Terreur", т. II, стр. 130). Въ другой разъ попробовали поднять народъ 30-го іюля, но и это тоже не удалось.

Приготовленія къ возстанію, въ которыхъ „вожди общественнаго мнѣнія“ участвовали очень мало, могли бы еще затянуться, если бы дворцовые заговорщики сами не ускорили событій. Роялисты разсчитывали на помощь придворныхъ, клявшихся умереть за короля, на нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, оставшихся вѣрными Двору, и на швейцарцевъ, державшихъ караулы во дворцѣ: они были увѣрены въ побѣдѣ. Для своего государственнаго переворота они избрали день 10-го августа. „Это былъ день, назначенный для контръ-революціи“, читаемъ мы въ письмахъ того времени; „на другой день во всей Франціи якобинцы должны были оказаться потопленными въ своей собственной крови“.

Секціи это узнали, и тогда, въ ночь съ 9-го на 10-е, въ полночь, въ Парижѣ ударили въ набатъ. Сначала набатъ, какъ будто, не произвёлъ нужнаго дѣйствія, и въ Коммунѣ стали даже поговаривать, — не отложить-ли возстаніе? Въ семь часовъ утра нѣкоторые кварталы были еще совершенно спокойны. На самомъ же дѣлѣ, парижскій народъ, съ его удивительнымъ революціоннымъ чутьемъ, повидимому, не рѣшался начать въ темнотѣ битву съ королевскими войсками, такъ какъ она могла кончиться паникой и пораженіемъ.

Тѣмъ временемъ, ночью, „Революціонная Коммуна“ (т. е. новый, революціонный Совѣтъ Коммуны), вступила во владѣніе Городскою Ратушею. Она явилась въ Ратушу, смѣнила прежній, „законный“ Совѣтъ Коммуны, который уступилъ свое мѣсто новой революціонной силѣ, и тотчасъ же придала всему движенію новую энергію.

Около семи часовъ утра, люди съ пиками, руководимые марсельскими „федератами“, первые показались на площади Каруселя, подступая къ дворцу.

Часъ спустя, заколыхалась и вся толпа. Во дворецъ, къ королю прибѣжали съ вѣстью, что „весь Парижъ“ идетъ на Тюильри.

И это былъ дѣйствительно весь Парижъ, но особенно весь Парижъ бѣдноты, при поддержкѣ національной гвардіи изъ рабочихъ и ремесленныхъ кварталовъ.

Тогда, около половины девятаго, король — у котораго еще свѣжо было въ памяти воспоминаніе о двадцатомъ іюня, и заговорила боязнь быть убитымъ народомъ — покинулъ Тюильри по совѣту своихъ придворныхъ и направился пѣшкомъ, черезъ садъ, искать убѣжища въ Собраніи, предоставляя своимъ приверженцамъ защищать дворецъ и избивать нападающихъ. И, какъ только король ушелъ, цѣлые батальоны буржуазной національной гвардіи изъ богатыхъ кварталовъ понемногу разошлись, избѣгая вооруженной встрѣчи съ поднявшимся народомъ.

Густая толпа народа быстро наводнила окрестности Тюильри, и тѣ изъ толпы, кто былъ впереди, ободренные швейцарцами, которые выбрасывали изъ оконъ свои патроны, проникли въ одинъ изъ дворовъ дворца. Но въ этотъ же моментъ другіе швейцарцы, стоявшіе подъ командой придворныхъ офицеровъ на большой входной лѣстницѣ дворца, открыли огонь по народу, и повалили въ упоръ, въ нѣсколько минутъ, убитыми и раненными у подножія лѣстницы, больше четырехсотъ человѣкъ.

Это избіеніе рѣшило исходъ движенія. Теперь, со всѣхъ сторонъ къ Тюильри повалили толпы народа, съ криками: „*Измѣна! Смерть королю! Смерть австріячкѣ!*“ Все населеніе предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо массами двинулось ко дворцу, и швейцарцы, на которыхъ народъ набросился съ ожесточеніемъ, были обезоружены или истреблены.

Нужно-ли напоминать о томъ, что даже въ этотъ рѣшающій моментъ Собраніе колебалось и не знало, что́ предпринять. Оно начало дѣйствовать только тогда, когда вооруженный народъ ворвался въ залу засѣданій, грозя убить тутъ-же короля и его семью, а также и тѣхъ депутатовъ, которые не рѣшались высказаться за низложеніе короля. Даже тогда, когда тюиль-

рійскій дворецъ былъ уже взятъ, и королевская власть фактически перестала существовать, Жирондисты, нѣкогда такъ любившіе говорить о Республикѣ, не осмѣливались предпринять ничего рѣшительнаго. Вернье потребовалъ только *временнаго отрѣшенія главы исполнительной власти;* его предлагалось теперь переселить въ Люксембургскій дворецъ. Такъ и было сдѣлано.

Только два или три дня спустя, революціонная Коммуна перевезла Людовика XVI и его семью въ башню Тампль (Temple), чтобы держать его тамъ, въ качествѣ плѣнника.

Королевская власть была, такимъ образомъ, фактически уничтожена. Законодательному Собранію оставалось только подчиниться. Теперь Революція могла, на нѣкоторое время, свободно развиваться, не боясь быть внезапно остановленной переворотомъ со стороны роялистовъ, избіеніемъ революціонеровъ и водвореніемъ бѣлаго террора.

Для политиковъ, главный интересъ 10-го августа заключается въ томъ, что въ этотъ день былъ нанесенъ ударъ королевской власти. Для народа же, этотъ день былъ, главнымъ образомъ, днемъ уничтоженія той силы, которая противилась осуществленію декретовъ, направленныхъ противъ феодальныхъ правъ, противъ эмигрантовъ и противъ священниковъ, и ради этого призывала себѣ на помощь нѣмецкое нашествіе. Это былъ день торжества *народныхъ* революціонеровъ, торжества народа, получившаго теперь возможность вести Революцію впередъ, въ направленіи Равенства — всегдашней мечты и цѣли народныхъ массъ. И дѣйствительно, уже на другой день послѣ 10-го августа Законодательное Собраніе, при всей своей трусости и реакціонности, издало, подъ внѣшнимъ давленіемъ, нѣсколько декретовъ, двинувшихъ Революцію впередъ.

На основаніи этихъ декретовъ, всякій неприсягнувшій священникъ, который не принесетъ втеченіе двухъ недѣль присягу Конституціи и будетъ найденъ послѣ

этого на французской территоріи, подлежитъ ссылкѣ въ Кайенну.

Всѣ имущества эмигрантовъ, во Франціи и въ колоніяхъ, конфисковались и подлежали продажѣ мелкими участками.

Всякое различіе между пассивными (бѣдными) и активными (имущими) гражданами было отмѣнено. Всѣ граждане становились избирателями, когда достигнутъ двадцати-одного года, и избираемыми — въ двадцать-пять лѣтъ.

Что касается феодальныхъ правъ, то мы видѣли, что Учредительное Собраніе издало 15 марта 1790-го года возмутительный законъ, по которому *всѣ* феодальныя повинности разсматривались, какъ представляющія собою стоимость извѣстнаго участка земли, уступленнаго когда-то собственникомъ арендатору (что́ было совершенно невѣрно), а потому должны были выплачиваться сполна, пока онѣ не будутъ выкуплены.

Смѣшивая въ одно повинности *личныя* (вытекающія изъ крѣпостного права) и повинности *земельныя* (вытекающія изъ аренды), этотъ декретъ отмѣнялъ, въ сущности, постановленіе 4-го августа 1789 года, въ силу котораго уничтожались всѣ *личныя* повинности. Съ декретомъ 15-го марта 1790 года эти повинности возрождались, подъ видомъ обязательствъ, связанныхъ съ владѣніемъ землею. На это очень справедливо указывалъ Кутонъ, въ докладѣ, прочитанномъ въ Собраніи 29 февраля 1792 года.

Теперь, 14 іюня 1792 года, т. е. незадолго до 20-го іюня, когда нужно было снискать расположеніе народа, лѣвая сторона провела, пользуясь случайнымъ отсутствіемъ нѣсколькихъ членовъ правой, *отмѣну безъ выкупа* нѣкоторыхъ личныхъ феодальныхъ правъ, а именно всѣхъ единовременныхъ платежей (casuels), взимавшихся помѣщикомъ при полученіи крестьяниномъ наслѣдства, или свадьбы, а также за виноградный прессъ, за мельницу, общую печь и т. д., которые могъ держать только помѣщикъ.

Итакъ, *послѣ трехъ лѣтъ Революціи,* добиться отъ Собранія отмѣны этихъ возмутительныхъ платежей, удалось только ловкимъ манёвромъ!

Въ сущности, единовременные платежи не уничтожались окончательно и этимъ декретомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ все-таки нужно было выкупать; но оставимъ это.

Что же касается *годичныхъ* платежей натурою — чинша, цензива, шампара, — которые крестьянамъ приходилось вносить помимо земельной ренты и которые также являлись остатками личной зависимости отъ помѣщика, то они оставались въ полной силѣ.

Но вотъ народъ пошелъ на Тюильри; король низложенъ и взятъ въ плѣнъ революціонною Коммуною. И, какъ только вѣсть объ этомъ разносится по деревнямъ, въ Собраніе стекаются со всѣхъ сторонъ прошенія отъ крестьянъ, требующихъ полной отмѣны феодальныхъ правъ.

Тогда — это было незадолго до убійствъ 2 сентября, и отношеніе парижскаго народа къ буржуазнымъ законодателямъ было довольно угрожающее — Собраніе рѣшилось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ (декреты 16—25 августа 1792 года).

Всякія преслѣдованія за неплатёжъ феодальныхъ повинностей пріостанавливаются; это уже — нѣкоторое пріобрѣтеніе.

Всѣ феодальные и помѣщичьи платежи — если они не представляютъ собою уплаты за состоявшуюся когда-нибудь уступку земельнаго участка — отмѣняются безъ выкупа.

Наконецъ, декретомъ 20-го августа *разрѣшается* выкупать порознь, либо единовременные, либо годичные платежи, которые теперь платятся за пользованіе земельнымъ участкомъ,—если это будетъ доказано предъявленіемъ соотвѣтственнаго документа.

Но все это — только въ случаѣ покупки земли *новымъ* собственникомъ!

Отмѣна преслѣдованій за неплатёжъ была, несомнѣнно, крупнымъ шагомъ впередъ. Но феодальныя повинности все еще продолжали существовать. По-прежнему, ихъ приходилось выкупать; одно только сдѣлалъ новый законъ: онъ вносилъ лишнюю путаницу, такъ что теперь легче было ничего не платить и ничего не выкупать. Крестьяне, разумѣется, не замедлили такъ и сдѣлать, въ ожиданіи какой-нибудь новой побѣды народа и новыхъ уступокъ со стороны правителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, были отмѣнены, безъ вознагражденія, всѣ церковныя десятины, а также барщины, унаслѣдованныя отъ права мертвой руки. Это былъ уже шагъ впередъ: если Собраніе покровительствовало помѣщикамъ и буржуазнымъ владѣльцамъ, пріобрѣтавшимъ землю, то по крайней мѣрѣ духовенство, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ защищавшій ихъ король, оно предоставляло его собственной судьбѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Собраніе провело такую мѣру, которая, если бы только она была приложена на практикѣ, сразу возстановила бы противъ Республики всю крестьянскую Францію. Законодательное Собраніе отмѣнило круговую поруку въ платежахъ, существовавшую въ крестьянскихъ общинахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписало, по предложенію Франсуа де Нёфшатб, *раздѣлъ общинныхъ земель между гражданами*. Но, повидимому, къ этому декрету, составленному очень неопредѣленно, въ нѣсколькихъ строкахъ, и похожему скорѣе на принципіальную декларацію, чѣмъ на декретъ, никто не отнесся серьезно. Его примѣненіе натолкнулось бы, впрочемъ, на такія препятствія, что онъ неизбѣжно остался бы мертвою буквою. А когда этотъ вопросъ былъ снова внесенъ на обсужденіе, существованіе Законодательнаго Собранія уже приходило къ концу, и оно разошлось, не прійдя ни къ какому рѣшенію.

Что касается имуществъ эмигрантовъ, то ихъ предписано было распродавать *мелкими участками*, въ два,

три, самое большее — четыре арпана*). Продажа эта должна была производиться въ видѣ денежной аренды, которую всегда можно было выкупить. Иными словами, тотъ у кого не было денегъ, могъ всё-таки купить землю, подъ условіемъ платежа вѣчной аренды, которую онъ рано или поздно могъ выкупить. Для бѣдныхъ крестьянъ это было, несомнѣнно, выгодно. Но на мѣстахъ, мелкіе покупатели встрѣчали, какъ и слѣдовало ожидать, всевозможныя затрудненія. Богатые буржуа предпочитали покупать земли эмигрантовъ крупными участками, а потомъ перепродавать ихъ по мелочамъ.

Наконецъ — и это очень характерно — Майль воспользовался подходящимъ настроеніемъ, чтобы предложить одну дѣйствительно революціонную мѣру, о которой вспомнили впослѣдствіи, послѣ паденія Жирондистовъ. Онъ предложилъ отмѣнить указъ 1669-го года и заставить помѣщиковъ возвратить крестьянскимъ общинамъ мірскія земли, отнятыя у нихъ на основаніи этого указа. Предложеніе его, разумѣется, было отвергнуто: для этого нужна была еще одна революція.

Итакъ, вотъ результаты 10-го августа:

Королевская власть низвергнута, и Революція можетъ теперь развернуть новую страницу и двинуться въ направленіи равенства, если этому не помѣшаютъ Собраніе и, вообще, правители.

Король и его семья — въ заключеніи. Созвано новое Собраніе, Конвентъ. Выборы будутъ происходить на основаніи всеобщаго избирательнаго права, хотя все еще остаются двухстепенными.

Противъ священниковъ, отказывающихся признать Конституцію, и противъ эмигрантовъ приняты нѣкоторыя мѣры.

Издано распоряженіе о продажѣ имуществъ эмигрантовъ, конфискованныхъ на основаніи декрета 30-го марта 1792 года.

*) Arpent парижской мѣры былъ около трети десятины. Въ другихъ мѣстахъ — до поль-десятины.

Противъ иноземнаго вторженія будетъ поведена рѣшительная война добровольцами санъ-кюлотами.

Но существенный вопросъ — что дѣлать съ плѣнникомъ-королемъ? и другой, такой же существенный вопросъ, волнующій пятнадцать милліоновъ крестьянъ —вопросъ о феодальныхъ платежахъ, — все еще остаются нерѣшенными. Чтобы избавиться отъ этихъ платежей, ихъ все еще приходится выкупать. А новый законъ о раздѣлѣ общинныхъ земель вызываетъ въ деревняхъ серьезныя опасенія.

Въ этотъ моментъ Законодательное Собраніе расходится — сдѣлавъ все, что могло, чтобы помѣшать естественному развитію Революціи, которое привело бы къ уничтоженію двухъ наслѣдій прошлаго: королевской власти и феодальныхъ правъ.

Но рядомъ съ Законодательнымъ Собраніемъ выросла съ 10-го августа новая сила — Парижскія Секціи (отдѣлы) и Парижская Коммуна, которая беретъ на себя революціонный починъ и проявляетъ его, какъ мы увидимъ, втеченіе почти двухъ лѣтъ.

XXXIV.

Междуцарствіе. — Измѣна.

Парижскій народъ, оплакивая своихъ убитыхъ, громко требовалъ справедливаго наказанія виновниковъ избіенія около Тюильрійскаго дворца.

Тысяча-сто человѣкъ, по словамъ Мишлэ,—три тысячи, по слухамъ, ходившимъ въ то время, было убито защитниками дворца. Особенно пострадали люди съ пиками, бѣднота предмѣстій. Они толпой бросались на осаду Тюильри и падали подъ пулями швейцарцевъ и дворянъ, которые стрѣляли изъ-за толстыхъ стѣнъ.

Нагруженныя трупами телѣги направлялись къ предмѣстіямъ, разсказываетъ Мишлэ, и тамъ мертвыхъ выкладывали для распознаванія. Толпа окружала ихъ, и крики мести мужчинъ смѣшивались съ рыданіями женщинъ.

Вечеромъ 10-го августа и на слѣдующій день народный гнѣвъ обрушился въ особенности на швейцарцевъ. Нѣкоторые швейцарцы, выбросивъ свои патроны за окно, тѣмъ самымъ какъ-бы пригласили толпу войти во дворецъ: кромѣ того, въ тотъ моментъ, когда швейцарцы, поставленные на главной лѣстницѣ, открыли по толпѣ частый и убійственный огонь, народъ какъ-разъ пытался брататься съ ними.

Скоро однако народъ понялъ, что для того, чтобы отмстить зачинщикамъ убійства, нужно направить удары выше: на короля, на королеву, на весь „австрійскій комитетъ“ Тюильри.

Но Собраніе покрывало своею властью именно короля, королеву и ихъ приверженцевъ. Правда, король, королева, ихъ дѣти и близкіе были заперты въ башнѣ Тампль: Коммунѣ удалось добиться отъ Собранія ихъ перевода въ эту тюрьму, заявивши, что она слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ произойти, если они останутся въ Люксембургскомъ дворцѣ. Но въ сущности, ничего еще не было сдѣлано; все осталось въ томъ-же положеніи вплоть до 4-го сентября.

10-го августа Собраніе отказалось даже объявить Людовика XVI-го низложеннымъ. Подъ вліяніемъ Жирондистовъ, оно ограничилось тѣмъ, что провозгласило его *временное отрѣшеніе*, и поспѣшило назначить гувернёра наслѣднику престола. И вотъ теперь, 19-го августа, 130,000 нѣмцевъ наступали на Парижъ, чтобы уничтожить конституцію, возстановить неограниченную власть короля, отмѣнить всѣ декреты обоихъ Собраній и предать смерти „якобинцевъ“, т. е. всѣхъ революціонеровъ.

Понятно, каково должно было быть при такихъ условіяхъ состояніе умовъ въ Парижѣ. Подъ видомъ внѣшняго спокойствія, въ предмѣстьяхъ начиналось мрачное, глухое волненіе. Послѣ купленной такою дорогою цѣною побѣды надъ Тюильри, въ рабочихъ кварталахъ чувствовали, что Собраніе измѣняетъ, и что измѣняютъ даже революціонные „вожди общественнаго мнѣнія,“ которые также колеблятся и не хотятъ рѣшительно высказаться противъ короля и монархіи.

Каждый день на трибуну Собранія, въ засѣданія Коммуны, въ печать, доставлялись новыя доказательства заговора, подготовлявшагося въ Тюильри передъ 10-мъ августа и продолжавшагося еще и теперь, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Но Собраніе ничего

не предпринимало для того, чтобы покарать виновныхъ и помѣшать возобновленію ихъ заговоровъ.

Съ каждымъ днёмъ вѣсти съ границы становились все тревожнѣе и тревожнѣе. Войска, какъ нарочно, были выведены изъ пограничныхъ крѣпостей; ничего не было сдѣлано, чтобы остановить нашествіе непріятеля. Ясно было, что малочисленнымъ французскимъ войскамъ, подъ предводительствомъ сомнительныхъ генераловъ, никогда не остановить нѣмецкихъ войскъ, вдвое болѣе многочисленныхъ, хорошо обученныхъ и находящихся подъ командой генераловъ, пользующихся довѣріемъ своихъ солдатъ. Роялисты уже высчитывали день и часъ, когда нѣмецкое войско подступитъ къ воротамъ Парижа.

Масса населенія понимала всю опасность положенія. Все, что было въ Парижѣ молодого, сильнаго, вдохновленнаго республиканскимъ воодушевленіемъ, спѣшило записаться въ волонтёры и летѣло къ границѣ. Воодушевленіе доходило до героизма. Деньги, всевозможныя патріотическія пожертвованія сыпались въ бюро, гдѣ записывались новобранцы.

Но къ чему все это самопожертвованіе, когда каждый день приноситъ съ собою вѣсти о новыхъ измѣнахъ, и когда всѣ эти измѣны въ концѣ концовъ связаны съ королемъ и королевой, которые продолжаютъ изъ Тампля управлять всѣми нитями заговора? Несмотря на строгій надзоръ со стороны Коммуны, Марія Антуанета знаетъ обо всемъ, что происходитъ на волѣ. Ей извѣстенъ каждый шагъ нѣмецкихъ войскъ, и когда въ Тампль приходятъ рабочіе, чтобы вставить рѣшетки въ окна, она говоритъ имъ: „Къ чему это? Черезъ недѣлю насъ здѣсь не будетъ“. И дѣйствительно, роялисты ожидаютъ, что 5-го или 6-го сентября въ Парижъ войдутъ восемьдесятъ тысячъ пруссаковъ.

Къ чему вооружаться, къ чему стремиться къ границѣ, когда Законодательное Собраніе и партія, стоящая у власти — открытые враги Республики? Они дѣлаютъ

всѣ возможное для сохраненія власти короля. Не дальше, какъ за двѣ недѣли до 10-го августа, т. е. 24-го іюля, Жирондистъ Бриссо не громилъ-ли Кордельеровъ, стремившихся къ Республикѣ, и не требовалъ-ли онъ, чтобы мечъ закона покаралъ ихъ?*) А теперь, послѣ 10-го августа, клубъ Якобинцевъ — мѣсто сборища зажиточной буржуазіи — хранитъ упорное молчаніе, вплоть до 27-го августа, о самомъ главномъ вопросѣ, волнующемъ народъ: „будетъ или не будетъ сохранена королевская власть, опирающаяся на нѣмецкіе штыки?“

Безсиліе правителей, малодушіе „вождей общественнаго мнѣнія“ въ такую опасную минуту неизбѣжно должны были довести народъ до отчаянія. И только читая газеты того времени, воспоминанія и частныя письма, писанныя въ эти дни, только переживая всѣ волненія, пережитыя Парижемъ съ момента объявленія войны, можно понять всю глубину отчаянія городскаго населенія. Вотъ почему мы приведемъ здѣсь вкратцѣ главные факты.

Въ моментъ объявленія войны, Лафайета все еще превозносили до облаковъ. особенно въ средѣ буржуазіи; всѣ радовались, что ему поручено было верховное командованіе войсками. Правда, послѣ избіенія на Марсовомъ полѣ въ іюлѣ 1791 го года, на его счетъ возникли кое-какіе подозрѣнія. нашедшія откликъ въ рѣчи Шабб, произнесенной въ Собраніи въ іюнѣ 1792 года. Но Собраніе заклеймило Шабо именемъ дезорганизатора и измѣнника, и заставило его замолчать.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, 18-го іюня, Собраніе получило отъ Лафайета знаменитое письмо, въ которомъ онъ обличалъ Якобинцевъ и требовалъ закрытія всѣхъ клубовъ. Письмо это пришло черезъ нѣсколько

*) «Если есть люди, говорилъ онъ, которые стараются устроить теперь республику на развалинахъ Конституціи, то мечъ закона долженъ покарать ихъ, наравнѣ съ дѣятельными сторонниками системы двухъ Палатъ и контръреволюціонерами изъ Кобленца».

дней послѣ удаленія королемъ Жирондистскаго министерства („якобинскаго", какъ тогда говорили), и это совпаденіе казалось знаменательнымъ. Собраніе, однако, не обратило на это вниманія и выразило сомнѣніе въ подлинности письма; народъ-же вполнѣ естественно сталъ подозрѣвать, не находится ли само Собраніе въ заговорѣ съ Лафайетомъ?

Между тѣмъ, броженіе все росло, и наконецъ 20-го іюня произошло первое движеніе. Народъ, прекрасно организованный по секціямъ, наводнилъ Тюильри. Движеніе кончилось, какъ мы видѣли, довольно скромно, но буржуазія была напугана, и Собраніе ударилось въ полную реакцію, издавъ декретъ, направленный противъ всякихъ сборищъ. Затѣмъ, 23-го іюня пріѣзжаетъ Лафайетъ. Онъ является въ Собраніе, признаётъ письмо отъ 18-го іюня своимъ и подтверждаетъ его. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ порицаетъ движеніе 20-го іюня и еще болѣе рѣзко обличаетъ всѣхъ „якобинцевъ". Люкнеръ, командующій другою арміею, присоединяется къ Лафайету въ осужденіи 20-го іюня и въ выраженіи вѣрноподданныхъ чувствъ къ королю. Затѣмъ Лафайетъ разъѣзжаетъ по Парижу „въ сопровожденіи шестисотъ или восьмисотъ офицеровъ изъ парижскаго войска, окружающихъ его экипажъ"*). Теперь мы знаемъ, зачѣмъ Лафайетъ пріѣзжалъ въ Парижъ: онъ пріѣзжалъ, чтобы убѣдить короля дать себя похитить, а затѣмъ поставить его подъ защиту войска. Теперь это достовѣрно извѣстно; но и тогда уже къ генералу начинали относиться съ подозрѣніемъ. Въ Собраніе было внесено 6-го августа предложеніе о преданіи его суду, но большинство, какъ мы видѣли,

*) Письма г-жи Jullien къ сыну («Journal d'une bourgeoise», стр. 170). Если въ этихъ письмахъ и встрѣчаются нѣкоторыя мелкія ошибки въ подробностяхъ, то они во всякомъ случаѣ очень цѣнны для этого періода, именно потому, что показываютъ намъ, что говорилъ или думалъ въ тотъ или другой день революціонный Парижъ.

высказалось въ его пользу. Лафайетъ торжествовалъ; но — что-же долженъ былъ думать объ этомъ народъ?*)

„Боже мой, какъ плохо идутъ дѣла, другъ мой!“ писала г-жа Жюльенъ своему мужу, 30-го іюня 1792 года. „Поведеніе Собранія такъ раздражаетъ массу, что если Людовику XVI-му вздумается взять хлыстъ Людовика XIV-го и прогнать этотъ безсильный парламентъ, то ему будутъ рукоплескать со всѣхъ сторонъ, правда изъ очень различныхъ побужденій; но какое дѣло до этого тиранамъ, разъ такое единодушіе помогаетъ ихъ разсчётамъ! Буржуазная аристократія въ восторгѣ, а народъ подавленъ отчаяніемъ; поэтому надвигается гроза“ (стр. 164).

---

*) Въ письмѣ къ прусскому королю, писанномъ въ 1793 году, монархистъ Лалли-Толендаль, прося объ освобожденіи Лафайета (тогда уже въ плѣну у пруссаковъ), перечисляетъ услуги оказанныя Двору вѣроломнымъ генераломъ. Когда, послѣ вареннскаго бѣгства, въ іюнѣ 1791 года, короля привезли въ Парижъ, самые вліятельные члены Учредительнаго Собранія устроили совѣщаніе, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, будетъ ли король преданъ суду и будетъ ли установлена республика. Тогда Лафайетъ сказалъ имъ: „Если вы убьёте короля, то предупреждаю васъ, что на другой день мы съ національной гвардіей провозгласимъ королемъ наслѣднаго принца“. — „Онъ — съ нами, и теперь мы должны простить ему все“, говорила о Лафайетѣ сестра короля, Madame Elisabeth, г-жѣ де-Тонеръ, въ іюнѣ 1792 года; а въ началѣ іюля 1792 года Лафайетъ писалъ королю и получилъ отъ него отвѣтъ. Въ письмѣ отъ 8-го іюля онъ предлагалъ королю организовать его бѣгство. Самъ онъ намѣревался явиться 15 го, съ пятнадцатью эскадронами и восемью пушками конной артиллеріи, чтобы встрѣтить короля въ Компьенѣ. Лалли-Толендаль, самъ называющій себя роялистомъ по унаслѣдованной въ ихъ семьѣ религіи, разсказываетъ затѣмъ, подъ честнымъ словомъ, слѣдующее: „Его воззванія къ войску, его знаменитое письмо къ Законодательному Собранію, его неожиданное появленіе въ засѣданіи послѣ ужаснаго дня 20-го іюня — *все это было мнѣ извѣстно, ничто не дѣлалось безъ моего участія*.... На другой день послѣ его пріѣзда въ Парижъ, я провелъ съ нимъ часть ночи; *мы говорили о томъ, чтобы объявить войну якобинцамъ въ самомъ Парижѣ — войну въ полномъ смыслѣ слова*“. Ихъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: сгруппировать

Сопоставимъ эти слова съ приведенными нами выше словами Шомета — и мы поймемъ, что въ глазахъ революціоннаго элемента парижскаго населенія Собраніе было тормазомъ, замедлявшимъ ходъ Революціи, или хуже того*).

Между тѣмъ наступаетъ 10-е августа. Парижскій народъ, организованный по секціямъ, овладѣваетъ движеніемъ. Онъ назначаетъ революціоннымъ путемъ свой Совѣтъ Коммуны, для приданія возстанію бо́льшаго единства. Онъ изгоняетъ короля изъ Тюильри, съ боя беретъ дворецъ, и Коммуна заключаетъ короля въ башню Тамиль. Но Законодательное Собраніе остается, и оно скоро становится мѣстомъ сборища всѣхъ роялистскихъ элементовъ.

«собственниковъ, находящихся въ тревогѣ, и всѣхъ многочисленныхъ недовольныхъ», чтобы объявить, что *не нужно Якобинцевъ, не нужно Кордельеровъ*, увлечь народъ къ якобинскому клубу, «арестовать вожаковъ, захватить ихъ бумаги и разрушить домъ. Господинъ Лафайетъ всѣми силами стремился къ этому; онъ сказалъ королю: *Нужно уничтожить Якобинцевъ физически и нравственно.* Этому воспротивились его робкіе друзья... Но онъ самъ, по крайней мѣрѣ, поклялся мнѣ, что, возвратившись къ своему войску, тотчасъ же начнетъ изыскивать пути къ освобожденію короля». Это письмо Лалли-Толендаля приведено цѣликомъ у Buchez и Roux, т. XVII, стр. 227 и слѣд.

И несмотря на все это, «комиссары, отправленные Собраніемъ къ Лафайету послѣ 10-го августа, получили инструкцію предложить ему первое мѣсто при новомъ порядкѣ».

Въ Національномъ Собраніи, среди Жирондистовъ, измѣна пустила, такимъ образомъ, болѣе глубокіе корни, чѣмъ это принято думать.

*) «Въ настоящую минуту горизонтъ насыщенъ парами, отъ которыхъ долженъ произойти взрывъ», писала г-жа Жюльенъ 8-го августа. «*Собраніе кажется мнѣ слишкомъ слабымъ, чтобы способствовать стремленіямъ народа, а народъ кажется мнѣ слишкомъ сильнымъ, чтобы дать ему поработить себя.* Изъ этого столкновенія, изъ этой борьбы должно произойти крупное событіе: свобода, или рабство для двадцати пять милліоновъ людей» (стр. 211). И дальше: «Низложеніе короля, требуемое большинствомъ и отвергаемое меньшинствомъ, господствующимъ въ Собраніи, послужитъ

Буржуа-собственники сразу замѣчаютъ, что движеніе приняло народный характеръ, что оно идетъ въ направленіи равенства, — и они еще больше начинаютъ держаться за короля. Тысячи плановъ создаются тогда съ цѣлью передать престолъ, или ребенку-наслѣднику (такъ и было-бы сдѣлано, если-бы мысль о регентствѣ Маріи Антуанеты не внушала всеобщаго отвращенія), или какому-нибудь другому, французскому или даже иностранному, претенденту. Такъ же, какъ и послѣ вареннскаго бѣгства, замѣтно усиливаются чувства, благопріятныя для королевской власти, и въ то время какъ народъ громко требуетъ опредѣленныхъ заявленій противъ монархіи, Собраніе, какъ и всякое подобное собраніе парламентскихъ политиковъ, боится скомпрометироваться, не зная еще, кто и что одержитъ верхъ. Оно склоняется скорѣе къ монархіи и старается задёрнуть дымкой старыя преступленія Людовика XVI-го, противодѣйствуя всякой попыткѣ изобличить ихъ — что конечно должно было случиться, если-бы началось серьозное изслѣдованіе для открытія его соучастниковъ.

Собраніе рѣшается уступить только тогда, когда Коммуна грозитъ ударить въ набатъ, а секціи заговариваютъ о массовомъ избіеніи роялистовъ*). 17-го августа оно рѣшается, наконецъ, назначить Уголовный

причиной этого страшнаго, готовящагося теперь, столкновенія. У Сената [Собранія] не хватитъ смѣлости провозгласить низложеніе, а народъ не будетъ настолько трусливъ, чтобы снести такое пренебреженіе общественнымъ мнѣніемъ». А когда Собраніе оправдало Лафайета, Г-жа Жюльенъ писала — и ея слова оказались пророческими: — «Но все это ведетъ насъ къ катастрофѣ, мысль о которой заставляетъ содрогнуться всѣхъ друзей человѣчества, потому что *кровь польется дождемъ,— говорю это безъ преувеличенія*» (стр. 213). — Предсказаніе г-жи Жюльенъ подтвердилось, какъ мы сейчасъ увидимъ, 2-го сентября.

*) «Вы, повидимому, бродите въ потьмахъ и не знаете ничего, что происходитъ въ Парижѣ», говоритъ Собранію ораторъ одной изъ депутацій отъ Коммуны.

Судъ изъ восьми судей и восьми присяжныхъ, избранныхъ представителями секцій. Этому суду предлагается однако, не углубляться въ разслѣдованіе тѣхъ конспирацій, которыя велись въ Тюильри *раньше* 10-го августа, а ограничиться разысканіемъ виновниковъ событій этого дня.

А между тѣмъ доказательствъ существованія заговора — множество, и они становятся съ каждымъ днемъ всё опредѣленнѣе. Въ бумагахъ, найденныхъ послѣ взятія Тюильри въ письменномъ столѣ интенданта королевскаго дома Монморена, оказалось не мало обвинительныхъ документовъ — между прочимъ письмо принцевъ, доказывающее, что, направляя австрійскія и прусскія войска на Францію и организуя кавалерійскій отрядъ изъ эмигрантовъ, чтобы идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ, принцы дѣйствовали въ согласіи съ Людовикомъ XVI-мъ. Тамъ-же оказался длинный списокъ брошюръ и памфлетовъ, направленныхъ противъ Національнаго Собранія и якобинцевъ, и изданныхъ на средства королевскаго дома; среди нихъ были памфлеты, имѣвшіе цѣлью вызвать вооруженное столкновеніе въ моментъ прибытія въ Парижъ марсельцевъ, и призывавшіе національную гвардію къ ихъ избіенію *). Найдено было, наконецъ, доказательство того, что „конституціонное“ меньшинство Собранія обѣщало послѣдовать за королемъ, въ случаѣ если онъ оставитъ Парижъ, — подъ условіемъ, однако, чтобы онъ не удалялся дальше, чѣмъ на разстояніе, опредѣленное въ конституціи. Нашлось и многое другое, но все это тщательно было скрыто, изъ боязни, чтобы народный

*) Въ одномъ письмѣ изъ Швейцаріи говорилось о томъ, чтобы покарать Якобинцевъ. «Мы расправимся съ ними, и это будетъ страшнымъ примѣромъ для всѣхъ.... Мы объявимъ войну ассигнаціямъ, съ этого начнется банкротство. Будетъ возстановлено духовенство, парламенты.... Не бѣда что пострадаютъ тѣ, которые раскупили духовныя имущества». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «Не слѣдуетъ терять ни минуты. *Нужно дать почувствовать буржуазіи, что спасти ее можетъ только король*».

гнѣвъ не обрушился на Тампль. — „А можетъ быть и на Собраніе?“ спросимъ мы.

Наконецъ обнаруживается измѣна въ войскѣ, которую давно можно было предвидѣть. 22-го августа узнаютъ объ измѣнѣ Лафайета. Онъ сдѣлалъ попытку увлечь за собою свое войско и повести его на Парижъ. Въ сущности, этотъ планъ созрѣлъ у него уже давно: еще тогда, когда онъ явился 20 іюня въ Парижъ, чтобы нащупать почву. Теперь онъ, наконецъ, сбросилъ съ себя маску. Онъ велѣлъ арестовать троихъ комиссаровъ, присланныхъ къ нему Собраніемъ, чтобы сообщить арміи о революціи 10-го августа. Старая лисица, Люкнеръ, тоже выразилъ ему свое одобреніе. Къ счастью, войско Лафайета не послѣдовало за своимъ генераломъ, и 19-го августа ему пришлось, въ сопровожденіи своего генеральнаго штаба, бѣжать за-границу, въ надеждѣ добраться до Голландіи. Но тутъ онъ попался въ руки австрійцамъ, которые отправили его въ тюрьму. Даже съ нимъ они обращались очень сурово; и это показываетъ, какъ намѣревались австрійцы поступать съ революціонерами, если бы они попались имъ въ руки. Муниципальныхъ служащихъ изъ патріотовъ, которыхъ захватили австрійцы, они тутъ же казнили, какъ мятежниковъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, австрійскіе уланы отрѣзали уши и приколотили ихъ ко лбу.

На слѣдующій день пришло извѣстіе, что городъ Лонгви, обложенный непріятельскими войсками 20-го, тотчасъ же сдался, и въ бумагахъ его коменданта, Лаверня, нашли письмо, въ которомъ ему предлагалось измѣнить, отъ имени Людовика XVI-го и герцога Брауншвейгскаго.

Итакъ, надѣяться на армію больше нельзя было, и если только не разсчитывать на чудо, то остановить вторженіе было уже невозможно.

Въ самомъ Парижѣ „чёрныхъ“, т. е. реакціонеровъ, которыхъ впослѣдствіи стали называть „бѣлыми“, было множество. Очень многіе эмигранты вернулись и не-

рѣдко, подъ рясой священника на улицѣ можно было узнать военнаго. Вокругъ башни Тампля, всё время плелись всевозможные заговоры, о которыхъ догадывался народъ, тревожно слѣдившій за тюрьмой, гдѣ содержался король. Роялисты дѣйствительно все время пытались освободить короля и королеву, — либо силою, либо организовавши имъ побѣгъ. Кромѣ того, готовили общее возстаніе на тотъ день — 5-го или 6-го сентября — когда пруссаки будутъ уже въ окрестностяхъ Парижа. Они даже не скрывали своихъ плановъ. Военными кадрами для этого возстанія должны были послужить оставшіеся въ Парижѣ семьсотъ человѣкъ швейцарцевъ. Они двинулись-бы на Тампль, освободили-бы короля и поставили его во главѣ движенія. Всѣ тюрьмы тогда были-бы открыты и заключенные выпущены, чтобы грабить городъ, для увеличенія общаго смятенія; въ это же время Парижъ былъ бы подожженъ съ разныхъ концовъ*).

Таковы были, по крайней мѣрѣ, носившіеся слухи, которые подтверждались и самими роялистами. Ихъ подтвердилъ и докладъ о событіяхъ 10-го августа, прочтенный 28-го августа въ Собраніи, Керсеномъ (Kersaint). По словамъ одного современника, этотъ докладъ „заставилъ всѣхъ содрогнуться“ — „такъ ловко были раскинуты сѣти“ для революціонеровъ. А между тѣмъ въ немъ еще не было сказано всей правды.

Среди всѣхъ этихъ затрудненій, только дѣятельность Коммуны и ея секцій соотвѣтствовала серьёзности момента. Онѣ однѣ — при поддержкѣ клуба Кордельеровъ — работали для того, чтобы поднять народъ и заставить его отчаяннымъ усиліемъ спасти и Революцію, и отечество—что въ эту минуту было одно и то же.

Генеральный Совѣтъ Коммуны, революціоннымъ путемъ избранный секціями 9-го августа, и секціи съ жа-

*) Заключенные въ тюрьмѣ Force еще раньше пытались поджечь ее, говоритъ Мишлэ на основаніи данныхъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ о сентябрьскихъ дняхъ.

ромъ работали сообща надъ выборомъ, вооруженіемъ и обмундировкой, сперва тридцати, а потомъ шестидесяти тысячъ волонтёровъ (добровольцевъ), отправлявшихся на границу, на встрѣчу нѣмецкимъ войскамъ. При поддержкѣ Дантона, они, въ своихъ энергическихъ воззваніяхъ, съумѣли найти слова, наэлектризовавшія Францію. Коммуна, выступая далеко за предѣлы своихъ муниципальныхъ полномочій, обращалась теперь ко всей странѣ, а черезъ посредство своихъ волонтёровъ — и къ войску. Секціи взяли на себя громадный трудъ обмундированія этихъ волонтёровъ; Коммуна распорядилась плавить свинцовые гробы, стоявшіе въ церквахъ, на пули и употребить бронзу церковной утвари и колоколовъ на пушки. Секціи были раскаленнымъ горниломъ, гдѣ закалялось оружіе, которымъ Революція должна была побѣдить своихъ враговъ и сдѣлать новый шагъ впередъ — шагъ къ Равенству.

Новая революція — революція, стремящаяся къ Равенству, — революція, которую народъ самъ возьмётъ въ свои руки, уже обрисовывалась впереди. Заслуга парижскаго народа въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ, что, готовясь отразить иноземное нашествіе, онъ дѣйствуетъ не подъ однимъ только вліяніемъ національной гордости. Дѣло шло даже не о томъ только, чтобы помѣшать возстановленію королевскаго своеволія. Нужно было, прежде всего, *упрочить Революцію*, привести её къ какимъ-нибудь положительнымъ пріобрѣтеніямъ для народной массы, т. е. поднять такую революцію, которая носила-бы столько-же соціальный, сколько и политическій характеръ. А это значило — развернуть, дружнымъ, отчаяннымъ усиліемъ народныхъ массъ, новую страницу въ исторіи человѣчества.

Буржуазія, съ своей стороны, очень ясно поняла это новое направленіе Революціи, котораго выразительницей являлась теперь Парижская Коммуна. Вотъ почему Собраніе, представлявшее собою главнымъ образомъ буржуазію, такъ упорно стремилось подорвать вліяніе Коммуны.

Уже 11-го августа, когда даже пожаръ въ Тюильри не успѣлъ еще погаснуть, и трупы еще валялись во дворахъ дворца, Собраніе издало распоряженіе объ избраніи для Парижа новой департаментской директоріи, которую оно думало противупоставить Коммунѣ. Коммуна отказалась исполнить это приказаніе, и Собранію пришлось уступить; но борьба продолжалась — глухая борьба, въ которой Жирондисты то пытались вооружить секціи противъ Коммуны, то добивались распущенія Генеральнаго Совѣта Коммуны, избраннаго революціоннымъ путемъ въ ночь 9-го августа, — жалкія интриги передъ лицомъ непріятеля, который съ каждымъ днемъ всё ближе подходилъ къ Парижу, предаваясь по пути отчаянному грабежу.

24-го августа, въ Парижѣ получилось извѣстіе о томъ, что городъ Лонгви сдался безъ боя, и дерзость роялистовъ еще болѣе возросла. Они торжествовали побѣду. Они ожидали, что другіе города послѣдуютъ примѣру Лонгви, и уже предсказывали, что ихъ нѣмецкіе союзники вступятъ въ Парижъ черезъ недѣлю, и заранѣе готовили для нихъ помѣщенія. Роялисты устраивали сборища вокругъ Тампля, и королевская семья, вмѣстѣ съ ними, привѣтствовала побѣды нѣмцевъ. Но ужаснѣе всего было то, что люди, взявшіе на себя управленіе Франціей, не имѣли силъ предпринять что бы то ни было, чтобы помѣшать сдачѣ Парижа, вслѣдъ за сдачею Лонгви. Комиссія Двѣнадцати, которая должна была составлять ядро дѣйствія въ Собраніи, впала въ уныніе; а жирондистское министерство — Роланъ, Клавьеръ, Серванъ и другіе — предлагало *бѣжать*. Ихъ планъ былъ удалиться въ Блуа, или куда нибудь еще дальше на югъ, предоставивъ революціонный народъ Парижа ярости австрійцевъ, герцога Брауншвейгскаго и эмигрантовъ. „Депутаты убѣгали одинъ за другимъ", говоритъ Олларъ*).

*) F. Aulard, «Etudes et leçons sur la Révolution française», 2-ая серія, 1898, стр. 49.

Коммуна даже обратилась въ Собраніе съ жалобой на это бѣгство. Къ измѣнѣ теперь прибавлялась трусость, и изъ всѣхъ министровъ одинъ Дантонъ, котораго народъ провозгласилъ министромъ послѣ взятія Тюильри, выразилъ рѣшительный протестъ противъ удаленія властей изъ Парижа.

Только революціонныя секціи и Коммуна прекрасно поняли, что побѣда *должна* быть одержана во что бы то ни стало: что для этого нужно нанести ударъ одновременно непріятелю на границахъ и контръ-революціонерамъ въ Парижѣ.

Но именно этого-то правители республики и не хотѣли допустить. Судъ, собравшійся съ большою торжественностью, чтобы судить виновниковъ избіенія 10-го августа, повидимому такъ же мало торопился покарать ихъ, какъ и орлеанское Верховное Судилище, ставшее, даже по выраженію Бриссо, „опорою заговорщиковъ". Вначалѣ, Судъ принесъ въ жертву трехъ или четырехъ невидныхъ соучастниковъ Людовика XVI-го, но затѣмъ онъ оправдалъ одного изъ самыхъ главныхъ заговорщиковъ, бывшаго министра Монморена, а также Доссонвиля, замѣшаннаго въ заговорѣ д'Ангремона, и не рѣшался судить генерала Бахмана, командира швейцарцевъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, ждать было нечего.

Роялисты изображаютъ Парижскій народъ, какъ какое-то сборище людоѣдовъ, жаждущихъ крови и впадающихъ въ ярость, какъ только какая нибудь жертва ускользнетъ отъ нихъ. Между тѣмъ, это совершенно невѣрно. Не жертвъ нужно было народу. Но изъ этихъ оправдательныхъ приговоровъ онъ понялъ, что правители страны *не хотятъ* разоблачать происходившіе въ Тюильри заговоры, потому что въ этомъ оказались-бы замѣшанными многіе изъ нихъ самихъ; *и еще потому, что эти заговоры продолжались.* Маратъ, хорошо освѣдомленный на этотъ счётъ, совершенно справедливо говорилъ, что Собраніе боится народа, и что оно ничего не имѣло бы противъ того, чтобы Лафайетъ

явился со своимъ войскомъ и возстановилъ королевскую власть.

Это подтвердилось всѣмъ тѣмъ, что стало извѣстнымъ три мѣсяца спустя, когда слесарь Гамэнъ открылъ секретъ желѣзнаго шкафа Людовика XVI-го, въ которомъ хранились тайные документы. Главною опорою королевской власти было само Законодательное Собраніе.

Но когда Парижскій народъ увидѣлъ, что установить степень виновности того или другого изъ заговорщиковъ-монархистовъ невозможно, а между тѣмъ заговоры продолжаются и становятся чрезвычайно опасными въ виду нѣмецкаго нашествія, въ умахъ населенія сложилась мысль, покарать безъ различія всѣхъ тѣхъ, кто занималъ довѣренныя должности при Дворѣ, и кого секціи считали опасными, или у кого окажется спрятанное оружіе. Съ этою цѣлью секціи вынудили у Коммуны, а послѣдняя — у Дантона, занимавшаго со времени возстанія 10-го августа постъ министра юстиціи, рѣшеніе устроить массовые обыски по всему Парижу, для розыска оружія, спрятаннаго у роялистовъ и священниковъ, и ареста тѣхъ, на кого всего сильнѣе падетъ подозрѣніе въ измѣнѣ и соглашеніи съ непріятелемъ. Собранію пришлось подчиниться, и оно издало распоряженіе о такихъ обыскахъ по всей Франціи.

Обыски въ Парижѣ произошли въ ночь съ 29-го на 30-ое, причемъ Коммуна проявила энергію, а народъ — организаторскія способности, повергшія заговорщиковъ въ ужасъ. 29-го августа, послѣ полудня, Парижъ казался точно вымершимъ, точно охваченнымъ какимъ-то мрачнымъ ужасомъ. Жителямъ было запрещено выходить изъ дома послѣ шести часовъ вечера; съ наступленіемъ темноты всѣ улицы были заняты патрулями, по шестидесяти человѣкъ каждый, вооруженныхъ саблями и всякаго рода самодѣльными пиками. Около часа ночи во всемъ Парижѣ начались обыски. Патрули ходили по квартирамъ, искали оружія и отбирали его, когда находили у роялистовъ.

Всего было арестовано около трехъ тысячъ человѣкъ и захвачено около двухъ тысячъ ружей. Нѣкоторые обыски продолжались цѣлые часы, но ни у кого не пропало ни одной цѣнной бездѣлушки, тогда какъ у Евдистовъ, — священниковъ, отказавшихся принести присягу конституціи, — были найдены всѣ серебряныя вещи, пропавшія незадолго передъ тѣмъ изъ Святой Часовни; онѣ оказались спрятанными въ колодцахъ.

На другой день большинство арестованныхъ было отпущено на волю, по распоряженію Коммуны или по требованію секцій. Что-же касается остальныхъ, то вѣроятно и среди нихъ была бы сдѣлана извѣстнаго рода сортировка, и часть изъ нихъ была-бы предана упрощеннымъ судамъ, — если бы событія, какъ на театрѣ войны, такъ и въ самомъ Парижѣ, не послѣдовали быстро одно за другимъ.

Въ то самое время, когда по энергическому призыву Коммуны, весь Парижъ вооружался, и на всѣхъ площадяхъ возвышались алтари отечества, около которыхъ молодежь записывалась въ волонтёры и куда граждане и гражданки, богатые и бѣдные, приносили свои пожертвованія; въ то самое время, когда секціи и ихъ Коммуна проявляли поистинѣ необычайную энергію, чтобы обмундировать и вооружить 60,000 добровольцевъ, отправлявшихся на границу, тогда какъ ничего, ровно ничего, не было для этого приспособлено, и секціи все-таки успѣвали отправлять около двухъ тысячъ человѣкъ въ день, — именно этотъ моментъ избрало Собраніе чтобы разнести Коммуну. Выслушавъ докладъ Жирондиста Гюадэ (Guadet), оно издало, 30-го августа, декретъ, предписывавшій немедленное распущеніе Генеральнаго Совѣта Коммуны и производство новыхъ выборовъ!

Если бы Коммуна подчинилась, то этимъ сразу была-бы утрачена, къ вящшей выгодѣ роялистовъ и австрійцевъ, единственная оставшаяся возможность спасенія, — возможность отразить непріятеля и побороть королевскую власть. Понятно, стало-быть, что

единственное, чѣмъ могла отвѣтить на эту мѣру Революція, это было—отказаться отъ повиновенія Собранію и объявить измѣнниками тѣхъ, кто провёлъ эту мѣру. Такъ и поступила черезъ нѣсколько дней Коммуна, распорядившись произвести обыски у Ролана и Бриссо. Маратъ прямо требовалъ избіенія измѣнниковъ-законодателей.

Въ тотъ-же день уголовный трибуналъ оправдалъ Монморена, — несмотря на то, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ процессъ д'Ангремона показалъ, что хорошо оплаченные роялистскіе заговорщики были аккуратно занесены въ списки, организованы въ бригады, подчинены одному центральному комитету, и только ждали сигнала, чтобы выйти на улицу и напасть на патріотовъ, въ Парижѣ и въ провинціальныхъ городахъ.

На другой день, 1-го сентября — новое открытіе. Въ офиціальной газетѣ, Moniteur'ѣ, напечатанъ былъ „Планъ соединенныхъ противъ Франціи силъ", полученный, по словамъ газеты, изъ Германіи изъ вѣрныхъ источниковъ. Изъ этого „плана" выяснялось, что, пока герцогъ Брауншвейгскій будетъ задерживать войска патріотовъ въ восточной Франціи, прусскій король долженъ двинуться прямо на Парижъ, овладѣть имъ, и тогда — разсортировать жителей и подвергнуть казни всѣхъ революціонеровъ. Въ случаѣ, если бы сила оказалась на сторонѣ патріотовъ, предполагалось поджигать города. — „Лучше пустыни, чѣмъ возставшіе народы", заявили объединенные короли. И, какъ-бы въ подтвержденіе этого плана, Гюадэ сообщилъ въ этотъ же день Собранію объ обширномъ заговорѣ, открытомъ въ Гренобліѣ и его окрестностяхъ. У нѣкоего Монье, агента эмигрантовъ, былъ найденъ списокъ больше чѣмъ ста мѣстныхъ главарей заговора, разсчитывавшихъ на поддержку двадцати-пяти или тридцати тысячъ человѣкъ. Въ департаментахъ Двухъ-Севръ и Морбиганѣ, тотчасъ-же, какъ получилось извѣстіе о сдачѣ Лонгви, вспыхнуло уже крестьянское возстаніе: это

также входило въ планъ роялистовъ и Римской куріи, дѣйствовавшей съ ними за одно.

Въ тотъ-же день, послѣ полудня, узнали, что непріятель осаждаетъ Вердёнъ, и всѣ сразу поняли, что и этотъ городъ сдастся такъ же какъ Лонгви; что тогда ничто больше не сможетъ помѣшать быстрому движенію пруссаковъ на Парижъ, и что Собраніе, или покинетъ столицу, отдавая её во власть торжествующаго врага, или вступитъ въ переговоры, чтобы вернуть королю тронъ и предоставить ему полную свободу истреблять патріотовъ для удовлетворенія своей жажды мести*).

Наконецъ, въ тотъ же день, 1-го сентября, Роланъ издалъ обращеніе къ административнымъ учрежденіямъ, которое было расклеено по всему Парижу, и гдѣ сообщалось объ обширномъ заговорѣ, задуманномъ роялистами, чтобы помѣшать свободному передвиженію съѣстныхъ припасовъ во Франціи. Города Неверъ и Ліонъ уже страдали отъ этого заговора**).

Тогда Коммуна распорядилась запереть всѣ городскія ворота, велѣла бить въ набатъ и поднять тревогу пушечными выстрѣлами. Въ могущественно-написанномъ воззваніи къ народу она приглашала всѣхъ волонтёровъ, готовыхъ къ походу, ночевать въ эту ночь на Марсовомъ полѣ, а на другой день, рано утромъ, выступить въ походъ.

И тогда, по всему Парижу раздался ожесточенный крикъ: „Къ тюрьмамъ!“ Тамъ сидятъ они, эти заговорщики, ждущіе только прихода нѣмцевъ, чтобы разгромить, залить кровью, поджечь Парижъ. Нѣкоторыя секціи (Пуассоньеръ, Почты, Люксембургъ) рѣшаютъ, что всѣ эти заговорщики должны быть преданы смерти. „Сегодня же нужно покончить съ ними!“ — и открыть для Революціи новые пути!

---

*) Вердёнъ — въ 250-и верстахъ отъ Парижа.

**) Granier de Cassagnac, «Histoire des Girondins et des massacres de Septembre», Парижъ, 1860.

XXXV.

Сентябрьскіе дни.

Набатъ раздавался по всему Парижу, на улицахъ барабанщики били 'тревогу', каждые четверть-часа мѣрно раздавались три пушечныхъ выстрѣла, возвѣщавшіе что отечество въ опасности. Волонтёры, отправлявшіеся въ бой, на границу, проходили съ пѣснями по улицамъ — и все это, вмѣстѣ взятое, въ это воскресенье, 2-го сентября, доводило до ярости народный гнѣвъ противъ измѣнниковъ, призвавшихъ иностранныя войска себѣ на помощь.

Съ полудня, или съ двухъ часовъ дня, вокругъ тюремъ, куда помѣстили арестованныхъ за послѣдніе дни роялистовъ, стали появляться сборища народа. Около половины третьяго, когда недалеко отъ тюрьмы Аббатства (Abbaye) показались нѣсколько закрытыхъ экипажей, въ которыхъ перевозили арестованныхъ священниковъ изъ Мэріи въ тюрьму Аббатства—ихъ было двадцать-четыре*) — на нихъ напало нѣсколько во-

*) По свидѣтельству Мэгэ сына (Méhée fils), ихъ было шестнадцать. Felhémési, „La Vérité toute entière sur les vrais acteurs de la journée du 2 septembre et sur plusieurs journées et nuits secrettes des anciens comités de gouvernement". Парижъ, 1794. — Сохраняю подлинное правописаніе заглавія. «Felhémési» — это анаграмма «Méhée fils».

лонтёровъ, пришедшихъ съ юга Франціи (изъ Марсели, или Авиньона). Четверо священниковъ было убито, не доѣзжая до тюрьмы, и двое — при входѣ въ тюрьму, у ея дверей. Остальные были введены въ зданіе Аббатства, но ихъ едва успѣли подвергнуть самому краткому допросу, какъ двери тюрьмы взломала толпа, вооруженная пиками, шпагами и саблями, и убила всѣхъ священниковъ, за исключеніемъ аббата Пикара, учителя глухонѣмыхъ, и его помощника.

Такъ началась убійства въ тюрьмѣ Аббатства, — тюрьмѣ, которая пользовалась очень худою славою среди жителей окружающаго её квартала. Собравшіеся вокругъ нея — все больше люди съ извѣстнымъ положеніемъ, сосѣдніе мелкіе торговцы — требовали немедленной смерти содержавшихся здѣсь заговорщиковъ-роялистовъ, арестованныхъ послѣ 10-го августа. По сосѣдству всѣ знали, что они сыплютъ золотомъ, пируютъ и свободно принимаютъ въ тюрьмѣ своихъ женъ и подругъ. При извѣстіи о пораженіи французской арміи у Монса, въ этой тюрьмѣ была устроена иллюминація, а послѣ взятія Лонгви здѣсь громко праздновали побѣду нѣмцевъ. Арестованные роялисты осыпали прохожихъ оскорбленіями, изъ-за рѣшетокъ, и сулили всѣмъ скорое вступленіе пруссаковъ въ столицу и истребленіе революціонеровъ. Весь Парижъ говорилъ о готовившемся въ тюрьмахъ заговорѣ, о проносившемся туда оружіи; всѣ знали также, что тюрьмы стали настоящими фабриками фальшивыхъ государственныхъ ассигнацій посредствомъ которыхъ пытались подорвать государственный кредитъ, и фальшивыхъ билетовъ филантропическаго учрежденія для бѣдныхъ, „Maison de secours“.

Обо всемъ этомъ говорилось въ тѣхъ сборищахъ, которыя образовались вокругъ тюремъ Аббатства, Форсъ и Консьержери. Скоро толпы народа взломали ворота этихъ тюремъ и начали убивать офицеровъ генеральнаго штаба Швейцарской гвардіи дворца, королев-

скихъ гвардейцевъ, священниковъ, предназначенныхъ въ ссылку за отказъ принести присягу Конституціи, и роялистовъ-заговорщиковъ, арестованныхъ послѣ 10-го августа.

Такое стихійное нападеніе, очевидно, поразило всѣхъ своею неожиданностью. Безполезно доказывать, что убійства не были подготовлены Коммуной и Дантономъ, какъ любятъ увѣрять роялистскіе историки*). Они явились, наоборотъ, настолько непредвидѣнными, что Коммунѣ пришлось наскоро принять мѣры, чтобы охранить тюрьму Тампль, гдѣ содержались король и его семейство, а также спасти сидѣвшихъ за долги, за неплатёжъ кормовыхъ и т. п., равно какъ и заарестованныхъ придворныхъ дамъ, близко стоявшихъ къ Маріи Антуанетѣ. Этихъ дамъ комиссарамъ Коммуны удалось спасти только подъ покровомъ ночи, но и то съ большими трудностями и съ рискомъ самимъ погибнуть отъ рукъ толпы, окружавшей тюрьмы и наводнявшей сосѣднія улицы**).

*) Указываютъ на то, что многіе были выпущены изъ тюремъ между 30-мъ августа и 2-мъ сентября, благодаря вмѣшательству Дантона и другихъ революціонныхъ дѣятелей, и говорятъ: «Вы видите, что они спѣшили спасти своихъ друзей!» Но забываютъ одно: что изъ трехъ тысячъ человѣкъ, арестованныхъ 30-го, почти двѣ тысячи были выпущены. Для этого достаточно было, чтобы кто-нибудь изъ революціонеровъ, членовъ секцій, поручился за того или другого заключеннаго. Что касается Дантона и его роли въ сентябрьскіе дни, то для этого см. F. Aulard, «Etudes et leçons sur la Révolution française», 1893—1897, 3-я серія.

**) Гувернантка наслѣднаго принца, госпожа де-Турзель, со своей молоденькой дочерью Полиной, три горничныя королевы, госпожа де-Ламбаль и ея горничная были перевезены изъ Тампля въ Форсъ. Тамъ, всѣ онѣ, кромѣ госпожи де-Ламбаль, были спасены комиссарами Коммуны. Въ два часа ночи, со 2-го на 3-е сентября эти комиссары—Трюшо, Тальенъ и Гиро—явились въ Собраніе съ отчетомъ о сдѣланномъ ими въ этомъ направленіи. Изъ тюремъ Форсъ и Сентъ-Пелажи имъ удалось вывести всѣхъ заключенныхъ за долги. Сообщивъ объ этомъ Коммунѣ (около 12-и часовъ

Какъ только въ Аббатствѣ начались убійства — а они начались, какъ извѣстно, около половины третьяго (Jourgniac de Saint-Méard, „Mon agonie de trente-huit heures"), — Коммуна немедленно приняла мѣры, чтобы помѣшать имъ. Она тотчасъ-же извѣстила Законодательное Собраніе, которое отрядило своихъ комиссаровъ для переговоровъ съ народомъ*). Въ засѣданіи же Генеральнаго Совѣта Коммуны, открывшемся послѣ полудня, прокуроръ Коммуны, Манюэль, уже сообщалъ, около шести часовъ, о своихъ тщетныхъ усиліяхъ остановить убійства. „Онъ говоритъ, что и усилія двѣнадцати комиссаровъ Національнаго Собранія, и его собственныя, а также усилія его коллегъ, членовъ Го-

ночи), Трюшо отправился опять въ Форсъ, чтобы выручить всѣхъ женщинъ. — „Я вывелъ ихъ оттуда двадцать-четыре", пришелъ онъ сообщить Коммунѣ. „Мы въ особенности старались охранить мадемуазель де Турзель (дочь гувернантки) и мадамъ Сентъ-Брисъ.... Ради собственнаго спасенія, намъ пришлось однако удалиться, потому что намъ стали угрожать. Мы отвели этихъ дамъ въ секцію Правъ Человѣка, въ ожиданіи суда надъ ними" (Buchez et Roux, томъ XVII, 353). Эти слова Трюшо вполнѣ достовѣрны, потому что изъ разсказа Полины де-Турзель, изданнаго впослѣдствіи, видно, съ какими трудностями удалось комиссару Коммуны (котораго она не знала и о которомъ говоритъ какъ о какомъ-то неизвѣстномъ) провести ее по улицамъ, прилегавшимъ къ тюрьмѣ, полнымъ народа, слѣдившаго за тѣмъ, чтобы не увели никого изъ заключенныхъ. Госпожа де-Ламбаль тоже едва не была спасена, благодаря усиліямъ Петіона, и до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ, какія силы помѣшали этому. Говорили, между прочимъ, объ эмиссарахъ герцога Орлеанскаго, который желалъ ея смерти, называли даже имена. Несомнѣнно одно: въ томъ, чтобы эта подруга королевы (ея довѣренная со времени извѣстнаго дѣла съ ожерельемъ) не сказала ничего лишняго, было заинтересовано столько вліятельныхъ лицъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что спасти ее оказалось невозможнымъ.

*) Въ числѣ ихъ были: Базиръ, Дюссо, Франсуа-де-Нёфшато, извѣстный Жирондистъ Инаръ (Isnard) и Лакинio. Базиръ пригласилъ присоединиться къ нимъ бывшаго священника Шабо, пользовавшагося любовью населенія предмѣстій (Louis Blanc, livre VIII, ch. II).

родского управленія, оказались тщетными, и не могли спасти преступниковъ отъ смерти". Въ вечернемъ засѣданіи, Коммуна выслушала докладъ своихъ комиссаровъ, посланныхъ ею въ Форсъ, и рѣшила, что они отправятся туда снова, для успокоенія умовъ *).

Коммуна велѣла даже, въ ночь со 2-го на 3-е, командующему національной гвардіей Сантерру отправить нѣсколько отрядовъ для того, чтобы остановить убійства. Но національная гвардія *не хотѣла вмѣшиваться*. Иначе батальоны, по крайней мѣрѣ наиболѣе умѣренныхъ секцій, несомнѣнно были бы направлены въ тюрьмы. Очевидно, общее мнѣніе въ Парижѣ было таково, что вывести войска противъ толпы, овладѣвшей тюрьмами, значило-бы зажечь гражданскую войну въ тотъ самый моментъ, когда непріятель находился всего на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Парижа, и единство дѣйствій противъ врага было необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь. — „Между вами хотятъ посѣять раздоръ и ненависть, и возбудить гражданскую войну", писало Собраніе въ прокламаціи отъ 3-го сентября, приглашая гражданъ къ единенію. Въ данномъ случаѣ, другого средства, кромѣ убѣжденія, употребить было нельзя. Дѣйствительно, когда посланные отъ Коммуны пытались помѣшать убійствамъ, въ аббатствѣ, въ от-

*) См. Протоколы Коммуны, цитированные у Бюше и Ру, XVII, 368. Въ докладѣ, сдѣланномъ Законодательному Собранію позднѣе, ночью, Тальенъ подтвердилъ слова Манюэля: „Прокуроръ Коммуны, говорилъ онъ, явился первымъ (въ Аббатство) и сдѣлалъ все, что только могли подсказать ему его преданность дѣлу и гуманность. Онъ не достигъ ничего, и на его глазахъ, у его ногъ, пало нѣсколько жертвъ. Самъ онъ также подвергался опасности, и его пришлось увести, чтобы онъ не палъ жертвой своего рвенія". Въ двѣнадцать часовъ ночи, когда толпа народа направилась къ тюрьмѣ Форсъ, „наши комиссары, докладывалъ Собранію Тальенъ, пошли туда, но ничего не добились. Депутаціи приходили въ тюрьму одна за другою, и въ тотъ моментъ, когда мы ушли, туда направлялась еще новая депутація". — Народъ ихъ не слушалъ: онъ утратилъ всякую вѣру въ Собраніе.

вѣтъ на ихъ уговоры одинъ человѣкъ изъ народа очень справедливо спросилъ Манюэля, — стали-ли бы негодяи пруссаки и австрійцы, придя въ Парижъ, разбирать невинныхъ и виновныхъ, или-же устроили-бы массовое избіеніе?*) А другой, или, можетъ быть, тотъ же самый, прибавилъ: „Это кровь Монморена и компаніи; мы — на своемъ посту, возвращайтесь-ка и вы на свой; *если бы всѣ тѣ, кому мы поручили отправленіе правосудія, исполнили свой долгъ, насъ не было-бы здѣсь***)“. Такъ понялъ этотъ взрывъ негодованія парижскій народъ, а съ нимъ и всѣ революціонеры.

Какъ бы то ни было, Наблюдательный Комитетъ Коммуны***), какъ только онъ узналъ — 2-го сентября, днемъ — о результатахъ миссіи Манюэля, издалъ слѣдующее воззваніе: „Именемъ народа. Товарищи, по-

*) «Скажите, господинъ гражданинъ, развѣ негодяи пруссаки и австрійцы, если бы они пришли въ Парижъ, стали бы разыскивать виновныхъ? развѣ они не стали бы избивать всѣхъ, безъ разбора, какъ швейцарцы били 10-го августа? Я — не ораторъ и никого не усыпляю своими рѣчами, но я вамъ говорю, что у меня есть семья, жена и пятеро дѣтей, которыхъ я оставляю подъ охраной моей секціи и иду драться съ непріятелемъ; но я не хочу, чтобы заключенные въ тюрьмахъ негодяи, которыхъ другіе негодяи выпустятъ на свободу, пришли и задушили мою жену и моихъ дѣтей». Цитирую по Félhémési (Méhée fils), «La Vérité toute entière».

**) Прюдомъ приводитъ въ своей газетѣ такой отвѣтъ человѣка изъ народа во время перваго посѣщенія Аббатства депутаціей отъ Законодательныхъ властей и отъ Муниципалитета (цитир. у Бюше и Ру, томъ XVII, стр. 426).

***) Этотъ Комитетъ (смѣнившій 14-го апрѣля прежнюю администрацію и состоявшій вначалѣ изъ пятнадцати человѣкъ — членовъ муниципальной полиціи) былъ преобразованъ постановленіемъ Генеральнаго Совѣта Коммуны отъ 30 августа; онъ состоялъ теперь изъ четырехъ членовъ — Паниса, Сержана, Дюплена и Сурдейля, — которые пригласили 2-го сентября, съ разрѣшенія Совѣта и «въ виду критическихъ обстоятельствъ и разнообразныхъ и важныхъ дѣлъ, которыми имъ приходится заниматься», еще семерыхъ: Марата, Дефорга, Ланфана, Леклерка, Дюфора, Кайльи и Гермёра (Buchez et Roux, XVII, стр. 405 и 433; XVIII, стр. 186—

велѣвается вамъ судить всѣхъ, безъ различія, заключенныхъ въ Аббатствѣ, за исключеніемъ аббата Ланфана, котораго вы помѣстите въ вѣрное мѣсто. Городская Ратуша, 2 сентября (Подписано: администраторы Панисъ, Сержанъ)".

Немедленно народомъ былъ организованъ временный судъ, изъ двѣнадцати присяжныхъ, избранныхъ народомъ, подъ предсѣдательствомъ Мальяра, хорошо извѣстнаго въ Парижѣ съ 14 іюля и 5 октября 1789 года. Подобный-же импровизированный судъ былъ устроенъ въ тюрьмѣ Форсъ, двумя или тремя членами Коммуны; оба эти суда постарались спасти, какъ можно больше заключенныхъ. Такъ, Мальяру удалось выручить Казотта, сильно скомпрометированнаго (Мишлэ, кн. VII, гл. V), и де Сомбрёйля, извѣстнаго за открытаго врага Революціи. Чтобы добиться оправданія ихъ, Мальяръ воспользовался присутствіемъ дочерей Казотта и Сомбрёйля, добровольно послѣдовавшихъ въ тюрьму за своими отцами, а также преклоннымъ возрастомъ Сомбрёйля. Впослѣдствіи, какъ видно изъ одного документа, приведеннаго въ факсимиле Гранье де Кассаньякомъ*), Мальяръ съ гордостью говорилъ, что спасъ такимъ образомъ жизнь сорока-тремъ человѣкамъ. Нечего говорить о томъ, что „стаканъ крови", якобы поднесенный дочери Сомбрёйля, есть ничто иное, какъ гнусная выдумка роялистскихъ писателей (См. Луи Бланъ, кн. VIII, гл. II; и Combes, „Episodes et curiosités révolutionnaires", 1872, и др.).

187). Мишлэ, имѣвшій передъ глазами подлинный документъ, говоритъ только о шести новыхъ членахъ: онъ не упоминаетъ о Дюрфорѣ. Робеспьеръ засѣдалъ въ Генеральномъ Совѣтѣ. Маратъ принималъ въ немъ участіе «какъ журналистъ»: Коммуна постановила, что въ залѣ засѣданій будетъ устроена трибуна для одного журналиста — Марата (Мишлэ, кн. VII, гл. IV).

*) Granier de Cassagnac, «Histoire des Girondins et des massacres de septembre», 2 тома, 1860.

Въ тюрьмѣ Форсъ также было много случаевъ оправданія; по словамъ Тальена, тамъ погибла всего одна женщина—г-жа де-Ламбаль. Каждое оправданіе встрѣчалось криками „*Да здравствуетъ нація!*“ и затѣмъ люди изъ толпы провожали оправданнаго до дому, со всевозможными выраженіями симпатіи, рѣшительно отказываясь при этомъ принимать какія-бы то ни было деньги отъ освобожденнаго, или отъ его родственниковъ. Такимъ образомъ были оправданы нѣкоторые отъявленные роялисты, противъ которыхъ не оказалось однако никакихъ достовѣрныхъ *фактовъ*, какъ напр. братъ министра Бертрана де Мольвиля и даже такой заклятый врагъ Революціи, какъ молочный братъ королевы, австріецъ Веберъ; ихъ съ тріумфомъ и радостными криками проводили къ роднымъ или друзьямъ. Веберъ самъ разсказалъ это въ своей запискѣ.

Въ монастырь Кармелитовъ, съ 11-го августа начали заключать священниковъ; тамъ находился и знаменитый архіепископъ города Арль, обвинявшійся въ устройствѣ ужаснаго избіенія патріотовъ въ этомъ городѣ. Всѣ эти священники подлежали ссылкѣ, когда наступило 2-е сентября. Въ этотъ день нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ саблями, ворвались въ монастырь и убили архіепископа арльскаго, а также — послѣ краткаго суда — и многихъ священниковъ, отказывавшихся принести гражданскую присягу. Нѣкоторые однако убѣжали, перелѣзши черезъ стѣну; другіе, какъ видно изъ разсказа аббата Бертело-де-Барбо, были спасены членами люксембургской секціи и стоявшими на посту въ тюрьмѣ людьми съ пиками*).

Убійства продолжались 3-го сентября; а вечеромъ того же дня Наблюдательный Комитетъ Коммуны разослалъ по департаментамъ, въ пакетахъ министра юстиціи, циркуляръ, составленный Маратомъ, въ которомъ порицалось Собраніе, разсказывалось о событіяхъ и предлагалось послѣдовать примѣру Парижа.

*) По поводу нѣкоторыхъ новѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ дняхъ, см. въ Приложеніи.

Между тѣмъ волненіе въ народѣ начинало утихать, разсказываетъ Сенъ-Меаръ, и 3-го, около восьми часовъ вечера, уже раздавались отдѣльные голоса, кричавшіе: „Пощады! пощада оставшимся!“ Въ тюрьмахъ оставалось уже, впрочемъ, немного политическихъ. Но тогда случилось то, что неизбѣжно должно было случиться. Къ нападавшимъ на тюрьмы изъ убѣжденія присоединились другіе, сомнительные элементы. Проявилось то, что Мишлэ очень удачно назвалъ „яростною жаждою очищенія“ — желаніе очистить Парижъ, не только отъ роялистскихъ заговорщиковъ, но и отъ фальшивыхъ монетчиковъ, отъ поддѣлывателей ассигнацій, отъ мошенниковъ, даже отъ публичныхъ женщинъ, о которыхъ говорили, что онѣ всѣ — роялистки! 3-го сентября, въ тюрьмѣ Большого Шателэ уже были перебиты воры, а въ тюрьмѣ Бернардиновъ — каторжники; 4-го, толпа людей отправилась убивать въ Сальпетріеръ, въ Бисетръ и даже въ бисетрскую „La Correction“, хотя эту тюрьму народъ долженъ былъ-бы пощадить, какъ мѣсто страданія такихъ-же несчастныхъ, какъ онъ самъ, особенно дѣтей. Наконецъ, Коммунѣ удалось положить конецъ убійствамъ; это было, по свидѣтельству Матонъ-де-ла-Варенна, 4-го числа*).

Въ общемъ, погибло больше тысячи человѣкъ; изъ нихъ 202 священника, 26 королевскихъ гвардейцевъ, около тридцати швейцарцевъ изъ ихъ генеральнаго штаба и больше 300 уголовныхъ заключенныхъ, изъ которыхъ тѣ, которыхъ содержали въ Консьержери, занимались въ тюрьмѣ выдѣлкою фальшивыхъ ассигнацій. Матонъ-де-ла-Варенъ, который приводитъ въ своей „Histoire particulière“ (стр. 419 - 460) алфавитный списокъ убитыхъ въ сентябрьскіе дни, даетъ

*) M...-de-la-Varenne, «Histoire particulière des événements qui ont eu lieu en France pendant les mois de juin, de juillet, d'août et de septembre et qui ont opéré la chute du trône royal». Парижъ, 1806. Пятаго, совершено было еще нѣсколько отдѣльныхъ убійствъ.

общую цифру въ 1086 человѣкъ; кромѣ того — еще трое неизвѣстныхъ, погибшихъ случайно. Роялистскіе же историки стали сочинять сказки и говорить о 8000 и даже о 12852 убитыхъ!!*)

Всѣ историки Великой Революціи, начиная съ Бюше и Ру, приводятъ мнѣнія разныхъ извѣстныхъ революціонеровъ объ этихъ убійствахъ, и изъ всѣхъ ихъ цитатъ вытекаетъ одно поразительное заключеніе. Жирондисты, впослѣдствіи больше всѣхъ воспользовавшіеся сентябрьскими днями для рѣзкихъ и упорныхъ нападокъ на Монтаньяровъ**), сами въ эти дни оставались безучастными зрителями, т. е. дѣлали то самое, въ чемъ впослѣдствіи упрекали Дантона, Робеспьера и Коммуну. Только одна Коммуна приняла, въ лицѣ своего Генеральнаго Совѣта и Наблюдательнаго Комитета, болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры для того, чтобы остановить убійства, или, по крайней мѣрѣ ограничить и узаконить ихъ. Всѣ остальные дѣйствовали вяло, или не считали нужнымъ вмѣшиваться; большинство же, когда дѣло было сдѣлано, выражало *одобреніе*. Это показываетъ, до какой степени, несмотря на возбуждаемый сентябрьскими убійствами протестъ человѣческаго чувства, всѣ понимали, что они были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бойни, устроенной во дворцѣ роялистами 10 го августа, и темной политики самихъ правителей впродолженіи двадцати дней, послѣдовавшихъ за взятіемъ Тюильри.

*) Архи-роялистскій и лживый писатель Peltier, перечисляя подробно всѣ убійства, находитъ цифру въ 1005 человѣкъ; но онъ прибавляетъ, что убивали кромѣ того въ Бисетрѣ и *на улицахъ*, и это даетъ ему возможность указать общее число въ 8000 человѣкъ. («Dernier tableau de Paris, ou récit historique de la Révolution du 10 août», 2 тома, Лондонъ, 1792—1793). По этому поводу Бюше и Ру очень справедливо замѣтили, что «только одинъ Пельтье упоминаетъ объ убійствахъ гдѣ-бы то ни было, внѣ тюремъ», и что въ этомъ онъ расходится со всѣми своими современниками.

**) «Горцевъ» — такъ называли потомъ лѣвую партію въ Конвентѣ.

Въ очень часто упоминаемомъ историками письмѣ Ролана отъ 3-го сентября, жирондистскій министръ говоритъ объ этихъ убійствахъ въ выраженіяхъ, изъ которыхъ ясно, что онъ тоже считалъ ихъ неизбѣжными*). Главное, чего онъ хочетъ, это—развить мысль, которая скоро станетъ любимымъ положеніемъ Жирондистовъ: что если *до* 10-го августа безпорядокъ и былъ нуженъ, то теперь все должно войти въ рамки. Вообще говоря, Жирондисты, какъ вполнѣ вѣрно замѣтили уже Бюше и Ру, „въ особенности занимаются самими собою"; „они съ горечью видятъ, что власть уходитъ изъ ихъ рукъ и переходитъ къ ихъ противникамъ.... но они не находятъ основаній осуждать происходящее движеніе.... Они не скрываютъ отъ себя, что только оно одно *могло спасти національную независимость и оградить ихъ самихъ отъ мести вооруженной эмиграціи*" (стр. 397)**).

Самыя вліятельныя газеты, какъ „Moniteur" и „Révolutions de Paris" Прюдома, одобряютъ происшедшее; другія, „Annales patriotiques", „Chronique de Paris" и

*) «Я знаю, что революціи не разсчитываются на основаніи обычныхъ правилъ, но я знаю также, что сила, которая производитъ ихъ, должна поспѣшить стать подъ сѣнь закона, если не хочетъ вызвать полное разложеніе. Гнѣвъ народа и начало возстанія подобны дѣйствію горнаго потока, *низвергающаго такія препятствія, которыхъ не могла бы уничтожить никакая другая сила;* но, выходя изъ береговъ, этотъ потокъ далеко несетъ съ собою разрушеніе и опустошеніе, если только онъ не войдетъ скоро въ берега.... На событія вчерашняго дня, можетъ быть, слѣдуетъ набросить покровъ; я знаю, что народъ, страшный въ своей мести, все-таки вноситъ въ нее нѣкоторую справедливость; жертвою его ярости не падаетъ все, что встрѣчается ему на пути: его ярость направляется на тѣхъ, кого слишкомъ долго щадилъ мечъ правосудія, и на кого опасныя обстоятельства указываютъ, какъ на подлежащихъ немедленному закланію... Но спасеніе Парижа требуетъ, чтобы всѣ власти тотчасъ же вернулись въ установленныя для нихъ границы».

**) Нѣтъ сомнѣнія, что жирондистскіе министры отлично знали, что происходитъ въ тюрьмахъ. Извѣстно, что воен-

даже Бриссо въ „Patriote français“ — ограничиваются нѣсколькими холодными и равнодушными фразами. Что же касается роялистской прессы, то она, конечно, воспользовалась событіями, чтобы разсказывать, повторявшіяся потомъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, самыя фантастическія сказки. Мы не будемъ заниматься опроверженіемъ ихъ. Но существуетъ одна ошибка въ оцѣнкѣ событій, въ которую впадаютъ и республиканскіе историки, и на неё стóитъ указать.

Несомнѣнно, что число людей, убивавшихъ въ тюрьмахъ, не превышало трехсотъ человѣкъ. На этомъ основаніи, — всѣхъ республиканцевъ, не положившихъ конецъ убійствамъ, обвиняютъ въ трусости. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такихъ разсчётовъ. Самая цифра, триста или четыреста человѣкъ, вѣрна. Но достаточно прочитать разсказы Вебера (молочнаго брата Маріи-Антуанеты), дочери г-жи де-Турзель, Матонъ-де-ла-Варенна и другихъ очевидцевъ того, что происходило въ тюрьмахъ, чтобы увидать, что если самыя убійства и были дѣломъ ограниченнаго числа людей, то вокругъ каждой тюрьмы, въ сосѣднихъ улицахъ стояло множество народа, одобрявшаго эти убійства и готоваго призвать къ оружію противъ всякаго, кто захотѣлъ бы помѣшать имъ. Впрочемъ, и бюллетени секцій, и поведеніе національной гвардіи, и даже отношеніе видныхъ революціонеровъ показываютъ, что всѣ понимали, что военное вмѣшательство было бы сигналомъ гражданской войны, которая, на чьей бы сторонѣ ни осталась побѣда, повлекла бы за собою гораздо болѣе многочисленныя и еще болѣе ужасныя

ный министръ Серванъ отправился 2-го сентября, послѣ полудня, въ Коммуну, гдѣ у него было назначено въ 8 часовъ свиданіе съ Сантерромъ, Петіономъ, Эберомъ, Бильо-Варенномъ и другими, для обсужденія военныхъ мѣропріятій. Въ Коммунѣ, конечно, говорили объ убійствахъ, и Роланъ былъ извѣщенъ о нихъ; но Серванъ, какъ и другіе, рѣшилъ, что нужно прежде всего заняться самымъ спѣшнымъ — тѣмъ, что́ происходитъ на границѣ — и ни въ какомъ случаѣ не вызывать гражданской войны въ Парижѣ.

убійства — и открыла бы Парижъ иностранному вторженію.

Съ другой стороны, Мишлэ сказалъ, и многіе впослѣдствіи повторяли то-же, что убійства эти были внушены *страхомъ*, страхомъ безосновательнымъ; а страхъ, какъ извѣстно, всегда жестокъ. Нѣсколько сотъ лишнихъ роялистовъ, говорятъ намъ, не представляли опасности для Революціи. Но писатели, разсуждающіе такимъ образомъ, не отдаютъ себѣ отчёта, по моему мнѣнію, о настоящей силѣ реакціи. За этими нѣсколькими стами погибшихъ въ эти дни роялистовъ стояли десятки тысячъ другихъ, — большинство, громадное большинство зажиточной буржуазіи, вся аристократія, Законодательное Собраніе, департаментская директорія, большинство мировыхъ судей и громадное большинство чиновниковъ. Вся эта плотная масса враждебныхъ Революціи людей только и ждала появленія нѣмцевъ около Парижа, чтобы встрѣтить ихъ съ распростёртыми объятіями и начать съ ихъ помощью контръ-революціонный „Чёрный терроръ“, — чёрное избіеніе. Достаточно вспомнить о „Бѣломъ террорѣ“ въ царствованіе Бурбоновъ, когда они вернулись въ 1815 году подъ охраной иностранныхъ войскъ.

Существуетъ, впрочемъ, одинъ фактъ, обыкновенно оставляемый безъ вниманія историками, но бросающій свѣтъ на все дѣло и указывающій на настоящую причину движенія 2-го сентября.

Въ самый разгаръ убійствъ, утромъ 4-го сентября, Собраніе рѣшилось, наконецъ, по предложенію Шабо, сказать давно ожидаемое слово. Оно заявило, въ обращеніи къ французскому народу, что хотя уваженіе къ будущему Конвенту и мѣшаетъ членамъ Собранія „предрѣшать, чего они ожидаютъ отъ французской націи“, они тѣмъ не менѣе теперь-же принесутъ, какъ отдѣльныя личности, ту клятву, которой не могутъ принести какъ представители народа: клятву „*бороться всѣми силами противъ королей и королевской власти!*“ *Не надо короля! Никакой капитуляціи, никакого мно-*

страннаго монарха! повторяли члены Собранія. И, какъ только это обращеніе къ націи было принято голосованіемъ Собранія, несмотря на упомянутую выше оговорку, комиссары, посланные Собраніемъ съ этимъ заявленіемъ по секціямъ, всюду были встрѣчены съ распростёртыми объятіями, — и секціи взялись, *немедленно, положить конецъ убійствамъ.*

Но, какъ трудно было вынудить у Собранія это заявленіе! Только послѣ того, какъ Маратъ сталъ упорно совѣтовать народу истребить лицемѣрныхъ роялистовъ самого Законодательнаго Собранія, послѣ того, какъ Робеспьеръ сталъ обвинять Карра́ и Жирондистовъ вообще, въ готовности *принять иностраннаго монарха,* и послѣ того, какъ Коммуна приказала произвести обыски у жирондистскихъ вожаковъ, — Ролана и Бриссо, — Жирондистъ Гюадэ выступилъ 4-го сентября — только 4-го сентября — съ проэктомъ заявленія о готовности представителей народа, бороться всѣми силами противъ короля и королевской власти вообще. Если-бы такое опредѣленное заявленіе было сдѣлано тотчасъ-же послѣ 10-го августа, и если бы Людовикъ XVI тогда же былъ преданъ суду, — сентябрьскихъ убійствъ, несомнѣнно, не произошло бы. Безсиліе роялистскихъ интригъ стало бы ясно для народа, разъ онъ увидѣлъ бы, что онѣ не опираются на Собраніе, на правительство.

И напрасно стали бы намъ говорить, что подозрѣнія Робеспьера, обвинявшаго Собраніе и особенно Жирондистовъ въ готовности призвать на престолъ Герцога Брауншвейгскаго (шедшаго на Парижъ во главѣ нѣмецкой арміи), не имѣли основанія. Не даромъ старый республиканецъ, Жирондистъ Кондорсэ, — единственный представитель народа, открыто высказавшійся въ Законодательномъ Собраніи въ пользу Республики еще въ 1791-мъ году, и вмѣстѣ съ тѣмъ выступившій отъ своего — и только отъ своего — имени противъ всякой мысли о водвореніи на французскомъ престолѣ герцога Брауншвейгскаго, — недаромъ этотъ старый рес-

публиканецъ писалъ въ „Chronique de Paris“, что ему говорили *объ этой кандидатурѣ**). Дѣло въ томъ, что въ эти дни междуцарствія цѣлый рядъ кандидатуръ — герцога Іоркскаго, герцога Орлеанскаго, герцога Шартрскаго (кандидатура, поддерживавшаяся Дюмурье) и даже герцога Брауншвейгскаго — обсуждался въ средѣ политическихъ дѣятелей, или не желавшихъ республики, какъ Фёльянты, или, какъ Жирондисты, не вѣрившихъ въ возможность побѣды Франціи.

Въ этихъ именно колебаніяхъ, въ этомъ малодушіи, въ этомъ лицемѣріи государственныхъ людей, стоявшихъ у власти, и кроется настоящая причина того отчаянія, которое овладѣло парижскимъ населеніемъ 2-го сентября.

---

*) Карра, издатель «Annales patriotiques» — одного изъ главныхъ политическихъ органовъ Жиронды, говорилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ о герцогѣ Брауншвейгскомъ въ номерѣ отъ 19 іюля 1792 года: — «герцогъ Брауншвейгскій — величайшій военный и величайшій политикъ въ Европѣ; онъ — человѣкъ очень образованный, очень просвѣщенный, очень обходительный: ему, можетъ быть, не хватаетъ только короны, чтобы стать — я не говорю величайшимъ монархомъ на землѣ, но, можетъ быть, настоящимъ возстановителемъ свободы въ Европѣ. Если онъ явится въ Парижъ, то я ручаюсь, что онъ первымъ дѣломъ отправится въ клубъ Якобинцевъ и надѣнетъ красную шапку».

XXXVI.

Конвентъ. — Коммуна. — Якобинцы.

21-го сентября 1792 года открылся, наконецъ, Конвентъ — собраніе, которое такъ часто представляли впослѣдствіи прототипомъ, идеаломъ всякаго революціоннаго собранія. Выборы въ Конвентъ произошли при почти всеобщей подачѣ голосовъ, съ участіемъ всѣхъ гражданъ, активныхъ и пассивныхъ, но оставались двухстепенными; т. е. всѣ граждане выбирали сперва выборщиковъ, а эти послѣдніе уже выбирали депутатовъ въ Конвентъ. Такой способъ избранія, конечно, былъ выгоденъ для зажиточныхъ классовъ; но такъ какъ выборы происходили въ сентябрѣ, посреди всеобщаго волненія, вызваннаго народною побѣдою 10-го августа, и многіе контръ-революціонеры, напуганные событіями 2-го сентября, предпочли вовсе не показываться на выборахъ, то результаты были менѣе плохи, чѣмъ можно было опасаться. Въ Парижѣ, списокъ Марата, въ который входили имена всѣхъ извѣстныхъ революціонеровъ изъ клуба Кордельеровъ и изъ клуба Якобинцевъ, прошелъ цѣликомъ. 525 „выборщиковъ“, собравшихся въ самый день 2 го сентября въ помѣщеніи Якобинскаго клуба, избрали предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ своего собранія Колло д'Эрбуа

(крайняго Якобинца) и Робеспьера, исключили всѣхъ, подписавшихъ роялистскія петиціи („восьми тысячъ“ и „двадцати тысячъ“), и подали голоса за списокъ Марата.

Тѣмъ не менѣе „умѣренный“ элементъ все еще продолжалъ господствовать, и Маратъ писалъ послѣ перваго же засѣданія Конвента, что если судить по качеству представителей народа, то можно отчаяться въ возможности спасти общество. Онъ предвидѣлъ, что ихъ сопротивленіе революціонному духу приведетъ Францію къ безконечной борьбѣ. „Они окончательно погубятъ все“, говорилъ онъ, „если небольшая кучка защитниковъ народа, призванныхъ бороться съ ними, не возметъ верхъ и не раздавитъ ихъ“. Мы увидимъ скоро, до какой степени онъ былъ правъ.

Но сами событія толкали Францію къ Республикѣ, и это общенародное теченіе было такъ сильно, что умѣренные элементы Конвента не рѣшились противиться потоку, уносившему королевскую власть. Въ первое-же свое засѣданіе Конвентъ единогласно провозгласилъ отмѣну монархіи во Франціи. Мы видѣли, что Марсель и нѣкоторые другіе провинціальные города требовали Республики еще до 10-го августа; Парижъ, съ перваго-же дня выборовъ, торжественно выставилъ то-же требованіе. Клубъ Якобинцевъ также рѣшился, наконецъ, заявить себя въ пользу республики: онъ сдѣлалъ это въ засѣданіи 27-го августа, послѣ опубликованія бумагъ, найденныхъ въ шкафу въ Тюильри. Конвентъ осторожно послѣдовалъ за Парижемъ. Въ первомъ своемъ засѣданіи, 21-го сентября 1792 года, онъ отмѣнилъ королевскую власть; а на другой день, въ другомъ декретѣ, онъ повелѣлъ, чтобы съ этого дня всѣ официальные документы помѣчались первымъ годомъ Республики. Но самаго провозглашенія онъ такъ и не сдѣлалъ.

Три, ясно разграниченныя партіи сошлись въ Конвентѣ: Гора*), Жиронда и Равнина, или вѣрнѣе „Бо-

*) La Montagne; отсюда — слово Монтаньяры, т. е. Горцы.

лото" (La Plaine, потомъ Le Marais). Жирондисты, хотя ихъ было меньше двухсотъ, господствовали. Они уже раньше, при Законодательномъ Собраніи, давали королю министерство (Ролана) и стремились заслужить славу „государственныхъ людей". Состоя изъ людей образованныхъ, изящныхъ, тонкихъ политиковъ, партія Жиронды представляла собою интересы промышленной, торговой и земельной буржуазіи, быстро создававшейся при новомъ порядкѣ. При поддержкѣ „Равнины", Жирондисты были вначалѣ самою сильною партіею; изъ нихъ и составилось первое республиканское министерство. Въ министерствѣ, попавшемъ во власть въ день 10-го августа, былъ только одинъ представитель *народной* революціи, — Дантонъ; но и онъ вышелъ въ отставку 21-го сентября, и власть осталась, такимъ образомъ, въ рукахъ однихъ Жирондистовъ.

Гора, состоявшая изъ Якобинцевъ, какъ Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ, изъ Кордельеровъ, какъ Дантонъ и Маратъ, и пользовавшаяся поддержкой народныхъ революціонеровъ Коммуны, какъ Шометъ и Эберъ, еще не сформировалась въ то время въ политическую партію: это случилось лишь позднѣе, подъ вліяніемъ самого хода событій. Пока, Гора поддерживала всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ идти впередъ и привести Революцію къ осязательнымъ результатамъ, т. е. уничтожить королевскую власть и окончательно подорвать настроеніе, поддерживавшее эту власть, раздавить аристократію и политическую силу духовенства, отмѣнить вполнѣ феодализмъ, упрочить Республику.

Наконецъ, Равнину или Болото (впослѣдствіи, его называли также Брюхомъ) составляли люди колеблющіеся, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, но владѣющіе собственностью и консерваторы по инстинкту — тѣ самые, изъ кого состоитъ большинство всѣхъ представительныхъ собраній. Въ Конвентѣ ихъ было около пятисотъ. Сначала они поддерживали Жирондистовъ, но въ минуту опасности покинули ихъ. Затѣмъ, страхъ

заставилъ ихъ поддерживать крайнихъ Монтаньяровъ, съ Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ, а позднѣе они стали участниками бѣлаго террора, послѣ того какъ термидорскій переворотъ 1794-го года послалъ Робеспьера и его товарищей на эшафотъ.

Теперь, послѣ провозглашенія Республики 21-го сентября 1792-го года, опять можно было думать, что Революція сможетъ развиваться безпрепятственно и пойдетъ своимъ естественнымъ путемъ, указаннымъ ей самою логикою событій. Судъ надъ королемъ и его осужденіе, республиканская конституція, взамѣнъ конституціи 1791 года, неумолимая война противъ иностранныхъ завоевателей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательное уничтоженіе того, что составляло силу стараго строя: феодальныхъ правъ, власти духовенства, монархической организаціи провинціальнаго управленія. Отмѣна всѣхъ этихъ пережитковъ прошлаго естественно вытекала изъ самаго хода Революціи.

Но пришедшая ко власти буржуазія, представляемая въ Конвентѣ „государственными людьми“ Жиронды, вовсе не хотѣла этого.

Народъ низвергъ Людовика XVI-го. Но, — избавиться отъ измѣнника, который привелъ нѣмцевъ къ воротамъ Парижа, казнить его, — этому Жиронда противилась всѣми силами. Скорѣе — гражданская война, чѣмъ такой рѣшительный шагъ! И это — не столько изъ боязни мести со стороны иностранныхъ державъ — сами Жирондисты настаивали на томъ, чтобы начать войну со всей Европой — сколько изъ боязни *революціоннаго движенія французскаго народа.* Главнымъ образомъ боялись они революціоннаго Парижа, который могъ увидѣть въ казни короля начало настоящей революціи.

Къ счастью, парижскому народу удалось, *въ секціяхъ и въ Коммунѣ*, создать, рядомъ съ національнымъ представительствомъ, настоящую силу, которая и явилась выразительницей революціонныхъ стремленій па-

рижскаго населенія и стала даже господствовать надъ Конвентомъ. Остановимся-же на минуту, прежде чѣмъ приступить къ описанію ожесточенной борьбы, завязавшейся въ средѣ представителей націи, и бросимъ взглядъ назадъ — на то, какъ создалась эта новая сила, Парижская Коммуна.

Въ предшествующихъ главахъ (XXIV и XXV) мы уже видѣли, какъ парижскія секціи пріобрѣли значеніе, въ качествѣ органовъ городской, муниципальной жизни. Онѣ присвоили себѣ, — помимо нѣкоторыхъ полицейскихъ обязанностей и избранія судей, которыя предоставлялись имъ закономъ, — различныя другія, въ высшей степени важныя экономическія обязанности (продовольствіе города, общественная благотворительность, продажа національныхъ имуществъ и т. д.), и сами эти обязанности дали имъ возможность оказывать серьёзное вліяніе при обсужденіи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ общаго характера*).

Сдѣлавшись существенными органами общественной жизни, секціи, или „отдѣлы", понятно, постарались установить между собою федеративную связь. Нѣсколько разъ, въ 1790 и въ 1791 году, онѣ уже назначали спеціальныхъ представителей для соглашенія съ другими секціями, въ виду совмѣстнаго дѣйствія, помимо офиціальнаго, установленнаго закономъ Городскаго Совѣта. Но ничего постояннаго еще не существовало.

Въ апрѣлѣ 1792 года, когда была объявлена война, поле дѣятельности секцій расширилось цѣлымъ рядомъ новыхъ обязанностей. Имъ пришлось заняться записью волонтёровъ, разсортировкой ихъ, патріотическими по-

*) Послѣ того, какъ была издана моя книга, вышла замѣчательная работа профессора Ф. Брэша, (F. Braesch, «La Commune du Dix Août 1792: Etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792», Paris [Hachette], 1911, 1236 страницъ). Она была сдѣлана по предложенію Олара, и посвящена дѣятельности Парижа (преимущественно политической) за эти шесть мѣсяцевъ. Она полна поучительныхъ для революціонера данныхъ. См. Приложеніе въ концѣ книги.

жертвованіями, обмундировкой и продовольствіемъ отправлявшихся на войну батальоновъ; затѣмъ — административными политическими сношеніями съ этими батальонами, заботой о семьяхъ волонтёровъ и проч., не говоря уже о непрестанной борьбѣ, которую имъ приходилось вести противъ роялистскихъ интригъ, мѣшавшихъ ихъ работѣ. При этихъ новыхъ обязанностяхъ, необходимость *непосредственной* связи между секціями чувствовалось еще сильнѣе.

Когда просматриваешь теперь переписку секцій и ихъ обширное счетоводство, то приходится удивляться организаторскому духу добровольцевъ, которые исполняли эту работу, послѣ окончанія своего трудового дня. Именно здѣсь видна вся глубина той, почти религіозной, преданности, которую внушала Революція французскому народу. Не нужно забывать, что, хотя каждая секція и выбирала свой военный комитетъ изъ двадцати-восьми членовъ, но по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ обыкновенно обращались къ происходившимъ по вечерамъ, общимъ собраніямъ секцій.

Легко понять и то, какъ люди, видѣвшіе не въ теоріи, а на дѣлѣ, всѣ ужасы войны и близко соприкасавшіеся съ страданіями, причиненными народу иностраннымъ нашествіемъ, должны были ненавидѣть виновниковъ этого нашествія: короля, королеву, Дворъ, бывшихъ дворянъ и богатыхъ — всѣхъ богатыхъ вообще, такъ какъ они поддерживали Дворъ. Столица объединялась такимъ путемъ съ крестьянами пограничныхъ департаментовъ въ общей ненависти къ защитникамъ престола, призвавшимъ во Францію чужестранныя войска. Поэтому, когда явилась мысль о мирной демонстраціи 20-го іюня, секціи взяли на себя подготовку этой демонстраціи, и онѣ же подготовили нападеніе на Тюильри, 10 августа, причемъ онѣ воспользовались этою подготовительною работою, чтобы установить, наконецъ, давно желанную непосредственную связь между секціями для революціоннаго дѣла.

Когда выяснилось, что демонстрація 20-го іюня не привела ни къ какимъ результатамъ — что Дворъ ничему не научился и ничему не хочетъ научиться, — секціи взяли на себя предложить Собранію низложеніе Людовика XVI-го. Секція Моконсейль (Maucon-seil) приняла 23-го іюля рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, о которомъ и сообщила Собранію, и сама стала заниматься подготовленіемъ революціоннаго движенія на 5-е августа. Другія секціи поспѣшили принять подобныя же рѣшенія; и когда, въ засѣданіи 4-го августа, Національное Собраніе объявило постановленіе гражданъ Моконсейля противузаконнымъ, это постановленіе уже получило одобреніе четырнадцати другихъ секцій.

Въ тотъ-же день члены секціи Гравилье явились въ Собраніе съ заявленіемъ, что *пока* они еще предоставляютъ законодателямъ „честь спасти отечество". — „Но если вы откажетесь", прибавляли они, „то намъ придется спасать себя самимъ". Секція Quinze-Vingt, съ своей стороны, назначила „утро 10 августа, какъ послѣдній срокъ народному терпѣнію", а секція Моконсейль заявила, что „будетъ мирно и бдительно ждать рѣшенія Національнаго Собранія до 11 часовъ вечера слѣдующаго четверга (9 августа); но если Законодательное Собраніе не удовлетворитъ справедливыхъ требованій народа, то часъ спустя, въ 12 часовъ ночи, будетъ забитъ сборъ, и всѣ возстанутъ"*).

Наконецъ, 7-го августа та-же секція обратилась ко всѣмъ остальнымъ, съ приглашеніемъ назначить отъ каждой „по шести комиссаровъ, *не столько ораторовъ, сколько дѣйствительно хорошихъ гражданъ*, которые, собравшись вмѣстѣ, составили бы въ Городской Ратушѣ центральный пунктъ", — что и было сдѣлано**).

*) Mortimer Ternaux, «La Terreur». т. II, стр. 178, 216, 393; Buchez et Roux, т. XVI, стр. 247; Mellié, „Les Sections de Paris", стр. 144 и слѣд.

**) Еще раньше былъ устроенъ комитетъ для переписки между секціями, а собраніе комиссаровъ отъ нѣсколькихъ секцій происходило еще 23-го іюля.

Когда изъ сорока восьми секцій двадцать восемь, или тридцать, присоединились къ движенію, ихъ комиссары собрались, въ ночь на 10-е августа въ Ратушѣ, рядомъ съ залой, гдѣ засѣдалъ законный Городской Совѣтъ — въ эту пору ночи далеко не въ полномъ составѣ — и стали дѣйствовать революціоннымъ путемъ, въ качествѣ новой Коммуны. Они временно упразднили законный Генеральный Совѣтъ Коммуны, подвергли домашнему аресту мэра Петіона, распустили генеральный штабъ батальоновъ національной гвардіи и взяли въ свои руки всѣ полномочія Коммуны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее руководительство возстаніемъ*).

Такимъ образомъ создалась и водворилась въ Городской Ратушѣ та новая власть, о которой мы говорили выше.

Тюильрійскій дворецъ былъ взятъ, и король свергнутъ съ престола. И тотчасъ же новая Коммуна показала, что видитъ въ днѣ 10-го августа не увѣнчаніе Революціи, начатой 14 іюля 1789 года, а начало новой революціи, — народной, совершаемой во имя Равенства. Она стала помѣчать свои документы „IV-мъ годомъ Свободы, I-мъ годомъ Равенства". Множество новыхъ обязанностей, оказалось, было тотчасъ же возложено на новую Коммуну.

*) Mellié нашелъ протоколъ засѣданія секціи Пуассоньеръ. Собравшись 9 августа, въ восемь часовъ вечера, въ церкви Сенъ-Лазаръ на засѣданіе, которое рѣшено было сдѣлать непрерывнымъ (assemblée permanente), секція разжаловала всѣхъ тѣхъ офицеровъ Сенъ-Лазарскаго батальона національной гвардіи, которые не были выбраны самою секціею, и назначила „тотчасъ-же другихъ офицеровъ, подъ командой которыхъ она хотѣла дѣйствовать". Затѣмъ она вошла въ соглашеніе съ другими секціями относительно порядка дѣйствія, и въ четыре часа утра, назначивъ постоянный комитетъ, „чтобы наблюдать за вооруженіемъ и отдавать необходимыя для безопасности распоряженія, которыя онъ найдетъ нужнымъ," присоединилась „къ своимъ братьямъ изъ Сенъ-Антуанскаго предмѣстія", чтобы идти на Тюильри. Изъ этого протокола непосредственно видно, какъ дѣйствовалъ парижскій народъ въ эту памятную ночь.

Втеченіе послѣднихъ двадцати дней августа, въ то время какъ Законодательное Собраніе колебалось между различными, раздиравшими его, роялистскими, конституціонными и республиканскими теченіями, и обнаруживало полную неспособность подняться на высоту положенія, парижскія секціи и парижская Коммуна сдѣлались настоящимъ сердцемъ французскаго народа. Онѣ старались разбудить республиканскую Францію, вызвать ея силы на борьбу съ объединившимися королями Европы, и внести, сообща съ другими Коммунами, необходимую организацію въ широкое движеніе волонтёровъ 1792-го года. А когда колебанія Законодательнаго Собранія, роялистскія поползновенія большинства его членовъ и ихъ ненависть къ революціонной Коммунѣ довели парижское населеніе до ярости сентябрьскихъ дней, успокоеніе пришло опять-таки отъ секцій и отъ Коммуны. Какъ только, 4-го сентября, Законодательное Собраніе рѣшилось, наконецъ, высказаться противъ королевской власти и различныхъ претендентовъ на французскій престолъ, и довело о своемъ рѣшеніи до свѣдѣнія секцій, онѣ, какъ мы видѣли, тотчасъ же объединились, чтобы положить конецъ убійствамъ, грозившимъ перейти изъ тюремъ на улицу, и обезпечить безопасность жителямъ.

Точно также, когда Конвентъ собрался и декретировалъ, утромъ 21 сентября, отмѣну королевской власти во Франціи, но еще „не осмѣливался произнести рѣшающее слово", Республика, и „ожидалъ, повидимому, поощренія извнѣ" *), это поощреніе пришло ему отъ парижскаго народа. На улицахъ, первый декретъ былъ встрѣченъ криками: *Да здравствуетъ Республика!* а граждане секціи Четырехъ Націй дали толчекъ Конвенту, явившись съ заявленіемъ, что они будутъ счастливы, если имъ придётся пролить свою кровь за „Республику" — которая въ то время еще не была

*) А. Оларъ, *Политическая исторія французской революціи*, 1902, стр. 330 русскаго изданія.

провозглашена и получила офиціальное признаніе Конвента только на другой день.

Парижская Коммуна выростала, такимъ образомъ, и становилась силой, съ которою приходилось считаться, если не какъ съ соперницей, то какъ съ вдохновительницей Конвента и союзницей партіи Горы.

Гора пользовалась, кромѣ того, поддержкой еще одной силы, выросшей за время Революціи — парижскаго клуба Якобинцевъ, съ многочисленными, примыкавшими къ нему, Народными обществами (Sociétés populaires) въ провинціи. Правда, этотъ клубъ вовсе не обладалъ тѣмъ революціоннымъ значеніемъ и тою революціонною иниціативою, какую ему такъ часто приписываютъ современные политическіе писатели. Клубъ Якобинцевъ не только не руководилъ революціей, но всегда шелъ *за* ней. Самый составъ главнаго, парижскаго, общества, члены котораго вербовались въ особенности изъ зажиточной буржуазіи, дѣлалъ такое руководительство невозможнымъ. Якобинцы, совершенно правильно говорилъ уже Мишлэ, всѣ время старались быть мудрыми политиками Революціи, держать въ своихъ рукахъ равновѣсіе. Они не управляли Революціей: они слѣдовали за нею. Духъ клуба измѣнялся съ каждымъ новымъ кризисомъ. Но клубъ тотчасъ-же становился выразителемъ того теченія, которое господствовало въ данный моментъ среди интеллигентной, умѣренно-демократической буржуазіи; онъ поддерживалъ это теченіе, вліяя въ желательномъ направленіи на общественное мнѣніе въ Парижѣ и въ провинціи, и доставлялъ новому водворявшемуся порядку главныхъ его чиновниковъ. Робеспьеръ, представлявшій, по справедливому выраженію Мишлэ, „золотую середину Горы“, хотѣлъ, чтобы Якобинцы „могли служить посредниками между Собраніемъ и улицей, поочередно пугая и успокаивая Конвентъ“ (книга IX, гл. IV). Но онъ понималъ, что иниціатива будетъ исходить отъ улицы, отъ народа.

Мы уже говорили о томъ, что на событія 10-го августа Якобинцы не оказали никакого вліянія. Это вліяніе не сказывалось и въ сентябрѣ 1792 года: клубъ даже опустѣлъ въ это время. Но мало по малу, главное парижское общество Якобинцевъ усилилось втеченіе осени, благодаря присоединенію къ нему многихъ Кордельеровъ; клубъ оживился и сталъ сборнымъ пунктомъ для всей умѣренной части республиканскихъ демократовъ. Маратъ сдѣлался тамъ популярнымъ лицомъ, но нельзя того же сказать о „бѣшеныхъ“ (les Enragés), т. е., выражаясь современнымъ языкомъ, о коммунистахъ. Клубъ высказался противъ нихъ и впослѣдствіи вступилъ съ ними въ борьбу.

Когда, весною 1793-го года, насталъ критическій моментъ въ борьбѣ, начатой Жирондистами противъ парижской Коммуны, Якобинцы поддержали Коммуну и партію Горы въ Конвентѣ, и помогли имъ восторжествовать надъ Жирондистами и упрочить послѣдствія своей побѣды. Благодаря сношеніямъ со своими провинціальными отдѣлами, они оказали также крупное содѣйствіе крайнимъ Монтаньярамъ (Горцамъ) и помогли имъ парализовать вліяніе, не только Жирондистовъ, но и скрывавшихся за ними роялистовъ. Но это не помѣшало, впрочемъ, тѣмъ же Якобинцамъ обратиться впослѣдствіи, въ 1794 году, противъ народныхъ революціонеровъ Коммуны и тѣмъ дать возможность буржуазной реакціи совершить переворотъ 9-го термидора (27-го іюля 1794 года), которымъ, въ сущности, закончился революціонный періодъ, и съ котораго началась реакція.

XXXVII

Правительство. —Борьба въ Конвентѣ.— Война.

Первою заботою Конвента было — не рѣшеніе судьбы низвергнутаго короля, а то, какая партія воспользуется побѣдою, одержанною народомъ надъ Тюильри, — кто будетъ *управлять* Революціею? На этой почвѣ и началась борьба, которая цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ мѣшала правильному развитію Революціи, задержала вплоть до іюня 1793-го года обсужденіе существенныхъ вопросовъ — земельнаго и другихъ,— и истощала энергію народа, приводя его къ равнодушію и утомленію, заставлявшимъ сердца современниковъ обливаться кровью, какъ это вѣрно понялъ Мишлэ.

10-го августа, послѣ временнаго отрѣшенія короля, Законодательное Собраніе передало обязанности центральной исполнительной власти Совѣту изъ шести министровъ, взятыхъ внѣ Собранія — въ большинствѣ Жирондистовъ. Роланъ, Серванъ, Клавьеръ, Монжъ и Ле Брёнъ вошли въ это министерство, съ присоединеніемъ Дантона, котораго Революція возвела на постъ министра юстиціи. Въ этомъ Совѣтѣ не было постояннаго президента; министры предсѣдательствовали по очереди, каждый втеченіе недѣли.

Конвентъ утвердилъ эту организацію; но вскорѣ Дантонъ, сдѣлавшійся за это время душою національной обороны и дипломатіи, и пріобрѣтшій первенству-

ющее вліяніе въ Совѣтѣ, принужденъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе нападокъ на него Жиронды. Онъ оставилъ министерство 9-го октября 1792-го года, и его мѣсто занялъ безличный Гара (Garat). Тогда, самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Исполнительномъ Совѣтѣ сталъ министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ, занимавшій этотъ постъ до января 1793 года (онъ вышелъ въ отставку послѣ казни короля). За эти четыре съ лишнимъ мѣсяца, Роланъ далъ возможность группировавшимся вокругъ него и вокругъ его жены Жирондистамъ проявить всю свою энергію, чтобы помѣшать Революціи развиваться въ направленіи, намѣчавшемся уже съ 1789 года: а именно — помѣшать установленію народной демократіи и затормозить окончательную отмѣну феодальнаго строя и приближеніе къ уравненію состояній. Дантонъ, тѣмъ временемъ, всѣтаки оставался руководителемъ въ дѣлахъ дипломатіи; а когда, въ апрѣлѣ 1793 года, былъ назначенъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, Дантонъ сталъ настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ этомъ Комитетѣ *).

Получивъ власть и господствуя въ Конвентѣ, Жиронда не съумѣла сдѣлать ничего положительнаго. Она „ораторствовала", но ничего не дѣлала, какъ очень вѣрно замѣтилъ Мишлэ. У нея не хватало рѣшимости на революціонныя мѣры, но не хватало ея и на открытую реакцію. А потому, настоящая власть, инициатива, практическое дѣйствіе оставались въ рукахъ Дантона во всѣмъ, что касалось войны и сношеній съ иностранными державами, и въ рукахъ парижской Коммуны, секцій, народныхъ обществъ (Sociétés populaires) и отчасти Якобинскаго клуба — въ вопросахъ революціонныхъ мѣръ внутри страны. Но, безсильная въ дѣйствіи, Жиронда яростно нападала на тѣхъ, кто дѣйствовалъ, особенно на „тріумвиратъ", т. е. на Дантона, Марата и Робеспьера, которыхъ она рѣзко об-

*) Оларъ, въ своей *Политической Исторіи* (стр. 381—383), даетъ очень хорошій обзоръ этихъ перемѣнъ.

виняла въ диктаторскихъ стремленіяхъ, на томъ основаніи, что ихъ мнѣнія и совѣты пріобрѣли въ это время большое значеніе. Бывали дни, когда можно было думать, что Жирондисты восторжествуютъ, и пошлютъ Дантона въ изгнаніе, а Марата — на эшафотъ.

Но силы Революціи, въ то время, еще не изсякли, а потому всѣ эти нападенія потерпѣли неудачу. Они только возбудили въ народѣ горячее сочувствіе къ Марату (особенно въ предмѣстіяхъ Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо), усилили вліяніе Робеспьера па Якобинцевъ и на демократическую буржуазію вообще, и возвысили Дантона въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто любилъ борющуюся съ королями, республиканскую Францію, кто видѣлъ въ немъ энергичнаго человѣка, способнаго противустоять иноземному нашествію, разбить роялистскіе заговоры внутри страны, и упрочить Республику — хотя бы рискуя ради этого своею головою и своею политическою репутаціею.

Съ первыхъ-же засѣданій Конвента, Жирондисты, а съ ними вся правая сторона, вновь начали ту, полную озлобленія борьбу противъ Парижской Коммуны, которую они вели уже въ Законодательномъ Собраніи, начиная съ 11 августа. Жирондисты обязаны были своею властью народному возстанію, подготовленному Коммуною — и именно на неё они обрушились теперь съ такою ненавистью, какой никогда не проявляли по отношенію къ дворцовымъ заговорщикамъ.

Разсказывать здѣсь подробно о всѣхъ этихъ проявленіяхъ вражды Жиронды къ Коммунѣ было бы слишкомъ утомительно. Достаточно указать на нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего, у Коммуны и ея Наблюдательнаго Комитета, а также у Дантона, потребовали денежнаго отчёта. Вполнѣ понятно, что въ бурные мѣсяцы августа и сентября 1792 года, при исключительныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ движеніемъ 10-го августа и иноземнымъ вторженіемъ, Дантону — единственному дѣятельному человѣку въ министерствѣ — приходилось

тратить деньги, не ведя должной отчётности, то на дипломатическіе переговоры, въ концѣ-концовъ побудившіе пруссаковъ отступить, то для раскрытія заговора маркиза де-ла-Руэри (de la Rouërie) въ Бретани и заговоровъ принцевъ въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Очевидно также, что и Наблюдательному Комитету Коммуны, когда онъ спѣшно обмундировывалъ и отправлялъ изо дня въ день волонтёровъ на войну, трудно было вести правильное счетоводство. И вотъ на это-то слабое мѣсто Жирондисты направили первые свои удары и свои инсинуаціи, потребовавъ (уже 30 сентября) полнаго денежнаго отчёта. Исполнительной власти Коммуны, т. е. ея Наблюдательному Комитету, удалось блестящимъ образомъ сдать всѣ счёты и оправдать свои политическіе акты*). Но вдали отъ Парижа, въ провинціи, честность Дантона и Коммуны такъ и остались подъ сомнѣніемъ, и это сомнѣніе Жирондисты вполнѣ использовали въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и избирателямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Жирондисты сдѣлали попытку организовать, для охраны Конвента, контръ-революціонную стражу. Они хотѣли, чтобы директорія каждаго департамента (а директоріи, какъ мы уже указали, были проникнуты реакціоннымъ духомъ) выслала въ Парижъ по четыре человѣка пѣхоты и по два кавалеріи — въ общемъ 4.470 человѣкъ — для охраны Конвента отъ возможныхъ нападеній со стороны парижскаго народа и его Коммуны! И только сильное волненіе въ секціяхъ Парижа, назначившихъ для сопротивленія этому рѣшенію спеціальныхъ комиссаровъ и пригрозившихъ новымъ возстаніемъ, помѣшало образованію въ Парижѣ такой контръ-революціонной гвардіи.

*) Изъ 713.885 ливровъ полученнаго дохода, Комитетъ израсходовалъ только 85.529 ливровъ, въ которыхъ и отдалъ полный отчетъ (Louis Blanc, II, 62). Впослѣдствіи, въ отвѣтъ на обвиненіе въ терроризмѣ, Жиро доказалъ, что за четыре мѣсяца Комитетъ арестовалъ всего 320 человѣкъ. Если бы жирондистскіе террористы съумѣли проявить такую же умѣренность послѣ 9-го термидора!

Но особенно эксплуатировали Жирондисты сентябрьскія убійства, какъ оружіе противъ Дантона, шедшаго въ тѣ дни рука объ руку съ Коммуной и секціями. Раньше, во время сентябрьскихъ убійствъ и сейчасъ послѣ нихъ, они предлагали „набросить покровъ“ на эти событія и, устами Ролана, почти оправдывали ихъ (см. гл. XXXV), какъ оправдывали еще до того, устами одного изъ видныхъ своихъ членовъ, Барбару, убійства въ Гласьеръ, въ Ліонѣ*). Теперь-же они такъ повели дѣло, что 20-го января 1793 года добились въ Конвентѣ возбужденія преслѣдованія противъ участниковъ сентябрьскихъ убійствъ, въ надеждѣ, что при этомъ разслѣдованіи пострадаютъ репутаціи Дантона, Робеспьера, Марата и Коммуны.

Такимъ образомъ, мало по малу, благодаря буржуазному и роялистскому теченію, проявившемуся въ буржуазіи послѣ 10 августа, Жирондистамъ удалось создать въ провинціи враждебное настроеніе по отношенію къ Парижу, его Коммунѣ и всей партіи Горы.

Нѣкоторые департаменты послали даже отряды федератовъ для защиты Конвента отъ „агитаторовъ, жаждущихъ сдѣлаться трибунами и диктаторами“, т. е. отъ Дантона, Марата и Робеспьера — и отъ парижскаго населенія! По призыву Барбару, Марсель — на этотъ разъ Марсель „комерсантистовъ“ — послала въ Парижъ, въ октябрѣ 1792 года, батальонъ федератовъ, составленный изъ богатыхъ молодыхъ людей торговаго города, и они ходили по улицамъ Парижа, требуя головъ Робеспьера и Марата. То были уже провозвѣ-

*) Послѣ долгой борьбы между революціонной частью населенія Ліона, и тою, которая шла за священниками, и послѣ убійства въ одной изъ церквей патріота Лескюйе (на котораго реакціонеры были злы за то, что онъ пустилъ въ продажу имущества духовенства), произошло общее возмущеніе рабочаго революціоннаго населенія Ліона, закончившееся убійствомъ шестидесяти роялистовъ, трупы которыхъ были брошены въ подземелья башни Гласьеръ. Жирондистскій депутатъ Барбару оправдывалъ эти убійства. Но — тогда Жирондисты еще не были у власти.

стники термидорской реакціи. Къ счастью, парижскій народъ разрушилъ всѣ эти планы: онъ привлекъ и этихъ федератовъ на сторону Революціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Жирондисты не пропускали случая нападать непосредственно на федеральное представительство парижскихъ секцій. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало убить революціонную Коммуну, возникшую 10-го августа, и въ концѣ ноября они добились того, что были назначены новые выборы въ Генеральный Совѣтъ парижскаго городского управленія. Одновременно съ этимъ, вышелъ въ отставку жирондистскій мэръ Парижа, Петіонъ. Но и здѣсь секціи парализовали всѣ эти интриги. На выборахъ, не только партія Горы получила большинство голосовъ, но такой крайній и такой популярный въ народѣ революціонеръ, какъ Шометъ (Chaumette), былъ назначенъ прокуроромъ Коммуны, а редакторъ газеты „Père Duchesne“, Эберъ (Hébert), сдѣлался его помощникомъ (2-го декабря 1792 года). Петіонъ, не соотвѣтствовавшій больше революціонному настроенію парижскаго народа, не былъ избранъ вновь; его мѣсто занялъ Шамбонъ, умѣренный. Но и онъ остался мэромъ всего два мѣсяца, и 14 февраля 1793 года его смѣнилъ Пашъ (Pache).

Такимъ образомъ создалась революціонная Коммуна 1793-го года — Коммуна Паша, Шомета и Эбера, которая сдѣлалась соперницею Конвента, сыграла 31-го мая 1793 года такую важную роль въ изгнаніи Жирондистовъ изъ Конвента, и дала этимъ самымъ могучій толчёкъ народной, уравнительной, анти-религіозной и иногда коммунистической революціи II-го года Республики (1793—1794).

Главнымъ вопросомъ минуты была однако война. Отъ успѣховъ арміи несомнѣнно зависѣло дальнѣйшее развитіе Революціи.

Мы видѣли, что передовые революціонеры, какъ Маратъ и Робеспьеръ, не хотѣли войны. Но нѣмецкое нашествіе призвалъ Дворъ, для спасенія королевской

единоличной власти. Священники и дворяне усиленно толкали къ войнѣ, въ надеждѣ вернуть себѣ утраченныя привилегіи; а сосѣднія правительства видѣли въ войнѣ средство борьбы съ революціоннымъ духомъ, пробуждавшимся уже и въ ихъ владѣніяхъ, причемъ представлялся удобный случай вырвать у Франціи нѣкоторыя провинціи и колоніи. Съ другой стороны, войны желали Жирондисты, такъ какъ они видѣли въ ней единственный способъ добиться ограниченія королевской власти, *не прибѣгая къ народному возстанію.* — „Вы не хотите обратиться къ народу; потому-то вамъ нужна война", говорилъ имъ Маратъ. И онъ былъ совершенно правъ. Жирондисты больше всего боялись народнаго возстанія, и въ войнѣ видѣли средство борьбы противъ короля.

Что касается до народа, то крестьянское населеніе пограничныхъ департаментовъ, при видѣ приведенныхъ эмигрантами нѣмецкихъ войскъ, скоплявшихся на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и сформированныхъ эмигрантами отрядовъ, поняло, что ему придется защищать съ оружіемъ въ рукахъ земли, отобранныя имъ у дворянства и у духовенства. Вотъ почему, когда, 20-го апрѣля 1792 го года, была объявлена война Австріи, населеніе департаментовъ, сосѣднихъ съ восточною границею Франціи, было охвачено энтузіазмомъ. Волонтёры записывались массами, срокомъ на годъ, подъ звуки пѣсни „Ça ira!" и патріотическія пожертвованія стекались со всѣхъ сторонъ. Но за то во всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ Франціи населеніе вовсе не желало войны.

Къ тому-же для войны ничего не было подготовлено. Военныя силы Франціи достигали всего 130.000 человѣкъ, разсѣянныхъ на протяженіи отъ Нѣмецкаго моря до Швейцаріи. Притомъ же войска были очень плохо обмундированы и находились подъ командою офицеровъ и генеральныхъ штабовъ изъ роялистовъ. Они совершенно неспособны были отразить иноземное

вторженіе; арміи союзниковъ неизбѣжно дошли-бы до Парижа.

У Дюмурье и Лафайета возникъ, было, смѣлый планъ занять Бельгію, которая еще въ 1790 году сдѣлала попытку отдѣлиться отъ Австріи, но была подавлена силою. Бельгійскіе либералы призывали французовъ. Но предпріятіе это не удалось, и съ этого момента французскіе генералы стали держаться оборонительной тактики. Такая тактика была тѣмъ болѣе необходима, что Пруссія присоединилась къ Австріи и нѣмецкимъ принцамъ для нападенія на Францію, и эту коалицію дѣятельно поддерживалъ туринскій Дворъ, а также, тайнымъ образомъ, и Дворы петербургскій и лондонскій.

26-го іюля 1792-го года герцогъ Брауншвейгскій, стоявшій во главѣ арміи изъ 70.000 пруссаковъ и 68.000 австрійцевъ, гессенцевъ и эмигрантовъ, двинулся изъ Кобленца, издавъ предварительно манифестъ, возбудившій негодованіе по всей Франціи. Онъ грозилъ сжечь тѣ города, которые осмѣлятся сопротивляться, а жителей ихъ обѣщался истребить, какъ мятежниковъ. А что касается Парижа, то если только парижане посмѣютъ тронуть дворецъ Людовика XVI-го, они будутъ подвергнуты такой примѣрной военной экзекуціи, что она надолго останется у нихъ въ памяти.

Три нѣмецкія арміи должны были вступить во Францію и двинуться на Парижъ; и дѣйствительно, 19-го августа прусская армія перешла границу и завладѣла безъ битвы пограничными городами Лонгви и Вердёномъ.

Мы видѣли, какой энтузіазмъ съумѣла вызвать въ Парижѣ Коммуна, при полученіи извѣстія объ этихъ успѣхахъ непріятеля, и какъ она отвѣтила на нихъ, распорядившись перетопить свинцовые гробы богачей на пули, а колокола и бронзовыя церковныя принадлежности — на пушки; самыя же церкви были превращены въ обширныя мастерскія, гдѣ тысячи людей работали надъ изготовленіемъ обмундировки для волонтёровъ,

подъ пѣніе Ça ira! и могучаго гимна Руже-де-Лиля,— марсельезы.

Эмигранты сулили объединившимся королямъ, что Франція встрѣтитъ ихъ съ распростёртыми объятіями. Но рѣзко-враждебное отношеніе крестьянъ и сентябрьскіе дни въ Парижѣ заставили предводителей иноземныхъ войскъ задуматься. Жители городовъ и деревень восточной Франціи отлично понимали, что непріятель пришелъ съ цѣлью отобрать у нихъ всѣ ихъ завоеванія. А между тѣмъ, именно въ этой восточной Франціи, уничтоженіе феодальнаго строя лучше всего удалось, благодаря возстанію городовъ и деревень.

Но одного энтузіазма еще недостаточно для побѣды. Прусская армія подвигалась впередъ и, вмѣстѣ съ арміей австрійской, уже входила въ Аргонскій лѣсъ, простиравшійся верстъ на сорокъ-пять въ длину и отдѣлявшій долину Мааса отъ сѣверной Шампани. Войско Дюмурье тщетно пыталось остановить непріятеля, дѣлая форсированные марши, чтобы занять проходы. Ему удалось только одно: занять выгодную позицію у Вальми, при выходѣ изъ Аргонскаго лѣса, и тутъ пруссаки, сдѣлавши попытку овладѣть холмами, занятыми войскомъ Дюмурье, потерпѣли, 20-го сентября, первое пораженіе. Побѣда при Вальми, хотя и небольшая сама по себѣ, явилась при такихъ условіяхъ очень важнымъ успѣхомъ — первою побѣдою народовъ надъ королями; такъ её и понялъ Гёте, сопровождавшій войска герцога Брауншвейгскаго.

Въ Аргонскомъ лѣсу прусскую армію задержали сперва проливные дожди; теперь на разстилавшихся передъ нею безплодныхъ равнинахъ она терпѣла всевозможныя лишенія и страдала отъ кроваваго поноса, производившаго страшныя опустошенія въ ея рядахъ. Дороги размыло дождемъ, окрестные крестьяне были на сторожѣ — все предвѣщало несчастный походъ.

Тогда Дантонъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и добился отступленія пруссаковъ. Каковы были условія ихъ договора — неизвѣстно до

сихъ поръ. Обѣщалъ-ли Дантонъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы спасти жизнь Людовика XVI? — Возможно. Но если такое обѣщаніе и было дано, то, несомнѣнно, подъ извѣстными условіями, а мы не знаемъ, какія обязательства, кромѣ немедленнаго отступленія пруссаковъ, приняли на себя нападающіе. Обѣщали-ли они одновременное отступленіе и австрійцевъ? Говорилось-ли о формальномъ отреченіи Людовика XVI-го отъ французскаго престола? Обо всемъ этомъ приходится ограничиться однѣми догадками *).

Какъ бы то ни было, но 1-го октября герцогъ Брауншвейгскій началъ отступленіе, черезъ Гранъ-Пре и Вердёнъ, а въ концѣ мѣсяца уже перешелъ обратно черезъ Рейнъ, въ Кобленцѣ, сопровождаемый проклятіями эмигрантовъ.

Между тѣмъ Дюмурье, отдавши Вестериану приказъ „вѣжливо проводить" пруссаковъ, не особенно торопя ихъ, вернулся 11-го октября въ Парижъ, очевидно съ цѣлью нащупать почву и опредѣлить свой дальнѣйшій курсъ. Онъ устроилъ такъ, что ему не пришлось присягать на вѣрность Республикѣ — что не помѣшало ему быть очень хорошо принятымъ Якобинцами — и по всей вѣроятности онъ тогда-же началъ подготовлять кандидатуру герцога Шартрскаго (сына герцога Орлеанскаго) на французскій престолъ.

Возстаніе, которое организовывалъ въ Бретани маркизъ де-ла-Руэри и которое должно было вспыхнуть одновременно съ шествіемъ нѣмцевъ на Парижъ, также было предотвращено. О немъ довели до свѣдѣнія Дантона, и ему удалось завладѣть всѣми его нитями, и въ Бретани и въ Лондонѣ. Но Лондонъ всё-таки

*) Есть основаніе думать, что раздѣлъ Польши, подготовленный министрами Екатерины II, также повліялъ на отступленіе прусскихъ войскъ. Прусскій король не хотѣлъ упустить своей части въ раздѣлѣ Польши. См. Дополненія въ концѣ книги.

остался центромъ заговорщицкой дѣятельности принцевъ; другимъ такимъ центромъ сдѣлался островъ Джерсей, гдѣ происходило вооруженіе роялистовъ. Они предполагали высадиться на берега Бретани, съ цѣлью завладѣть очень важнымъ военнымъ и торговымъ портомъ Сенъ-Мало и передать его англичанамъ.

Одновременно съ этимъ, въ самый день открытія Конвента, южная армія, подъ предводительствомъ Монтескью, вступила въ Савойю. Четыре дня спустя она овладѣла городомъ Шамбери и подала во всей этой провинціи сигналъ къ крестьянскому возстанію.

Въ концѣ того-же мѣсяца одна изъ республиканскихъ армій, подъ командой Лозѣна (Lauzun) и Кюстина, перешла черезъ Рейнъ и взяла приступомъ Шпейеръ (30-го сентября). Черезъ нѣсколько дней сдался Вормсъ, а 23 октября Майнцъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ были въ свою очередь заняты арміями санкюлотовъ.

Арміи Республики торжествовали также и на сѣверѣ. Въ концѣ октября войско Дюмурье вступило въ Бельгію, а 6-го ноября одержало, при Жемаппъ, въ окрестностяхъ Монса, крупную побѣду надъ австрійцами — побѣду, въ которой Дюмурье постарался выдвинуть впередъ герцога Шартрскаго — и принесъ въ жертву два батальона парижскихъ волонтёровъ.

Эта побѣда открыла французскимъ войскамъ Бельгію. Монсъ былъ занятъ 8-го, а 14-го Дюмурье вступилъ въ Брюссель. Народъ встрѣтилъ солдатъ Республики съ распростёртыми объятіями.

Онъ ждалъ отъ нихъ, что они возьмутъ на себя починъ цѣлаго ряда революціонныхъ мѣръ, особенно относительно земельной собственности. Такъ предполагали и Монтаньяры Конвента, особенно Камбонъ. Это онъ организовалъ во Франціи громадную операцію продажи имуществъ духовенства, какъ гарантія для ассигнацій; онъ-же занимался организаціей продажи имуществъ эмигрантовъ, и былъ бы очень радъ

приложить свою систему и къ Бельгіи. Но потому-ли, что у Монтаньяровъ не хватило смѣлости, и они испугались нападокъ Жирондистовъ, упрекавшихъ ихъ въ недостаткѣ уваженія къ собственности, потому-ли, что идеи Революціи не встрѣтили достаточной поддержки въ самой Бельгіи, гдѣ ихъ защищали только пролетаріи, а вся зажиточная буржуазія и обладавшее громадною силою духовенство были противъ нихъ, — но только этой революціи, которая могла бы объединить бельгійцевъ съ французами, не произошло.

Всѣ эти удачи и побѣды должны были, понятно, вскружить голову любителямъ войны. Жирондисты торжествовали, и 15-го декабря, Конвентъ издалъ декретъ, въ которомъ бросалъ вызовъ всѣмъ монархіямъ и заявлялъ, что ни съ одной державой не будетъ заключенъ миръ, до тѣхъ поръ, пока ея войска не будутъ изгнаны изъ территоріи Республики. Но въ дѣйствительности положеніе внутри страны представлялось въ довольно мрачномъ свѣтѣ, да и внѣ ея самыя побѣды Республики содѣйствовали все болѣе тѣсному сближенію между собою враждебныхъ ей монархій.

Занятіе Бельгіи французскими войсками опредѣлило роль Англіи.

Пробужденіе въ Англіи республиканскихъ и коммунистическихъ идей, проявившееся въ основаніи республиканскихъ обществъ и нашедшее себѣ въ 1793 году литературное выраженіе въ замѣчательномъ трудѣ Годвина *(О политической справедливости)*, проникнутомъ духомъ свободнаго, анархическаго коммунизма, внушило французскимъ республиканцамъ, а особенно Дантону, надежду на поддержку со стороны революціоннаго движенія, могущаго произойти въ Англіи *). Но тамъ, промышленные и торговые разсчёты одер-

*) До сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ содержаніе переговоровъ, которые велъ въ Англіи Бриссо, въ январѣ 1793 года, передъ казнью короля. Относительно переговоровъ, веденныхъ Дантономъ, см. Albert Sorel, „L'Europe et

жали верхъ. А когда республиканская Франція заняла Бельгію и долину Шельды и Рейна, грозя оттуда завладѣть также и Голландіею, это рѣшило политику Англіи.

Отнять у Франціи ея колоніи, разрушить ея морское могущество и подорвать ея промышленное и колоніальное развитіе — такова была политика, за которую высказалось въ Англіи большинство. Партія Фокса была разбита, партія Питта одержала верхъ. Съ этого момента Англія, сильная своимъ флотомъ, а въ особенности деньгами, которыми она субсидировала континентальныя державы, въ томъ числѣ Россію, Пруссію и Австрію, стала — и осталась на цѣлую четверть вѣка — во главѣ европейской коалиціи. Это означало войну между двумя державами, соперничавшими изъ-за господства на морѣ — война до полнаго истощенія силъ обоихъ соперниковъ. Францію-же эти войны неизбѣжно привели къ военной диктатурѣ Наполеона.

Наконецъ, если, Парижъ, при видѣ иноземнаго нашествія былъ охваченъ высокимъ энтузіазмомъ, и его волонтёры помчались на границу, чтобы присоединиться къ волонтёрамъ восточныхъ департаментовъ Франціи, то та же война дала первоначальный толчекъ вандейскому возстанію противъ Республики въ западной Франціи. Она дала возможность духовенству, воспользоваться нежеланіемъ населенія этихъ мѣстъ бросать свои поля и перелѣски, и идти сражаться неизвѣстно гдѣ, на восточной границѣ. Война помогла возбудить религіозный фанатизмъ вандейцевъ и поднять ихъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмецкія войска вступали во Францію. А сколько зла сдѣлало Революціи это возстаніе — обнаружилось впослѣдствіи.

Притомъ — если бы приходилось имѣть дѣло съ одною Вандеею! Но война создала повсюду во Франціи такое ужасное положеніе для массы бѣднаго населенія, что

la Révolution française", и статью Жоржа Авенеля, „Danton et les positivistes religieux", въ „Lundis révolutionnaires", 1875, стр. 248 и слѣд.

приходится только удивляться, какъ могла Республика благополучно пережить такія тяжелыя обстоятельства.

Урожай хлѣбовъ въ 1792-мъ году былъ хорошъ. Только урожай яровыхъ оказался посредственнымъ, вслѣдствіе дождей. Вывозъ хлѣба былъ запрещенъ. И при всемъ томъ свирѣпствовалъ голодъ! Въ городахъ, такого страшнаго голода давно не переживали. Вереницы людей — мужчинъ и женщинъ — осаждали булочныя и мясныя, проводя ночи подъ снѣгомъ и дождемъ, и даже не зная, удастся-ли имъ принести домой коврижку хлѣба. При этомъ, очень многія отрасли промышленности почти совершенно пріостановились, работы не было.

Дѣло въ томъ, что если взять у страны въ двадцать-пять милліоновъ жителей, для надобностей войны, около милліона человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ и, можетъ быть, около полъ-милліона лошадей, то это не можетъ не отразиться на земледѣліи. Нельзя также отдать жизненные припасы цѣлаго народа на расточеніе, неизбѣжно связанное съ войною, безъ того, чтобы нужда бѣдноты не стала еще болѣе тяжелою, между тѣмъ какъ стаи эксплуататоровъ будутъ обогащаться на счетъ казны*).

Всѣ эти жизненные вопросы вихремъ сталкивались въ каждомъ провинціальномъ Народномъ обществѣ, въ каждой секціи большихъ городовъ, а оттуда переходили въ Конвентъ. А надъ всѣми ими выдвигался центральный вопросъ, съ которомъ связаны были всѣ остальные: „Что дѣлать съ королемъ?“

*) Нѣкоторые интенданты республиканскихъ войскъ предавались отчаянному воровству. Нѣсколько примѣровъ можно найти у Жореса *(Соціалистическая исторія, Конвентъ)*. Можно себѣ представить, какія происходили спекуляціи, когда интенданты дѣлали громадныя закупки хлѣба, какъ разъ въ провинціяхъ, гдѣ былъ неурожай и цѣны стояли очень высокія. Спекуляціямъ на повышеніе цѣны на хлѣбъ, которыми въ прежнія времена занимался Сентёйль за счетъ Людовика XVI („добрый король“ не пренебрегалъ этимъ средствомъ обогащенія своей казны), предавалась теперь буржуазія.

XXXVIII.

Процессъ короля.

Два мѣсяца, протекшихъ съ момента открытія Конвента до преданія короля суду, до сихъ поръ остаются загадкою для исторіи.

Первый вопросъ, который неизбѣжно долженъ былъ представиться Конвенту, какъ только онъ собрался, былъ несомнѣнно вопросъ о томъ, — что́ дѣлать съ заключенными въ Тамплѣ королемъ и его семьею? Держать ихъ тамъ неопредѣленное время — пока будетъ оттѣсненъ непріятель и провотирована и признана народомъ республиканская конституція — было невозможно. Какъ можетъ установиться Республика, разъ она держитъ у себя въ тюрьмѣ короля и его законнаго наслѣдника, — не рѣшаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-либо предпринять по отношенію къ нимъ?

Кромѣ того, въ качествѣ частныхъ лицъ, увезенныхъ изъ дворца и сидящихъ въ тюрьмѣ цѣлою семьею, Людовикъ XVI, Марія-Антуанета и ихъ дѣти становились заслуживающими сочувствія жертвами. Ихъ страстно защищали роялисты и жалѣли не только буржуа, но даже сами санъ-кюлоты, державшіе стражу въ Тамплѣ.

Такое положеніе не могло продолжаться. А между тѣмъ прошло цѣлыхъ два мѣсяца, во время которыхъ Конвентъ съ жаромъ разбиралъ всякіе другіе вопросы,

но не приступалъ къ разбору перваго-же послѣдствія 10-го августа, т. е. судьбы короля. Задержка эта была, по нашему мнѣнію, умышленной, и мы не можемъ объяснить её иначе, какъ тѣмъ, что въ это время происходили тайные переговоры съ европейскими Дворами. Эти переговоры до сихъ поръ еще не обнародованы, но безъ сомнѣнія они касались иностраннаго вторженія во Францію, и ихъ исходъ зависѣлъ отъ оборота, какой приметъ война.

Мы знаемъ уже, что Дантонъ и Дюмурье вступили, послѣ битвы въ Вальми, въ переговоры съ командующимъ прусской арміей, и повидимому убѣдили его отдѣлиться отъ австрійцевъ и отступить. Извѣстно также, что однимъ изъ условій, поставленныхъ герцогомъ Брауншвейгскимъ (условіемъ, вѣроятно, не принятымъ) была неприкосновенность Людовика XVI-го. Но были, навѣрное, и другія условія. Подобные-же переговоры велись, по всей вѣроятности, и съ Англіей. Вообще, трудно объяснить молчаніе Конвента *и терпѣніе секцій*, иначе какъ тѣмъ, что между Горой и Жирондой произошло на этотъ счётъ соглашеніе.

Теперь для насъ очевидно, что такого рода переговоры по двумъ причинамъ не могли привести ни къ чему. Судьба Людовика XVI и его семьи не интересовала настолько ни прусскаго короля, ни австрійскаго императора, брата Маріи-Антуанеты, чтобы они принесли такъ-называемые „національные политическіе интересы" въ жертву личнымъ интересамъ тампльскихъ узниковъ. Это видно изъ тѣхъ переговоровъ, которые велись позднѣе, относительно освобожденія Маріи Антуанеты и сестры Людовика XVI. Madame Elisabeth. Съ другой стороны, соединенные короли не встрѣтили среди образованнаго класса Франціи того единодушія республиканскихъ чувствъ, которое уничтожило бы ихъ надежду возстановить королевскую власть. Они увидали, напротивъ, что буржуазная интеллигенція готова согласиться на герцога Орлеанскаго (онъ былъ національнымъ гросмейстеромъ франкъ-масоновъ, къ кото-

рымъ принадлежали всѣ извѣстные революціонеры), или на его сына, герцога Шартрскаго (впослѣдствіи онъ царствовалъ подъ именемъ Луи Филиппа), или даже на наслѣднаго принца, сына Людовика XVI-го.

Между тѣмъ народъ терялъ терпѣніе. Народныя общества значительной части Франціи требовали, чтобы процессъ короля не откладывался больше, и 19 октября Парижская Коммуна заявила Конвенту о такомъ-же желаніи Парижа. Наконецъ, 3-го ноября былъ сдѣланъ первый шагъ. Былъ прочитанъ докладъ, требовавшій преданія суду Людовика XVI-го, а на другой день были формулированы и главные пункты обвиненія. 13-го ноября открылись пренія по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе дѣло всё еще тянулось бы, если бы 20-го ноября не было сдѣлано одно поразительное открытіе. Слесарь Гаменъ, когда-то обучавшій Людовика XVI слесарному ремеслу, довелъ до свѣдѣнія министра Ролана о существованіи въ Тюильри потайного шкафа, который король устроилъ въ стѣнѣ съ помощью Гамена, чтобы спрятать тамъ разные документы.

Однажды, въ августѣ 1792-го года, Людовикъ XVI призвалъ Гамена изъ Версали въ Тюильри, чтобы вставить съ его помощью въ стѣну, подъ одну изъ филёнокъ, сдѣланную самимъ королемъ желѣзную дверь, которая должна была послужить дверцою потайного шкафа. Когда работа была окончена, Гаменъ ночью направился домой, въ Версаль, предварительно выпивъ стаканъ вина и съѣвъ бисквитъ, поднесенные ему королевою. По дорогѣ у него сдѣлались страшные спазмы въ животѣ — и съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ болѣть. Думая, что его отравили — а можетъ быть, и изъ страха, что революціонеры его обвинятъ въ роялизмѣ, — онъ донёсъ о существованіи потайного шкафа Ролану. Роланъ, никому объ этомъ не сообщая, немедленно самъ лично захватилъ находившіяся тамъ бумаги, унёсъ ихъ къ себѣ, разобралъ вмѣстѣ съ женою и, поставивъ на каждомъ документѣ свою подпись, предъявилъ ихъ Конвенту.

Можно себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе произвело это открытіе, особенно когда изъ бумагъ узнали, что король купилъ услуги Мирабо, что агенты короля совѣтовали подкупить одиннадцать вліятельныхъ членовъ Законодательнаго Собранія (что Барнавъ и Ламетъ перешли на сторону короля, — это было уже извѣстно), и что Людовикъ XVI продолжалъ платить жалованіе той части своей гвардіи, которая предложила свои услуги его братьямъ въ Кобленцѣ, а теперь шла, вмѣстѣ съ австрійцами, на Францію. Явилось, конечно, также подозрѣніе, что Роланъ скрылъ всё, что могло компрометировать Жирондистовъ.

Только теперь, когда у насъ въ рукахъ столько документовъ, доказывающихъ измѣну Людовика XVI, и когда мы видимъ, какія силы противились, несмотря на это, его осужденію, — только теперь мы можемъ понять, какъ трудно было Республикѣ осудить и казнить короля. Предразсудки, явное или скрытое раболѣпіе общества, страхъ богачей за свои состоянія и недовѣріе къ народу — всё это объединилось ради того, чтобы затормозить процессъ. Жиронда, вѣрное отраженіе этихъ страховъ, сдѣлала всё возможное, сначала чтобы предотвратить процессъ, а затѣмъ — чтобы помѣшать осужденію короля, въ особенности — осужденію на смерть, и наконецъ — приведенію приговора въ исполненіе*). Чтобы заставить Конвентъ постановить приговоръ въ начатомъ процессѣ и, не откладывая, привести его въ исполненіе, Парижу пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ народнаго возстанія. Да и теперь еще, сколько пышныхъ фразъ пишутъ историки, сколько слёзъ проливаютъ, разсказывая объ этомъ процессѣ!

А между тѣмъ, дѣло стояло такъ: — Если-бы какой-нибудь генералъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ Людовикъ

*) Во время процесса нѣкоторые жирондистскіе депутаты, а именно депутаты Кальвадоса, писали своимъ избирателямъ, что Гора хочетъ смерти короля только для того, чтобы посадить на престолъ герцога Орлеанскаго!

XVI, чтобы вызвать иноземное вторженіе и поддержать его, то кто изъ современныхъ историковъ (которые всѣ являются защитниками „государственной необходимости“) поколебался-бы потребовать для такого генерала смертной казни? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же столько жалкихъ словъ, — по тому только, что измѣнникомъ оказался главнокомандующій всего войска?

На основаніи всѣхъ традицій и всѣхъ условныхъ понятій, на которыхъ наши историки и юристы обосновываютъ права „главы государства“, Конвентъ обладалъ въ это время верховною властью. Ему, и только ему, принадлежало право судить правителя, свергнутаго народомъ, такъ же какъ ему одному принадлежало утраченное королемъ право законодательства. Выражаясь ихъ языкомъ, Судъ Конвента былъ для Людовика XVI-го, „судомъ равныхъ“. А у этихъ послѣднихъ, разъ они увѣрились въ его измѣнѣ, не было выбора. Они *должны были* постановить смертный приговоръ. Даже о *помилованіи* не могло быть рѣчи, когда кровь лилась на границахъ Франціи. Соединенные короли сами отлично знали это и понимали.

Что же касается теоріи, которую развивали Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ: что Республика имѣетъ право убить Людовика XVI какъ своего врага, то Маратъ былъ совершенно правъ, когда протестовалъ противъ нея. Это можно было сдѣлать во время борьбы 10-го августа, или тотчасъ же послѣ, но не три мѣсяца спустя. Теперь, Республикѣ оставалось только судить Людовика XVI-го, и судить со всею возможною гласностью, чтобы народъ и потомство могли убѣдиться въ его вѣроломствѣ и іезуитизмѣ.

Что касается самаго факта измѣны со стороны Людовика XVI-го и королевы, то теперь, когда мы знаемъ переписку Маріи-Антуанеты съ Ферзеномъ и письма этого послѣдняго къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, мы должны признать, что Конвентъ судилъ о положеніи дѣлъ правильно, хотя и не имѣлъ тогда въ рукахъ тѣхъ неопровержимыхъ уликъ, какія имѣются въ

настоящее время, послѣ обнародованія переписки съ Ферзеномъ и его дневника. Но за три года, съ 1789-го года, накопилось столько фактовъ, подтверждавшихъ измѣну; у роялистовъ и у королевы за это время вырвалось столько признаній, и Людовикъ XVI совершилъ со времени варенискаго бѣгства столько поступковъ, хотя и амнистированныхъ конституціей 1791 года, но тѣмъ не менѣе служившихъ объясненіемъ позднѣйшимъ его дѣйствіямъ,— что *нравственная увѣренность* въ измѣнѣ была у всѣхъ. Въ сущности, фактъ измѣны не оспаривался никѣмъ, даже среди тѣхъ, кто пытался спасти Людовика XVI-го. Не сомнѣвался въ этомъ и парижскій народъ.

И дѣйствительно, измѣна началась съ того письма, которое Людовикъ XVI написалъ австрійскому императору въ тотъ самый день, въ сентябрѣ 1791 года, когда онъ, при восторженныхъ овацiяхъ парижской буржуазіи, присягалъ на вѣрность Конституціи. Затѣмъ началась переписка Маріи-Антуанеты съ ея другомъ Ферзеномъ, которая велась съ полнаго вѣдома короля. Оба измѣнника — королева и король — призывали изъ своего тюильрійскаго дворца иноземное нашествіе; они подготовляли его, указывали ему пути, сообщали непріятелю о военныхъ силахъ Франціи и о военныхъ планахъ ея генераловъ. Своею тонкою и умѣлою рукою Марія-Антуанета подготовляла побѣдоносное вступленіе нѣмецкихъ союзниковъ въ Парижъ и массовое истребленіе революціонеровъ. Народъ хорошо понялъ эту женщину, которую онъ называлъ просто „Медичи“ и которую историки хотятъ представить намъ теперь какъ бѣдное, легкомысленное существо*).

Итакъ, съ точки зрѣнія *законности*, Конвентъ нельзя упрекнуть ни въ чемъ. Что-же касается того, не принесла-ли казнь короля больше вреда, чѣмъ могло при-

*) Другъ Маріи-Антуанеты, графъ Ферзенъ, записалъ между прочимъ, въ своемъ интимномъ дневникѣ, какую судьбу готовили заговорщики для французскихъ патріотовъ. 7-го сентября 1792 года онъ писалъ слѣдующее: —„Видѣлъ

нести его присутствіе среди нѣмецкаго или англійскаго войска, то здѣсь приходится сказать только одно. До тѣхъ поръ, пока имущіе классы и духовенство будутъ смотрѣть на королевскую власть (а они такъ смотрятъ на нее и теперь), какъ на лучшее средство обузданія тѣхъ, кто хочетъ отнять имущества у богатыхъ и ослабить духовенство, — до тѣхъ поръ вокругъ короля — будь онъ мертвый или живой, въ тюрьмѣ или на свободѣ, будь онъ обезглавленъ и возведенъ въ святые, или живи онъ какъ странствующій рыцарь среди другихъ королей — вокругъ него всегда будетъ создаваться трогательная легенда, которую будетъ поддерживать духовенство и всѣ заинтересованныя лица.

Напротивъ того, посылая Людовика XVI на эшафотъ, Революція имѣла въ виду убить самый принципъ ко-

---

прусскаго уполномоченнаго, барона Бека; хорошо говоритъ о французскихъ дѣлахъ. Онъ громко порицаетъ... что въ городахъ, черезъ которые пришлось проходить, не истребляли якобинцевъ и вообще были слишкомъ снисходительны". Ферзенъ отмѣчаетъ еще такое мнѣніе одного изъ заговорщиковъ: „Обѣдалъ у графа де-Мерси. Онъ сказалъ мнѣ, что нужно пустить въ ходъ большую строгость, и что это — единственное средство: что *Парижъ нужно поджечь со всѣхъ четырехъ сторонъ*". 11-го сентября Ферзенъ писалъ барону Бретёйлю, что такъ какъ завоеванныя части Франціи уступаютъ только силѣ, „въ такомъ случаѣ снисхожденіе кажется мнѣ въ высшей степени опаснымъ. *Теперь настало моментъ уничтожить якобинцевъ*". Самымъ лучшимъ средствомъ кажется ему — разстрѣливать ихъ вожаковъ повсюду по пути. „Нечего разсчитывать, что ихъ можно убѣдить кротостью: нужно ихъ истребить, и теперь самое время". Бретёйль отвѣчалъ Ферзену: „Я не преминулъ указать герцогу Брауншвейгскому на необходимость крайней строгости". Но герцогъ, писалъ онъ, слишкомъ мягокъ. „Это разсчетъ, очень для насъ неподходящій, который поставитъ насъ въ большое затрудненіе". Прусскій король казался имъ покладистѣе. „Городъ Варенны, напримѣръ, [гдѣ арестовали Людовика XVI-го], долженъ подвергнуться карѣ на диялъ". Вотъ что ожидало завоеванные города, особенно Парижъ. См. «Le comte de Fersen et la Cour de France. Extrait des papiers.... publié par son petit-neveu, le baron R. M. de Klinckowström». Парижъ, 1877, т. II, стр. 360 и слѣд.

родевской власти, первый ударъ которому былъ нанесенъ крестьянами въ Варенне. Такъ отнеслась къ казни короля значительная часть Франціи. 21-го января 1793 года революціонная часть французскаго народа отлично поняла, что центръ и оплотъ той силы, которая втеченіе вѣковъ угнетала и эксплуатировала массы, уничтоженъ. Начиналось теперь разрушеніе могущественной организаціи, давившей народъ; сводъ, на который она опиралась, надтреснутъ; народная революція съ новою силою могла двинуться впередъ.

Съ этого времени наслѣдственная, легитимистская монархія никогда уже не могла быть возстановлена во Франціи, даже при помощи европейской коалиціи, даже опираясь на ужасный бѣлый терроръ временъ Реставраціи (1815—1830). Не утвердилась также ни монархія Орлеанскаго дома, родившаяся на баррикадахъ, въ 1830-мъ году, ни имперія, созданная государственнымъ переворотомъ Наполеона III въ 1851-мъ году. Не удалось возстановить монархію и послѣ Коммуны 1871-го года. Вѣра въ монархію убита во Франціи.

А между тѣмъ Жирондисты дѣлали всё возможное, чтобы помѣшать осужденію Людовика XVI-го. Они прибѣгали ко всякимъ законническимъ доводамъ и къ парламентскимъ хитростямъ. Были даже моменты, когда судъ надъ королемъ обращался чуть не въ судъ надъ Монтаньярами. Но ничто не помогло. Логика положенія вещей взяла верхъ надъ парламентской тактикой.

Прежде всего, Жирондисты стали ссылаться на неприкосновенность личности короля, установленную конституціей; но на это послѣдовалъ неотразимый отвѣтъ: неприкосновенность болѣе не существуетъ, разъ король измѣнилъ конституціи.

Затѣмъ, стали требовать особаго трибунала, составленнаго изъ представителей всѣхъ 83-хъ департаментовъ Франціи; а когда стало очевидно, что это предложеніе будетъ отвергнуто, Жирондисты предложили передать рѣшеніе вопроса на утвержденіе всѣхъ 36.000 общинъ и всѣхъ первичныхъ избирательныхъ собраній — такъ,

чтобы поименно опросить всѣхъ гражданъ. Это значило — поднять вопросъ о законности результатовъ 10-го августа и Республики, а потому было отвергнуто.

Когда невозможность снять съ себя такимъ образомъ отвѣтственность за процессъ короля, возложивъ её на первичныя собранія, была доказана, Жирондисты, сами яростно толкавшіе къ войнѣ и предлагавшіе войну во что бы то ни стало со всей Европой, заговорили о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ казнь Людовика XVI на Европу. Точно Англія, Пруссія, Австрія, Сардинія не устроили своей коалиціи противъ Франціи уже въ 1792 году, еще раньше свержения Людовика XVI-го! Точно демократическая республика не была имъ и такъ достаточно ненавистна! Точно крупные торговые порты Франціи, ея колоніи и берега Рейна не были достаточной приманкой для королей, пожелавшихъ воспользоваться минутой, когда рожденіе новаго строя во Франціи уменьшало силу ея внѣшняго сопротивленія.

Разбитые, усиліями Горы, и на этомъ пунктѣ, Жирондисты попытались отвлечь вниманіе въ другую сторону и напали на самихъ Горцевъ, предложивъ предать суду „виновниковъ сентябрьскихъ дней“, подъ которыми они подразумѣвали „диктаторовъ“, „тріумвиратъ“, т. е. Дантона, Марата и Робеспьера.

Среди всѣхъ этихъ споровъ, Конвентъ всё-таки рѣшилъ, 3-го декабря, что будетъ самъ судить Людовика XVI-го. Но едва успѣли принять это рѣшеніе, какъ одинъ Жирондистъ, Дюко́ (Ducos), поставилъ новый вопросъ, отвлёкшій вниманіе Конвента въ другую сторону. Жиронда потребовала, чтобъ Конвентъ произнесъ смертную казнь для всякаго, „кто предложитъ возстановить во Франціи королей, или королевскую власть, подъ какимъ бы то ни было названіемъ“. Это была инсинуація въ сторону Монтаньяровъ, намекавшая на ихъ желаніе будто-бы возвести на престолъ Филиппа, герцога Орлеанскаго. Такимъ образомъ процессъ короля превратился-бы въ процессъ противъ Горы.

Наконецъ, 11-го декабря Людовикъ XVI предсталъ передъ Конвентомъ. Его подвергли допросу, и его уклончивые, неискренніе отвѣты были таковы, что должны были убить послѣднюю къ нему симпатію, которая могла еще оставаться. Мишлэ спрашиваетъ себя, возможно-ли чтобы человѣкъ такъ лгалъ, какъ лгалъ Людовикъ, и объясняетъ это тѣмъ, что всѣ королевскія традиціи и все іезуитское вліяніе, подъ которымъ находился Людовикъ XVI, внушили ему мысль, что *ради государственной необходимости*, королю позволительно всё.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ допросомъ, было, повидимому, такимъ жалкимъ, что Жирондисты, видя, что спасти Людовика XVI-го невозможно, сдѣлали еще одну попытку отвлечь вниманіе въ другую сторону. Они предложили изгнать герцога Орлеанскаго. Конвентъ даже поддался на это и издалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ, но на другой-же день отмѣнилъ свое рѣшеніе, послѣ того, какъ Якобинскій клубъ выразилъ недовольство этимъ постановленіемъ.

Несмотря на всѣ эти проволочки, процессъ подвигался однако къ концу. 26-го дѣкабря, Людовикъ XVI предсталъ во второй разъ передъ Конвентомъ, въ сопровожденіи своихъ защитниковъ, — Мальзерба, Тронше и Девеза. Конвентъ выслушалъ его защиту, и всѣмъ стало ясно, что король будетъ осужденъ. Теперь уже не было никакой возможности объяснять его поступки ошибочнымъ сужденіемъ о вещахъ, или легкомысліемъ. Его поведеніе представляло, какъ это указалъ на другой-же день Сенъ-Жюстъ, сознательную и коварную измѣну.

Но если Конвентъ и парижскій народъ имѣли, такимъ образомъ, возможность составить себѣ опредѣленное и вѣрное мнѣніе о Людовикѣ XVI-мъ, какъ о человѣкѣ и какъ о королѣ,—то понятно, что въ провинціальныхъ городахъ и въ деревняхъ дѣло стояло иначе. Можно себѣ представить, какъ разыгрались бы тамъ страсти, если бы постановленіе приговора было пору-

чено первичнымъ собраніямъ, какъ предлагали Жирондисты,—тѣмъ болѣе что большинство революціонеровъ было въ войскѣ, на границахъ, и въ такихъ условіяхъ это значило бы, какъ указалъ это Робеспьеръ (28-го декабря), предоставить рѣшеніе „богачамъ, естественнымъ друзьямъ монархіи, эгоистамъ, людямъ трусливымъ и слабымъ, высокомѣрнымъ аристократамъ и буржуа, — словомъ всѣмъ, рожденнымъ для того, чтобы пресмыкаться и угнетать другихъ подъ властью короля".

Всѣ интриги, какія велись въ это время въ Парижѣ среди „государственныхъ людей" — никогда не удастся распутать. Довольно будетъ сказать, что 1-го января 1793 года, Дюмурье спѣшно явился въ Парижъ и оставался тамъ до 26-го, ведя разнаго рода тайные переговоры съ разными фракціями, въ то время какъ Дантонъ былъ до 14-го января при войскѣ Дюмурье*).

Наконецъ, 14-го января, послѣ очень бурныхъ преній, Конвентъ рѣшилъ поставить на голосованіе и рѣшить поименнымъ опросомъ каждаго депутата три вопроса: виновенъ-ли Людовикъ XVI въ „заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи на безопасность государства?" будетъ ли приговоръ повергнутъ на голосованіе всего народа? и какое будетъ назначено наказаніе?

Поименный опросъ начался на другой день, 15-го. Изъ 749 членовъ Конвента, 716 объявили Людовика XVI-го виновнымъ (12 членовъ отсутствовали по болѣзни, или потому, что находились въ отлучкѣ по по-

*) По этому поводу Жоресъ исправилъ одну существенную ошибку Мишлэ. Рѣчь, произнесенную 14 января въ пользу короля, которую Мишлэ приписываетъ Дантону, произнесъ въ дѣйствительности Дону (Daunou). Дантонъ-же, напротивъ того, вернувшись въ Парижъ 15-го, произнесъ сильную рѣчь, въ которой требовалъ осужденія Людовика XVI-го. Важно было бы провѣрить справедливость обвиненій, выставленныхъ Бильо-Варенномъ въ рѣчи, произнесенной имъ 15-го іюля 1793 года противъ Бриссо, Жансонне, Гюадэ и Петіона (брошюра въ 32 стр., изданная по распоряженію Конвента. Коллекція, въ Британскомъ Музеѣ, брошюръ по французской революціи, томъ 1097-й).

рученію Конвента; пятеро воздержались). Никто не отвѣтилъ на вопросъ отрицательно. Затѣмъ, обращеніе къ народу было отвергнуто 423-мя голосами изъ 709 вотировавшихъ. Въ это время, въ Парижѣ, особенно въ предмѣстьяхъ, царило страшное возбужденіе.

По третьему вопросу — о наказаніи — поименный опросъ тянулся двадцать-пять часовъ подрядъ. И тутъ еще — повидимому подъ вліяніемъ испанскаго посла, а можетъ быть и его золота — одинъ депутатъ, Майль, постарался запутать дѣло и подалъ голосъ за отсрочку казни. Его примѣру послѣдовали еще 26 членовъ.

За смертную казнь, безъ всякихъ оговорокъ, подано было 387 голосовъ, изъ 721 вотировавшихъ (5 человѣкъ воздержались и 12 отсутствовали). Такимъ образомъ, приговоръ былъ произнесенъ большинствомъ всего 53-хъ голосовъ — или даже 26-и, если исключить тѣхъ, которые голосовали условно, съ отсрочкой. И это —въ такой моментъ, когда было совершенно очевидно, что король замышлялъ измѣну, и что оставить его въ живыхъ значило: вооружить одну половину страны противъ другой; отдать часть Франціи чужеземцамъ; и, наконецъ, остановить Революцію, какъ разъ въ то время, когда, послѣ трехъ лѣтъ глубокихъ потрясеній, не приведшихъ еще ни къ чему прочному, представлялась наконецъ возможность приступить къ разрѣшенію самыхъ серьезныхъ вопросовъ, волновавшихъ страну!

Но опасливость буржуазіи шла такъ далеко, что она ждала почему-то въ день казни Людовика XVI-го всеобщаго избіенія!

21-го января 1793 года Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ. Одно изъ главныхъ препятствій всякому соціальному возрожденію Республиканской Франціи перестало существовать.

До послѣдней минуты Людовикъ XVI надѣялся, повидимому, что возстаніе освободитъ его. И дѣйствительно, былъ планъ отбить его по пути; но бдительность секцій и Коммуны помѣшала его осуществленію.

XXXIX.

Гора и Жиронда.

Начиная съ 10-го августа, парижская Коммуна помѣчала свои акты „IV-мъ годомъ Свободы, I-мъ годомъ Равенства". Конвентъ помѣчалъ свои законы „IV-мъ годомъ Свободы, I-мъ годомъ Французской Республики". Изъ этой маленькой подробности уже видно рѣзкое различіе двухъ точекъ зрѣнія: Парижскаго народа и Конвента.

Начнется-ли теперь новая революція, въ дополненіе къ первой? Или же — все ограничится установленіемъ, легализаціей политическихъ вольностей, завоеванныхъ съ 1789-го года: — упроченіемъ власти буржуазіи, при нѣсколько демократизированномъ государственномъ устройствѣ, причемъ народная масса даже не получитъ возможности воспользоваться громаднымъ перемѣщеніемъ богатствъ, произведеннымъ Революціей?

Здѣсь, очевидно, выступали двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія; и представительницами этихъ двухъ точекъ зрѣнія въ Конвентѣ являлись, съ одной стороны — Гора, съ другой — Жиронда.

На одной сторонѣ стояли тѣ, кто понималъ, что для уничтоженія стараго феодальнаго строя еще недостаточно было вписать въ сводъ законовъ первые шаги

къ его упраздненію; что для того, чтобы покончить съ неограниченною властью, точно также недостаточно было свергнуть короля, водрузить эмблему Республики на общественныхъ зданіяхъ и поставить слово „Республика“ на бланкахъ официальныхъ бумагъ. Все это — не болѣе какъ начало, какъ созданіе новыхъ условій, при которыхъ, можетъ быть, удастся совершить преобразованіе старыхъ учрежденій.

Людей, понимавшихъ Революцію именно такъ, поддерживали всѣ тѣ, кто хотѣлъ, чтобы народная масса избавилась, наконецъ, отъ ужасающей нужды, до которой довелъ её старый строй, всѣ кто хотѣлъ и пытался почерпнуть изъ уроковъ Революціи указаніе на дѣйствительныя средства, способныя поднять эту массу, физически и нравственно. Съ ними стояла, конечно, цѣлая толпа бѣдныхъ, которыхъ Революція заставила задуматься надъ ихъ судьбою.

А противъ нихъ стояли Жирондисты, — партія очень многочисленная. Жирондисты, это были, не только тѣ двѣсти членовъ Конвента, которые группировались вокругъ Верньо, Бриссо и Ролана. Это была — огромная часть Франціи: почти вся зажиточная буржуазія, всѣ конституціоналисты, которыхъ событія сдѣлали, правда, республиканцами, но которые всё-таки боялись Республики, потому что боялись господства массъ. А за ними, готовые поддерживать ихъ, въ ожиданіи момента, когда можно будетъ ихъ раздавить въ пользу королевской власти, — стояли всѣ тѣ, кто дрожалъ за свои богатства, а также и за привилегіи, доставляемыя образованіемъ: всѣ тѣ, кому Революція нанесла ударъ и кто вздыхалъ по старымъ порядкамъ.

Въ сущности, теперь видно, что не только Равнина Конвента (или Болото), но и три-четверти Жирондистовъ были такими-же роялистами, какъ Фёльяны. Если нѣкоторые изъ ихъ вожаковъ мечтали о чемъ-то вродѣ античной древне-греческой республики, — безъ короля, но съ подчиненіемъ народа законамъ, издаваемымъ людьми богатыми и образованными, то большинство пре-

красно мирилось съ монархіей. Они, впрочемъ, скоро доказали это сами, когда такъ хорошо поладили съ роялистами, тотчасъ послѣ термидорскаго переворота, совершеннаго въ іюлѣ 1794-го года.

Оно вполнѣ понятно, потому что для Жирондистовъ главное было — *установленіе буржуазнаго строя*, создававшагося въ то время въ промышленности и въ торговлѣ на развалинахъ феодализма, — „сохраненіе собственности“,— „le maintien des propriétés“ какъ любилъ выражаться Бриссо, главный умственный выразитель Жиронды.

Отсюда-же ихъ ненависть къ народу и ихъ любовь къ „порядку“.

Помѣшать взрыву народнаго движенія, создать „сильное“ правительство и заставить уважать права собственниковъ — было въ этотъ моментъ самою главною задачею для Жирондистовъ; и только потому, что нѣкоторые историки не поняли этой основной черты, стали они искать во всякихъ второстепенныхъ обстоятельствахъ объясненія жестокой борьбы, вскорѣ завязавшейся между Горою и Жирондою.

Когда мы видимъ, что Жирондисты „отвергаютъ аграрный законъ“, „отказываются признать равенство принципомъ республиканскаго законодательства“ и „клянутся уважать права собственности“, всё это кажется намъ довольно отвлеченнымъ. Но и наши теперешніе лозунги: „уничтоженіе государства“, или „экспропіація“, покажутся слишкомъ отвлеченными черезъ сто лѣтъ. А между тѣмъ, въ эпоху Революціи эти формулы имѣли вполнѣ точный, вещественный смыслъ.

Отвергать аграрный законъ, значило тогда отвергать всякую попытку передачи земли въ руки тѣхъ, кто сталъ бы её обрабатывать. Это значило — отвергать мысль, очень популярную среди революціонеровъ, вышедшихъ изъ народа, — мысль, что ни одно имѣніе, ни одна арендованная ферма не должна быть больше 120-и арпановъ, т. е. пятидесяти десятинъ; что каждый

гражданинъ имѣетъ право на землю; и что для этого нужно захватить имѣнія эмигрантовъ и духовенства, а также и крупныя владѣнія богачей, и раздѣлить ихъ между бѣдными земледѣльцами, не имѣющими земли.

„Поклясться уважать права собственности", это значило — быть противъ возвращенія общинамъ тѣхъ земель, которыя отняты были у нихъ помѣщиками и богатыми людьми въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, на основаніи королевскаго указа 1669-го года. И это значило — стоять, въ интересахъ феодальныхъ помѣщиковъ и новыхъ владѣльцевъ-покупщиковъ земли изъ буржуазіи, противъ отмѣны феодальныхъ правъ безъ выкупа.

Это значило, наконецъ, противодѣйствовать всякой попыткѣ установленія прогрессивнаго налога на богатыхъ людей; это значило, взваливать всѣ тягости войны и революціи на бѣдноту.

Оказывается, такимъ образомъ, что отвлеченная формула Жирондистовъ имѣла вполнѣ осязательный смыслъ.

И вотъ, по всѣмъ этимъ вопросамъ Горѣ приходилось вести съ Жирондой ожесточенную борьбу; и въ концѣ концовъ, она вынуждена была обратиться къ народу, къ народному возстанію, и изгнать Жирондистовъ изъ Конвента, чтобы можно было сдѣлать первые шаги въ намѣченномъ направленіи.

Въ данную минуту, въ началѣ дѣятельности Конвента, это „уваженіе правъ собственности" проявлялось у Жирондистовъ даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, на подножіяхъ статуй, которыя носили по улицамъ во время одного празднества, они дѣлали надпись: *Свобода, Равенство, Собственность:* а когда Дантонъ, въ первомъ засѣданіи Конвента сказалъ въ своей рѣчи: „Заявимъ, господа, что всякая собственность, земельная, личная и промышленная, будетъ навсегда окружена нашимъ уваженіемъ" то Жирондистъ Керсенъ (Kersaint), бросился обнимать его. „Я клясь, что сегодня утромъ назвалъ васъ мятежникомъ (un fac-

tieux)", говорилъ онъ, обнимая Горца Дантона, — и это значило: „Разъ вы обѣщаете уважать буржуазную собственность, закроемъ глаза на вашу долю отвѣтственности въ сентябрьскихъ убійствахъ!"

Въ то время, какъ Жирондисты стремились, такимъ образомъ, организовать буржуазную республику и положить основы обогащенію буржуазіи, по образцу того, что было сдѣлано въ Англіи послѣ революціи 1648 го года, Монтаньяры (Горцы), — или, по крайней мѣрѣ, крайняя ихъ группа, скоро взявшая верхъ надъ умѣренной, представителемъ которой былъ Робеспьеръ, — уже намѣчали въ общихъ чертахъ основы новаго, соціалистическаго общества — что бы тамъ ни говорили нѣкоторые наши современники, совершенно напрасно приписывающіе себѣ, или своей партіи, иниціативу соціалистической мысли. Они хотѣли, во первыхъ, уничтожить всякіе слѣды феодализма; затѣмъ — уравнять собственность, уничтожить крупное земельное владѣніе, надѣлить землею всѣхъ, даже самыхъ бѣдныхъ крестьянъ; организовать общественное распредѣленіе предметовъ первой необходимости (хлѣбъ, мясо, масло и т. д.), причемъ эти товары оцѣнивались бы по ихъ дѣйствительной стоимости; и наконецъ, дѣлая изъ налога боевое оружіе противъ богатыхъ — вести непримиримую войну противъ „коммерсантизма": противъ всѣхъ спекуляторовъ, банкировъ, коммерсантовъ и собственниковъ промышленныхъ предпріятій, уже плодившихся въ ту пору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они, еще въ 1793 году, провозглашали „право на всеобщее благосостояніе" — т. е. «довольство для всѣхъ», изъ котораго соціалисты сдѣлали впослѣдствіи „право на трудъ". „Право на довольство" упоминалось уже въ 1789 году (27 августа) и вошло въ конституцію 1791 года. Но даже самые передовые Жирондисты находились слишкомъ во власти своего буржуазнаго воспитанія, чтобы понять сущность этого права на всеобщее довольство, предполагавшаго право всѣхъ на землю, а также полную реорганиза-

цію распредѣленія предметовъ первой необходимости и обобществленіе (націонализацію) обращенія товаровъ.

Вообще, современники описывали Жирондистовъ, какъ „партію людей тонкихъ, ловкихъ, интригановъ, и въ особенности честолюбивыхъ"; это — люди легкомысленные, говоруны, задорные, но проникнутые адвокатскими привычками (такъ говорилъ Мишлэ). „Они хотятъ Республики", говорилъ Кутонъ, „но хотятъ также аристократію". Они обнаруживали большую чувствительность, но такую чувствительность, которая, какъ говорилъ Робеспьеръ, „плачетъ почти исключительно надъ врагами свободы".

Народъ внушалъ имъ отвращеніе; они боялись его*).

Когда Конвентъ собрался, никто еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какая пропасть раздѣляетъ Жирондистовъ отъ Монтаньяровъ. Въ ихъ распряхъ не видѣли ничего, кромѣ личной вражды между Бриссо и Робеспьеромъ. Такъ, напримѣръ, Госпожа Жольенъ — истинная Монтаньярка по своимъ чувствамъ — взываетъ въ своихъ письмахъ къ обоимъ противникамъ, уговаривая ихъ прекратить братоубійственную войну. Но уже тогда это была борьба двухъ противоположныхъ началъ: партіи порядка и партіи Революціи.

Народъ, въ моментъ борьбы, а также и историки въ своихъ книгахъ, любятъ воплощать всякое историческое столкновеніе въ лицѣ двухъ противниковъ. Оно — короче, удобнѣе въ разговорѣ, а также болѣе по-

*) Чтобы понять всю ненависть и все презрѣніе Жирондистовъ къ народу, нужно прочитать мемуары Бюзо (Buzot). Тамъ сплошь да рядомъ встрѣчаются такія фразы: «Парижъ, это — сентябрьскіе убійцы», тамъ «утопаешь въ грязи этого испорченнаго города»; «чтобы нравиться парижскому народу, нужно было обладать его пороками» и т. под. Cm. Buzot, «Mémoires sur la Révolution Française, précédés d'un précis de sa vie», изданные Guadet, Парижъ, 1828, стр. 32, 45, 141 и проч. См. также письмо Петіона къ Бюзо, отъ 6 февраля 1792 года, напечатанное въ «Révolutions de Paris», т. XI, стр. 263, выдержки изъ котораго приводитъ Оларъ.

хоже на „романъ“ — „драматичнѣе“. Вотъ почему борьба между двумя партіями Конвента часто изображалась, какъ столкновеніе двухъ честолюбій — Бриссо и Робеспьера. Какъ всегда бываетъ, оба героя, которыхъ народъ, а за нимъ историки, избралъ олицетвореніемъ конфликта, выбраны хорошо. Они типичны и недурно выражаютъ оба направленія. Но въ сущности, Робеспьеръ не былъ такимъ сторонникомъ уравнительныхъ мѣръ, какими были нѣкоторые Монтаньяры послѣ паденія Жирондистовъ. Онъ принадлежалъ къ умѣренной группѣ Горы. Въ мартѣ и въ маѣ 1793 года онъ понялъ, вѣроятно, что ради торжества начатой революціи Монтаньярамъ нельзя отдѣляться отъ тѣхъ, кто требуетъ мѣръ соціальнаго характера; онъ такъ и сдѣлалъ, — что не помѣшало ему впослѣдствіи гильотинировать лѣвое крыло Горы, — т. е. Эбертистовъ, и подавить „бѣшеныхъ“. Съ другой стороны, Бриссо не всегда былъ сторонникомъ порядка. Но, несмотря на эти оттѣнки, эти два человѣка хорошо олицетворяли собою обѣ партіи.

Между партіей буржуазнаго порядка и партіей народной революціи должна была неминуемо начаться борьба не на жизнь, а на смерть.

Жирондистская партія, дойдя до власти, желала, чтобы все вошло теперь въ порядокъ, — чтобы революція съ ея революціонными пріемами прекратилась, разъ у кормила правленія стоятъ они. Уличнаго шума больше не нужно: все будетъ теперь дѣлаться по приказу министровъ, назначенныхъ послушнымъ парламентомъ.

Монтаньяры-же („Гора“) хотѣли, чтобы революція привела наконецъ къ такимъ мѣрамъ, которыя дѣйствительно измѣнили бы положеніе Франціи: положеніе крестьянъ (т. е. двухъ-третей населенія) и положеніе бѣдноты въ городахъ. Они хотѣли такихъ перемѣнъ, которыя сдѣлали бы возвращеніе къ монархическому и феодальному прошлому невозможнымъ.

Рано или поздно, думали они, черезъ годъ, черезъ два, революція успокоится; народъ, истощивъ свои силы, вернется въ свои хижины и трущобы; эмигранты возвратятся; духовенство и дворяне опять возьмутъ верхъ. Нужно, чтобы къ этому времени они нашли во Франціи полную перемѣну: чтобы земля была уже въ другихъ рукахъ, уже политая потомъ новыхъ ея владѣльцевъ, и чтобы эти владѣльцы смотрѣли на себя, не какъ на чужаковъ, а какъ на людей, имѣющихъ полное право пахать и засѣвать эту землю. Всё во Франціи должно измѣниться къ тому времени: самые нравы, привычки, даже языкъ. Франція должна стать страной, гдѣ каждый считаетъ себя равнымъ кому угодно, разъ онъ работаетъ плугомъ, заступомъ, или какимъ-бы то ни было другимъ орудіемъ. А для этого нужно, чтобы революція продолжалась, даже если ей придется переступить ради этого черезъ трупы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кого народъ избралъ своими представителями, пославши ихъ въ Конвентъ.

Борьба неизбѣжно должна была быть борьбою на смерть, потому что Жирондисты, хотя и были людьми „порядка", людьми государственными, но считали революціонный трибуналъ и гильотину однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ пріёмовъ управленія. Уже 24-го октября 1792-го года, когда Бриссо выпустилъ свой первый памфлетъ противъ Горы, онъ уже требовалъ въ немъ государственнаго переворота, направленнаго противъ „дезорганизаторовъ", „анархистовъ". Выражаясь языкомъ классическаго Рима, онъ прямо требовалъ „Тарпейской скалы", чтобы съ нея сбросить Робеспьера*). Уже тогда, когда Лувэ произнесъ (29

*) «Три революціи нужны были для спасенія Франціи: первая низвергла деспотизмъ; вторая уничтожила королевскую власть; третья должна убить анархію! И вотъ этой-то третьей революціи я и посвятилъ, *начиная съ 11 августа*, свое перо и всѣ свои силы...» (J. P. Brissot, député à la Convention Nationale, «A tous les républicains de France, sur la Société des Jacobins de Paris»; памфлетъ, помѣченный 24-мъ октября 1792 года).

октября) обвинительную рѣчь, въ которой требовалъ головы Робеспьера, Жирондисты занесли лезвіе гильотины надъ головами „уравнителей, нарушителей порядка, анархистовъ", осмѣливавшихся стать на сторону парижскаго народа и его революціонной Коммуны*).

Съ этого дня, Жирондисты, не переставая, пытались отправить на эшафотъ Монтаньяровъ. 21-го марта 1793, когда при извѣстіи о пораженіи Дюмурье при Неервинденѣ, Маратъ выступилъ въ Конвентѣ, обвиняя этого генерала, друга Жирондистовъ, въ измѣнѣ, они чуть не растерзали Марата на трибунѣ. Его спасло только его хладнокровіе и рѣшимость. Три недѣли спустя (12-го апрѣля), они сдѣлали новую попытку въ томъ же направленіи и наконецъ, добились-таки отъ Конвента преданія Марата суду. А еще шестью недѣлями позже (24 мая), наступила очередь прокурора Коммуны, Эбера, рабочаго пропагандиста и коммуниста Варлэ и другихъ „анархистовъ", которыхъ Жирондисты велѣли арестовать, въ надеждѣ отправить ихъ на эшафотъ. Словомъ, они вели настоящую кампанію, съ цѣлью выжить Монтаньяровъ изъ Конвента и сбросить ихъ съ „Тарпейской скалы".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду въ провинціи, Жирондисты организовывали контръ-революціонные комитеты, и постоянно устраивали отправку въ Конвентъ ряда прошеній, отъ людей называвшихъ себя „друзьями законовъ и свободы" — а мы знаемъ теперь, по опыту, что̀ значатъ такія званія! Они писали въ провинцію, полныя ложныхъ навѣтовъ письма противъ Горы, и особенно

*) Лувэ нисколько не скрывалъ истиннаго значенія своей «Робеспьериды». Когда онъ увидалъ, что маневръ задуманный имъ и его друзьями, не удался, и что Конвентъ не захотѣлъ предать суду и смерти Робеспьера, онъ сказалъ, вернувшись домой, своей женѣ, Лодойской: «нужно намъ заранѣе быть готовыми къ эшафоту, или къ изгнанію». Онъ приводитъ эти слова въ своихъ *Мемуарахъ* (стр. 74) Онъ почувствовалъ тогда, что оружіе, которое онъ направлялъ на представителей Горы, обращается противъ него самаго.

противъ революціоннаго населенія Парижа. И въ то время, какъ посланные въ провинціи комиссары Конвента работали всѣми силами, чтобы отразить чужеземное вторженіе и поднять народъ, проводя въ жизнь рядъ уравнительныхъ мѣръ, — Жирондисты повсюду, всякими способами, противодѣйствовали этому своими воззваніями. Они доходили даже до того, что мѣшали собиранію свѣдѣній объ имѣніяхъ эмигрантовъ-роялистовъ, которое дѣлалось съ цѣлью конфискаціи этихъ имѣній.

Задолго до ареста Эбера, Бриссо уже велъ въ своемъ органѣ „Patriote français“ ожесточенную кампанію противъ революціонеровъ. Жирондисты требовали — упорно настаивая на этомъ — распущенія парижской революціонной Коммуны; они требовали даже распущенія Конвента и избранія новаго Собранія, въ которое не могъ бы войти ни одинъ изъ прежнихъ депутатовъ. Наконецъ, они назначили въ Конвентѣ свою исполнительную Комиссію Двѣнадцати, которая подготовляла государственный переворотъ, съ тѣмъ чтобы послать на эшафотъ главныхъ представителей Горы.

XL.

Усилія Жирондистовъ остановить Революцію.

Пока дѣло шло о сверженіи старой абсолютной монархіи, Жирондисты стояли въ первыхъ рядахъ. Пылкіе, отважные, поэты, полные восторга передъ республиками классической древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь къ власти, — они конечно не могли примириться со старымъ королевскимъ строемъ.

Поэтому, пока крестьяне жгли замки и записи феодальныхъ повинностей, пока народъ разрушалъ остатки феодальной зависимости, они заботились главнымъ образомъ объ установленіи новыхъ политическихъ формъ управленія. Они уже видѣли себя у власти, вершителями судебъ Франціи, разсылающими войска, которыя разносятъ по всему міру вѣсть о Свободѣ.

Что-же касается хлѣба для народа — думали-ли они о немъ? Несомнѣнно одно: они совершенно не представляли себѣ, какою силою сопротивленія обладаетъ старый порядокъ, и мысль объ обращеніи къ народу для побѣды надъ старымъ строемъ была имъ совершенно чужда, даже враждебна. Народъ долженъ пла-

ить налоги, выбирать, доставлять государству солдатъ; что-же касается до созиданія и разрушенія политическихъ формъ, то это — дѣло „мыслителей", правителей, государственныхъ людей.

Поэтому, когда король, для удержанія своей власти, призвалъ себѣ на помощь нѣмцевъ, и нѣмецкія войска уже подходили къ Парижу, Жирондисты, раньше такъ страстно желавшіе войны, чтобы избавиться отъ управленія Франціи Дворомъ, отказывались теперь обратиться къ народному возстанію, чтобы отразить иноземное нашествіе и изгнать изъ Тюильри руководителей этого нашествія. Даже послѣ 10-го августа, мысль о побѣдѣ надъ непріятелемъ при помощи народной Революціи казалась имъ настолько чудовищной, что Роланъ созвалъ людей, выдвинутыхъ революціею — Дантона и другихъ — и предложилъ имъ свой планъ на обсужденіе. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы перевести Собраніе и плѣннаго короля, сначала въ Блуа, а затѣмъ — куда-нибудь подальше, на югъ, предоставивъ такимъ образомъ весь сѣверъ Франціи во власть чужеземцевъ и устроивъ маленькую республику гдѣ-нибудь въ департаментѣ Жиронды.

Народъ и его революціонный порывъ, спасшій Францію, для нихъ не существовали. Они оставались бюрократами.

Вообще говоря, Жирондисты были вѣрными представителями буржуазіи.

По мѣрѣ того, какъ народъ набирался смѣлости и требовалъ налога на богатыхъ и уравненія состояній — требовалъ *равенства*, какъ необходимаго условія *свободы*, — буржуазія приходила къ заключенію, что пора отдѣлиться отъ народа, пора вернуть его къ „порядку".

Жирондисты послѣдовали за этимъ теченіемъ. Попавши во власть, эти буржуазные революціонеры, до сихъ поръ отдававшіе свои силы Революціи, отдѣлились отъ народа. Старанія народа создать свои собственные политическіе органы, въ видѣ секцій въ

большихъ городахъ и Народныхъ обществъ по всей Франціи, его желаніе идти впередъ по пути равенства явились въ ихъ глазахъ угрозой для всего имущаго класса — преступленіемъ.

Съ этого момента, Жирондисты рѣшили остановить Революцію: создать сильное правительство и принудить народъ къ повиновенію — если нужно, то при помощи гильотины и разстрѣловъ.

Чтобы понять великую драму Революціи, разрѣшившуюся возстаніемъ Парижа 31-го мая и „очищеніемъ" Конвента, нужно обратиться къ писаніямъ самихъ Жирондистовъ, почему-то до сихъ поръ незамѣченнымъ историками. Въ этомъ отношеніи три памфлета Бриссо: „*Ж. П. Бриссо къ своимъ избирателямъ*" (23 мая 1793 года) и „*Ко всѣмъ республиканцамъ Франціи*" (24 октября 1792 года) особенно поучительны*).

„Вступая въ Конвентъ, я думалъ—пишетъ Бриссо—что разъ королевская власть уничтожена, и вся власть находится въ рукахъ народа, или его представителей, патріоты должны сообразовать свое поведеніе съ измѣнившимся положеніемъ.

„Я думалъ, что возстанія должны прекратиться, потому что тамъ, гдѣ не приходится свергать тиранію, не должно быть и возстанія" (*Бриссо къ своимъ избирателямъ*, стр. 7 Лондонскаго изданія).

„Я думалъ, пишетъ дальше Бриссо, что только водвореніе порядка можетъ возстановить спокойствіе; что порядокъ заключается въ религіозномъ уваженіи къ законамъ, судьямъ и личной безопасности... Я думалъ, поэтому, что порядокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая революціонная мѣра... Я думалъ, слѣдовательно, что настоящіе враги народа и Республики, это — анархисты, проповѣдники аграрнаго закона, возбудители бунтовъ" (стр. 8 и 9 того же памфлета).

*) Англійскіе враги республиканской революціи вполнѣ оцѣнили эти памфлеты и переиздали ихъ въ Лондонѣ.

Двадцать анархистовъ, говоритъ Бриссо, завладѣли въ Конвентѣ вліяніемъ, которое должно было-бы принадлежать одному только разуму. „Слѣдите за преніями, и вы увидите, съ одной стороны — людей, постоянно заботящихся о поддержкѣ уваженія къ законамъ, къ установленнымъ властямъ, къ собственности, а съ другой — людей, постоянно старающихся возбуждать волненіе въ народѣ, подрывать довѣріе къ установленной власти посредствомъ клеветы, поощрять безнаказанность преступленія и ослаблять всѣ общественныя связи“ (стр. 13).

Правда, среди тѣхъ, кого Бриссо называлъ „анархистами“, были очень разнообразные элементы. Но у всѣхъ ихъ была одна общая черта: всѣ они не считали Революцію законченной, и поступали соотвѣтственно этому.

Они знали, что Конвентъ не сдѣлаетъ ничего, если его не будетъ толкать народъ. Они организовывали поэтому народное возстаніе. Въ Парижѣ, они провозглашали верховную власть Коммуны; и вмѣстѣ съ тѣмъ, они старались создать національное единство — не при помощи центральнаго правительства, а посредствомъ установленія прямыхъ сношеній между муниципалитетомъ и секціями Парижа и 36.000-ми коммунъ Франціи.

Но именно этого-то Жирондисты и не хотѣли допустить.

„Я заявилъ съ самаго начала Конвента, говоритъ Бриссо, что во Франціи существуетъ партія дезорганизаторовъ, стремящаяся разрушить Республику въ самой ея колыбели... Сегодня я хочу доказать: 1) что эта партія анархистовъ господствовала и господствуетъ почти надъ всѣми преніями Конвента и надъ всѣми дѣйствіями Исполнительнаго Совѣта; 2) что эта партія была и остается единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, удручающихъ Францію; и 3) что Республику нельзя спасти иначе, какъ принявъ строгія мѣры, чтобы вырвать предста-

вителей націи изъ рукъ этой деспотической бунтовской партіи".

Для всякаго, кто знаетъ характеръ того времени, смыслъ этихъ словъ Бриссо ясенъ. Онъ просто на просто требуетъ гильотины для тѣхъ, кого онъ называетъ анархистами и кто, стремясь къ продолженію Революціи и окончательной отмѣнѣ феодальнаго порядка, мѣшаетъ буржуазіи, а именно Жирондистамъ, спокойно упрочивать въ Конвентѣ правительство буржуазіи, не спрашивая себя даже, чѣмъ кормится голодающій народъ.

„Нужно, слѣдовательно, дать точное опредѣленіе этой анархіи", пишетъ представитель Жирондистовъ, и вотъ его опредѣленіе:

„Законы, остающіеся безъ исполненія, безсильная и униженная власть, безнаказанность преступленія, *нападеніе на собственность*, нарушеніе неприкосновенности личности, извращеніе народной нравственности; ни конституціи, ни правительства, ни юстиціи, — таковы черты анархіи!"

Но не такъ-ли именно происходятъ всѣ революціи? Точно Бриссо самъ не зналъ этого и самъ не дѣлалъ того-же самаго, до того времени, когда добрался до власти! Втеченіе трехъ лѣтъ, отъ мая 1789-го до 10 августа 1792 го года, нужно же было унижать власть короля и стараться сдѣлать изъ нея власть „безсильную", чтобы 10-го августа можно было её свергнуть.

Но Бриссо хотѣлъ, чтобы, дойдя до этой точки, Революція въ тотъ-же день остановилась.

Какъ только королевская власть свергнута, и Конвентъ получилъ верховенство, „всякія возстанія должны прекратиться", говоритъ онъ.

Что въ особенности возмущало Жирондистовъ, это — стремленіе Революціи къ равенству, стремленіе, которое, какъ очень вѣрно отмѣтилъ Фагэ*), господство-

*) «L'œuvre sociale de la Révolution française», сборникъ, съ предисловіемъ Emile Faguet. Парижъ, безъ обозначенія года (1900?).

вало въ этотъ моментъ въ Революціи. Такъ, Бриссо не можетъ простить клубу Якобинцевъ, что онъ принялъ названіе, не Друзей Республики, а „Друзей Свободы и Равенства — въ особенности равенства!“ Не можетъ онъ простить „анархистамъ“ и того, что по ихъ внушенію были поданы петиціи „рабочихъ парижскаго лагеря, принявшихъ названіе *націи* и пожелавшихъ опредѣлить причитающееся имъ жалованіе на основаніи жалованія депутатовъ!“ (стр. 29).

„Дезорганизаторы“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „это—тѣ, кто хочетъ все уравнять: собственность, достатокъ, установить цѣны на пищевые продукты, опредѣлить *цѣнность различныхъ услугъ, оказанныхъ обществу,* и т. д.; кто хочетъ, чтобы рабочій въ лагерѣ получалъ столько-же сколько законодатель; кто хочетъ уравнять даже таланты, знанія, добродѣтели, потому что у нихъ самихъ ничего этого нѣтъ“. (Памфлетъ отъ 24 октября 1792 года).

XLI.

«Анархисты».

Но кто же такіе, наконецъ, эти анархисты, о которыхъ такъ много говоритъ Бриссо и истребленія которыхъ онъ требуетъ съ такимъ ожесточеніемъ?

Прежде всего, анархисты — не *партія*. Въ Конвентѣ существуетъ Гора, Жиронда, Равнина, или вѣрнѣе Болото, или Брюхо, какъ говорили тогда, но нѣтъ „анархистовъ". Дантонъ, Маратъ, даже Робеспьеръ или кто-нибудь другой изъ Якобинцевъ, могутъ иногда идти рука объ руку съ анархистами, но эти послѣдніе находятся внѣ Конвента. Можно даже сказать, — что они стоятъ выше его: они господствуютъ надъ нимъ.

Это — революціонеры, разсѣянные по всей Франціи. Они отдались Революціи тѣломъ и душою; они понимаютъ необходимость ея; они любятъ её, живутъ и работаютъ для нея.

Многіе изъ нихъ сплотились вокругъ парижской Коммуны, потому что она остаётся проникнутой революціоннымъ духомъ; другіе принадлежатъ къ клубу Кордельеровъ; нѣкоторые бываютъ въ клубѣ Якобинцевъ. Но настоящее ихъ мѣсто, это — *секція*, въ особенности — улица. Въ Конвентѣ ихъ можно видѣть

на трибунахъ, откуда они руководятъ дебатами. Ихъ способъ дѣйствія, это — давленіе *народнаго мнѣнія*, но не „общественнаго мнѣнія“ буржуазіи. Ихъ настоящее оружіе — возстаніе. Посредствомъ этого оружія они вліяютъ на депутатовъ и на исполнительную власть.

И когда нужно напрячь всѣ силы, воспламенить народъ и идти *вмѣстѣ съ нимъ* противъ Тюильри, именно они подготовляютъ нападеніе и затѣмъ сражаются въ рядахъ народа.

Въ тотъ день, когда революціонный порывъ народа истощится, они вернутся въ неизвѣстность. И только желчные памфлеты ихъ противниковъ, да кое-гдѣ уцѣлѣвшіе протоколы секцій даютъ намъ теперь возможность оцѣнить, какую громадную революціонную работу они совершили.

Что касается ихъ взглядовъ, то они ясны и опредѣленны.

Республика?—Конечно! — Равенство передъ закономъ? — Да, конечно! Но это еще не всё, далеко не всё.— Добиваться, путемъ политической свободы, свободы экономической, какъ совѣтуютъ буржуа?— Они знаютъ, что это невозможно.

Они хотятъ, поэтому, *самой экономической свободы*. Земля для всѣхъ — это называлось тогда „аграрнымъ закономъ“. *Экономическое равенство*, — это называлось, на языкѣ того времени, „уравненіемъ состояній“.

Но послушаемъ, что говоритъ Бриссо.

„Именно они.... пишетъ онъ, раздѣлили общество на два класса: имущій и неимущій, классъ *санъ-кюлотовъ* и классъ *собственниковъ*, которыхъ они возбудили другъ противъ друга“.

„Они“, продолжаетъ Бриссо, „подъ видомъ секцій, постоянно надоѣдаютъ Конвенту петиціями, въ которыхъ требуютъ установленія максимальной цѣны на зерновой хлѣбъ“.

Они посылаютъ „эмиссаровъ, которые проповѣдуютъ повсюду войну санъ-кюлотовъ противъ собственниковъ“. Они проповѣдуютъ „необходимость уравнять состоянія“.

Это они организовали „петицію десяти тысячъ человѣкъ, объявившихъ, что возстанутъ, если не будетъ установлена такса на хлѣбъ“; это они вызывали возстанія по всей Франціи.

Итакъ, вотъ въ чемъ ихъ преступленія: они дѣлили націю на два класса — имущій и неимущій; они возбуждали одинъ классъ противъ другого; они требовали хлѣба, прежде всего хлѣба, для тѣхъ, кто работаетъ!

Еще-бы не преступники! Однако, кто-же изъ учёныхъ соціалистовъ девятнадцатаго вѣка выдумалъ что-нибудь лучшее, чѣмъ требованіе нашихъ предковъ 1793 года? „Хлѣба для всѣхъ“! Теперь, только словъ гораздо больше — и меньше дѣла.

Что касается способовъ, какими они проводили свои идеи въ жизнь, то вотъ они: „Многочисленность преступленій“, говоритъ Бриссо, „вызывается безнаказанностью; безнаказанность — парализованностью судовъ; анархисты-же содѣйствуютъ этой безнаказанности и парализуютъ всѣ суды, то угрозами, то доносами и обвиненіями въ аристократизмѣ“.

„Постоянныя и повсемѣстныя покушенія на собственность и на личную безопасность — парижскіе анархисты каждый день подаютъ примѣръ этого; и ихъ спеціальные эмиссары, а также и тѣ, которые украшены титуломъ Эмиссаровъ Конвента, проповѣдуютъ повсюду это нарушеніе правъ человѣка“.

Затѣмъ Бриссо говоритъ о „вѣчныхъ протестахъ анархистовъ противъ собственниковъ и купцовъ, которыхъ они называютъ спекуляторами“; о томъ, что „на собственниковъ они постоянно направляютъ оружіе разбойниковъ“; о ненависти анархистовъ ко всякому государственному чиновнику: „Разъ только человѣкъ занимаетъ какую-нибудь должность онъ становится ненавистнымъ для анархистовъ; онъ кажется имъ виновнымъ“. И не даромъ, — прибавимъ мы.

Но великолѣпнѣе всего тѣ мѣста, гдѣ Бриссо перечисляетъ благодѣянія „порядка“. Нужно прочитать ихъ, чтобы понять, что дала-бы французскому народу

жирондистская буржуазія, если бы „анархисты“ не повели Революцію немного дальше.

„Посмотрите, говоритъ Бриссо, на тѣ департаменты, которые съумѣли обуздать ярость этихъ людей; посмотрите хотя бы на департаментъ Жиронды. *Тамъ все время царилъ порядокъ;* народъ тамъ подчинился закону, *хотя платитъ до десяти су* (больше 20-и копѣекъ) *за фунтъ хлѣба*... А все потому, что въ этомъ департаментѣ проповѣдники аграрнаго закона были изгнаны, и граждане заколотили клубъ (клубъ Якобинцевъ), гдѣ проповѣдовали этотъ законъ... и т. д.“.

И это писалось черезъ два мѣсяца послѣ 10-го августа, когда даже самымъ слѣпымъ было очевидно, что если-бы народъ повсюду во Франціи „подчинился закону, хотя платитъ до десяти су за фунтъ хлѣба“, то Революціи вовсе не было-бы, и королевская власть, противъ которой яко-бы боролся Бриссо, а также и феодализмъ, продолжали бы царить, можетъ-быть, еще цѣлое столѣтіе, какъ въ Россіи*).

Нужно прочитать Бриссо, чтобы понять, что подготовляли для Франціи буржуа того времени, и что подготовляютъ и теперь бриссотинцы двадцатаго вѣка, повсюду, гдѣ можетъ вспыхнуть революція.

„Безпорядки въ департаментахъ Эръ, Орнъ и другихъ“, говоритъ Бриссо, „были подготовлены враждою противъ богачей, противъ спекуляторовъ, возмутительными рѣчами насчетъ необходимости добиться воору-

*) Луи Бланъ очень вѣрно опредѣлилъ Бриссо, сказавъ, что это — одинъ изъ тѣхъ людей, которые «сегодня — республиканцы раньше всѣхъ другихъ, а завтра — запоздалые революціонеры», — людей, у которыхъ нѣтъ силы слѣдовать за своимъ временемъ, между тѣмъ какъ раньше у нихъ хватало смѣлости идти впереди его. Въ молодости онъ писалъ, что «*собственность есть кража*», а затѣмъ его уваженіе къ собственности стало такъ велико, что уже послѣ 4-го августа 1789-го года, онъ принялъ Собраніе за посягательность, съ которою оно издало свои декреты противъ феодализма — въ тотъ самый моментъ, когда граждане обнимались на улицахъ, отъ радости по случаю этихъ декретовъ.

женною рукою таксы на хлѣбъ и другіе жизненные припасы".

Затѣмъ, Бриссо разсказываетъ относительно Орлеана: „Этотъ городъ съ самаго начала Революціи пользовался спокойствіемъ, котораго не могли нарушить даже безпорядки, вспыхнувшіе въ другихъ мѣстахъ *вслѣдствіе недорода хлѣба*, хотя въ Орлеанѣ и находились большіе хлѣбные склады.... Такая гармонія между бѣдными и богатыми не согласовалась съ принципами анархіи; и вотъ, одинъ изъ этихъ людей, которыхъ порядокъ приводитъ въ отчаяніе и для которыхъ смута — единственная цѣль, спѣшитъ нарушить это счастливое согласіе, возбуждая санъ-кюлотовъ противъ собственниковъ".

„Она-же, все та-же анархія", восклицаетъ Бриссо всё въ томъ же памфлетѣ, „создала революціонную власть въ войскѣ". „Кто усомнится теперь, говоритъ онъ, въ страшномъ вредѣ, который принесла нашему войску анархическая доктрина, *стремящаяся, подъ сѣнью равенства въ правахъ, установить всемірное и фактическое равенство*, которое постолько же является бичемъ для общества, посколько первое составляетъ его основу? Анархическая доктрина хочетъ уравнять талантъ и невѣжество, добродѣтели и пороки, мѣста, жалованія, заслуги".

Этого-то бриссотинцы никогда и не могутъ простить анархистамъ: равенство *въ правахъ*, еще куда ни шло, —лишь бы оно никогда не стало равенствомъ *на дѣлѣ*. Бриссо, поэтому, съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ о землекопахъ парижскаго лагеря, потребовавшихъ однажды, чтобы плата, которую получаютъ депутаты была уравнена съ тою, которую подучаютъ они!! Подумать только! Бриссо и какой-нибудь землекопъ поставлены на равную ногу! Не *въ правахъ* только, а *фактически!* Еще-бы не злодѣи, эти анархисты!

Какимъ-же путемъ удалось однако анархистамъ достигнуть такого вліянія, что они господствуютъ даже въ страшномъ Конвентѣ и диктуютъ ему его рѣшенія?

Бриссо объясняетъ это въ своихъ памфлетахъ. *Галлереи* Конвента, куда пускаютъ посторонних, парижскій *народъ*, и парижская *Коммуна* являются, говоритъ онъ, хозяевами, и оказываютъ давленіе на Конвентъ всякій разъ, когда ему предстоитъ принять какую-нибудь революціонную мѣру.

Въ началѣ, разсказываетъ Бриссо, Конвентъ велъ себя очень благоразумно. „Вы увидите тутъ," говоритъ онъ, „большинство Конвента - чистое, здоровое, вѣрное принципамъ, постоянно обращающее свои взоры къ закону". Всѣ предложенія, клонящіяся къ униженію, къ уничтоженію „нарушителей порядка," принимались тогда „почти единогласно".

Можно себѣ представить, какихъ революціонныхъ результатовъ можно было ожидать отъ этихъ представителей, постоянно обращавшихъ свои взоры къ закону — монархическому и феодальному. Къ счастью, въ дѣло вмѣшались „анархисты". Но они поняли, что ихъ мѣсто не въ Конвентѣ, среди представителей, а *на улицѣ*: что если по временамъ они явятся въ Конвентъ, то не для того, чтобы вести переговоры съ правыми, или съ „болотными лягушками", а для того, чтобы *требовать* то, что имъ нужно — съ трибунъ, открытыхъ для публики, или же, вмѣстѣ съ народною толпою, когда она врывается въ Конвентъ и выражаетъ свою волю.

Такимъ образомъ, мало по малу „разбойники (Бриссо имѣетъ въ виду „анархистовъ") дерзко подняли голову. Изъ обвиняемыхъ они превратились въ обвинителей, изъ нѣмыхъ зрителей нашихъ преній — въ вершителей ихъ судебъ." — „Вѣдь у насъ идетъ революція!" — таковъ ихъ обычный отвѣтъ.

И вотъ, приходится признать, что тѣ, кого Бриссо называлъ „анархистами," обнаружили однако бо́льшую дальновидность и бо́льшую политическую мудрость, чѣмъ разношёрстная толпа членовъ Конвента, претендовавшая на управленіе Франціею. Чѣмъ была-бы теперь

Франція, если-бы ея революція кончилась торжествомъ бриссотинцевъ, не уничтоживши феодальнаго строя и не возвративши сельскимъ общинамъ отнятыя у нихъ королями и дворянами земли?

Но, можетъ быть, Бриссо выставляетъ гдѣ-нибудь какую нибудь программу, показывающую, что предлагали Жирондисты для того, чтобы положить конецъ феодальному строю и вызываемой имъ борьбѣ? Можетъ быть, въ рѣшительный моментъ, когда въ концѣ мая 1793 года, парижскій народъ сталъ требовать изгнанія Жирондистовъ изъ Конвента, Бриссо, или кто-нибудь изъ Жирондистовъ сказалъ, наконецъ, какія мѣры думаютъ они принять, чтобы удовлетворить хотя-бы отчасти самымъ насущнымъ нуждамъ народа?

Нигдѣ, ничего этого нѣтъ!

Жирондистская партія рѣшаетъ весь вопросъ, заявляя, что дотронуться до собственности — будь она хоть феодальная, хоть буржуазная — значитъ быть „уравнителемъ", „нарушителемъ порядка", „анархистомъ"; а люди такого рода должны быть просто напросто истреблены.

„До 10-го августа — пишетъ Бриссо — дезорганизаторы были настоящими революціонерами; потому что, для того, чтобы быть республиканцемъ, нужно было дезорганизовать. Теперешніе-же дезорганизаторы — настоящіе контръ-революціонеры, враги народа, потому что теперь народъ — хозяинъ положенія.... *Чего же еще остается ему желать?* Внутренняго спокойствія, потому что только это спокойствіе обезпечиваетъ собственнику его собственность, рабочему — его работу, бѣдняку — хлѣбъ насущный, а всѣмъ вообще — пользованіе свободою" (Памфлетъ отъ 24 октября 1792 года).

Бриссо даже не понимаетъ того, какъ можетъ народъ, въ голодное время, когда цѣна на хлѣбъ доходила до шести и до семи су за фунтъ, требовать установленія таксы на хлѣбъ. Только анархисты могутъ быть способны на это! (стр. 19)

Для него и для всей Жиронды *Революція закончена* Десятымъ Августа, когда ихъ партія пришла ко власти. Теперь остаётся только примириться съ существующимъ положеніемъ и подчиниться тѣмъ политическимъ законамъ, какіе издастъ Конвентъ. Онъ даже не понимаетъ человѣка изъ народа, который говоритъ, что разъ феодальныя права остаются въ силѣ, разъ земли не возвращены общинамъ, разъ всѣ земельные вопросы находятся въ временномъ, неопредѣленномъ положеніи, разъ бѣднякъ несетъ на себѣ всѣ тягости войны, — Революція не закончена, и закончить её можетъ только революціонное дѣйствіе, такъ какъ старый строй еще въ силахъ противиться всякимъ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Жирондистъ даже не понимаетъ этого. Онъ допускаетъ только одинъ разрядъ недовольныхъ гражданъ, опасающихся „или за свое состояніе, или за тѣ блага, которыми они пользуются, или за свою жизнь“ (стр. 127) Всякіе другіе разряды недовольныхъ не имѣютъ никакого права на существованіе. Между тѣмъ, если вспомнить, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи Законодательное Собраніе оставило земельные вопросы, то спрашиваешь себя: *Какъ возможно было* подобное настроеніе ума? Въ какомъ воображаемомъ мірѣ политическихъ интригъ жили эти люди? Мы даже не могли бы понять ихъ, если бы не были слишкомъ хорошо знакомы съ подобными имъ среди нашихъ современниковъ.

Заключенія Бриссо, въ согласіи со всѣми Жирондистами вообще, таковы:

Необходимъ государственный переворотъ, третья революція, которая „подавила бы анархію“. Распустить парижскую Коммуну съ ея секціями, уничтожать ихъ! Закрыть клубы, проповѣдующіе безпорядокъ и равенство. Закрыть клубъ Якобинцевъ и опечатать его бумаги.

„Тарпейская скала“, т. е. гильотина, для „триумвирата“ (Робеспьера, Дантона и Марата), а также для всѣхъ уравнителей, для всѣхъ анархистовъ.

Избраніе новаго Конвента, въ которомъ не могъ бы засѣдать ни одинъ изъ теперешнихъ его членовъ — т. е. торжество контръ-революціи.

„Сильное“ правительство, возстановленіе „порядка“! Такова программа Жирондистовъ, принятая ими съ тѣхъ поръ, какъ паденіе короля привело ихъ ко власти и сдѣлало „дезорганизаторовъ безполезными“.

Что-же оставалось революціонерамъ, какъ не выступить на рѣшительную борьбу?

Или Революція должна была остановиться, какъ есть, въ незавершенномъ видѣ — и термидорская контръ-революція началась бы пятнадцатью мѣсяцами раньше, т. е. съ весны 1793-го года, — раньше чѣмъ окончательно были отмѣнены феодальныя права.

Или, нужно было изгнать Жирондистовъ изъ Конвента, несмотря на услуги, оказанныя ими Революціи въ то время, когда приходилось бороться съ королевскою властью. — „Конечно“ восклицалъ Робеспьеръ въ знаменитомъ засѣданіи 10-го апрѣля 1793 года, гдѣ Жирондисты сдѣлали отчаянное усиліе послать Робеспьера и Горцевъ вообще подъ гильотину, — „Конечно, они наносили удары Двору, эмигрантамъ, духовенству — удары сильною рукою; но въ какое время? — *Когда имъ приходилось завоевывать власть....* Но какъ только власть была ими завоевана, ихъ пылъ быстро остылъ. Какъ они поспѣшили направить свою ненависть на другое!“

Революція не могла однако остаться не завершенной. А потому, ей оставалось одно — перешагнуть черезъ Жирондистовъ.

Вотъ почему, начиная съ февраля 1793-го года, въ Парижѣ и въ революціонныхъ департаментахъ идетъ сильное волненіе, которое и приводитъ къ движенію 31-го мая и изгнанію главныхъ вожаковъ Жиронды изъ Конвента.

XLII

Причины движенія 31-го мая.

Каждый день, въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1793-го года, борьба между Горою и Жирондою становилась все ожесточеннѣе, по мѣрѣ того, какъ три великихъ вопроса яснѣе и опредѣленнѣе выступали передъ Франціею:

Во 1-хъ, будутъ-ли уничтожены, безъ выкупа, всѣ феодальныя повинности? Или-же, эти пережитки крѣпостнаго состоянія будутъ по-прежнему парализовать земледѣліе и причинять періодическія голодовки въ деревняхъ? — Вопросъ громадный, жизненный для двадцати милліоновъ сельскаго населенія, въ томъ числѣ и для всѣхъ тѣхъ, кто покупалъ національныя имущества, конфискованныя у духовенства и эмигрантовъ.

2) Останутся-ли сельскія общины въ обладаніи мірскими землями, которыя тамъ и самъ онѣ отобрали назадъ у помѣщиковъ, захватившихъ эти земли? Будетъ-ли признано право вернуть себѣ бывшія мірскія земли, за тѣми общинами, которыя еще этого не сдѣлали? Будетъ-ли признано право на землю за каждымъ гражданиномъ?

Наконецъ, 3) будетъ-ли введенъ законъ о *максимумѣ*, — т. е. такса на хлѣбъ и на другіе предметы первой необходимости?

Эти три вопроса были жизненными вопросами для Франціи, и они дѣлили страну на два враждебныхъ лагеря: лагерь собственниковъ и лагерь тѣхъ, у кого ничего не было: тѣхъ кто богатѣлъ, несмотря на народную нищету, на голодъ и на войну, и тѣхъ, кто нёсъ всю тягость войны на своихъ плечахъ и простаивалъ часы, а нерѣдко и цѣлыя ночи напролётъ передъ дверьми булочныхъ, и все-таки послѣ этого возвращался домой безъ самаго необходимаго куска хлѣба.

А между тѣмъ мѣсяцы проходили — пять мѣсяцевъ, семь мѣсяцевъ прошло со времени созыва Конвента, — и Конвентъ ничего еще не предпринялъ для рѣшенія великихъ вопросовъ, поставленныхъ Революціею. Народные представители спорили, спорили безъ конца между собою. Взаимное озлобленіе партій, изъ которыхъ одна представляла богатыхъ, а другая защищала интересы бѣдныхъ, росло съ каждымъ днемъ, — и не предвидѣлось никакого выхода, никакого возможнаго соглашенія между тѣми, кто „защищалъ имущества", и тѣми кто нападалъ на нихъ.

Правда, что и сами Горцы (Монтаньяры) не имѣли опредѣленныхъ воззрѣній по экономическимъ вопросамъ и дѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна шла гораздо дальше другой. Та группа, къ которой принадлежалъ Робеспьеръ, была склонна къ воззрѣніямъ, почти настолько-же благопріятнымъ для собственниковъ, какъ и Жирондисты. Но, какъ бы мало симпатиченъ ни былъ намъ лично Робеспьеръ, нужно сказать, что онъ развивался вмѣстѣ съ Революціею, и что къ страданіямъ народа онъ всегда относился сочувственно. Еще въ 1791-мъ году онъ поднялъ въ Учредительномъ Собраніи вопросъ о возвратѣ общинамъ, отобранныхъ у нихъ мірскихъ земель. Теперь, когда эгоизмъ собственниковъ и „коммерсантизмъ" буржуазіи выступали все рѣзче и рѣзче, Робеспьеръ открыто сталъ на сторону народа и революціонной Коммуны города Парижа, — т. е. тѣхъ, кого Жирондисты называли тогда „анархистами".

— „Продукты, необходимые для прокормленія народа", говорилъ онъ на трибунѣ въ Конвентѣ, „такъ же священны, какъ и человѣческая жизнь. Всё, что необходимо для сохраненія жизни, составляетъ собственность, принадлежащую всему обществу. Одинъ только избытокъ составляетъ частную собственность, и только этотъ избытокъ можетъ быть предоставленъ торговлѣ".

Нельзя не пожалѣть, что это коммунистическое начало не стало лозунгомъ соціалистовъ 19-го вѣка, вмѣсто государственнаго „коллективизма," предложеннаго Пеккёромъ и Видалемъ въ 1848 мъ году Какъ много для будущаго могло бы сдѣлать движеніе Парижской Коммуны 1871-го года, если бы оно признало, что всё необходимое для сохраненія жизни такъ же священно, какъ и самая жизнь человѣческая, и составляетъ общую собственность всего народа! если бы своимъ лозунгомъ оно провозгласило „общину, организующую потребленіе и благосостояніе для всѣхъ!"

Вездѣ и всегда революціи дѣлались меньшинствомъ. Даже среди тѣхъ, кому Революція приноситъ прямыя выгоды, всегда встрѣчается только меньшинство, готовое отдаться ей. Такъ было и во Франціи, въ 1793-мъ году.

Какъ только королевскій деспотизмъ былъ низвергнутъ, въ провинціяхъ сейчасъ-же поднялось движеніе противъ революціонеровъ, которые, казнью короля, бросили вызовъ всей Европѣ. — „А, злодѣи!" говорилось въ дворянскихъ замкахъ, въ салонахъ буржуазіи, на съѣздахъ духовенства. „Они посмѣли это сдѣлать! Они, стало-быть, ни передъ чѣмъ не остановятся: они насъ ограбятъ, и насъ тоже гильотинируютъ!" И заговоры контръ-революціонеровъ стали вестись повсемѣстно съ усиленнымъ рвеніемъ. Римская Церковь, всѣ европейскіе дворы, англійская буржуазія, — всѣ принялись за общую работу подпольныхъ интригъ и пропаганды, чтобы организовать контръ-революцію въ самой Франціи.

Приморскіе города, какъ Нантъ, Бордó и Марсель, гдѣ имѣлось много богатыхъ комерсантовъ, Ліонъ, - промышленный городъ, занятый производствомъ предметовъ роскоши, торгово-промышленные города, какъ Руанъ, стали могучими центрами реакціи. Цѣлыя области обрабатывались священниками, дворянами-эмигрантами, вернувшимися подъ чужими именами, а также — англійскимъ и орлеанистскимъ золотомъ и эмиссарами изъ Италіи, Испаніи и даже изъ Россіи.

Для всей этой массы контръ-революціонеровъ, Жирондисты служили соединительнымъ звеномъ. Роялисты поумнѣе прекрасно поняли, что не смотря на свой поверхностный республиканизмъ, Жирондисты будутъ ихъ союзниками: что къ этому вела ихъ *логика ихъ партіи*, которая всегда сильнѣе *ярлыка партіи*. И народъ, тоже, прекрасно это понялъ. Онъ понялъ, что покуда Жирондисты останутся преобладающею партіею въ Конвентѣ, никакихъ истинно революціонныхъ мѣръ нельзя будетъ принять, и что война, которую эти сибариты будутъ вести полегоньку, затянется безъ конца и въ корень истощитъ Францію.

И, по мѣрѣ того, какъ необходимость „очистить Конвентъ", т. е. удалить изъ него жирондистскихъ вождей, становилась очевиднѣе, народъ сталъ организовываться для борьбы противъ Жирондистовъ и Фёльянтовъ на мѣстахъ — въ провинціальныхъ городахъ и по деревнямъ.

Выше было уже сказано, что Директоріи департаментовъ*) были, большею частью, проникнуты реакціоннымъ духомъ. Большинство Директорій округовъ тоже принадлежало къ тому же направленію. Но муниципалитеты, городскіе и деревенскіе, созданные закономъ 22-го декабря 1789, были болѣе близки къ народу. Правда, что лѣтомъ 1789-го года, когда ихъ назначала сама вооружавшаяся буржуазія, городскіе

*) Онѣ соотвѣтствовали приблизительно нашимъ Губернскимъ Земскимъ Управамъ: Директоріи же округовъ соотвѣтствовали Уѣзднымъ Земскимъ Управамъ.

муниципалитеты въ нѣкоторыхъ областяхъ звѣрски отнеслись къ крестьянскимъ возстаніямъ. Но по мѣрѣ того, какъ развивалась Революція, муниципалитеты, выбранные, а иногда и просто назначенные уже народомъ, часто среди грохота возстанія, и всегда находившіеся подъ надзоромъ Народныхъ обществъ, принимали болѣе революціонный характеръ.

Въ Парижѣ, раньше 10 го августа, Совѣтъ Коммуны былъ буржуазно-демократическаго направленія. Но, какъ мы видѣли, въ ночь на 10-е августа новая революціонная Коммуна была избрана секціями*). И хотя Конвентъ, по настоянію Жирондистовъ, смѣнилъ эту Коммуну, но новая Коммуна, избранная 2-го декабря 1792 года и имѣвшая мэромъ — Паша (Pache), прокуроромъ — Шомета (Chaumette) и помощникомъ прокурора—Эбера (Hébert), была откровенно революціоннаго направленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что коллегія городскихъ чиновниковъ, облеченныхъ такими широкими и разнообразными полномочіями, какъ Совѣтъ Коммуны города Парижа, — хотя она была революціоннаго происхожденія, — всё-таки неизбѣжно приняла-бы мало по малу умѣренный, бюрократическій характеръ. Но революціонная дѣятельность Парижскаго народа выражалась, главнымъ образомъ, въ его секціяхъ, и въ секціяхъ революціонный духъ сохранился гораздо дольше. Впрочемъ, и секціи тоже, по мѣрѣ того, какъ онѣ присвояли себѣ полицейскія обязанности (право выдавать аттестаты гражданства — cartes civiques, — свидѣтельствующія, что такой-то гражданинъ не конспираторъ-роялистъ; выборъ волонтёровъ, отправлявшихся сражаться въ Вандеѣ противъ возставшихъ крестьянъ и т. п.), а тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ Комитетъ Общественнаго Спасенія и Комитетъ Общественной Безопасности постарались обратить секціи въ *свои*

*) Совѣтъ Коммуны, или „Генеральный Совѣтъ", постоянно назывался въ документахъ того времени просто „Коммуна".

полицейскіе о́рганы, — секціи тоже со временемъ обращались понемногу въ бюрократическія учрежденія, такъ что въ 1794-мъ году нѣкоторыя изъ нихъ были уже центрами объединенія для реакціонной буржуазіи. Но въ 1793-мъ году секціи еще были въ рукахъ народа и оставались вполнѣ революціонными. Притомъ, рядомъ съ Коммуною и ея секціями возникла цѣлая сѣть Народныхъ и Братскихъ обществъ, а также образовались Революціонные Комитеты, которые, въ теченіе II-го года Республики (1793—1794) были еще центрами революціоннаго дѣйствія.

Всѣ эти группировки федерировались между собою, — либо для опредѣленныхъ временныхъ цѣлей, либо для настоящаго совмѣстнаго дѣйствія; и онѣ вступали въ переписку съ 40.000 коммунами и секціями по всей Франціи. Съ этою цѣлью было даже организовано особое „бюро корреспонденцій". Такимъ образомъ создавалась совершенно новая, добровольная организація. И когда мы изучаемъ эти группировки, — эти „вольныя соглашенія", — мы видимъ въ нихъ то, что теперь проповѣдуется анархистами во Франціи, не подозрѣвающими что ихъ дѣды уже практиковали подобныя соглашенія въ такую трагическую минуту, какъ первые мѣсяцы 1793 года*).

Бо́льшая часть историковъ, сочувствующихъ Революціи, когда они доходятъ до трагической борьбы, завязавшейся между Горою и Жирондою, останавливаются слишкомъ долго, по моему мнѣнію. на второстепенныхъ причинахъ этой борьбы. Такъ, они придаютъ слишкомъ много значенія такъ-называемому *федерализму* Жирондистовъ.

*) Мортимеръ Терно, хотя и крайній реакціонеръ, но изучавшій документы Коммуны и секцій, указалъ уже на эту двойную организацію (см. Mortimer Ternaux, «Histoire de la Terreur», т. VII). См. также Олара, «Политическая Исторія Революціи», часть II, гл. V, и Жореса «La Convention», т. II, стр. 1254, гдѣ есть объ этомъ прекрасныя строки.

Правда, что послѣ 31-го мая, когда во многихъ департаментахъ вспыхнули жирондистскія и роялистскія возстанія, слово „федерализмъ“ стало, въ документахъ того времени, главнымъ обвиненіемъ Монтаньяровъ противъ Жирондистовъ. Но это слово было въ сущности не что иное какъ боевой лозунгъ, — какъ кличка, удобная для обвиненія враждебной партіи. Какъ таковая, она имѣла успѣхъ. Но въ дѣйствительности, „федерализмъ“ Жирондистовъ состоялъ вовсе не въ политической теоріи, извѣстной теперь подъ именемъ федерализма, а, какъ это уже замѣтилъ Луи Бланъ,— въ ихъ ненависти противъ Парижа, въ ихъ желаніи противупоставить реакціонную провинцію революціонной столицѣ. — „Они боялись Парижа: въ томъ былъ весь ихъ федерализмъ,“ говоритъ Луи Бланъ (книга VIII, гл. IV*).

Они ненавидѣли Парижскую Коммуну, они боялись вліянія, пріобрѣтеннаго Коммуною, ея секціями, революціонными Комитетами и *парижскимъ народомъ вообще*. Если они говорили о перенесеніи Законодательнаго Собранія, а потомъ Конвента, въ какой-нибудь провинціальный городъ, они дѣлали это вовсе не изъ любви къ автономіи провинцій. Ихъ желаніе было — помѣстить законодательное представительство страны и ея исполнительную власть посреди населенія, менѣе революціоннаго, чѣмъ населеніе Парижа, и болѣе равнодушнаго къ политическимъ вопросамъ. Такъ поступала королевская власть въ Средніе вѣка, когда предпочитала зарождающійся городъ, „королевскій городъ“, старымъ вѣчевымъ городамъ. Того-же самаго хотѣлъ Тьеръ въ 1871 году, когда предпочиталъ держать Палату въ Бордо и Версали и противился перенесенію ея въ Парижъ*).

*) Когда Жирондисты хотѣли собрать въ Буржѣ комиссаровъ отъ департаментовъ, «они не ограничились бы этимъ перенесеніемъ», говоритъ Тибодо (Thibaudeau) въ своихъ «Мемуарахъ». «Составился бы новый Конвентъ».

Наоборотъ, во всемъ томъ, что дѣлали Жирондисты, они выказали себя такими же централистами и сторонниками сильной центральной власти, какъ и Горцы. Можетъ быть, — даже больше ихъ, такъ какъ Монтаньяры, пріѣзжая въ провинцію какъ комиссары Конвента, опирались не на органы центральной бюрократіи,—не на Директоріи департаментовъ и округовъ, а на мѣстныя Народныя общества и муниципалитеты. И если впослѣдствіи Жирондисты, изгнанные изъ Конвента народнымъ движеніемъ 31-го мая, обратились къ провинціямъ противъ Парижа, то поступили они такъ, чтобы направить противъ революціонеровъ-парижанъ, выгнавшихъ ихъ изъ Конвента, контръ-революціонныя силы буржуазіи большихъ торговыхъ городовъ и недовольныхъ крестьянъ Нормандіи, Бретани и Вандеи. Но, какъ только реакція взяла верхъ 9-го термидора (27 августа 1794 года), и Жирондисты вернулись во власть, они выказали себя — какъ подобаетъ партіи порядка—еще болѣе централистами, чѣмъ Монтаньяры.

Оларъ, который тоже довольно много говоритъ о „федерализмѣ“ Жирондистовъ, дѣлаетъ однако одно очень вѣрное замѣчаніе. Раньше установленія Республики, говоритъ онъ, никто изъ Жирондистовъ не выказывалъ никакихъ федералистическихъ наклонностей. Барбару, напримѣръ, высказывался вполнѣ, какъ централистъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, приводимыхъ Оларомъ изъ его рѣчи, произнесенной въ департаментѣ Устьевъ Роны: „Федеральное правительство, говорилъ онъ, не пригодно для большой націи, вслѣдствіе медленности исполнительныхъ дѣйствій, вслѣдствіе множества инстанцій и сложности механизма“. Въ проэктѣ конституціи, выработанномъ Жирондистами въ 1793 году, нѣтъ никакой серьезной попытки выработать федеративную организацію. Они остались въ этомъ проэктѣ централистами *).

*) «Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто нибудь изъ нихъ приписывалъ себѣ эту честь», говоритъ Тибодо о такъ-называемомъ

Съ другой стороны, Луи Бланъ слишкомъ много говоритъ о „горячности“ Жирондистовъ, о честолюбіи Бриссо, столкнувшемся съ честолюбіемъ Робеспьера, о „ранахъ,“ нанесенныхъ „вѣтренными Жирондистами“ самолюбію Робеспьера, который потомъ не захотѣлъ ихъ простить. И Жоресъ тоже — по крайней мѣрѣ, въ первой части тома, посвященнаго имъ Конвенту, выражаетъ туже мысль*), — что впрочемъ не мѣшаетъ ему дальше, когда онъ доходитъ до борьбы между парижскимъ народомъ и буржуазіею, указать на другія причины этой борьбы, гораздо болѣе дѣйствительныя, чѣмъ столкновенія самолюбій и „эгоизмъ власти“.

Нѣтъ спора, что „горячность“ Жирондистовъ, такъ картинно описанная Луи Блановъ, и борьба честолюбій существовали и дѣлали столкновеніе болѣе озлобленнымъ. Но борьба между Горою и Жирондою имѣла, какъ мы видѣли, основанія несравненно болѣе глубокія, чѣмъ какія-бы то ни было личныя столкновенія. Эти основанія, самъ Луи Бланъ уже указалъ ихъ, когда воспроизвелъ, по Жирондисту Гара (Garat), рѣчь, которую Гора могла держать Жирондѣ, и вѣроятный отвѣтъ этой послѣдней.

„Не вамъ, говоритъ Жиронда, управлять Франціею, когда у васъ руки обагрены кровью сентябрьскихъ дней Законодатели богатой и промышленной страны *должны смотрѣть на собственность, какъ на одну изъ самыхъ священныхъ основъ общественнаго порядка;* и не вамъ исполнять миссію, данную Франціей своимъ законодателямъ, когда вы проповѣдуете анархію, покровительствуете грабежамъ и *пугаете собственниковъ*..... Вы

«федерализмѣ» Жирондистовъ (Thibaudeau, «Mémoires sur la Convention et le Directoire», т. I, стр. 38, Парижъ, 1824). — Что касается до Марата, то онъ совершенно откровенно выразился насчетъ этого въ своемъ *Другѣ народа*, 24 мая 1793, стр. 2: «Вожаковъ этой адской франціи часто обвиняли въ федерализмѣ: я долженъ признаться, что никогда не раздѣлялъ этого чувства, хотя мнѣ и случалось воспроизводить это обвиненіе», писалъ онъ.

*) «La Convention», стр. 388, 394, 396, и также стр. 1458.

призываете противъ насъ своихъ Парижскихъ убійцъ: мы призываемъ противъ васъ „честныхъ людей“ [les honnêtes gens, т. е. буржуазію] всей Франціи“.

На что Гора отвѣчаетъ:

„Мы обвиняемъ васъ въ томъ, что вы пользуетесь своими талантами для своего личнаго возвышенія, а *не для Равенства*... ...Покуда король предоставлялъ вамъ управленіе, чрезъ посредство назначавшихся вами министровъ, вы находили его достаточно хорошимъ владыкою.... Вы никогда не питали мысли поднять Францію до великой будущности республики, — вы хотѣли сохранить въ ней короля, у котораго вы состояли-бы мажордомами“.

Мы скоро убѣдимся, въ слѣдующихъ главахъ, какъ вѣрно было это послѣднее обвиненіе, когда увидимъ Барбару, на югѣ Франціи, и Лувэ въ Бретани, идущими рука объ руку съ роялистами, и когда столько Жирондистовъ вернутся ко власти, вмѣстѣ съ „бѣлыми“, послѣ Термидорскаго переворота. Но — продолжаемъ отвѣтъ Горы:

„Вы хотите свободы безъ равенства“, говоритъ дальше Гора; „а мы хотимъ равенства — хотимъ, потому что безъ равенства мы не можемъ представить себѣ свободы. Вы — „Государственные люди“, вы хотите организовать *Республику для богатыхъ*: а мы — люди не государственные,... *мы ищемъ законовъ, которые извлекли бы бѣдныхъ изъ нищеты и сдѣлали-бы изъ всѣхъ людей*, при всеобщемъ благосостояніи, счастливыхъ гражданъ и ярыхъ защитниковъ всѣми обожаемой республики“.

Очевидно, здѣсь столкнулись два совершенно разныхъ представленія объ обществѣ. Такъ и поняли борьбу Горы съ Жирондою современники*).

*) Можно было бы привести множество цитатъ въ подтвержденіе. Слѣдующія двѣ могутъ быть даны, какъ образцы многихъ другихъ: «Жирондисты хотѣли остановить Революцію на буржуазіи», писалъ Бодо (Baudot). — Они хотѣли «втихомолку устроить буржуазную аристократію, ко-

Въ сущности, дѣло стояло такъ. Предстояло одно изъ двухъ: Или Революція ограничится тѣмъ, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрѣпить свое дѣло глубокимъ переворотомъ въ воззрѣніяхъ націи въ республиканскомъ смыслѣ, — не сдѣлавши ничего, чтобы заинтересовать народныя массы въ совершившемся политическомъ переворотѣ, — она успокоится на этомъ первомъ своемъ успѣхѣ и предоставитъ Франціи отбиваться, какъ она сможетъ, отъ нашествія нѣмцевъ, англичанъ, испанцевъ и итальянцевъ, опирающихся на сторонниковъ королевской власти внутри самой страны.

Или же Революція, теперь-же, сдѣлаетъ попытку идти дальше „въ смыслѣ Равенства“, какъ тогда говорили. Она закончитъ, наконецъ, дѣло уничтоженія безъ выкупа феодальныхъ правъ и дѣло возвращенія общинамъ мірскихъ земель, отобранныхъ у нихъ за послѣднія 200 лѣтъ; она положитъ начало обобществленію земли, признавши право каждаго на землю; она утвердитъ дѣло, начатое четыре года тому назадъ возставшими крестьянами и, съ поддержкою самихъ народныхъ массъ, будетъ искать, „какъ вывести бѣдныхъ изъ нищеты“: она попробуетъ ввести, если это будетъ возможно — не всеобщее равенство состояній, а «благосостояніе для всѣхъ», — «всеобщее благосостояніе». И ради этого, она вырветъ власть изъ рукъ богатыхъ и передастъ её въ руки общинъ и Народныхъ обществъ.

Глубокое различіе этихъ двухъ воззрѣній уже объясняетъ вполнѣ кровавую борьбу, которая началась въ Конвентѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и во всей Франціи послѣ паденія королевской власти. Всѣ остальныя причины, обострявшія борьбу, имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

торая заступила бы мѣсто дворянства и духовенства», говорилъ Бурдонъ изъ Оазы (Bourdon de l'Oise), 31 мая, въ клубѣ Якобинцевъ («La Société des Jacobins», протоколы изданные Оларомъ, томъ V, стр. 220).

XLIII.

Требованія соціальнаго характера. — Состояніе умовъ въ Парижѣ. — Ліонъ.

Какія-бы рѣзкія столкновенія ни возникали между Горою и Жирондою въ Конвентѣ, борьба между ними вѣроятно еще затянулась бы надолго, если бы она ограничивалась стѣнами Законодательнаго Собранія. Но, со времени казни Людовика XVI-го, событія пошли ускореннымъ ходомъ, и раздѣленіе между революціонерами и противниками Революціи такъ рѣзко обозначилось во всей Франціи, что для неопредѣленной, ублюдочной партіи не было мѣста. Въ силу самихъ событій, Жирондисты, противясь дальнѣйшему развитію Революціи, неизбѣжно оказались, вмѣстѣ съ Фёльянтами и роялистами, въ лагерѣ противу-революціонеровъ; и, какъ таковыхъ, Революція неизбѣжно должна была ихъ устранить.

Казнь короля глубоко отозвалась во всей Франціи. Если буржуазія была объята страхомъ при видѣ такой дерзости Горцевъ, и дрожала теперь за свои имущества и жизнь, за то наиболѣе разумная часть народа увидала въ этомъ шагѣ новый поворотъ въ Революціи и стала надѣяться, что теперь, наконецъ, будетъ сдѣлано что нибудь, чтобы открыть народу пути къ обѣщанному революціонерами благосостоянію для всѣхъ.

Велико однако было ихъ разочарованіе. Королевская власть исчезла, но высокомѣріе богатаго класса не уменьшалось, а увеличивалось. Оно рѣзко проявляло себя въ богатыхъ кварталахъ большихъ городовъ, оно било въ глаза, даже въ трибунахъ Конвента, открытыхъ для публики, гдѣ представители богатой буржуазіи, пышно разодѣтые, составляли своего рода аристократическій клубъ. И это — въ то время, когда нищета, все болѣе и болѣе чёрная, росла среди бѣднаго населенія Парижа, по мѣрѣ того, какъ надвигалась эта мрачная зима 1793-го года, съ ея недостаткомъ хлѣба, безработицей, дороговизной припасовъ и паденіемъ курса ассигнацій. Притомъ, все это становилось еще болѣе мрачнымъ отъ извѣстій, прибывавшихъ отовсюду: съ границъ, гдѣ арміи таяли, какъ снѣгъ: изъ Бретани, гдѣ готовилось всеобщее возстаніе при поддержкѣ Англіи; изъ Вандеи, гдѣ сто-тысячъ возставшихъ крестьянъ рѣзали „патріотовъ" (т. е. революціонеровъ), подъ благословеніями своихъ священниковъ; изъ Ліона, ставшаго оплотомъ контръ революціи; изъ Казначейства Республики, пробивавшагося одними выпусками ассигнацій — и наконецъ, изъ самаго Конвента, который топтался на мѣстѣ, истощаясь внутренними раздорами, безсильный что бы то ни было предпринять рѣшительное.

Все это, вмѣстѣ съ царившею въ народѣ нищетою, парализовало революціонные порывы. Въ Парижѣ, рабочая бѣднота, т. е. санъ-кюлоты, не являлись болѣе въ достаточномъ числѣ въ свои секціи, на вечернія общія собранія, и контръ-революціонеры изъ буржуазіи пользовались этимъ. Въ февралѣ 1793 года, „золотая молодежь" (въ Парижѣ ихъ называли „les culottes dorées") овладѣвала секціями. Они являлись въ большомъ числѣ и проводили реакціонныя рѣшенія; или они смѣщали должностныхъ лицъ изъ санъ-кюлотовъ и, пуская въ ходъ свои дубинки, сами себя назначали на ихъ мѣста. Революціонерамъ пришлось даже съорганизоваться такъ, чтобы сосѣднія секціи прибѣгали

по первому зову на помощь тѣмъ секціямъ, которыя наводнялись буржуазными контръ-революціонерами.

Въ Парижѣ и въ провинціяхъ былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли устроить такъ, чтобы муниципалитеты платили по два франка въ день тѣмъ изъ бѣдныхъ рабочихъ, которые присутствовали на собраніяхъ секцій и занимали должности въ комитетахъ. Послѣ чего Жирондисты потребовали отъ Конвента, чтобы всѣ эти организаціи,—секцій, народныхъ обществъ и департаментскихъ федерацій были распущены. Они даже не понимали, какою страшною силою обладалъ еще старый порядокъ и не видѣли того, что подобная мѣра неизбѣжно обезпечила-бы немедленное торжество контръ-революціи — а слѣдовательно, гильотину и для нихъ самихъ.

Впрочемъ, не смотря на всѣ это, секціи рабочихъ кварталовъ Парижа еще не падали духомъ. А тѣмъ временемъ новыя идеи вырабатывались въ умахъ, намѣчались новыя теченія и люди искали, какъ выразить ихъ въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Парижская Коммуна, получая отъ Конвента значительныя денежныя пособія для покупки зерна и муки, поддерживала въ Парижѣ, хотя и съ трудомъ, цѣну на хлѣбъ въ три су за фунтъ (около 6-и копѣекъ). Но чтобы купить дешеваго хлѣба, надо было простаивать добрую половину ночи на тротуарѣ, у дверей булочныхъ. Притомъ народъ понималъ, что Коммуна, покупая зерно и муку по тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыя поддерживали скупщики, тѣмъ самымъ обогащала ихъ на счётъ государства. Дѣло не выходило, такимъ образомъ, изъ заколдованнаго круга спекуляціи и наживы.

А между тѣмъ спекуляція достигала ужасающихъ размѣровъ. Она стала любимымъ средствомъ обогащенія нарождавшейся буржуазіи. Не только поставщики для арміи наживали крупныя состоянія въ самое короткое время, но на всѣ велась такая же спекуляція въ большихъ и малыхъ размѣрахъ: на хлѣбъ, на муку,

на кожи, на масло, на свѣчи, на жесть и т. д., — не говоря уже о колосальныхъ спекуляціяхъ на продажѣ національныхъ имуществъ. На глазахъ у всѣхъ, люди богатѣли со сказочною быстротою.

И вопросъ „Что-же дѣлать?“ возникалъ тогда со всѣмъ трагизмомъ, какой онъ пріобрѣтаетъ въ минуты народнаго кризиса.

Тѣ, для кого лучшимъ, высшимъ средствомъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ является „наказаніе виновныхъ“, ничего другого не съумѣли предложить, какъ смертную казнь спекуляторамъ, усовершенствованіе полицейской машины «общественной безопасности» и революціоннаго суда — что представляло, въ сущности, не что иное, какъ возвратъ къ суду сентябрьскихъ дней, но только безъ его откровенности.

Однако-же въ предмѣстіяхъ Парижа уже вырабатывалось въ то время болѣе глубокое теченіе мысли, искавшее *построительныхъ* рѣшеній, и оно нашло свое выраженіе въ проповѣдяхъ одного рабочаго, Варлэ (Varlet), и одного бывшаго священника, Жака Ру (Roux), за которыми стояли всѣ тѣ «неизвѣстные», которые перешли въ исторію подъ прозвищемъ «Бѣшеныхъ». Эти «Бѣшеные» понимали, что теоріи о торговлѣ хлѣбомъ безъ всякихъ ограниченій, развиваемыя въ Конвентѣ Кондорсэ, Сіесомъ и другими, совершенно ложны; и что жизненные припасы, разъ они поступаютъ въ торговлю въ недостаточномъ количествѣ, легко могутъ быть скупаемы спекуляторами, — особенно въ такую революціонную пору. Они начали, поэтому, проповѣдывать необходимость коммунализаціи (обобществленія) и націонализаціи торговли, *необходимость организовать по всей Франціи обмѣнъ продуктовъ по стоимости ихъ производства*, — мысль, которою вдохновились потомъ Годвинъ, Фурье, Робертъ Оуэнъ, Прудонъ и ихъ соціалистическіе послѣдователи.

Эти „Бѣшеные“ также поняли — и мы увидимъ, что ихъ идеи вскорѣ начали прилагаться на практикѣ, — что недостаточно обезпечить каждому «право на трудъ»,

или даже «право на землю»: что необходимо еще, чтобы исчезла также *коммерческая* эксплуатація; а для этого необходимо *обобществленіе торговли**).

Въ то же время, въ обществѣ происходило довольно серьёзное движеніе противъ большихъ состояній, скоплявшихся въ однихъ рукахъ, — нѣчто подобно тому, что происходитъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ противъ состояній, быстро наживаемыхъ при помощи трёстовъ. Лучшими умами того времени была указана невозможность основать демократическую республику, если не вооружить её противъ чудовищнаго неравенства состояній, которое тогда уже намѣчалось и грозило еще усилиться.

Движеніе противъ монополій и спекуляціи на жизненные припасы неизбѣжно привело также къ движенію противъ ажіотажа на биржѣ и биржевой игры на курсъ ассигнацій. 3 го февраля 1793-го года, делегаты Коммуны, сорока-восьми секцій и „соединенныхъ защитниковъ 84-хъ департаментовъ" пришли требовать отъ Конвента закона противъ искуственнаго пониженія курса ассигнацій, вызываемаго ажіотажемъ, т. е. биржевой игрой. Они просили, чтобы декретъ Учредительнаго Собранія, признавшій денежные знаки товаромъ, былъ отмѣненъ, и чтобы смертная казнь была назначена за спекуляцію на курсѣ ассигнацій**).

---

*) Геній Мишлэ прекрасно уловилъ значеніе народнаго коммунистическаго движенія этихъ лѣтъ, и великій историкъ уже указалъ главныя его черты. Жоресъ. въ своей «Исторіи Революціи» («Конвентъ», т. II), далъ теперь болѣе подробныя и очень интересныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи въ Парижѣ и Ліонѣ.

**) Могъ-ли ажіотажъ повліять на курсъ ассигнацій? Этотъ вопросъ ставили себѣ нѣкоторые историки и отвѣчали на него отрицательно. Паденіе цѣнъ на ассигнаціи, говорили они, зависѣло отъ слишкомъ большого количества знаковъ, выпущенныхъ въ обращеніе. Это правда; но тѣ, кто слѣдилъ за колебаніями цѣнъ на хлѣбъ на международномъ рынкѣ, или же на хлопокъ на ливерпульской биржѣ, или на русскіе кредитные билеты на берлинской бир-

Какъ видно изъ сказаннаго, во Франціи росло общее недовольство и происходило общее движеніе бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ, которые извлекали изъ Революціи всякія для себя выгоды и противились теперь тому, чтобы она пошла на пользу бѣднымъ. Поэтому, когда санъ-кюлоты, явившіеся въ Конвентъ съ вышеупомянутымъ требованіемъ, увидали, что и Якобинцы, въ томъ числѣ и ярый Сенъ-Жюстъ, говорили противъ ихъ требованія, — очевидно изъ боязни напугать буржуазію, — они прямо сказали имъ, что „богатые потому не понимаютъ бѣдныхъ, что сами сытно обѣдаютъ каждый день".

Маратъ и тотъ попытался успокоить волненіе, выражавшееся петиціею секцій; онъ не одобрилъ ихъ требованія и защищалъ Монтаньяровъ и депутатовъ города Парижа, говорившихъ въ Конвентѣ противъ депутаціи секцій. Но Маратъ хорошо былъ знакомъ съ народною нуждою, и когда онъ услыхалъ, три недѣли спустя, рабочихъ женщинъ, явившихся въ Конвентъ 24-го февраля, съ требованіемъ отъ законодателей защиты противъ спекулянтовъ, онъ сейчасъ же сталъ на сторону бѣдноты. Въ очень горячей статьѣ своей газеты, отъ 25-го февраля, онъ писалъ, что „отчаявшись въ способности законодателей принять крупныя мѣры", онъ

жѣ (до введенія золотой валюты), безъ сомнѣнія признаетъ, что наши дѣды были правы, когда приписывали биржевой игрѣ значительную долю отвѣтственности за паденіе цѣнъ на ассигнаціи. Даже теперь, когда финансовыя операціи несомнѣнно обширнѣе, чѣмъ онѣ были въ 1793-мъ году, биржевая игра всегда *усиливаетъ*, внѣ всякой пропорціи, результаты спроса и предложенія въ данную минуту. Если при теперешней быстротѣ перевозки и обмѣна вообще, ажіотажу не удаётся надолго поднять цѣну на данный товаръ, или на данныя бумаги, то онъ всегда вздуваетъ подъёмъ или усиливаетъ паденіе, и совершенно несоразмѣрно увеличиваетъ временныя колебанія цѣнъ, которыя могли бы произойти, или отъ измѣнившейся производительности труда (напримѣръ, въ урожаѣ даннаго года), или отъ колебаній спроса и предложенія. Въ этомъ *преувеличеніи колебаній* состоитъ секретъ всякой спекуляціи.

совѣтуетъ „полное уничтоженіе этого проклятаго племени“ — „капиталистовъ, спекуляторовъ и монополистовъ“, которыхъ „подлые представители націи поощряютъ, обезпечивая имъ безнаказанность“. Озлобленіе улицы чувствуется въ этой статьѣ, гдѣ Маратъ то требуетъ, чтобы главныхъ монополистовъ предали революціонному суду, то говоритъ народу, что если бы народъ ограбилъ нѣсколько магазиновъ, и «у дверей повѣсилъ-бы скупщиковъ — тогда скоро прекратились бы эти спекуляціи, доводящія 25 милліоновъ народа до отчаянія и убивающія тысячи людей голодомъ».

Въ тотъ же день, 25-го утромъ, народъ дѣйствительно ограбилъ нѣсколько лавокъ, унося изъ нихъ сахаръ, мыло и т. п., а въ предмѣстьяхъ поговаривали даже о новыхъ сентябрьскихъ дняхъ противъ спекуляторовъ, биржевиковъ и богатыхъ вообще.

Легко себѣ представить, какъ этимъ движеніемъ, хотя оно и не вышло за предѣлы маленькаго уличнаго бунта, воспользовались Жирондисты. Они стали увѣрять департаменты, что Парижъ сталъ разбойничьимъ гнѣздомъ, гдѣ никто не можетъ быть увѣренъ въ своей жизни. Пользуясь приведенною сейчасъ фразою Марата, они обвиняли Гору и парижанъ вообще въ желаніи перерѣзать всѣхъ богатыхъ. Коммуна не посмѣла поддержать этотъ бунтъ, и самому Марату пришлось отъ него отказаться, говоря, что онъ былъ возбужденъ роялистами. Что-же касается до Робеспьера, то онъ не преминулъ свалить отвѣтственность на подкупъ иностранцами.

Бунтъ однако-же не остался безъ послѣдствій. Конвентъ поднялъ съ четырехъ милліоновъ до семи пособіе, которое онъ отпускалъ Коммунѣ, чтобы хлѣбъ продавался по 3 су за фунтъ; а прокуроръ Коммуны, Шометъ, явился въ Конвентъ развивать мысль, которая впослѣдствіи была введена въ законъ о максимумѣ; а именно, что не на одинъ только хлѣбъ надо было установить разумныя цѣны. Нужно было, говорилъ онъ, «чтобы припасы второй необходимости» были

такъ же доступны народу. «Справедливое отношеніе между поденною заработною платою и цѣнами на предметы второй необходимости нарушено». «Бѣдные столько же сдѣлали для революціи, сколько и богатые, —даже больше. Но, тогда какъ всё измѣнилось вокругъ богатыхъ, бѣдные остались въ томъ-же положеніи; они ничего не выиграли отъ Революціи, кромѣ права жаловаться на свою нищету»*).

Движеніе, происшедшее въ Парижѣ въ концѣ февраля, сильно способствовало паденію Жиронды. Тогда какъ Робеспьеръ все еще надѣялся законнымъ путемъ парализовать Жирондистовъ въ Конвентѣ, Бѣшеные поняли, что покуда Жиронда будетъ властвовать въ Собраніи, никакой экономическій прогрессъ для народа невозможенъ. Они имѣли смѣлость громко заявить, что аристократія богатства, крупныхъ торговцевъ и финансовыхъ тузовъ воздвигалась уже на развалинахъ дворянской аристократіи, и что она настолько сильна въ Конвентѣ, что коалиція королей никогда не рѣшилась бы напасть на Францію, если бы не разсчитывала на ея поддержку. Весьма вѣроятно даже, что Якобинцы и Робеспьеръ сказали себѣ тогда, что надо воспользоваться Бѣшеными, чтобы раздавить Жиронду; а по-

*) Шометъ, любимецъ народа, оказался здѣсь болѣе дальновиднымъ экономистомъ, чѣмъ многіе экономисты по профессіи; онъ указалъ на суть дѣла, когда говорилъ, какъ спекуляторы-скупщики увеличиваютъ зло, причиняемое войною и чрезмѣрнымъ выпускомъ ассигнацій. „Война съ морскою державою", говорилъ онъ, „ужасныя событія въ нашихъ колоніяхъ, потери на вексельномъ курсѣ и, въ особенности, выпускъ ассигнацій въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ нужно было для коммерческихъ сдѣлокъ, — вотъ нѣкоторыя изъ причинъ сильнаго подъёма цѣнъ, отъ котораго мы страдаемъ; но насколько ужаснѣе ихъ дѣйствіе и насколько разорительнѣе ихъ результаты, *когда рядомъ съ этимъ существуютъ злонамѣренные люди—скупщики,—и когда общественное горе становится предметомъ жадныхъ спекуляцій множества капиталистовъ*, не знающихъ, куда имъ дѣвать громадныя суммы денегъ, полученныя ими изъ ликвидацій".

томъ видно будетъ, смотря по ходу дѣлъ, — послѣдовать-ли за ними дальше, или же бороться противъ нихъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысли, сродныя тѣмъ, которыя высказывалъ Шометъ, дѣйствительно бродили въ умахъ народа во всѣхъ большихъ городахъ. Дѣйствительно, всю тяжесть революціи выносили бѣдные на своихъ плечахъ; но въ то время, какъ богатые еще больше богатѣли, бѣднымъ ничего не доставалось, кромѣ безработицы и дороговизны жизни. Даже тамъ, гдѣ не было народныхъ движеній, подобныхъ совершавшимся въ Парижѣ и Ліонѣ, бѣдные должны были приходить къ тому же заключенію. И вездѣ они видѣли, что Жирондисты становятся центромъ для объединенія тѣхъ, кто противится ихъ намѣренію использовать Революцію для улучшенія судьбы народныхъ массъ.

Въ Ліонѣ, борьба представлялась именно въ этой формѣ. Очевидно, что въ этомъ большомъ мануфактурномъ городѣ, гдѣ заработокъ рабочимъ давало производство предметовъ роскоши (шелковыхъ матерій), нищета должна была стать ужасною, такъ какъ это производство неизбѣжно пріостановилось. Работы не было, а цѣны на хлѣбъ стояли „голодныя“, т. е. шесть су (около 12-и копѣекъ) за фунтъ.

Двѣ партіи выступали тогда другъ противъ друга въ Ліонѣ, какъ и вездѣ: народная партія, представителемъ которой былъ Лоссель (Laussel) и въ особенности Шалье (Chalier), и партія „коммерсантистской“ буржуазіи, которая объединялась вокругъ Жирондистовъ—въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ открыто перейти къ Фёльянтамъ. Мэромъ Ліона былъ Нивьеръ-Шоль (Nivière-Chol), Жирондистъ, негоціантъ и выдающійся человѣкъ буржуазной партіи. Много не-присягнувшихъ конституціи священниковъ скрывалось тогда въ городѣ, котораго населеніе всегда имѣло склонность къ мистицизму; много было также агентовъ, присланныхъ эмигрантами; такъ что Ліонъ сталъ сбор-

нымъ мѣстомъ для конспираторовъ изъ Жалеса (см. гл. XXXI), изъ Авиньона, Шамбери и Турина.

Противъ нихъ народъ выставлялъ Коммуну, въ которой самыми популярными людьми были Шальѐ, бывшій священникъ, мистическій коммунистъ, и Лоссель, тоже бывшій священникъ. Бѣдные боготворили Шальѐ, который неустанно гремѣлъ противъ богатыхъ.

Въ настоящее время трудно еще разобраться въ ліонскихъ событіяхъ, происшедшихъ въ первые дни марта 1793-го года. Извѣстно только, что безработица и нищета были тогда ужасныя, и что среди рабочихъ шло сильное броженіе. Они требовали таксы на хлѣбъ, а также и на тѣ припасы, которые Шометъ называлъ „припасами второй необходимости" (вино, дрова, масло, мыло, кофе, сахаръ и т. п.). Они требовали также запрещенія торговли денежными знаками и хотѣли установить тарифъ заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства. Шли также разговоры о томъ, чтобы избить или гильотинировать главныхъ скупщиковъ, и Ліонская Коммуна, вѣроятно основываясь на декретѣ Законодательнаго Собранія отъ 27 августа 1792, приказала сдѣлать общіе обыски (подобные тѣмъ, которые были сдѣланы 29-го августа въ Парижѣ), чтобы захватить заговорщиковъ-роялистовъ, скрывавшихся въ Ліонѣ.

Роялисты и Жирондисты сплотились, однако, вокругъ мэра Нивьеръ-Шоля. Имъ удалось овладѣть муниципалитетомъ, и они собирались жестоко наказать народъ, такъ что Конвентъ долженъ былъ вступиться, чтобы помѣшать избіенію патріотовъ, и послать для этого въ Ліонъ своихъ комиссаровъ. Тогда, поддержанные этими комиссарами, революціонеры снова овладѣли секціями. Мэръ вынужденъ былъ подать въ отставку, и на его мѣсто, 9-го марта, былъ избранъ революціонеръ, другъ Шальѐ.

Борьба этимъ, впрочемъ, не закончилась, и мы еще вернемся къ ней, чтобы разсказать, какъ впослѣдствіи Жирондисты снова взяли верхъ и произвели, въ концѣ

мая, избіеніе народа и патріотовъ вообще. Пока, намъ важно только отмѣтить, что въ Ліонѣ, какъ и въ Парижѣ, Жирондисты служили центромъ для объединенія, не только тѣхъ, кто противился народной революціи, но и всѣхъ тѣхъ, — роялистовъ и фёльянтовъ, — кто не хотѣлъ Республики*).

Необходимость положить конецъ политической власти Жирондистовъ чувствовалась такимъ образомъ всё сильнѣе, когда измѣна Дюмурье дала Горѣ новую силу.

---

*) 15-го апрѣля ліонская буржуазія послала въ Конвентъ делегацію отъ тѣхъ секцій, гдѣ она владычествовала, чтобы объявить правительству, что городъ „стонетъ подъ игомъ якобинскаго муниципалитета", который безпрестанно дѣлаетъ нападенія на собственность богатыхъ купцовъ. Они приглашали также парижанъ, сдѣлать у себя усиліе и овладѣть секціями. — Въ концѣ апрѣля, Жирондистъ Петіонъ, мэръ Парижа, издалъ свое „Письмо Парижанамъ", въ которомъ онъ взывалъ къ буржуазіи противъ народа, въ такихъ выраженіяхъ: „Ваша собственность—въ опасности, и вы закрываете глаза на эту опасность... Надъ вами совершаютъ насилія всякаго рода, и вы ихъ терпите". Это было прямое возваніе къ буржуазіи, противъ народа.

XLIV.

Война. — Вандея. — Измѣна Дюмурье.

Въ началѣ 1793-го года, положеніе на театрѣ войны представлялось въ очень мрачномъ видѣ. Успѣхи, одержанные предыдущею осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти въ наступленіе, надо было пополнить арміи, а волонтёровъ записывалось все менѣе и менѣе. Въ февралѣ разсчитывали, что потребуется по крайней мѣрѣ 300.000 человѣкъ, чтобы заполнить пробѣлы въ рядахъ и довести дѣйствующія войска до полу-милліоннаго состава. Но на однихъ волонтёровъ, для такого громаднаго войска, уже нельзя было положиться. Нѣкоторые департаменты, какъ напримѣръ Варъ и Жиронда, продолжали высылать чуть не цѣлыя маленькія арміи, но были другіе, которые ничего не давали*).

Тогда Конвентъ увидалъ себя вынужденнымъ объявить, 24-го февраля 1793-го года, наборъ въ 300.000

*) Народъ конечно зналъ, какъ приняты были волонтёры 1792 года, генералами и генеральными штабами, принадлежавшими, почти всѣ, къ роялистамъ. Никто не хотѣлъ брать ихъ въ свои полки, говоритъ Авенэль, изучавшій архивы военнаго министерства. Ихъ обзывали „дезорганизаторами", трусами, и разстрѣливали за первую ошибку; противъ нихъ возбуждали линейныя войска (Avenel, «Lundis révolutionnaires», стр. 8).

человѣкъ, которыхъ распредѣлили по столько-то человѣкъ на каждый департаментъ, и по столько-то на каждый округъ и коммуну. Коммуны должны были сперва вызвать волонтёровъ; но если это не давало нужнаго числа людей, тогда коммуны должны были набирать остальныхъ, — тѣмъ способомъ, какой онѣ сами найдутъ лучшимъ, т. е., либо по жребію, либо по личному назначенію общиною; причемъ въ обоихъ случаяхъ дозволялось найти замѣстителя. Чтобы побудить къ поступленію на службу, Конвентъ не только обѣщалъ пенсіи солдатамъ, но также давалъ имъ возможность покупать національныя имущества, выплачивая каждый годъ, своею пенсіею, десятую часть покупной цѣны. Для этой операціи было ассигновано имуществъ на 400 милліоновъ *).

Недостатокъ въ деньгахъ былъ, въ это время, ужасный, и Камбонъ, безусловно честный человѣкъ, которому предоставлена была почти полная диктатура финансовъ, былъ вынужденъ сдѣлать новый выпускъ ассигнацій, на 800 милліоновъ. Но самыя доходныя изъ имуществъ духовенства — земли — были уже проданы, а имѣнія эмигрантовъ продавались очень плохо. Ихъ покупали неохотно, такъ какъ вообще боялись, что они будутъ отобраны у покупщиковъ, какъ только эмигранты вернутся во Францію. Въ такихъ условіяхъ, Камбону становилось всё труднѣе и труднѣе покрывать постоянно возрастающіе расходы на военныя потребности **).

---

*) Все осталось, однако, повидимому, въ видѣ обѣщаній (см. статью Авеналя, „Національныя имущества“, въ его «Lundis révolutionnaires»).

**) Нѣкоторыя революціонныя секціи Парижа предложили заложить всѣ свои имущества, какъ гарантію выпущеннымъ ассигнаціямъ. Ихъ предложеніе не было принято, но въ немъ была вѣрная мысль. Если нація ведетъ войну, нужно чтобы тягость ея несли имущіе классы, не только наравнѣ съ людьми живущими своимъ заработкомъ, но и больше ихъ.

Впрочемъ, главное затрудненіе на театрѣ войны было не столько въ деньгахъ, сколько въ офицерахъ. Большинство офицеровъ и почти всё высшее начальство были противъ Революціи, тогда какъ система выборовъ въ офицерскіе чины, недавно введенная Конвентомъ, не могла дать офицеровъ высшихъ чиновъ, раньше чѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ данную минуту, генералы и высшіе чины вообще не внушали довѣрія войскамъ, и за измѣною Лафайета дѣйствительно скоро послѣдовала измѣна Дюмурье.

Мишлэ былъ совершенно правъ, предположивши, что Дюмурье, когда онъ выѣхалъ изъ Парижа къ своей арміи, черезъ нѣсколько дней послѣ казни Людовика XVI-го, уже нёсъ измѣну въ своемъ сердцѣ. Онъ видѣлъ, что Гора взяла верхъ, и конечно понялъ, что казнь короля открывала въ Революціи новую страницу. Революціонеровъ онъ глубоко ненавидѣлъ, и долженъ былъ рѣшить, что его мечта — водворить порядокъ, вернувши Францію къ Конституціи 1791 года и посадивъ герцога Орлеанскаго на престолъ, - можетъ осуществиться только при содѣйствіи Австрійцевъ. Съ этого момента, онъ уже долженъ былъ рѣшиться на измѣну.

Въ то время Дюмурье былъ въ тѣсной связи съ Жирондистами. Онъ состоялъ даже въ интимныхъ сношеніяхъ съ Жансонне, однимъ изъ видныхъ людей этой партіи, вплоть до апрѣля мѣсяца. Но онъ не порывалъ связи и съ Монтаньярами, которые, правда, сомнѣвались въ немъ (Маратъ открыто называлъ его измѣнникомъ), но не чувствовали себя въ силахъ его отстранить. Его столько восхваляли за побѣды при Вальми и Жемаппѣ, истинная подкладка отступленія пруссаковъ такъ мало была извѣстна въ большой публикѣ, и солдаты, особенно линейныхъ войскъ, такъ обожали своего генерала, что нападать на него значило бы вооружить противъ себя армію, которую онъ легко могъ повести на Парижъ, противъ Революціи. Оставалось, слѣдовательно, выжидать и зорко присматриваться къ нему,

Въ это время началась война съ Англіей. Какъ только извѣстіе о казни Людовика XVI-го было получено въ Лондонѣ, англійское правительство вернуло французскому посланнику вѣрительныя грамоты и велѣло ему покинуть Соединенное Королевство. Но казнь короля была, очевидно, только предлогомъ. Теперь дѣйствительно извѣстно, черезъ дневники Мерси (Mercy), что англійское правительство вовсе не такъ нѣжно относилось къ французскимъ роялистамъ, и тщательно избѣгало всего того, что могло бы дать имъ силу. Торіи (консерваторы), находившіеся во власти, просто поняли, что для Англіи наступилъ моментъ подорвать соперничество Франціи на моряхъ и отнять у нея колоніи и, можетъ быть, даже одинъ изъ ея большихъ портовъ: во всякомъ случаѣ — ослабить её на морѣ. Торійское правительство воспользовалось теперь впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Англіи казнью короля, чтобы двинуть страну къ войнѣ и, кстати, заглушить зарождавшееся революціонное настроеніе у себя дома.

Къ несчастью, французскіе политическіе люди не поняли неизбѣжности войны съ англійской точки зрѣнія. Не только Жирондисты — въ особенности Бриссо, гордившійся своимъ воображаемымъ знаніемъ Англіи, — но также и Дантонъ, надѣялись все время, что Виги (либералы), часть которыхъ увлекалась идеями свободы, низвергнутъ торійское правительство Питта и тогда прекратятъ войну съ Франціей. Въ дѣйствительности же, вся англійская нація вскорѣ оказалась за-одно, когда сообразила, какія торговыя выгоды можно было извлечь изъ войны. Нужно также сказать, что англійскіе дипломаты съумѣли воспользоваться честолюбивыми замыслами французскихъ государственныхъ людей. Дюмурье они внушили мысль, что именно онъ тотъ человѣкъ, который имъ нуженъ, и съ кѣмъ они согласны вести переговоры; и ему они обѣщали свое содѣйствіе, чтобы возстановить конституціонную монархію. А Дантону они вселяли увѣренность, что Виги скоро вернутся во власть и заключатъ миръ съ республи

канскою Франціею*). Вообще они маневрировали такъ, что могли свалить отвѣтственность на Францію, когда Конвентъ, 1-го февраля 1793 года, объявилъ войну Соединенному Королевству.

Война съ Англіею измѣнила все положеніе дѣлъ на сѣверной границѣ. Овладѣть Голландіею, чтобы не дать высадиться здѣсь англійскимъ войскамъ, становилось необходимостью. Но именно этого Дюмурье не сдѣлалъ предыдущею осенью, не смотря на приказанія Дантона. По тому-ли что онъ не считалъ себя въ силахъ это совершить, или по тому, что не хотѣлъ этого, — во всякомъ случаѣ, въ декабрѣ онъ уже занялъ свои зимнія квартиры въ Бельгіи, чѣмъ конечно возбудилъ неудовольствіе бельгійцевъ противъ Франціи. Главнымъ его военнымъ складомъ былъ Льежъ.

До настоящаго времени еще не выяснены всѣ обстоятельства измѣны Дюмурье. Весьма вѣроятно только то, что согласно догадкѣ Мишлэ, онъ уже 26-го января, уѣзжая изъ Парижа, рѣшился на измѣну. Его походъ, въ концѣ февраля, на Голландію, когда онъ овладѣлъ Бредою и Гертрюиденбергэ, повидимому былъ уже не что иное какъ манёвръ, сдѣланный по соглашенію съ Австрійцами. Во всякомъ случаѣ, онъ прекрасно послужилъ имъ, такъ какъ 1-го марта они могли вступить въ Бельгію, и безъ всякаго труда овладѣли Льежемъ, котораго жители тщетно просили Дюмурье выдать имъ оружіе. Льежскіе патріоты вынуждены были бѣжать изъ страны, а французская армія была въ полномъ разбродѣ, такъ какъ генералы не хотѣли помогать другъ другу; Дюмурье-же былъ далеко, въ Голландіи. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, лучше услужить австрійцамъ.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти извѣстія въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ

*) См Albert Sorel, «L'Europe et la Révolution française», кн. II, гл. II, стр. 373 и слѣд. Также Авенэль, выше указанное сочиненіе.

за ними пришли и другія, еще болѣе грустныя. 3-го марта стало извѣстнымъ, что въ Бретани должно немедленно начаться возстаніе противъ Революціи. Въ то-же время въ Ліонѣ, реакціонные батальоны, составленные изъ „сыновей хорошихъ семействъ", поднялись противъ революціонной Коммуны города Ліона, — какъ разъ въ то время, когда дворяне-эмигранты, собравшіеся въ Туринѣ, переходили границу и вступали, вооруженные, во Францію, при поддержкѣ Сардинскаго короля. Наконецъ, 10-го марта возстала Вандея, — обширная область въ западной Франціи, между Бретанью и рѣкою Луарою. Ясно было, что всѣ эти движенія, какъ и въ предыдущемъ году, составляли часть одного обширнаго плана контръ-революціонеровъ.

Дантонъ былъ въ то время въ Бельгіи, и его вызвали безотлагательно. Онъ прибылъ въ Парижъ 8-го марта, произнесъ одно изъ своихъ могучихъ воззваній къ патріотизму и объединенію, которыя заставляли биться всѣ сердца, и Коммуна снова вывѣсила черное знамя. Отечество снова было объявлено въ опасности.

Волонтёры спѣшили записываться, и 9-го вечеромъ, гражданскій прощальный ужинъ былъ устроенъ на открытомъ воздухѣ, на улицахъ Парижа, передъ ихъ выступленіемъ. Но то не было уже юношеское увлеченіе 1792-го года. Напротивъ того, мрачная энергія воодушевляла волонтёровъ; а сердца бѣднаго народа въ предмѣстіяхъ болѣли отъ раздоровъ, раздиравшихъ Францію. Говорятъ, будто Дантонъ сказалъ въ этотъ день: „Нужно было-бы возстаніе въ Парижѣ!" И дѣйствительно нужно было-бы возстаніе, чтобы стряхнуть упадокъ силъ, овладѣвавшій народомъ.

Чтобы бороться съ трудностями, дѣйствительно ужасными, осаждавшими Революцію со всѣхъ сторонъ, и чтобы покрыть громадные расходы, вызванные согласнымъ выступленіемъ противу-революціонеровъ, внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ противниковъ Революціи нужно было-бы потребовать пособія отъ той буржуазіи,

которая нажилась, благодаря Революціи. Но именно этого не хотѣли правители Франціи.

Они противились такой мѣрѣ уже по принципу, такъ какъ считали, что накопленіе богатствъ въ рукахъ *частныхъ* людей — лучшее средство для обогащенія *націи;* но съ другой стороны, они боялись, какъ бы не вызвать въ большихъ городахъ всеобщее в зстаніе бѣдныхъ противъ богатыхъ. Сентябрьскіе дни, особенно 4-е и 5-е сентября, были еще свѣжи въ памяти. — „Что-же это будетъ", думали они, „если цѣлый классъ — всѣ бѣдные — поднимется противъ другого класса — всѣхъ богатыхъ? Это была-бы гражданская война въ каждомъ городѣ, — притомъ, въ такую пору, когда на западѣ возстаютъ Бретань и Вандея, поддерживаемыя Англіею, дворянствомъ, эмигрантами, собравшимися на островѣ Джерсеѣ, папою и всѣмъ духовенствомъ, а на сѣверѣ вторгаются австрійцы, и армія Дюмурье готова идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ, усмирять парижанъ.

Въ такихъ условіяхъ, такъ-называвшіеся „руководители революціонной мысли" (les chefs d'opinion, какъ тогда говорили), принадлежавшіе къ партіи Горы и Коммуны, постарались, прежде всего, успокоить панику, показывая видъ, что они довѣряютъ Дюмурье. Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ, составляя родъ умственнаго тріумвирата — руководителя мнѣній, — и поддерживаемые Коммуной, стали говорить въ этомъ смыслѣ. Они старались прежде всего поднять духъ, разжечь сердца, чтобы дать силу Франціи отразить нашествіе, являвшееся въ этомъ году гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ предыдущею осенью. Всѣ стали работать въ одномъ направленіи, — всѣ, кромѣ Жирондистовъ: эти видѣли только „анархистовъ", которыхъ надо было раздавить, истребить, казнить!

10-го марта Парижъ волновался; боялись возобновленія сентябрьскихъ убійствъ. Но озлобленіе народа было отведено въ сторону и направлено противъ журналистовъ, друзей Дюмурье. Кучка народа пошла разбивать станки Жирондистскихъ газетъ, у Горза́са и Фьевэ.

Въ сущности, народъ хотѣлъ вовсе не этого. Возбуждаемый Варлэ, Жакомъ Ру, Фурнье-американцемъ и другими „бѣшеными“, онъ хотѣлъ очищенія Конвента, т. е. удаленія изъ него реакціонеровъ-Жирондистовъ. Но это требованіе въ секціяхъ подмѣнили банальнымъ требованіемъ революціоннаго трибунала. Мэръ Пашъ и прокуроръ Коммуны Шометъ пришли, поэтому, 9-го марта, въ Конвентъ, требуя назначенія такого судилища. Ихъ поддержалъ Камбасерэсъ (ставшій впослѣдствіи „архи-совѣтникомъ“ Наполеоновской Имперіи). Отказываясь отъ установленныхъ тогда понятій о необходимости раздѣленія между властями — законодательною и судебною,— онъ предложилъ Конвенту взять судебную власть тоже въ свои руки и назначить особое судилище, чтобы карать измѣнниковъ.

Робертъ Ландэ (Lindet), адвокатъ старой монархической школы, предложилъ тогда трибуналъ, составленный изъ судей, назначаемыхъ Конвентомъ и обязанный судить тѣхъ, кого Конвентъ предастъ его суду. Онъ не хотѣлъ даже, чтобы были присяжные, и только послѣ долгихъ преній рѣшено было прибавить къ пяти судьямъ, назначаемымъ Конвентомъ, двѣнадцать присяжныхъ и шесть замѣстителей, взятыхъ въ Парижѣ и сосѣднихъ департаментахъ и также назначаемыхъ Конвентомъ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы принять мѣры противъ биржеваго мошенничества и спекуляцій, и мѣры для того, чтобы сдѣлать съѣстные припасы доступными по цѣнѣ бѣдному народу, вмѣсто того, чтобъ очистить Конвентъ отъ членовъ, всегда становившихся поперекъ всякихъ революціонныхъ мѣръ, и вмѣсто обсужденія военныхъ мѣръ, вынужденныхъ измѣною Дюмурье, въ этотъ день почти-что уже подтвердившеюся, — возстаніе 10-го марта ничего не давало, кромѣ революціоннаго трибунала. На мѣсто творческаго, построительнаго ума народной Революціи, искавшей своихъ путей, подставляли духъ полицейскаго сыска, ко-

торый вскорѣ и задавилъ революціонное народное творчество.

На этомъ Конвентъ уже собирался расходиться, когда Дантонъ бросился на трибуну и остановилъ представителей, уже выходившихъ изъ залы, напоминая имъ, что непріятель уже вступаетъ во Францію, и что ничего еще не сдѣлано серьезнаго, чтобы отразить это нашествіе.

Въ тотъ-же день, въ Вандеѣ, крестьяне, возбуждаемые духовенствомъ и дворянами, начинали всеобщее возстаніе и избіеніе республиканцевъ. Возстаніе давно уже подготовлялось, по наущенію Рима. Въ августѣ 1792-го года, была даже сдѣлана первая попытка возстанія, какъ разъ въ то время, когда пруссаки вступили во Францію. Съ тѣхъ поръ, городъ Анжеръ сталъ политическимъ центромъ духовенства, отказавшагося присягнуть конституціи, тогда какъ сёстры Св. Премудрости служили эмиссарами духовенства для разноски воззваній и распространенія всякихъ разсказовъ о чудесахъ, доказывавшихъ необходимость возстанія*). Теперь, наборъ, объявленный Конвентомъ 10-го марта, давалъ сигналъ ко всеобщему бунту. Вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію Катлино, крестьянина-каменьщика и церковнаго старосты въ своемъ приходѣ, ставшаго однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ начальниковъ бандъ, во главѣ возстанія былъ поставленъ верховный совѣтъ, главою котораго былъ назначенъ священникъ Вернье.

10-го марта ударили въ набатъ въ нѣсколькихъ стахъ приходахъ, и около 100.000 человѣкъ бросили работу и начали охоту на республиканцевъ и на присягнувшихъ конституціи священниковъ. Именно охоту, съ трубачомъ, который трубилъ въ рогъ, когда завидятъ звѣря, и давалъ сигналъ, когда начать травлю. Охоту и истребленіе, во время котораго враговъ, взятыхъ живьемъ, подвергали самымъ звѣрскимъ пыткамъ, убивая

*) Ср. Мишлэ, книга X, гл. V.

ихъ понемногу и отказываясь прикончить, или же отдавая ихъ на пытку женщинамъ, съ ихъ ножницами, и даже дѣтямъ, чтобы еще болѣе продлить мученія. Всѣ это дѣлалось подъ руководствомъ священниковъ, разсказывавшихъ крестьянамъ про всякія вымышленныя чудеса, чтобы вызвать также и истребленіе женъ республиканцевъ. Дворяне, со своими дамами-амазонками, пристали къ движенію только позже. И когда эти „честные люди“ назначили свой трибуналъ, чтобы судить республиканцевъ, раньше чѣмъ ихъ казнить, ихъ судъ, въ шесть недѣль, предалъ смерти 542-хъ патріотовъ*).

Противъ этого дикаго возстанія Конвентъ могъ выставить только 2000 человѣкъ, разсѣянныхъ по всей Нижней Вандеѣ, отъ Нанта до Рошели. Лишь въ концѣ мая на мѣста прибыли первыя организованныя силы Республики. До того, Конвентъ могъ бороться противъ возстанія одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацію имуществъ для дворянъ и для священниковъ, которые не выѣдутъ изъ Вандеи въ теченіе восьми дней! Но гдѣ-же была сила, чтобы приводить въ исполненіе эти декреты?

*) «Каждый день», писалъ одинъ священникъ-роялистъ, не присягнувшій конституціи, Франсуа Шевалье, цитируемый Шассеномъ, «каждый день происходили кровавыя экспедиціи, отъ которыхъ можетъ только содрогнуться каждая честная душа, и которыхъ можно защищать только съ точки зрѣнія философіи» [Онѣ совершались по приказанію священниковъ, во имя религіи]... «Однако-же дѣло дошло до того, что говорилось открыто, что для возстановленія мира необходимо и существенно не оставить въ живыхъ ни одного патріота во Франціи. Озлобленіе народа было таково, что достаточно было пойти къ обѣднѣ у одного изъ «втёршихся» [священниковъ, присягнувшихъ конституціи], чтобы быть арестованнымъ и потомъ убитымъ палками, или разстрѣленнымъ, подъ предлогомъ, что тюрьмы переполнены, какъ оно дѣлалось 2 сентября».—Въ Машкулѣ, гдѣ было казнено 542 патріота, открыто проповѣдывалось избіеніе всѣхъ женъ Шареть,—одинъ изъ Вандейскихъ предводителей—толкалъ на это слѣпо повиновавшихся ему, фанатизированныхъ крестьянъ.

Дѣла шли не лучше и въ восточной Франціи, гдѣ армія, подъ начальствомъ Кюстина, отступала передъ австрійцами. Въ Бельгіи-же, Дюмурье открыто возсталъ противъ Конвента 12-го марта. Онъ послалъ Конвенту письмо изъ Лувена, упрекая Францію въ томъ, что она присоединила Бельгію, и хотѣла её разорить, введя ассигнаціи и продажу національныхъ имуществъ. Шесть дней позже, онъ атаковалъ австрійцевъ при Неервинде, далъ себя разбить ими, а 22-го марта, съ согласія герцога Шартрскаго (сына герцога Орлеанскаго) и орлеанистскихъ генераловъ, онъ уже вступилъ въ прямые переговоры съ австрійскимъ полковникомъ, Макомъ. Измѣнники-генералы обязывались очистить Голландію безъ сраженія *и идти на Парижъ*, возстановлять тамъ конституціонную монархію. Въ случаѣ надобности, ихъ обязывались поддержать австрійцы, которые должны были занять, въ видѣ гарантіи, одну изъ пограничныхъ крѣпостей, Кондэ.

Дантонъ, ставя на карту свою голову, бросился въ Бельгію, надѣясь помѣшать этой измѣнѣ. Онъ звалъ съ собою двухъ Жирондистовъ — Жансонне, друга Дюмурье, и Гюадэ; но когда ему не удалось убѣдить ихъ ѣхать съ нимъ въ Бельгію, чтобы вернуть Дюмурье Республикѣ, Дантонъ поѣхалъ, 16-го марта, одинъ, рискуя что его самого обвинятъ въ измѣнѣ. Онъ нашелъ Дюмурье въ полномъ отступленіи, послѣ Неервиндэ, и понялъ, что его измѣна — безповоротна. Дѣйствительно, Дюмурье уже обязался передъ Макомъ очистить Голландію.

Ужасъ распространился въ Парижѣ, когда Дантонъ вернулся, 29-го марта, и съ его пріѣздомъ стало доподлинно извѣстно, что Дюмурье измѣнилъ. Армія, которая одна только могла остановить иностранное вторженіе, быть можетъ, уже шла на Парижъ, противъ парижанъ.

Тогда, сформировавшійся въ эти дни въ Парижѣ Комитетъ Возстанія, уже нѣсколько дней собиравшійся во дворцѣ Епископства подъ руководствомъ Вѣнеыхъ,

увлёкъ за собою Коммуну. Секціи вооружились и захватили артиллерію. Онѣ пошли-бы вѣроятно противъ Конвента, если-бы не взяли верхъ другіе совѣты, людей старавшихся предотвратить панику и взаимное избіеніе революціонныхъ элементовъ.

3-го апрѣля получилось окончательное подтвержденіе измѣны Дюмурье: комиссаровъ, присланныхъ къ нему Конвентомъ, онъ велѣлъ заарестовать. Къ счастью, армія за нимъ не послѣдовала. Декретъ Конвента, ставившій Дюмурье внѣ закона и повелѣвавшій арестовать герцога Шартрскаго, дошелъ-таки до войска, и ни генералу, ни герцогу Шартрскому не удалось увлечь за собою солдатъ. Дюмурье пришлось бѣжать за-границу, какъ Лафайету, и сдаться подъ покровительство австрійцевъ.

На слѣдующій день, онъ и австрійцы вмѣстѣ выпустили прокламацію, въ которой герцогъ Кобургскій возвѣщалъ французамъ, что идетъ вернуть Франціи ея законнаго конституціоннаго короля.

Въ самый разгаръ этого кризиса, когда неувѣренность насчетъ того, какое положеніе займетъ армія Дюмурье ставила на карту самое существованіе Республики, три самыхъ вліятельныхъ члена Горы, - Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ, въ согласіи съ Коммуной (Пашемъ и Шометомъ), дѣйствовали вполнѣ единодушно, и они не дали развиться паникѣ съ ея вѣроятными тяжелыми послѣдствіями.

Въ то же время Конвентъ, пользуясь обстоятельствами, и подъ предлогомъ, что „недостатокъ единства“ мѣшалъ до сихъ поръ правильному веденію войны, рѣшилъ взять въ свои руки исполнительную власть, въ придачу къ законодательной. Онъ назначилъ „Комитетъ общественнаго спасенія“, которому далъ очень широкія, почти диктаторскія полномочія. И эта мѣра имѣла громадныя послѣдствія для всего дальнѣйшаго развитія Революціи.

Мы видѣли, что послѣ взятія Тюильри Законодательное Собраніе установило, подъ именемъ „Временнаго исполнительнаго совѣта“, министерство, которому и вручило всю исполнительную власть. Кромѣ того, въ январѣ 1793 года, Конвентъ назначилъ еще „Комитетъ общей защиты“; а такъ какъ война составляла въ эту пору главную заботу, Комитетъ Защиты пріобрѣлъ право надзора надъ Временнымъ исполнительнымъ совѣтомъ. Теперь, чтобы придать больше единства правительству, Конвентъ создалъ „Комитетъ общественнаго спасенія“, выбиравшійся Конвентомъ, и котораго составъ долженъ былъ возобновляться каждые три мѣсяца. Онъ заступалъ мѣсто, какъ Комитета Защиты такъ и Исполнительнаго Совѣта. Предполагалось, что Конвентъ бралъ на себя обязанности министерства; но на дѣлѣ, понемногу, — какъ и слѣдовало ожидать, — Комитетъ общественнаго спасенія сталъ выше Конвента и пріобрѣлъ во всѣхъ отрасляхъ управленія громадную власть, которую дѣлилъ только съ „Комитетомъ общественной безопасности“, завѣдывавшимъ полиціею.

Во время кризиса, разразившагося въ апрѣлѣ 1793-го года, Дантонъ, уже принимавшій до того времени самое дѣятельное участіе въ веденіи войны, сталъ душою Комитета общественнаго спасенія, и онъ сохранилъ это вліяніе вплоть до 10-го іюля 1793-го года, когда подалъ въ отставку.

Наконецъ Конвентъ, который уже съ сентября 1792-го года началъ посылать своихъ комиссаровъ въ департаменты и къ арміямъ, съ очень широкими полномочіями, рѣшилъ послать съ такою же миссіею еще восемьдесятъ представителей, чтобы поднять духъ въ провинціяхъ и возбуждать энтузіазмъ къ войнѣ. А такъ какъ Жирондисты вообще отказывались отъ этихъ миссій (ни одинъ изъ нихъ не отправился къ арміямъ), то они охотно назначали Монтаньяровъ, — можетъ быть съ тайною мыслью усилиться такимъ образомъ въ Конвентѣ, въ ихъ отсутствіе.

Но конечно не эти мѣры реорганизаціи правительства предотвратили гибельныя послѣдствія, которыя могла бы имѣть измѣна Дюмурье, если бы армія послѣдовала за своимъ генераломъ. Фактъ тотъ, что для французскаго народа Революція имѣла такую притягательную силу, что разрушить вѣру въ Революцію не зависѣло отъ воли того или другого генерала. Измѣна Дюмурье, наоборотъ, придала войнѣ новый характеръ — народной, демократической войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ поняли также, что Дюмурье, одинъ, никогда бы не рѣшился на то, что онъ сдѣлалъ. У него должны были быть сильныя связи въ Парижѣ, въ Конвентѣ. Тамъ было гнѣздо измѣны. *Конвентъ измѣняетъ*, — такъ дѣйствительно говорилось и въ адресѣ, выпущенномъ Якобинскимъ клубомъ въ день, когда измѣна Дюмурье стала извѣстной, и подписанномъ Маратомъ, который былъ предсѣдателемъ клуба въ этотъ вечеръ.

Съ этого момента паденіе Жирондистовъ и ихъ удаленіе изъ Конвента становились непредотвратимыми. Измѣна Дюмурье сдѣлала неизбѣжнымъ возстаніе 31-го мая, кончившееся исключеніемъ изъ Конвента главныхъ Жирондистовъ.

XLV.

Неизбѣжность новаго возстанія.

31-е мая — одинъ изъ знаменательныхъ дней Великой Революціи, — такой же знаменательный и важный, какъ 14-е іюля и 5-е октября 1789-го года, 21-е іюня 1791-го и 10-е августа 1792-го; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и самый трагическій изъ всѣхъ. Въ этотъ день Парижскій народъ поднялся въ третій разъ, дѣлая послѣднее свое усиліе, чтобы придать Революціи дѣйствительно народный характеръ. И, ради этого, онъ долженъ былъ возстать уже не противъ Двора и короля, но противъ Народнаго представительства, — Конвента, — съ тѣмъ, чтобы добиться удаленія изъ его среды главныхъ представителей жирондистской партіи.

Двадцать-первое іюня 1791 го года, когда король былъ арестованъ народомъ въ Варенне, закончило собою одну эпоху; паденіе Жирондистовъ 31-го мая 1793-го года закончило собою другую. Отнынѣ невозможна будетъ серьезная революція, если у нея не будетъ своего 31-го мая. Или въ революціи настанетъ день, когда пролетаріи отдѣлятся отъ буржуазныхъ революціонеровъ, чтобы идти дальше ихъ — туда, куда

эти послѣдніе не могутъ идти, не переставая быть буржуазіею. Или-же такого раздѣленія не совершится, и тогда это не будетъ революція. Это будетъ простая замѣна одной формы правленія другою.

Даже теперь, сто лѣтъ спустя, мы чувствуемъ весь трагизмъ положенія, въ которое были поставлены тогда республиканцы. Когда готовилось возстаніе 31-го мая, рѣчь шла уже не о королѣ, нарушившемъ свои обѣщанія и клятвы, и призвавшемъ на помощь иностранцевъ, противъ своего народа. Войну приходилось объявить бывшимъ товарищамъ, — людямъ, совмѣстно боровшимся противъ короля.

Иначе, — реакція должна была начаться уже въ іюнѣ 1793 года, когда главное дѣло Революціи — разрушеніе феодальнаго строя и единоличной королевской власти, — вовсе еще не было закончено. Республиканцамъ, стремившимся добиться осязательныхъ, существенныхъ результатовъ для народныхъ массъ, предстояло, — либо подвергнуть изгнанію республиканцевъ-Жирондистовъ, которые до того времени смѣло шли на приступъ противъ деспотизма, но теперь стали поперекъ дороги народу и говорили ему: „Дальше ты не пойдешь!“ Либо — поднять народъ, отстранить ихъ, и, если нужно, — перешагнуть даже черезъ ихъ трупы, чтобы закончить дѣло, начатое Революціею.

Трагизмъ этого положенія вполнѣ чувствуется въ памфлетѣ Бриссо, „Своимъ избирателямъ“, о которомъ мы уже говорили выше.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя читать этотъ памфлетъ, не чувствуя, что въ немъ ребромъ поставленъ вопросъ о жизни, или смерти. Бриссо ставитъ свою голову на карту въ этомъ памфлетѣ, гдѣ настойчиво требуетъ гильотины для тѣхъ, кого онъ называетъ анархистами. Послѣ появленія такихъ страницъ, оставалось только два выхода: или „анархисты“ дадутъ послать себя на гильотину, — послѣ чего путь будетъ открытъ реакціи, роялистамъ; или-же Жирондисты будутъ изгнаны изъ Конвента, и тогда *имъ* предстоитъ погибнуть.

Понятно, не съ легкимъ сердцемъ рѣшились Монтаньяры призвать на помощь себѣ народное возстаніе, чтобы заставить Конвентъ выкинуть изъ своей среды главныхъ вожаковъ своего праваго крыла. Больше шести мѣсяцевъ они всячески старались прійти къ какому нибудь соглашенію. Дантонъ особенно старался найти компромиссъ. Робеспьеръ, со своей стороны, трудился надъ тѣмъ, чтобы „парламентскимъ путемъ" парализовать Жирондистовъ, не прибѣгая противъ нихъ къ силѣ. Даже Маратъ укрощалъ свою ярость, желая избѣжать гражданской войны. Такимъ путемъ удалось только замедлить явный расколъ. Но и то — какою цѣною! Революція была совсѣмъ пріостановлена. Ничего не предпринималось, чтобы закрѣпить одержанныя уже побѣды. Всѣ жили изо дня въ день.

Въ провинціяхъ, старый порядокъ сохранялъ еще громадную силу. Привилегированные классы только ждали момента, чтобы вновь завладѣть своими имуществами и мѣстами въ правительствѣ, и возстановить королевскую власть и феодальныя права, еще не уничтоженныя по закону. При первомъ пораженіи республиканскихъ армій, старый порядокъ неизбѣжно возвращался. На югѣ, на юго-западѣ, на западѣ, массы крестьянъ все еще стояли за духовенство, за папу и, черезъ нихъ, за короля. Правда, что значительное количество земель, отобранныхъ у духовенства и бывшихъ дворянъ, уже перешло въ руки буржуазіи, крупной и мелкой, а также и крестьянъ. Феодальныя повинности не платились и не выкупались крестьянами. *Но все это было только временное положеніе.* А что, если завтра народъ, истощенный нищетой и голодомъ, измученный войною, вернётся, усталый, разочарованный, въ свои мрачныя избы и городскія трущобы, и дастъ волю старому порядку, — развѣ старый порядокъ не вернётся, торжествующій, и не утвердится, не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

Въ Конвентѣ, послѣ измѣны Дюмурье, положеніе стало совершенно невозможнымъ. Чувствуя, какимъ

пятномъ легла на нихъ измѣна ихъ любимаго генерала. Жирондисты съ удвоенною яростью нападали на Монтаньяровъ. Обвиняемые въ потворствѣ измѣннику, они ничего не придумали лучшаго, какъ потребовать судебнаго преслѣдованія противъ Марата, за воззваніе, выпущенное Якобинскомъ клубомъ 3-го апрѣля, когда измѣна Дюмурье стала извѣстною, и подписанное Маратомъ, какъ предсѣдателемъ клуба въ этотъ вечеръ.

Пользуясь тѣмъ, что значительное число членовъ Горы было въ отсутствіи, такъ какъ они были разосланы комиссарами къ арміямъ и въ департаменты, Жирондисты потребовали отъ Конвента преслѣдованія противъ Марата,—что и было разрѣшено 12-го апрѣля, а потомъ — отдачи его подъ судъ за проповѣдь убійства и грабежа. 13-го апрѣля, Конвентъ выпустилъ повелѣніе объ арестѣ Марата, принятое большинствомъ 220-и голосовъ противъ 92-хъ, изъ 367-и присутствовавшихъ, причемъ было 7 голосовъ за отсрочку и 48 не подававшихъ голоса.

Это выступленіе Жирондистовъ кончилось однако полною неудачею. Народъ слишкомъ любилъ Марата, чтобы дать его осудить. Бѣдные чувствовали, что Маратъ — заодно съ народомъ и никогда ему не измѣнитъ. И чѣмъ болѣе мы изучаемъ Революцію, чѣмъ болѣе мы знакомимся съ дѣятельностью Марата и его пропагандою, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, насколько ложна была репутація мрачнаго истребителя, которую ему создали историки, преданные Жирондистамъ. Фактъ тотъ, что почти всегда, съ самыхъ первыхъ недѣль послѣ созыва Генеральныхъ Штатовъ, и въ особенности въ моменты кризисовъ, Маратъ лучше и вѣрнѣе понималъ общее положеніе дѣлъ и лучше предвидѣлъ ихъ ходъ, чѣмъ другіе, — въ томъ числѣ даже Дантонъ и Робеспьеръ.

Съ того дня, какъ Маратъ бросился въ революцію, онъ отдался ей всецѣло и жилъ въ полнѣйшей бѣдности, постоянно вынуждаемый скрываться въ под-

полье, въ то время, какъ другіе устраивались въ правительствѣ. Вплоть до своей смерти, онъ не измѣнилъ своего образа жизни, не смотря на разъѣдавшую его лихорадку. Дверь его всегда была открыта для людей изъ народа. Онъ думалъ, что диктатура помогла бы Революціи выбиться изъ ея тяжелаго положенія, но никогда, ни на минуту не подумалъ онъ о диктатурѣ для самаго себя.

Какъ кровожадны ни были иногда его слова по отношенію къ придворной партіи, — въ особенности въ началѣ Революціи, когда онъ писалъ, что если не снести нѣсколько тысячъ головъ, ничего не будетъ сдѣлано, такъ какъ Дворъ раздавитъ революціонеровъ, — онъ всегда бережно относился къ тѣмъ, кто отдался Революціи, даже тогда, когда они въ свою очередь становились помѣхою ея дальнѣйшему развитію. Съ первыхъ же дней Конвента, онъ понялъ и высказалъ, что имѣя въ своей средѣ сильную жирондистскую партію, Конвентъ будетъ обреченъ на безсиліе. Но онъ старался избѣгнуть насильственнаго изгнанія Жирондистовъ, и тогда только сталъ сторонникомъ изгнанія и организаторомъ возстанія 31-го мая, когда убѣдился, что предстояло выбирать между Жирондою и Революціею. Если бы онъ былъ въ живыхъ въ 1794-мъ году, то весьма вѣроятно, что терроръ не принялъ бы звѣрскаго характера, приданнаго ему членами Комитета Общественной Безопасности. Имъ не воспользовались бы, чтобы казнить, съ одной стороны, крайнюю партію Эбертистовъ, а съ другой — примирителей, какъ Дантона*).

*) Маратъ былъ правъ, когда писалъ, что все изданное имъ въ началѣ Революціи — «Offrande à la patrie», «Plan de Constitution», «Législation criminelle» и первые сто нумеровъ его газеты, «Ami du peuple», были полны «осторожности, умѣренности и любви къ людямъ, къ свободѣ и къ справедливости» (Chèvremont, «Marat», т. II, стр. 215). — Жоресъ, внимательно читавшій Марата, несомнѣнно поможетъ болѣе правильному его пониманію, — особенно четвертымъ томомъ своей Исторіи Революціи.

Насколько Маратъ любилъ народъ, настолько-же его ненавидѣли буржуазные члены Конвента, особенно Равнина, или Болото. Вотъ почему Жирондисты, желая добиться истребленія Горы, начали съ него: меньше было шансовъ, чтобы его стали защищать.

Но, какъ только Парижъ узналъ, что противъ Марата былъ выпущенъ декретъ о заарестованіи, поднялась страшная агитація. 14-го апрѣля вспыхнуло бы возстаніе, если бы Монтаньяры, включая Робеспьера и самаго Марата, не уговаривали народъ успокоиться. Маратъ не далъ себя заарестовать сейчасъ-же, и 24-го апрѣля явился самъ передъ судомъ. Присяжные, конечно, немедленно оправдали его, и тогда народъ понёсъ его съ торжествомъ, на своихъ плечахъ, въ Конвентъ, а оттуда, по улицамъ. Толпа ликовала, его осыпали цвѣтами.

Такимъ образомъ ударъ, подготовленный Жирондистами, обратился противъ нихъ самихъ, и съ этого дня они поняли, что имъ не оправиться отъ своей ошибки. Это былъ, для нихъ, „день траура", какъ говорилось въ одной изъ ихъ газетъ. Бриссо, сейчасъ-же началъ писать памфлетъ, „Своимъ избирателямъ", гдѣ приложилъ всѣ свои силы и талантъ къ тому, чтобы возбудить страсти зажиточной, промышленной и коммерческой буржуазіи противъ „анархистовъ".

Въ такихъ условіяхъ, засѣданія Конвента обращались въ отчаянныя схватки между обѣими партіями, и Конвентъ терялъ уваженіе народа. Зато Парижская Коммуна пріобрѣтала все больше значенія, какъ иниціаторъ революціонныхъ мѣръ.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась зима 1792—1793 года, голодъ въ большихъ городахъ принималъ все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Муниципалитеты выбивались изъ силъ, чтобы добывать хлѣбъ, хотя бы только по четверти фунта, — по четыре унціи въ день — на каждаго жителя. И ради этого, городскія

управленія, особенно Парижская Коммуна, входили въ неоплатные долги государству.

Тогда Парижская Коммуна постановила взыскать съ богатыхъ единовременный прогрессивный налогъ въ 12.000.000 ливровъ, на военныя нужды. Если доходъ, главы семейства доходилъ до 1500 ливровъ, и приходилось по 1000 ливровъ на каждаго другого члена семьи, то онъ признавался представляющимъ *необходимое* и, какъ таковой, освобождался отъ налога. Только тѣ доходы, которые были свыше этого „необходимаго", считались „избыткомъ" и несли налогъ: 30 ливровъ съ „избытка" въ 2000 ливровъ; 50 ливровъ съ избытка отъ 2000 до 3000 ливровъ, и т. д., вплоть до 20.000 ливровъ, взимавшихся съ избытка въ 50.000.

По тѣмъ временамъ, какія переживала Франція, имѣя войну на рукахъ и страдая отъ голода, это еще было довольно скромно. Налогъ тяжело падалъ только на крупныя состоянія, тогда какъ семья въ шесть человѣкъ, имѣвшая, напримѣръ, 10.000 ливровъ годового дохода, платила всего 100 ливровъ этого единовременнаго налога. Но богатые подняли тѣмъ не менѣе отчаянный крикъ, тогда какъ Шометъ, внесшій предложеніе о налогѣ, и на котораго Жирондисты были злы больше всѣхъ послѣ Марата, говорилъ такъ: — „Ничто не заставитъ меня измѣнить моихъ принциповъ и, съ головою подъ ножомъ гильотины, я всё-таки скажу: 'Бѣдные всё сдѣлали до сихъ поръ; пора и богатымъ сдѣлать что-нибудь въ свою очередь'. Я буду кричать, что пора сдѣлать полезными, хотя бы и противъ ихъ воли, всѣхъ эгоистовъ, всѣхъ молодыхъ бездѣльниковъ, и дать отдыхъ полезному и почтенному рабочему".

Жирондисты прониклись еще большею ненавистью къ Коммунѣ за то, что она пустила мысль объ этомъ налогѣ. Но легко представить себѣ ненависть, которую почувствовала къ ней буржуазія, когда Камбонъ внесъ въ Конвентъ, 20 мая, проэктъ принудительнаго займа въ одинъ милліардъ, который онъ предлагалъ взыс-

кать съ богатыхъ, уже не въ одномъ Парижѣ, а во всей Франціи, распредѣляя его приблизительно на такихъ-же основаніяхъ, какъ и налогъ Коммуны, но обѣщая выплатить со временемъ этотъ заёмъ поступленіями въ казну отъ продажи имѣній эмигрантовъ, по мѣрѣ ихъ продажи. Въ условіяхъ, переживаемыхъ Республикою, другого выхода, кромѣ подобнаго налога не предвидѣлось; но защитники собственности готовы были на мѣстѣ убить Горцевъ, поддерживавшихъ мысль о такомъ налогѣ. Въ Конвентѣ, въ этотъ день едва не дошли до поголовной рукопашной схватки.

Если-бы требовались еще какія-нибудь доказательства того, что ничего нельзя будетъ сдѣлать для спасенія Революціи, пока Жирондисты будутъ оставаться въ силѣ въ Конвентѣ, и обѣ партіи будутъ парализовать другъ-друга, то пренія о займѣ вполнѣ это доказали.

Но что особенно приводило въ отчаяніе парижскій народъ, это то, что съ цѣлью остановить Революцію, которой самымъ яркимъ очагомъ былъ до сихъ поръ Парижъ, Жирондисты дѣлали всё, чтобы поднять департаменты противъ столицы; тутъ они не останавливались даже передъ тѣмъ, что ради этого имъ приходилось идти рука-объ-руку съ роялистами. — Лучше королевская власть, чѣмъ малѣйшій шагъ по направленію къ соціальной республикѣ! Лучше залить Парижъ кровью, лучше срыть проклятый городъ, чѣмъ допустить народъ Парижа и его Коммуну до возстанія, которое грозило бы буржуазной собственности! — Тьеръ и Бордосское Собраніе 1871 го года имѣли, какъ видно, своихъ предшественниковъ уже въ 1793-мъ году.

19-го мая, Жирондисты по предложенію Барѐра, добились отъ Конвента назначенія „Комиссіи Двѣнадцати“, которая должна была разобрать всѣ рѣшенія, принятыя Парижской Коммуной, и эта Комиссія, составившаяся 21-го мая, сразу стала главнымъ органомъ правительства и реакціи. Два дня спустя, 23-го, она уже выпустила приказъ объ арестѣ Эбера, товарища прокурора Коммуны, очень любимаго народомъ за от-

кровенно республиканскій характеръ его газеты „Père Duchesne“, и Варлэ, любимца парижскаго бѣднаго народа, — „анархиста“, могли-бы мы сказать, для котораго Конвентъ былъ ничто иное, какъ „лавочка законовъ“, и который проповѣдовалъ на улицахъ соціальную революцію. Впрочемъ этими арестами Комиссія Двѣнадцати не думала удовольствоваться. Она хотѣла преслѣдовать также и секціи и потребовала, чтобы книги секцій были ей представлены. Президента и секретаря секціи Cité, отказавшихся представить свои книги, она велѣла арестовать. Борьба становилась борьбою на жизнь и смерть.

Со своей стороны, Жирондистъ Иснаръ (Isnard), который былъ предсѣдателемъ Конвента въ эту недѣлю, — властолюбивый человѣкъ, послужившій въ 1871-мъ году образцомъ для Тьера, — еще усилилъ озлобленіе своими угрозами. Онъ грозилъ парижанамъ уничтоженіемъ Парижа, если-бы они вздумали наложить руку на народное представительство. — „Скоро станутъ искать на берегахъ Сены, дѣйствительно-ли существовалъ Парижъ“, говорилъ онъ. И эти нелѣпыя угрозы, слишкомъ напоминавшія угрозы Двора въ 1791-мъ году, доводили народное негодованіе до крайней степени. 26-го мая, во всѣхъ секціяхъ шла драка между революціонерами и Жирондистами. Возстаніе было неизбѣжно, и Робеспьеръ, до тѣхъ поръ совѣтовавшій не поднимать возстанія, сталъ теперь на его сторону; вечеромъ 26-го, въ клубѣ Якобинцевъ, онъ говорилъ, что въ случаѣ надобности онъ одинъ возстанетъ противъ заговорщиковъ и измѣнниковъ, засѣдающихъ въ Конвентѣ.

Уже 14-го апрѣля, 35 секцій изъ 48-и потребовали отъ Конвента исключенія двадцати-двухъ представителей Жирондистовъ, которыхъ имена онѣ давали въ особомъ спискѣ. Теперь секціи рѣшили возстать, чтобы заставить Конвентъ повиноваться этому желанію Парижскаго населенія.

XLVI.

Возстанія 31-го мая и 2-го іюня.

Опять, какъ и передъ 10-мъ августа, народъ самъ подготовилъ возстаніе въ своихъ секціяхъ. Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ часто совѣщались между собою въ эти дни, но они колебались, и дѣйствовать взялись опять-таки „неизвѣстные“. Они составили клубъ возстанія во дворцѣ Епископства и назначили, для цѣлей возстанія, „Комиссію Шести“.

Секціи приняли дѣятельное участіе въ подготовительной работѣ. Уже въ мартѣ, секція Четырехъ Націй объявила себя „въ возстаніи“, и уполномочила свой „Комитетъ надзора“ выпустить приказы объ арестѣ гражданъ, подозрѣваемыхъ за свои противу-революціонныя убѣжденія; тогда какъ нѣкоторыя другія секціи (Моконсейль, Пуассоньеръ) открыто требовали ареста депутатовъ „бриссотинцевъ“, т. е. Жирондистовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, т. е. 8-го и 9-го апрѣля, послѣ измѣны Дюмурье, секціи Бонконсейль и Хлѣбнаго Рынка (Bonconseil и Halles-aux-Blés) требовали преслѣдованій противъ сообщниковъ измѣнника-генерала; а

15-го числа того-же мѣсяца тридцать-пять секцій выпустили уже списокъ двадцати-двухъ членовъ Жиронды, которыхъ необходимо было, по ихъ мнѣнію, исключить изъ Конвента.

Уже съ начала апрѣля секціи старались также объединиться для общаго дѣйствія, — непосредственно, помимо Совѣта Коммуны, — и ради этого секція Гравилье (Gravilliers), всегда стоявшая впереди другихъ, взяла на себя починъ образованія особаго „Центральнаго комитета". Этотъ комитетъ дѣйствовалъ только съ перерывами, но съ приближеніемъ опасности (5-го мая) онъ вновь образовался, и 29-го мая онъ уже взялъ въ свои руки руководительство движеніемъ. Что-же касается до клуба Якобинцевъ, то его вліяніе осталось ничтожнымъ. Якобинцы сами сознавали, что центръ дѣйствія не у нихъ, а въ секціяхъ*).

26-го мая довольно многочисленныя сборища народа начали осаждать Конвентъ. Часть изъ нихъ скоро проникла въ залу засѣданій и, при поддержкѣ тѣхъ, кто былъ уже въ трибунахъ, отведенныхъ для публики, они начали требовать уничтоженія Жирондистской Комиссіи Двѣнадцати. Однако Конвентъ весь день сопротивлялся этому требованію и уступилъ только послѣ полночи, когда, разбитые усталостью, его члены не могли болѣе выдержать напора со стороны народа. Комиссія была распущена. Но то была только минутная уступка. На другой-же день, 27-го, Жирондисты (составлявшіе большинство въ Конвентѣ, за отсутствіемъ многихъ Монтаньяровъ, разосланныхъ Конвентомъ въ провинціи), при поддержкѣ Равнины, снова возстановили Комиссію Двѣнадцати. Возстаніе, такимъ образомъ, не достигло своей цѣли.

Что́ больше всего помѣшало успѣху возстанія, это то, что между самими революціонерами не было согласія. Часть секцій, подъ вліяніемъ крайнихъ, которыхъ

*) См. «Акты Якобинскаго клуба», изд. Aulard, т. V, стр. 209.

называли „Бѣшеными“, хотѣла чего-нибудь такого, что ужасомъ поразило бы контръ-революціонеровъ. Онѣ хотѣли, поднявши народъ, убить главныхъ Жирондистовъ. Говорили даже о томъ, чтобы вообще перебить въ Парижѣ аристократовъ.

Но такой планъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Народное представительство было, такъ сказать, подъ охраной Парижскаго народа: онъ не могъ, въ такихъ условіяхъ, обмануть довѣрія Франціи. Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ рѣшительно выступили противъ избіенія депутатовъ. Совѣтъ Коммуны и мэръ Пашъ, а также и Совѣтъ парижскаго департамента, безусловно отказались принять этотъ планъ: Народныя общества тоже отказали ему въ своей поддержкѣ.

При этомъ, было еще одно соображеніе. Надо было считаться съ буржуазіею, такъ какъ, уже тогда, она представляла въ Парижѣ многочисленное сословіе; батальоны ея національной гвардіи раздавили-бы возстаніе, если-бы имъ пришлось защищать свою собственность. Нужно было, стало быть, успокоить буржуазію, завѣривъ её, что ея собственности не тронутъ. Вотъ почему, напримѣръ, Якобинецъ Гассенфрацъ, хотя и заявилъ открыто, что ничего-бы не имѣлъ въ принципѣ противъ грабежа богатыхъ, тѣмъ не менѣе воспротивился тому, чтобы возстаніе сопровождалось грабежомъ. „Ихъ насчитывается, говорилъ онъ, 160.000 человѣкъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Парижѣ; они вооружены и вполнѣ въ силахъ отразить тѣхъ, кто захотѣлъ бы ихъ грабить. Очевидно, *фактически невозможно* напасть на имущества“, говорилъ Гассенфрацъ въ клубѣ Якобинцевъ; и онъ приглашалъ всѣхъ членовъ этого общества „обязаться скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить нападенія на имущества“.

Та-же клятва была принесена въ ночь 31-го мая въ Коммунѣ, и даже въ Епископскомъ дворцѣ, „Бѣшеными“. Тоже сдѣлали и всѣ секціи.

Новый классъ собственниковъ, изъ буржуазіи, котораго численность такъ страшно возросла съ тѣхъ поръ,

въ теченіе девятнадцатаго вѣка, уже слагался въ то время, — и революціонеры поняли, что они вынуждены къ осторожности, чтобы не имѣть весь этотъ классъ противъ себя.

Наканунѣ возстанія никто никогда не можетъ знать, поднимется-ли народъ или нѣтъ? Въ этотъ-же разъ къ обычной неизвѣстности примѣшивался еще страхъ, какъ-бы крайніе элементы населенія не вздумали убить Жирондистовъ въ самомъ Конвентѣ, и тѣмъ не скомпрометировали Парижъ передъ другими департаментами. Три дня прошло такимъ образомъ въ переговорахъ, пока не было рѣшено, что возстаніемъ будутъ руководить всѣ революціонные элементы сообща: Совѣтъ Коммуны, Совѣтъ Департамента, и Общій революціонный Совѣтъ крайнихъ, засѣдавшій во дворцѣ Епископства. Рѣшено было, что надъ отдѣльными личностями не будетъ совершено никакого насилія, и что имущества не будутъ тронуты. Ограничатся однимъ *нравственнымъ возстаніемъ*, — давленіемъ на Конвентъ, чтобы заставить его выдать революціонному суду виновныхъ депутатовъ.

Этотъ лозунгъ и былъ развитъ Маратомъ вечеромъ 30-го числа, въ Епископскомъ дворцѣ, по выходѣ его изъ Конвента, а потомъ — въ Коммунѣ. Онъ-же, повидимому, нарушая законъ, по которому смертная казнь полагалась тому, кто ударитъ въ набатъ, первый раскачалъ и ударилъ въ колоколъ городской Ратуши.

Возстаніе начиналось. Делегаты изъ Епископства, прежде всего, — такъ же, какъ это было сдѣлано 10-го августа, — низложили мэра и Совѣтъ Коммуны; но вмѣсто того, чтобы секвестровать мэра и назначить новый Совѣтъ, они вновь ввели ихъ въ обязанности, — какъ мэра такъ и Совѣтъ, — взявши съ нихъ клятву, что они присоединяются къ возстанію. Они такъ же поступили и съ Совѣтомъ Департамента, и въ ту-же ночь революціонеры изъ Епископства, Департаментскій Совѣтъ и Совѣтъ Коммуны соединились во-едино, обра-

зовавъ одинъ „Общій революціонный Совѣтъ“, который и принялъ на себя руководительство возстаніемъ.

Этотъ Общій Совѣтъ назначилъ начальникомъ всей національной гвардіи Анріо (Hanriot), командира одного изъ ея батальоновъ — батальона секціи Санкюлотовъ. Скоро набатъ раздался по всему Парижу; на улицахъ и площадяхъ барабанщики били тревогу.

Въ возстаніи, впрочемъ, замѣчалась всеобщая нерѣшительность. Даже послѣ того, какъ, съ часа дня, начали раздаваться мѣрные набатные выстрѣлы пушекъ, поставленныхъ у Новаго Моста, вооруженные люди изъ различныхъ секцій, вышедшіе на улицу, не имѣли, повидимому никакого опредѣленнаго плана. Два батальона, вѣрные Жирондистамъ, первые прибѣжали къ зданію Конвента и расположились напротивъ Тюильри. Анріо, съ 48-ю пушками секцій, окружилъ зданіе Конвента.

Часы проходили, но никто ничего не предпринималъ. Весь Парижъ былъ на ногахъ, но народныя массы не появлялись около Конвента, чтобы оказать на него давленіе, такъ что Жирондистъ Верньо, видя, что возстаніе дальше не развивается, убѣдилъ Конвентъ провотировать, что „секціи заслужили благодарность отечества“. Онъ очевидно надѣялся ослабить этимъ маневромъ ихъ враждебность по отношенію къ Жирондѣ. Возстаніе казалось, такимъ образомъ, проиграннымъ, когда подъ вечеръ подошли, наконецъ, новыя массы народа и наводнили залу Конвента. Тогда Монтаньяры почувствовали, что имъ явилась поддержка, и Робеспьеръ потребовалъ, не только уничтоженія Комиссіи Двѣнадцати и отдачи ея членовъ подъ судъ, но и возбужденія преслѣдованія противъ жирондистскихъ главарей, которыхъ насчитывали двадцать-два, и которые не входили въ Комиссію Двѣнадцати.

Но этого предложенія и обсуждать не стали. Всё, на что рѣшился Конвентъ, это было — снова уничтожить Комиссію Двѣнадцати и потребовать передачи всѣхъ ея бумагъ въ Комитетъ Общественнаго Спасе-

нія, который обязывается представить о нихъ докладъ, не позже чѣмъ черезъ три дня. Кромѣ того, Конвентъ подтвердилъ декретъ Коммуны, въ силу котораго рабочіе, которые останутся подъ ружьемъ вплоть до возстановленія общественнаго спокойствія, будутъ получать по два франка въ день, — вслѣдствіе чего Коммуна сейчасъ-же взыскала налогъ съ богатыхъ, чтобы заплатить рабочимъ за три дня. Рѣшено было также, что трибуны Конвента будутъ открыты для публики, безъ всякихъ билетовъ.

Дѣло ограничилось, такимъ образомъ, второстепенными уступками. Партія Жирондистовъ оставалась въ Конвентѣ въ полной силѣ и по прежнему имѣла за себя большинство депутатовъ; движеніе, стало быть, не дало никакого существеннаго результата.

Но тогда парижскій народъ, понимая что въ сущности ничего еще не было добыто, началъ подготовлять новое возстаніе, на послѣ-слѣдующій день, 2-е іюня. Революціонный Комитетъ, составленный въ средѣ Совѣта Коммуны, не теряя времени, отдалъ приказаніе заарестовать бывшаго министра Ролана и его жену (такъ какъ Роланъ выѣхалъ, то арестовали её одну), и опредѣленно потребовалъ у Конвента ареста двадцати-пяти жирондистскихъ депутатовъ. Вечеромъ, снова зазвонили въ набатъ, снова раздавались мѣрные пушечные выстрѣлы.

Тогда, 2-го іюня, весь Парижъ поднялся чтобы покончить на этотъ разъ. Болѣе ста-тысячъ вооруженныхъ человѣкъ собралось вокругъ зданія Конвента. Они привезли съ собою 163 орудія, и требовали, — или чтобы жирондистскіе вожди подали въ отставку, или-же, чтобы двадцать-два изъ нихъ (позднѣе — двадцать-семь) были исключены Конвентомъ изъ своей среды.

Ужасныя извѣстія, полученныя въ этотъ день изъ Ліона, придали возстанію новую силу. Оказалось, что 29-го мая полуголодный народъ Ліона возсталъ, но

контръ-революціонеры, т. е. роялисты, при поддержкѣ Жирондистовъ, взяли верхъ и возстановили порядокъ, — истребивъ для этого 800 патріотовъ!

Къ несчастію, это извѣстіе было совершенно вѣрно. Участіе, принятое Жирондистами въ Ліонской контръ-революціи, было вполнѣ установлено. Тогда парижскій народъ озлобился, и ліонскія событія погубили Жиронду. Народъ, осаждавшій Конвентъ, объявилъ, что никого не выпуститъ, пока, такъ или иначе, не состоится исключеніе главныхъ Жирондистовъ.

Конвентъ, со своей стороны, — т. е. жирондистская Правая, Равнина и даже часть Горы, — объявивши что ихъ пренія не могутъ считаться свободными, такъ какъ Конвентъ окруженъ народомъ, попытались выйти, въ надеждѣ что народъ разступится передъ своими представителями. На это Анріо, вынувъ саблю, отдалъ свое знаменитое приказаніе: „Канониры, — къ орудіямъ!“ — Члены Конвента, вышедшіе на площадь, должны были вернуться.

Тогда, послѣ трехъ-дневнаго сопротивленія, Конвенту осталось только покориться, и онъ постановилъ наконецъ исключеніе тридцати-одного изъ своихъ членовъ Жирондистовъ. Послѣ чего депутація отъ народа пришла вручить Конвенту слѣдующее посланіе: —

„Весь народъ Парижскаго департамента посылаетъ насъ къ вамъ, граждане-законодатели, чтобы сказать, что декретъ, только что принятый вами, составляетъ спасеніе Республики. Мы пришли вамъ предложить, что мы объявимъ себя заложниками, въ числѣ равномъ числу выключенныхъ Собраніемъ членовъ, чтобы отвѣчать передъ департаментами за ихъ безопасность“.

Съ другой стороны, Маратъ произнёсъ 3-го іюня въ клубѣ Якобинцевъ рѣчь, въ которой онъ излагалъ смыслъ совершившагося движенія, и тутъ же провозглашалъ, что цѣль его — создать *достатокъ для всѣхъ*.

„Мы дали большой толчокъ, — говорилъ онъ — Конвенту предстоитъ теперь упрочить основы обществен-

нато благоденствія. Ничего нѣтъ легче: нужно только открыто высказать свое исповѣданіе. *Мы хотимъ, чтобы граждане, которыхъ зовутъ санъ-кюлотами, пользовались счастіемъ и благосостояніемъ.* Мы хотимъ, чтобы этому полезному классу помогли богатые, по мѣрѣ своихъ достатковъ. Мы не хотимъ нарушать права собственности. Но какое право собственности священнѣе всѣхъ другихъ?—Право на существованіе! Мы хотимъ, чтобы это право собственности было охраняемо.....

„Мы хотимъ, чтобы въ нашемъ дѣлѣ были заинтересованы всѣ тѣ, кто не имѣетъ сто-тысячнаго капитала. Тѣ, у кого есть сто-тысячъ, или больше, пусть кричатъ себѣ.... Мы имъ скажемъ:—согласитесь, что насъ больше, чѣмъ васъ, и если вы не хотите вмѣстѣ съ нами приложить руки къ общему дѣлу, мы васъ выгонимъ изъ Республики и возьмемъ вашу собственность, чтобы подѣлить её между санъ-кюлотами".

И онъ прибавлялъ еще слѣдующую мысль, которую пришлось вскорѣ привести въ исполненіе:

„Якобинцы, говорилъ онъ, я долженъ вамъ сказать одну истину: вы не знаете своихъ злѣйшихъ враговъ: это — *конституціонное духовенство* [духовенство, присягнувшее конституціи]. Это они больше всего вопятъ по деревнямъ объ анархистахъ, объ дезорганизаторахъ, о дантонизмѣ, о робеспьеризмѣ, о якобинизмѣ..... Не потворствуйте болѣе народнымъ предразсудкамъ; подрѣжьте самые корни суевѣрія! Заявите открыто, что духовенство — вашъ врагъ" *).

Въ эти дни, Парижъ вовсе не хотѣлъ казни арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ. Всѣ, чего хотѣло большинство, это — чтобы революціоннымъ членамъ Конвента была дана возможность продолжать Революцію. Арестованныхъ депутатовъ не послали въ тюрьму, — имъ разрѣшили, напротивъ, оставаться подъ

*) Протоколы клуба Якобинцевъ, изданіе Олара, т. V, стр. 227.

домашнимъ арестомъ. Имъ продолжали выдавать ихъ 18 франковъ въ день, полагавшіеся каждому депутату Конвента, и они могли ходить по Парижу, въ сопровожденіи жандарма, котораго, впрочемъ, обязаны были кормить сами.

Если бы эти депутаты, слѣдуя гражданскимъ принципамъ древности, о которыхъ они говорили съ такимъ жаромъ, удалились теперь въ частную жизнь, ихъ навѣрно оставили бы въ покоѣ. Но вмѣсто того, они немедленно отправились въ провинціи, чтобы тамъ поднимать возстаніе противъ Парижа и Конвента. И когда они увидали на мѣстахъ, что имъ приходится идти противъ самой Революціи, рука-объ-руку съ духовенствомъ и роялистами, — они предпочли соединиться съ роялистами, чѣмъ отказаться отъ своихъ плановъ

Тогда, — но только тогда, т. е. въ іюлѣ 1793-го года, — Конвентъ объявилъ ихъ внѣ закона.

XLVII.

Народная революція. — Принудительный заемъ.

Тѣмъ, кто еще сомнѣвается, чтобы Революція была поставлена въ необходимость исключить изъ Конвента главныхъ руководителей Жиронды, достаточно будетъ, чтобы убѣдиться въ этой необходимости, окинуть взглядомъ законодательную работу, совершенную Конвентомъ, тотчасъ-же послѣ того какъ сопротивленіе его Правой было надломлено.

Принудительный заёмъ у богатыхъ на нужды войны; назначеніе максимальныхъ цѣнъ для главныхъ жизненныхъ припасовъ; возвращеніе общинамъ всѣхъ мірскихъ земель, отнятыхъ у нихъ со времени указа 1669-го года; уничтоженіе, окончательное и безъ выкупа, феодальныхъ правъ; законы о наслѣдованіи, съ цѣлью раздробленія состояній, накопляемыхъ въ однихъ рукахъ; демократическая конституція 1793-го года - всѣ эти мѣры быстро послѣдовали одна за другой, какъ только сопротивленіе Правыхъ было ослаблено исключеніемъ тридцати-одного жирондистскаго депутата.

Періодъ, начинающійся 31-го мая 1793-го года и продолжающійся до 27-го іюля 1794 (т. е. до 9-го

термидора II-го года Республики), представляетъ собою самый важный періодъ Революціи. Великія измѣненія, которыя только намѣтило въ принципѣ Учредительное Собраніе, въ ночь 4-го августа 1789 года, осуществляются, наконецъ, послѣ четырехъ-лѣтняго сопротивленія, обновленнымъ Конвентомъ. При этомъ народъ — „санъ-кюлоты", какъ тогда выражались — не только заставляетъ Конвентъ провести рядъ коренныхъ революціонныхъ мѣръ, онъ-же приводитъ ихъ въ исполненіе на мѣстахъ, при помощи Народныхъ обществъ, къ которымъ обращаются комиссары Конвента, когда имъ приходится создавать въ городахъ и деревняхъ революціонную исполнительную власть.

Голодъ еще продолжается въ теченіе этого періода, и война, которую Республикѣ приходится вести противъ Англіи, блокирующей всѣ порты Франціи, и противъ прусскаго короля, австрійскаго императора и королей сардинскаго и испанскаго,— принимаетъ ужасающіе размѣры. Тягости, налагаемыя войною на населеніе, такъ велики, что ихъ трудно даже себѣ представить, если не приглядѣться къ мелкимъ подробностямъ, встрѣчающимся въ документахъ того времени и рисующимъ бѣдность и разореніе, до которыхъ доведена была Франція. Въ этихъ условіяхъ, поистинѣ трагическихъ, когда во всемъ чувствуется недостатокъ — въ хлѣбѣ, въ обуви, въ перевозочныхъ средствахъ, въ желѣзѣ, свинцѣ, мѣди, селитрѣ и т. д., и когда ничего нельзя ввозить во Францію, ни сухимъ путемъ, сквозь кольцо изъ 400.000 солдатъ, брошенныхъ на Францію союзниками, ни моремъ, сквозь цѣпь англійскихъ кораблей, поддерживающихъ блокаду,— въ этихъ условіяхъ бьются санъ-кюлоты, чтобы спасти погибающую Республику.

Тѣмъ временемъ, всѣ тѣ, кто стоитъ за старый порядокъ, всѣ занимавшіе нѣкогда привилегированное положеніе, всѣ надѣющіеся вернуть себѣ свои привилегированныя мѣста, или создать себѣ новыя привилегіи, какъ только вернётся монархія, — т. е. духо-

венство, дворяне, буржуазія, обогатившаяся черезъ Революцію,—всѣ въ заговорѣ противъ Республики. Тѣ, кто остаётся вѣренъ ей, вынуждены биться между кольцомъ иностранныхъ штыковъ и пушекъ съ одной стороны, и внутренними заговорами, старающимися поразить ихъ изподтишка, сзади.

Видя это, санъ-кюлоты стараются достичь одного: *сдѣлать такъ, чтобы ко времени возвращенія реакціи создалась уже новая, перерожденная Франція:* крестьяне — уже овладѣвшіе землею; городскіе рабочіе — уже свыкшіеся съ равенствомъ и демократіею; аристократія и духовенство — уже лишенные владѣній, составлявшихъ дѣйствительную ихъ силу, и ихъ имѣнія — уже въ рукахъ тысячей новыхъ владѣльцевъ, разбитыя на части, совершенно неузнаваемыя въ новой обработкѣ, такъ, что ихъ почти уже невозможно возстановить въ прежнемъ видѣ.

Истинная исторія этихъ четырнадцати мѣсяцевъ, съ іюня 1793 по конецъ іюля 1794, никогда еще не была написана. Документы, чтобы написать её, существуютъ въ провинціальныхъ архивахъ, въ отчётахъ и письмахъ комиссаровъ Конвента, въ протоколахъ городскихъ и сельскихъ муниципалитетовъ, Народныхъ обществъ и т. д. Но они еще не были изучены такъ, какъ были изучены законодательные акты Революціи; а между тѣмъ слѣдовало бы поторопиться, такъ какъ они быстро исчезаютъ. Конечно, на это потребуется цѣлая жизнь нѣсколькихъ историковъ; но безъ этой работы, исторія Великой Революціи останется незаконченной*).

Больше всего, въ этомъ періодѣ изучали терроръ. Но сущность этихъ четырнадцати мѣсяцевъ — вовсе не въ террорѣ, а въ обширнѣйшемъ дробленіи земельной собственности, въ земельномъ переворотѣ, въ демокра-

*) Недавно еще, сколько цѣнныхъ документовъ было уничтожено въ Клерво. Мы находили остатки ихъ въ 1884—1886-мъ году, равно какъ и нѣкоторые остатки библіотеки нѣкоего „Pélarin“, проданные мѣстнымъ лавочникамъ на оберточную бумагу.

тизаціи страны и, наконецъ, въ отреченіи значительной части Франціи отъ христіанства. Разсказать эту обширную работу, со всею борьбою, вызванною ею на мѣстахъ, — будетъ дѣломъ будущихъ историковъ. Всё, что мы теперь можемъ сдѣлать, это только указать на нѣкоторыя выдающіяся черты этого бурнаго времени.

Первою дѣйствительно революціонною мѣрою, принятою послѣ 31-го мая, былъ *принудительный заемъ у богатыхъ*, на покрытіе военныхъ издержекъ. Положеніе казначейства было самое жалкое. Война требовала громадныхъ расходовъ, а ассигнаціи, выпущенныя въ большихъ количествахъ, уже падали въ цѣнѣ. Новые налоги, если ихъ наложить на массу населенія, ничего не могли бы дать. Оставалось, слѣдовательно, одно — налагать подати на богатыхъ. И мысль объ насильственномъ займѣ, въ милліардъ ливровъ - мысль, между прочимъ высказанная уже во время министерства Неккера, въ самомъ началѣ Революціи, — назрѣвала въ умахъ.

Когда мы читаемъ теперь то, что писали современники — какъ революціонеры, такъ и реакціонеры — о тогдашнемъ положеніи Франціи, мы приходимъ къ убѣжденію, что всякій республиканецъ, каковы бы ни были его понятія о собственности, неизбѣжно долженъ былъ придти къ мысли о насильственномъ займѣ. Другаго выхода не представлялось. Но когда этотъ вопросъ былъ поднятъ въ Конвентѣ, 20-го мая, и даже умѣренный Камбонъ высказался за такой заёмъ, Жирондисты, тогда еще въ силѣ, напали на защитниковъ займа съ невѣроятною яростью, вызывая въ засѣданіи Конвента отвратительную сцену.

Поэтому, всё чего удалось добиться 20-го мая, было — принятіе этой мысли въ принципѣ. Что-же касалось до способовъ приведенія ея въ исполненіе, объ этомъ рѣшили разсуждать впослѣдствіи — или никогда, если-бы Жирондистамъ удалось послать Монтаньяровъ подъ гильотину.

За то, въ первую же ночь послѣ исключенія главныхъ Жирондистовъ изъ Конвента, Парижская Коммуна постановила, что декретъ, опредѣляющій максимумъ цѣнъ на съѣстные припасы будетъ немедленно приведенъ въ исполненіе; что немедленно будетъ приступлено къ вооруженію гражданъ; что принудительный заёмъ будетъ взысканъ; и что будетъ набрана революціонная армія, составленная изъ всѣхъ гражданъ, способныхъ нести оружіе, но не допуская до офицерскихъ должностей никого изъ „бывшихъ" (ci-devant), т. е. изъ бывшихъ дворянъ, изъ „аристократовъ".

Конвентъ, со своей стороны, тоже сталъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и 22-го іюня 1793, онъ обсуждалъ докладъ Реаля, которымъ опредѣлялись основныя начала принудительнаго займа. „Необходимый" доходъ опредѣленъ былъ въ 3000 ливровъ для отца семейства и въ 1500 ливровъ для холостаго, и такой доходъ вполнѣ освобождался отъ займа. „Обильные" же доходы, свыше „необходимаго", вплоть до доходовъ въ 10.000 ливровъ для отцовъ семейства, несли налогъ въ возрастающей прогрессіи. Если-же годовой доходъ превосходилъ этотъ предѣлъ, онъ разсматривался уже, какъ „излишній", и весь избытокъ брался въ заёмъ. Этотъ принципъ и былъ принятъ; только Конвентъ, въ своемъ декретѣ отъ 22-го іюня повысилъ цифру *необходимаго*, доведя её до 6000 ливровъ для холостыхъ и до 10.000 для отцовъ семейства*).

---

*) Я слѣдую здѣсь сочиненію Рене Штурма (René Stourm, «Les finances de l'ancien régime et la Révolution», т. II, стр. 369 и слѣд.).— Пренія въ Конвентѣ были очень поучительны. Камбонъ, когда онъ внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе, 29-го мая 1793-го года, говорилъ: „Я хотѣлъ бы, чтобы Конвентъ открылъ гражданскій заемъ въ одинъ милліардъ, который внесли бы богатые и равнодушные.... *Ты богатъ, ты держишься воззрѣній, которыя насъ вводятъ въ расходы,* — такъ я хочу приковать тебя противъ твоей воли къ Революціи: я хочу, чтобы ты одолжилъ свое состояніе Республикѣ". Маратъ, Тюріо, Матьё поддерживали проэктъ;

Въ ~~слѣдующемъ~~ августѣ стало, однако, ясно, что въ такихъ условіяхъ заёмъ дастъ очень немного: менѣе 200 милліоновъ (Штурмъ, т. II, стр. 372, примѣчаніе), а потому 3-го сентября, Конвентъ долженъ былъ пересмотрѣть свой декретъ 22-го іюня. Онъ установилъ цифру *необходимаго* въ 1000 ливровъ для холостыхъ, и въ 1500 для женатыхъ, съ прибавкою 1000 ливровъ для каждаго члена семейства. На *обильные* доходы, вплоть до 9000 ливровъ, налагался прогрессивный налогъ, возраставшій отъ десятой части до половины дохода. Доходы-же свыше 9000 ливровъ облагались такъ, чтобы, каковъ-бы ни былъ доходъ богача, ему не оставалось больше 4500 ливровъ дохода, въ придачу къ сейчасъ упомянутому *необходимому*. Это былъ, впрочемъ, не постоянный *налогъ*, а *единовременный принудительный заемъ*, на одинъ только разъ, въ силу необычайныхъ условій.

Поразительно одно, — и это доказываетъ безсиліе парламентовъ. Конечно, никогда не существовало правительства, внушавшаго болѣе страха, чѣмъ Конвентъ во время II-го года Республики. А между тѣмъ, закону о займѣ прямо-таки не повиновались. Богатые не платили. Обходилось взысканіе этого налога очень дорого. Но — какъ было взыскивать съ богатыхъ, не желавшихъ платить? Описывать и продавать ихъ имущества? Но на это требовался цѣлый новый механизмъ, и притомъ столько національныхъ имуществъ уже было пущено въ продажу! Въ матеріальномъ отношеніи, принудительный заёмъ оказался вполнѣ неудачнымъ. Но, такъ какъ для болѣе крайнихъ Монтаньяровъ было важно подготовить умы къ *уравненію состояній* и

но онъ встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе со стороны Жирондистовъ. Любопытно отмѣтить, что починъ и примѣръ такого займа шли изъ департамента Hérault. Камбонъ упоминаетъ объ этомъ въ своей рѣчи. Коммунистъ Жакъ Ру (см. дальше), въ секціи Гравилье, совѣтовалъ заключить такой „заемъ“ уже 9-го марта.

фактически къ нему приблизиться, — въ этомъ отношеніи они достигли своей цѣли.

Позднѣе, даже послѣ термидорской реакціи, „Директорія“, ставшая во главѣ управленія Франціею, тоже обращалась къ такимъ же принудительнымъ займамъ, — въ 1795-мъ и 1799-мъ году. Мысль о *необходимомъ* и объ *излишкѣ* пробивала себѣ путь. И извѣстно также, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ теченіе столѣтія, прожитаго Европою послѣ французской Революціи, „прогрессивный налогъ“ вошелъ въ программы демократій всѣхъ странъ. Онъ былъ проведенъ даже въ жизнь въ нѣсколькихъ государствахъ, но въ несравненно болѣе скромныхъ размѣрахъ, — такихъ скромныхъ, что отъ прогрессивнаго возрастанія налога осталось почти только одно названіе, — одинъ обманъ.

XLVIII.

Общинныя земли.—Рѣшенія Законодательнаго Собранія.

Два вопроса, какъ мы видѣли, больше всего волновали деревни во Франціи: возвращеніе общинамъ ихъ общинныхъ земель и уничтоженіе феодальныхъ повинностей и платежей. Два громадныхъ, жизненныхъ вопроса для двухъ-третей всего населенія Франціи; но рѣшеніе ихъ оставалось невозможнымъ, покуда Жирондисты преобладали въ Конвентѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась Революція, или вѣрнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ деревни проникъ лучъ надежды въ 1788-мъ году, крестьяне старались вернуть себѣ мірскія земли, отнятыя у нихъ дворянствомъ, духовенствомъ и крупною буржуазіею въ силу королевскаго указа 1669-го года. И тамъ, гдѣ они были въ силахъ это сдѣлать, они захватывали эти земли, не смотря на жестокія наказанія, падавшія на нихъ за самовольный захватъ.

Въ былыя, отдаленныя времена, вся земля,— луга, лѣса, паханныя и непаханныя земли,— принадлежала

сельскимъ общинамъ. Феодальные владѣльцы имѣли право суда надъ жителями, и кромѣ того, большинство изъ нихъ имѣло еще право на всякія повинности и поборы (обыкновенно, три дня въ недѣлю барщины и разныя „приношенія" натурою); въ замѣнъ чего они должны были содержать вооруженныя шайки для защиты жителей отъ разбойниковъ и отъ вторженія другихъ такихъ же владѣльцевъ, или же чужеземцевъ.

Однако, при помощи своей военной силы, и при поддержкѣ духовенства, получавшаго отъ нихъ подачки, а также законниковъ, изучавшихъ римское право и жившихъ большею частью при ихъ дворахъ, феодальные владѣльцы стали мало-по-малу захватывать мірскія земли въ личную собственность. Такой захватъ совершался очень медленно — на него ушли всѣ средніе вѣка, — но къ концу шестнадцатаго вѣка помѣщики, свѣтскіе и церковные, уже завладѣли громадными пространствами пахотныхъ земель, лѣсовъ и луговъ, прежде принадлежавшихъ крестьянамъ.

Но этого было имъ мало. По мѣрѣ того, какъ населеніе росло, и цѣнность земли повышалась, помѣщики, ставшіе избраннымъ сословіемъ въ государствѣ, начали заглядываться и на тѣ земли, которыя оставались во владѣніи сельскихъ и городскихъ общинъ. Завладѣвать этими землями — всякими способами и подъ всякими предлогами, силою и обманомъ, законно и незаконно, — стало дѣломъ обычнымъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ. Тогда-то и былъ выпущенъ, въ 1669-мъ году, Людовикомъ XIV-мъ, — „великимъ королемъ-солнцемъ", какъ его называли льстецы — указъ, давшій помѣщикамъ новое, законное оружіе для захвата мірскихъ земель.

Этимъ новымъ оружіемъ было *троеніе* (le triage), которое позволяло помѣщикамъ присвоить себѣ *треть* всей земли, когда-то принадлежавшей каждой общинѣ, когда она была еще въ крѣпостной зависимости. И, пользуясь этимъ указомъ, дворяне стали захватывать

лучшія общинныя земли, особенно луга, въ которыхъ больше всего нуждались крестьяне.

Кромѣ того, при Людовикѣ XIV-мъ и Людовикѣ XV-мъ, дворяне, епископы, монастыри и вообще „мощные люди“ продолжали присвоять себѣ мірскія земли подъ разными предлогами. То монастырь основывался, и сосѣдніе крестьяне уступали ему въ временное пользованіе значительные мѣстные участки, которые впослѣдствіи становились собственностью монастыря. То помѣщикъ получалъ отъ крестьянъ, тоже въ пользованіе, за безцѣнокъ или за лёгкія уступки, участокъ мірской земли, съ правомъ завести на ней свой хуторъ; а потомъ, благодаря угодливости властей, онъ становился собственникомъ этой земли. То, наконецъ, купецъ отбиралъ участокъ мірской земли, за долги общины, дѣйствительные или насчитанные имъ. Не останавливались такіе пріобрѣтатели и передъ поддѣлкой документовъ.

Въ другихъ мѣстахъ, бывшіе феодальные владѣльцы и ихъ наслѣдники пользовались правомъ *огораживанія* пустопорожныхъ общинныхъ земель (bornage во Франціи, enclosure въ Англіи). Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи, помѣщикъ, окружившій изгородью часть общинной земли, могъ объявить себя владѣльцемъ этой земли и получалъ отъ королевской власти, или отъ мѣстнаго парламента, документъ на право собственности. Если-же община противилась, крестьянъ усмиряли, какъ бунтовщиковъ. Словомъ, захватъ общинныхъ земель шелъ повсемѣстно правдою и неправдою *).

Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне почувствовали начало революціи, они стали требовать, чтобы захваты

*) Нѣкоторыя провинціальныя земскія собранія пытались, еще до 1789 года, произвести развёрстку общинныхъ земель, либо поголовную, по числу жителей, либо пропорціональную количеству подушныхъ, платившихся каждою семьею. Это желаніе было также высказано во многихъ наказахъ (cahiers), въ 1789-мъ году. Въ другихъ же наказахъ высказывались жалобы на *огораживаніе*, которое было позволено королемъ, въ 1769-мъ и 1777-мъ годахъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.

мірскихъ земель, совершенные съ 1669-го года, въ силу „троенія“, или иначе, были объявлены незаконными. Они требовали также, чтобы и тѣ земли, которыя были уступлены частнымъ лицамъ самими общинами, въ силу различныхъ вымогательствъ, тоже были возвращены общинамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, во время своихъ возстаній, съ 1789-го по 1792-й годъ, сами вступили во владѣніе землями, нѣкогда отобранными у нихъ. Но реакція могла вернуться не нынче-завтра, и тогда, являлся вопросъ,—не отберутъ-ли у нихъ назадъ эти земли? Надо было, слѣдовательно, узаконить такіе поступки и обобщить ихъ, сдѣлавши возвращеніе общинамъ отнятыхъ у нихъ земель обязательнымъ во всей Франціи. Но этому именно противились всѣми силами, не только первыя два Собранія, — Учредительное и Законодательное, — но также и Конвентъ, пока въ немъ преобладали Жирондисты.

Дѣло объ общинныхъ земляхъ осложнялось еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Почти вездѣ, деревенская буржуазія, т. е. крестьяне побогаче, поднимали вопросъ о развёрсткѣ общинныхъ земель; но этому противилась масса болѣе бѣдныхъ крестьянъ, какъ тому противятся теперь крестьяне въ Россіи, въ Болгаріи, въ Индіи и т. д., — вездѣ, гдѣ еще удержалось общинное землевладѣніе. Въ пользу развёрстки общинныхъ земель и перехода ихъ въ частную собственность всегда ратуютъ, какъ извѣстно, крестьяне наживпіеся какою-нибудь торговлею и надѣющіеся скупить впослѣдствіи за безцѣнокъ участки у обѣднѣвшихъ хозяевъ. Масса-же среднихъ хозяевъ всегда противъ такого раздѣла.

Тоже было и во Франціи во время Революціи. Рядомъ съ обѣднѣвшею и постоянно недоѣдающею массою, во французскихъ деревняхъ создавалась, какъ мы уже упоминали, крестьянская буржуазія, такъ или иначе поднявшаяся надъ общимъ уровнемъ; и ея требованія всего лучше выслушивались городскою буржуазіею и революціонною администраціею, — буржуазною

по происхожденію и по своимъ привычкамъ и понятіямъ. Въ вопросѣ о возвратѣ общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ въ силу указа 1669-го года, крестьянская буржуазія была, конечно, заодно съ деревенскою бѣднотою. Но она была уже *противъ* бѣдноты, когда требовала дѣлежа мірскихъ угодій и перехода участковъ въ личное, вѣчное владѣніе.

Эта рознь проявлялась тѣмъ сильнѣе, что въ общинахъ, какъ селькихъ, такъ и городскихъ, въ теченіе вѣковъ установилось дѣленіе обывателей на два класса. Въ каждой общинѣ были семьи, происходившія отъ первыхъ ея основателей, или, по крайней мѣрѣ, считавшіяся исконными общинниками. Эти семьи назывались *старожилами, гражданами,* — les bourgeois, die Bürger въ Эльзасѣ, или же просто les familles, — „семьи“. И рядомъ съ ними были такіе, которые только позже поселились въ общинѣ и назывались les manants, die Ansässigen въ Эльзасѣ и нѣмецкой Швейцаріи, — „присельщики“ (citadini и il commune въ Италіи).

Вообще, во Франціи, какъ и вездѣ, одни только коренные жители имѣли право на мірскія пахотныя земли и луга, а также право пасти свой скотъ на мірскихъ поляхъ и лугахъ, право рубки лѣса и т. д. Остальнымъ-же едва предоставлялось пасти корову или козу на мірскомъ выгонѣ, или же на пустопахъ, а также право собирать въ лѣсахъ хворость и каштаны.

Но положеніе этого класса крестьянъ, большею частью болѣе бѣдныхъ, чѣмъ коренные жители, стало еще хуже, съ тѣхъ поръ, какъ Учредительное Собраніе установило различіе, не только въ политическихъ правахъ богатыхъ и бѣдныхъ обитателей каждой общины, но и въ ихъ правахъ на выборъ членовъ общиннаго самоуправленія, судей первой инстанціи и т. д., раздѣливъ общинниковъ на *активныхъ* и *пассивныхъ* гражданъ (см. гл. XXI). Затѣмъ, закономъ 24 декабря 1789-го года, Учредительное Собраніе, какъ мы видѣли, уничтожило мірской сходъ, въ составъ котораго

(за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинцій, гдѣ онъ былъ уничтоженъ еще Тюрго) входили до тѣхъ поръ всѣ домохозяева; вмѣсто мірскаго схода оно ввело *выборныя общинныя (сельскія) управленія*, избиравшіяся одними только „активными“ гражданами.

Съ тѣхъ поръ, расхищеніе общинныхъ земель должно было усилиться. „Активнымъ“ гражданамъ всегда легко было сговориться между собою и провести въ общинномъ управленіи, избранномъ ими одними, рѣшеніе о продажѣ общиною, или объ арендѣ у нея, лучшихъ участковъ, — нерѣдко лишая этимъ болѣе бѣдныхъ крестьянъ права пользованія угодьями, безъ которыхъ имъ прожить было трудно. Такъ было, несомнѣнно, въ Бретани (и вѣроятно также въ Вандеѣ), гдѣ, какъ видно изъ самихъ законовъ 1793-го года, всѣ крестьяне пользовались правами на обширныя угодья,—выгоны, пустоши, зáросли и т. п. Эти права начала оспаривать и отнимать у нихъ сельская и городская буржуазія.

Одновременно съ этимъ, сельская буржуазія, хотя и стремилась вернуть общинамъ земли, отобранныя у нихъ дворянами въ силу указа 1669-го года, требовала также — и въ этомъ находила поддержку въ Законодательномъ Собраніи — развёрстки общинныхъ земель. Она понимала, конечно, что если развёрстка будетъ дозволена при существующихъ порядкахъ, она пойдетъ на пользу болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Впрочемъ, какъ Учредительное, такъ и Законодательное Собраніе, вплоть до августа 1792-го года, ничего не рѣшили. Оба противились всякому рѣшенію, невыгодному для помѣщиковъ, и ничего не предпринимали*).

*) Уже въ Учредительномъ Собраніи, Робеспьеръ требовалъ отмѣны указа 1669-го года и возврата общинамъ земель, которыми „города, посады и деревни провинціи Артуа владѣли съ незапамятныхъ временъ“, и отъ удержанія которыхъ за ними „зависѣли обиліе скота, успѣшность земледѣлія и льноводство“. Эти земли, говорилъ онъ, были от-

Но послѣ 10-го августа 1792, наканунѣ своего роспуска, Законодательное Собраніе рѣшилось что-нибудь сдѣлать по вопросу объ общинныхъ земляхъ, и то, что оно сдѣлало, было всецѣло на пользу буржуазіи.

Когда депутатъ Майль (Mailhe) внёсъ, 25-го августа 1792, вполнѣ разработанный проэктъ закона, имѣвшаго въ виду уничтожить послѣдствія указа 1669-го года, и вернуть общинамъ земли, отобранныя у нихъ за послѣдніе двѣсти лѣтъ, этотъ проэктъ не былъ принятъ. Но за то, уже 14-го августа, Законодательное Собраніе, по предложенію Франсуа (изъ Невшато), постановило, подъ шумокъ, слѣдующее:

„1) Начиная съ нынѣшняго года, немедленно послѣ уборки хлѣбовъ, всѣ общинныя земли и общинныя права, иныя чѣмъ на лѣса, будутъ раздѣлены между всѣми гражданами каждой общины; 2) эти граждане получатъ свои участки въ полную собственность; 3) общинныя земли, извѣстныя подъ названіемъ *пустошей* и *остатковъ* (sursis), будутъ также развёрстаны между жителями; и 4) для опредѣленія способовъ раздѣла, Комитетъ земледѣлія представитъ, не позже трехъ мѣсяцевъ, проэктъ закона“ *).

Этимъ же закономъ, Собраніе уничтожало круговую поруку въ уплатѣ повинностей и податей.

Такимъ образомъ, изподтишка наносился общинному землевладѣнію смертный ударъ, въ ту минуту, когда общественное мнѣніе, взволнованное взятіемъ Тюильри, занято было совершенно другимъ. Законъ былъ состав-

няты у общинъ интендантами и Штатами провинціи Артуа, чтобы обогащать ими чиновниковъ и помѣщиковъ. Онъ требовалъ, поэтому, отмѣны закона 1669-го года. („Motion de Robespierre, au nom de la province d'Artois et des provinces de Flandre, de Hainaut et de Cambrésis, pour la restitution des biens nationaux envahis par les seigneurs. Imprimerie Nationale, 1791“. — Коллекція брошюръ Британскаго музея).

*) Dalloz, «Répertoire de Jurisprudence», томъ IX, стр. 185, 186 и примѣчаніе.

ленъ, при этомъ, съ такою неряшливостью, и такъ поверхностно рѣшалъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, самые коренные вопросы сельской жизни, что нѣкоторое время я не могъ повѣрить, чтобы текстъ, данный Далозомъ въ его извѣстномъ Сборникѣ и приведенный выше, былъ полнымъ текстомъ закона, а не сокращеннымъ его изложеніемъ. Оказалось, однако, что это и есть полный текстъ декрета, который, однимъ почеркомъ пера, уничтожалъ общинное землевладѣніе во Франціи и лишалъ значительную часть крестьянъ всякаго права на мірскія земли.

Теперь намъ понятно озлобленіе, вызванное этимъ закономъ, среди болѣе бѣднаго крестьянства, противъ республиканцевъ. Его поняли, конечно, какъ приказаніе подѣлить мірскія земли между одними *гражданами* (включая сюда выгоны и пастбища, которыми пользовались *всѣ жители*). Это былъ прямой грабёжъ на пользу сельской буржуазіи. Одного этого закона, съ его параграфомъ 3-мъ, было бы достаточно, чтобы поднять противъ Республики всѣхъ Бретонскихъ крестьянъ.

Уже три недѣли спустя, въ Законодательное Собраніе былъ внесенъ докладъ, въ которомъ указывалось, что проведеніе этого закона въ жизнь встрѣчаетъ такое противодѣйствіе со стороны крестьянъ, что прилагать его къ дѣлу невозможно. Но Собраніе ничего не рѣшило. Оно такъ и разошлось, не отмѣнивъ своего рѣшенія. Законъ былъ отмѣненъ только въ октябрѣ, Конвентомъ, который рѣшилъ, что въ виду затрудненій, встрѣченныхъ въ примѣненіи этого закона, „обрабатываемыя общинныя земли будутъ обрабатываться и засѣваться, какъ было раньше, согласно мѣстному обычаю, вплоть до ихъ развёрстки; и граждане, совершившіе оную обработку и посѣвъ, воспользуются жатвою того, что выростили своимъ трудомъ!“ *)

*) Dalloz, «Répertoire», т. IX, стр. 186

На этой уступкѣ, на этой мало понятной полу-мѣрѣ, дѣло и остановилось, покуда Жирондисты властвовали въ Конвентѣ. Весьма вѣроятно, что крестьяне поняли, впрочемъ, что на этотъ разъ уничтоженіе общиннаго владѣнія и развёрстка мірскихъ угодій, которую имъ хотѣли навязать закономъ 25-го августа 1792-го года, не удалась. Но, — кто измѣритъ все зло, причиненное Революціи этою угрозою экспропріаціи общинъ; кто разскажетъ всё озлобленіе, вызванное ею въ деревняхъ противъ городскихъ революціонеровъ!

Этими мѣрами Законодательное Собраніе не ограничилось. Передъ тѣмъ, какъ разойтись, оно выпустило еще одинъ законъ объ общинныхъ земляхъ, который — если бы онъ не былъ впослѣдствіи отмѣненъ Конвентомъ, — былъ бы крупнымъ актомъ экспропріаціи общинъ на пользу помѣщикамъ. Этотъ новый законъ гласилъ, правда, что „пустоши и необработанныя земли считаются принадлежащими общинамъ, *и будутъ присуждены имъ судами*“; но если помѣщикъ присвоилъ себѣ такія земли, или части ихъ, и владѣлъ ими неоспоримо сорокъ лѣтъ, или болѣе, онѣ становились его неоспоримою собственностью*). Этотъ законъ, какъ показалъ впослѣдствіи Фабръ (изъ Hérault), въ докладѣ, внесенномъ имъ въ Конвентъ, былъ составленъ вполнѣ на пользу помѣщикамъ, такъ какъ „почти каждый изъ нихъ могъ бы сослаться на сорока-лѣтнюю давность, и такимъ образомъ отстранить дѣйствіе той статьи закона, которая могла быть истолкована въ пользу общинъ“**). Фабръ указывалъ также на несправедливость 3-го параграфа этого закона, въ силу котораго община не могла вернуть своихъ правъ, если

*) „Эти земли вернутся общинамъ, — если только бывшіе помѣщики не докажутъ актами или неоспореннымъ владѣніемъ впродолженіи сорока лѣтъ, что онѣ представляютъ ихъ собственность“.

**) «Докладъ Фабра», стр. 36. (Брошюры Британскаго музея по французской Революціи: R. F., томъ 247).

помѣщикъ продалъ третьему лицу землю, захваченную имъ. Кромѣ того, Даллозъ, уже указывалъ (т. IX, стр. 168 и слѣд.), какъ трудно было общинамъ найти *положительныя, безспорныя,* законныя доказательства своихъ правъ на земли, такъ какъ онѣ владѣли ими, какъ и вездѣ въ мірѣ, на основаніи обычнаго права.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ законодательство 1792-го года было составлено къ выгодѣ тѣхъ, кто незаконно присвоилъ себѣ общинныя земли. Только въ Конвентѣ, и то только послѣ возстанія 31-го мая и изгнанія изъ Конвента главныхъ Жирондистовъ, вопросъ объ общинныхъ земляхъ былъ пересмотрѣнъ и рѣшенъ въ смыслѣ довольно благопріятномъ для массы крестьянъ.

XLIX.

Возвратъ общинамъ ихъ мірскихъ земель.

Покуда Жирондисты властвовали въ Конвентѣ, дѣло общинныхъ земель не подвигалось. Конвентъ ничего не дѣлалъ, чтобы ослабить пагубное дѣйствіе законовъ, проведенныхъ въ августѣ 1792 года, ни, еще менѣе, чтобы провести предложеніе Майля относительно возврата общинамъ отнятыхъ у нихъ земель.

За то, тотчасъ же послѣ 2-го іюня, Конвентъ взялся за этотъ великій вопросъ, и уже девять дней спустя (11-го іюня 1793), провелъ радикальный законъ объ общинныхъ земляхъ, составляющій эпоху въ жизни французскихъ крестьянъ, — одинъ изъ законовъ, наиболѣе богатыхъ послѣдствіями во всемъ французскомъ законодательствѣ. Въ силу этого закона, всѣ земли, отнятыя у общинъ въ продолженіе послѣднихъ двухъсотъ лѣтъ, на основаніи указа 1669-го года о *тренги* (triage, см. предыдущую главу), должны были быть возвращены общинамъ, равно какъ и всѣ пустопорожнія земли, выгоны, луга, пески, заросли и т. д., которые были захвачены, или отняты у общинъ частными лицами, какимъ-бы то ни было способомъ, —

включая сюда и тѣ земли, относительно которыхъ Законодательное Собраніе установило, было, сорокалѣтнюю давность*).

Впрочемъ, хотя и принимая такую справедливую и нужную мѣру, Конвентъ въ тоже время сдѣлалъ ложный шагъ по отношенію къ развёрсткѣ общинныхъ земель.

Два взгляда встрѣчались тогда въ Конвентѣ, какъ и вездѣ во Франціи. Крестьяне-буржуа, давно уже подбиравшіеся къ общиннымъ землямъ и желавшіе ихъ развёрстки, имѣли за себя въ Конвентѣ горячихъ защитниковъ; и, какъ водится, эти защитники ораторствовали во имя правъ собственности. Говорили они и во имя „справедливости и равенства", доказывая, что различныя общины владѣютъ очень неравными количествами земли на душу—что не мѣшало имъ, впрочемъ, защищать неравенство внутри каждой общины. Эти защитники требовали, чтобы раздѣлъ по душамъ былъ

*) Всѣ вообще общинныя земли, гласилъ законъ 10—11 іюня 1793 года, «извѣстныя въ Республикѣ подъ разными именами пустопорожнихъ и незанятыхъ земель, gastes, garrigues, landes, выгоновъ, выпасовъ, ajones, зарослей, общественныхъ лѣсовъ, hermes, vacants, palus, болотъ, горъ, или подъ какимъ либо другимъ наименованіемъ, *по самому существу своему принадлежатъ всему обществу обитателей, или членовъ коммуны, или секцій* [отдѣловъ] *коммуны*». Коммуны имѣютъ право требовать ихъ возврата лицами, захватившими такія земли. «Статья 4-я раздѣла 25-го Указа о водахъ и лѣсахъ, 1669-го года, равно какъ и всѣ другіе указы, декларацiи, постановленія Совѣта и грамоты, которые съ той поры разрѣшали строеніе, раздѣлъ, частный выдѣлъ, или уступку лѣсовъ удѣльныхъ или помѣщичьихъ, въ ущербъ общинамъ.... и всѣ судебныя рѣшенія въ такихъ дѣлахъ и акты, совершенные въ силу такихъ рѣшеній, уничтожаются и считаются не имѣющими силы». — «Сорокалѣтняя давность владѣнія, признанная достаточною, по закону 28 августа 1792, для признанія права собственности за частнымъ лицомъ, ни въ какомъ случаѣ не спасетъ замѣнить законнаго акта о владѣніи, законнымъ-же актомъ не можетъ быть признанъ актъ, исходящій отъ феодальной власти».

сдѣланъ *обязательнымъ**); и очень мало было такихъ, какъ Жюльенъ Суэ (Julien Souhait), депутатъ изъ Вогезскаго департамента, требовавшій удержанія мірской собственности въ цѣлости.

Впрочемъ, послѣ устраненія жирондистскихъ вождей, Конвентъ, подъ вліяніемъ Горы, уже не допустилъ, чтобы общинныя земли достались однимъ только зажиточнымъ крестьянамъ. Но онъ всё-таки рѣшилъ, что въ интересахъ земледѣлія, развёрстка общинныхъ земель желательна, и что надо разрѣшить раздѣлъ — поголовный, по душамъ. Разсужденіе, на которое пойманось большинство Монтаньяровъ, было то, что въ Республикѣ не должно быть никого, кто не имѣлъ бы права на извѣстную долю принадлежащей Республикѣ территоріи.

Развёрстка, въ силу закона 11-го іюня 1793-го года, должна была произойти по душамъ, считая *каждаго изъ жителей общины, всякаго возраста и обоего пола, находящагося на лицо, или отсутствующаго* (раздѣлъ II, статья 1-я). Всякій гражданинъ, не исключая батраковъ, наёмныхъ работниковъ и прислуги на фермахъ и т. п., прожившій въ теченіе года въ общинѣ, имѣлъ право на свою часть общинныхъ земель. И въ продолженіи десяти лѣтъ, участокъ, доставшійся каждому гражданину, не могъ быть описанъ за долги (раздѣлъ III, ст. 1-я).

Однако-же раздѣлъ былъ *не обязателенъ*. Мірской сходъ, составленный изъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на раздѣлъ и достигшихъ 21-лѣтняго возраста, будетъ созванъ, говоритъ законъ, въ воскресный день, и сходъ рѣшитъ, желаетъ-ли онъ раздѣла общинныхъ земель, или части ихъ. *Если треть голосовъ будетъ за раздѣлъ, раздѣлъ долженъ быть совершенъ* (разд. III, ст. 9), и это рѣшеніе не можетъ быть отмѣнено.

Легко представить себѣ, какой переворотъ этотъ законъ производилъ въ жизни деревень. Всѣ земли, от-

*) См., напримѣръ, рѣчь P. A. Lozeau, напечатанную для распространенія, по постановленію Конвента.

нятыя у общинъ помѣщиками, церковью, монастырями, ловкими буржуа и др., въ силу-ли закона о *трогніи*, или при помощи обмана, насчитанныхъ долговъ и т. п., теперь могли быть взяты назадъ крестьянами. Сорока-лѣтняя давность отмѣнялась; можно было восходить вплоть до 1669-го года, чтобы отбирать земли, награбленныя сильными и хитрыми міра сего.

Кромѣ того, общинныя земли, увеличенныя всѣмъ тѣмъ, что̀ законъ 11-го іюня возвращалъ крестьянамъ, принадлежали уже *всѣмъ*, — всѣмъ жившимъ въ коммунѣ болѣе года, по числу ѣдоковъ въ каждой семьѣ —включая дѣтей и стариковъ. Всякое различіе между „гражданами“ и „присельщиками“ исчезало. Общинная земля принадлежала *всѣмъ*. Это была цѣлая революція.

Что касается до другой половины закона 11-го іюня, то не смотря на всѣ льготы, установленныя въ пользу тѣхъ, кто требовалъ развёрстки (треть жителей могла навязать её остальнымъ двумъ-третямъ), развёрстка была сдѣлана лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, но далеко не вездѣ. Въ сѣверной Франціи, гдѣ мало было выгоновъ и луговъ, крестьяне охотно дѣлили мірскія угодья. Въ Бретани-же и въ Вандеѣ они сильно противились дѣлежу. Всѣ хотѣли удержать за собою права выгона и пастбища на невоздѣланныхъ земляхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много было раздѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Мозели, гдѣ развито виноградіе, 686 общинъ подѣлили свои земли (107 по душамъ, а 579 по семьямъ), и только 119 отказались отъ развёрстки; но въ департаментахъ центральной и западной Франціи, громадное большинство общинъ сохранило общинное землевладѣніе.

Вообще, крестьяне прекрасно понимали, что послѣ раздѣла бѣдныя семьи станутъ еще бѣднѣе и обратятся въ пролетаріевъ, а потому не торопились дѣлиться.

Нечего и говорить, что Конвентъ, котораго буржуазные члены такъ охотно говорили о несправедливости, о неравенствѣ, если закрѣпить за общинами ихъ

право на отобранныя у нихъ земли, — ровно ничего не предприняли, чтобы поровнять общины, вступавшія во владѣніе нѣкогда утраченными ими землями. Всѣ разговоры этихъ господъ о „бѣдныхъ общинахъ, которыя ничего не получатъ", были только предлогомъ, чтобы ничего не дѣлать и оставлять право на захваченныя мірскія земли за тѣми, кто ихъ захватилъ. Но когда представился случай предложить что-нибудь, чтобы устранить „несправедливость", о которой они такъ соболѣзновали, они ничего не предложили*).

Тѣ общины, которыя, не теряя времени, отобрали на дѣлъ у захватчиковъ свои исконныя земли, вступили въ обладаніе ими. Потомъ, когда наступила реакція, и вернувшіеся помѣщики снова вошли въ силу, имъ не удалось вернуть себѣ земли, отошедшія отъ нихъ по закону 11-го іюня. *Въ дѣйствительное, вещественное обладаніе ими*

*) Одинъ Пьеръ Бридэ представлялъ исключеніе (Bridet, «Observations sur le décret du 28 Août 1792». Paris, 1793). Онъ предложилъ, въ сущности, нѣчто сродное тому, что теперь называютъ націонализаціею земли. «Общинныя земли, писалъ онъ, представляютъ *національную собственность,* и поэтому несправедливо оставить нѣкоторыя общины въ обладаніи большаго количества земель, тогда какъ другія владѣютъ малымъ количествомъ». Онъ предлагалъ поэтому, забрать всѣ общинныя земли въ государственную собственность, и сдавать ихъ въ аренду — малыми участками, если найдутся съемщики, и большими, если не найдутся, допуская къ торгу *обывателей изъ сосѣднихъ округовъ.* Все это дѣло находилось бы въ завѣдываніи Директорій департаментовъ (родъ нашихъ губернскихъ земствъ), которыя, какъ мы уже говорили, представляли собою интересы зажиточныхъ классовъ. Этотъ проэктъ, очевидно не былъ принятъ. Такъ какъ земли каждой общины нанимались бы, преимущественно, крестьянами самой общины, — *что уже дѣлалось, причемъ сдатчиками были сами общины,* — и посторонніе наниматели являлись-бы только въ видѣ исключенія, — то весь проэктъ сводился къ слѣдующему: Чтобы позволить нѣсколькимъ буржуа, въ видѣ исключенія, снимать земли въ сосѣднемъ съ ихъ общиною округѣ, предлагалось, чтобы Государство съ его бюрократіей заступило мѣсто общинъ въ распоряженіи ихъ землями, — что позволило-бы всякимъ крупнымъ провинціальнымъ тузамъ обо-

уже вступили крестьяне, и отобрать ихъ правительство не рѣшилось. Тѣ-же общины, которыя этого не сдѣлали, такъ и остались ни причемъ.

Какъ только реакція взяла верхъ надъ революціонерами, какъ только возстаніе „послѣднихъ Монтаньяровъ", начатое 1-го прэріаля III-го года (20 мая 1795), было разбито, первою заботою Конвента, ставшаго тогда уже реакціоннымъ, было — уничтожить революціонные законы монтаньярскаго Конвента. 21-го прэріаля IV-го года (9 іюня 1796) выпущенъ былъ уже законъ, воспрещавшій возвратъ общинамъ отобранныхъ у нихъ земель*).

Годъ спустя, 21 мая 1797, выпущенъ былъ новый законъ, запрещавшій общинамъ отчуждать, или обмѣнивать свои угодья на основаніи законовъ 11 іюня и 24 августа 1793. Для каждаго отчужденія нужно было испрашивать впредь особый актъ. Этотъ законъ очевидно имѣлъ въ виду пріостановить грабёжъ общинныхъ земель, совершавшійся подъ видомъ раздѣла и доходившій, по окончаніи Революціи, до скандальныхъ размѣровъ.

гащаться на счетъ сельскихъ общинъ. На это сводился весь проэктъ. Но начинался онъ, конечно, съ идей общей справедливости, привлекательныхъ для соціалистовъ-горожанъ, плохо знакомыхъ съ трудовою жизнью деревень и плохо разбирающихся въ ней. Въ сущности, проэктъ стремился къ созданію, во имя государственной прямолинейности, массы другихъ несправедливостей и безчисленныя синекуры.

*) «Принимая во вниманіе, что приложеніе къ жизни закона 11-го іюня 1793 года возбудило множество жалобъ», что разборъ этихъ жалобъ взялъ бы слишкомъ много времени, и «что необходимо однако сейчасъ-же положить конецъ худымъ послѣдствіямъ буквальнаго приложенія закона 11 іюня 1793, нѣкоторыя неудобства котораго уже чувствуются;.... временно пріостанавливаются всѣ судебныя дѣла и преслѣдованія, вытекающія изъ сего закона, и всѣ теперешніе владѣльцы означенныхъ земель остаются временно во владѣніи оными». (Dalloz, IX, 195).

Наконецъ, еще позже, во время Наполеоновской имперіи, было сдѣлано нѣсколько попытокъ уничтожить законы Конвента объ общинныхъ земляхъ. Но, говоритъ г. Саньякъ (стр. 339) „всѣ попытки Директоріи, Консульства и Имперіи противъ законовъ Конвента проваливались жалкимъ образомъ“. Со стороны крестьянъ было столько установившихся интересовъ, что трудно было ихъ преодолѣть.

Вообще можно сказать, что общины, которыя на дѣлѣ вернулись въ дѣйствительное обладаніе землями, отобранными у нихъ со времени 1669-го года, большею частью остались во владѣніи этими землями. Тѣ-же, которыя этого не сдѣлали раньше іюня 1796-го года, ничего не получили.

Въ революціи имѣетъ силу только „совершившійся фактъ“.

L.

Окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ.

Какъ только уничтожена была королевская власть, Конвентъ, съ первыхъ-же своихъ засѣданій, долженъ былъ заняться феодальными правами. Но такъ какъ Жирондисты противились ихъ уничтоженію безъ выкупа, а сами не предлагали никакой системы выкупа, обязательной для помѣщиковъ, все оставалось по-прежнему. А между тѣмъ, вопросъ о феодальныхъ правахъ былъ главнымъ для большей половины населенія Франціи. — Освободится-ли, наконецъ, крестьянинъ? или-же его снова вернутъ подъ феодальное иго, и онъ будетъ по-прежнему голодать, какъ только закончится революціонный періодъ?

Черезъ девять дней послѣ того, какъ жирондистскіе главари были изгнаны изъ народнаго представительства, Конвентъ, какъ мы сейчасъ видѣли, выпустилъ законъ, возвращавшій общинамъ ихъ мірскія земли. Но онъ колебался еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ высказался по вопросу объ уничтоженіи феодальныхъ правъ. Только мѣсяцъ спустя (17-го іюля 1793-го года), рѣшился онъ нанести окончательный ударъ, которымъ Революція завершалась и узаконялась въ одной изъ двухъ главныхъ своихъ задачъ — въ окончательномъ уничтоженіи пережитковъ феодализма.

21-го января 1793-го года перестала существовать королевская власть. Теперь, 17-го іюля 1793, зако-

номъ уничтожались феодальныя права, — т. е. крѣпостная зависимость одного человѣка отъ другого.

Декретъ 17-го іюля 1793 былъ совершенно ясенъ. Различія, установленныя обоими предыдущими Собраніями между различными феодальными правами, въ надеждѣ сохранить хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ, теперь уничтожались. Всякое право владѣльца земли, имѣвшее феодальное происхожденіе, переставало существовать.

„Всѣ платежи бывшимъ помѣщикамъ, всѣ феодальныя права, какъ постоянныя, такъ и случайныя, даже тѣ, которыя утверждены были декретомъ минувшаго 25 августа, уничтожаются безъ всякаго выкупа", гласитъ статья 1-я декрета 17-го іюля 1793. Исключеніе есть только одно: остаются арендные платежи и обязательства *исключительно земельныя*, не феодальныя (ст. 2).

Такимъ образомъ, *истолковывать феодальную плату* (т. е. крѣпостное обязательство), *какъ арендную плату за землю*, какъ это сдѣлано было законами 1790-го и 1791-го года, — отмѣнялось безусловно. Мало того. Если какая-нибудь арендная плата, или какое-бы то ни было обязательство крестьянина имѣло феодальное происхожденіе (изъ временъ крѣпостного права), — каково-бы ни было наименованіе этой аренды или обязательства, — они уничтожались навсегда, безъ всякаго выкупа.

По закону 1790-го года выходило такъ, что если крестьянинъ нанималъ землю, съ обязательствомъ платить ежегодно столько-то, онъ могъ выкупить эту землю и стать ея собственникомъ, выплативши сумму равную двадцати или двадцати-пяти-лѣтней арендѣ. И крестьяне принимали это условіе. Но, прибавлялъ тотъ же законъ 1790-го года, если, кромѣ земельной ренты, помѣщикъ наложилъ когда-то на арендующаго крестьянина еще какой-нибудь платежъ или обязательство феодальнаго характера, — напр., налогъ на наслѣдство, или на продаваемые крестьяниномъ продукты, или какія-

нибудь ленныя обязательства (службы), или какое-бы то ни было личное обязательство (напр., обязательство пользоваться помѣщичьею мельницею, или его печью, или давиломъ для приготовленія вина, или же платежъ натурою части продаваемыхъ продуктовъ, или ограниченіе права продажи своего хлѣба не раньше извѣстнаго срока), или наконецъ платёжъ при прекращеніи аренды, или при продажѣ земли новому владѣльцу, — тогда арендаторъ обязанъ былъ выкупить и это феодальное обязательство, вмѣстѣ съ земельною рентою.

Теперь, Конвентъ поступалъ революціоннымъ путемъ. Онъ ничего знать не хотѣлъ обо всѣхъ этихъ феодальныхъ вымогательствахъ. Если крестьянинъ, арендующій вашу землю, несётъ какое-бы то ни было обязательство феодальнаго характера, какого-бы то ни было наименованія, — оно уничтожается безусловно. Или-же, вашъ арендаторъ платитъ вамъ ренту за землю, и въ этой рентѣ ничего нѣтъ феодальнаго; но, въ придачу къ этой рентѣ вы наложили на него какое-нибудь ленное обязательство, или личную повинность феодальнаго характера. Если такъ, то *онъ становится владѣльцемъ земли, ничего вамъ не выплачивая.*

Вы скажете, можетъ-быть, что обязательство было пустое, что оно просто выражало почётъ и не имѣло денежной цѣнности. Тѣмъ хуже. Вы, значитъ, хотѣли сдѣлать вассала изъ своего арендатора, — и вотъ теперь онъ сталъ вольнымъ владѣльцемъ земли, на которой лежало феодальное обязательство, родившееся изъ крѣпостнаго права. Нѣкоторыя частныя лица, говоритъ г. Саньякъ (стр. 147), „иные изъ чванства, другіе — въ силу обычая, тоже ввели такія обязательства: они внесли въ свои контракты, въ придачу къ рентѣ, скромныя обязательства феодальнаго характера“ — они просто „играли въ барина“.

Тѣмъ хуже для нихъ. Конвентъ, теперь, не спрашиваетъ ихъ, хотѣли-ли они только поиграть въ барина, или стать бариномъ взаправду. Онъ знаетъ, что всѣ феодальныя повинности сперва были скромныя, что не

помѣшало имъ стать впослѣдствіи очень тяжелыми. Во всякомъ случаѣ, такой договоръ носитъ слѣды крѣпостной зависимости, какъ всѣ тѣ, которыми помѣщики въ теченіе вѣковъ закрѣпощали крестьянъ,—и Конвентъ отдаётъ теперь эту землю крестьянину, не требуя отъ него никакого выкупа.

Болѣе того. Конвентъ велитъ (ст. 6), чтобы всѣ „акты, въ которые записаны феодальныя права, *были сожжены*". Помѣщики, нотаріусы, хранители земельныхъ сдѣлокъ, всѣ должны будутъ, не позже трехъ мѣсяцевъ, снести въ канцелярію своего муниципалитета всѣ эти акты и хартіи, гдѣ вписаны права одного класса надъ другимъ классомъ. Всё это будетъ сложено въ кучу и сожжено. То, что взбунтовавшіеся крестьяне дѣлали въ 1789-мъ году, рискуя быть за то повѣшенными, будетъ сдѣлано теперь въ силу революціоннаго закона.—„Пять лѣтъ въ цѣпяхъ — всякому хранителю такихъ актовъ, который будетъ уличенъ въ утайкѣ, похищеніи, или тайномъ храненіи записей, или выборокъ изъ записей". Многіе изъ этихъ договоровъ утверждали права государства на феодальныя земли, такъ какъ государство тоже имѣло, въ свое время, крѣпостныхъ, а потомъ—своихъ вассаловъ, т. е. крѣпостныхъ владѣльцевъ. Пусть такъ! Но феодальное право должно исчезнуть —и оно исчезнетъ. То, что Законодательное Собраніе сдѣлало относительно феодальныхъ титуловъ, уничтоживъ званія князя, графа, маркиза, — Конвентъ дѣлаетъ теперь по отношенію *къ имущественнымъ правамъ феодаловъ*.

Шесть мѣсяцевъ позже, 8-го плювіоза II года (27 января 1794), въ виду многочисленныхъ жалобъ, особенно нотаріусовъ, которые записывали въ той же книгѣ, нерѣдко на той-же страницѣ, договоры чисто земельные и обязательства феодальныя, — Конвентъ рѣшилъ пріостановить дѣйствіе 6-й статьи. Муниципалитетамъ было позволено хранить въ своихъ архивахъ записи смѣшаннаго характера. Но, помимо этого, законъ 17-го іюля 1793 оставался въ полной силѣ, и

Еще разъ, 29-го флореаля II года (18 мая 1794), Конвентъ подтвердилъ, что „всѣ аренды, имѣющія малѣйшую примѣсь феодализма", уничтожаются: земля переходитъ къ арендатору, безъ всякаго вознагражденія владѣльцу.

Что въ особенности заслуживаетъ вниманія, это то, что реакція не смогла уничтожить результатовъ этой громадной революціонной мѣры. Конечно, отъ писаннаго закона до его исполненія на мѣстѣ, на дѣлѣ, еще очень далеко. Поэтому, тамъ гдѣ крестьяне шли, какъ напримѣръ въ Вандеѣ, подъ начальствомъ помѣщиковъ и духовенства противъ республиканцевъ; тамъ гдѣ деревенскіе муниципалитеты остались въ рукахъ богатыхъ людей, — декреты 11-го іюня и 17-го іюля такъ и не были приложены къ дѣлу. Крестьяне не вернулись въ обладаніе своими мірскими землями. Они не вступили въ безвозмездное владѣніе землями, которыя снимали у помѣщиковъ на феодальномъ правѣ. Они не сожгли феодальныхъ актовъ. Они даже не покупали церковныхъ имуществъ, изъ боязни быть проклятыми Церковью.

Но въ доброй половинѣ Франціи крестьяне покупали церковныя земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже заставили продавать ихъ малыми участками. Они вступили безъ выкупа во владѣніе землями, которыя арендовали у своихъ бывшихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Они сажали Майскія деревья, плясали вокругъ нихъ и жгли на площади всѣ феодальныя бумаги. Они отнимали у монаховъ, у господъ, у буржуа, отобранныя, было, у нихъ общинныя земли. И въ такихъ мѣстностяхъ, реакція, когда она вернулась въ силу въ 1815-мъ году, ничего не смогла сдѣлать, чтобы уничтожить совершившуюся уже экономическую революцію.

Реакція началась уже 9-го термидора, т. е. 27-го августа 1794-го года, а съ нею начался и синій терроръ разбогатѣвшей буржуазіи. Затѣмъ пришла Директорія, пришло Консульство, и Наполеоновская Имперія. Послѣ пораженія Наполеона пришла въ 1813-мъ и затѣмъ въ 1815-мъ году бурбонская Реставрація, и

они смели почти всѣ демократическія учрежденія, установленныя Революціею. *Но земельная часть совершеннаго Революціею переворота осталась: она выдержала всѣ послѣдовательныя нападенія.* Реакція была въ силахъ уничтожить до нѣкоторой степени политическое дѣло Революціи; *но экономическое дѣло осталось. Осталась также новая нація, создавшаяся во время революціоннаго переворота.*

Еще одно нужно сказать. Когда мы изучаемъ экономическіе результаты Великой Революціи, какъ она совершалась во Франціи, мы постигаемъ громадную разницу, какая существуетъ между уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній, совершеннымъ бюрократически, самимъ-же феодальнымъ государствомъ (какъ оно было совершено въ Пруссіи послѣ 1848-го года, или же въ Россіи, въ 1861-мъ году), и уничтоженіемъ, совершеннымъ путемъ революціи. Въ Пруссіи и въ Россіи крестьяне заплатили за освобожденіе отъ феодальныхъ и крѣпостныхъ повинностей потерею значительной части нѣкогда принадлежавшихъ имъ земель, и выкупомъ остальныхъ на раззорительныхъ для нихъ условіяхъ. *Крестьяне впали въ бѣдность, чтобы получить землю, свободную отъ крѣпостныхъ обязательствъ,* тогда какъ помѣщики, сперва сопротивлявшіеся уничтоженію крѣпостнаго права, въ сущности извлекли изъ него — по крайней мѣрѣ въ плодородныхъ областяхъ — неожиданныя для себя выгоды. Кромѣ того, почти вездѣ въ Европѣ, кромѣ Франціи, освобожденіе крестьянъ увеличило государственную власть помѣщиковъ.

Только во Франціи (и вофранцузской Швейцаріи), гдѣ уничтоженіе феодальныхъ отношеній совершилось революціоннымъ путемъ, переворотъ обратился противъ экономической и политической касты бывшихъ рабовладѣльцевъ, на пользу громадной массѣ крестьянъ.

Вотъ урокъ Великой Французской Революціи. Для достиженія этого, ей потребовалось четыре года. *Революціи* не дѣлаются, ни въ одинъ день, ни даже въ нѣсколько мѣсяцевъ. Нужно время для *развитія* ихъ требованій и для *осуществленія* этихъ требованій.

LI.

Національныя имущества.

Переворотъ 31-го мая оказалъ также вліяніе на продажу національныхъ имуществъ, конфискованныхъ у Церкви и у дворянъ. До тѣхъ поръ, продажа этихъ имуществъ шла, больше всего, на пользу зажиточной буржуазіи. Теперь-же Монтаньяры приняли нѣкоторыя мѣры, чтобы тѣ, кто самъ хотѣлъ работать на землѣ, тоже могли покупать эти земли.

(Когда началась продажа имѣній, конфискованныхъ у Церкви, часть изъ нихъ начали, было, дѣлить на мелкіе участки, и покупателямъ давалось двѣнадцать лѣтъ разсрочки для уплаты покупной цѣны ежегодными взносами. Но, по мѣрѣ того, какъ усиливалась реакція 1790-го и 1791-го года, постановка этого дѣла начала измѣняться на пользу крупной буржуазіи.) Кромѣ того, такъ какъ Государство нуждалось въ деньгахъ, то надо было торопиться продажею, и земли предпочитали продавать тѣмъ, кто покупалъ большія имѣнія цѣликомъ, — хотя-бы даже съ цѣлью перепродажи и спекуляціи, — лишь бы сразу вносились большія суммы. Крестьяне, конечно, составляли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ товарищества, чтобы сообща покупать имѣнія; но законодатели недружелюбно относились къ

такимъ товариществамъ, и громадная доля національныхъ имуществъ перешла въ руки скупщиковъ, спекуляторовъ. Мелкіе землевладѣльцы, а тѣмъ болѣе батраки и ремесленники, жившіе по деревнямъ, и вообще бѣдные жаловались; но Законодательное Собраніе не обращало никакого вниманія на ихъ жалобы*).

Уже во многихъ наказахъ 1789-го года высказывалось желаніе, чтобы казенныя земли и земли „мертвой руки“ вокругъ Парижа были разбиты на участки и сдавались въ аренду по двѣ и по три десятины. Въ провинціи Артуа требовали даже, чтобы размѣры фермъ не превосходили извѣстной величины (Саньякъ, стр. 80). Но, какъ справедливо замѣтилъ уже Авенэль, „ни въ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому предмету въ Собраніи, ни въ изданныхъ законахъ, нигдѣ нѣтъ ни слова въ пользу безземельныхъ.... Никто не предложилъ въ Собраніи организаціи народнаго кредита, чтобы бѣдные люди могли бы пріобрѣсти, хотя частицу земли.... Никакого вниманія не было обращено даже на желаніе, высказанное нѣкоторыми газетами, въ томъ числѣ и офиціальнымъ *Монитеромъ*, которыя предлагали чтобы половина пущенныхъ въ продажу имуществъ была раздѣлена на участки цѣною въ 5000 франковъ, съ цѣлью создать такимъ образомъ мелкихъ землевладѣльцевъ“**). Участки покупались, либо тѣми изъ крестьянъ, которые уже имѣли свою землю, либо буржуа изъ города, — что было встрѣчено очень враждебно въ Бретани и Вандеѣ, и послужило впослѣдствіи, когда вернулись Бурбоны въ 1815 году, сильнымъ оружіемъ реакціи противъ республиканскихъ и вообще передовыхъ воззрѣній.

---

*) Ph. Sagnac, «La législation civile de la Révolution Française», стр. 177.

**) Avenel, «Lundis révolutionnaires», стр. 29—30; Карѣевъ, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти xviii вѣка“. Москва, 1879, стр. 470.

Но вотъ, народъ возсталъ 10-го августа. Тогда, подъ угрозами народнаго движенія, Законодательное Собраніе постаралось успокоить недовольство и приказало, чтобы земли, отобранныя у эмигрантовъ (лучшія церковныя земли уже были распроданы), были разбиты на участки отъ одной до двухъ десятинъ, и продавались „въ вѣчность, за уплату постоянной ренты, платимой деньгами". Впрочемъ тѣмъ, кто платилъ капитальную сумму наличными, всё-таки давалось предпочтеніе.

3-го іюня 1793 года, т. е. на другой-же день послѣ изгнанія изъ Конвента жирондистскихъ вождей, Конвентъ обѣщалъ выдѣлить около полъ-десятины земли каждой пролетарской семьѣ въ деревняхъ. Нѣкоторые представители Конвента, разосланные по провинціямъ съ обширными полномочіями, такъ и поступали: они раздавали самымъ бѣднымъ крестьянамъ небольшіе участки земли. Но только 2-го фримера II-го года (22 ноября 1793) Конвентъ постановилъ, что національныя имущества, пускаемыя въ продажу, необходимо должны быть разбиваемы на возможно мелкіе участки. При продажѣ имѣній, отобранныхъ у эмигрантовъ, были также выработаны условія, выгодныя для бѣдныхъ, и они удержались вплоть до 1796 года, когда вернувшаяся реакція уничтожила ихъ.

Нужно впрочемъ сказать, что финансы Республики всё время оставались въ самомъ жалкомъ положеніи. Налоги, конечно, поступали очень плохо, а война поглощала милліарды и милліарды. Ассигнаціи колебались въ цѣнѣ, и въ такихъ условіяхъ Казнѣ необходимо было, какъ можно скорѣе выручать наличныя деньги отъ продажи государственныхъ имуществъ, чтобы погашать соотвѣтственное число ассигнацій. Поэтому, всѣ правители — Монтаньяры, точно также какъ и Жирондисты — гораздо менѣе думали о крестьянахъ, чѣмъ о немедленной реализаціи наибольшихъ суммъ денегъ. Предпочтеніе всегда отдавалось тому, кто платилъ деньгами при покупкѣ земель; и благодаря этому, со-

ставлялись такъ-называемыя „чёрныя банды“ скупщиковъ и спекуляторовъ.

И всё-таки, при всемъ томъ, несмотря на всѣ спекуляціи и злоупотребленія, продажи совершались въ значительномъ количествѣ и малыми участками. На ряду съ крупными буржуа, которые сразу нажились на покупкѣ національныхъ имуществъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, особенно восточныхъ, громадныя количества земель перешли, какъ это доказалъ профессоръ Лучицкій, въ руки бѣдныхъ крестьянъ. Въ этихъ областяхъ совершилась настоящая революція въ распредѣленіи земельной собственности.

Кромѣ того, Революція постаралась также нанести прямой ударъ классу большихъ собственниковъ изъ аристократіи и разрушить крупную собственность вообще, уничтожая право первородства при наслѣдованіи. Съ этою цѣлью, (уже 15-го марта 1790-го года было отмѣнено феодальное законодательство о наслѣдствахъ, въ силу котораго всё имѣніе передавалось одному только изъ потомковъ — обыкновенно, старшему сыну. Затѣмъ, годъ спустя, по закону 8—15 апрѣля 1791, всякое неравенство въ доляхъ наслѣдства окончательно отмѣнялось.) „Всѣ наслѣдники въ равной степени родства наслѣдуютъ *равныя доли* имуществъ, переходящихъ къ нимъ по закону“, говорилось въ этомъ законѣ. Затѣмъ, число наслѣдниковъ было увеличено зачисленіемъ въ законные наслѣдники болѣе далекихъ родственниковъ и незаконныхъ дѣтей; и наконецъ, (7-го марта 1793, Конвентъ уничтожилъ самое „право завѣщанія и дарственной записи“) — „Всѣ потомки будутъ имѣть право на равныя части имущества“, гласилъ этотъ законъ.

Такимъ образомъ дробленіе имуществъ становилось обязательнымъ, по крайней мѣрѣ при наслѣдованіи.

Каковы были послѣдствія этихъ трехъ крупныхъ мѣръ: уничтоженія феодальныхъ правъ безъ выкупа,

возвращенія общинамъ ихъ мірскихъ земель, и продажи имуществъ, отобранныхъ у духовенства и у эмигрантовъ? Какъ повліяли онѣ на распредѣленіе земельной собственности? — Этотъ вопросъ обсуждаютъ до сихъ поръ, и отвѣты на него остаются разнорѣчивыми. Можно даже сказать, что отвѣты получаются различные, смотря по тому, какую часть Франціи преимущественно изучалъ тотъ или другой изслѣдователь*).

Но одно выступаетъ ярко, и въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. *Земельная собственность разбилась на болѣе мелкіе участки;* тамъ же, гдѣ Революція увлекла за собою массы народа, *большія количества земель перешли, на несомнѣнно выгодныхъ условіяхъ, крестьянамъ.* И вездѣ, повсемѣстно, застарѣлая черная нужда, нищета и голодовки, обычныя при „старомъ порядкѣ", начали исчезать. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ уже не было тѣхъ хроническихъ голодовокъ, какими отличался восемнадцатый вѣкъ.

До Революціи, голодъ свирѣпствовалъ каждый годъ, въ той или другой части Франціи. Крестьяне жили тогда такъ, какъ теперь живутъ въ Россіи. Сколько бы ни работалъ крестьянинъ надъ своей землей, у него не хватало хлѣба отъ одной жатвы до другой. — Пахалъ онъ плохо; сѣмяна были изъ-рукъ вонъ плохи; скотина была оголодалая, мелкая, истощенная недоѣданіемъ, и не давала нужнаго удобренія. Изъ-года въ годъ урожаи становились все хуже да хуже.

Но вотъ пришла Революція. Ея ураганъ былъ ужасенъ. Страданія, которыя вынесъ народъ во время Революціи — особенно вслѣдствіе войны, — доходили

*) Въ Котъ д'Орѣ, церковныя имущества были скуплены преимущественно среднимъ сословіемъ, а не крестьянами. Земли-же эмигрантовъ, въ той-же области, были куплены преимущественно крестьянами. Въ Ланнэ (Laonnais), крестьяне больше скупили церковныхъ земель, чѣмъ буржуа, тогда какъ земли эмигрантовъ распредѣлились приблизительно поровну между крестьянами и буржуазіей. Въ Сѣверной части Франціи, много земель было куплено товариществами крестьянъ (Саньякъ, стр. 188).

до отчаяннаго напряженія. По временамъ казалось, что пропасть, открытая передъ Франціею, сожрётъ её! А послѣ Революціи пришла Директорія, съ ея безумною роскошью нажившейся буржуазіи, а затѣмъ — ужасныя войны Наполеоновской Имперіи. Въ 1814-мъ году возвратились Бурбоны, посаженные на французскій престолъ коалиціею иностранныхъ королей и императоровъ. А съ ними пришелъ Бѣлый Терроръ, еще болѣе ужасный, чѣмъ Красный Терроръ. И люди поверхностные спѣшатъ вывести заключеніе:—„Вы видите сами, говорятъ они, что революціи ни къ чему не ведутъ!“

Но есть двѣ вещи, которыхъ никакая реакція не могла измѣнить. Франція была настолько демократизована Революціею, что человѣкъ прожившій нѣсколько времени во Франціи, если онъ живетъ потомъ въ любой другой странѣ,—Англіи, Германіи, Бельгіи и т. д., не можетъ постоянно не замѣчать, что въ этихъ странахъ еще не совершилась Великая Революція. Крестьянинъ, во Франціи, сталъ человѣкомъ. Онъ болѣе не тотъ „дикій звѣрь“, котораго описывалъ Ла-Брюйеръ. Онъ сталъ мыслить. Но и самый видъ деревенской Франціи въ корень измѣнился со времени Революціи, и даже Бѣлый Терроръ не смогъ вернуть крестьянина подъ прежнее иго. Конечно, во Франціи, какъ и вездѣ, осталось еще слишкомъ много бѣдности. Но эта бѣдность — богатство по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ была Франція полтораста лѣтъ тому назадъ, и съ тѣмъ, что мы видимъ до сихъ поръ въ другихъ странахъ, оставшихся при старыхъ земельныхъ порядкахъ.

LII.

Борьба съ голодомъ. — Законъ о Максимумѣ. — Ассигнаціи.

Для всякой революціи, однимъ изъ главныхъ затрудненій является вопросъ, — какъ прокормить большіе города? Большіе города представляютъ теперь центры различныхъ отраслей промышленности, работающихъ, главнымъ образомъ, для удовлетворенія потребностей богатыхъ людей и для вывоза за-границу; и въ обѣихъ этихъ отрасляхъ, какъ только начинается революціонное броженіе, производство сокращается. Открывается кризисъ; и тогда выступаетъ грозный вопросъ: — какъ прокормить большіе города и крупные промышленные центры?

Такъ и было во Франціи въ эти годы. Эмиграція, война, — особенно война съ Англіею, пріостановившая вывозъ и морскую торговлю, которою жили Марсель, Нантъ, Бордо, Ліонъ и т. д., наконецъ, чувство, общее всѣмъ богатымъ — боязнь выказывать свое богатство во время революціи, — все это быстро сократило производство предметовъ роскоши и торговлю ими.

Крестьяне, особенно, тѣ, которые овладѣли землею, работали упорно надъ нею. „Никогда еще не было такой пахоты, какъ осенью 1791 года", говоритъ Мишлэ. И если бы урожай былъ хорошій въ 1791-мъ, 1792-мъ и 1793-мъ году, въ хлѣбѣ не было бы недостатка. Но съ 1788-го года, во всей Европѣ, а въ особенности въ Франціи, переживали рядъ неурожайныхъ годовъ: зимы стояли холодныя, а лѣтомъ мало было солнца. Въ сущности, за всѣ эти годы былъ только одинъ урожайный годъ, 1793 й, и то только въ половинѣ Франціи. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ былъ даже избытокъ хлѣба. Но когда этотъ избытокъ, а равно и перевозочныя средства потребовались для войны, — въ большой половинѣ Франціи начался голодъ. Мѣшокъ пшеницы, стоившій до того 50 ливровъ (франковъ) въ Парижѣ, дошелъ до 60-и ливровъ въ февралѣ 1793 года, до 100 и до 150-ти въ маѣ.

Хлѣбъ, стоившій прежде три су за фунтъ (около 6 коп.), поднялся теперь до шести су, и даже до восьми су въ городкахъ около Парижа. На югѣ, гдѣ хлѣба плохо родятся, изъ-за засухи, стояли совсѣмъ голодныя цѣны: хлѣбъ доходилъ до 10-и и до 12-ти су за фунтъ. Въ городѣ Клермонѣ, въ Пюи-де Домѣ, за фунтъ хлѣба платили 16 и 18 су (32 и 36 копѣекъ). —„Въ нашихъ горахъ терпятъ самую жестокую нужду", писали въ *Монитерѣ* 15-го іюня 1793. „Администрація раздаетъ по гарнцу пшеницы на душу, и каждому приходится ждать два дня своей очереди".

Такъ какъ въ началѣ 1793-го года, Конвентъ еще ничего не предпринималъ, то въ восьми департаментахъ вспыхнули возстанія, и народъ самъ сталъ назначать таксу на хлѣбъ и другіе припасы. Всесильные комиссары Конвента были вынуждены тогда уступать передъ возставшимъ народомъ и стали назначать таксу, требуемую населеніемъ. Быть хлѣботорговцемъ, стало опаснымъ занятіемъ.

Въ Парижѣ, вопросъ о томъ, какъ прокормить 600.000 человѣкъ, дошелъ до полнаго трагизма. Дѣйствитель-

но, если бы хлѣбъ остался на той высокой цѣнѣ, до которой онъ доходилъ нѣкоторое время, неизбѣжно произошло бы возстаніе, и тогда, развѣ только картечью буржуазія могла-бы остановить народъ отъ грабежа. Поэтому, Парижская Коммуна, — все болѣе и болѣе должая государству, — тратила каждый день отъ 12.000 до 75.000 ливровъ, чтобы снабжать хлѣбниковъ мукою и удерживать хлѣбъ въ извѣстной цѣнѣ. Правительство же, съ своей стороны, назначало, сколько зерна каждый департаментъ и каждый кантонъ (волость) должны были доставить въ Парижъ. Но сельскія дороги были въ ужасномъ видѣ, и лошади были отобраны на военныя потребности.

Всѣ цѣны росли въ той же пропорціи. Фунтъ мяса, стоившій прежде пять или шесть су, продавался теперь за 20 су (около 40 коп.); за сахаръ платили до девяносто су за фунтъ, за сальную свѣчку — семь су.

Сколько ни принимали мѣръ строгости противъ спекуляторовъ, ничто не помогало. Послѣ изгнанія Жирондистовъ, Коммуна добилась отъ Конвента закрытія Парижской биржи (27-го іюня 1793); но это не остановило биржевой игры, и спекуляторы, одѣтые въ особый нарядъ, собирались кучами въ Пале-Роялѣ и ходили бандами по улицамъ, вмѣстѣ съ публичными женщинами, насмѣхаясь надъ нищетою народа.

8-го сентября 1793 года, Парижская Коммуна, доведенная наконецъ до озлобленія, велѣла опечатать всѣ банкирскія конторы и конторы „торговцевъ деньгами“. Сенъ-Жюстъ и Лебá (Lebas), посланные Конвентомъ въ департаментъ Нижняго Рейна, приказали уголовному суду снести дома каждаго, кто будетъ уличенъ въ ажіотажѣ на ассигнаціи (перекупка денежныхъ знаковъ для перепродажи). Но спекуляторы, конечно, находили тогда новые пути.

Въ Ліонѣ, положеніе было еще хуже, чѣмъ въ Парижѣ, такъ какъ муниципалитетъ, въ которомъ засѣдало не мало Жирондистовъ, не принималъ никакихъ

мѣръ, чтобы помочь народной нуждѣ. — „Теперешнее населеніе Ліона доходитъ, по меньшей мѣрѣ, до 130.000 душъ“, писалъ Конвенту его комиссаръ, Колло́ д'Эрбоа, отъ 7-го ноября 1793. „Наше положеніе по отношенію къ провіанту — отчаянное.... Скоро начнется голодъ“. И во всѣхъ большихъ городахъ было тоже самое.

Конечно, много трогательной самоотверженности проявлялось во время этого голода. Такъ, напримѣръ, парижскія секціи Монмартръ и Вооруженнаго Человѣка постановили гражданскій шести-недѣльный постъ*); а Мелье нашелъ въ Національной библіотекѣ постановленіе секціи Обсерваторіи, отъ 1-го февраля 1792, которымъ зажиточные граждане секціи взаимно обязывались другъ передъ другомъ, „не употреблять ни сахара, ни кофе, пока цѣны на нихъ не упадутъ настолько, чтобы позволить ихъ братьямъ изъ болѣе бѣднаго класса тоже доставлять себѣ это удовольствіе“. (Meillé, стр. 302, примѣчаніе). Позднѣе, въ февралѣ и мартѣ 1794 года, когда говядина высоко поднялась въ цѣнѣ, всѣ патріоты Парижа рѣшили больше не ѣсть мяса.

Но все это, конечно, имѣло только нравственное значеніе среди всеобщей голодовки. Нужна была какая-нибудь общая мѣра, и Конвентъ былъ принужденъ народомъ принять её въ маѣ. Уже 16-го апрѣля 1793 управленіе департаментомъ, къ которому принадлежалъ Парижъ, обратилось въ Конвентъ съ просьбою назначить *максимумъ* цѣнъ, по которымъ позволялось продавать зерновой хлѣбъ; и, послѣ серьознаго обсужденія, не смотря на ожесточенную оппозицію Жирондистовъ, Конвентъ издалъ 3-го мая 1793, декретъ, которымъ опредѣлялись высшія цѣны на зерновой хлѣбъ.

Основная мысль этого закона была, привести фермеровъ и потребителей, по возможности, въ прямое сно-

*) Buchez et Roux, томъ XXXVII, стр. 12.

шеніе между собою, помимо всякихъ посредниковъ. Ради этого, всякій кто имѣлъ зерновой хлѣбъ для продажи и всякій хлѣботорговецъ должны были объявить въ своемъ муниципалитетѣ, сколько у нихъ было разныхъ хлѣбовъ. Хлѣба и муку позволялось продавать только въ общественныхъ рынкахъ, на то предназначенныхъ; но потребителямъ предоставлялось также покупать зерновой хлѣбъ непосредственно у хлѣботорговцевъ и у землевладѣльцевъ, но только на одинъ мѣсяцъ, и то—заручившись предварительно свидѣтельствомъ изъ своего муниципалитета. Среднія цѣны, стоявшія на разные сорты хлѣба отъ 1-го января до 1-го мая 1793 года, становились теперь максимальными цѣнами, выше которыхъ никто не смѣлъ продавать. Эти цѣны должны были постепенно опускаться до 1-го сентября. Лицо, продавшее или купившее хлѣбъ выше установленной цѣны, подвергалось штрафу. Тому-же, кто былъ бы уличенъ, что умышленно испортилъ, или зарылъ зерновой хлѣбъ, или муку (и это дѣлалось, не смотря на голодъ) — тому полагалась смертная казнь.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нашли, что лучше установить одну цѣну на зерновой хлѣбъ во всей Франціи, и 4-го сентября 1793, Конвентъ установилъ цѣну на сентябрь мѣсяцъ*).

Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ законъ о *максимумѣ*, противъ котораго столько возставали, и за который роялисты и Жирондисты такъ упрекали Монтаньяровъ. То была мѣра, вынужденная необходимостью; но её тѣмъ болѣе не могли простить Монтаньярамъ, что нѣкоторые изъ нихъ, за-одно съ народомъ, требовали, чтобы такса была установлена не только на зерновой и на печёный хлѣбъ, но также и на всѣ предметы *первой и второй необходимости*. — „Если общество, говорили они, беретъ на себя защиту жизни гражданъ, то не обязано-ли оно также защищать его отъ тѣхъ,

*) 14 ливровъ за quintal пшеницы.

которые покушаются на жизнь людей, вступая въ соглашеніе, чтобы лишить ихъ припасовъ, необходимыхъ для жизни?"

Борьба загорѣлась жестокая по этому вопросу, такъ какъ Жирондисты и многіе Монтаньяры были совершенно противъ всякой таксы на припасы, находя её „неполитичной, непрактичной и опасной"*). Но общественное мнѣніе взяло верхъ, и 29-го сентября 1793 Конвентъ рѣшился установить Максимумъ цѣнъ для предметовъ „первой и второй необходимости".

Это рѣшеніе было впрочемъ такъ неизбѣжно, что уже при самомъ началѣ Революціи, въ 1789-мъ году, вопросъ, — не слѣдуетъ-ли запретить вывозъ зернового хлѣба, устроить общественные магазины и установить таксу на зерновой хлѣбъ и мясо, былъ уже поднятъ, какъ революціонерами, такъ и государственными людьми умѣреннаго лагеря. Нѣкоторые города, какъ напримѣръ Гренобль, уже въ сентябрѣ 1789 года, рѣшили сами закупать нужный имъ хлѣбъ и принять серьёзныя мѣры строгости противъ скупщиковъ. Уже съ тѣхъ поръ стали печататься массы брошюръ по этому вопросу.

Какъ только собрался Конвентъ, требованія максимальной таксы стали выражаться все настойчивѣе**), и Совѣтъ Парижскаго департамента собралъ представителей всѣхъ Коммунъ этого департамента, чтобы обсудить вопросъ о Максимумѣ. Въ результатѣ рѣшено было представить въ Конвентъ, отъ имени всего народа парижскаго департамента, прошеніе, требовавшее установленія таксы на зерновые хлѣба.

*) См. Коллекцію, „Историческая библіотека Революціи", въ Британскомъ музеѣ, гдѣ брошюры о Припасахъ (Subsistances) занимаютъ томы 473, 474 и 475.

**) Въ числѣ позднѣйшихъ брошюръ слѣдуетъ отмѣтить брошюру Моморо, въ которой развивались коммунистическія начала: „Opinion de Momoro.... sur la fixation du maximum des prix des grains dans l'universalité de la République française".

Конвентъ призналъ, какъ мы сейчасъ видѣли, справедливость этого требованія. Такса была установлена на зерновые хлѣба, и также на рядъ другихъ предметовъ первой и второй необходимости. Мясо, скотъ, сало, прованское масло, рыба, уксусъ, водка и пиво входили въ этотъ разрядъ. Различные виды топлива, свѣчи, свѣтильное масло, соль, мыло, сахаръ, мѣдь, бѣлая бумага, металлы, пенька и ленъ, ткани, холсты, деревянные башмаки, обувь вообще, табакъ, и сырьё, употребляемое на фабрикахъ, были также включены въ списокъ предметовъ, для которыхъ назначалась такса, срокомъ на одинъ годъ. Высшія для нихъ цѣны опредѣлялись по цѣнамъ, стоявшимъ въ 1790-мъ году (какъ онѣ были занесены въ рыночныя таблицы); къ нимъ прибавлялась одна-треть, за вычетомъ акциза, которому онѣ были подвержены (законъ 29 сентября 1793).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Конвентъ выпустилъ законъ и противъ наёмнаго труда, и вообще противъ бѣдныхъ. Онъ постановилъ, что „максимумъ, или вообще самая высокая заработная плата, жалованье и поденная плата, будутъ установлены общинными совѣтами, срокомъ на одинъ годъ, по той цѣнѣ, какая стояла въ 1790-мъ году, съ прибавкою половины этой цѣны".

Очевидно, на этомъ дѣло не могло остановиться. Разъ Франція отказывалась отъ системы полнаго произвола въ торговлѣ и, слѣдовательно спекуляціи, неизбѣжно вытекающей изъ этого произвола, — она уже не могла удовлетвориться такими робкими попытками. Она должна была идти дальше на пути *коммунализаціи торговли*, каковы бы ни были препятствія, которыя встрѣтятъ эти начинанія.

Дѣйствительно, 11-го брюмэра II-го года (1-го ноября 1793), Конвентъ, на основаніи доклада Барѐра, нашелъ, что назначать цѣны, по которымъ товары должны были продаваться въ розничной торговлѣ, значило, „накладывать налогъ на мелкую торговлю, въ

пользу фабричнаго предпринимателя". Тогда была высказана мысль, что для того чтобы устанавливать цѣны каждаго изъ товаровъ, поименованныхъ въ предыдущемъ декретѣ, нужно было знать „цѣнность каждаго товара на мѣстѣ производства". Если тогда прибавить 5% прибыли для оптоваго торговца и 5% для розничной торговли, и еще столько-то по-верстной платы за перевозку товара, можно будетъ установить истинную цѣну, по которой каждый товаръ слѣдуетъ продавать.

Въ виду этого начато было громадное разслѣдованіе, имѣвшее цѣлью опредѣлить одинъ изъ элементовъ цѣнности (стоимость производства). Но къ сожалѣнію оно не могло быть доведено до конца, такъ какъ 9-го термидора (27 августа 1794) восторжествовала реакція, и все это было оставлено. Третьяго нивоза III-го года (23-го декабря 1794), послѣ бурныхъ преній, начатыхъ термидорцами уже съ 8-го ноября, законы о максимумѣ были отмѣнены.

Въ результатѣ получилось страшное паденіе ассигнацій. Въ торговлѣ стали давать только 19 ливровъ серебромъ за 100 ливровъ бумажками; полгода спустя курсъ упалъ уже до двухъ ливровъ за сто, и до пятнадцати су въ ноябрѣ 1795-го года. Случалось платить до ста ливровъ за пару башмаковъ, и до шести тысячъ за поѣздку въ каретѣ*).

Мы говорили уже раньше, что съ цѣлью покрыть государственные расходы Неккеръ заключилъ, было, 9-го и 27-го августа 1789 года, два займа, въ тридцать и въ восемьдесятъ милліоновъ. Эти займы, однако, не удались, и онъ добился отъ Учредительнаго Собранія чрезвычайнаго, единовременнаго налога, равнаго четверти годоваго дохода каждаго гражданина. Государству грозило банкротство, и Собраніе, увлеченное Мирабо, провотировало этотъ налогъ. Но налогъ при-

*) Объ истинныхъ причинахъ этой дороговизны — умышленно вызванной, см. Avenel «Lundis révolutionnaires», гл. III.

несъ очень мало*). Тогда, какъ мы видѣли, явилась мысль конфисковать имѣнія духовенства, составить изъ нихъ фондъ національныхъ имуществъ и пустить ихъ въ продажу, выпуская ассигнаціи, которыя будутъ выкупаться по мѣрѣ того, какъ деньги будутъ поступать за проданныя имущества. Количество ассигнацій, выпускаемое каждый разъ, опредѣлялось цѣнностью имуществъ, пущенныхъ въ продажу. Эти ассигнаціи приносили проценты, и обращеніе ихъ было обязательное.

Спекуляторы, очевидно, стремились неизмѣнно понижать курсъ ассигнацій; но его удавалось поддерживать болѣе или менѣе, пока максимальныя цѣны на главные припасы и предметы первой необходимости опредѣлялись муниципалитетами. Но, какъ только реакція, начавшаяся послѣ 9-го термидора, отмѣнила законъ о максимумѣ, ассигнаціи начали падать въ цѣнѣ съ ужасающей быстротой. Легко представить себѣ, сколько нищеты причинило тогда паденіе ассигнацій тѣмъ, кто жилъ изо дня въ день.

Реакціонные историки всегда старались запутать этотъ вопросъ, также какъ и многіе другіе; но несомнѣнно то, что великое паденіе курса на ассигнаціи совершилось только послѣ закона 23-го декабря 1794 года, которымъ уничтожался максимумъ.

Въ тоже самое время Конвентъ, въ которомъ властвовали уже термидорцы (Жирондисты съ роялистами), началъ выпускать такія громадныя количества ассигнацій, что съ 6.420 милліоновъ, находившихся въ обращеніи 13-го брюмэра III-го года (3-го ноября 1794), эта цифра почти удвоилась и поднялась, восемь мѣсяцевъ спустя (т. е. къ 13-му іюля 1795), до двѣнадцати милліардовъ (12.000.000.000) ливровъ.

---

*) Вообще во все время революціи налоги уплачивались очень плохо. Въ февралѣ 1793, въ казначейство еще ничего не поступило изъ поземельныхъ налоговъ и изъ налоговъ на движимость за предыдущій годъ, а за 1791-й годъ поступила только половина, т. е. всего около 150-и милліоновъ. Всѣ остальныя поступленія получались такъ же неаккуратно.

Кромѣ того, князья королевскаго дома, а въ особенности графъ д'Артуа, — въ силу королевскаго указа, выпущеннаго ими 20-го сентября 1794-го года и скрѣпленнаго графомъ Жозефомъ де-Пюизэ и Шевалье де Тентеньякомъ,—устроили въ Англіи мануфактуру ассигнацій, „во всемъ сходныхъ съ тѣми, которыя выпущены, или будутъ выпущены Собраніемъ, именующимъ себя Національнымъ Конвентомъ". Вскорѣ, въ мануфактурѣ работало уже 70 рабочихъ, и графъ Пюизэ писалъ комитету бретонскаго возстанія: „Въ скоромъ времени вы будете получать по милліону въ день, затѣмъ по два и т. д.".

Мало того. Уже 21-го марта 1794 года, во время преній въ англійской Палатѣ Общинъ, извѣстный Шериданъ указывалъ на существованіе въ Англіи фабрики фальшивыхъ ассигнацій, основанной министромъ Питтомъ, а Тэйлоръ объявлялъ, что самъ видѣлъ собственными глазами сфабрикованныя въ этой мануфактурѣ ассигнаціи. Значительныя количества этихъ бумагъ предлагались во всѣхъ большихъ городахъ Европы въ обмѣнъ на векселя*).

Но если бы реакція ограничилась только этими средствами! На дѣлѣ же реакціонеры систематически скупали въ цѣляхъ спекуляціи, жизненные припасы; они скупали, напримѣръ, заранѣе всю жатву, и со страстью предавались аѳіотажу на ассигнаціи**).

ратно.— Думаютъ иногда, что революціи легко было сдѣлать экономіи на администраціи, уменьшивши число чиновниковъ. Но этого несомнѣнно не было въ государственной революціи 1789—1793 годовъ: она каждый годъ расширяла обязанности государства. Народное образованіе, судьи оплаченные государствомъ, выборная администрація на жалованіи, громадная армія и т. д. требовали каждый годъ все бо́льшихъ и бо́льшихъ расходовъ.

*) См. „Исторію революціи" Луи Блана, кн. XIII. гл. IV, гдѣ дана прекрасная исторія максимума; также Avenel „Lundis révolutionnaires".

**) Письма, писавшіяся изъ Англіи роялистами своимъ агентамъ во Франціи, обличаютъ средства, къ которымъ

Понятно, поэтому, что уничтоженіе максимума повлекло за собою такое невѣроятное повышеніе всѣхъ цѣнъ—и это, во время голода. Невольно спрашиваешь себя, какъ могла Франція пережить такой страшный кризисъ, не погибнувши окончательно?

прибѣгали спекуляторы. Такъ, мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ: —„Поднимите курсъ до 200 ливровъ (франковъ) за фунтъ стерлингъ (25 франковъ). Нужно какъ можно больше дискредитировать ассигнаціи, и не принимать тѣхъ, на которыхъ нѣтъ королевскаго портрета. *Заставьте подняться цѣны на всѣ припасы. Прикажите вашимъ агентамъ-купцамъ скупать всѣ предметы первой необходимости.* Если вы сможете убѣдить Котт...ти скупать сало и свѣчи во что бы то ни стало, доведите продажную цѣну до 5-ти франковъ за фунтъ. Милордъ очень доволенъ тѣмъ, какъ дѣйствовалъ Б. т. ц. [Баронъ Батцъ]. *Мы надѣемся, что убійства будутъ дѣлаться съ осторожностью.* Переодѣтые священники и женщины—самые подходящіе для этой операціи". (A. Thiers, «Histoire de la Révolution française», т. III, стр. 144—145).

LIII.

Контръ-революція въ Бретани. — Убійство Марата.

Подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападенію всѣхъ монархій, соединившихся противъ нея въ самый разгаръ начатой ею перестройки своихъ учрежденій, Франція переживала чрезвычайно трудное, опасное время. И, только изучая это время во всѣхъ его подробностяхъ, въ мелочахъ обыденной жизни, и прослѣживая изо дня въ день страданія, пережитыя французскимъ народомъ, можно понять всю преступность богатыхъ, когда они, ради сохраненія своего привилегированнаго положенія, не задумались призвать себѣ на помощь иностранное нашествіе и подвергнуть Францію всѣмъ ужасамъ гражданской войны.

И вотъ, жирондистскіе главари, исключенные изъ Конвента 2-го іюня 1793, тоже не задумались отправиться въ провинціи и тамъ раздувать огонь гражданской войны, при поддержкѣ роялистовъ и иностраннаго вторженія.

Изгнавши изъ своей среды тридцать-одного жирондистскаго депутата, Конвентъ подвергъ ихъ, какъ мы видѣли, только домашнему аресту, предоставляя

имъ впрочемъ свободно ходить по Парижу, въ сопровожденіи жандарма. Верньо (Vergniaud), Жансоннэ (Gensonné), Фонфредъ (Fonfrède) дѣйствительно остались въ Парижѣ, и Верньо пользовался своею свободою, чтобы время отъ времени адресовать Конвенту ядовитыя посланія. Остальные-же бѣжали изъ Парижа, съ цѣлью поднять департаменты противъ Конвента. Роялисты, очевидно, только этого и желали, и въ скоромъ времени возстанія вспыхнули въ шестидесяти департаментахъ, причемъ Жирондисты и самые крайніе роялисты шли рука объ руку.

Въ Бретани, уже съ 1791 го года подготовлялся роялистскій заговоръ, имѣвшій цѣль возстановить Штаты этой провинціи и сословную администрацію. Тюфэнъ, маркизъ де-ла-Руари (Rouërie), былъ поставленъ эмигрировавшими братьями короля во главѣ этого заговора. Но заговоръ сталъ извѣстенъ Дантону, который поручилъ своему агенту, проникнувшему въ центръ заговора, слѣдить за нимъ. Маркизъ Руари вынужденъ былъ скрываться, и въ январѣ 1793 года онъ умеръ въ имѣніи одного изъ своихъ друзей, гдѣ его и зарыли, тайно, въ лѣсу. Тѣмъ не менѣе, возстаніе, поддержанное англичанами, вспыхнуло. При помощи моряковъ-контрабандистовъ и эмигрантовъ, собравшихся — одни на островѣ Джерзеѣ, а другіе въ Лондонѣ, англійское правительство подготовляло серьезное возстаніе, которое должно было передать англичанамъ военные порты Сенъ-Мало, Брестъ и Шербургъ, а можетъ быть также Нантъ — большой торговый портъ — и Бордо, соперничавшій съ Лондономъ по своей торговлѣ.

Часть жирондистскихъ депутатовъ, изгнанныхъ изъ Конвента, а именно Петіонъ, Гуадэ, Бриссо, Барбару, Лувэ, Бюзо и Лангинэ (Languinais), направились въ Нормандію и въ Бретань, чтобы стать тамъ во главѣ возстанія. Въ Канѣ (Caen), главномъ городѣ Нормандіи, они организовали „Ассоціацію соединенныхъ департаментовъ“, имѣвшую цѣлью походъ на Парижъ. Арестовавши депутатовъ, присланныхъ Конвентомъ, они

вообще старались разжечь умы противъ Монтаньяровъ. Генералъ Вимпфенъ, командовавшій войсками Республики въ Нормандіи и ставшій на сторону заговорщиковъ, не скрывалъ отъ нихъ, ни своихъ роялистскихъ мнѣній, ни своего намѣренія искать поддержки въ Англіи,—и жирондистскіе главари не порвали съ нимъ.

Къ счастью, масса народа въ Нормандіи и въ Бретани не пошла за Жирондистами, роялистами и духовенствомъ. Города стали за Революцію, и возстаніе, побѣжденное въ Вернонѣ, кончилось ничѣмъ*).

Походъ горсти жирондистскихъ главарей, вдоль по глубоко врѣзаннымъ и прикрытымъ густою зарослью дорогамъ Бретани, гдѣ они скрывались отъ всѣхъ, не смѣя показаться даже въ самыхъ маленькихъ городкахъ, такъ какъ ихъ арестовали бы Республиканцы, — этотъ походъ, хорошо разсказанный Лувэ, показываетъ, какъ мало сочувствія встрѣтили здѣсь Жирондисты. Даже въ Бретани, гдѣ Конвентъ не съумѣлъ расположить въ свою пользу крестьянъ, и гдѣ рекрутскій наборъ для далёкой войны на Рейнѣ былъ встрѣченъ враждебно, народъ не пошелъ за ними. Когда генералъ Вимпфенъ захотѣлъ идти на Парижъ, ему удалось собрать въ Канѣ всего нѣсколько десятковъ волонтёровъ**). Изо

*) Боевая пѣснь Жирондистовъ называлась „Гражданскій гимнъ Бретонцевъ, идущихъ противъ Анархіи". Её далъ Гуадэ въ примѣчаніи къ Запискамъ Бюзо (стр. 68—69). Вотъ одинъ изъ ея куплетовъ:

Съ высоты трона, воздвигнутаго его преступленіями,
Робеспьеръ, опьяненный кровью,
Указываетъ пальцемъ свои жертвы
Ревущему анархисту.

Эта „Марсельеза Жирондистовъ" требовала смерти Дантона, Паша, Марата, и ея припѣвъ былъ:

Война и смерть тиранамъ,
Смерть апостоламъ избіенія!

При этомъ, сами они требовали, конечно, избіенія революціонеровъ, — и подготовляли его.

**) Смотръ, о которомъ говорила на судѣ Шарлотта Корде, и на который будто бы собрались тысячи человѣкъ, былъ выдумка — вѣроятно, съ цѣлью запугать парижанъ.

всей Бретани собралось не болѣе пяти или шести сотъ человѣкъ, которые даже не дрались серьёзно, когда встрѣтились съ ничтожною „арміею", пришедшею изъ Парижа.

Опасность была однако въ томъ, что въ нѣкоторыхъ портахъ, а именно въ Сенъ Малò и Брестѣ, роялисты находили поддержку въ крупныхъ торговцахъ, и патріотамъ пришлось напрячь всѣ свои силы, чтобы помѣшать сдачѣ Сенъ-Малò англичанамъ, какъ это было сдѣлано на югѣ Франціи, съ Тулономъ.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, прочесть письма молодаго Жюльена (Jullien), девятнадцатилѣтняго юноши, посланнаго Комитетомъ Общественнаго Спасенія въ Бретань, какъ военный комиссаръ,— или же письма Жанбона-Сентъ-Андрэ (Jean Bon Saint-André), одного изъ членовъ Конвента, посланнаго на театръ войны, чтобы понять, какъ ничтожны были матеріальныя силы Республики, и насколько зажиточные классы готовы были поддерживать иностранное вторженіе. Всё было приготовлено въ Сенъ-Малò, чтобы сдать англичанамъ эту крѣпость, вооруженную 123-мя пушками и 25-ю мортирами, и прекрасно снабженную снарядами и порохомъ. Только благодаря энергіи членовъ Конвента, прибывшихъ въ Бретань и съумѣвшихъ вдохновить патріотовъ, бѣдноте удалось помѣшать этому ужасному предательству.

Присланные сюда комиссары Конвента не стали обращаться къ мѣстной администраціи. Они знали, что она заражена роялизмомъ и „торгашествомъ" („негоціантизмомъ", какъ тогда говорили). Они шли прямо въ Общество Патріотовъ, или въ Народное Общество каждаго города, или городка, и предлагали Обществу, прежде всего, „очиститься". Каждый членъ Общества долженъ былъ объявить громогласно, передъ всѣми другими членами, чѣмъ онъ былъ раньше 1789 года, и что онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ; не подписывалъ-ли онъ роялистскія прошенія „восьми тысячъ" и „двадцати-тысячъ"? какое было его состояніе до 1789-го года,

и что пр дставляетъ оно теперь? Тѣ, которые не могли дать удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, исключались изъ общества.

Когда „очищеніе“ было совершено, Общество Патріотовъ становилось исполнительнымъ органомъ Конвента. При его помощи, комиссаръ Конвента приступалъ къ такому-же очищенію муниципалитета, и заставлялъ исключить изъ него роялистскихъ членовъ и „наживателей“ (profiteurs, т. е. людей, разжившихся на Революціи). Тогда, опираясь на Патріотическое или Народное общество, онъ будилъ энтузіазмъ населенія, особенно бѣдноты, санъ-кюлотовъ. Сообща они организовывали вербовку волонтёровъ, и комиссарамъ Конвента нерѣдко удавалось побудить патріотовъ къ истинно-героическимъ усиліямъ, чтобы организовать вооруженіе и защиту береговъ. Они устраивали также патріотическія празднества и вводили республиканскій календарь. И когда комиссаръ уѣзжалъ, чтобы ту-же работу произвести въ другихъ мѣстахъ, онъ предоставлялъ обновленному муниципалитету заботу обо всѣхъ мѣрахъ заготовленія припасовъ, снарядовъ, перевозки войскъ и т. д. — всегда подъ надзоромъ мѣстнаго Народнаго Общества, — и поддерживалъ регулярную переписку съ этимъ Обществомъ.

Нерѣдко война требовала самыхъ тяжелыхъ усилій и жертвъ. Но въ каждомъ городѣ – даже въ портовыхъ городахъ, Кемперѣ (Quimper) и Сенъ-Мало́, члены Конвента находили людей, преданныхъ Революціи. Съ ихъ помощью они организовывали военную защиту. Эмигранты и англійскіе военные корабли даже не посмѣли подойти къ Сенъ-Мало́ или Бресту.

Такимъ образомъ, возстаніе не удалось въ Нормандіи и Бретани. Но изъ Кана явилась Шарлотта Кордэ, чтобы убить Марата. Подъ вліяніемъ всего того, что говорилось вокругъ нея противъ республики Монтаньяровъ и санъ-кюлотовъ, а также, можетъ быть, обманутая внѣшностью „порядочныхъ“ республиканцевъ, которую принимали Жирондисты, прибывшіе въ Канъ,

гдѣ она познакомилась съ Барбару,— Шарлотта Кордэ пріѣхала 11-го іюля въ Парижъ, съ цѣлью убить котораго нибудь изъ главныхъ революціонеровъ.

Историки-Жирондисты, всѣ ненавидѣвшіе Марата, какъ главнаго виновника движенія 31-го мая, — утверждали, что Шарлотта Кордэ была республиканка. Это совершенно невѣрно. Госпожа Марія-Шарлотта Кордэ-д'Армонъ была барышня изъ архи-роялисткой семьи. Два ея брата были эмигранты; сама-же она, воспитанная въ одномъ изъ Канскихъ монастырей, Аббэи-о-Дамъ (Abbaye-aux-Dames), жила у родственницы, госпожи де-Брэтвиль, „которая только изъ страха не называла себя роялисткой". Все воображаемое „республиканство" госпожи Кордэ-д'Армонъ состояло въ томъ, что она однажды отказалась пить за здоровье короля, и объяснила свой отказъ тѣмъ, что она была бы республиканка, „если бы французы заслуживали быть въ республикѣ". Другими словами, она была конституціоналистка,—по всей вѣроятности фёльянтка. Вимпфенъ даже утверждалъ, что она была вполнѣ роялистка.

По всему судя, Шарлотта Кордэ-д'Армонъ дѣйствовала вовсе не въ одиночку. Канъ, какъ мы сейчасъ видѣли, былъ центромъ „Ассоціаціи соединенныхъ департаментовъ", собиравшихся возстать противъ монтаньярскаго Конвента, и все заставляетъ думать, что на 14-е или 15-е іюля этою Ассоціаціею подготовлялось движеніе въ Парижѣ. Въ этотъ день предлагалось убить „Дантона, Робеспьера, Марата и Компанію", *и Шарлотта Кордэ это знала*. Визитъ, который она сдѣлала, тотчасъ по прибытіи въ Парижъ, Жирондисту Дюперрэ, которому она передала печатныя вещи и письмо, присланные ему изъ Кана отъ Барбару, а равно и совѣтъ, который она ему дала, - не мѣшкая, сейчасъ же вернуться въ Канъ, представляютъ Шарлотту Кордэ, какъ одно изъ орудій заговора, составленнаго въ Канѣ Жирондистами и роялистами*).

*) Что такой заговоръ существовалъ, и что Жирондисты знали объ немъ, представляется доказаннымъ. Такъ,

Планъ госпожи Шарлотты Кордэ, по ея показаніямъ, былъ — убить Марата на Марсовомъ Полѣ, во время праздника Революціи, 14-го іюля, или же — въ Конвентѣ, если онъ не придетъ на праздникъ. Но праздникъ былъ отложенъ, и Маратъ, по болѣзни, не ходилъ въ Конвентъ. Тогда Кордэ написала ему письмо, прося её принять. Не получивъ отвѣта, она написала вторую записку, іезуитски играя въ этотъ разъ на чувствѣ доброты Марата, которое было ей извѣстно, или о которой ей сказали ея друзья. Она писала въ этой запискѣ, что она несчастна и что её преслѣдуютъ, — въ полной увѣренности, что съ такою рекомендаціею Маратъ непремѣнно приметъ её.

Съ этою запискою въ рукахъ и съ ножомъ запрятаннымъ въ складкахъ платка, которымъ повязаны были ея шея и грудь, Кордэ явилась 13-го іюля, въ семь часовъ вечера къ Марату. Его жена, Катерина Эвраръ, поколебалась съ минуту, но въ концѣ концовъ впустила барышню въ бѣдное жилище Друга Народа.

Марата, за послѣдніе два или три мѣсяца, послѣ жизни травленаго волка, которую онъ вёлъ непрерывно съ 1789-го года, жестоко мучила лихорадка, и онъ сидѣлъ въ крытой горячей ваннѣ, правя корректуры своей газеты „Другъ Народа“ на доскѣ, положенной поперекъ ванны. Тутъ и ударила его Шарлотта Кордэ, прямо въ открытую грудь. Онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Три дня спустя, въ Ліонѣ, Жирондисты гильотинировали другаго друга народа, — Шальѐ.

10-го іюля, въ Совѣтѣ Парижской Коммуны читали письмо, полученное въ Страсбургѣ и пересланное оттуда головою этого города. Въ немъ были слѣдующія строки: „....Гора, Коммуна, вся Якобинка и все ихъ подлое исчадіе — наканунѣ погибели.... Не дальше 15-го іюля, мы попляшемъ! Я желалъ-бы, чтобы только и было пролито крови что Дантона, Робеспьера, Марата и компаніи....“ (Цитирую по Луи Блану).—11-го и 12-го іюля жирондистская газета, Chronique de Paris, уже намекала на смерть Марата.

Въ Маратѣ, французскій народъ терялъ своего самаго преданнаго друга. Жирондистскіе историки, ненавидя Марата, представляли его какъ кровожаднаго помѣшаннаго, который самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Но мы знаемъ теперь, какъ составляются подобныя репутаціи. Въ самыя темныя времена революціи, въ 1790-мъ и 1791-мъ году, когда Маратъ видѣлъ, что народъ, со всѣмъ своимъ героизмомъ, не можетъ справиться съ деспотизмомъ, онъ дѣйствительно писалъ, что слѣдовало бы отрубить нѣсколько тысячъ головъ аристократовъ, чтобы дѣло Революціи пошло на ладъ. Но въ сущности, онъ вовсе не былъ кровожаденъ. Онъ только *любилъ народъ*, — онъ и его героическая подруга, Катерина Эвраръ, — гораздо глубже, чѣмъ кто либо изъ людей, одновременно съ нимъ выдвинутыхъ революціею, и онъ страдалъ при видѣ страданій народа, не ведущихъ къ цѣли. Этой любви онъ остался вѣренъ до смерти*).

Какъ только началась революція, Маратъ засѣлъ на хлѣбъ и воду — не въ переносномъ, а въ дѣйствительномъ смыслѣ слова. И когда его убили, все его достояніе состояло изъ одной ассигнаціи въ двадцать-пять ливровъ.

Маратъ былъ старше большинства своихъ товарищей по революціи, и опытнѣе ихъ, и онъ понималъ различные фазисы Революціи и предвидѣлъ слѣдующіе, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ кто либо изъ видныхъ людей того времени. Онъ былъ единственный, можно сказать, изъ главныхъ дѣятелей Революціи, который вѣрно схватывалъ смыслъ событій въ ихъ существенныхъ чертахъ и въ ихъ безчисленныхъ соотношеніяхъ **). Что онъ

*) «Божественная женщина», говорила о Катеринѣ Эвраръ сестра Марата, Альбертина. „Тронутая его положеніемъ, когда онъ скрывался, переходя изъ одного подвала въ другой, она приняла къ себѣ Друга Народа и скрыла его у себя, отдавъ на общее дѣло все свое состояніе и свое спокойствіе". Эти слова сестры Марата приводитъ Мишле.

**) Пріятно отмѣтить, что изученіе писаній Марата, которымъ пренебрегали до сего времени, привело Жореса къ

иногда чванился этимъ качествомъ своего ума и своимъ предвидѣніемъ, объясняется отчасти преслѣдованіями, которыя пришлось ему выдержать, даже въ самый разгаръ Революціи, тогда какъ каждый новый оборотъ принимаемый ею подтверждалъ его предсказанія. Но все это не важно. Отличительной чертой его ума было то, что онъ понималъ, что́ необходимо было, въ каждый данный моментъ, чтобы дать побѣду *народному дѣлу*, для торжества *народной* Революціи, а не какой-нибудь отвлеченной, теоретической Революціи.

Однако-же надо сказать, что когда Революціи предстояло, послѣ дѣйствительной отмѣны феодальныхъ правъ, сдѣлать еще шагъ впередъ, чтобы упрочить свое дѣло; когда предстояло позаботиться о томъ, чтобы Революція пошла на пользу самымъ бѣднымъ слоямъ населенія, обезпечивая жизнь и трудъ *всѣмъ*, Маратъ не достаточно оцѣнилъ вѣрность взглядовъ Жака Ру, Варлэ, Шальѣ, Л'Анжа и другихъ коммунистовъ. Не съумѣвши самъ разработать планъ того глубокаго коммунистическаго переворота, котораго истинныя формы еще только искали первые провозвѣстники коммунизма; боясь, съ другой стороны, какъ бы Франція не утратила отвоёванныхъ уже свободъ, — онъ не далъ коммунистамъ необходимой поддержки своего ума и энергіи и своего громаднаго вліянія. Онъ не сдѣлался выразителемъ зарождавшагося коммунизма.

„Если бы мой братъ былъ живъ", говорила сестра Марата, „никогда бы не гильотинировали Дантона и Камилла Дэмулена". Не гильотинировали бы, скажемъ мы, и Эбертистовъ. Вообще, если Маратъ понималъ временное озлобленіе народа въ извѣстныя минуты, и даже считалъ его необходимымъ, онъ безусловно не былъ сторонникомъ Террора, какъ его практиковали Якобинцы послѣ сентября 1793-го года.

тому, что онъ съ почтеніемъ отнесся къ этому свойству ума народнаго трибуна.

LIV.

Возстанія въ Вандеѣ, — въ Ліонѣ, — на Югѣ.

Если возстаніе не удалось въ Бретани и въ Нормандіи, за то контръ-революціонеры имѣли болѣе успѣха въ провинціи Пуату (департаменты Двухъ-Севръ, Вьенны и Вандеи), въ Бордо́ и въ Лиможѣ. Небольшія движенія противъ Конвента произошли также въ нѣкоторыхъ восточныхъ департаментахъ: въ Безансонѣ, Дижонѣ и Маконѣ, — т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ буржуазія, какъ мы видѣли раньше, свирѣпо расправлялась съ крестьянами въ 1789-мъ году.

На Югѣ, гдѣ давно уже работали роялисты, возстанія произошли въ разныхъ мѣстахъ. Марсель, подпавши подъ власть контръ-революціонеровъ, — Жирондистовъ и роялистовъ, — назначила себѣ временное правительство и собиралась послать войска противъ Парижа. Тулуза, Нимъ, Гренобль тоже поднялись противъ Конвента.

Тулонъ даже принялъ англійскій и испанскій флотъ, который и овладѣлъ укрѣпленіями этого военнаго порта, во имя Людовика XVII-го. Бордо́, большой торговый городъ, готовился возстать на защиту Жирондистовъ; а Ліонъ, гдѣ торговая и промышленная буржуазія взяла верхъ уже 29-го мая, открыто возсталъ противъ Конвента и выдержалъ долгую осаду, причемъ Пьемонтскія войска, пользуясь разстройствомъ республиканской арміи, которая должна была опираться на Ліонъ, вступили въ предѣлы Франціи.

Вплоть до настоящаго времени причины Вандейскаго возстанія еще недостаточно разъяснены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что привязанность населенія къ своему духовенству, которою искусно воспользовались агенты папы и іезуитовъ, имѣла большое значеніе чтобы поднять крестьянъ. Затѣмъ, въ деревняхъ Вандеи конечно держалась неопредѣленная привязанность къ королю, такъ что роялистамъ легко было разжалобить крестьянъ разсказами о „бѣдномъ королѣ", который — говорили они —„хотѣлъ добра народу, и за это былъ казненъ парижанами". И — сколько слёзъ было пролито женщинами надъ судьбою бѣднаго мальчика, наслѣдника, запертаго въ тюрьму! Роялистскимъ эмиссарамъ, пріѣзжавшимъ изъ Рима, изъ Кобленца и изъ Англіи, съ буллами отъ папы, съ королевскими приказами и съ англійскимъ золотомъ, легко было волновать крестьянъ, тѣмъ болѣе что имъ покровительствовала мѣстная буржуазія, — бывшіе торговцы невольниками-неграми, составлявшіе богатое купечество въ Нантѣ, — и вообще крупные коммерсанты, которымъ англичане обѣщали оградить ихъ отъ санъ-кюлотовъ.

Наконецъ, была еще причина, которая, одна, могла поднять цѣлыя области. Это былъ рекрутскій наборъ, объявленный Конвентомъ. Въ Вандеѣ, такой наборъ былъ сочтенъ прямымъ нарушеніемъ самаго святаго права личности — права оставаться у себя дома, и на своей родинѣ защищаться отъ враговъ.

Но, со всѣмъ этимъ, есть, я полагаю, основаніе думать, что были еще другія, едва-ли не болѣе глубокія причины, поднявшія вандейскихъ крестьянъ противъ Революціи. Дѣйствительно, при изученіи документовъ того времени, безпрестанно приходится натыкаться на факты, которые, помимо всякихъ другихъ вліяній, должны были вызвать въ крестьянахъ глубокое недовольство противъ Учредительнаго и Законодательнаго Собранія. Уже то самое, что Учредительное Собраніе уничтожило мірской сходъ всѣхъ домохозяевъ каждой деревни, существовавшій у нихъ вплоть до декабря 1789-го года,

и кромѣ того еще раздѣлило крестьянъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ и, лишая послѣднихъ всякаго права голоса, предоставило администрацію общинныхъ дѣлъ избранникамъ однихъ только активныхъ, т. е. болѣе зажиточныхъ крестьянъ,—одного этого было достаточно чтобы зародить въ деревняхъ глубокое недовольство противъ Революціи, являвшейся въ глазахъ крестьянъ дѣтищемъ городскихъ буржуа.

Конечно, 4-го августа, Революція признала, въ принципѣ, уничтоженіе феодальныхъ правъ и права „мёртвой руки". Но право мёртвой руки было, повидимому, мало распространено въ западной Франціи, а уничтоженіе феодальныхъ обязательствъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ оставалось только на бумагѣ. А такъ какъ крестьянское возстаніе 1789-го года вообще было слабо въ западной Франціи, то съ крестьянъ продолжали взыскивать феодальныя повинности полностью, по-прежнему.

Съ другой стороны,—и это было чрезвычайно важно для деревенскаго населенія,—продажа національныхъ имуществъ совершилась главнымъ образомъ въ пользу городской буржуазіи. Церковныя имущества, уже въ силу своего происхожденія, должны были бы перейти преимущественно въ руки бѣдныхъ; но ихъ скупали, прежде всего, горожане, и это возбуждало вражду деревни противъ города. Къ этому надо еще прибавить разграбленіе общинныхъ земель буржуазіею, въ прямой ущербъ крестьянской бѣднотѣ, которому Законодательное Собраніе способствовало своими законами (см. главу XXVI).

Такимъ образомъ, вплоть до августа 1793 года, когда было объявлено уничтоженіе феодальныхъ правъ безъ выкупа, Революція, ничего еще не давала крестьянамъ существеннаго, если они сами не бунтовались и сами не отнимали земель у дворянства и духовенства; а между тѣмъ постоянно увеличивалась тягость налоговъ, рекрутчины и военныхъ поборовъ, падавшихъ на сельское населеніе. Вслѣдствіе этого, глухая вражда про-

тивъ городовъ росла въ деревняхъ, и мы дѣйствительно видимъ, что возстаніе въ Вандеѣ началось, какъ открытая война деревни противъ города.

Разжигаемое эмиссарами изъ Рима, возстаніе вспыхнуло въ Вандеѣ съ невѣроятной свирѣпостью. А Конвентъ могъ выставить противъ него лишь ничтожные отряды, подъ командою генераловъ, либо неспособныхъ, либо умышленно затягивавшихъ войну. Жирондистскіе депутаты Конвента, со своей стороны, раздували огонь своими посланіями. Возстаніе нашло смѣлыхъ партизановъ-вождей и быстро разрослось, и тогда Монтаньяры стали прибѣгать къ самымъ ужаснымъ и возмутительнымъ мѣрамъ, чтобы задавить его.

Планъ Вандейцевъ былъ, — завладѣть городами и истребить въ нихъ всѣхъ „патріотовъ", т. е. всѣхъ республиканцевъ, а затѣмъ — распространить возстаніе на сосѣдніе департаменты и идти на Парижъ. Въ началѣ іюня 1793-го года, вандейскіе вожди, Катлино, Лескюръ, Стофлэ, Ларошжакленъ, во главѣ сорока тысячъ человѣкъ, дѣйствительно овладѣли городомъ Сомюромъ. Рѣка Луара была такимъ образомъ въ ихъ рукахъ. Затѣмъ, перейдя Луару, они овладѣли Анжеромъ (17-го іюня) и, искусно скрывая свои движенія, быстро бросились на Нантъ, большой приморской городъ и портъ Луары,—что должно было привести ихъ въ прямое соприкосновеніе съ англійскимъ флотомъ. 29 и 30 іюня, вандейскія арміи, быстро соединившись, напали на Нантъ. Но тутъ онѣ были отбиты республиканцами и потеряли Катлино, — своего дѣйствительно демократическаго вождя. Отбитые отъ Нанта, Вандейцы стали отступать и даже оставили Сомюръ, послѣ чего они уже вынуждены были перейти на лѣвый, т. е. южный берегъ Луары.

Тутъ потребовались невѣроятныя усилія со стороны Республики, чтобы разгонять отряды Вандейцевъ, державшіеся на своей собственной, родной землѣ. Война обратилась въ прямое истребленіе, вслѣдствіе чего отъ двадцати до тридцати тысячъ Вандейцевъ, за кото-

рыми тянулись ихъ жены и дѣти, рѣшили эмигрировать въ Англію, пересѣкая Бретань. Они перешли, слѣдовательно, Луару съ юга на сѣверъ и направились дальше къ сѣверу, черезъ Бретань. Но Англія вовсе не желала принять такихъ эмигрантовъ; а Бретонцы, со своей стороны, холодно встрѣтили ихъ — тѣмъ болѣе что въ Бретани патріоты брали верхъ, — и тогда вся эта масса голодныхъ и оборванныхъ мужчинъ, женщинъ, и дѣтей снова была отброшена къ Луарѣ.

Мы уже говорили, съ какою бѣшеною яростью Вандейцы, подогрѣваемые духовенствомъ, начали возстаніе. Теперь, война становилась еще болѣе озлобленной. Въ октябрѣ 1793-го года — это пишетъ г-жа Ларошжакленъ, жена одного изъ Вандейскихъ вождей, — военнымъ крикомъ Вандейцевъ стало: *Не давать пощады!* Дѣйствительно, въ Монтэгю, они наполнили большой городской колодезь полу-живыми еще тѣлами республиканскихъ солдатъ, которыхъ они убивали камнями. Шарэтъ, при взятіи города Нуармутьё, 15 октября, велѣлъ разстрѣлять всѣхъ, кто сдался ему. Любимою потѣхою Вандейцевъ было, зарыть республиканца по горло и подвергать всяческимъ истязаніямъ его голову *).

Когда вся эта масса людей была отброшена назадъ, къ Луарѣ и къ Нанту, тюрьмы Нанта стали переполняться съ угрожающею быстротою. Въ этихъ логовищахъ, биткомъ набитыхъ человѣческими существами, стали развиваться тифъ и всякія другія заразныя болѣзни, которыя изъ тюремъ распространялись по го-

*) См. Мишлэ, который изучалъ Вандейскую войну по документамъ, на мѣстахъ. — „Нерѣдко, говоритъ онъ, обсуждался вопросъ, кто первый началъ эти варварскія жестокости, и которая изъ двухъ партій зашла дальше на пути преступленій. Безъ умолка говорятъ объ убійствахъ Каррьё (въ Нантѣ); но почему же не говорятъ объ убійствахъ Шарэта?... Старые Вандейскіе офицеры, грубые и жестокіе, сами разсказывали своему доктору, который пересказалъ это мнѣ, что они никогда не брали въ плѣнъ солдата (особенно изъ Майнцской арміи), безъ того чтобы не убить его — подъ пытками, когда на то хватало времени". — „Когда

роду, среди населенія, истощеннаго осадою. При этомъ, такъ же какъ было въ Парижѣ послѣ 10-го августа, сидѣвшіе въ тюрьмахъ роялисты грозились перерѣзать всѣхъ республиканцевъ, какъ только „королевская армія“ Вандейцевъ подойдетъ къ Нанту. А патріотовъ было всего нѣсколько сотъ въ этомъ городѣ, гдѣ буржуазія, разбогатѣвшая на торговлѣ неграми и на рабскомъ трудѣ въ островѣ Сенъ-Доминго, бѣднѣла теперь, съ тѣхъ поръ какъ Революція уничтожила рабство. Гарнизонная служба, которую несли патріоты, чтобы предотвратить нечаянный захватъ Нанта Вандейцами и помѣшать дѣйствительному истребленію республиканцевъ, была такъ утомительна, что патрули патріотовъ падали отъ истощенія во время своихъ обходовъ.

Тогда крикъ: „Всѣхъ въ рѣку!“ раздававшійся уже въ 1792-мъ году, сталъ слышаться все грознѣе и грознѣе. Родъ помѣшательства, подобнаго тому, — говоритъ Мишлэ, — которое замѣчалось въ городахъ во время чумы, овладѣло бѣдною частью населенія, а комиссаръ Конвента, Каррьѣ, котораго темпераментъ какъ-разъ подходилъ къ такого рода припадкамъ ярости, предоставилъ страстямъ разыграться безъ удержа. Сперва начали топить въ Луарѣ священниковъ, и кончили тѣмъ, что истребили болѣе 2000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ въ Нантскихъ тюрьмахъ.

Что же касается до Вандеи вообще, то Комитетъ Общественнаго Спасенія, не давая себѣ даже труда вдуматься въ причины возстанія въ цѣлой области, и довольствуясь нелѣпымъ объясненіемъ, что все происходитъ отъ „фанатизма этихъ озвѣренныхъ мужиковъ“, не стараясь даже понять крестьянъ и пріохотить ихъ къ Республикѣ, возымѣлъ дикую идею, истребить

Нантцы пришли, въ апрѣлѣ 1793, въ Шалланъ, они увидали что-то, пригвожденное къ двери, напоминавшее громадную летучую мышь; это былъ республиканскій солдатъ, пришпиленный тутъ и мучившійся уже нѣсколько часовъ въ отчаянныхъ предсмертныхъ страданіяхъ“ (Мишлэ, книга XI, гл. V).

всѣхъ Вандейцевъ и обезлюдить Вандею. Шестнадцать укрѣпленныхъ лагерей было устроено съ этою цѣлью, и двѣнадцать „адскихъ колоннъ“ было пущено въ Вандею, чтобы разворить всю страну, жечь крестьянскія избы и истреблять крестьянъ.

Легко понять, къ чему привела эта бойня. Вандея обратилась въ гнойную рану Республики. Громадная область была навсегда потеряна для Республики, и Вандея стала причиною кровавыхъ раздоровъ среди самихъ Монтаньяровъ.

Возстанія въ Провансѣ и въ Ліонѣ имѣли такое-же печальное вліяніе на ходъ Революціи. Ліонъ былъ городомъ, гдѣ производились предметы роскоши, — шёлкъ, бархатъ. Множество артистовъ-рабочихъ было тогда занято тканьемъ, у себя на дому, самыхъ тонкихъ шелковъ и вышиваніемъ, золотомъ и серебромъ. И все это производство пріостановилось во время Революціи. Самое-же населеніе раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Рабочіе-хозяева, маленькіе мастерки и буржуазія, высшая и средняя, были противъ Революціи. Рабочіе-же, — тѣ, которые работали на маленькихъ мастерковъ, или находили себѣ заработокъ въ различныхъ отрасляхъ, зависимыхъ отъ тканья шелковъ, стояли за Революцію. Они уже тогда вырабатывали основы соціализма, который развился въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и охотно слѣдовали за Шальё, — коммунистомъ-мистикомъ, пріятелемъ Марата, имѣвшимъ большое вліяніе въ муниципалитетѣ и сроднымъ по своему направленію съ направленіемъ, преобладавшемъ въ Парижской Коммунѣ. Кромѣ того, активная коммунистическая пропаганда велась еще Л'Анжомъ (L'Ange), предшественникомъ Фурье, и его друзьями. Буржуазія-же, со своей стороны, охотно стояла за-одно съ дворянами, и особенно съ духовенствомъ, которое имѣло тогда большое вліяніе на населеніе, причемъ на помощь ему явились еще эмигранты-священники изъ Савойи. Большая часть ліонскихъ секцій была ис-

кусно наводнена жирондистскою буржуазіею, за которою скрывались роялисты.

Столкновеніе произошло, какъ мы видѣли, 29-го мая 1793. На улицахъ дрались, и буржуазія одержала верхъ. Шальѐ былъ заарестованъ, и такъ какъ Робеспьеръ и даже Маратъ плохо защищали его въ Парижѣ, то Жирондисты казнили его 16-го іюля. Вообще месть Якобинцамъ со стороны буржуазіи и роялистовъ была ужасна. Ліонская буржуазія, выступавшая до тѣхъ поръ подъ знаменемъ Жирондистовъ, поощренная теперь вандейскимъ возстаніемъ, открыто вступила въ союзъ съ роялистами-эмигрантами. Она вооружила 20.000 человѣкъ, и привела городъ въ состояніе обороны противъ Конвента.

Марсель тоже собиралась идти на помощь Ліону. Сторонники Жирондистовъ поднялись здѣсь тотчасъ-же послѣ 31-го мая. Поощряемыя жирондистскимъ депутатомъ Ребекки, который поспѣшилъ сюда изъ Парижа, секціи, попавшія большею частью въ руки Жирондистовъ, снарядили армію въ 10.000 человѣкъ, которая направилась въ Ліонъ, съ намѣреніемъ идти дальше, на Парижъ, противъ Монтаньяровъ. Это возстаніе скоро приняло, какъ и слѣдовало ожидать, открыто роялистскій характеръ, и другіе города южной Франціи — Тулонъ, Нимъ, Монтобанъ — присоединились къ нему.

Армія марсельцевъ скоро была, впрочемъ, разбита войсками Конвента, бывшими подъ начальствомъ Картó, который вступилъ въ Марсель 25-го августа 1793. Ребекки утонулъ, но часть возставшихъ бѣжала въ Тулонъ, и этотъ большой военный портъ былъ сданъ вслѣдъ за тѣмъ англичанамъ. Англійскій адмиралъ вступилъ въ обладаніе городомъ и его укрѣпленіями, провозгласилъ королемъ Франціи Людовика XVII-го, и призвалъ себѣ на помощь армію изъ 8000 испанцевъ, чтобы держать Тулонъ и его форты.

Въ то-же время во Францію вступили 20.000 пьемонтцевъ, которые пошли по долинамъ Салланши, Тарентэзы и Морьенны на помощь роялистамъ въ Ліонѣ.

Попытки комиссара Конвента, Дюбуа-Кранси, вступить въ переговоры съ Ліонцами, не удались: движеніе уже попало въ руки роялистовъ, и они ничего не хотѣли слышать о мирныхъ переговорахъ. Комендантъ Прэси, сражавшійся 10-го августа въ рядахъ Швейцарцевъ, въ Тюильри, былъ преданный Людовику XVI-му человѣкъ, и въ городѣ было много роялистовъ-эмигрантовъ, прибывшихъ въ Ліонъ, чтобы сражаться противъ Республики. Главари роялистской партіи сносились съ агентомъ принцевъ, Эмбертъ-Коломэсомъ, насчетъ того, чтобы согласовать дѣйствія ліонскаго возстанія съ движеніями пьемонтской арміи. Наконецъ, ліонскій комитетъ общественнаго спасенія имѣлъ секретаремъ генерала Рубьеса, — іезуита, — тогда какъ комендантъ Прэси былъ въ сношеніяхъ съ агентомъ принцевъ и просилъ у нихъ подкрѣпленій изъ пьемонтскихъ и австрійскихъ войскъ.

Въ такихъ условіяхъ оставалось только начать правильную осаду Ліона, и республиканцы-Монтаньяры дѣйствительно её начали 8 го августа, обложивши городъ войсками изъ старыхъ солдатъ, отдѣленными отъ Альпійской арміи, причемъ пушки были привезены изъ Безансона и Гренобля.

Ліонскіе рабочіе вовсе не хотѣли этой контръ-революціонной войны, но они не были достаточно сильны, чтобы воспротивиться ей. Они массами убѣгали изъ осажденнаго города и присоединялись къ арміи санъ-кюлотовъ, которые, сами страдая отъ недостатка хлѣба, всё-таки кормили двадцать-тысячъ бѣглецовъ изъ осажденнаго Ліона.

Республиканской арміи, подъ начальствомъ Келлермана, удалось-таки, въ сентябрѣ, принудить Пьемонтцевъ къ отступленію, а Кутону съ Мэньѣ — двумъ комиссарамъ Конвента — удалось собрать въ Оверни армію изъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, пиками и вилами. Съ этою арміею они подошли къ Ліону, 2-го октября, на помощь Келлерману. Семь дней спустя, 9-го, арміи Конвента наконецъ овладѣли Ліономъ.

Съ грустью приходится сказать, что месть республиканцевъ была ужасна. Кутонъ, повидимому, былъ склоненъ къ политикѣ примиренія, но террористы одержали верхъ въ Конвентѣ. Они говорили, что къ Ліону надо приложить то, чѣмъ Жирондистъ Испаръ угрожалъ Парижу; т. е. разрушить городъ такъ, чтобы отъ него остались однѣ развалины, на которыхъ воздвигли бы надпись: *Ліонъ велъ войну противъ свободы — Ліонъ болѣе не существуетъ*. Въ концѣ концовъ этотъ нелѣпый планъ не былъ принятъ; но всё-таки Конвентъ рѣшилъ разрушать дома богатыхъ, щадя дома бѣдныхъ. Исполненіе этого было поручено Колло́ д'Эрбуа́, и если онъ этого не выполнилъ, то только потому, что исполненіе было матеріально невозможно: городъ не легко разрушить. За то своими казнями и разстрѣливаніями „въ кучу" Колло́ нанёсъ страшный вредъ Революціи.

Такая-же война началась въ Бордо́ и Тулонѣ.

Жирондисты сильно разсчитывали на возстаніе въ Бордо́, и этотъ „негоціантскій" городъ, столица Жиронды, дѣйствительно возсталъ; но возстаніе не продержалось. Народъ не далъ себя обмануть и не повѣрилъ обвиненіямъ въ „роялизмѣ и орлеанизмѣ", распространявшимся Жирондистами противъ Монтаньяровъ. Въ результатѣ оказалось, что когда арестованные жирондистскіе депутаты, убѣжавшіе изъ Парижа, пріѣхали въ Бордо́, они должны были скрываться въ этомъ городѣ, изъ котораго они мечтали сдѣлать центръ своего возстанія. Вскорѣ Бордо́ подчинился комиссарамъ Конвента.

Что касается до Тулона, гдѣ давно уже работали англійскіе агенты, и гдѣ офицеры моряки всѣ были роялисты, онъ сдался, какъ мы говорили, англійскому флоту. Патріоты, вообще малочисленные въ этомъ портѣ, были посажены въ тюрьму; а такъ какъ англичане, не теряя времени, вооружили форты и выстроили новые, то понадобилась потомъ правильная осада, чтобы овладѣть ими. Это удалось сдѣлать только возже, въ декабрѣ 1793-го года.

LV.

Война. — Иностранное нашествіе отражено.

Послѣ измѣны Дюмурье и изгнанія жирондистскихъ вождей изъ Конвента, Республикѣ пришлось снова произвести полную реорганизацію своихъ армій,— въ этотъ разъ на демократическихъ началахъ. Ей предстояло перемѣнить весь составъ высшаго военнаго начальства, чтобы замѣнить Жирондистовъ и роялистовъ республиканцами-Монтаньярами.

Условія, въ которыхъ совершались эти замѣщенія, были такъ ужасны, что только революціонная энергія народа могла выполнить ихъ. Приходилось дѣйствовать въ виду непріятеля, посреди внутреннихъ возстаній и подпольной работы заговорщиковъ, которая велась во всей Франціи имущими классами, чтобы голодомъ довести республиканскія арміи до отчаянія и предать ихъ непріятелю. Дѣйствительно, почти вездѣ Директоріи департаментовъ и округовъ, оставшіяся въ рукахъ Фёльянтовъ и Жирондистовъ, дѣлали все, чтобы помѣшать снабженію армій припасами, снарядами и т. п.

Потребовался весь геній Революціи, вся юношеская смѣлость народа, пробудившагося отъ долгаго сна, вся вѣра революціонеровъ въ воплощеніе ихъ идеаловъ

равенства, чтобы съ успѣхомъ вести ту сказочную борьбу, которую пришлось выдержать санъ-кюлотамъ противъ иностраннаго вторженія и внутренней измѣны. Но, сколько разъ народъ, истекая кровью, былъ близокъ къ отчаянію!

Если въ настоящее время война можетъ разорять цѣлыя области, то легко понять какія опустошенія она производила сто-двадцать лѣтъ тому назадъ, среди населенія, несравненно болѣе бѣднаго. Въ департаментахъ, близкихъ къ театру войны, хлѣбъ приходилось косить еще зеленымъ, чтобы кормить лошадей. Тамъ, гдѣ дѣйствовала какая-нибудь изъ четырнадцати армій Республики, почти всѣ лошади и рабочій скотъ были забраны для военныхъ потребностей. Солдатамъ такъ же не хватало хлѣба, какъ и крестьянамъ и бѣдному населенію въ городахъ.

Во всемъ чувствовался такой же недостатокъ. Въ Бретани, въ Эльзасѣ, комиссары Конвента должны были обращаться къ жителямъ большихъ городовъ, какъ Брестъ или Страсбургъ, съ приглашеніемъ обуться всѣмъ въ деревянные башмаки и послать всю свою обувь солдатамъ. Всѣ кожи приходилось отбирать силою, и всѣхъ сапожниковъ — заставлять работать на войско; и все-таки обуви не хватало, такъ что даже солдатамъ иногда раздавали деревянные башмаки. Хуже того. Приходилось составлять комитеты, чтобы отбирать въ частныхъ домахъ „всю кухонную утварь, котлы, кастрюли и всякую мѣдную посуду и свинцовыя вещи, равно какъ всю мѣдь и свинецъ не въ подѣлкахъ“. Такъ было сдѣлано, напримѣръ, въ округѣ города Страсбурга.

Въ самомъ Страсбургѣ представители Конвента и муниципалитетъ вынуждены были просить у обывателей платья, чулокъ, башмаковъ, рубашекъ, простынь, одѣялъ и всякаго стараго бѣлья, чтобы одѣть оборванныхъ волонтёровъ; кровати въ частныхъ домахъ брались для раненыхъ. Но всего этого не хватало, и по временамъ комиссары Конвента вынуждены были налагать

на населеніе тяжелые революціонные налоги, взыскивая ихъ преимущественно съ богатыхъ. Такъ дѣлалось особенно въ Эльзасѣ, гдѣ крупные помѣщики не хотѣли отказываться отъ своихъ феодальныхъ правъ, на защиту которыхъ выступила Австрія. На югѣ, въ Нарбоннѣ, одинъ изъ представителей Конвента однажды вынужденъ былъ потребовать, чтобы всѣ граждане и гражданки города явились на набережную, разгружать барки и нагружать на повозки припасы, привезенные для арміи*).

Однако-же мало-по-малу армія была реорганизована. Генералы изъ Жирондистовъ были устранены, и люди молодые заняли ихъ мѣста. Это были вездѣ люди новые, для которыхъ война еще не стала ремесломъ, воодушевленные всѣмъ энтузіазмомъ народной революціи. Они скоро создали новую военную тактику, которую впослѣдствіи приписывали Наполеону, — тактику быстрыхъ передвиженій и большихъ массъ, нападающихъ на отдѣльныя части непріятельской арміи и уничтожающія ихъ, раньше чѣмъ онѣ успѣютъ соединиться. Одѣтые въ лохмотья, часто босоногіе, очень часто впроголодь, но вдохновленные Революціею и идеями равенства, волонтёры 1793 года одерживали побѣды тамъ, гдѣ пораженіе казалось неизбѣжнымъ. При этомъ, комиссары Конвента выказывали суровую энергію, чтобы прокормить эти арміи, одѣть ихъ, организовать перевозку. Почти всегда Равенство было ихъ руководящимъ началомъ. Было, конечно, и среди комиссаровъ Конвента нѣсколько негодныхъ людей, какъ Камбасересъ, были также глупые люди, окружав-

*) Не смотря на все, что разсказываютъ реакціонные историки о терроризмѣ Конвента, видно изъ архивныхъ документовъ, что одни санъ-кюлоты и нѣсколько молодыхъ гражданокъ отвѣтили на этотъ патріотическій призывъ: „ни одинъ мюскадэнъ и ни одна мюскадэнка“ (вычурно разряженные франты и франтихи изъ богатыхъ классовъ) не оказались на набережной. Послѣ чего комиссаръ Конвента удовольствовался тѣмъ, что наложилъ на богатыхъ „патріотическое приношеніе въ пользу бѣдныхъ“.

шіе себя роскошью, которая и погубила впослѣдствіи Бонапарта, и было нѣсколько, несомнѣнно стремившихся къ наживѣ; но то были очень рѣдкія исключенія. Почти всѣ двѣсти комиссаровъ Конвента дѣлили съ солдатами ихъ нищету и опасности.

Всѣ эти усилія дали побѣду, и послѣ того, какъ въ августѣ и сентябрѣ пережитъ былъ очень мрачный періодъ неудачъ, республиканскія арміи наконецъ одержали верхъ. Въ началѣ осени, иностранное вторженіе было остановлено.

Въ іюнѣ 1793-го года, послѣ измѣны Дюмурье, сѣверная армія была въ полномъ разложеніи. Ея генералы готовы были драться между собою, а противъ нея стояли четыре арміи, представлявшія 118.000 человѣкъ, англичанъ, австрійцевъ, ганноверцевъ и голландцевъ. Вынужденная покинуть свой укрѣпленный лагерь и отступить за рѣку Сарпу, сѣверная армія предоставила непріятелю крѣпости Валансьенъ и Кондэ, и открыла дорогу въ Парижъ.

Въ обѣихъ арміяхъ, защищавшихъ Мозель и Рейнъ, едва насчитывалось 60.000 человѣкъ, имѣвшихъ противъ себя 83.000 пруссаковъ и австрійцевъ и отрядъ кавалеріи изъ 6000 эмигрантовъ. Кюстинъ, котораго привязанность къ республикѣ была очень сомнительна, оставилъ позиціи, занятыя французами въ 1792-мъ году, и далъ нѣмцамъ обложить крѣпость Майнцъ на Рейнѣ.

Со стороны Савойи и Ниццы, гдѣ приходилось отбиваться отъ 40.000 пьемонтцевъ и 8000 австрійцевъ, имѣлись только двѣ маленькія арміи, Альпъ и Приморскихъ Альпъ, обѣ вполнѣ дезорганизованныя вслѣдствіе возстаній въ Форезѣ, въ Ліонѣ и Провансѣ.

Еще южнѣе, въ Пиренеяхъ, 23.000 испанцевъ вступили во Францію и встрѣтили противъ себя только 10.000 человѣкъ, не имѣвшихъ ни пушекъ, ни припасовъ. При помощи эмигрантовъ, испанцы овладѣли

нѣсколькими укрѣпленіями и угрожали всей провинціи Руссильона.

Что касается до Англіи, то она уже въ 1793-мъ году приняла тактику, которой держалась впослѣдствіи въ наполеоновскихъ войнахъ. Не очень-то зарываясь сама, она платила державамъ, вошедшимъ съ нею въ союзъ, чтобы онѣ воевали съ Франціею; а тѣмъ временемъ она отбирала у Франціи ея колоніи и разоряла ея иностранную торговлю. Въ іюнѣ 1793-го года, англійское правительство объявило блокаду всѣхъ французскихъ портовъ, и англійскіе корабли, вопреки международному праву того времени, стали хватать корабли нейтральныхъ державъ, вёзшіе жизненные припасы во Францію. Въ то-же время Англія покровительствовала эмигрантамъ, ввозила тюки прокламацій и оружіе въ Бретань и Вандею, и подготовляла себѣ сторонниковъ, чтобы овладѣть портами Сенъ-Мало, Бреста, Нанта, Бордо, Тулона и др.

Внутри самой Франціи революціонерамъ приходилось бороться съ сотнею тысячъ крестьянъ, возставшихъ въ Вандеѣ и доведенныхъ духовенствомъ до фанатизма; Бретань волновалась, и въ ней усиленно работали англійскіе эмиссары; буржуазія большихъ коммерческихъ городовъ, какъ Нантъ, Бордо и Марсель, недовольная застоемъ торговли, сносилась съ англичанами. Ліонъ и Провансъ были въ полномъ возстаніи; въ Форезѣ работали священники и эмигранты; а въ самомъ Парижѣ, всѣ тѣ, кто разбогатѣлъ съ 1789-го года, спѣшили покончить съ Революціей и готовились къ дружному на неё нападенію.

Въ такихъ условіяхъ союзники — нѣмцы, австрійцы и т. д. — были такъ увѣрены, что скоро возстановятъ во Франціи королевскую власть, что разсчитывали уже черезъ нѣсколько недѣль посадить на престолъ Людовика XVII-го. Ферзенъ, повѣренный и другъ Маріи Антуанеты, уже обсуждалъ со своими друзьями, изъ кого составить совѣтъ регентства; а проэктъ поставить графа д'Артуа во главѣ недовольныхъ въ Бретани

былъ составленъ между Англіей, Испаніей, и Россіей*).

Если-бы союзники пошли тогда прямо на Парижъ, они несомнѣнно поставили бы Революцію въ крайне затруднительное положеніе. Но, потому-ли что они боялись возобновленія сентябрьскихъ убійствъ, или потому что они предпочитали овладѣть французскими крѣпостями, вмѣсто того чтобы осаждать Парижъ, во всякомъ случаѣ, они замедлили свое наступленіе и обложили Валансьенъ, Кондэ и Майнцъ. Майнцъ защищался, и сдался только 22-го іюля. Кондэ сдался лишь нѣсколькими днями раньше, послѣ четырехъ-мѣсячнаго сопротивленія; а 26-го іюля сдался Валансьенъ, послѣ штурма, къ великому восторгу мѣстной буржуазіи, сносившейся съ герцогомъ Іоркскимъ во всё время осады. Австрія вступила въ обладаніе этими двумя крѣпостями.

Начиная съ 10-го августа, дорога на Парижъ была такимъ образомъ открыта союзникамъ, имѣвшимъ до 300.000 человѣкъ между Остендэ и Базелемъ.

Что-же помѣшало имъ еще разъ идти на Парижъ, освобождать Марію Антуанету и ея сына? Было-ли это снова желаніе овладѣть крѣпостями, которыя остались бы за ними, что бы ни случилось во Франціи? Былъ-ли это страхъ ожесточеннаго сопротивленія со стороны республиканской Франціи, или-же то были, — что кажется вѣроятнѣе — дипломатическія соображенія?

Документы, касающіеся французской дипломатіи того времени, далеко еще не всѣ обнародованы, такъ что приходится довольствоваться догадками. Извѣстно впрочемъ, что лѣтомъ и осенью 1793-го года Комитетъ Общественнаго Спасенія вёлъ переговоры съ Австріею насчетъ освобожденія Маріи Антуанеты, ея сына и дочери и ихъ тетки, Мадамъ Элизабетъ. Извѣстно также, что даже въ 1794-мъ году Дантонъ былъ еще въ тайныхъ переговорахъ съ англійскими Вигами, чтобы остановить англійское нашествіе. Въ Англіи ждали со дня

*) Письмо барона Стединка, писанное 26-го апрѣля изъ Петербурга.

на день, что глава виговъ, Фоксъ, свергнетъ торійское министерство Питта и станетъ у власти; и два раза (въ концѣ января 1794 года, во время обсужденія отвѣта на тронную рѣчь, и 16-го марта того же года) во Франціи надѣялись, что англійскій парламентъ выскажется противъ продолженія войны съ Франціей*).

Во всякомъ случаѣ, союзники, послѣ первыхъ своихъ успѣховъ, не пошли прямо на Парижъ, а снова стали осаждать крѣпости; герцогъ Іоркскій направился на Дюнкирхенъ и началъ его осаду 24-го августа, а герцогъ Кобургскій осадилъ Ле-Кенуа (Le Quesnoy).

Республикѣ дали такимъ образомъ время передохнуть, и это позволило Бушотту, заступившему мѣсто военнаго министра послѣ Паша, реорганизовать армію. Ее усилили новымъ наборомъ въ 60.000 человѣкъ и ей съумѣли найти республиканскихъ генераловъ, между тѣмъ какъ Карно, состоя въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, пытался внести больше единства въ дѣйствія различныхъ генераловъ, а комиссары Конвента при арміяхъ вдохновляли войска революціонною энергіею.

Такимъ образомъ прошелъ августъ, во время котораго неудачи на границѣ и въ Вандеѣ оживили, было, надежды роялистовъ и сѣяли отчаяніе среди многихъ республиканцевъ.

Но съ первыхъ-же дней сентября 1793 года республиканскія арміи, вдохновленныя общественнымъ мнѣніемъ, перешли въ наступленіе на Сѣверѣ, на Рейнѣ и въ Пиренеяхъ. Новая тактика дѣйствительно увѣнчалась успѣхомъ на сѣверной границѣ, гдѣ герцогъ Іоркскій, яростно аттакованный французами при Хондшотѣ (Hondschoote), вынужденъ былъ снять осаду Дюнкирхена; но въ другихъ мѣстахъ результаты получились довольно неопредѣленные.

*) Авенэль («Lundis révolutionnaires», стр. 245) приписывалъ даже паденіе Дантона провалу его англійской дипломатіи, противъ которой всегда возставали Робеспьеръ и Барэръ.

Комитетъ Общественнаго Спасенія воспользовался этимъ, чтобы потребовать отъ Конвента и получить почти диктаторскія права, „вплоть до заключенія мира". Но конечно не диктатура Комитета помогла остановить вторженіе, а то что солдаты, видя вездѣ, какъ новые республиканскіе начальники выходили изъ ихъ рядовъ и въ нѣсколько дней, въ бою, достигали высшихъ чиновъ, а также вдохновленные комиссарами Конвента, которые шли въ атаку со шпагою въ рукѣ, во главѣ наступавшихъ колоннъ, дѣлали чудеса храбрости. Не смотря на очень тяжелыя потери, они одержали въ Ваттиньи, 15-го и 16-го октября, первую большую побѣду надъ австрійцами, и одержали её штыками, такъ какъ деревня Ваттиньи восемь разъ переходила изъ рукъ въ руки во время сраженія. Мобёжъ (Maubeuge), осажденный австрійцами, былъ освобожденъ, и вообще эта побѣда оказала на ходъ событій то же вліяніе, что и побѣда при Вальми, въ 1792-мъ году.

Ліонъ, какъ мы видѣли, вынужденъ былъ сдаться республиканской арміи 9-го октября, а въ декабрѣ Тулонъ былъ ~~взятъ назадъ~~ у англичанъ, штурмомъ, который былъ начатъ 8-го фримэра II-го года (28 ноября 1793 года) и продолжался до 26-го фримэра (16-го декабря). Въ этотъ день, „Англійскій редутъ" и форты Эгильетъ и Баланье были взяты силою. Англійская эскадра подожгла французскіе корабли, стоявшіе въ портѣ, а также арсеналы, эллинги и склады, и ушла въ море, предоставляя роялистовъ, выдавшихъ ей Тулонъ, мести республиканцевъ.

Къ несчастью, эта месть была ужасна и оставила глубокую ненависть въ сердцахъ населенія. Полтораста человѣкъ, большею частью морскихъ офицеровъ, были разстрѣлены картечью, „въ кучѣ", послѣ чего начались казни въ розницу, революціонными судами.

Въ Эльзасѣ и на Рейнѣ республиканскія арміи съ самаго начала кампаніи вынуждены были оставить свои оборонительныя линіи вокругъ Виссенбурга. Это открывало дорогу на Страсбургъ, гдѣ зажиточная буржуа-

зія звала австрійцевъ, прося ихъ овладѣть городомъ во имя Людовика XVII-го. Но австрійцы нисколько не стремились усиливать королевскую власть во Франціи, и это дало время генераламъ Гошу (Hoche) и Пишгрю (Pichegru), при помощи представителей Конвента, Сенъ-Жюста и Леба (Lebas), реорганизовать армію и самимъ перейти въ наступленіе. Гошъ разбилъ австрійцевъ при Генисбергѣ 6 го нивоза (25 декабря) и освободилъ Ландау.

Тѣмъ временемъ наступила зима, и кампанія 1793-го года закончилась безъ рѣшительныхъ успѣховъ съ той или съ другой стороны. Арміи австрійцевъ, пруссаковъ, гессенцевъ, голландцевъ, пьемонтцевъ и испанцевъ оставались на границахъ Франціи; но размахъ нашествія былъ остановленъ. Пруссія думала даже отдѣлиться отъ союзниковъ, и Англія должна была взять на себя, въ Гаагѣ (28-го апрѣля 1794), обязательство заплатить прусскому королю 7.500.000 франковъ и выплачивать ежегодную субсидію въ 1.250.000 франковъ, въ замѣнъ чего прусскій король долженъ былъ выставить противъ Франціи армію въ 62.400 человѣкъ.

Слѣдующею весною война должна была начаться снова; но республика уже была въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ раньше. Благодаря одушевленію, которымъ Революція съумѣла вдохновить бѣдные классы, Франція могла теперь понемногу высвободиться изъ когтей враговъ, стремившихся задушить её.

Но — цѣною какихъ жертвъ, внутреннихъ потрясеній и какой потери личной свободы, которая должна была убить Революцію и предоставить Францію деспотизму военнаго „спасителя"!

Ужасныя послѣдствія, которыя Робеспьеръ и Маратъ предвидѣли, когда Жирондисты хотѣли войны, чтобы осилить королевскую власть, не прибѣгая къ народному возстанію, — эти послѣдствія уже выступали вполнѣ ясно. А за ними уже показывался призракъ военной диктатуры, скоро приведшей Францію къ Наполеоновской Имперіи. Война оказалась камнемъ на шеѣ у Революціи.

LVI.

Республиканская конституція. — Революціонное правительство.

Раньше чѣмъ вернуться къ Конвенту и къ событіямъ въ Парижѣ, намъ надо было познакомиться съ контръ-революціонными возстаніями во Франціи и съ ходомъ войны на границахъ. Безъ этого, ни рѣшенія Конвента, ни борьба партій не были бы понятны. Дѣло въ томъ, что война давала тонъ всему остальному: она поглощала всѣ силы страны и парализовала усилія революціонеровъ.

Главною задачею Конвента, ради которой онъ и былъ созванъ, было — составленіе новой, республиканской конституціи. Конституція 1791-го года, монархическая и дѣлившая народъ на два класса, причемъ одинъ изъ нихъ былъ лишенъ всякихъ политическихъ правъ, не могла быть оставлена въ силѣ. Въ дѣйствительности, она уже перестала существовать. Поэтому, какъ только сошелся Конвентъ (21 сентября 1792), онъ занялся новою конституціею. 11 октября былъ выбранъ конституціонный комитетъ, и въ этомъ комитетѣ Жирондисты, очевидно, оказались въ большинствѣ. Въ него вошли: Сейесъ, англичанинъ Томасъ Пэнъ (Paine), Бриссо, Пе-

тіонъ, Верньо (Vergniaud), Жансоннэ, Кондорсэ, Бареръ и Дантонъ. Жирондистъ Кондорсэ, извѣстный математикъ и философъ, уже съ 1774-го года занимавшійся, вмѣстѣ съ Тюрго, политическими и соціальными реформами, былъ однимъ изъ первыхъ, объявившихся республиканцами послѣ побѣга короля въ Варенны. Онъ и былъ главнымъ составителемъ проэкта конституціи, представленнаго Конвенту жирондистскимъ комитетомъ, и сопровождавшей его „Декларація Правъ человѣка и гражданина".

Первый вопросъ, возбужденный среди депутатовъ въ Конвентѣ, былъ конечно вопросъ о томъ, которой изъ двухъ партій, споривших за власть, пойдетъ на пользу новая конституція? Жирондисты хотѣли сдѣлать изъ нея оружіе, которое позволило бы имъ помѣшать Революціи идти дальше того, чего она достигла 10-го августа. А потому Монтаньяры, не считавшіе Революцію законченной, дѣлали все, чтобы обсужденіе конституціи не было завершено раньше, чѣмъ имъ удастся парализовать въ Конвентѣ Жирондистовъ и роялистовъ.

Еще до суда надъ Людовикомъ XVI-мъ, Жирондисты настаивали на принятіи Конвентомъ ихъ проэкта, т. е. проэкта Кондорсэ, въ надеждѣ спасти такимъ образомъ короля. Точно также, въ мартѣ и апрѣлѣ 1793, когда стали возникать въ народѣ коммунистическія стремленія, направленныя противъ богатыхъ, Жирондисты особенно настаивали на принятіи проэкта Кондорсэ. Они торопились остановить Революцію и „водворить порядокъ", чтобы ослабить вліяніе, которымъ пользовались революціонеры въ провинціи, особенно черезъ посредство муниципалитетовъ, деревенскихъ и городскихъ, и санъ-кюлотскихъ секцій въ большихъ городахъ, а въ Парижѣ, кромѣ того, и Коммуны.

Такъ какъ муниципальный законъ 22-го декабря 1789-го года далъ очень широкія права муниципалитетамъ, — тѣмъ болѣе широкія, что прежніе органы центральной власти въ провинціяхъ (интенданты, т. е.

губернаторы) были упразднены, — то естественно, что народная революція 1793-го года находила свою лучшую поддержку въ секціяхъ и въ муниципалитетахъ. Понятно, также, что Горѣ важно было сохранить это могучее орудіе своего вліянія *).

Но именно вслѣдствіе этого Жирондисты, въ своемъ проэктѣ конституціи (который потому только не прошелъ уже раньше, что этому помѣшало возстаніе 31-го мая), принимали мѣры, чтобы *ослабить власть коммунъ*, уничтожить ихъ независимое существованіе, и усилить Директоріи департаментовъ и округовъ, представлявшія, какъ мы уже упоминали, органы бюрократіи и зажиточныхъ классовъ. Съ этою цѣлью, Жирондисты хотѣли уничтожить большія коммуны, какъ Парижская, а также упразднить общинные муниципалитеты, и вмѣсто ихъ ввести третій разрядъ бюрократическихъ единицъ, — Директоріи кантоновъ, т. е. волостныя управленія, которыя они называли „кантональными муниципалитетами“ **).

Если бы этотъ проэктъ прошелъ, то коммуны, представлявшія собою, — не части государственной администраціи, а общества, владѣющія сообща землями, зданіями, школами и т. п., должны были бы исчезнуть,

*) Когда Комитетъ общей защиты, испуганный оборотомъ, который принимали дѣла въ виду иностраннаго нашествія, призвалъ, 27 марта 1793, въ свою среду министровъ и Совѣтъ Парижской Коммуны на совѣщаніе, Маратъ, резюмируя то, что уже совершалось, сказалъ имъ, что при такомъ кризисѣ, верховная власть народа вовсе не нераздѣльна: что каждая Коммуна обладаетъ верховною властью на своей территоріи, и что народъ имѣетъ право, самъ принимать мѣры, которыя найдетъ нужными для своего спасенія. (Мемуары Тибодо, цитируемые Мишлэ, книга X, гл. I). И тутъ онъ оказался болѣе дальновиднымъ и практичнымъ, чѣмъ его товарищи-централисты.

**) Кантонъ, во Франціи, соотвѣтствуетъ русской волости: „Кантональныя директоріи“ соотвѣтствовали-бы волостнымъ управленіямъ.

чтобы дать мѣсто, въ земскомъ самоуправленіи, чисто административнымъ единицамъ.

Деревенскіе муниципалитеты, дѣйствительно, нерѣдко брали сторону крестьянъ, а въ большихъ городахъ муниципалитеты и секціи очень часто защищали интересы бѣдныхъ классовъ населенія. Зажиточной буржуазіи хотѣлось поэтому ввести органъ, замѣняющій муниципалитеты, и Жирондисты надѣялись найти такой органъ въ кантональной Директоріи, т. е. волостномъ управленіи, которое принадлежало бы къ іерархіи управленій департамента и округовъ, — учрежденій строго-бюрократическихъ и строго консервативныхъ.

Въ этомъ пунктѣ,—мало-замѣченномъ до сихъ поръ историками, но на нашъ взглядъ чрезвычайно важномъ, — проэкты конституціи, жирондистскій и монтаньярскій, расходились вполнѣ.

Другое измѣненіе въ конституціи, которое хотѣли провести Жирондисты (оно было, впрочемъ, отвергнуто даже въ комитетѣ), состояло въ введеніи двухъ палатъ, или же, если это не пройдетъ, — въ раздѣленіи законодательнаго учрежденія на двѣ части, какъ это и было сдѣлано впослѣдствіи, въ конституціи III-го года (1795), по наступленіи термидорской реакціи и по возвращеніи Жирондистовъ во власть.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проэктъ Жирондистовъ казался, правда, очень демократичнымъ, такъ какъ онъ давалъ первичнымъ собраніямъ избирателей право выбирать, не только народныхъ представителей, но и чиновниковъ верховнаго суда и, наконецъ, даже министровъ*). Кромѣ того, онъ вводилъ „прямое законодательство“, или такъ-называемый „референдумъ“, т. е. голосованіе законовъ всѣмъ народомъ, нынѣ существу-

*) Каждое избирательное собраніе должно было указать имена семи министровъ, изъ которыхъ администрація департамента должна была составить списокъ тринадцати кандидатовъ на каждое министерство. Тогда избирательныя собранія, сойдясь во второй разъ, должны были произвести по этимъ спискамъ окончательный выборъ министровъ.

ющее въ Швейцаріи. Но назначеніе министровъ всеобщею подачею голосовъ (допуская его осуществимость на практикѣ) привело-бы только къ созданію двухъ соперничающихъ между собою властей, — Палаты и министерства, исходящихъ, обѣ, изъ одного и того же источника, всеобщаго голосованія. Референдумъ-же былъ обставленъ такими сложными правилами, что на практикѣ онъ становился почти невозможнымъ *).

Что-же касается до такъ-называемаго „Федерализма Жирондистовъ", то въ ихъ проэктѣ конституціи, его нѣтъ и слѣда. Напротивъ того, ихъ конституція была бы торжествомъ бюрократіи и административной централизаціи.

Наконецъ, этотъ проэктъ конституціи и предшествовавшей ей „Декларація правъ", устанавливалъ — такъ же, какъ и Монтаньярскій проэктъ, — въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ конституція 1791-го года, права гражданина: свободу религіозныхъ убѣжденій и богослуженія, свободу печати и всякаго другаго способа распространенія своихъ мнѣній. Относительно-же коммунистическихъ стремленій, пробивавшихся въ народѣ, Декларація правъ ограничивалась заявленіемъ, что „общественная помощь составляетъ священный долгъ для общества", и что общество обязано давать образованіе всѣмъ своимъ членамъ, въ одинаковой мѣрѣ. Благотворительное подаяніе — дальше этого Жирондисты не шли.

Легко понять сомнѣнія, какія долженъ былъ возбудить этотъ проэктъ, когда онъ былъ представленъ въ Конвентъ, 15-го февраля 1793-го года. Еще не чувствуя себя въ силахъ его опровергнуть (такъ какъ Жирондисты были въ большинствѣ), Монтаньяры постарались затянуть, по возможности, обсужденіе конституціи, и потребовали чтобы Конвенту представлены были другіе проэкты. Съ этою цѣлью назначена была новая

*) У Олара, „Политическая Исторія Революціи", часть II, гл. IV, читатель найдетъ прекрасное изложеніе обѣихъ конституцій, Горы и Жирондистовъ.

комиссія, — „Комиссія Шести", какъ её называли — и ей поручили разсмотрѣть другіе проэкты, какіе могли быть представлены. Такимъ образомъ обсужденіе конституціи началось только 17-го апрѣля.

Насчетъ общихъ положеній Декларація правъ, не трудно было согласиться, тѣмъ болѣе что обѣ партіи, какъ Жирондисты, такъ и Горцы, хотѣли избѣгнуть того, что могло бы послужить усиленію „Бѣшеныхъ" (Enragés), т. е. коммунистовъ. Робеспьеръ произнесъ рѣчь, которая, какъ это указалъ Оларъ, несомнѣнно была слегка окрашена тѣмъ, что теперь называется соціализмомъ. Надо заявить, говорилъ онъ, что „право собственности ограничено, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ личностей; что оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободѣ, ни жизни, ни собственности нашихъ ближнихъ; и что всякая торговля, нарушающая эти права, по этому самому не позволительна и безнравственна". Онъ требовалъ также провозглашенія права на трудъ, — въ формѣ, однако, довольно мало-значущей: „Общество обязано заботиться о средствахъ существованія всѣхъ своихъ членовъ, — или доставляя имъ трудъ, или обезпечивая средства существованія тѣмъ, кто не въ силахъ работать". Но тутъ-же, кстати, онъ не преминулъ отмежеваться отъ тѣхъ, кто хотѣлъ Равенства въ правахъ на землю*).

*) „Грязныя души, уважающія только золото", говорилъ Робеспьеръ, очевидно по адресу Жирондистовъ и Болота, — „я не хочу касаться вашихъ сокровищъ, какъ бы нечисто ни было ихъ происхожденіе. Вы навѣрно знаете сами, что этотъ аграрный законъ, о которомъ вы столько говорили — не что иное, какъ пугало, выдуманное плутами, чтобы пугать дураковъ.... Намъ гораздо важнѣе сдѣлать бѣдность почтенною, чѣмъ подвергать остракизму благосостояніе.... Установимъ же честнымъ образомъ начала права собственности..." И онъ предлагалъ ввести въ Декларацію Правъ слѣдующія четыре статьи: „Собственность есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать тою частью имуществъ, которая обезпечена ему закономъ.—Право собственности ограничивается, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ лицъ.— Оно не мо-

Конвентъ рукоплескалъ этой рѣчи, но отказался ввести въ Декларацію правъ даже тѣ четыре статьи, которыя выражали скромныя мысли Робеспьера о правѣ собственности; такимъ образомъ, ни 29-го мая, когда Конвентъ, наканунѣ возстанія 31-го мая, единогласно принялъ Декларацію правъ, ни 23-го іюня, когда Декларація была принята въ ея окончательной, слегка пересмотрѣнной редакціи, въ неё и не подумали ввести тѣ скромныя, принципіальныя ограниченія права собственности, которыя Робеспьеръ изложилъ въ сжатой формѣ въ своихъ четырехъ статьяхъ. И самъ Робеспьеръ на этомъ уже не настаивалъ.

Но гдѣ понятія Горы дѣйствительно расходились съ понятіями Жиронды, это выказалось 22-го мая, когда началось обсужденіе жирондистскаго проэкта уничтоженія общинныхъ муниципалитетовъ и введенія, взамѣнъ ихъ, кантональныхъ (волостныхъ) управленій. Противъ этого уничтоженія, Монтаньяры выступили совершенно рѣшительно, тѣмъ болѣе что Жирондисты хотѣли попутно уничтожить и единство Парижа и его Коммуны, предлагая раздѣлить на нѣсколько муниципалитетовъ каждый городъ, имѣющій свыше 50.000 жителей. Тогда Конвентъ, чувствуя, конечно, что Парижъ уже сильно волновался въ этотъ день, рѣзко сталъ на сторону Монтаньяровъ и отвергъ жирондистскій проэктъ „кантональныхъ муниципалитетовъ“.

Но событія шли ускореннымъ ходомъ. Надвигалось возстаніе 31 го мая. которое заставило Конвентъ исключить изъ своей среды главныхъ жирондистскихъ вожаковъ. Становилось ясно, что изгнаніе Жирондистовъ поведетъ къ гражданской войнѣ въ нѣкоторыхъ департаментахъ. Конвентъ долженъ былъ, стало быть,

---

жетъ наносить ущерба, ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности нашихъ ближнихъ.— Всякое владѣніе, всякая торговля, нарушающіе это основное начало, по тому самому не позволительны и безнравственны“. См. James Guillaume, «Les quatre Déclarations des droits de l'homme» (Журналъ «La Révolution Française», и «Etudes révolutionnaires», 1-e série, Paris, 1908).

безъ промедленія выставить въ конституціи знамя, вокругъ котораго могли бы соединиться всѣ республиканцы въ провинціяхъ. Тогда, 30-го мая, наканунѣ возстанія, Конвентъ постановилъ, по предложенію Комитета общественнаго спасенія, что конституція будетъ содержать только самыя необходимыя статьи, которыя будутъ признаны неотмѣнемыми. А такъ какъ такую краткую конституцію можно было написать въ нѣсколько дней, Конвентъ назначилъ 30-го мая комиссію изъ пяти членовъ, въ которую вошли Геро де Сешель (Hérault de Séchelles), Рамель, Сенъ-Жюстъ, Матьё и Кутонъ. Имъ было поручено представить „неотлагательно" планъ конституціи, ограничивающейся одними основными статьями.

Послѣ того, какъ вліятельные Жирондисты были изгнаны 2-го іюня изъ Конвента и арестованы, Конвентъ, уже не встрѣчая препятствій со стороны Жиронды, началъ, 11-го іюня, обсужденіе новаго краткаго плана конституціи, выработаннаго его монтаньярскою комиссіею. Обсужденіе продолжалось недѣлю, до 18-го іюня. Затѣмъ, Декларація правъ (принятая уже, какъ мы видѣли, 29-го мая) была слегка пересмотрѣна, чтобы согласовать её съ конституціею, и, представленная вновь 23-го іюня, она была одобрена Конвентомъ въ тотъ же день. На слѣдующій день, 24-го, конституція была принята во второмъ чтеніи, и Конвентъ немедленно разослалъ её первичнымъ избирательнымъ собраніямъ, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть её голосованію всѣмъ народомъ.

Монтаньярская конституція вполнѣ удерживала общинные муниципалитеты — въ этомъ ея отличительная черта. — „Какъ могли бы мы", говорилъ Геро де Сешель, „не сохранить муниципалитеты, какъ-бы многочисленны они ни были? Это была-бы неблагодарность по отношенію къ Революціи и преступленіе противъ свободы. Мало того. Это значило-бы, *дѣйствительно уничтожить народное правленіе*...— Нѣтъ", прибавилъ онъ, сказавши нѣсколько сентиментальныхъ фразъ,

„нѣтъ, *мысль объ уничтоженіи муниципалитетовъ могла зародиться только въ умахъ аристократовъ, отъ которыхъ она перешла къ умѣреннымъ*“, — т. е. къ буржуа-централистамъ, прибавимъ мы.

Для выбора народныхъ представителей, конституція 1793-го года вводила всеобщую и прямую подачу голосовъ, по списку (scrutin d'arrondissement), составляемому въ каждомъ округѣ, состоящемъ изъ 50.000 жителей. Администрація департамента и округовъ избиралась двухъ-степенною подачею голосовъ, а Исполнительный Совѣтъ, т. е. исполнительная власть въ государствѣ, или министерство, избиралось трехъ-степеннымъ голосованіемъ. Законодательное Собраніе избиралось только на одинъ годъ, и всѣ его рѣшенія дѣлились на два разряда: *декреты* (указы), которые становились обязательными немедленно, и *законы*, для которыхъ народъ могъ потребовать всенароднаго голосованія, или *референдума*.

Впрочемъ, какъ въ жирондистской, такъ и въ монтаньярской конституціи право всенароднаго голосованія было совершенно призрачнымъ. Во-первыхъ, всѣ могло дѣлаться декретами, — которые не шли на народное голосованіе. А во-вторыхъ, послѣднее было обставлено большими трудностями. Для этого нужно было, чтобы „въ половинѣ департаментовъ, плюсъ одинъ изъ нихъ, десятая часть первичныхъ собраній каждаго изъ нихъ, правильно созванныхъ“, протестовала противъ новаго закона, раньше истеченія сорока дней послѣ полученія его на мѣстахъ.

Наконецъ, конституція обезпечивала всѣмъ французамъ „свободу, безопасность, собственность, государственный долгъ, свободное отправленіе всякаго богослуженія, общее для всѣхъ образованіе, общественную помощь, неограниченную свободу печати, право подавать прошенія, право собираться въ народныя общества, пользованіе всѣми правами человѣка“. Что-же касается до соціальныхъ законовъ, ожидавшихся отъ конституціи, то докладчикъ Геро де Сешель обѣщалъ

ихъ на будущее время. Сперва — водвореніе порядка! Впослѣдствіи видно будетъ, что́ можно сдѣлать для народа. На этомъ вполнѣ согласились большинство Монтаньяровъ и большинство Жирондистовъ *).

Предложенная на одобреніе первичныхъ избирательныхъ собраній, конституція 24-го іюня 1793 года была принята съ большимъ единодушіемъ и даже энтузіазмомъ. Республика состояла тогда изъ 4944-хъ кантоновъ (волостей), и когда получилось голосованіе изъ 4520-и кантоновъ, то оказалось, что конституція была принята 1.801.918-ю голосами противъ 11.610-и.

10-го августа 1793-го года, эта конституція была провозглашена въ Парижѣ съ большимъ торжествомъ, и въ провинціи она несомнѣнно помогла парализовать жирондистскія возстанія. Росказни Жирондистовъ, о томъ, что Монтаньяры хотятъ возстановить королевскую власть и посадить на престолъ герцога Орлеанскаго, падали сами собою. Съ другой стороны, конституція 1793-го года была такъ хорошо принята большинствомъ демократовъ, что она стала съ тѣхъ поръ, на цѣлое столѣтіе, символомъ вѣры для государственной демократіи всѣхъ народовъ.

Съ провозглашеніемъ конституціи, Конвентъ, который именно для того и былъ созванъ, чтобы выработать для Франціи республиканскую конституцію, долженъ

*) Въ «Декларації правъ», окончательно принятой 23-го іюня, статьи о собственности были выражены въ этихъ словахъ: — „Право собственности есть право, принадлежащее каждому гражданину, пользоваться и распоряжаться по своему усмотрѣнію своими имуществами, доходами и плодами своего труда и своего прилежанія. — Никакого рода трудъ, или обработка, или торговля не могутъ быть возбранены прилежанію гражданъ. — Никто не можетъ быть лишенъ наималѣйшей части своей собственности, безъ его согласія, если этого не потребуетъ общественная необходимость, законно выраженная и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія". — Конвентъ, стало быть, не шелъ дальше началъ 1791-го года касательно собственности.

былъ бы разойтись. Но всѣ чувствовали, что въ данныхъ условіяхъ, имѣя на рукахъ иностранное вторженіе, войну съ коалиціей державъ на всѣхъ границахъ и возстанія въ Вандеѣ, въ Ліонѣ, въ Провансѣ и т. д., ввести новую конституцію было невозможно. Конвенту нельзя было разойтись и подвергать республику всѣмъ случайностямъ новыхъ выборовъ.

Робеспьеръ развилъ эту мысль въ клубѣ Якобинцевъ, на другой же день послѣ провозглашенія конституціи, и многочисленные депутаты, съѣхавшіеся въ Парижъ изъ провинцій, чтобы присутствовать при провозглашеніи конституціи, были того же мнѣнія. 28-го августа, Комитетъ Общественнаго Спасенія высказалъ ту-же мысль въ Конвентѣ, и, послѣ шести-недѣльнаго колебанія, — послѣ того, какъ временное правительство Республики одержало свои первые успѣхи въ Ліонѣ, — т. е. 10-го октября 1793 года, — было объявлено, что правительство Франціи останется „революціоннымъ“ вплоть до заключенія мира.

Конституція была принята, но вводить её въ жизнь не рѣшались. Конвентъ и назначенные имъ Комитеты сохраняли свою власть.

Такимъ образомъ удерживалась, — на дѣлѣ, если не по праву — диктатура Комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, вскорѣ усиленная закономъ о подозрительныхъ личностяхъ и закономъ, вводившимъ въ провинціяхъ Революціонные Комитеты.

LVII.

Истощеніе революціоннаго духа.

Движеніе 31-го мая 1793-го года позволило Революціи закончить то, что составляло ея главную задачу: окончательное уничтоженіе, безъ выкупа, феодальныхъ правъ и полное освобожденіе страны отъ королевскаго деспотизма и управленія придворною челядью. Но разъ это было сдѣлано Революціею, она начала останавливаться. Народныя массы хотѣли-бы идти дальше; но тѣ, кого Революція вынесла во главу движенія, либо не хотѣли этого, либо не смѣли идти такъ далёко. Они не хотѣли, чтобы Революція наложила свою руку на имущества буржуазіи, какъ она это сдѣлала съ имуществами дворянства и духовенства, а потому они стали пользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы затормозить и остановить, а затѣмъ раздавить болѣе крайнее направленіе. Самые смѣлые и самые искренніе изъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ власти, становились совсѣмъ снисходительными по отношенію къ буржуазіи, даже тогда, когда они ненавидѣли её. Они заглушали свои стремленія къ равенству и начинали

прислушиваться даже къ тому, что́ скажетъ о нихъ англійская буржуазія. Въ свою очередь они тоже становились „государственными людьми“ и старались установить сильное, централизованное правительство, которому должны были слѣпо повиноваться всѣ его органы. И когда, наконецъ, имъ удалось установить такое правительство, — перейдя ради этого черезъ трупы тѣхъ, кого они нашли слишкомъ крайними, — они узнали, когда имъ самимъ пришлось подниматься на ступени эшафота, что, *убивши крайнюю партію, они вмѣстѣ съ нею убили и самую Революцію.*

Послѣ того, какъ Конвентъ закрѣпилъ закономъ то, чего требовали крестьяне, и что они кое-гдѣ приводили уже въ исполненіе самовольно, впродолженіе четырехъ лѣтъ, — послѣ этого народное представительство уже не въ силахъ было предпринять никакой другой серьезной органической реформы. Если исключить мѣры, касающіяся военной защиты и народнаго образованія, работа Конвента поражаетъ съ этихъ поръ своею безплодностью. Правда, законодатели республиканцы провели еще образованіе революціонныхъ комитетовъ и рѣшили оплачивать трудъ санъ-кюлотовъ, которые будутъ отдавать свое время работамъ въ секціяхъ и въ комитетахъ; но эти законы, демократическіе съ вида, не представляли собою мѣръ революціоннаго разрушенія, или революціоннаго творчества. Это было ничто иное, какъ средство организовать власть, и то только — преимущественно для борьбы съ врагами, внѣшними и внутренними.

Теперь нужно искать внѣ Конвента и внѣ Якобинскаго клуба, — т. е. въ парижской Коммунѣ, въ секціяхъ столицы и провинціальныхъ городовъ и въ клубѣ Кордельеровъ — людей, понимающихъ что побѣды Революціи можно будетъ упрочить, только идя дальше, впередъ, и старающихся поэтому выдвинуть требованія коммунистическаго характера, зародившіяся въ народныхъ массахъ.

Эти люди, прозванные за это Бѣшеными, Анархистами, пытаются организовать Францію, какъ *союзъ сорока тысячъ коммунъ*, находящихся въ постоянномъ сношеніи другъ съ другомъ, и представляющихъ центры жизни крайней демократіи*), работающіе надъ установленіемъ „равенства на дѣлѣ", какъ тогда говорилось, — „уравненія состояній". Они стараются дать дальнѣйшее развитіе зачаткамъ муниципальнаго коммунизма, признаннымъ въ законѣ о максимумѣ; они пытаются ввести *націонализацію торговли главными жизненными припасами*, и тѣмъ положить предѣлъ спекуляціямъ торгашей. Они стараются, наконецъ, положить предѣлъ образованію большихъ состояній и раздробить тѣ, которыя уже скопились въ однихъ рукахъ.

Но революціонная буржуазія, — дойдя до власти и пользуясь силою обоихъ Комитетовъ, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, которыхъ вліяніе росло по мѣрѣ того, какъ разгоралась война, — революціонная буржуазія раздавила тѣхъ, кого она называла „Бѣшеными" и „анархистами" и, въ свою очередь, была раздавлена, 9-го термидора, контръ-революціонною буржуазіею**). Тогда, послѣ того, какъ крайніе революціонеры были уничтожены, легко уже

*) Развитіе дѣятельности муниципалитетовъ было „послѣднимъ выступленіемъ революціи",—очень вѣрно замѣтилъ еще Минье въ своей «Исторіи французской Революціи». — „Преслѣдуя цѣли, противоположныя тому, что хотѣлъ Комитетъ общественнаго спасенія, эта фракція хотѣла, вмѣсто диктатуры Конвента, самой крайней демократіи, и вмѣсто общественнаго богослуженія—освященія самаго грубаго невѣрія. Анархія въ политикѣ и атеизмъ въ религіи, таковы были символы этой партіи и средства, которыми она хотѣла утвердить свое преобладаніе". Нужно впрочемъ замѣтить, что только часть тѣхъ, кого называли анархистами, слѣдовала за Эберомъ въ его походѣ противъ религіи, и что многіе отошли отъ него, видя враждебное настроеніе умовъ въ деревняхъ.

**) Подъ именемъ «Коммуны» и «анархистовъ» Минье подразумѣвалъ видныхъ дѣятелей Коммуны, какъ Пашъ и Пометъ, коммунистовъ, какъ Жакъ Ру, Шальѣ, Варлэ и

было утвердиться правительству Директоріи; а потомъ Бонапартъ, овладѣвши центральною властью, которую создали революціонеры-якобинцы, безъ труда могъ стать консуломъ, а впослѣдствіи и императоромъ.

Покуда Монтаньярамъ предстояла борьба въ Конвентѣ съ Жирондистами, они искали поддержки у народныхъ революціонеровъ. Въ мартѣ, въ апрѣлѣ 1793-го года, они, казалось, готовы были идти очень далеко рука объ руку съ пролетаріями. Но разъ они оказались во власти, они уже думали только о созданіи „средней партіи", стоящей на полъ-пути между крайними и контръ-революціонерами. Тогда они уже стали обращаться съ представителями народныхъ стремленій къ Равенству, какъ съ врагами. Они парализовали всѣ ихъ попытки организаціи въ секціяхъ и въ Коммунѣ, и раздавили ихъ.

Дѣло въ томъ, что вообще Монтаньяры, за весьма рѣдкими исключеніями, даже не понимали нуждъ народа такъ, какъ это нужно было, чтобы стать партіею народной революціи. Человѣкъ изъ народа, съ его нуждами, съ его полу-голодною семьею и съ его, еще смутными и неутвердившимися стремленіями къ равенству, былъ для нихъ чужой человѣкъ. Ихъ, выросшихъ на идеалахъ древняго Рима, гораздо больше интересовалъ отвлеченный индивидуумъ, членъ будущаго демократическаго общества.

За исключеніемъ немногихъ, болѣе крайнихъ Монтаньяровъ, комиссары Конвента, когда они пріѣзжали въ провинціальный городъ, мало интересовались вопросами труда и благосостоянія народа, или же равенствомъ въ пользованіи наличными богатствами. Ихъ послали, чтобы организовать отпоръ иностранному втор-

---

др., и Эбертистовъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ: «Въ такихъ условіяхъ Робеспьеръ хотѣлъ пожертвовать Коммуною и анархистами, Комитеты же хотѣли пожертвовать Горою и умѣренными. Въ концѣ концовъ они сговорились». Минлэ, наоборотъ, прекрасно отдѣлялъ народныхъ коммунистовъ отъ Эбертистовъ.

женію и поднять патріотическій духъ, — и они дѣйствовали, какъ чиновники демократіи, для которыхъ народъ являлся элементомъ для осуществленія видовъ правительства.

Если они шли, прежде всего, въ Народное общество этого города, то они дѣлали такъ потому, что муниципалитетъ былъ „зараженъ аристократизмомъ", и Народное общество должно было помочь имъ „очистить муниципалитетъ", чтобы организовать народную защиту и арестовать или казнить измѣнниковъ.

Если они налагали тяжелые налоги на богатыхъ, то они дѣлали это потому, что богатые, „зараженные духомъ коммерціи", сочувствовали „фёльянтамъ", или „федералистамъ" (т. е. Жирондистамъ) и помогали непріятелю. Еще и потому что, взыскивая эти налоги, они находили средство кормить и обувать солдатъ*).

Если они „провозглашали Равенство" въ какомъ нибудь городѣ и запрещали печь бѣлый хлѣбъ, заставляя всѣхъ ѣсть черный хлѣбъ, или хлѣбъ изъ бобовъ, то это было опять-таки для того, чтобы кормить солдатъ. И если комиссаръ Комитета Общественнаго Спасенія организовалъ народный праздникъ, а потомъ писалъ Робеспьеру, что соединилъ гражданскимъ бракомъ столько-то гражданокъ съ молодыми патріотами, то опять-таки его больше всего интересовала сдѣланная имъ пропаганда военнаго патріотизма.

Поэтому, когда читаешь письма, адресованныя Конвенту его комиссарами**), невольно поражаешься, находя въ нихъ такъ мало по вопросамъ, болѣе всего интересовавшимъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

*) «Федералистами» называли Жирондистовъ, потому что они хотѣли разрушить преобладаніе Парижа и поборотъ революціонный духъ его населенія.

**) Эти письма даны въ «Recueil des Actes du Comité de Salut public», publié par Aulard, Paris, 1889 et suiv.; также у Legros, «La Révolution telle qu'elle est... Correspondance du Comité de Salut public avec ses généraux», 2 vol., Paris, 1837.

Изъ двухъ-сотъ комиссаровъ только двое или трое интересовались ими.

Такъ, напримѣръ, Конвентъ уничтожилъ наконецъ феодальныя права и приказалъ сжечь всѣ бумаги, касающіяся этихъ правъ, причемъ уничтоженіе актовъ производилось однако весьма неохотно. Онъ позволилъ также сельскимъ общинамъ вернуть себѣ мірскія земли, отобранныя у нихъ подъ различными предлогами за послѣднія двѣсти лѣтъ. Очевидно, что ускорить эти мѣры, привести ихъ въ исполненіе на мѣстахъ было-бы лучшимъ средствомъ пробудить въ народѣ широкія симпатіи къ Революціи. Но въ письмахъ комиссаровъ почти ничего не встрѣчается по этому предмету*). Тоже касается до чрезвычайно интересныхъ писемъ молодого Жюльена, адресованныхъ Комитету Общественнаго Спасенія и его другу и покровителю Робеспьеру, то онъ только одинъ разъ упоминаетъ, что велѣлъ сжечь феодальныя записи**). Объ этомъ случайно упоминается также у Колло-д'Эрбуа***).

Даже когда комиссары Конвента говорятъ о жизненныхъ припасахъ,—а имъ часто приходится о нихъ говорить,—они не касаются сущности вопроса. Есть только одно письмо Жанъ Бона Сентъ-Андрэ, отъ 26 марта 1793 года, которое составляетъ исключеніе; но и оно написано ранѣе 31-го мая. Позднѣе, Жанъ Бонъ тоже обратился

*) Письма, напечатанныя въ вышеупомянутыхъ сборникахъ Олара и Легро полны живаго интереса во всѣхъ отношеніяхъ; но я напрасно искалъ въ нихъ слѣдовъ дѣятельности комиссаровъ въ этихъ двухъ направленіяхъ. Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ, Колло-д'Эрбуа, Фуше, Дюбуа-Крансэ затрагиваютъ иногда большіе вопросы, интересующія крестьянъ и рабочихъ; можетъ быть, также есть другія письма комиссаровъ, мнѣ неизвѣстныя; но вообще можно сказать, что громадное большинство комиссаровъ этими вопросами не интересовалось.

**) «Une mission en Vendée»

***) Aulard, «Recueil des Actes du Comité de Salut public, t. V, p. 505.

противъ болѣе крайнихъ революціонеровъ*). Однако въ письмѣ изъ департамента Ло-и-Гаронны, — одного изъ самыхъ симпатичныхъ революціи, — онъ просилъ своихъ товарищей по Комитету не скрывать отъ себя опасностей. „Положеніе таково, писалъ онъ, что если мы не будемъ имѣть смѣлости вызвать одно изъ тѣхъ необычайныхъ событій, которыя поднимаютъ общественный духъ во Франціи и даютъ ему новую силу, нужно отложить всякую надежду. Безпорядки въ Вандеѣ и сосѣднихъ департаментахъ, конечно, внушаютъ опасенія, но они опасны только потому, что святой энтузіазмъ къ свободѣ заглушенъ во всѣхъ сердцахъ. Вездѣ устали отъ Революціи. Богатые её ненавидятъ, а у бѣдныхъ нѣтъ хлѣба.... Всѣ тѣ, кого прежде называли умѣренными, кто шелъ до нѣкоторой степени за одно съ патріотами и хотѣлъ хоть какой-нибудь революціи, теперь никакой не хотятъ.... Скажемъ правду: они хотятъ контръ-революціи.“ — Даже муниципалитеты слабы, или развращены, во всѣхъ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ комиссарами.

Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ требуетъ, поэтому, мѣръ *великихъ* и суровыхъ. И, закончивъ свое письмо, онъ возвращается къ этимъ мѣрамъ въ постъ-скриптумѣ: —„У бѣдныхъ“, пишетъ онъ, „нѣтъ хлѣба, а между тѣмъ въ зернѣ нѣтъ недостатка: но только его прячутъ.... Обязательно необходимо дать бѣднымъ средства жизни, если вы хотите, чтобы они помогли вамъ закончить Революцію.... Мы думаемъ, что полезно было бы выпустить декретъ, предписывающій всеобщій наборъ всего зернового хлѣба (le recrutement général de tous les grains), въ особенности если къ нему прибавить распоряженіе *о зерновыхъ складахъ, составляемыхъ изъ избытка всѣхъ частныхъ лицъ*“. И Жанъ Бонъ

*) Письмо подписано двумя комиссарами, посланными въ этотъ департаментъ: Жанъ Бономъ и Лакостомъ, но оно писано рукою перваго.

умолялъ Барера взять на себя починъ этихъ мѣръ*). Но—развѣ Конвентъ интересовался этими вопросами!

Утвержденіе монтаньярскаго правительства, вотъ что болѣе всего интересовало членовъ Конвента. Но, подобно всѣмъ членамъ всякаго правительства, до Революціи и послѣ нея, они искали опоры не въ установленіи всеобщаго благосостоянія и довольства, а въ ослабленіи, и въ случаѣ надобности въ истребленіи противниковъ своего правительства. Поэтому они вскорѣ со страстью ухватились за терроръ, какъ за средство уничтожать враговъ демократической Республики, но никогда не отнеслись они съ такою-же вѣрою къ крупнымъ мѣрамъ экономическаго характера, — даже если они сами, уступая давленію минуты, провели эти мѣры законодательнымъ путемъ.

---

*) Акты Комитета Общественнаго Спасенія, изданные Олларомъ, т. III, стр. 533—534.

LVIII.

Коммунистическое движеніе.

Уже въ наказахъ 1789-го года встрѣчаются, какъ это показалъ Шассенъ, воззрѣнія, которыя въ настоящее время были бы названы соціалистическими. Руссо, Гельвецій, Мабли, Дидро и др. уже представляли неравенство состояній и скопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ, какъ главное препятствіе установленію демократической свободы. При первыхъ-же проблескахъ революціи, эти воззрѣнія стали высказываться съ большею силою.

Тюрго, Сейесъ, Кондорсэ утверждали, что равенство въ политическихъ правахъ еще ничего не даетъ, если нѣтъ равенства на дѣлѣ (égalité de fait). Это послѣднее, говорилъ Кондорсэ, представляетъ собою „послѣднюю цѣль соціальнаго искусства", такъ какъ неравенство богатствъ, неравенство состояній и неравенство образованія—главныя причины всѣхъ золъ*). И тѣ-же

*) Уже Кабэ, въ своемъ приложеніи къ «Путешествію въ Икарію», изданіе 1842 года, указалъ на этотъ характеръ мыслителей восемнадцатаго вѣка и далъ много цитатъ. — Изъ современныхъ работъ, см. André Lichtenberger, «Le Socialisme et la Révolution française», Paris, 1899.

идеи нашли отголосокъ во многихъ наказахъ избирателей, которые требовали, или права всѣхъ на обладаніе землей, или „уравненія состояній“.

Можно даже сказать, что парижскій пролетаріатъ вполнѣ сознавалъ свои нужды и находилъ уже людей для вѣрнаго ихъ выраженія. Мысль о двухъ классахъ, имѣющихъ противоположные интересы, ясно выражена въ „Наказѣ бѣдныхъ“ (Cahier des pauvres) округа Сентъ-Этьенъ дю-Монъ, нѣкимъ Ламбертомъ, „другомъ тѣхъ, у кого ничего нѣтъ“. Производительный трудъ, достаточная заработная плата (living wage нынѣшнихъ англійскихъ соціалистовъ), борьба противъ такъ-называемаго „невмѣшательства“ буржуазныхъ экономистовъ, противопоставленіе соціальнаго вопроса вопросу политическому, — все это уже встрѣчается въ „Наказѣ бѣдныхъ“ *).

Но въ особенности стали открыто распространяться коммунистическія идеи послѣ взятія Тюильри, и еще болѣе — послѣ казни короля, т. е. въ февралѣ и мартѣ 1793-го года. Можно думать даже, — по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ Бодо (Baudot), — что Жирондисты потому выступили такими ярыми защитниками собственности, что они устрашились вліянія, которое пріобрѣтала въ Парижѣ пропаганда равенства и коммунизма **).

Нѣкоторые Жирондисты, а именно Рабо Сентъ-Этьенъ и Кондорсэ, несомнѣнно подверглись вліянію этого движенія. Кондорсэ, на смертномъ одрѣ, излагалъ планъ

*) „Всегда было и всегда будетъ только два дѣйствительно отдѣльныхъ класса гражданъ, — собственники и несобственники, изъ которыхъ первые владѣютъ всѣмъ, а вторые ничѣмъ“, говорится въ «Наказѣ бѣдныхъ». — „Къ чему разумная конституція для народа, состоящаго изъ людей, обращенныхъ въ скелеты голодомъ?“ спрашиваетъ авторъ брошюры, «Quatre cris d'un patriote» (Четыре жалобы патріота). См. Chassin, «Le génie de la Révolution», изд. 1863, т. I, стр. 287, 289.

**) Мы находимъ въ «Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants, par M. A. Baudot», изданныхъ вдовою Эдгара Кинэ (Paris 1893), очень интересную замѣтку, гдѣ говорится, что по мнѣнію Ингрaна

„взаимности“ (mutualité), т. е. взаимнаго страхованія всѣхъ гражданъ противъ всего того, что можетъ привести рабочаго въ состояніе, гдѣ онъ долженъ продавать свой трудъ, какъ бы мала ни была предлагаемая ему цѣна. Что-же касается до Рабо, то онъ требовалъ, чтобы большія состоянія были отняты у богатыхъ, либо путемъ прогрессивнаго налога, либо организуя „естественный переходъ избыточнаго богатства въ общественныя, общеполезныя учрежденія“.—„Большія состоянія представляютъ препятствіе къ свободѣ“, писалъ онъ, повторяя формулу, въ то время весьма распространенную. Даже Бриссо, впослѣдствіи ярый защитникъ буржуазной личной собственности, старался одно время найти блаженную середину по отношенію къ этому образу мыслей, на который онъ, впрочемъ, скоро напалъ съ ожесточеніемъ*).

Нѣкоторые изъ Монтаньяровъ шли гораздо дальше. Такъ Бильо-Варенъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1793-мъ году, открыто высказался противъ крупной собствен-

(Ingrand) система общей собственности, развитая Буонарроти «возникла за нѣсколько времени до событій 20-го іюня, и что сами эти событія возымѣли начало, благодаря ассоціаціи» (стр. 10—11). Меръ Парижа, Петіонъ, сообщилъ тогда объ этомъ большому числу депутатовъ «Повидиному», продолжаетъ Бодо, «Жирондисты внесли столько рѣзкости и озлобленія въ свою систему, потому что боялись, какъ бы ученіе этого сообщества не взяло верхъ». Извѣстно, что впослѣдствіи нѣкоторые члены Конвента дѣйствительно приняли коммунистическія воззрѣнія и вошли въ заговоръ Бабёфа.

*) Въ декабрѣ 1792 года, для того чтобы побороть «идею о раздѣлѣ земель, *предложенную анархистами, или господами изъ Кобленца*», т. е. роялистами-эмигрантами (Робеспьеръ вскорѣ сталъ тоже распространять эту инсинуацію противъ коммунистовъ), Бриссо писалъ, что равенство политическихъ правъ осталось-бы химерою, если-бы «неравенство на дѣлѣ между гражданами не было уничтожено законодательствомъ, и если-бы не было поставлено препятствій развитію неравенства». Но подобныя учрежденія, ведущія къ равенству, прибавлялъ онъ, «должны быть введены безъ потрясеній, безъ насилія и не нарушая самаго перваго изъ правъ, — права собственности».

ности*). Онъ возставалъ противъ идеи Вольтера, что рабочаго только голодъ можетъ заставить работать. По его мнѣнію (стр. 103), слѣдовало постановить, что никто не можетъ владѣть больше извѣстнаго количества десятинъ земли, и что никто не долженъ наслѣдовать больше 20.000 или 25.000 ливровъ. Онъ понималъ, что главная причина всѣхъ общественныхъ золъ состоитъ въ томъ, что есть люди, находящіеся „въ прямой, но не взаимной зависимости отъ другихъ; такъ какъ это составляетъ первое звено въ цѣпи рабства". Онъ не придавалъ серьознаго значенія нарѣзкѣ мелкихъ участковъ земли, которыми хотѣли надѣлить бѣдныхъ, „такъ какъ ихъ существованіе", писалъ онъ, „останется жалкимъ и несчастнымъ, разъ они должны зависѣть отъ воли другихъ". „Мы слышали крикъ, писалъ онъ дальше (стр. 129): *Война замкамъ, миръ хижинамъ*! Прибавимъ къ этому слѣдующее основное правило: Не надо гражданъ, избавленныхъ отъ необходимости имѣть профессію; не надо гражданъ, поставленныхъ въ невозможность научиться ремеслу".

Мысль Бильо Варенна о наслѣдствѣ была возобновлена, какъ извѣстно, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Международнымъ Союзомъ Рабочихъ, на Базельскомъ конгрессѣ 1869 года. Но нужно сказать, что среди Монтаньяровъ онъ былъ однимъ изъ крайнихъ.

Другіе, какъ напримѣръ Лепельтье, ограничивались тѣмъ, что́ проповѣдывалось въ наше время, тоже въ Интернаціоналѣ, подъ именемъ „интегральнаго (полнаго)

*) Говоря о собственности, онъ представлялъ ее въ такой интересной формѣ: Собственность, писалъ онъ,—основа гражданскихъ обществъ. Извѣстно, что въ большомъ государствѣ развитіе состояній не можетъ быть ни справедливо, ни постоянно, и что подъ вліяніемъ крупной торговли, поддерживаемой развитою промышленностью и богатымъ земледѣліемъ, равновѣсіе постоянно нарушается. *Нужно, однако, чтобы равновѣсіе никогда не было слишкомъ сильно нарушаемо.* («Les élèments de républicanisme», Paris, 1793, стр. 57. — Брошюры Британскаго музея, томъ F. 1097).

образованія", т. е. обученія каждаго юноши ручному ремеслу и наукамъ; тогда какъ другіе, какъ напр. Армандъ (Harmand) довольствовались проповѣдью „возмѣщенія собственности" ограбленному народу (restitution des propriétés) и ограниченія права собственности въ интересахъ всего народа.

Истинныхъ проповѣдниковъ коммуналистическаго и коммунистическаго движенія 1793 и 1794 года нужно однако искать не въ Конвентѣ, а въ народной средѣ, — въ нѣкоторыхъ секціяхъ Парижа, какъ напр. Гравильѣ и въ клубѣ Кордельеровъ, — но, конечно, не въ клубѣ Якобинцевъ. Была даже сдѣлана попытка свободной организаціи между тѣми, которыхъ въ то время называли Бѣшеными, т. е. тѣми, кто стремился къ революціи въ смыслѣ соціальнаго равенства. Такъ, послѣ 10-го августа составился, повидимому подъ вліяніемъ федератовъ, прибывшихъ въ Парижъ изъ Марсели и Бреста, родъ союза между делегатами 48-и парижскихъ секцій, Совѣта Коммуны и „Соединенныхъ Защитниковъ 84-хъ департаментовъ". Когда, въ февралѣ 1793-го года, начались въ Парижѣ движенія противъ биржевыхъ спекуляцій, о которыхъ мы говорили въ главѣ XLIII-й, делегаты этой организаціи пришли, 3-го февраля, требовать отъ Конвента энергическихъ мѣръ противъ спекуляторовъ. Въ ихъ рѣчи видны уже зачатки мысли, ставшей впослѣдствіи основою „взаимности" Прудона (мютюэлизма) и его Народнаго Банка. Они говорили, что всѣ выгоды, получаемыя отъ обмѣна въ банкахъ, если есть таковыя, должны принадлежать всему народу, а не частнымъ людямъ, такъ какъ онѣ составляютъ продуктъ *общественнаго довѣрія всѣхъ ко всѣмъ*.

Мы еще мало знаемъ всѣ эти смутныя, не вполнѣ опредѣлившіяся движенія, бродившія среди народа въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, въ 1793-мъ и 1794-мъ году. Историки только теперь начинаютъ ихъ изучать; но несомнѣнно то, что коммунистическое движеніе, представленное Жакомъ Ру, Варлэ, Доливэ,

Шальѐ, Леклеркомъ, Л'Анжемъ (L'Ange или Lange), Розою Лакомбъ. Буасселемъ и нѣкоторыми другими, имѣло глубину, которой раньше не замѣчали, но которую уже угадалъ Мишлэ*).

Очевидно, что коммунизмъ 1793-го года не представляется съ тою цѣльностью доктрины, которую мы находимъ у французскихъ послѣдователей Фурьѐ и Сенъ-Симона, а въ особенности у Консидерана, или даже у Видаля. Въ 1793 году, коммунистическія идеи вырабатывались не въ кабинетахъ ученыхъ; онѣ возникали въ народѣ, изъ потребностей самой жизни. Вотъ почему во время Великой Революціи соціальный вопросъ проявился въ особенности въ формѣ вопроса *о средствахъ существованія* и вопроса *о землѣ*. Но въ этомъ и состоитъ превосходство коммунизма Великой Революціи, по сравненію съ соціализмомъ сороковыхъ годовъ и его позднѣйшими послѣдователями. Первый шелъ прямо къ цѣли, стремясь разрѣшить вопросъ *о распредѣленіи продуктовъ*. Намъ, этотъ коммунизмъ долженъ конечно казаться отрывочнымъ, тѣмъ болѣе, что различные его проповѣдники разрабатывали, каждый, различныя его стороны. и не нашлось никого изъ тогдашнихъ образованныхъ людей, кто свёлъ-бы эти требованія въ стройную, цѣльную общественную систему. Кромѣ того, коммунизмъ того времени оставался, такъ сказать, *частнымъ коммунизмомъ*, такъ какъ онъ допускалъ личное владѣніе, наряду съ коммунальною собственностью и, провозглашая право всѣхъ на всѣ продукты производства, признавалъ также личное право на „избытокъ", рядомъ съ правомъ всѣхъ на продукты первой и второй необходимости. Однако-же

*) Весьма вѣроятно, что кромѣ проповѣди коммунизма въ секціяхъ и Народныхъ обществахъ, были сдѣланы также, съ августа 1792-го года, попытки основать тайныя коммунистическія общества, распространенныя въ 1794-мъ году Буонарроти и Бабёфомъ, и впослѣдствіи, послѣ революціи 1830-го года, давшія начало тайнымъ обществамъ Бланкистовъ.

въ немъ обозначаются уже всѣ три главные виды коммунизма: земельный, промышленный коммунизмъ и коммунизмъ въ торговлѣ и кредитѣ. И въ этомъ отношеніи пониманіе экономическихъ отношеній было шире въ 1793 мъ году, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка; тѣмъ болѣе, что если отдѣльные революціонеры налегали въ особенности на тотъ или другой видъ коммунизма, они этимъ не исключали остальныхъ. Наоборотъ, всѣ эти виды, исходя изъ одного общаго представленія о равенствѣ, дополняли другъ друга. Въ тоже время, коммунисты 1793-го года не были строителями отвлеченныхъ системъ для будущихъ временъ, а вполнѣ разумно стремились провести свои мысли и выводы *въ жизнь*, при помощи мѣстныхъ силъ, на мѣстѣ и на дѣлѣ, стараясь въ тоже время установить *прямой союзъ* между всѣми 40.000 коммунами во Франціи.

У Сильвэнъ Марешаля замѣчается даже нѣкоторое стремленіе къ тому, что теперь называется свободнымъ коммунизмомъ, — хотя, конечно, всѣ высказывалось тогда съ большой сдержанностью, такъ какъ за слишкомъ откровенное выраженіе своихъ мыслей приходилось рисковать головой.

Мысль о томъ, что до коммунизма можно дойти путемъ заговора и государственнаго переворота, при помощи тайнаго общества, которое захватитъ власть — мысль, которой апостоломъ сталъ Бабёфъ — утвердилась только позже, въ 1795-мъ году. Только тогда, когда термидорская реакція конца 1794 го года уже положила конецъ восходящему, народному движенію Великой Революціи, явились заговорщики, мечтавшіе водворить такой громадный общественный переворотъ, какъ коммунизмъ, путемъ захвата власти и указовъ. Но это былъ уже продуктъ истощенія, а не результатъ поднимающейся волны первыхъ четырехъ лѣтъ Великой Революціи. Къ сожалѣнію, эта вѣра въ государственный коммунизмъ, установленный силою сверху, удержалась и до нашихъ дней.

Конечно, въ 1793-мъ и 1794-мъ году было много декламаціи, громкихъ словъ, въ томъ, что говорили народные коммунисты. Такова была мода того времени — мода, которой наши современные ораторы тоже платятъ дань. Но всё что мы знаемъ объ этихъ проповѣдникахъ представляетъ ихъ, какъ людей, глубоко преданныхъ своимъ идеямъ и вдумчивыхъ.

Жакъ Ру прежде былъ священникомъ. Онъ былъ крайне бѣденъ и жилъ со своею собакою почти исключительно на свой доходъ въ 200 ливровъ въ годъ, въ мрачномъ домѣ въ центрѣ Парижа*), и проповѣдывалъ коммунизмъ въ рабочихъ кварталахъ. Его очень слушали въ секціи Гравильё, и онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ клубѣ Кордельеровъ, вплоть до конца іюня 1793-го года, когда это вліяніе было разрушено вмѣшательствомъ Робеспьера. Что касается до Шальё, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Ліонѣ, мы знаемъ отъ Мишлэ, что этотъ мистическій коммунистъ былъ замѣчательный человѣкъ, обожаемый своими учениками; — еще болѣе другъ народа, чѣмъ Маратъ. Когда онъ былъ казнёнъ Жирондистами, его другъ Леклеркъ перебрался въ Парижъ и продолжалъ вести тамъ коммунистическую пропаганду, вмѣстѣ съ Жакомъ Ру, молодымъ парижскимъ рабочимъ Варлэ и Розою Лакомбъ, вокругъ которой сгруппировался клубъ революціонныхъ женщинъ. Про Варлэ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ пользовался популярностью среди парижской бѣдноты. Его памфлетъ, „Торжественное заявленіе правъ человѣка въ соціальномъ государствѣ“, выпущенный въ 1793-мъ году, отличался большою умѣренностью. Но не надо забывать, что подъ угрозою декрета 10-го марта 1793-го года, болѣе крайніе революціонеры не смѣли печатать всего того, что они думали**).

*) Jaurès, «La Convention», стр. 1069 (замѣтки Bernard Lazare'a, использованныя Жоресомъ).

**) Въ этомъ «Заявленіи» Варлэ требовалъ только, чтобы право собственности на землю было ограничено; чтобы про-

У коммунистовъ были также свои теоретики. Таковъ былъ Буассель, напечатавшій свой „Катехизисъ человѣческаго рода“ въ началѣ Революціи, а вторымъ изданіемъ въ 1791-мъ году*). Также — неизвѣстный авторъ сочиненія, изданнаго въ томъ-же году подъ заглавіемъ „О собственности, или защита бѣдныхъ передъ Судомъ Разума, Справедливости и Правды“, и Пьеръ Доливье (тоже пишется Д'Оливье), священникъ изъ Мошана (Mauchamp), авторъ замѣчательнаго сочиненія, „Изслѣдованіе о первобытной справедливости, служащей началомъ, порождающимъ тотъ общественный порядокъ, который только и можетъ обезпечить человѣку всѣ его права и пути къ счастью“. Эта книга была издана въ концѣ іюля 1793-го года, гражданами коммуны Оверъ, изъ округа Этампъ**).

Среди писателей и проповѣдниковъ-коммунистовъ выдвигался также Л'Анжъ, — истинный предшественникъ Фурье, какъ замѣтилъ уже Мишлэ. Наконецъ, Бабёфъ былъ тоже въ Парижѣ въ 1793-мъ году. Состоя на

тивъ ужаснаго неравенства состояній были приняты «справедливыя мѣры», дающія возможность бѣднымъ спастись отъ притѣсненія богатыми, и чтобы частныя состоянія, накопленныя насчётъ общественнаго богатства при помощи плутовства, ажіотажа, монополіи, и операцій скупщиковъ, становились бы національною собственностью, какъ только общество убѣдится доказанными фактами, что они накоплены путемъ злоупотребленій“ («Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social», Paris, 1793. Брошюры Британскаго музея, томъ F. 499). Въ другой брошюрѣ, «Vœux formés par des Français libres» (также коллекція, томъ F. 65). Варлэ требовалъ также строгихъ законовъ противъ скупщиковъ.

*) Въ своемъ «Катехизисѣ» Буассель уже излагалъ идеи, впослѣдствіи ставшія ходячими среди соціалистовъ сороковыхъ годовъ. См. «Le catéchisme du genre humain pour l'établissement essentiel et indispensable du véritable ordre moral et de l'éducation sociale des hommes». Paris, 1789 (Брошюры Британскаго музея, томъ F. 513).

**) Въ своей рѣчи «О средствахъ спасти Францію и Свободу», произнесенной во время выборовъ въ Конвентъ (Dis-

службѣ въ департаментѣ народнаго продовольствія, подъ покровительствомъ Сильвэнъ Марешаля, онъ втайнѣ вёлъ коммунистическую пропаганду. Его преслѣдовали въ это время подъ предлогомъ подд'ѣлки одного документа — въ бытность судьею въ провинціи, — совершенно неосновательно преслѣдовали, какъ доказалъ это Габріель Девилль, разыскавшій подлинные акты процесса*). Поэтому онъ долженъ былъ скрываться и держался очень осторожно.

Впослѣдствіи, историки соціализма всегда связывали коммунизмъ съ заговоромъ Бабёфа; но Бабёфъ, судя по его сочиненіямъ и письмамъ, былъ только оппортюнистомъ коммунизма тѣхъ годовъ. Его представленія по этому вопросу, а также предлагавшіеся имъ способы дѣйствія клонились къ измельчанію идеи. Въ то время, какъ уже многіе умы того-времени понимали, что движеніе Революціи въ коммунистическомъ направленіи было-бы лучшимъ средствомъ обезпечить побѣду демократіи, Бабёфъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ одинъ изъ его нынѣшнихъ хвалителей, старался *незамѣтно подмѣшать* коммунизмъ въ демократизмъ. Въ то время, какъ становилось уже ясно, что демократія утратитъ свои побѣды, если народъ не вмѣшается въ борьбу, Бабёфъ хотѣлъ „*демократію спервa*“, чтобы постепенно въ неё вводить коммунизмъ**). Вообще его представ-

cours sur les moyens de sauver la France et la liberté, Парижъ, Національная библіотека), Жакъ Ру утверждалъ, что продлившаяся нѣсколько времени диктатура навѣрно приведетъ къ гибели свободы, и требовалъ, чтобы „крупные земельные собственники могли продавать свои хлѣба только въ установленныхъ для этого въ каждомъ округѣ рынкахъ. Устройте, говоритъ онъ, въ каждомъ городѣ и посадѣ общественные рынки, гдѣ цѣна всякаго товара опредѣлялась бы съ торговъ“ (стр. 42—44). Мишлэ (кн. XV, гл. VI), уже упоминавшій эту рѣчь, прибавляетъ что ученія Ру были очень популярны въ секціяхъ Гравильё, Арси и другихъ, въ центрѣ Парижа.

*) «Thermidor et Directoire, 1794—1795», стр. 14 и слѣд.

**) Такъ, напримѣръ, народъ, вооруженный демократической конституціей, могъ бы, по его мнѣнію, своимъ veto

леніе о коммунизмѣ было такъ узко и такъ искусственно, что онъ мечталъ дойти до него путемъ заговора нѣсколькихъ человѣкъ, которые овладѣли-бы правительствомъ при помощи тайнаго общества. Онъ даже шелъ дальше и воображалъ, что единичная личность, лишь бы она обладала сильною волею, могла бы ввести коммунизмъ въ общество, и такимъ образомъ спасти міръ! Пагубное заблужденіе, которымъ увлекались многіе соціалисты въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, и которое дало намъ цезаризмъ, — вѣру въ Наполеона, въ Дизраэли и во всякихъ *спасителей* — вѣру, увы, удержавшуюся и до сихъ поръ у многихъ соціалистовъ-государственниковъ.

мѣшать проведенію всякаго закона, до тѣхъ поръ покуда средства существованія не будутъ обезпечены всѣмъ гражданамъ, путемъ закона!

LIX.

Мысли о соціализаціи земли, фабрикъ и заводовъ, средствъ существованія и торговли.

Основною мыслью коммунистическаго движенія 1793-го года было то, что земля должна разсматриваться, какъ достояніе всего народа, и что каждому должно быть обезпечено существованіе, такъ, чтобы никто не былъ вынужденъ продавать свой трудъ подъ угрозою голода.

„Равенство на дѣлѣ", о которомъ такъ много говорили въ теченіе восемнадцатаго вѣка, выражалось теперь въ утвержденіи *равнаго* для всѣхъ права на землю; а обширная распродажа земель государствомъ, послѣ конфискаціи церковныхъ и дворянскихъ имѣній, давала основаніе думать, что практическое осуществленіе этой основной мысли будетъ возможно.

Не слѣдуетъ забывать, что въ то время крупная фабричная промышленность только начинала возникать, и что земля была главнымъ орудіемъ эксплуатаціи труда. Землею баринъ держалъ въ рукахъ крестьянъ, и невозможность имѣть свой кусокъ земли заставляла крестьянъ выселяться въ города, гдѣ они по необходимости становились добычею фабриканта и торговца-спекулятора.

При такихъ условіяхъ, мысль коммунистовъ естественно направлялась къ тому, что̀ тогда называли „аграрнымъ закономъ", т. е. къ ограниченію земельной собственности каждаго отдѣльнаго лица извѣстнымъ количествомъ десятинъ, и къ признанію за каждымъ гражданиномъ права на землю.

Захватъ земель, совершавшійся тогда спекуляторами, скупавшими, съ цѣлью перепродажи, національныя имущества отобранныя у духовенства и у эмигрантовъ-дворянъ, очевидно, могъ только усилить мысль о необходимости такой мѣры. И между тѣмъ какъ одни требовали, чтобы каждый гражданинъ, желающій работать на землѣ, имѣлъ право получить свою долю изъ національныхъ имуществъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ купить себѣ участокъ на выгодныхъ условіяхъ постепеннаго выплачиванія, — другіе, болѣе дальновидные, требовали, чтобы вся земля была объявлена общинною, и чтобы право на землю было только правомъ *владѣнія* тою землею, которая дѣйствительно обрабатывается даннымъ лицомъ, и то — только покуда она имъ обрабатывается.

Такимъ образомъ, напримѣръ, Бабёфъ,—быть можетъ, избѣгая слишкомъ выдвигаться впередъ, — требовалъ раздѣла поровну общинныхъ земель. Но онъ также требовалъ „неотчуждаемости" земли, т. е. сохраненія *собственности* на землю за обществомъ, за страною, т. е. всѣмъ народомъ,—предоставляя частнымъ лицамъ только право *временнаго владѣнія*.

Съ другой стороны, въ Конвентѣ, во время обсужденія закона о раздѣлѣ общинныхъ земель, Жюльенъ Суэ (Souhait) возсталъ противъ окончательнаго раздѣла общинныхъ земель, предложеннаго Комитетомъ земледѣлія, и съ нимъ за одно были, конечно, милліоны болѣе бѣдныхъ крестьянъ. Суэ настаивалъ, чтобы раздѣлъ (между всѣми членами общины поровну) былъ только временный, и чтобы по прошествіи нѣкотораго времени общиною совершался передѣлъ. Въ такомъ случаѣ владѣльцы участковъ имѣли-бы только право временнаго пользованія, какъ въ русской общинѣ.

По тому же вопросу о владѣніи землею, Доливьѣ, священникъ въ Мошанѣ (Mauchamp) устанавливалъ, въ своемъ *Опытѣ о первобытной справедливости*, „два основныхъ начала: первое, что земля принадлежитъ всѣмъ, т. е. никому въ частности; и второе, что каждому принадлежитъ исключительное право на произведенія

своего труда". Но такъ какъ въ то время главнымъ вопросомъ былъ вопросъ о землѣ, онъ на него обратилъ главное свое вниманіе.

„Земля, говорилъ онъ, взятая вообще, должна быть разсматриваема, какъ великій общинный запасъ природы (le grand communal de la nature)" — какъ общая собственность всѣхъ; „каждый долженъ имѣть право на свою долю изъ этого большого запаса". Одно поколѣніе не можетъ составлять законы для слѣдующихъ поколѣній и лишать ихъ ихъ верховнаго права: тѣмъ болѣе не имѣетъ оно никакого права лишать ихъ ихъ достоянія". И — далѣе: — „Одни только народы и, въ частности, общины являются дѣйствительными собственниками своей земли" *).

Въ сущности, Доливьѐ признавалъ, что только движимая собственность можетъ передаваться по наслѣдству. Что-же касается до земли, то каждый, писалъ онъ, долженъ получать, изъ общаго запаса земли, только то, что можетъ самъ обрабатывать со своею семьею, — и то только пожизненно; причемъ это конечно не мѣшало-бы вести общинную обработку земли, рядомъ съ фермами, гдѣ обработка велась бы каждою семьею порознь.

Хорошо знакомый съ деревенскою жизнью, Доливьѐ ненавидѣлъ фермеровъ, такъ же какъ и владѣльцевъ. Онъ требовалъ „полной разбивки фермъ" и „раздѣла земли, мелкими участками, между всѣми, не имѣющими земли, или недостаточно надѣленными ею. Вотъ единственная дѣйствительная мѣра, говорилъ онъ, которая могла-бы оживить наши деревни и дала-бы благосостояніе семьямъ, нынѣ изнывающимъ въ нищетѣ, за неимѣніемъ земли, чтобы приложить къ ней свое тру-

*) Этого труда Доливьѐ нѣтъ въ Британскомъ музеѣ. Пользуюсь, поэтому, цитатами Жореса. Другое сочиненіе Доливьѐ, «Le vœu national, ou système politique propre à organiser la nation dans toutes ses parties....», Парижъ, 1790 (Брошюры Британскаго музея, F., томъ 514), интересна только по высказанной въ ней мысли объ организаціи страны снизу вверхъ.

долюбіе". — „Земля", писалъ онъ далѣе, „была-бы лучше обработана, средства существованія каждой семьи умножились-бы, на рынки привозилось-бы больше продуктовъ, и мы избавились-бы отъ самой отвратительной аристократіи — аристократіи фермеровъ". Онъ предвидѣлъ, что такимъ путемъ можно будетъ достигнуть такого изобилія земледѣльческихъ продуктовъ, что не будетъ болѣе нужды въ законѣ о жизненныхъ припасахъ, — „необходимомъ въ настоящее время, но тѣмъ не менѣе представляющемъ большія неудобства".

Соціализація промышленности тоже находила защитниковъ, особенно въ ліонской области. Тамъ требовали, чтобы Коммуна опредѣляла заработную плату рабочихъ, и чтобы плата была такая, что обезпечивала-бы средства существованія. Требовали, слѣдовательно, того, что современные англійскіе соціалисты называютъ living wage. Кромѣ того, раздавались голоса въ пользу націонализаціи нѣкоторыхъ отраслей промышленности, — напримѣръ, рудниковъ. Была также высказана мысль, что муниципалитеты должны-бы захватить фабрики, покинутыя противниками революціи, и сами вести производство на свой счётъ и въ свою пользу. Вообще, мысль о производствѣ самою Коммуною была очень популярна въ 1793-мъ году. Высказывалась также мысль, что надо пустить въ обработку подъ огороды обширныя пустующія пространства въ паркахъ богатыхъ людей; она была распространена въ Парижѣ, гдѣ её проповѣдывалъ Шометъ.

Очевидно, что въ ту пору меньше интересовались обрабатывающею промышленностью, чѣмъ земледѣліемъ. Впрочемъ негоціантъ Кюссэ, выбранный членомъ Конвента въ Ліонѣ, уже говорилъ о націонализаціи промышленности, а Л'Анжъ развивалъ проэктъ фаланстера, гдѣ земледѣліе соединялось-бы съ промышленностью. Уже начиная съ 1790-го года, Л'Анжъ вёлъ въ Ліонѣ серьёзную коммунистическую пропаганду. Такъ, въ брошюрѣ, помѣченной 1790-мъ годомъ, онъ развивалъ слѣдующія воззрѣнія: — „Революція, писалъ онъ, шла,

было, къ тому, чтобы стать благотворной; но перемѣна воззрѣній испортила её; благодаря самому ужасному злоупотребленію богатствами, воззрѣнія верховнаго владыки [народа] измѣнились". „Золото.... полезно и благотворно только въ нашихъ трудолюбивыхъ рукахъ; но оно становится заразою въ сундукахъ капиталистовъ.... Всюду, Ваше Величество, куда бы Вы ни обратили Ваши взоры, Вы увидите, что земля обрабатывается нами; мы работаемъ на ней, мы первые ея владѣли: мы — первые и послѣдніе дѣйствительные ея владѣльцы. Трутни, называющіе себя ея собственниками, могутъ только забирать себѣ избытокъ, остающійся послѣ нашего прокормленія. Это доказываетъ, во всякомъ случаѣ, наше право владѣнія, наравнѣ съ ихнимъ. Но если мы со-владѣльцы, и составляемъ единственный источникъ всякаго дохода, тогда право ограничивать наше пропитаніе и отнимать у насъ избытокъ — разбойничье право". Что представляетъ, на нашъ взглядъ, очень вѣрное пониманіе такъ-называемой „прибавочной стоимости" *).

Разсуждая далѣе, на основаніи реальныхъ фактовъ, о кризисѣ въ средствахъ пропитанія, переживавшемся Франціею, Доливьѣ предлагалъ систему подписки, или абонемента потребителей, для покупки по заранѣе установленной цѣнѣ всей жатвы, — все это, при помощи вольной ассоціаціи, разростающейся по вольному соглашенію. Онъ желалъ также установленія общественныхъ магазиновъ, куда всѣ земледѣльцы могли бы свозить свои произведенія на продажу. Онъ предла-

*) „Plaintes et représentations d'un citoyen décrété passif, aux citoyens décrétés actifs", par M. L'Ange. Лионъ, 1790, стр. 15. (Брошюра въ Парижской Національной Библіотекѣ. Пользуюсь случаемъ выразить благодарность М. И. Г. сдѣлавшей для меня выписки изъ брошюръ коммунистовъ, не имѣвшихся въ Британскомъ Музеѣ).—Объ воззрѣніяхъ, болѣе или менѣе соціалистическихъ. Соціальнаго кружка, основаннаго аббатомъ Фоше и органомъ котораго была газета «Bouche de fer», см. A. Lichtenberger, «Le Socialisme et la Révolution française», гл. III, стр. 69.

галъ, такимъ образомъ, систему продажи пищевыхъ припасовъ, которая одинаково отрицала, какъ монополизацію продуктовъ отдѣльными личностями, такъ и государственную систему установленія цѣнъ и захвата продуктовъ, введенную Революціею. Онъ очевидно стремился къ тому, что представляютъ теперь, для молочныхъ продуктовъ, кооперативныя сыроварни и маслобойни, соединяющіяся между собою, чтобы сбывать продукты цѣлой области, — какъ это дѣлается въ Канадѣ и въ Западной Сибири (Союзомъ Маслодѣловъ), или даже — цѣлой націи, какъ это заведено въ Даніи.

Вообще, коммунистовъ 1793-го года естественно занималъ, больше всего, вопросъ о средствахъ пропитанія, и онъ привелъ ихъ, съ одной стороны, къ тому, что они заставили Конвентъ установить „максимумъ цѣнъ", а съ другой стороны, — они выдвинули великое, основное начало *соціализаціи обмѣна, — municipализаціи торговли,* на которое слишкомъ мало до сихъ поръ обращали вниманія соціалисты.

Дѣйствительно, всюду на очереди стоялъ вопросъ о торговлѣ хлѣбомъ. — „Безконтрольная торговля хлѣбами несовмѣстима съ существованіемъ нашей Республики", говорили передъ Конвентомъ избиратели департамента Сены-и-Уазы, въ ноябрѣ 1792-го года. Эта торговля ведется небольшимъ числомъ людей, въ цѣляхъ личнаго обогащенія, и этому меньшинству всегда бываетъ выгодно поднимать искуственно цѣны; а это всегда заставляетъ страдать потребителя. Всякое частное средство будетъ и опасно, и безсильно, говорили они: именно эти полу-мѣры насъ разворятъ. Нужно, чтобы торговля зерновымъ хлѣбомъ и вообще вся закупка припасовъ дѣлались самою Республикою которая и установитъ тогда „справедливое отношеніе между цѣною хлѣба и заработною платою". Такъ какъ продажа національныхъ имуществъ породила самыя ужасныя спекуляціи со стороны фермеровъ, которымъ достались продававшіяся земли, то избиратели Сены-и-Уазы требовали ограниченія размѣровъ фермъ, сда-

ваемыхъ въ аренду, и національзаціи торговли зерновымъ хлѣбомъ.

„Постановите, говорили они, что никто не можетъ снимать фермы болѣе 120-и арпановъ (44½ десятины); что ни одинъ землевладѣлецъ не имѣетъ права обрабатывать самолично болѣе одной такой фермы, и что остальныя онъ обязанъ сдавать въ аренду.... Передайте затѣмъ дѣло снабженія припасами каждой области Республики въ руки администраціи, избранной самимъ народомъ, и вы увидите, что изобиліе зерноваго хлѣба и справедливое отношеніе между его продажною цѣною и цѣною рабочаго дня вернетъ спокойствіе, счастье и жизнь всѣмъ гражданамъ".

Эти мысли, какъ видно, не были заимствованы изъ книгъ: ихъ внушала сама жизнь.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что эти взгляды были приняты обоими Комитетами — земледѣлія и торговли, — и были развиты въ ихъ докладѣ о жизненныхъ припасахъ, представленномъ Конвенту, вмѣстѣ съ проэктомъ соотвѣтственнаго закона*), и что такія мѣры были введены, по настоянію народа, въ нѣкоторыхъ департаментахъ провинцій Берри и Орлеанэ. Въ департаментѣ Эръ-и-Луаръ, народъ едва не убилъ, 3-го декабря 1792 года, комиссаровъ Конвента, противившихся такимъ мѣрамъ: „Буржуа довольно наслаждались", говорили имъ, „теперь пришелъ чередъ бѣдныхъ работниковъ".

Нѣсколько позже, депутатъ Бэфруа (изъ Эна) рѣзко требовалъ отъ Конвента введенія такого законодательства, и Конвентъ, — какъ мы уже говорили раньше въ LII-й главѣ, — сдѣлалъ попытку, въ громадныхъ размѣрахъ, соціализировать во всей Франціи всю торговлю предметами „первой и второй необходимости", при помощи общественныхъ магазиновъ, и установленія для каждаго департамента, „справедливыхъ" цѣнъ на всѣ припасы.

*) „Rapport et projet de décret sur les subsistances, présenté par M. Fabre, député du département de l'Hérault".

Мы видимъ, такимъ образомъ, назрѣваніе, во время Революціи, мысли о томъ, что *торговля есть общественное отправленіе*, и что её слѣдуетъ *обобществить, такъ же какъ землю и промышленность*, — мысль, которую развивали потомъ Фурье, Робертъ Оуэнъ, Прудонъ и коммунисты сороковыхъ годовъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ признать, что Жакъ Ру (Jacques Roux), Варлэ, Доливьѣ, Л'Анжъ и тысячи обитателей городовъ и селъ, крестьянъ и ремесленниковъ, несравненно лучше понимали, съ практической точки зрѣнія, вопросъ о средствахъ пропитанія, чѣмъ ихъ представители въ Конвентѣ. Они понимали, что такса на припасы (т. е. законъ о максимумѣ), безъ соціализаціи земли, промышленности и торговли, не разрѣшитъ вопроса, — какимъ бы арсеналомъ карательныхъ законовъ и какими бы казнями революціоннаго трибунала ни старались утвердить таксу. Сама система продажи національныхъ имуществъ, принятая Учредительнымъ Собраніемъ, Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ, создала тѣхъ крупныхъ арендаторовъ, на которыхъ жаловался Доливьѣ, — и Конвентъ прекрасно это почувствовалъ въ 1794-мъ году, когда увидалъ, какъ они искуственно поднимали цѣны на хлѣбъ, чтобы голодомъ побѣдить ту самую Революцію, которой они были обязаны своимъ обогащеніемъ.

Противъ этого зла, Конвентъ ничего другого не съумѣлъ предпринять, какъ только массовые аресты арендаторовъ и массовую отправку ихъ подъ гильотину. Но никакіе драконовскіе законы противъ скупщиковъ и утайки хлѣба (какъ, напримѣръ, законъ 26-го іюля 1793-го года, предписывавшій обыскивать амбары, погреба и риги арендаторовъ), никакія „революціонныя арміи", разсылавшіяся съ цѣлью захвата хлѣбовъ и ареста уличенныхъ въ утайкѣ арендаторовъ, не помогли. Они только сѣяли вражду въ сёлахъ противъ городовъ, и особенно противъ столицы.

Отсутствіе построительной коммунистической мысли у руководителей Революціи дѣйствительно нельзя было замѣнить революціоннымъ трибуналомъ и гильотиною.

LX.

Конецъ коммунистическаго движенія.

Раньше 31 го мая, когда революціонеры изъ Монтаньяровъ видѣли, какъ Революція задерживается въ своемъ развитіи сопротивленіемъ Жирондистовъ, они старались опираться на коммунистовъ и, вообще, на тѣхъ, кого называли „Бѣшеными“. Робеспьеръ, въ своемъ проэктѣ Декларации правъ, внесенномъ въ Конвентъ 21 апрѣля 1793, гдѣ онъ высказывался за ограниченіе права собственности, Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ, Колло́-д'Эрбуа́, Бильо́-Варенъ и др. приближались тогда къ коммунистамъ; и если Бриссо, въ своихъ свирѣпыхъ нападеніяхъ на Монтаньяровъ, смѣшивалъ ихъ съ „анархистами“, разрушителями правъ собственности, то дѣлалъ онъ это потому, что въ ту пору Монтаньяры дѣйствительно еще не старались рѣзко отмежеваться отъ Крайнихъ.

Однако, уже послѣ февральскихъ бунтовъ 1793-го года Конвентъ принялъ угрожающее положеніе по отношенію къ коммунистамъ. По докладу Барера, который не задумался представить ихъ агитацію какъ дѣло духовенства и эмигрантовъ, Конвентъ вотиро-

валъ съ увлеченіемъ, 18-го марта 1793 (не смотря на сопротивленіе Марата), „смертную казнь — тѣмъ, кто будетъ предлагать аграрный законъ, нарушающій земельную собственность, общинную или личную".

При всемъ томъ, Монтаньярамъ приходилось еще щадить Бѣшеныхъ, такъ какъ парижскій народъ былъ имъ нуженъ противъ Жирондистовъ, а Бѣшеные были популярны въ самыхъ дѣятельныхъ и революціонныхъ секціяхъ. Но, какъ только главные Жирондисты были арестованы, и сила ихъ партіи въ Конвентѣ была надломлена, Монтаньяры обратились противъ тѣхъ, кто хотѣлъ „Революціи *въ дѣйствительности*, разъ она совершилась *въ идеяхъ*," — и раздавили ихъ.

Къ сожалѣнію, среди образованныхъ людей того времени не нашлось никого, кто могъ бы изложить, въ видѣ стройнаго цѣлаго, нарождавшіяся коммунистическія стремленія и заставить себя слушать. Маратъ могъ-бы это сдѣлать, но въ іюлѣ 1793-го года его уже не было въ живыхъ. Эберъ былъ слишкомъ большой сибаритъ, чтобы отдаться всецѣло этому дѣлу; онъ слишкомъ принадлежалъ къ обществу любителей наслажденій Гольбаховской школы, чтобы стать защитникомъ анархическаго коммунизма, пробивавшагося въ народѣ. Онъ могъ принять въ своемъ журналѣ языкъ санъ-кюлотовъ, какъ Жирондисты приняли ихъ красный шерстяной колпакъ и разговоръ на „ты"; но, такъ же какъ и Жирондисты, онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ народа, чтобы понять и выразить его неясныя еще стремленія. И онъ кончилъ тѣмъ, что соединился съ Горою, чтобы погубить Жака Ру и „Бѣшеныхъ" вообще.

Бильо-Варенъ (Billaud-Varenne) понималъ, повидимому, лучше другихъ „Горцевъ", необходимость глубокихъ перемѣнъ въ коммунистическомъ направленіи. Онъ сознавалъ, одно время, что рука объ руку съ республиканскою революціею должна была идти соціальная революція. Но и онъ также не имѣлъ мужества стать борцомъ за эту идею. Онъ вошелъ въ пра-

вительство и кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить, какъ другіе Монтаньяры: „*Сперва республика, — соціальныя мѣры придутъ позже*“. На этомъ ложномъ пониманіи революціонной задачи погибли Монтаньяры, и на томъ-же погибла Республика.

Фактъ тотъ, что съ первыхъ-же своихъ шаговъ Республика пробудила столько личныхъ интересовъ, что они не могли дать развиться коммунизму. Противъ воззрѣній коммунистовъ на земельную собственность стояли всѣ выгоды буржуазіи, набросившейся на разграбленіе національныхъ имуществъ, пущенныхъ въ продажу.

Въ этой продажѣ, законодатели Учредительнаго и Законодательнаго Собранія видѣли только средство обогатить буржуазію на счетъ духовенства и дворянства. Объ народѣ они мало думали. А такъ какъ государство терпѣло страшную нужду въ деньгахъ, то съ августа 1790-го по іюль 1791-го года эти имущества продавались „съ яростью“ буржуазіи, крестьянамъ побогаче и даже англійскимъ и голландскимъ компаніямъ, покупавшимъ земли съ цѣлью спекуляціи. При этомъ, когда покупатели, заплатившіе при покупкѣ не болѣе 20-и или даже 12-и процентовъ покупной цѣны, должны были сдѣлать слѣдующій взносъ, они выискивали всякіе предлоги, чтобы ничего не вносить, и очень часто успѣвали въ этомъ.

Впрочемъ, такъ какъ крестьяне громко жаловались на то, что имъ ничего не доставалось изъ этихъ земель, Законодательное Собраніе, въ августѣ 1792-го года, а потомъ и Конвентъ, своимъ декретомъ 11-го іюня 1793 (см. главу XLVIII) бросили имъ на разживу общинныя земли, т. е. единственную опору бѣдныхъ крестьянъ*). Кромѣ того, Конвентъ обѣщалъ, что земли конфиско-

*) Большинство историковъ видѣли въ этомъ мѣру, выгодную для крестьянъ. Въ дѣйствительности-же, она лишала бѣдныхъ кресьтянъ единственной оставшейся для нихъ земли. Вотъ почему это распоряженіе встрѣтило въ деревняхъ такое сопротивленіе.

ванныя у эмигрантовъ будутъ разбиты на участки, отъ полу-десятины до двухъ десятинъ, чтобы продавать ихъ бѣднымъ крестьянамъ, которые платили-бы за нихъ ренту деньгами, съ правомъ выкупить эту ренту во всякое время. Конвентъ постановилъ даже, въ концѣ 1793-го года, что для волонтёровъ санъ-кюлотовъ, записавшихся въ армію, будетъ выдѣлено на 1000 милліоновъ національныхъ имуществъ, чтобы волонтёры могли покупать ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Но ничего положительнаго не было сдѣлано. Этотъ декретъ, какъ и многіе другіе декреты того времени, остался безъ исполненія.

Когда Жакъ Ру пришелъ въ Конвентъ, 25-го іюня 1793-го года, — т. е. меньше четырехъ недѣль послѣ движенія 31-го мая, — и говорилъ отъ имени своей секціи противъ спекулаторовъ на ассигнаціи и на жизненные припасы, требуя законовъ противъ нихъ, его рѣчь была принята дикими завываніями законодателей. Его выгнали изъ Конвента, провожая криками и угрозами*). А такъ какъ онъ нападалъ на Монтаньярскую конституцію и пользовался сильнымъ вліяніемъ въ своей секціи Гравилье и въ клубѣ Кордельеровъ, то Робеспьеръ, который никогда не показывался въ этомъ клубѣ, отправился туда 30-го іюня (послѣ бунтовъ 26 го

*) „Однимъ богатымъ, говорилъ Жакъ Ру, пошла на пользу, за эти четыре года, Революція; насъ притѣсняетъ теперь торговая аристократія,— еще худшая, чѣмъ аристократія дворянская, и мы не видимъ конца ихъ прижимкамъ, такъ какъ цѣны на всѣ товары ростутъ въ ужасающей пропорціи. Пора, однако, положить конецъ этой борьбѣ на жизнь и смерть, которую эгоизмъ ведетъ противъ рабочаго класса.... Неужели собственность плутовъ священнѣе жизни людей? *Необходимо, чтобы жизненные припасы тоже подлежать реквизиціи администраціею, точно также, какъ въ ея распоряженіи находится войско*". Ру упрекалъ затѣмъ Конвентъ въ томъ, что онъ не конфисковалъ состоянія, нажитыя во время Революціи банкирами и скупщиками-спекуляторами, и онъ прибавлялъ, что насильственный заемъ, который Конвентъ велѣлъ сдѣлать у богатыхъ, „*капиталисты и купцы завтра-же взыщутъ съ санъ-кюлотовъ, при*

и 27-го іюня противъ торговцевъ мыломъ), по порученію клуба Якобинцевъ. Онъ явился у Кордельеровъ въ сопровожденіи Эбера и Колло́ д'Эрбуа́, и добился отъ клуба, чтобы Ру и его товарищъ Варлэ (Varlet) были вычеркнуты изъ его списковъ.

Съ тѣхъ поръ, Робеспьеръ неустанно клеветалъ на Ру. Такъ какъ Ру случалось критиковать безплодность Революціи для народа и говорить (какъ это случается съ соціалистами и въ наши дни), что при Республикѣ народъ страдалъ еще больше, чѣмъ подъ королевскою властью, то Робеспьеръ никогда не упускалъ случая обозвать Ру, даже послѣ его смерти, „подлымъ попомъ", продавшимся иностранцамъ, и „подлецомъ", „желавшимъ возбудить опасные безпорядки", съ цѣлью повредить Республикѣ.

Съ іюня 1793-го года, Ру былъ уже обреченъ на смерть. Его обвинили въ томъ, что онъ былъ виновникомъ бунтовъ противъ торговцевъ мыломъ. Позднѣе, въ августѣ, когда онъ сталъ издавать съ Леклеркомъ газету, „Тѣнь Марата", противъ него направили вдову Марата, которая протестовала противъ такого заглавія; и наконецъ, съ нимъ сдѣлали то, что́ буржуазія уже сдѣлала съ Бабёфомъ. Его обвинили въ воровствѣ, — въ томъ, что онъ утаилъ ассигнацію, полученную имъ для клуба Кордельеровъ, — тогда какъ, согласно вѣрному замѣчанію Мишлэ, „эти фанатики тѣмъ и выдѣлялись, что были безсребренники". Среди всѣхъ выдающихся революціонеровъ, Ру, Варлэ и Леклеркъ были несомнѣнно образцами высокой честности.

помощи монополіи и искуственнаго подъема цѣнъ", если монополія торговли и спекуляціи останутся, тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ. Онъ прекрасно понималъ опасность, которую представляла эта монополія для Революціи, и говорилъ: „Спекуляторы забираютъ въ свои руки *мануфактуры, морскіе порты, всѣ отрасли торговли, всѣ продукты земли*, чтобы морить голодомъ и холодомъ друзей справедливости и толкать ихъ въ руки деспотизма". (Я цитирую по тексту рѣчи Ру, найденному Бернаръ Лазаромъ и сообщенному имъ Жоресу).

Напрасно секція Гравильѣ, къ которой принадлежалъ Ру, требовала отъ Коммуны его освобожденія, ручаясь за него. Напрасно тоже дѣлалъ клубъ революціонныхъ женщинъ: — ихъ клубъ за это закрыли.

Наконецъ Ру и его друзья, возмущенные такимъ обвиненіемъ, явились однажды вечеромъ, 19-го августа, на общее собраніе своей секціи Гравильѣ, смѣнили предсѣдателя и секретарей и назначили Ру предсѣдателемъ. Но тогда товарищъ прокурора Коммуны, Эберъ, выступилъ 21-го августа, передъ клубомъ Якобинцевъ съ обвиненіемъ противъ Ру, и дѣло было передано Совѣту Коммуны, гдѣ прокуроръ Шометъ обвинилъ Ру въ покушеніи на верховную власть народа и потребовалъ для него смертной казни. Противъ Ру возбудили судебное преслѣдованіе, но его секціи удалось добиться его освобожденія на поруки, что и было сдѣлано 25-го августа. Слѣдствіе однако продолжалось, и опять осложнилось обвиненіемъ въ воровствѣ, такъ что 23-го нивоза II года (14-го января 1794) Ру потребовали передъ полицейскій уголовный судъ.

Этотъ судъ, вслѣдствіе *важности поступковъ, въ которыхъ обвинялся Ру* (насиліе въ секціи), объявилъ себя некомпетентнымъ, и рѣшилъ передать дѣло въ революціонный трибуналъ. Но тогда Ру, зная что̀ его ждало, тутъ-же въ судѣ ударилъ себя тремя ударами ножа. Предсѣдатель суда бросился къ нему, обнимая его съ любовью, и далъ ему при всѣхъ „гражданское лобзаніе“. Раненаго Ру перенесли однако въ больницу тюрьмы Бисетръ, гдѣ, какъ донесли прокурору революціоннаго суда, Фукье-Тэнвилю, онъ старался „истощить свои силы“. Наконецъ, онъ вторично ударилъ себя въ грудь ножомъ, ранилъ себя въ лёгкое и умеръ отъ раны. Судебное вскрытіе помѣчено 1-мъ вантоза, т. е. 19-мъ февраля 1794 года*).

Народъ, особенно въ центральныхъ секціяхъ Парижа, понялъ тогда, что съ надеждами на „равенство

*) Jaurès, «Histoire Socialiste, La Convention», стр. 1698, 1699.

на дѣлѣ" и „благосостояніе для всѣхъ" надо разстаться. Гальяръ, другъ Шальѐ, перебравшійся въ Парижъ изъ Ліона, послѣ того какъ Ліономъ овладѣли Монтаньяры и выпустили его изъ тюрьмы, гдѣ Жирондисты держали его во все время осады, тоже убилъ себя, когда онъ узналъ что ихъ товарища Леклерка заарестовали вмѣстѣ съ Шометомъ и Эбертистами.

Въ отвѣтъ на всѣ эти коммунистическія требованія, и видя что народъ готовъ отойти отъ Революціи, Комитетъ Общественнаго Спасенія, — избѣгая впрочемъ всего, что могло бы вооружить противъ него „Болото" Конвента (Центръ), или Якобинскій клубъ, выпустилъ 21-го вантоза II года (11 марта 1794) высокопарный циркуляръ, адресованный комиссарамъ Конвента, разосланнымъ въ провинціи. Но этотъ циркуляръ, такъ же какъ и знаменитая рѣчь, произнесенная черезъ два дня (23-го вантоза) Сенъ-Жюстомъ, заканчивалась только обѣщаніемъ государственной благотворительности для бѣдныхъ гражданъ, — довольно-таки скупой, надо сказать.

„Сильный ударъ былъ необходимъ, чтобы низвергнуть аристократію", писалъ Комитетъ въ своемъ циркулярѣ. „Конвентъ нанёсъ этотъ ударъ. Добродѣтельные бѣдные люди должны были вернуться въ обладаніе тѣмъ, что у нихъ отнято было преступными.... Нужно, чтобы терроръ и справедливость повсюду одновременно наносили свои удары. Революція — дѣло народа: Пора, чтобы она пошла ему на пользу". И такъ далѣе въ томъ же тонѣ.

И при всемъ томъ Конвентъ ровно ничего не сдѣлалъ. Декретъ 13-го вантоза II года (3 марта 1794), о которомъ такъ высокопарно говорилъ Сенъ-Жюстъ, сводился къ слѣдующему: Каждая коммуна должна была составить списокъ неимущихъ патріотовъ, и тогда Комитетъ Общественнаго Спасенія представитъ докладъ о средствахъ надѣлить всѣхъ неимущихъ имѣніями, отнятыми у враговъ Революціи. Въ этихъ имѣніяхъ имъ будетъ нарѣзано по одному арпану зем-

ли (полъ-десятины) въ собственность! Для стариковъ-же и бѣдныхъ, Конвентъ рѣшилъ нѣсколько позже, т. е. 22-го флореаля (11 мая), открыть „Книгу національной благотворительности“ *).

Нечего и говорить, что для бѣдныхъ крестьянъ эта обѣщанная имъ полъ-десятины имѣла видъ насмѣшки, тѣмъ болѣе послѣ потери ими общинныхъ земель. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей, это обѣщаніе даже не попробовали привести въ исполненіе. Въ большей части Франціи, тѣ, кто сами ничѣмъ не завладѣли, ничего не получили.

Прибавимъ однако, что нѣкоторые комиссары Конвента, какъ Альбитъ, Колло д'Эрбуа и Фушэ въЛіонѣ, Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ въ Брестѣ и Тулонѣ, Ромиъ въ Шарантѣ, проявили въ 1793-мъ году нѣкоторое стремленіе соціализовать имущества. И когда Конвентъ издалъ законъ 16-го нивоза II года (5 января 1794), въ силу котораго „въ городахъ осажденныхъ, блокированныхъ и окруженныхъ непріятелемъ, всѣ товары и предметы будутъ обращены въ общее пользованіе“ (mis en commun), можно сказать, говоритъ Оларъ, что „было стремленіе прилагать этотъ законъ и къ городамъ, которые не были ни осаждены, ни блокированы, ни окружены“ **). Но этими немногими попытками дѣло ограничилось.

*) Старикамъ и бѣднымъ земледѣльцамъ записывалась въ этой книгѣ пенсія въ 160 ливровъ (франковъ) въ годъ; старикамъ и бѣднымъ ремесленникамъ — 120 ливровъ; а ихъ матерямъ и вдовамъ — по 80-и и 60-и ливровъ.

**) „Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ притѣсненій, напрасно стали-бы мы искать выступленія соціалистическихъ теорій. Но частныя и эмпирическія мѣры, принятыя въ то время, случайные законы, вызванные обстоятельствами, временныя учрежденія, изъ которыхъ слагалось революціонное правительство,— все это, вмѣстѣ взятое, даетъ такое положеніе, которое косвенно подготовляетъ умы, не смотря на молчаніе соціалистовъ, къ соціальной революціи, и отчасти уже приводитъ ее въ исполненіе“, пишетъ Оларъ, (*Политическая Исторія Революціи*, книга II, гл. VII).

Въ 1794-мъ году, Конвентъ, или вѣрнѣе его Комитеты Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, подавили такимъ образомъ проявленія коммунистическихъ стремленій. Но духъ французскаго народа тѣмъ не менѣе развивался въ этомъ направленіи, и подъ напоромъ событій, въ теченіе II-го года Республики, совершалась большая уравнительная работа въ коммунистическомъ направленіи *).

Такъ, напримѣръ, комиссары Конвента въ Ліонѣ, — Альбиттъ, Колло д'Эрбуа и Фушэ выпустили 14-го ноября 1793-го года одно замѣчательное постановленіе, которое и начали приводить въ исполненіе. Въ силу его всѣ увѣчные и старые, граждане, сироты и неимущіе должны были „получать квартиру, пищу и одежду на счётъ богатыхъ своего кантона"; а также „работа и инструменты, необходимые для ихъ ремесла и промысла, должны быть доставляемы гражданамъ, способнымъ работать". Благосостояніе гражданъ, писали они въ своихъ циркулярахъ, должно быть въ соотвѣтствіи съ ихъ трудомъ, ихъ прилежаніемъ и рвеніемъ, съ которымъ они отдаются служенію отечеству. Многіе комиссары Конвента при арміяхъ приходили къ тому-же рѣшенію, говоритъ Оларъ. Фушэ взыскивалъ при этомъ тяжелые налоги съ богатыхъ, чтобы кормить бѣдныхъ. Несомнѣнно также, говоритъ тотъ же историкъ, что было много общинъ, которыя практиковали до нѣкоторой степени коллективизмъ (вѣрнѣе муниципальный коммунизмъ) **).

Мысль, что государство должно завладѣть фабриками, покинутыми ихъ хозяевами, и само вести въ нихъ производство, была высказана неоднократно. Шометъ развивалъ её въ октябрѣ 1793-го года, когда разби-

*) Оларъ, *Политическая Исторія Революціи*, книга II, глава VII.

**) См. весь параграфъ «Соціализмъ», въ VIII-й главѣ, II книги *Политической Исторіи* Олара (2-е изд.); также André Lichtenberger, «Le Socialisme et la Révolution française», стр. 179, 180. — «Actes du Comité de salut public», томы VIII и IX.

ралъ, какъ отразился законъ о Максимумѣ на разныя отрасли промышленности, а Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ разрабатывалъ государственными средствами рудникъ Кархэ (Carhaix) въ Бретани, чтобы дать заработокъ рабочимъ. Мысль носилась въ воздухѣ.

Но если нѣкоторые комиссары Конвента принимали, въ теченіе 1793-го года, мѣры коммунистическаго характера и дѣйствовали съ цѣлью *уравненія состояній*, самъ Конвентъ, съ другой стороны, постоянно защищалъ интересы буржуазіи, и по всей вѣроятности есть доля справедливости въ замѣчаніи Буонарроти, что боязнь, какъ-бы Робеспьеръ со своею группою не пустился въ мѣры, которыя послужили бы поощреніямъ инстинктамъ равенства у народа, содѣйствовала гибели этой группы въ переворотѣ 9-го термидора*).

*) Буонарроти, «Замѣчанія о Максиміліанѣ Робеспьерѣ», въ коммунистическомъ журналѣ, «La Fraternité», № 17, сентябрь 1842 (замѣтка, любезно сообщенная мнѣ д-ромъ М. Нетлау).

LXI.

Организація центральнаго правительства. — Казни.

Добившись изгнанія главныхъ вождей жирондистской партіи изъ Конвента, Монтаньяры занялись въ теченіе всего лѣта 1793-го года организаціей сильнаго правительства, сосредоточеннаго въ Парижѣ и способнаго оказать сопротивленіе движеніямъ, которыя могли-бы начаться въ столицѣ подъ вліяніемъ „Бѣшеныхъ“ и коммунистовъ.

Уже съ апрѣля Конвентъ передалъ, какъ мы видѣли, центральную власть въ руки своего Комитета Общественнаго Спасенія, и послѣ 31-го мая онъ продолжалъ усиливать этотъ Комитетъ людьми изъ партіи Горы*).

*) Сперва Комитетъ Общественнаго Спасенія былъ подъ вліяніемъ Дантона; но послѣ 31-го мая онъ сталъ подпадать все болѣе и болѣе подъ вліяніе Робеспьера. Сенъ-Жюстъ и Кутонъ, личные друзья Робеспьера, вошли въ него уже 30-го. Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ вошелъ 12-го іюня, а Робеспьеръ — 27-го іюля. Карно и Пріёръ (изъ Котъ д'Ора) вступили въ Комитетъ 14-го августа, а Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ — 6-го сентября, послѣ возстанія 4—5 сентября. — Въ Комитетѣ отличали три разныхъ направленія: *террористы*,—Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ; *работники*, — Карно

И когда вступленіе въ дѣйствіе новой конституціи было отложено до заключенія мира, оба Комитета, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, продолжали сосредоточивать всё больше и больше власти въ своихъ рукахъ, держась притомъ средней политики, т. е. занимая положеніе между крайними партіями (Бѣшеные, Парижская Коммуна) и Дантонистами, къ которымъ присоединялись Жирондисты.

Въ этомъ дѣлѣ концентраціи правительства, обоимъ Комитетамъ сильно помогалъ клубъ Якобинцевъ, который значительно расширилъ область своихъ дѣйствій въ провинціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе сплотилъ свои ряды. Число провинціальныхъ обществъ (Народныхъ обществъ и др.), присоединившихся къ Парижскому клубу Якобинцевъ, доходило въ 1791-мъ году до восьми-сотъ; но два года спустя оно возросло уже до восьми тысячъ, и каждое изъ нихъ было точкою опоры для революціонной буржуазіи. Изъ этихъ обществъ набирались многочисленные чиновники революціонной бюрократіи, и каждое изъ нихъ становилось полицейскимъ центромъ, помогавшимъ правительству раскрывать своихъ враговъ и уничтожать ихъ.

Кромѣ того, сорокъ тысячъ революціонныхъ комитетовъ было вскорѣ организовано, — по одному въ каждой общинѣ и въ каждой секціи большихъ городовъ, и всѣ эти комитеты, въ которыхъ дѣлами заправляли, какъ это уже замѣтилъ Мишлэ, большею частью люди изъ буржуазіи — очень часто даже бывшіе чиновники мо-

---

для войны, Пріёръ для инженеровъ и вооруженія, и Ленде для интендантства; и наконецъ *люди дѣйствія*, — Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ. — Что же касается до Комитета общественной безопасности, которому принадлежала государственная полиція, то онъ состоялъ по преимуществу изъ чиновниковъ стараго порядка. Теперь является даже вопросъ, — не сохранило-ли большинство его членовъ свои старыя симпатіи? Прокуроромъ при революціонномъ судѣ состоялъ Фукье-Тэнвиль, который вполнѣ зависѣлъ отъ Комитета Общественной Безопасности. Онъ совѣщался съ нимъ каждый вечеръ.

нархіи, — всѣ эти комитеты были вскорѣ отторгнуты отъ Коммуны и подчинены Конвентомъ Комитету Общественной Безопасности. При этомъ, сами секціи и Народныя общества быстро обращались правительствомъ въ органы центральнаго управленія, — т. е. въ отдѣленія республиканской чиновной іерархіи (см. ниже).

Между тѣмъ, состояніе Парижа не могло не внушать опасеній. Наиболѣе энергичные революціонеры записались въ волонтёры въ 1792-мъ и 1793-мъ году, и отправлены были на границы, или въ Вандею; роялисты-же, тѣмъ временемъ, поднимали голову. Пользуясь ослабленіемъ надзора надъ ними, они возвращались въ большомъ числѣ. Въ августѣ, роскошь временъ монархіи внезапно снова появилась на улицахъ. Общественными садами и улицами овладѣли *мюскадэны*, — т. е. молодые люди, мужчины и женщины, зажиточныхъ семей, поражавшіе всѣхъ своими необычайно нелѣпыми нарядами и манерами. Въ театрахъ ставились всѣ роялистскія пьесы, и ихъ встрѣчали шумными овваціями, тогда какъ республиканскія пьесы освистывались. Доходило даже до того, что на сценѣ представляли Тампльскую тюрьму и освобожденіе королевы; и дѣйствительно, побѣгъ Маріи-Антуанеты едва не состоялся.

Секціи наводнялись жирондистскими и роялистскими контръ-революціонерами. Тогда какъ подёнщики и мастеровые, послѣ долгаго рабочаго дня, расходились вечеромъ по домамъ, молодые люди изъ буржуазіи, вооруженные здоровыми палками, приходили на общія собранія секцій и заставляли ихъ голосовать въ направленіи, желательномъ для контръ-революціонеровъ.

Секціи, несомнѣнно, съумѣли бы отразить эти вторженія, какъ онѣ уже однажды отразили ихъ, призывая на помощь товарищей изъ сосѣднихъ секцій. Но Якобинцы — оплотъ буржуазіи — очень недружелюбно относились къ секціямъ вообще и воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы парализовать ихъ. Случай не замедлилъ представиться.

Хлѣба по-прежнему не хватало въ Парижѣ, и 4 сентября 1793 начали собираться кучки народа вокругъ Городской Ратуши, громко требуя *Хлѣба!**). Эти сборища становились угрожающими, и потребовалась вся популярность и добродушіе Шомета, — любимаго оратора парижской бѣдноты, — чтобы успокоить сборища обѣщаніями. Шометъ обѣщалъ, что добудетъ хлѣба и добьётся ареста администраторовъ народнаго продовольствія. Движеніе, такимъ образомъ, ни къ чему не привело, и на слѣдующій день народъ ограничился тѣмъ, что послалъ своихъ депутатовъ въ Конвентъ.

Конвентъ-же не захотѣлъ и не съумѣлъ ничего предпринять, чтобы отвѣтить на истинныя причины этого движенія. Онъ съумѣлъ только пригрозить контръ-революціонерамъ, провозгласивши Терроръ, и усилить власть центральнаго правительства. Ни Конвентъ, ни Комитетъ Общественнаго Спасенія, ни даже Коммуна — уже угрожаемая, впрочемъ, Комитетомъ, — не оказались на высотѣ положенія. Никого не нашлось, чтобы выразить носившіяся въ народѣ идеи равенства, съ тою же силою, смѣлостью и точностью, съ какою Дантонъ, Робеспьеръ, или даже Бареръ выражали идеи Революціи въ ея предшествовавшіе фазисы. Верхъ взяли люди „правительственные“ — т. е. посредственности буржуазіи, болѣе или менѣе демократической.

Дѣло въ томъ, что старый порядокъ обладалъ еще громадною силою, причемъ онъ еще усилился всею поддержкою, которую встрѣтилъ среди тѣхъ самихъ, кого облагодѣтельствовала Революція. Чтобы сломить эту силу, нужна была-бы новая революція — народная, во имя идеаловъ равенства, — а большинство революціонеровъ 1789—1792 годовъ вовсе ея не хотѣло.

*) Весьма возможно,—даже вѣроятно,—что роялисты (какъ Лепитръ) тоже работали въ секціяхъ, чтобы подготовить это движеніе среди голоднаго народа. Такой тактики всегда держались реакціонеры. Но утверждать, что движеніе 4—5 сентября было дѣломъ реакціонеровъ, было-бы такъ же нелѣпо и іезуитично, какъ, напримѣръ, утверждать, что возстанія 1789-го года были дѣломъ герцога Орлеанскаго.

Большинство буржуазіи, выступавшей въ эти годы, 1789—1792, какъ революціонеры, находило теперь, что Революція „зашла слишкомъ далеко". Съумѣетъ-ли она остановить „анархистовъ" и помѣшать имъ „уравнять состоянія?" Не дастъ-ли она крестьянамъ слишкомъ большое благосостояніе, такъ что они откажутся работать на тѣхъ, кто покупалъ національныя имущества? Гдѣ-же найти тогда рабочихъ, чтобы обрабатывать эти земли? Вѣдь если покупатели имуществъ внесли милліарды въ Государственное Казначейство, они дѣлали это не изъ патріотизма, а чтобы наживаться на купленныхъ имѣніяхъ. Но что-же станутъ они дѣлать, если въ деревняхъ не окажется болѣе безработныхъ пролетаріевъ? Этого, они не могли допустить.

Такимъ образомъ, партія Двора и дворянства имѣла за себя цѣлый классъ покупателей конфискованныхъ земель,—„черныхъ бандъ", какъ тогда называли скупщиковъ этихъ земель. За неё стояли также цѣлыя стаи спекуляторовъ: военныхъ интендантовъ, быстро наживавшихъ состоянія, биржевиковъ, спекулировавшихъ на курсѣ ассигнацій, и т. д. Всѣ они нажились во время Революціи, и всѣ они торопились теперь насладиться плодами наживы. Всѣ они стремились, поэтому, какъ можно скорѣе положить конецъ Революціи и вернуться подъ охрану стойкой власти — подъ однимъ только условіемъ: чтобы контръ-революція не отняла у нихъ скупленныхъ ими имѣній и награбленныхъ состояній. А за ними стояла въ деревняхъ, поддерживая ихъ, цѣлая масса мелкихъ буржуа, недавно вышедшихъ изъ крестьянъ. И весь этотъ міръ интересовался однимъ: создать прочное правительство, — всё равно какое, лишь бы оно было *сильное* и могло сдержать, съ одной стороны санъ-кюлотовъ, а съ другой стороны — отразить нашествіе Англіи, Австріи, Пруссіи, обѣщавшихъ вернуть духовенству и дворянамъ-эмигрантамъ отнятыя у нихъ имѣнія.

Вотъ почему, отвѣчая ихъ желанію, Конвентъ и Комитетъ Общественнаго Спасенія, какъ только они

почувствовали опасность со стороны секцій и Коммуны, сейчасъ же воспользовались отсутствіемъ цѣльности въ движеніи 4—5-го сентября, чтобы усилить центральное правительство и раздавить секціи, — очаги народнаго недовольства.

Конвентъ рѣшилъ, правда, положить конецъ открытой торговлѣ ассигнаціями: онъ запретилъ такую торговлю подъ страхомъ смерти. Онъ создалъ также „революціонную армію" въ 6.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Эбертиста Ронсэна, для усмиренія и устрашенія контръ-революціонеровъ, и для того, чтобы собирать при помощи реквизицій по деревнямъ — въ барскихъ имѣніяхъ и на фермахъ — жизненные припасы для прокормленія Парижа. Но эта мѣра не сопровождалась никакою другою мѣрою, которая имѣла-бы цѣлью передать земли въ руки бѣдныхъ крестьянъ, стремившихся сами работать на землѣ, и снабдить ихъ средствами, чтобъ они могли начать обрабатывать землю. А потому, реквизиціи революціонной арміи стали только новымъ источникомъ ненависти деревень противъ Парижа. Онѣ даже увеличили затрудненія въ заготовленіи припасовъ.

Въ одномъ, Конвентъ проявилъ энергію: это въ угрозахъ усиленнаго террора, и въ еще большемъ усиленіи власти центральнаго правительства. Дантонъ говорилъ о „вооруженномъ народѣ" и грозилъ роялистамъ. Нужно, говорилъ онъ, „чтобы каждый день одинъ аристократъ, одинъ негодяй платилъ своей головой за свои преступленія". Руководясь тою-же мыслью, Якобинскій клубъ потребовалъ, чтобы Жирондисты, заарестованные 2-го іюня, были отданы подъ революціонный судъ. Эберъ проповѣдывалъ необходимость повсемѣстныхъ казней, для чего гильотину слѣдовало возить изъ города въ городъ и изъ деревни въ деревню. Въ отвѣтъ на эти предложенія, Конвентъ рѣшилъ усилить революціонный трибуналъ; обыски разрѣшено было дѣлать и по ночамъ.

Подготовляя такимъ образомъ Терроръ, Комитеты принимали вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры, чтобы ослабить Па-

рижскую Коммуну и народовластіе вообще. Такъ какъ Революціонные Комитеты, въ руки которыхъ перешли (отъ секцій) судебная полиція и дѣло арестовъ, обвинялись въ разныхъ злоупотребленіяхъ, то Шометъ получилъ отъ Конвента разрѣшеніе Коммунѣ произвести очистку Комитетовъ отъ ненадёжныхъ элементовъ, и взять ихъ подъ надзоръ Коммуны. Но двѣнадцать дней спустя, т. е. 17 сентября 1793, это право было уже отнято у Коммуны, и Революціонные Комитеты были подчинены Комитету Общественной Безопасности, - этой темной полицейской силѣ, выроставшей возлѣ Комитета Общественнаго Спасенія и грозившей поглотить его.

Что касается до секцій, то подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ давали собою овладѣть контръ-революціонерамъ, Конвентъ ограничилъ, 9-го сентября, число ихъ общихъ собраній двумя въ недѣлю; и, чтобы позолотить пилюлю, онъ назначилъ сорокъ су (два франка) за каждое засѣданіе тѣмъ санъ-кюлотамъ, которые живутъ трудомъ своихъ рукъ и присутствуютъ на засѣданіяхъ. Эту мѣру часто представляли, какъ мѣру революціоннаго характера; но парижскія секціи, очевидно, отнеслись къ ней иначе. Нѣкоторыя секціи (Общественнаго Договора, Хлѣбнаго рынка, Правъ человѣка, подъ вліяніемъ Варлэ) отказались отъ платы и порицали основную ея мысль; другія-же, какъ показалъ Эрнестъ Мелльѐ, воспользовались ею лишь весьма умѣренно.

Наконецъ, 19-го сентября, Конвентъ увеличилъ свой запасъ мѣръ устрашенія, прибавивъ къ нимъ законъ о „подозрѣваемыхъ“ (suspects), въ силу котораго можно было арестовать всѣхъ бывшихъ дворянъ, всѣхъ тѣхъ, кто выкажетъ себя „сторонникомъ тираніи и федерализма“, всѣхъ тѣхъ, кто „не выполняетъ своихъ гражданскихъ обязанностей“, — всѣхъ, наконецъ, кто постоянно не выказывалъ своей привязанности Революціи! Луи Бланъ и другіе государственники съ увлеченіемъ говорятъ объ этой мѣрѣ „величественно-гроз-

ной политики", тогда какъ на дѣлѣ она выражала только безсиліе Конвента,—его неспособность идти дальше по дорогѣ, открытой передъ нимъ Революціею. Она была также подготовленіемъ того ужаснаго переполненія тюремъ, которое привело къ „потопленіямъ" Каррьѐ въ Нантѣ, къ массовымъ разстрѣламъ Колло́ д'Эрбуа́ въ Ліонѣ и къ массовымъ казнямъ въ іюнѣ и іюлѣ 1794-го года въ Парижѣ, — что́ и подготовило паденіе Монтаньяровъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ такая страшная правительственная сила сосредоточивалась въ Парижѣ, — между различными политическими партіями неизбѣжно должна была завязаться жестокая борьба, чтобы рѣшить, кому достанется это орудіе власти. Такъ оно и было, и 25 сентября, въ Конвентѣ произошла всеобщая свалка между всѣми партіями, послѣ чего побѣда выпала, какъ и слѣдовало ожидать, на долю блаженной буржуазно-революціонной середины: т. е. на долю Якобинцевъ и Робеспьера. Подъ ихъ вліяніемъ состоялись назначенія въ революціонный трибуналъ.

Недѣлю спустя, 3-го октября, новая власть дала уже себя почувствовать. Въ этотъ день Ама́ръ, членъ Комитета Общественной Безопасности, вынужденъ былъ, послѣ долгихъ колебаній, представить докладъ, чтобы послать передъ революціонный судъ Жирондистовъ, изгнанныхъ изъ Конвента во время возстанія 2-го іюня. Онъ долго отдѣлывался подъ разными предлогами отъ необходимости представить этотъ докладъ: но теперь, то-ли изъ страха самому подпасть подъ обвиненіе, то-ли изъ другихъ какихъ-нибудь соображеній, онъ потребовалъ, чтобы передъ судъ были посланы, кромѣ тѣхъ тридцати-одного Жирондиста, которыхъ онъ обвинялъ, еще 73 другихъ жирондистскихъ члена Конвента, которые протестовали противъ ареста ихъ товарищей и нарушенія этимъ конституціи, но продолжали засѣдать въ Конвентѣ. Противъ этого предложенія, къ удивленію всѣхъ, возсталъ однако Робеспьеръ. Нечего,

говорилъ онъ, обрушиваться на солдатъ партіи: достаточно поразить ея вождей. Поддержанный одновременно Правыми и Якобинцами, онъ добился своего, и тѣмъ самымъ выступилъ съ обликомъ умѣряющей силы, способной стать выше Конвента и его обоихъ Комитетовъ.

Прошло нѣсколько дней, и близкій другъ Робеспьера, Сенъ-Жюстъ, прочелъ уже передъ Конвентомъ докладъ, гдѣ, нажаловавшись на подкупъ, на тиранію и на вновь создавшуюся бюрократію, и уже бросая инсинуаціи противъ Парижской Коммуны, т. е. „крайнихъ“, — Шомета и его товарищей, — онъ требовалъ удержанія „революціоннаго правительства, вплоть до заключенія мира“.

Конвентъ принялъ его заключенія. Центральное революціонное правительство было утверждено.

Покуда вся эта борьба за власть шла въ Парижѣ, положеніе на театрѣ войны представлялось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Въ августѣ былъ объявленъ всеобщій наборъ, и Дантонъ, съ былою своею энергіею и пониманіемъ народнаго духа, развилъ передъ Конвентомъ смѣлую мысль, предлагая поручить весь наборъ — не революціонной бюрократіи, а тѣмъ восьми тысячамъ федератовъ (fédérés), которые были присланы первичными собраніями избирателей въ Парижъ, для заявленія своего согласія на конституцію 1793-го года. Его планъ былъ принятъ 25-го августа.

Впрочемъ, такъ какъ половина Франціи вовсе не хотѣла войны, то наборъ совершался довольно медленно; въ оружіи и боевыхъ запасахъ тоже чувствовался сильный недостатокъ.

Въ августѣ и сентябрѣ, Франція пережила рядъ военныхъ неудачъ. Тулонъ былъ въ рукахъ англичанъ; Марсель и весь Провансъ — въ открытомъ возстаніи противъ Конвента; осада Ліона затянулась и продолжалась до 8-го октября, а въ Вандеѣ положеніе ничуть не улучшалось. Только 16-го октября 1793-го

года, арміи Республики одержали свою первую побѣду, при Ватиньи, а 18-го, Вандейцы, разбитые при Шоллѣ, перешли Луару, чтобы направиться къ сѣверу (см. главу LIV). Впрочемъ, избіеніе патріотовъ въ Вандеѣ еще продолжалось; такъ, напримѣръ, Шаретъ, какъ мы видѣли, разстрѣлялъ всѣхъ сдавшихся ему въ плѣнъ въ Ноармутьѣ.

Не трудно понять, что при видѣ всей проливаемой крови, при видѣ невѣроятныхъ усилій и страданій, переносившихся массою французскаго народа изъ-за иностраннаго нашествія, призваннаго контръ-революціонерами, крикъ: „Бейте всѣхъ враговъ Революціи, — на верхахъ и на низахъ!“ сталъ вырываться у революціонеровъ. Нельзя доводить страну до отчаянія, безъ того, чтобы у нея не вырвался подобный крикъ.

3-го октября приказано было революціонному трибуналу судить Марію-Антуанету. Уже съ февраля, постоянно шли въ Парижѣ толки о предстоящемъ побѣгѣ королевы. Нѣкоторыя попытки едва-едва не удались. Муниципальныхъ чиновниковъ, которымъ Коммуна поручала охрану Тампльской тюрьмы, постоянно подкупали сторонники королевской семьи. Фулонъ, Брюнб, Моэлль, Венсанъ, Мишонисъ были въ этомъ числѣ. Лепитръ, состоявшій на службѣ у Коммуны и выдававшійся въ секціяхъ своими крайними воззрѣніями, былъ на дѣлѣ крайній роялистъ. Другой роялистъ, Больтъ (Bault), получилъ даже мѣсто привратника въ тюрьмѣ Консьержери, куда была переведена королева. Одна попытка побѣга была сдѣлана въ февралѣ 1793-го года; другая, въ которой участвовали Мишонисъ и баронъ Бацъ, едва не удалась; послѣ чего (11-го іюля) Марія-Антуанета была сперва отдѣлена отъ своего сына, котораго отдали на воспитаніе сапожнику Симо́ну, а потомъ (8-го августа) переведена въ Консьержери. Но и тутъ попытки продолжались, и одинъ кавалеръ ордена Св. Людовика, Ружвиль, даже проникъ къ королевѣ, тогда какъ Больтъ, ставшій ея тюремщикомъ, поддерживалъ сношенія съ волею. И всякій

разъ, какъ готовился новый планъ побѣга королевы, роялисты волновались и обѣщали вскорѣ совершить государственный переворотъ и перерѣзать всѣхъ членовъ Конвента и патріотовъ вообще.

Весьма вѣроятно, что Конвентъ не сталъ-бы ждать до октября, чтобы отдать Марію-Антуанету подъ судъ, если-бы онъ не надѣялся остановить иностранное вторженіе, подъ условіемъ, что королеву и ея дѣтей освободятъ изъ тюрьмы. Извѣстно даже, что Комитетъ Общественнаго Спасенія далъ (въ іюлѣ) инструкціи въ этомъ смыслѣ своимъ посланнымъ, Семонвилю и Марэ, которыхъ арестовалъ въ Италіи миланскій губернаторъ, и извѣстно также, что переговоры велись и гораздо позже, по поводу освобожденія дочери короля.

Въ настоящее время, когда мы имѣемъ въ рукахъ переписку Маріи-Антуанеты съ Ферзеномъ, ея усилія, чтобы вызвать и подготовить нѣмецкое нашествіе на Францію, и тотъ фактъ, что она сообщала непріятелю секреты военной обороны, вполнѣ вѣрно установлены; такъ что не стоитъ даже опровергать утвержденія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, старающихся представить Марію-Антуанету чуть не святою. Общественное мнѣніе ничуть не ошибалось въ 1793-мъ году, когда считало королеву еще болѣе виновною передъ Франціею, чѣмъ Людовика XVI-го. 16-го октября, она погибла на эшафотѣ.

Жирондисты близко послѣдовали за нею. Читатель вѣрно помнитъ, что когда, 2-го іюня, были арестованы тридцать-одинъ жирондистскій депутатъ, имъ была предоставлена свобода ходить по Парижу, въ сопровожденіи жандарма. Ихъ жизни, тогда, такъ мало угрожали, что нѣсколько извѣстныхъ Монтаньяровъ предложили отправиться въ департаменты, которыми были выбраны эти жирондистскіе представители, и тамъ оставаться заложниками. Но большая часть арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ бѣжала изъ Парижа, и они отправились въ провинціи, поднимать гражданскую войну. Одни изъ нихъ поднимали Нормандію и

Бретань, другіе старались поднять противъ Конвента Бордо, Марсель, весь Провансъ, и вездѣ они, роковымъ образомъ, становились союзниками роялистовъ.

Въ данную минуту, т. е. въ октябрѣ 1793-го года, въ Парижѣ оставалось только двѣнадцать депутатовъ, изъ тридцати-одного арестованныхъ 2-го іюня. Къ нимъ прибавили еще десятерыхъ, и процессъ начался 3-го брюмера (23 октября). Жирондисты бойко защищались, и такъ какъ ихъ рѣчи могли повліять даже на „надёжныхъ" присяжныхъ засѣдателей революціоннаго трибунала, то Комитетъ Общественнаго Спасенія наскоро заставилъ Конвентъ провотировать законъ объ „ускореніи дебатовъ" на судѣ. 9-го брюмера (29 октября) прокуроръ Фукье-Тэнвиль прочелъ передъ судомъ этотъ новый законъ. Судебныя пренія были закончены, и всѣ двадцать-два были приговорены къ смерти. Валазэ убилъ себя ударомъ кинжала, остальные были казнены на другой же день.

Госпожа Роланъ (жена министра Ролана и едва-ли не самый вліятельный членъ партіи) была казнена 18-го брюмера (7 ноября), а ея мужъ и Кондорсэ сами покончили съ собою. Бывшій мэръ Парижа, Байльи, котораго сообщничество съ Лафайетомъ въ избіеніи народа на Марсовомъ Полѣ, 17 іюля 1791, было вполнѣ доказано, Жирѐ-Дюпрэ изъ Ліона, Барнавъ, который перешелъ на сторону королевы, послѣ того какъ сопровождалъ её въ королевской каретѣ на пути изъ Варенна въ Парижъ, вскорѣ послѣдовали за своими товарищами; а въ декабрѣ погибли на эшафотѣ Жирондистъ Керсэнъ и Рабо Сентъ-Этьеннъ, а также госпожа Дюбарри, прославившаяся еще при старомъ режимѣ.

Терроръ начался такимъ образомъ, и теперь неизбѣжно должно было совершиться его роковое дальнѣйшее развитіе.

LXII.

Народное образованіе. — Метрическая система. — Новый календарь. — Противо-религіозное движеніе.

Посреди всѣхъ этихъ бурныхъ столкновеній революціонеры не упускали изъ вида великаго вопроса о народномъ образованіи. Напротивъ того, они старались положить основаніе образованію всего французскаго народа, на началахъ равенства. Громадньйшая предварительная работа была даже выполнена въ этомъ направленіи Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ, какъ это видно изъ документовъ Комитета народнаго образованія, недавно изданныхъ Ж. Гильомомъ*). Въ Конвентѣ былъ прочитанъ замѣчательный докладъ объ образованіи, написанный Михаиломъ Лепельтье (найденный послѣ его смерти), и Конвентъ принялъ рядъ мѣръ для введенія трехъ-степеннаго образованія, въ первоначальныхъ, центральныхъ и спеціальныхъ школахъ.

*) «Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée Législative» и «Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale», изданные съ примѣчаніями и обстоятельными предисловіями James Guillaume'омъ. Парижъ, 7 томовъ, 1889—1907.

Но самымъ прекраснымъ научнымъ памятникомъ этой эпохи Революціи была выработанная французскими учёными и введенная Конвентомъ метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Этою системою не только вводилось въ нашу жизнь и науку десятичное подраздѣленіе всѣхъ мѣръ — линейныхъ, поверхности, объёма и вѣса, — соотвѣтствующее десятичной системѣ нашихъ чиселъ, — что уже позволяло ввести поразительное упрощеніе въ преподаваніе математическихъ наукъ, и вообще помогало развитію математическаго мышленія: этою системою достигалось нѣчто гораздо большее. Основной мѣрѣ всей этой системы — *метру* — была дана длина, которую, если она когда-нибудь затерялась, какъ затерялись мѣры Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, легко будетъ возстановить во всякое время, съ очень большою точностью, зная размѣры Земного шара. Это уже открывало новые горизонты уму и вносило извѣстный духъ систематичности въ наши знанія. Но кромѣ того, установивши простыя отношенія между мѣрами длины, поверхности, объёма и вѣса, метрическая система подготовляла, заранѣе пріучая къ ней умы, великую побѣду наукъ, совершившуюся въ девятнадцатомъ вѣкѣ, — утвержденіе единства всѣхъ физическихъ силъ, единства всей Природы.

Новый республиканскій календарь былъ естественнымъ послѣдствіемъ метрической системы. Онъ былъ выработанъ цѣлою группою учёныхъ и былъ принятъ Конвентомъ послѣ двухъ докладовъ Ромма, прочтенныхъ 20-го сентября и 5-го октября 1793, и доклада Фабра д'Эглантина, прочтеннаго 24-го ноября*). Онъ вводилъ въ лѣтосчисленіе новую эру, которая начиналась со дня провозглашенія Республики во Франціи, т. е. съ 22-го сентября 1792, который былъ взятъ

*) «Республиканскій годъ» дѣлился на 12 мѣсяцевъ, по 30-и дней каждый, которымъ имена были найдены, очень удачно, Фабромъ д'Эглантиномъ: — вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ (отъ сбора винограда, тумановъ, холода) для осени, продолжающейся отъ 22 сентября до 20 декабря; нивозъ,

съ тѣмъ днемъ осенняго равноденствія. Новый календарь отказывался также отъ христіанской недѣли. Воскресенье исчезало. Праздничнымъ днемъ становился десятый день декады*).

Принятіе Конвентомъ новаго календаря, устранявшаго изъ жизни христіанскій календарь, неизбѣжно придало смѣлости тѣмъ, кто считалъ католическую Церковь и ея служителей самою сильною поддержкою стараго королевскаго и феодальнаго строя. Опытъ, сдѣланный Революціею съ католическимъ духовенствомъ, которое присягнуло конституціи и тѣмъ не менѣе боролось противъ нея всякими средствами, доказалъ невозможность привлечь духовенство на сторону прогрессивныхъ идей. Поэтому, мысль о томъ, что слѣдуетъ исключить изъ государственнаго бюджета жалованье священникамъ и предоставить уплату ихъ содержанія самимъ вѣрующимъ, неизбѣжно возникла передъ Революціею. Уже въ ноябрѣ 1792-го года, Камбонъ поднялъ этотъ вопросъ въ Конвентѣ. Но Конвентъ три

плювіозъ и вантозъ (снѣгъ, дождь, вѣтеръ) для зимы, отъ 21 декабря до 20 марта; жерминаль, флореаль и прэріаль (прозябаніе, цвѣтеніе, луга) для весны, отъ 21 марта до 18 іюня; и мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ (жатва, жара, фрукты) для лѣта, отъ 19 іюня до 16 сентября. Пять дополнительныхъ дней, названныхъ «санъ-кюлотидами», заключали годъ. Каждый мѣсяцъ дѣлился на три десятидневія, декады, и дни назывались примиди, дуоди, триоди и т. д. (1-й, 2-й, 3-й и т. д.), причемъ праздничный день былъ дэкади, десятый день.

*) Возстановленіе астрономическаго факта въ новомъ календарѣ было, конечно, прекрасною идеею (помѣщеніе однако всѣхъ пяти дополнительныхъ дней въ *конце* года не такъ удачно), и имена мѣсяцевъ были прекрасно выбраны; но помимо предубѣжденій, которыя должны были возникнуть изъ-за того, что новый календарь возвеличивалъ Революцію, весьма вѣроятно, что замѣна *семи*-дневной недѣли (представляющей четверть луннаго мѣсяца) *десяти*-дневною декадою — слишкомъ длинною для нашихъ привычекъ,—была и будетъ препятствіемъ распространенію этого календаря.

раза рѣшалъ удержать оплачиваемую Государствомъ и подчиненную Государству національную Церковь,— хотя въ тоже время принималъ самыя суровыя мѣры противъ священниковъ, противившихся Революціи.

Карательные законы, изданные противъ непокорныхъ священниковъ, были очень суровы. Сперва были изгнаны изъ Франціи всѣ священники, отказавшіеся принять присягу конституціи; начиная же съ 18-го марта 1793 года, назначена была смертная казнь тѣмъ, кто будетъ замѣшанъ въ безпорядкахъ, вызванныхъ наборомъ, а также тѣмъ, кто изгнанъ изъ Франціи, но будетъ заарестованъ на территоріи Республики. 21-го октября 1793, еще болѣе суровые законы были изданы противъ духовенства, и изгнанію подлежали также священники, присягнувшіе конституціи, если только шесть гражданъ ихъ кантона обвиняли ихъ въ противо-гражданскомъ поведеніи. Мѣра эта была вызвана тѣмъ, что присягнувшіе священники оказывались столь же опасными для Революціи, какъ и неприсягнувшіе, или такъ-называемые „паписты".

Первыя попытки отреченія отъ христіанской религіи были сдѣланы въ Аббевилѣ и Невэрѣ*). Комиссаръ Конвента, Фушэ, находившійся въ командировкѣ въ Невэрѣ, и несомнѣнно дѣйствовавшій въ согласіи, а можетъ быть даже и подъ вліяніемъ Шомета, съ которымъ онъ встрѣтился въ этомъ городѣ, объявилъ 26-го сентября 1793 года войну „суевѣрію и лицемѣрію", чтобы установить „служеніе республикѣ и естественной нравственности"**). Нѣсколько дней спустя, т. е. 10 октября, когда Конвентъ принялъ уже новый

*) Во всемъ нижеслѣдующимъ изложеніи я придерживаюсь очень близко прекрасной монографіи профессора Олара, «Le culte de la Raison et le culte de l'Etre suprême», 2-ое изданіе, Парижъ, 1904. Содержаніе этой работы передано также, въ сокращенной формѣ, во 2-мъ французскомъ и въ русскомъ изданіи „Политической Исторіи Революціи", Олара.

**) Онъ выпустилъ также приказъ, въ силу котораго „каждый священникъ, находящійся на жалованіи у французскаго народа, обязанъ, либо жениться, либо принять на

календарь, Фушэ выпустилъ еще приказъ, въ силу котораго богослужебные обряды могли совершаться только внутри храмовъ. Всѣ „религіозныя эмблемы, воздвигнутыя на дорогахъ", должны были быть сняты. Священники не смѣли появляться въ облаченіи, иначе какъ въ храмахъ. Похороны должны были совершаться безъ всякой религіозной церемоніи, въ поляхъ, обсаженныхъ деревьями, „въ тѣни которыхъ будетъ возвышаться статуя, изображающая Сонъ. Всякія другія эмблемы будутъ уничтожены", и „на воротахъ такого поля, освященнаго религіознымъ почтеніемъ къ останкамъ предковъ, будетъ сдѣлана надпись: *Смерть есть вѣчный сонъ*". Фушэ разъяснялъ также народу смыслъ своихъ декретовъ матеріалистическими лекціями.

Въ тоже самое время, другой комиссаръ Конвента, Лэньло (Laignelot) обратилъ въ городѣ Рошфорѣ приходскую церковь въ „Храмъ Правды", и восемь католическихъ священниковъ и одинъ протестантскій пасторъ явились въ этотъ храмъ, 31-го октября 1793, и сложили съ себя священническій санъ.

Въ Парижѣ, подъ вліяніемъ Шомета, 14-го октября было запрещено совершать богослуженіе внѣ храмовъ, а 16-го октября Коммуна приняла сущность декрета Фушэ о погребеніяхъ.

Что это движеніе не было внезапно, а подготовлялось всею Революціею и ея предшественниками, — нѣтъ никакого сомнѣнія. Теперь, подбодренная актами Конвента, провинціальная Франція во многихъ мѣстностяхъ выступила на путь „отреченія". Такъ, по иниціативѣ одного посада, Ри-Оранжи (Ris-Orangis), вся мѣстность около Корбейля отреклась отъ христіанства, и ея заявленіе объ этомъ Конвенту, сдѣланное 30-го октября, было принято Конвентомъ съ одобреніемъ.

воспитаніе ребенка, либо кормить убогаго старика, — подъ страхомъ утраты своего мѣста и жалованья (Aulard, «Culte de la Raison», стр. 27).

Нѣсколько дней спустя, въ Конвентъ явилась депутація отъ коммуны Меннеси, заявившая о томъ-же, и она тоже была принята съ одобреніемъ, причемъ Конвентъ призналъ „право гражданъ принимать ту вѣру, которую они желаютъ принять, и уничтожать обряды, которыхъ они не желаютъ". Депутація отъ департамента Сены-и-Уазы, просившая, чтобы никого не назначали на мѣсто недавно умершаго Версальскаго епископа, тоже была принята съ почетнымъ отзывомъ.

Конвентъ поощрялъ такимъ образомъ движеніе противъ католической вѣры, — не только тѣмъ, что принималъ съ сочувствіемъ такія депутаціи, но также и тѣмъ назначеніемъ, которое давалъ цѣннымъ вещамъ, отобраннымъ у церквей. Такъ, напримѣръ, рака Святой Геновефы, считавшаяся святынею города Парижа, была отослана на Монетный дворъ. Надо сказать, также, что въ этомъ случаѣ Конвентъ только продолжалъ дѣлать то, что дѣлалось уже раньше, въ 1790-мъ году, Учредительнымъ Собраніемъ.

Тогда, Анахарсисъ Клоотъ и Шометъ рѣшились сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи. Клоотъ, прусскій баронъ, всѣмъ сердцемъ отдавшійся Революціи и проповѣдывавшій союзъ всѣхъ народовъ, а также прокуроръ Парижской Коммуны, Шометъ, истинный представитель парижскаго рабочаго, уговорили епископа парижскаго, Гобэля, отречься отъ своего духовнаго сана. Гобэль посовѣтовался на этотъ счётъ съ епископскимъ Совѣтомъ, который одобрилъ его намѣреніе и, извѣстивши заранѣе Совѣты Департамента и Коммуны, Гобэль явился 17-го брюмэра (7-го ноября 1793) въ Конвентъ, съ одиннадцатью изъ своихъ священниковъ, — сложить аттрибуты своего епископскаго сана и отречься отъ него. Его сопровождали мэръ Пашъ, прокуроръ Шометъ и два члена Департаментскаго Совѣта, Моморо́ (коммунистъ) и Люльѐ.

Епископъ Гобэль произнесъ по этому случаю рѣчь, въ которой говорилъ, что всю свою жизнь былъ привязанъ „къ непоколебимымъ принципамъ равенства и

нравственности, необходимымъ во всякой истинно-республиканской конституціи". Теперь, онъ повиновался голосу народа и отказывался исполнять „обязанности священника католической вѣры". Сложивши свой крестъ и снявши епископское кольцо, онъ надѣлъ эмблему равенства, — красный шерстяной колпакъ, предложенный ему однимъ изъ членовъ Конвента.

Собраніемъ овладѣлъ тогда энтузіазмъ, который можно сравнить только съ энтузіазмомъ въ ночь 4-го августа. Два другихъ епископа, Томасъ Лэндэ (Lindet) и Гэ-Вернонъ (Gay-Vernon), равно какъ и другіе члены Конвента, принадлежавшіе къ священническому сану, бросились къ трибунѣ и послѣдовали примѣру епископа Гобэля. Только Аббатъ Грегуаръ (янсенистъ) отказался присоединиться къ нимъ. Что же касается до аббата Сейеса, то онъ объявилъ, что уже много лѣтъ тому назадъ отказался быть священникомъ, что у него нѣтъ другого исповѣданія, кромѣ исповѣданія свободы и равенства, и что онъ давно уже стремится къ торжеству разума надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ.

Эта сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе на современниковъ. Объ ней узнали, конечно, во всей Франціи и во всей Европѣ. И вездѣ она вызвала среди правящихъ классовъ усиленную ненависть противъ Республики.

Во Франціи, движеніе быстро разлилось по всей странѣ. Въ первыя-же двѣ недѣли, нѣсколько епископовъ и значительное число священниковъ уже сложили съ себя священническій санъ, и иногда это давало поводъ поразительнымъ сценамъ. Такъ, напримѣръ, въ одной брошюрѣ того времени, я нашелъ слѣдующее описаніе отреченія священниковъ и монаховъ въ Буржѣ*).

*) «Extraits du régistre de la Société populaire de Bourges, séance du quintidi 25 brumaire de l'an deuxième de la République Française, une et indivisible». Брошюры Британскаго музея, томъ F. 16 (7).

Сперва упоминаются въ этой брошюрѣ священникъ, Ж. Баптистъ Патэнъ, и монахъ бенедиктинецъ, Жюльенъ-де-Діё, которые сложили съ себя свой санъ; затѣмъ авторъ продолжаетъ: „Прива́, Бриссонъ, Патру, Руа́нъ и Шампіо́нъ, бывшіе митрополичіи викаріи, выступили не послѣдними. Эпикъ и Кала́ндъ, Дюмантье́, Вейрето́нъ, бывшіе бенедиктинцы, Раншо́нъ, Коллардо́ выходятъ вслѣдъ за ними; бывшій настоятель Дезормо́ и его помощникъ Дюбуа́, согбенные годами, идутъ медленными шагами, и вдругъ Лефра́нкъ восклицаетъ: „Жгите, жгите наши ставленыя грамоты, и пусть самое воспоминаніе о нашемъ прошломъ званіи исчезнетъ въ огнѣ. Я приношу на алтарь отечества эту серебряную медаль...“ Всѣ грамоты духовенства сжигаются на кострѣ, и тысячи криковъ поднимаются въ воздухъ: „Да погибнетъ навсегда память о духовенствѣ!... Да здравствуетъ великая религія Природы!“ Послѣ чего идетъ перечисленіе патріотическихъ приношеній. Оно просто трогательно. Патріоты и „братья“ — всѣ люди бѣдные, и „приношенія бѣльемъ и серебряными пряжками съ башмаковъ преобладаютъ“.

Вообще движеніе противъ католицизма, въ которомъ „религія Природы“ смѣшивалась съ сильнымъ чувствомъ патріотизма, было повидимому гораздо болѣе распространено, чѣмъ можно было думать, если не обращаться къ подлиннымъ документамъ того времени.

Въ Парижѣ, Совѣты Департамента и Коммуны рѣшили праздновать слѣдующій „дека-ди“—десятый день — 20-го брюмэра (10 ноября) въ Соборѣ Богоматери, и организовать тамъ „Праздникъ Свободы и Разума“, во время котораго будутъ исполнены патріотическіе гимны передъ статуею Свободы. Анахарсисъ Клоцъ, Моморо́, Эберъ, Шометъ занялись усиленною пропагандою въ Народныхъ обществахъ, чтобы подготовить этотъ праздникъ, и онъ вполнѣ удался.

Мы не станемъ останавливаться на самомъ празднествѣ, — его такъ часто описывали. Замѣтимъ только, что для изображенія Свободы въ этомъ праздникѣ,

устроители предпочли живое существо, потому что — писалъ Шометъ — „статуя была бы всё-таки шагомъ къ идолопоклонству". Какъ уже указалъ Мишлэ (кн. XIV, гл. III), основатели этого новаго служенія Свободѣ и Разуму совѣтовали „избирать для такой величественной роли, лицъ, которыхъ характеръ дѣлалъ бы ихъ красоту предметомъ уваженія, — которыхъ строгость нравовъ и самаго взгляда не допускала бы легкаго отношенія". Въ результатѣ, праздникъ Свободы и Разума, отпразднованный въ Соборѣ, не только не былъ потѣшнымъ представленіемъ,—онъ былъ скорѣе „цѣломудренною церемоніею, — мрачною, сухою и скучною", говорилъ Мишлэ. Вообще это движеніе 1793-го года, писалъ дальше Мишлэ, вытекало не изъ вдохновенія Революціею, а „изъ резонёрскихъ школъ временъ Энциклопедіи". И дѣйствительно, оно поразительно схоже съ теперешнимъ движеніемъ „Этическихъ обществъ", которыя тоже не находятъ поддержки въ народныхъ массахъ.

Что́ насъ особенно поражаетъ теперь, это то, что Конвентъ, несмотря на требованія, поступавшія со всѣхъ сторонъ, отказывался поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ государственнаго жалованья священникамъ. За то Парижская Коммуна и секціи открыто вели дѣло отреченія отъ христіанской вѣры (déchristianisation). Въ каждой секціи, хотя одну изъ церквей переименовывали въ храмъ Разума; а Генеральный Совѣтъ Коммуны даже рискнулъ еще рѣзче поставить дѣло. Въ отвѣтъ на рѣчь, произнесенную Робеспьеромъ 1-го фримэра о необходимости религіи для народа, Совѣтъ Коммуны, подъ вліяніемъ Шомета, выпустилъ 3-го фримэра (23 го ноября) постановленіе, въ силу котораго всѣ церкви и храмы всѣхъ исповѣданій должны были быть закрыты; каждый священникъ становился отвѣтственнымъ за всякіе безпорядки религіознаго характера, и Революціоннымъ комитетамъ предлагалось вести строгій надзоръ за священниками. Кромѣ того, Совѣтъ Коммуны просилъ Конвентъ ли-

шить лицъ духовнаго званія права занимать какія-бы то ни было общественныя должности. Въ то же время Коммуна учреждала „курсъ нравственнаго ученія," для подготовленія проповѣдниковъ новаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сломать всѣ колокольни, а въ нѣсколькихъ секціяхъ праздновали Праздники Разума, во время которыхъ потѣшались надъ католическимъ богослуженіемъ. Одна изъ секцій сожгла молитвенныя книги, а Эберъ сжегъ въ Коммунѣ нѣсколько мощей.

Въ провинціи, почти всѣ города, особенно въ юго-западной Франціи, присоединились, повидимому, къ новому раціоналистическому ученію.

Между тѣмъ правительство, т. е. Комитетъ Общественнаго Спасенія, глухо противодѣйствовало этому движенію. Робеспьеръ рѣзко выступилъ противъ него, и когда Клоотъ пришелъ въ Комитетъ и сталъ разсказывать съ восторгомъ объ отреченіи Гобэля, Робеспьеръ рѣзко высказалъ ему свое неудовольствіе, спрашивая, что на это скажутъ Бельгійцы, которыхъ присоединенія къ Франціи добивался Клоотъ.

Впрочемъ, Робеспьеръ молчалъ нѣсколько дней. Но 20-го ноября Дантонъ вернулся въ Парижъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Арсисъ-на-Обѣ, куда онъ удалился, со своею молодою женою, съ которою повѣнчался въ церкви, тотчасъ-же послѣ смерти своей первой жены. И на другой-же день по возвращеніи Дантона въ Парижъ, т. е. 1-го фримэра (21-го ноября), Робеспьеръ произнесъ въ Якобинскомъ клубѣ свою первую, очень рѣзкую рѣчь противъ культа Разума. Конвентъ, говорилъ онъ, никогда не сдѣлаетъ этого дерзкаго шага и не приметъ мѣръ противъ католической вѣры. Онъ сохранитъ свободу исповѣданій и не позволитъ преслѣдовать мирныхъ священнослужителей. Затѣмъ онъ говорилъ, что представленіе о „Великомъ Существѣ, бдящемъ за невинно-преслѣдуемыми и наказующемъ преступленія", — представленіе вполнѣ народное. Поэтому онъ называлъ людей, начавшихъ

борьбу противъ христіанства *измѣнниками и агентами враговъ Франціи,* стремящимися оттолкнуть отъ Республики тѣхъ иностранцевъ, которыхъ привлекали къ Республикѣ ея нравственные идеалы, или же пониманіе своей собственной пользы.

Пять дней спустя, Дантонъ говорилъ въ Конвентѣ почти въ томъ-же смыслѣ, нападая въ особенности на анти-религіозные маскарады. Онъ требовалъ, чтобы имъ былъ положенъ предѣлъ.

Что такое случилось въ эти дни, что̀ могло такъ сблизить Робеспьера и Дантона? Какія соображенія, дипломатическаго или иного характера, призвали Дантона въ Парижъ въ эту минуту и заставили его выступить противъ анти-религіознаго движенія, тогда какъ онъ былъ истинный послѣдователь Дидро̀, и даже на судѣ и у подошвы эшафота не преминулъ подчеркнуть свои матеріалистическія убѣжденія? Это выступленіе Дантона тѣмъ болѣе требуетъ объясненія, что Конвентъ, въ теченіе всей первой половины мѣсяца фримэра продолжалъ относиться одобрительно къ анти-религіозному движенію*). Еще 14-го фримэра (4-го декабря) робеспьеристъ Кутонъ принесъ въ Конвентъ нѣкоторыя мощи и съ насмѣшкою говорилъ о нихъ.

Является поэтому вопросъ, не воспользовался-ли Робеспьеръ какимъ-нибудь новымъ оборотомъ, принятымъ дипломатическими переговорами съ Англіей, чтобы повліять на Дантона и, съ его поддержкою, смѣло высказаться о необходимости религіи, въ томъ смыслѣ, который всегда былъ ему дорогъ, какъ деисту и послѣдователю Руссо̀.

Въ серединѣ фримэра, Робеспьеръ, пользуясь поддержкой Дантона, рѣшился дѣйствовать, и 16-го (6-го декабря) онъ потребовалъ отъ Комитета Общественнаго Спасенія декрета о свободѣ богослуженія, котораго первый параграфъ запрещалъ „всякое насиліе и вся-

*) Ср. Оларъ, *Политическая Исторія Революціи.*

кую мѣру, противную свободѣ вѣроисповѣданій". Весьма вѣроятно, что эта мѣра была вызвана боязнью возстаній въ деревняхъ, такъ какъ закрытіе церквей было принято крестьянами очень враждебно*). Во всякомъ случаѣ, съ этого дня католицизмъ восторжествовалъ. Всѣ поняли, что Робеспьеръ взялъ его подъ свое покровительство. Католицизмъ снова становился государственною Церковью**).

Пока, этимъ дѣло ограничилось. Но весною, Комитетъ Общественнаго Спасенія, подъ вліяніемъ Робеспьера, попробовалъ выставить противъ религіи Разума религію Верховнаго Существа, задуманную на началахъ, высказанныхъ Руссо въ его „Савойскомъ священникѣ". Однако-же эта религія, не смотря на поддержку правительства и на угрозу гильотины для ея противниковъ, все время смѣшивалась, говоритъ Оларъ, съ религіей Разума, даже когда ея обряды назывались Культомъ Верховнаго Существа. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ, культъ, наполовину деистскій и наполовину раціоналистическій, продолжалъ распространяться до тѣхъ поръ, пока термидорская реакція не положила ему конецъ.

Что касается праздника Верховнаго Существа, который отпраздновали въ блестящей, но казенной обстановкѣ въ Парижѣ, 2-го прэріаля (8-го іюня 1794), и которому приписывалъ большое значеніе Робеспьеръ, вообразившій себя основателемъ новой государ-

*) Нѣкоторыя письма комиссаровъ Конвента опредѣленно говорятъ объ этомъ. Однако большая часть изъ нихъ, какъ напр. письма Дартигоэта, Лефьо, Ифлигера и Гарнье, были написаны *послѣ* опубликованія этого декрета. Декретъ едва-ли былъ вызванъ ими. (См. эти письма въ «Actes du Comité de Salut public», изд. Олара, т. IX, стр. 385, 759, 780).

**) Такъ какъ нѣкоторые комиссары Конвента приняли очень строгія мѣры противъ католическаго духовенства и противъ богослуженія, то Конвентъ прибавилъ къ декрету статью, въ которой говорилось, что онъ не отмѣняетъ однако того, что *до сего дня* было сдѣлано его комиссарами.

ственной религіи, борящейся противъ безбожія, то праздникъ былъ повидимому очень красивъ, какъ народное театральное представленіе, но онъ не нашелъ отклика въ сердцахъ народа. Впрочемъ, такъ какъ праздновали его по волѣ Комитета Общественнаго Спасенія, — вскорѣ послѣ того, какъ Шометъ и Гобэль, симпатичные народной массѣ, погибли на эшафотѣ за свое невѣріе, — весь этотъ праздникъ имѣлъ характеръ кроваваго торжества якобинскаго правительства надъ крайними элементами. Поэтому, онъ не могъ возбудить симпатіи въ массахъ. А открытое проявленіе враждебности противъ Робеспьера со стороны нѣкоторыхъ членовъ Конвента, выраженное ими во время самаго празднества, сдѣлало изъ него преддверіе переворота Девятаго термидора, — 'Праздникъ Верховнаго Существа' былъ прелюдіею конца Революціи.

Но, не станемъ забѣгать впередъ.

LXIII.

Разложеніе секцій.

Двѣ враждебныя силы стояли другъ противъ друга въ концѣ 1793-го года: Комитеты, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, которымъ подчинялся Конвентъ, и Парижская Коммуна. Настоящая сила Коммуны была, впрочемъ, не въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ-бы они ни были популярны: не въ ея мэрѣ Пашѣ, не въ ея прокурорѣ Шометѣ, или его помощникѣ Эберѣ, ни даже въ ея Генеральномъ Совѣтѣ. Ея сила была — въ секціяхъ. Вслѣдствіе чего центральное правительство и направило свои усилія къ тому, чтобы секціи подчинить своей власти.

Когда Конвентъ отнялъ у секцій право самимъ созывать свои общія собранія по мѣрѣ надобности, онѣ начали создавать „Народныя общества“ (sociétés populaires), или „Секціонныя общества“ (sociétés sectionnaires). Но къ этимъ обществамъ отнеслись очень недружелюбно Якобинцы, которые становились вполнѣ людьми правительственными; а потому, въ концѣ 1793-го и въ началѣ 1794-го года, въ клубѣ Якобинцевъ много говорилось противъ Народныхъ и Секціонныхъ обществъ, — тѣмъ болѣе, что роялисты въ то

время дѣлали усилія, чтобы овладѣть ими.—„Изъ трупа монархіи", говорилъ одинъ изъ Якобинцевъ, Симондъ, „вышло несмѣтное количество ядовитыхъ насѣкомыхъ, которыя не такъ глупы, чтобы надѣяться на воскресеніе трупа"; они стараются поддержать конвульсіи въ политической жизни страны*). Въ особенности въ провинціи эти „насѣкомыя" пользовались успѣхомъ. Множество эмигрантовъ, продолжалъ Симондъ, „законниковъ, финансистовъ, агентовъ стараго порядка", наводняютъ деревни, овладѣваютъ Народными обществами и становятся ихъ президентами и секретарями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Народныя общества, которыя въ Парижѣ были ничто иное, какъ собранія секцій, съорганизовавшихся подъ другимъ именемъ**), вскорѣ „очистились"-бы сами, безъ посторонняго вмѣшательства, т. е. исключили-бы скрывавшихся въ нихъ роялистовъ и продолжали бы дѣло секцій. Но вся ихъ дѣятельность не нравилась Якобинцамъ, которые относились враждебно къ этимъ, „новичкамъ", превосходившимъ ихъ въ „патріотизмѣ" (т. е. въ преданности Революціи). „Ихъ послушать, говорилъ Симондъ, такъ выходитъ, что патріоты 89-го года.....ничто иное, какъ усталыя и заѣзженныя клячи, которыхъ надо приколоть, потому что они не могутъ поспѣвать за новичками на пути революціи". И онъ выдавалъ истинныя опасенія и страхи якобинской буржуазіи, когда говорилъ о „новомъ, четвертомъ законодательномъ Собраніи", которое эти „новички" хотятъ созвать, чтобы идти дальше, чѣмъ шелъ Конвентъ. — „Наши злѣйшіе враги, прибавлялъ Жанъ Бонъ Сентъ-Андрэ, не за дверьми нашего собранія; мы ихъ видимъ: они среди насъ; *они хотятъ идти дальше насъ въ революціонныхъ мѣрахъ*"***).

*) «Jacobins», Протоколы Якобинскаго клуба, изд. Олара, т. V, стр. 723.

**) См. у Мелье статуты Народнаго общества, организованнаго секціею Пуассоньеръ.

***) «Jacobins», томъ V, стр. 624—625.

Послѣ чего Дюфурни говорилъ противъ всѣхъ Секціонныхъ обществъ, а Дешáнъ (Deschamps) называлъ ихъ „маленькими Вандеями". Что-же касается Робеспьера, то онъ немедленно выступилъ со своимъ любимымъ аргументомъ, — „происки иностранцевъ".—„Мои опасенія, говорилъ онъ, къ сожалѣнію вполнѣ оправдались. Вы видите, какъ контръ-революціонное лицемѣріе преобладаетъ въ этихъ обществахъ. Агенты Пруссіи, Англіи и Австріи хотятъ этимъ способомъ уничтожить власть Конвента и патріотическій авторитетъ Якобинскаго Общества"*).

Враждебное отношеніе Якобинцевъ къ Народнымъ обществамъ очевидно было враждебностью по отношенію къ самимъ секціямъ города Парижа и къ такимъ-же организаціямъ въ провинціяхъ; это была враждебность всякаго центральнаго правительства къ народному самоуправленію. Такимъ образомъ, какъ только революціонное правительство было утверждено декретомъ 14-го фримэра II-го года (4-го декабря 1793), право выбирать мировыхъ судей и ихъ секретарей — право, присвоенное себѣ секціями еще въ 1789-мъ году и впослѣдствіи утвержденное за ними закономъ, — было отнято у нихъ. Судьи и секретари должны были впредь назначаться Генеральнымъ Совѣтомъ Департамента (декреты 28 декабря 1793 и 12 мая 1794). Мало того, даже право выбора секціями своихъ комитетовъ общественной благотворительности было отнято у нихъ въ декабрѣ 1793-го года и было взято въ свои руки Комитетами Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности!

Народная революціонная организація секцій была подрѣзана, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ.

---

*) «Jacobins», томъ V, стр. 578, засѣданіе 26-го декабря 1793. Когда Кордельеръ Моморо рѣшился замѣтить, что Кордельеры часто себя спрашивали, имѣютъ-ли они право мѣшать образованію Народныхъ обществъ, такъ какъ „право собираться въ Народныя общества священно", Робеспьеръ сухо отвѣтилъ ему:—„Всё, что предписывается общественнымъ спасеніемъ несомнѣнно согласно съ принципами".

Но всего лучше ясна основная мысль Якобинскаго правительства въ томъ, какъ оно сосредоточило въ своихъ рукахъ всѣ полицейскія обязанности. Мы видѣли (гл. XXIV), какое значеніе пріобрѣли секціи, какъ органы муниципальной и революціонной жизни Парижа; мы упоминали о томъ, что онѣ дѣлали для снабженія города жизненными припасами, для записыванія волонтёровъ, для организаціи, вооруженія и отправки батальоновъ на войну, для фабрикаціи селитры*), для организаціи труда, для безработныхъ и неимущихъ, и т. п. Но рядомъ съ этими обязанностями, секціи города Парижа и другихъ большихъ городовъ отправляли также и полицейскія обязанности. Въ Парижѣ это уже началось съ 14-го іюля 1789-го года, когда сформировались „окружные комитеты“**), взявшіе на себя полицейскія обязанности. Законъ 6-го сентября 1789-го года утвердилъ ихъ въ этихъ обязанностяхъ, а въ слѣдующемъ октябрѣ парижскій муниципалитетъ, еще временный въ ту пору, устроилъ свою тайную полицію подъ названіемъ Комитета разслѣдованій.

Такимъ образомъ муниципалитетъ, хотя и зародился самъ изъ революціи, возвращался къ одной изъ худшихъ традицій стараго порядка, — тайной полиціи. Послѣ 10-го августа 1792 года, Законодательное Собраніе постановило, что вся „полиція общественной безопасности“ должна перейти въ руки Совѣтовъ, департаментскихъ, окружныхъ и муниципальныхъ; и, подъ руководствомъ одного общаго Комитета Надзора были установлены подчиненные ему полицейскіе комитеты въ каждой секціи. Вскорѣ, впрочемъ, — по мѣрѣ того, какъ борьба между революціею и ея противниками становилась все ожесточеннѣе,—эти Комитеты были завалены работою, а потому 21-го марта 1793-го года, въ

*) Такъ какъ купить ея было негдѣ для выдѣлки пороха, то выскребали осадки селитры на стѣнахъ старыхъ погребовъ.

**) Парижъ подраздѣлялся тогда на округа, districts.

каждой коммунѣ и въ каждой секціи коммуны въ большихъ городахъ, раздѣленныхъ, какъ Парижъ, на секціи, были установлены особые Революціонные Комитеты, изъ 12-и членовъ каждый*).

Такимъ образомъ секціи, черезъ посредство своихъ Революціонныхъ комитетовъ, обращались въ полицейскія учрежденія. Правда, кругъ дѣйствія этихъ комитетовъ былъ ограниченъ сперва надзоромъ за иностранцами; но мало по малу они пріобрѣли права, такія-же обширныя, какъ и управленіе тайной полиціи въ монархическомъ государствѣ. Въ то же время можно прослѣдить, какъ секціи, бывшія сперва органами народной революціи, понемногу подавлялись полицейскими обязанностями своихъ комитетовъ, а сами эти комитеты, все болѣе и болѣе теряя характеръ муниципальныхъ органовъ, обращались во второстепенные органы полицейскаго надзора, всецѣло подчиненные Комитету Общественной Безопасности**).

Комитеты, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, отдѣлили такимъ образомъ Революціонные комитеты отъ своей соперницы, Парижской Коммуны, которую они ослабляли этимъ способомъ. Пріучая-же секціи и ихъ комитеты къ повиновенію, они обращали ихъ понемногу въ части государственнаго, чиновничьяго механизма. Наконецъ, подъ предлогомъ прекращенія злоупотребленій, Конвентъ обратилъ ихъ въ своихъ чиновниковъ на жалованіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинилъ всѣ 40.000 Революціонныхъ комитетовъ — Комитету Общественной Безопасности. Ему-же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было право производить очистку этихъ комитетовъ и самому назначать ихъ членовъ.

Стремясь всё-централизовать въ своихъ рукахъ, какъ это дѣлала монархія въ XVII-мъ вѣкѣ, центральное

*) См. права, данныя секціею Пантеона своему комитету, у Мелье, стр. 185.

**) См. работу Мелье, стр. 189 и слѣд., гдѣ даны интересныя подробности объ органѣ тайной полиціи, называвшемся «Комитетомъ Общественнаго Спасенія парижскаго Департамента», и другія свѣдѣнія въ томъ же родѣ.

государственное чиновничество Республики отняло такимъ образомъ у народнаго самоуправленія право выбора судей, администрацію благотворительности, распоряженіе массою хозяйственныхъ дѣлъ, сношенія съ арміею и т. д., а также ограничило его въ другихъ отправленіяхъ, и, наконецъ, вполнѣ подчинило себѣ въ дѣлахъ полиціи. Но этимъ самымъ Государство окончательно убило секціи, революціонные муниципалитеты и революціонный духъ. Почва подготовлялась для реакціи.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого секціи въ Парижѣ и Народныя общества въ провинціяхъ окончательно умерли. Государство поглотило ихъ. И ихъ смерть была смертью Революціи. Съ января 1794-го года общественная жизнь Парижа была убита, говоритъ Мишлэ. „Общія собранія секцій не проявляли больше жизни; вся властъ перешла къ ихъ Революціоннымъ комитетамъ, а эти комитеты, переставши быть выборными и обратившись въ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, тоже не проявляли жизненности".

Теперь, когда Якобинскому правительству заблагоразсудилось раздавить Парижскую Коммуну, оно могло это сдѣлать, не опасаясь за свое существованіе. Такъ оно и сдѣлало, черезъ два мѣсяца—въ мартѣ 1794-го года.

LXIV.

Борьба противъ Эбертистовъ. — Схватка между различными партіями. — Роль Масонства.

Уже въ декабрѣ 1793-го года, Робеспьеръ предвидѣлъ близкій конецъ революціонной Республики. — „Будемъ на сторожѣ", говорилъ онъ, „такъ какъ гибель отечества уже не далека" *). И не онъ одинъ это чувствовалъ. Та-же мысль все чаще и чаще встрѣчалась въ рѣчахъ революціонеровъ.

Дѣло въ томъ, что Революція, задержанная на полъ-дорогѣ, не могла никоимъ образомъ долго продержаться. Положеніе Франціи въ концѣ 1793-го года было таково, что, остановившись въ ту самую минуту, когда народъ началъ искать новыхъ путей въ сторону соціальныхъ измѣненій, Революція неизбѣжно разбивалась теперь на мелкую внутреннюю борьбу партій, споривших ъ между собою изъ-за власти. Она теряла свои силы въ попыткѣ — безплодной и ошибочной даже съ политической точки зрѣнія, — истребленія своихъ противниковъ, охраняя въ тоже время ихъ собственность **).

*) «Jacobins», т. V, стр. 527, засѣданіе 12-го декабря 1793-го года.

**) Мишлэ прекрасно это понималъ, когда писалъ въ своей Исторіи Революціи (книга XIV, глава I) полныя грусти строки гдѣ, напоминая слова Дюпора: *Пахать надо глубоко*, онъ говорилъ, что Революція потому должна была погибнуть, что и Якобинцы и Жирондисты одинаково были «логиками политики», и „представляли только двѣ вѣхи на одной и той же линіи". Самый крайній изъ нихъ, Сенъ-Жюстъ,

Самая сила событій толкала Францію на путь новаго коммунистическаго движенія. Между тѣмъ Революція дала создаться „сильному правительству“, и это правительство раздавило стремившихся къ коммунизму Крайнихъ, и, подъ угрозой гильотины, заставило замолчать всѣхъ тѣхъ, кто думалъ, какъ они.

Что касается до Эбертистовъ, которые преобладали въ клубѣ Кордельеровъ и въ Коммунѣ, и овладѣли, при помощи министра Бушота, военнымъ министерствомъ, то всѣ ихъ понятія отдаляли ихъ отъ *соціальнаго* переворота. Эберъ конечно писалъ иногда въ своей газетѣ въ коммунистическомъ смыслѣ*); но терроръ и захватъ правительственной власти казались ему несравненно болѣе важными, чѣмъ вопросъ о хлѣбѣ, о землѣ, или объ организаціи труда. Восемьдесятъ лѣтъ позже, Парижская Коммуна 1871-го года дала тотъ-же самый типъ революціонеровъ.

Что касается Шомета, то по своимъ симпатіямъ къ народу и по своему образу жизни, онъ долженъ былъ бы тяготѣть къ коммунистамъ. Одно время онъ былъ даже подъ ихъ вліяніемъ. Но онъ былъ близокъ также съ партіею Эбертистовъ. А Эбертисты очень мало интересовались этими вопросами. Они не стремились вызвать въ народѣ дѣйственное проявленіе его экономической, соціальной воли. Для нихъ, самое главное было —захватить власть при помощи новой „очистки Конвента“. Отдѣлаться отъ „износившихся людей и калѣкъ Революціи“, какъ говорилъ Моморо. Подчинить Конвентъ Парижской Коммунѣ, при помощи новаго 31-го

прибавлялъ Мишлэ, „не смѣетъ тронуть ни религіи, ни образованія, ни самой сущности соціальныхъ ученій: трудно даже догадаться, что думаетъ онъ о собственности“. Такимъ образомъ, Революціи, *„чтобы утвердиться“*, продолжаетъ Мишлэ, „не хватало революціи религіозной и революціи соціальной, въ которыхъ она нашла-бы свою поддержку, свою силу, свою глубину“.

*) Тридонъ далъ такія выдержки въ своемъ очеркѣ, «Les Hébertistes» («Oeuvres diverses de G. Tridon», Paris, 1891, стр. 86—90).

мая, поддержаннаго на этотъ разъ военною силою „революціонной арміи". *Поглядимъ — видно будетъ.*

Но тутъ Эбертисты обочлись. Они не оцѣнили могущества обоихъ Комитетовъ. Между тѣмъ, Комитетъ Общественнаго Спасенія сталъ, за послѣдніе шесть мѣсяцевъ, большою правительственною силою, и былъ признанъ таковою за искусное веденіе войны; а Комитетъ Общественной Безопасности сталъ едва-ли не еще болѣе грозною силою, такъ какъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю тайную полицію и могъ, кого хотѣлъ, послать на гильотину. Наконецъ Эбертисты завязали борьбу на такой почвѣ, на которой ихъ пораженіе было неизбѣжно, — т. е. на почвѣ требованія усиленнаго Террора. Здѣсь, имъ приходилось вступать въ состязаніе съ правительствомъ, которое тоже считало Терроръ необходимымъ и имѣло уже для этого свой офиціальный органъ, въ лицѣ Комитета Общественной Безопасности. Имъ оно и воспользовалось противъ Эбертистовъ.

Излишне было бы распространяться обо всѣхъ интригахъ политическихъ партій, боровшихся за власть, въ теченіе декабря 1793 го и первыхъ мѣсяцевъ 1794-го года. Достаточно указать, что четыре группы, или партіи, стремились овладѣть властью: робеспьеровская группа, состоявшая изъ Робеспьера и его друзей — Сенъ-Жюста, Кутона и др.; группа „усталыхъ", которая сплачивалась позади Дантона (Фабръ д'Эглантинъ, Филиппо, Бурдонъ, Камиль Дэмуленъ и пр.); Коммуна, которая сливалась съ Эбертистами; и наконецъ тѣ изъ членовъ Комитета Общественнаго Спасенія (Билль-Варенпъ, Колло д'Эрбуа), которыхъ называли террористами, и вокругъ которыхъ соединялись люди, нежелавшіе чтобы Революція смягчила свою суровость относительно своихъ враговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣвшіе ни преобладанія Робеспьера, противъ котораго они глухо вели войну, ни преобладанія Коммуны и Эбертистовъ.

Дантонъ, въ глазахъ революціонеровъ, былъ уже отжившій человѣкъ, — опасный потому, что слѣдуя за

нимъ, проталкивались Жирондисты. Но это не помѣшало Робеспьеру идти съ нимъ рука-объ-руку въ ноябрѣ, чтобы вмѣстѣ бороться противъ анти-религіознаго движенія. Въ клубѣ Якобинцевъ, который производилъ тогда свое „очищеніе“, когда Дантону пришла очередь подвергнуться „очистительному голосованію“ Общества, — причемъ противъ него было уже сильное возбужденіе, — Робеспьеръ протянулъ ему руку и спасъ его. Мало того: онъ отождествилъ себя съ Дантономъ. Онъ былъ ему нуженъ, чтобы бороться противъ Крайнихъ.

Кромѣ того, когда Камиль Дэмуленъ — ярый „Дантонистъ“ — выпустилъ, 15 и 20 фримэра (5 и 10 декабря), первые два номера своей газеты, *Старый Кордельеръ*, гдѣ со всѣмъ своимъ талантомъ журналиста, изощрившагося въ клеветѣ, онъ напалъ на Эбера и Шомета, и началъ вмѣстѣ съ тѣмъ кампанію въ пользу ослабленія преслѣдованій, направленныхъ противъ враговъ Республики, — Робеспьеръ прочелъ эти два номера раньше публикаціи и одобрилъ ихъ. Во время „очищенія“ у Якобинцевъ, онъ заступился также и за Дэмулена. Онъ былъ готовъ, такимъ образомъ, дѣлать въ эту минуту уступки Дантонистамъ, лишь бы они помогли ему въ борьбѣ противъ лѣваго крыла, — Эбертистовъ.

На это, Дантонисты вполнѣ были готовы, и напали на Эбертистовъ съ необыкновенною яростью: Камиль Дэмуленъ — въ своемъ *Старомъ Кордельерѣ*, а Филиппо́ — въ Якобинскомъ клубѣ, гдѣ онъ съ озлобленіемъ критиковалъ поведеніе Эбертистскихъ генераловъ въ Вандеѣ. Робеспьеръ, съ своей стороны, напалъ съ чисто-религіозною яростью на очень вліятельнаго Эбертиста, Анахарсиса Клоота, котораго Якобинцы избрали въ эту пору своимъ предсѣдателемъ. Когда очередь дошла Клоотцу подвергнуться „очистительному суду“ Якобинцевъ, Робеспьеръ произнёсъ противъ него самую ядовитую рѣчь, въ которой обвинялъ этого идеалиста, обожателя Революціи и вдохновеннаго проповѣдника международнаго союза санъ-кюлотовъ, въ

измѣнѣ противъ Франціи; все это — на основаніи того, что Клоцъ имѣлъ сношенія съ банкирами Ванденивер и интересовался ими, когда они были арестованы. Якобинцы исключили Клоца изъ свего клуба 22-го фримэра (12 декабря), и Клоцъ сталъ такимъ образомъ намѣченною жертвою для эшафота. Черезъ двѣ недѣли, т. е. 28-го декабря, онъ уже былъ арестованъ.

Тѣмъ временемъ, противу-революціонное возстаніе на Югѣ продолжалось, и Тулонъ все еще оставался во власти англичанъ, такъ что Комитетъ Общественнаго Спасенія обвиняли въ неспособности. Поговаривали даже о томъ, что Комитетъ хочетъ предоставить южную Францію контръ-революціи, и были дни, когда Комитету едва-едва удавалось удержаться во власти и не быть отправленнымъ на эшафотъ,— что конечно пошло бы на пользу Жирондистамъ и „модерантистамъ“ („умѣрителямъ“), а черезъ нихъ — контръ-революціи.

Душою похода противъ Комитета Общественнаго Спасенія въ политическихъ кругахъ былъ Фабръ д'Эглантинъ, — одинъ изъ „умѣрителей“, котораго поддерживалъ Бурдонъ (изъ Оазы); и съ 22-го по 27-е фримэра (съ 12 по 17 декабря) была даже сдѣлана искусно подготовленная попытка возбудить Конвентъ противъ Комитета Общественнаго Спасенія.

Но если Дантонисты интриговали противъ Робеспьеристовъ, то обѣ партіи дѣйствовали за-одно противъ Эбертистовъ. 27-го фримэра (17-го декабря) Фабръ д'Эглантинъ прочёлъ въ Конвентѣ докладъ, въ которомъ требовалъ ареста трехъ видныхъ Эбертистовъ: Ронсэна (Ronsin), генерала „революціонной арміи“ Парижа, Венсана (Vincent), главнаго секретаря военнаго министерства, и Мальяра (Maillard),— того самаго, который 5-го октября 1789 вёлъ женщинъ на Версаль. Всѣ трое были ярые террористы, и это была первая попытка „партіи милосердія“ совершить переворотъ въ пользу Жиронды и болѣе умиротворительной политики. Всѣ тѣ, кто нажился во время Революціи, торопились, какъ мы уже говорили, вернуться къ „порядку“, и

ради этого они были готовы пожертвовать республикой и водворить конституціонную монархію. Многіе, какъ Дантонъ, разочаровались въ людяхъ и говорили: „Пора все это покончить!“ Другіе, наконецъ, — и такіе люди являются во всѣхъ революціяхъ самою опасною партіею, — потерявши вѣру въ Революцію при видѣ враждебныхъ ей силъ, подготовляли себѣ помилованіе со стороны реакціи, которой они уже чувствовали приближеніе.

Однако-же арестъ этихъ трехъ Эбертистовъ такъ напомнилъ бы арестъ Эбера въ маѣ 1793-го года (см. главу XXXIX), что въ докладѣ Фабра увидали подготовленіе къ правительственному перевороту въ пользу Жирондистовъ и, черезъ нихъ — въ пользу реакціи. Раскрытію этой интриги помогло также появленіе третьяго номера *Стараго Кордельера*, въ которомъ Дэмуленъ вполнѣ показалъ свои карты. Прикрываясь именами изъ римской исторіи, онъ яро нападалъ на революціонное правительство, и вся масса контръ-революціонеровъ въ Парижѣ сразу подняла голову при чтеніи этого номера: они сразу стали уже шумно хоронить Революцію.

Кордельеры немедленно приняли сторону Эбертистовъ; но и они не нашли никакого другого повода обратиться къ народу, какъ только требованіе бо́льшихъ строгостей противъ враговъ Революціи. Для нихъ, Революція тоже состояла прежде всего въ террорѣ. Они устроили процессію и носили по улицамъ Парижа засушенную голову Шальѣ, котораго казнили Жирондисты въЛіонѣ; они звали народъ къ возстанію, — къ новому 31-го мая, съ цѣлью произвести новую „очистку“ Конвента и удалить изъ него „отжившихъ людей“. Но что́ собирались они предпринять, если бы имъ удалось добиться „очистки“ Конвента, — какое направленіе собирались они придать Революціи, — ничего этого не было видно.

Но разъ борьба завязалась на вопросѣ о болѣе или менѣе свирѣпомъ террорѣ и о болѣе сильной власти,

Комитету Общественнаго Спасенія легко было отразить нападеніе. Дѣйствительно, 5-го нивоза (25 декабря) Робеспьеръ прочелъ въ Конвентѣ докладъ о революціонномъ правительствѣ, и если сущностью этого доклада была мысль о необходимости поддержать *равновѣсіе* между слишкомъ крайними партіями и умѣренными, — заключеніе его было, какъ у Эбертистовъ, „смерть врагамъ народа", — усиленіе правительственнаго террора. На слѣдующій-же день, онъ потребовалъ ускоренія рѣшеній революціоннаго трибунала.

Въ это-же самое время, т. е. 4-го нивоза (24 декабря), въ Парижѣ получилось извѣстіе, что Тулонъ отбитъ наконецъ у англичанъ, а въ слѣдующіе два дня, 5-го и 6-го нивоза (25 и 26 декабря), узнали что Вандейцы окончательно разбиты при Савенэ. 10-го нивоза (30-го декабря), Рейнская армія, перейдя въ наступленіе, взяла назадъ укрѣпленныя линіи Виссембурга; затѣмъ блокада Ландау была пробита 12-го нивоза (1 января 1794), и нѣмецкія войска вынуждены были очистить лѣвый берегъ Рейна и отступить на правый.

Такимъ образомъ Республика пріобрѣтала новую силу, одержавши рядъ побѣдъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась власть Комитета Общественнаго Спасенія, и тогда Дэмуленъ, въ пятомъ номерѣ своей газеты, покаялся въ своихъ нападкахъ на революціонное правительство, — продолжая однако свои злостные нападки на Эбера. Благодаря этому, засѣданія клуба Якобинцевъ во время второй декады нивоза (съ 31-го декабря по 10-е января 1794), стали настоящими всеобщими схватками изъ-за личныхъ нападковъ. 10-го января, Якобинцы произнесли исключеніе Дэмулена изъ своего клуба (что было равносильно близкой казни), и Робеспьеру пришлось пустить въ ходъ всю свою популярность, чтобы Общество отмѣнило наконецъ это рѣшеніе.

Однако же 24-го нивоза (13 января) Комитеты рѣшились дѣйствовать и сразу навели страхъ на своихъ

порицателей, велѣвши заарестовать Фабра д'Эглантина. Предлогомъ ареста была выставлена поддѣлка одного документа, и Комитеты съ трескомъ и грохотомъ объявили, что открытъ большой заговоръ, имѣвшій цѣлью набросить тѣнь на честность народнаго представительства.

Фактъ, послужившій поводомъ къ аресту Фабра, былъ — поддѣлка одного декрета Конвента въ пользу могучей Индійской Компаніи; но теперь извѣстно, что Фабръ былъ ложно обвиненъ въ поддѣлкѣ этого документа. Декретъ о ликвидаціи дѣлъ Индійской Компаніи дѣйствительно былъ поддѣланъ, но не Фабромъ, а другимъ членомъ Конвента, — Делонэ. Этотъ документъ существуетъ по сію пору въ архивахъ, и съ тѣхъ поръ какъ его открылъ Мишлэ, извѣстно, что поправки, сдѣланныя въ декретѣ въ пользу Компаніи, писаны рукою Делонэ, а не Фабра; но такъ какъ прокуроръ революціоннаго суда, Фукье-Тэнвиль, безусловно преданный Комитету Общественной Безопасности, не позволилъ представить въ судъ этотъ документъ, то Фабръ погибъ, какъ поддѣлыватель документа. Робеспьеръ, конечно, за него не вступился: онъ его ненавидѣлъ*).

Три мѣсяца спустя, Фабръ былъ гильотинированъ, вмѣстѣ съ Шабо, Делонэ, аббатомъ Эспаньякомъ и обоими братьями Фрей, австрійскими банкирами.

Такимъ образомъ шла кровавая борьба между различными фракціями революціонной партіи, и легко понять, сколько ожесточенія вносилось въ эту борьбу

*) Дѣло было довольно сложное. На службѣ у роялистовъ былъ очень ловкій человѣкъ, баронъ Бацъ (Batz), до того смѣлый и такъ ловко умѣвшій скрываться, что про него сложились цѣлыя легенды. Этотъ баронъ Бацъ, долго старавшійся освободить Марію Антуанету, затѣялъ теперь уговорить нѣсколькихъ членовъ Конвента, заняться крупною биржевою спекуляціею — на деньги, которыя долженъ былъ доставить аббатъ Эспаньякъ. Бацъ однажды собралъ для этого въ своемъ домѣ Жюльена (изъ Тулузы), Делонэ, Базира (дантониста), а также банкира Бенуа, поэта Лагарпа и графиню Бофоръ, любовницу Жюльена. Шабо, священникъ, отказавшійся отъ священническаго сана, одно время боль-

иностраннымъ вторженіемъ и всѣми ужасами гражданской войны. Тѣмъ не менѣе, естественно является вопросъ: *Что помѣшало борьбѣ партій принять ожесточенный характеръ съ самаго начала Революціи?* Что дало возможность людямъ, столь различнымъ по убѣжденіямъ, какъ Жирондисты, Дантонъ, Робеспьеръ, Маратъ, дѣйствовать нѣсколько лѣтъ за-одно противъ королевской власти?

Весьма вѣроятно, что интимное и братское общеніе, установившееся еще до начала Революціи въ масонскихъ ложахъ, въ Парижѣ и провинціяхъ, между всѣми видными дѣятелями того времени, способствовало этому единству дѣйствія. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, чрезъ Луи Блана, Анри Мартэна, и изъ прекрасной монографіи профессора Эрнеста Ниса*), что почти всѣ выдающіеся революціонеры принадлежали къ франкъ-масонству. Мирабо, Байльи, Дантонъ, Робеспьеръ, Маратъ, Кондорсэ, Бриссо, Лаландъ и т. д., и т. д., всѣ принадлежали къ этому братству, а герцогъ Орлеанскій (назвавшій себя во время Революціи „Филиппъ Равенство“) оставался великимъ національнымъ мастеромъ масонскаго братства, вплоть до 13-го мая 1793 года. Кромѣ того, извѣстно также, что Робеспьеръ, Мирабо, химикъ Лавуазье и вѣроятно многіе

шой любимецъ народа, но теперь женившійся на сестрѣ австрійскаго банкира Фрея, тоже былъ съ ними. На одномъ изъ такихъ собраній повидимому былъ Фабръ; его попытались подкупить, и дѣйствительно подкупили Делонэ, чтобы дѣйствовать въ дѣлѣ, касавшемся Индійской Компаніи. На эту Компанію однако напали въ Конвентѣ, который и велѣлъ ликвидировать ея дѣла, и назначилъ для этого спеціальныхъ комиссаровъ. Написать декретъ, содержавшій рѣшеніе Конвента, поручили Делонэ. Тогда Делонэ написалъ его и далъ прочесть Фабру, который сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ карандашомъ и подписалъ его. Но другія поправки, *выгодныя для Компаніи*, были сдѣланы *чернилами*, рукою Делонэ, на томъ же проэктѣ, и, не представляя болѣе этого проэкта въ Конвентъ, его выдали за самый декретъ.

*) Ernest Nys, «Idées modernes: Droit International et Franc-Maçonnerie». Bruxelles, 1908. — Имѣется русскій переводъ.

другіе принадлежали къ ложамъ иллюминатовъ, основаннымъ Вейсхауптомъ (Weisshaupt), которыхъ цѣль была „освободить народы отъ тираніи князей и духовенства и, какъ немедленный прогрессъ, освободить крестьянъ и рабочихъ отъ крѣпостнаго состоянія, отъ барщины и отъ ремесленныхъ гильдій".

Нѣтъ никакого сомнѣнія, какъ это говоритъ Э. Нисъ, что „своими человѣчными стремленіями, своимъ непоколебимымъ чувствомъ достоинства человѣка, и своими принципами свободы, равенства и братства" масонство сильно содѣйствовало подготовленію общественнаго мнѣнія къ новымъ идеямъ; и это — тѣмъ болѣе, что „повсемѣстно, на всей территоріи страны, масоны держали собранія, въ которыхъ излагались и восторженно принимались прогрессивныя идеи, и гдѣ — фактъ гораздо болѣе важный, чѣмъ это думаютъ, — подготовлялись люди, умѣвшіе обсуждать сообща дѣла и голосовать". „Соединеніе трехъ сословій въ іюнѣ 1789-го года и ночь 4-го августа были по всей вѣроятности подготовлены въ масонскихъ ложахъ" (E. Nys, pp. 82, 83).

Эта предварительная работа несомнѣнно установила также между людьми дѣйствія извѣстныя личныя отношенія и *привычки взаимнаго уваженія* — помимо отношеній, всегда слишкомъ узкихъ въ партіяхъ, и интересовъ узко-партійныхъ. Вотъ что позволило — мы думаемъ — революціонерамъ очень разнообразныхъ партій дѣйствовать въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ нѣкоторымъ единствомъ противъ королевскаго деспотизма. Позже, это единство подверглось слишкомъ суровымъ испытаніямъ, и конечно не удержалось, тѣмъ болѣе, что сами масоны раздѣлились по вопросу о королевской власти, о казни короля, и еще болѣе по отношенію къ коммунистическимъ ученіямъ, — до того, что масонскія ложи были закрыты въ началѣ 1793-го года. Отношенія, установившіяся между масонами до Революціи и въ началѣ ея, не сохранились такимъ образомъ до конца революціоннаго періода; и тогда, борьба партій разразилась съ отчаяннымъ ожесточеніемъ.

LXV.

Паденіе Эбертистовъ.— Казнь Дантона.

Зима проходила такимъ образомъ въ глухой борьбѣ между революціонерами и контръ-революціонерами, причемъ послѣдніе съ каждымъ днемъ все больше поднимали голову.

Въ началѣ февраля Робеспьеръ сдѣлался выразителемъ недовольства противъ нѣкоторыхъ комиссаровъ Конвента, дѣйствовавшихъ, какъ Каррьѐ въ Вандеѣ, въ Нантѣ, или Фушэ въ Ліонѣ, съ отчаянною яростью противъ возставшаго населенія, причемъ они не дѣлали даже различія между тѣми, кто подготовлялъ возстанія и поддерживалъ ихъ, и людьми изъ народа, вовлеченными въ бунты*). Онъ требовалъ, чтобы эти комиссары были немедленно отозваны, и грозилъ имъ преслѣдованіемъ передъ судомъ. Но изъ этой агитаціи ничего не вышло. 5-го вантоза (23 февраля) Конвентъ амнистировалъ Каррьѐ, изъ чего слѣдовало

*) Молодой Жюльенъ, между прочимъ, откровенно написалъ Робеспьеру о безобразіяхъ нѣкоторыхъ комиссаровъ, особенно Каррьѐ. См. «Une mission en Vendée», изд. Lockroy. Эта книга содержитъ письма Жюльена.

заключить, что вины другихъ комиссаровъ прощаются, каковы бы онѣ ни были. Эбертисты торжествовали. Робеспьеръ и Кутонъ, оба больные, не показывались.

Въ это же самое время, Сенъ-Жюстъ, вернувшись изъ дѣйствующей арміи, произнесъ 8-го вантоза (26 февраля) длинную, обработанную рѣчь, которая произвела большое впечатлѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣшала всѣ карты. Сенъ-Жюстъ не только не говорилъ о смягченіи преслѣдованій — онъ цѣликомъ принималъ террористическую программу Эбертистовъ. Онъ тоже грозилъ — еще сильнѣе ихъ. Онъ обѣщалъ взяться за партію „отжившихъ людей", указывая, какъ на ближайшихъ жертвъ гильотины, на дантонистовъ — эту „политическую секту", которая „идетъ медленными шагами", „обманываетъ всѣ партіи" и подготовляетъ возвратъ реакціи; говоритъ о милости, „потому что эти господа не чувствуютъ себя достаточно добродѣтельными, чтобы быть страшными". Здѣсь, Сенъ-Жюстъ конечно сознавалъ свою силу; оставаясь безусловно честнымъ, онъ имѣлъ полное право говорить во имя республиканской честности; между тѣмъ какъ Эбертисты, по крайней мѣрѣ на словахъ, легкомысленно относились къ вопросамъ нравственности, — что давало поводъ смѣшивать ихъ со всею толпою буржуазныхъ хищниковъ, ничего не видѣвшихъ въ Революціи, кромѣ случая для наживы.

Что касается до экономической программы Сенъ-Жюста, то въ своемъ докладѣ 8-го вантоза онъ воспроизвёлъ, отъ себя, нѣкоторыя изъ мыслей Бѣшеныхъ. Онъ признался, что до тѣхъ поръ не думалъ объ этихъ вопросахъ. „Сила вещей, говорилъ онъ, приводитъ насъ, можетъ быть, къ результатамъ, о которыхъ мы раньше не думали". Теперь, думая объ этомъ, онъ однако додумался до немногаго. Онъ ничего не имѣлъ противъ богатства вообще: онъ возставалъ противъ богатства только тогда, когда оно было въ рукахъ враговъ Революціи. — „*Собственность патріотовъ священна*, говорилъ онъ, но имѣнія заговорщиковъ по-

служатъ для бѣдныхъ". Онъ высказалъ впрочемъ нѣсколько замѣчаній о земельной собственности. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ земля принадлежала тѣмъ, кто самъ её обрабатываетъ: пусть отбираютъ землю, говорилъ онъ, у тѣхъ, кто не обрабатывалъ ея въ продолженіе 20-и или 50-и лѣтъ.) Ему представлялась, такимъ образомъ, демократія, состоящая изъ добродѣтельныхъ мелкихъ собственниковъ, живущихъ въ скромномъ достаткѣ. И онъ требовалъ, чтобы земли заговорщиковъ противъ Республики были отобраны для раздачи бѣднымъ. (Покуда будутъ бѣдные, неимущіе, и покуда гражданскія отношенія въ странѣ*) таковы, что они вызываютъ потребности, противорѣчащія формѣ правительства, — свобода невозможна. („Какъ можетъ утвердиться свобода, *если остаётся возможность поднять бѣдныхъ противъ новаго общественнаго порядка;* и какъ можно сдѣлать, чтобы не было бѣдныхъ, если каждый не будетъ владѣть участкомъ земли.... Нищенство надо уничтожить, раздавши національныя имущества бѣднымъ". Онъ говорилъ также объ организаціи вродѣ національнаго страхованія всѣхъ гражданъ: объ „общественномъ земельномъ фондѣ, существующемъ для того, чтобы приходить на помощь въ случаѣ бѣдствія." Этотъ фондъ послужилъ-бы для „вознагражденія добродѣтели", для пособія отдѣльнымъ лицамъ въ случаѣ личнаго несчастія, для образованія.)

И на ряду съ этимъ, онъ проповѣдывалъ усиленный терроръ: эбертистскій терроръ, слегка окрашенный соціализмомъ. Но соціализмъ Сенъ-Жюста имѣетъ какой-то отрывочный характеръ. Это скорѣе нравоучительные совѣты, чѣмъ конкретныя мысли и проэкты законодателя. Видно, что Сенъ-Жюстъ стремился прежде всего доказать, какъ онъ самъ выразился, что „Гора все-таки остаётся вершиною Революціи". Она не дастъ себя опередить. Она гильотинируетъ Бѣшеныхъ и Эбертистовъ, но кое-что заимствуетъ у нихъ.

*) Сенъ-Жюстъ имѣлъ здѣсь въ виду отношенія экономическія.

Этимъ своимъ докладомъ (изъ котораго впослѣдствіи Якобинцы хотѣли сдѣлать чуть не библію соціалистическихъ требованій) Сенъ-Жюстъ добился отъ Конвента двухъ декретовъ. Одинъ изъ нихъ былъ отвѣтомъ тѣмъ, кто требовалъ смягченія преслѣдованій: Комитету Общественной Безопасности давалось право освобождать „задержанныхъ патріотовъ". Другой представлялъ попытку вырвать почву подъ ногами у Эбертистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить лицъ, покупавшихъ національныя имущества: имѣнія купленныя патріотами, останутся въ ихъ владѣніи; но имущества враговъ Революціи будутъ отобраны на пользу Республикѣ. Что-же касается до самихъ враговъ, то ихъ будутъ держать въ тюрьмахъ, вплоть до заключенія мира, — послѣ чего они будутъ изгнаны изъ Франціи. Въ сущности, отъ рѣчи Сенъ-Жюста остались одни слова.

Тогда Кордельеры рѣшили дѣйствовать. 14-го вантоза (4 марта) они покрыли чернымъ покрываломъ Таблицу Правъ Человѣка, висѣвшую въ ихъ клубѣ. Венсанъ говорилъ о гильотинѣ для враговъ Революціи, а Эберъ произнесъ рѣчь противъ Амара, члена Комитета Общественной Безопасности, не рѣшавшагося послать еще 73 жирондиста на эшафотъ. Онъ даже намекалъ на Робеспьера, — не за то, что онъ представлялъ препятствіе дѣйствительно серьезнымъ преобразованіямъ, но за то что онъ заступился за Дэмудена. Такимъ образомъ, Кордельеры не выходили изъ области террора. Объ главныхъ вопросахъ, волновавшихъ населеніе—вопросахъ экономическихъ—ничего не было сказано. Каррьѐ поставилъ прямо вопросъ о необходимости возстанія. Но ничего такого, что̀ могло бы поднять Парижъ, не было сказано.

Парижъ не поднялся, и Коммуна отказалась слѣдовать за Кордельерами. Тогда, ночью, 23-го вантоза (13 марта) эбертистскіе вожди — Эберъ, Моморо̀, Венсанъ, Ронсэнъ, Дюкрокѐ и Ломюръ — были арестованы, и Комитетъ Общественнаго Спасенія сталъ распростра-

нять на ихъ счётъ, черезъ Бильо́-Варенна, всякія басни и клеветы. Они собирались, говорилъ Бильо́, перерѣзать въ тюрьмахъ всѣхъ роялистовъ; они хотѣли ограбить Монетный дворъ; они зарывали въ землю жизненные припасы, чтобы произвести голодъ въ Парижѣ!

28-го вантоза (18 марта) Шометъ былъ тоже арестованъ, послѣ того, какъ Комитетъ Общественнаго Спасенія своею собственною властью смѣнилъ его и посадилъ на его мѣсто нѣкоего Сельѣ. Точно также самовластно Комитетъ смѣнилъ мэра города Парижа, Па́ша. Анахарсисъ Клоо́цъ былъ уже арестованъ 8-го нивоза (28 декабря), подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ наводилъ справки, не находится-ли имя одной дамы въ спискѣ „подозрительныхъ“. Леклеркъ, другъ коммуниста Шальѣ, пріѣхавшій въ Парижъ изъ Ліона и сотрудникъ Жака Ру, былъ замѣшанъ въ тоже дѣло.

Правительство торжествовало.

Настоящія причины этихъ арестовъ въ крайней партіи до сихъ поръ остаются неясными. Не составили-ли Эбертисты заговора, чтобы захватить власть при помощи „революціонной арміи“ Ронсэна? — Это возможно, но ничего достовѣрнаго на этотъ счётъ еще неизвѣстно.

Заарестованныхъ Эбертистовъ немедленно послали передъ революціонный трибуналъ, и правительство не постыдилось устроить то, что тогда называли „амальгамой“, т. е. включило въ одинъ и тотъ же процессъ банкировъ и нѣмецкихъ агентовъ, вмѣстѣ съ такими людьми, какъ Моморо́, который уже въ 1790-мъ году отличался своими коммунистическими воззрѣніями и безусловно всё, что имѣлъ, отдалъ Революціи, или бѣднякъ Леклеркъ, другъ Шальѣ, Эберъ и Анахарсисъ Клоо́цъ, — „ораторъ рода человѣческаго“, который уже въ 1793-мъ году предвидѣлъ республику всего человѣчества и имѣлъ смѣлость говорить о ней.

4-го жерминаля (24-го марта), послѣ процесса для формы, продолжавшагося три дня, всѣхъ ихъ гильотинировали.

Легко себѣ представить, какимъ праздникомъ былъ этотъ день среди роялистовъ, которыми Парижъ былъ переполненъ. На улицы высыпали толпы „мюскадэновъ", одѣвавшихся въ самые „невѣроятные" наряды, и они преслѣдовали приговоренныхъ своими насмѣшками и оскорбленіями, пока тѣхъ везли на казнь, совершившуюся на Площади Революціи. Богатые господа платили шальныя цѣны за мѣста возлѣ гильотины, чтобы вполнѣ насладиться казнью Эбера, издателя газеты „Père Duchesne".—„Площадь обратилась въ театръ", писалъ Мишлэ. И „вокругъ нея былъ родъ ярмарки: массы веселой публики гуляли на Элизейскихъ поляхъ, между палатокъ и лавочекъ". Народъ, мрачный, не показывался. Онъ зналъ, что въ этотъ день убивали его друзей—что Революціи наносятъ смертный ударъ.

Шомета гильотинировали нѣсколько дней позже, 24-го жерминаля (13 апрѣля), вмѣстѣ съ бѣднымъ епископомъ Гобэлемъ, — тѣмъ самымъ, который отказался отъ своего сана, причемъ выставленное противъ нихъ обоихъ преступленіе было — невѣріе. Робеспьеръ и его партія явно заискивали у буржуазіи, въ надеждѣ продлить Революцію. Вдова Дэмулена и вдова Эбера были включены въ ту-же группу жертвъ гильотины. Мэра Паша не рѣшились казнить, но Комитетъ Общественнаго Спасенія смѣнилъ его и замѣнилъ ничтожностью, Флёрьо-Лескó, а Шометъ былъ сперва замѣненъ Сельѣ, а потомъ Клодомъ Пайяномъ, человѣкомъ вполнѣ преданнымъ Робеспьеру. Въ угоду своему патрону, онъ больше заботился о „Верховномъ Существѣ", чѣмъ о парижскомъ населеніи*).

*) Въ силу закона 14-го фримэра, которымъ установлено было „Революціонное Правительство",— взамѣнъ прокуроровъ Коммунъ, выбиравшихся народомъ, и представлявшихъ органы самоуправленія, были введены *національные агенты*, назначавшіеся Комитетомъ Общественнаго Спасенія. Шометъ былъ тогда утвержденъ въ своей должности и сталъ такимъ образомъ „національнымъ агентомъ", т. е. правительственнымъ чиновникомъ. Въ тотъ день, когда Комитеты рѣшили заарестовать Эбертистовъ, т. е. 23-го вантоза

Такимъ образомъ Комитеты, Общественной Безопасности и Общественнаго Спасенія, окончательно взяли верхъ надъ Парижскою Коммуною. И такъ заканчивалась борьба, которую выдержалъ этотъ очагъ Революціи, съ 9-го августа 1792-го года по 13-е апрѣля 1794-го года, противъ офиціальныхъ представителей централистской Революціи. Коммуна, служившая, вмѣстѣ со своими секціями, впродолженіе двадцати мѣсяцевъ выраженіемъ Парижскаго народа и маякомъ для революціонной Франціи, обращалась теперь въ органъ государственнаго чиновничества.

Послѣ этого, конецъ Революціи, очевидно, былъ уже близокъ.

Съ Пашемъ и Шометомъ исчезали изъ Революціи два человѣка, которые олицетворяли въ глазахъ народа *народную революцію*. Когда делегаты, присланные департаментами, чтобы заявить свое согласіе на іюньскую конституцію 1793-го года, пріѣхали въ Парижъ, ихъ поразилъ демократическій характеръ столицы*). Мэръ, „дяденька Пашъ", писали они домой, приходитъ въ Коммуну изъ деревни, пѣшкомъ, принося съ собою свой хлѣбъ; Шометъ, прокуроръ Коммуны, „живетъ въ одной комнатѣ, со своей женой, которая сидитъ и чинитъ что-нибудь. Кто бы ни постучалъ, ему отвѣчаютъ: Входите! Совсѣмъ, какъ у Марата". Эберъ, товарищъ прокурора Коммуны, и „Ораторъ рода человѣческаго", т. е. Анахарсисъ Клоотъ, всѣ одинаково доступны. Этихъ людей теперь отняли у народа, въ угоду буржуазіи.

Казнь Эбертистовъ вызвала однако такое ликованіе среди роялистовъ, что Комитеты съ ужасомъ увидали, какъ внезапно приблизилось торжество контръ-революціи. Теперь, на „Тарпейскую скалу", столь дорогую Бриссо, его продолжатели требовали уже самихъ

(13 марта), Комитетъ Общественнаго Спасенія внесъ въ Конвентъ новый законъ, который позволялъ ему смѣнять людей, избранныхъ коммунами, и замѣнять ихъ чиновниками, назначаемыми имъ самимъ. Конвентъ конечно принялъ этотъ законъ, и, пользуясь имъ, Комитетъ смѣнилъ Паша и назначилъ на его мѣсто своего человѣка, Флёрьо-Лескó.

*) «Anacharsis Clootz», par Avenel, томъ II, стр. 168—169.

членовъ обоихъ Комитетовъ. Дэмулена, который велъ себя самымъ гнуснымъ образомъ во время казни Эбера, натравливая на него крикуновъ, бѣжавшихъ за телѣгою, въ которой его везли на казнь (*онъ самъ это разсказалъ*), выпустилъ теперь седьмой номеръ своей газеты, цѣликомъ посвященный нападеніямъ на революціонный строй. Роялисты предавались бѣшенымъ выраженіямъ восторга и упрашивали Дантона, начать нападеніе на Комитеты. Вся масса Жирондистовъ, прикрывавшаяся именемъ Дантона, собиралась теперь воспользоваться исчезновеніемъ Эбертистовъ и пораженіемъ Парижской Коммуны, чтобы произвести *свой* переворотъ; и тогда подъ гильотиину пошли бы Робеспьеръ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, Бильо-Вареннъ, Коллò д'Эрбуа и множество другихъ. Контръ-революція, въ такомъ случаѣ, взяла бы верхъ уже весною 1794-го года. Тогда Комитеты рѣшили нанести сильный ударъ вправо, и пожертвовать, ради этого, Дантономъ и его друзьями.

Въ ночь съ 30-го на 31-е марта (9-е на 10-е жерминаля) Парижъ узналъ съ ужасомъ, что Дантонъ, Дэмуленъ, Филиппо и Лакруа заарестованы. На основаніи доклада, прочтеннаго Сенъ-Жюстомъ въ Конвентѣ (онъ былъ составленъ по черновой, написанной Робеспьеромъ и до сихъ поръ сохранившейся въ архивахъ), Конвентъ приказалъ немедленно начать преслѣдованія. Комитеты снова сочинили „амальгаму“ и послали передъ революціонный трибуналъ Дантона, Дэмулена, Базира, Фабра, обвиненнаго въ подлогѣ, Лакруа, обвиненнаго въ грабежѣ, Шабо, который признался, что получилъ отъ роялистовъ 100.000 франковъ для какого-то дѣла, оставшагося неизвѣстнымъ (онъ ихъ впрочемъ не израсходовалъ), Делонэ, дѣйствительно учинившаго подлогъ въ пользу Индійской Компаніи, о которомъ мы говорили, и сводчика Жюльена изъ Тулузы.

Процессъ былъ, конечно, лишь для формы. Когда Комитеты увидали, что могучая защита Дантона можетъ вызвать народное возстаніе, они велѣли прекратить защитительныя рѣчи.

Всѣ были казнены 5-го апрѣля 1794-го года (16 жерминаля III-го года).

Понятно, какое впечатлѣніе на населеніе Парижа и на революціонеровъ всей Франціи должны были произвести паденіе революціонной Парижской Коммуны и казнь людей, какъ Леклеркъ, Моморо́, Эберъ и Клоцъ, за которою послѣдовала казнь Дантона и Дэмулена, и наконецъ Шомета. Въ Парижѣ и въ провинціяхъ народъ понялъ, что эти казни обозначаютъ конецъ Революціи. Въ политическихъ кругахъ знали, конечно, что на Дантона разсчитывали въ данную минуту контръ-революціонеры. Но для Франціи вообще онъ оставался революціонеромъ, стоявшимъ на передовомъ посту во всѣхъ народныхъ движеніяхъ. — „Если эти люди тоже измѣнники,—на кого-же тогда полагаться?“ спрашивали себя въ народѣ. — „Но правда-ли, что они измѣнники?“ спрашивали себя другіе. — „Не ясно-ли что пришелъ конецъ Революціи?“

Да, пришелъ ея конецъ. Разъ восходящее движеніе было остановлено, разъ нашлась сила, способная сказать Революціи: „Дальше этого ты не пойдешь“,—какъ разъ въ ту минуту, когда новыя народныя стремленія пытались найти свое выраженіе; и разъ эта сила могла снести головы именно тѣхъ, кто старался найти это выраженіе, — истиннымъ революціонерамъ стало ясно, что Революціи наступаетъ конецъ. Ихъ не могли обмануть слова Сенъ-Жюста, увѣрявшаго ихъ, что онъ тоже начинаетъ думать, какъ тѣ, кого онъ посылалъ на гильотину. Они поняли, что то было начало конца.

И дѣйствительно, торжество Комитетовъ надъ Коммуною было торжествомъ *порядка*, а торжество порядка значитъ конецъ *революціоннаго періода*. Теперь могло произойти еще нѣсколько конвульсій, но Революція была кончена.

Народъ, съ тѣхъ поръ, потерялъ въ ней всякій интересъ. Въ Парижѣ, народъ предоставилъ улицу буржуазнымъ франтамъ —мюскадэнамъ,— и безумно наряжавшимся женщинамъ изъ буржуазіи.

LXVI.

Робеспьеръ и его группа.

Робеспьера очень часто изображаютъ, какъ диктатора. Его враги въ Конвентѣ даже называли его тираномъ. И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ Революція приближается къ концу, вліяніе Робеспьера ростетъ все больше и больше, такъ что во Франціи и за-границей о немъ говорятъ какъ о главномъ лицѣ въ Республикѣ. Съ его паденіемъ, 9-го термидора, открывается новая эра — эра реакціи.

Между тѣмъ, видѣть въ Робеспьерѣ диктатора, было бы совершенно невѣрно. Что многіе изъ его поклонниковъ хотѣли для него диктатуры, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія*). Но извѣстно также и то, что Камбонъ, въ своей спеціальной области, въ комитетѣ финансовъ, пользовался почти безграничною властью, а Карно́ имѣлъ очень широкія полномочія въ военномъ

*) Какъ-бы мало историческаго значенія ни имѣло сочиненіе «Notes historiques sur la Convention Nationale, de Marc Antonin Baudot, Paris, 1893, предложеніе Сенъ-Жюста, о которомъ упоминаетъ Бодо́ (стр. 13), назначить Робеспьера диктаторомъ, чтобы спасти Республику, не имѣетъ ничего невѣроятнаго.—Буонарроти говоритъ объ этомъ намѣреніи, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ.

дѣлѣ, не смотря на нерасположеніе къ нему Робеспьера и Сенъ-Жюста. Съ другой стороны, Комитетъ Общественной Безопасности слишкомъ ревниво охранялъ свою полицейскую власть, чтобы не противиться диктатурѣ; а нѣкоторые изъ его членовъ прямо-таки ненавидѣли Робеспьера. Наконецъ, если въ Конвентѣ и были представители, охотно допускавшіе сильное вліяніе Робеспьера, они все-таки не захотѣли-бы подчиниться диктатурѣ Монтаньяра, столь строгаго въ своихъ нравственныхъ правилахъ.

А между тѣмъ Робеспьеръ дѣйствительно пользовался огромною властью. Мало того, его враги, какъ и его поклонники, чувствовали, что исчезновеніе робеспьеровской группы будетъ — чѣмъ оно и оказалось на дѣлѣ, — торжествомъ реакціи.

Чѣмъ-же объяснить себѣ могущество этой группы?

Прежде всего, Робеспьеръ оставался *неподкупнымъ* посреди всѣхъ тѣхъ — а ихъ было очень много, — кого прельстили власть и богатство: обстоятельство, въ высшей степени важное во время революціи. Въ то время какъ большинство стоявшихъ вокругъ него прекрасно пользовалось распродажею національныхъ имуществъ, биржевыми спекуляціями и т. п., а тысячи Якобинцевъ на расхватъ разбирали мѣста въ правительствѣ, онъ стоялъ передъ ними, какъ строгій судья, напоминая имъ о нравственныхъ началахъ Революціи и грозя гильотиною тѣмъ изъ нихъ, кто слишкомъ предавался наживѣ.

Затѣмъ, во всемъ томъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ за всѣ пять лѣтъ революціонной бури, мы чувствуемъ до сихъ поръ, — а современники должны были это чувствовать еще сильнѣе, — что онъ былъ одинъ изъ немногихъ политическихъ дѣятелей того времени, въ которыхъ ничто не ослабляло вѣры въ Революцію и привязанности къ демократической республикѣ. Въ этомъ отношеніи Робеспьеръ представлялъ настоящую *силу*, и если-бы коммунисты могли противопоставить ему равную ему силу ума и воли, они несомнѣнно прида-

ли-бы Революціи гораздо болѣе сильный отпечатокъ своихъ стремленій.

Со всѣмъ тѣмъ, одни эти качества Робеспьера, признаваемыя даже его врагами, не могли-бы объяснить огромной власти, выпавшей ему на долю къ концу Революціи. Къ этому надо прибавить еще то, что помимо фанатизма, который давала ему честность его намѣреній, посреди всѣхъ пользовавшихся Революціею въ личныхъ видахъ, онъ и самъ старался усилить свою власть надъ общественнымъ мнѣніемъ, хотя-бы ему приходилось переступать, ради этого, черезъ трупы другихъ честныхъ дѣятелей, оказавшихся его противниками.

Наконецъ, самое главное то, что въ укрѣпленіи власти Робеспьера ему помогла. прежде всего, нарождавшаяся буржуазія. Какъ только она сообразила, что среди революціонеровъ онъ представляетъ собою человѣка золотой середины, т. е. дѣятеля, стоящаго на равномъ разстояніи отъ „экзальтированныхъ“ и отъ „умѣренныхъ“, и тѣмъ самымъ представляющаго наилучшую защиту буржуазіи отъ того, чтб она называла „излишествами“ толпы, она стала выдвигать его.

Буржуазія поняла, что Робеспьеръ былъ тотъ человѣкъ, который, благодаря уваженію, внушаемому имъ народу, и благодаря своему умѣренному уму и властолюбію, наиболѣе способенъ образовать *твердое правительство*, и такимъ образомъ положить конецъ революціонному періоду. А потому буржуазія, покуда ей грозила опасность со стороны крайнихъ партій, не мѣшала, а помогала ему и его друзьямъ упрочить ихъ власть, создать правительство, разгромить крайнюю партію. Но, какъ только „крайніе“ были разгромлены, буржуазія низвергла Робеспьера и его правительство, и торжествовала ихъ паденіе, такъ какъ оно дало возможность людямъ буржуазіи, Жирондистамъ, вернуться въ Конвентъ и начать термидорскую реакцію.

Складъ ума Робеспьера прекрасно подходилъ къ этой роли. Въ этомъ можно убѣдиться, между прочимъ, изъ

черновой, написанной имъ для обвинительнаго акта противъ группы Фабра д'Эглантина и Шабб, и найденной въ его бумагахъ послѣ его смерти*). Эта записка характеризуетъ Робеспьера лучше всякихъ разсужденій.

„Двѣ коалиціи вотъ уже нѣсколько времени открыто соперничаютъ между собой" — такъ началъ онъ свою записку.—„Одна изъ нихъ стремится къ модерантизму (излишней умѣренности), другая-же къ крайностямъ, въ сущности противо-революціоннымъ. Одна ведетъ войну противъ всѣхъ энергичныхъ патріотовъ и проповѣдуетъ снисхожденіе по отношенію къ заговорщикамъ; другая изподтишка клевещетъ на защитниковъ свободы, стремится уничтожить каждаго патріота, кто хоть разъ въ чёмъ нибудь ошибся, а между тѣмъ закрываетъ глаза на преступные происки самыхъ опасныхъ нашихъ враговъ.... Одна стремится воспользоваться своимъ вліяніемъ или своимъ присутствіемъ въ Конвентѣ [здѣсь онъ имѣлъ въ виду Дантонистовъ]; другая — своимъ вліяніемъ въ Народныхъ обществахъ [Коммуна, Бѣшеные]. Одна хочетъ обманомъ вырвать у Конвента опасные декреты, или мѣры преслѣдованія противъ своихъ противниковъ; другая-же произноситъ опасныя рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ.... Торжество и той и другой партіи было-бы одинаково опасно свободѣ и представителямъ народной власти". И Робеспьеръ разсказывалъ послѣ этого, какъ обѣ партіи нападали на Комитетъ Общественнаго Спасенія, съ самаго его основанія.

Обвинивши Фабра въ томъ, что онъ хлопочетъ о снисходительности, „для того чтобы скрыть свои преступленія", Робеспьеръ прибавлялъ:

„Минута, конечно, была выбрана удачная, чтобы проповѣдывать это трусливое ученіе, даже людямъ съ

*) Для обвиненія этой группы Робеспьеръ написалъ черновую обвинительнаго акта, который былъ прочтенъ его другомъ, Сенъ-Жюстомъ. См. эту черновую въ «Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc., supprimés ou omis par Courtois, précédés du rapport de ce dernier à la Convention nationale». Paris, 1828, т. I, стр. 21 и слѣд.

прекрасными намѣреніями, когда всѣ враги свободы толкали къ излишествамъ въ противоположномъ направленіи; когда подкупная философія, продавшаяся тиранiи, забывала престолы изъ-за алтарей, противополагала религію патріотизму*), ставила нравственность въ противорѣчіе съ самой собой, смѣшивала дѣло религіи съ интересами деспотизма, всѣхъ католиковъ — съ заговорщиками, и хотѣла, чтобы народъ видѣлъ въ революціи, не торжество добродѣтели, а торжество атеизма, не источникъ народнаго благополучія, а разрушеніе нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній народа".

Изъ этихъ выдержекъ видно, что если Робеспьеръ дѣйствительно не имѣлъ широты взглядовъ и смѣлости мысли, необходимыхъ для того чтобы стать вожакомъ революціонныхъ партій, онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ пускать въ ходъ тѣ средства, которыми всегда удаётся вооружить такъ-называемое общественное мнѣніе противъ тѣхъ или другихъ лицъ. Каждая фраза въ этомъ обвинительномъ актѣ — ядовитая стрѣла, бьющая въ цѣль.

Что́ насъ больше всего поражаетъ, это то, что Робеспьеръ и его друзья не понимали роли, которую заставляли ихъ играть истинные враги Революціи, „модерантисты", пока еще не наступила минута свергнуть Монтаньяровъ. „Существуетъ цѣлая система толкать народъ, чтобы онъ все уравнялъ", пишетъ Робеспьеру его младшій братъ изъ Ліона; „если не принять мѣръ, всё дезорганизуется". И Максиміліанъ Робеспьеръ не шёлъ дальше такого узкаго пониманія своего младшаго брата. Усилія крайнихъ партій подвинуть еще дальше Революцію, для него, были ничто иное какъ нападки на правительство, къ которому онъ принадлежитъ. Точь въ точь, какъ его врагъ Бриссо, онъ говоритъ, что эти Крайніе — орудія въ рукахъ Англіи и Австріи. Комму-

*) Изъ книги Олара, «Le culte de la Raison et le culte de l'Être suprême», можно убѣдиться насколько противо-религіозное движеніе было, какъ разъ наоборотъ, связано съ патріотизмомъ.

нистическія попытки, въ его глазахъ — не что иное какъ „дезорганизація". „Нужно принять мѣры", пишетъ онъ: нужно раздавить ихъ — Терроромъ, гильотиной.

„Какія есть средства прекратить гражданскую войну?" спрашиваетъ онъ себя въ одной замѣткѣ. И онъ отвѣчаетъ:

„Наказать всѣхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ, особливо—виновныхъ депутатовъ и администраторовъ;

„послать войска изъ патріотовъ, подъ начальствомъ патріотовъ, чтобы усмирить аристократовъ въ Ліонѣ, Марсели, Тулонѣ, въ Вандеѣ, въ Юрѣ и въ другихъ областяхъ, гдѣ поднято знамя бунта и роялизма;

„и дать рядъ устрашающихъ примѣровъ, казня всѣхъ злодѣевъ, осквернившихъ свободу и проливщихъ кровь патріотовъ"*).

Какъ видно, здѣсь говоритъ человѣкъ правительственнаго склада ума, языкомъ, на которомъ говорятъ всегда всѣ правительства, но отнюдь не революціонеръ. Поэтому вся его политика, начиная съ момента паденія Коммуны вплоть до 9-го термидора (27-го іюля 1794), оказывается совершенно безплодною. Онъ ничѣмъ не предотвращаетъ готовящейся катастрофы которою должна закончиться народная революція, но многое дѣлаетъ для того, чтобы её ускорить. Онъ не отвращаетъ кинжаловъ, которые натачиваются въ темнотѣ, чтобы ими убить Революцію; но онъ дѣлаетъ какъ разъ то, что дастъ смертельную силу этимъ ударамъ.

*) «Papiers inédits», т. II, стр. 14.

LXVII.

Терроръ.

Послѣ ударовъ, нанесенныхъ ихъ соперникамъ, какъ съ лѣвой, такъ и съ правой стороны, Комитетъ Общественнаго Спасенія и Комитетъ Общественной Безопасности продолжали сосредоточивать власть въ своихъ рукахъ. До того времени имѣлось шесть министерствъ, которыя подчинялись Комитету Общественнаго Спасенія, только черезъ посредство Исполнительнаго Комитета, состоявшаго изъ шести министровъ. Теперь, 12-го жерминаля (1-го апрѣля 1794), министерства были уничтожены и замѣнены двѣнадцатью исполнительными комиссіями, поставленными, каждая, подъ наблюденіе особой группы Комитета Общественнаго Спасенія*). Кромѣ того, Комитетъ получилъ также право отзывать своею властью комиссаровъ Конвента, посланныхъ въ провинціи. Съ другой стороны было рѣшено, что въ Парижѣ будетъ засѣдать, подъ надзоромъ обоихъ Комитетовъ, верховный революціонный трибуналъ. Обви-

*) Какъ показалъ James Guillaume (Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention, t. IV, Introduction, pp. 11 et 12), большая часть этихъ комиссій была постепенно установлена, уже начиная съ октября 1793-го года.

няемыхъ въ заговорахъ, гдѣ-бы то ни было во Франціи, рѣшено было привозить въ Парижъ, для суда надъ ними. Въ то-же время были приняты мѣры, чтобы очистить Парижъ отъ опасныхъ людей. Всѣ бывшіе дворяне и всѣ иностранцы, принадлежащіе къ націямъ, ведущимъ войну съ Франціей, должны были быть изгнаны изъ Парижа. Дѣлались только немногія, необходимыя исключенія (декреты 26-го и 27-го жерминаля).

Другую серьезную заботу правительства представляла война. Въ январѣ 1794-го года была еще надежда, что въ англійскомъ парламентѣ оппозиція, за которой стояла значительная часть населенія Лондона, а также нѣсколько вліятельныхъ членовъ Палаты лордовъ, не дастъ министерству Питта продолжать войну. Дантонъ, повидимому, раздѣлялъ эту иллюзію, что и было однимъ изъ преступленій, выставленныхъ противъ него. Но Питтъ увлёкъ большинство парламента противъ „безбожниковъ французовъ", и съ начала весны Англія повела войну энергично, вмѣстѣ съ Пруссіею, находившеюся у нея на жалованіи. Въ скоромъ времени четыре арміи, числомъ въ 315.000 человѣкъ, собрались на границахъ Франціи, имѣя противъ себя четыре арміи Республики, численностью въ 294.000 человѣкъ. Но то были уже республиканскія, демократическія арміи, выработавшія свою собственную тактику, и въ скоромъ времени онѣ одержали верхъ надъ союзниками.

Самою черною точкою было, однако, состояніе умовъ въ провинціи, особенно на югѣ. Поголовное истребленіе, какъ главарей контръ-революціи, такъ и поднятыхъ ими темныхъ массъ, къ которому прибѣгали мѣстные Якобинцы и комиссары Конвента, породило глубокую ненависть противъ Республики въ городахъ и деревняхъ южной Франціи. Хуже всего было то, что никто, ни на мѣстахъ, ни въ Парижѣ, ничего не могъ придумать, кромѣ самыхъ крайнихъ мѣръ истребленія.

Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Воклюзы, переполненномъ роялистами и бѣглыми священниками,

случилось, что въ одной изъ глухихъ деревушекъ, расположенныхъ у подошвы горъ Ванту (Ventoux), въ деревнѣ Бедуинѣ, всегда стоявшей совершенно открыто за старый порядокъ, „закону было нанесено ужасное оскорбленіе!“ Перваго мая дерево Свободы было срублено, и, „декреты Конвента повергнуты въ грязь!“ Военный начальникъ этой мѣстности (Сюше — онъ потомъ сталъ имперіалистомъ) потребовалъ „устрашающаго“ примѣра. Онъ требовалъ разрушенія всей деревни. Мэнье (Maignet), комиссаръ Конвента, колебался и обратился въ Парижъ, откуда ему приказали „дѣйствовать со всей строгостью“. Тогда Сюше зажегъ деревню, и 433 дома обратилъ въ развалины.

Понятно, что при такой системѣ оставалось только одно: вѣчно „дѣйствовать со всею строгостью“. Такъ и сдѣлали. Нѣсколько дней спустя, въ виду невозможности отправить въ Парижъ всѣхъ заарестованныхъ въ этой мѣстности гражданъ (потребовалась-бы цѣлая армія для сопровожденія ихъ и заготовленія припасовъ по дорогѣ, писалъ Мэнье), Кутонъ, другъ Робеспьера, предложилъ обоимъ Комитетамъ, которые сейчасъ-же приняли его предложеніе*), назначить спеціальную комиссію изъ пяти членовъ, которая засѣдала-бы въ городѣ Оранжѣ, чтобы судить враговъ Революціи, арестованныхъ въ департаментахъ Воклюзы и Устьевъ Роны. Робеспьеръ написалъ своею рукою инструкцію для комиссіи, и эта инструкція вскорѣ послужила основаніемъ для закона о Террорѣ, изданнаго 22-го прэріаля**).

*) Я слѣдую здѣсь разсказу Луи Блана (книга XII, гл. XIII), котораго нельзя заподозрить во враждебности къ группѣ Робеспьера.

**) „Враги Революціи“, говорила инструкція, „суть тѣ, которые какими-бы то ни было способами, и какими-бы видимостями они ни прикрывались, стараются препятствовать ходу Революціи и помѣшать утвержденію Республики.—Наказаніе за такое преступленіе — смерть; доказательства-же, нужныя для произнесенія приговора, будутъ всякія свѣдѣнія, какого бы рода они ни были, лишь бы они могли

Черезъ нѣсколько дней Робеспьеръ развилъ тѣ-же принципы передъ Конвентомъ, говоря, что до сихъ поръ слишкомъ бережно относились къ врагамъ свободы: что надо упростить суды, отбросивши ихъ формальности*). И черезъ два дня послѣ праздника Верховнаго Существа, онъ внесъ въ Конвентъ, съ согласія своихъ товарищей по Комитету, извѣстный законъ 22-го прэріаля (10-го іюня) о реорганизаціи революціоннаго трибунала. Въ силу этого закона трибуналъ дѣлился на отдѣлы, состоявшіе, каждый, изъ трехъ судей и девяти присяжныхъ. Семерыхъ было достаточно, чтобы составить судъ. Основою приговоровъ должны были служить тѣ самые принципы, которые мы видѣли въ инструкціи, данной комиссіи въ Оранжѣ; только въ числѣ преступленій, за которыя полагалась смертная казнь, было включено еще распространеніе ложныхъ извѣстій съ цѣлью посѣять смуту, или раздѣлить народъ, и развращеніе нравовъ и общественной совѣсти.

Издать такой законъ, значило признать полную неспособность революціоннаго правительства. Это значило, принявъ на себя личину законности, — дѣлать то-же, что̀ сдѣлалъ парижскій народъ революціонно, открыто, въ минуту паники и отчаянія, во время сентябрьскихъ

убѣдить разумнаго человѣка и друга Свободы.—Правиломъ при произнесеніи приговоровъ должна быть совѣсть судьи, освѣщенная любовью къ справедливости и къ отечеству; ихъ цѣль—общественное спасеніе и гибель враговъ отечества". Присяжныхъ не нужно, однихъ судей довольно. И такъ, совѣсть судьи и „свѣдѣнія какого бы то ни было рода" становились достаточнымъ основаніемъ для произнесенія смертнаго приговора.

*) „Хотятъ управлять революціями при помощи судейскаго крючкотворства", писалъ Робеспьеръ. „Къ заговорамъ противъ Республики относятся, какъ къ процессамъ между частными лицами. Тиранія убиваетъ, а Свобода произноситъ рѣчи. И кодексъ, составленный заговорщиками, является закономъ, по которому ихъ судятъ!"—„Чтобы казнить враговъ отечества, продолжалъ онъ, достаточно установить ихъ личность. Требуется не наказаніе, а уничтоженіе ихъ".

дней. И результатомъ закона 22-го прэріаля было то, что въ шесть недѣль онъ помогъ назрѣть контръ-революціи.

Когда Робеспьеръ подготовлялъ этотъ законъ, — имѣлъ-ли онъ только въ виду, какъ это стараются доказать нѣкоторые историки, нанести ударъ тѣмъ членамъ Конвента, которыхъ онъ считалъ наиболѣе вредными для революціи? Его удаленіе отъ дѣлъ, послѣ того какъ пренія доказали, что Конвентъ не выдастъ больше Комитетамъ ни одного изъ своихъ членовъ, не защищая его, придаётъ нѣкоторое вѣроятіе этому предположенію. Но съ другой стороны, тотъ фактъ, твердо установленный, что инструкція судебной комиссіи въ Оранжѣ тоже составлена была Робеспьеромъ, опровергаетъ это предположеніе. Гораздо вѣроятнѣе, что Робеспьеръ просто слѣдовалъ теченію минуты, и что онъ, Кутонъ и Сенъ-Жюстъ, въ согласіи со многими другими, включая сюда даже Камбона, видѣли въ Терроръ оружіе борьбы для всей Франціи, а также и угрозу противъ нѣкоторыхъ членовъ Конвента. Въ сущности, къ этому закону подходили уже со времени декретовъ 19-го флореаля (8-го мая) и 9-го прэріаля (28-го мая) „о концентраціи власти".

Весьма вѣроятно также, что попытка Ладмираля убить Колло д'Эрбуа и странное дѣло дѣвочки Цециліи Рено, представленное какъ покушеніе на жизнь Робеспьера, т же побудили Конвентъ провести законъ 22-го прэріаля.

Въ концѣ апрѣля, въ Парижѣ совершенъ былъ рядъ казней, которыя должны были пробудить озлобленіе роялистовъ. Послѣ бойни 13-го апрѣля, въ которой погибли Шометъ, Гобэль, вдова Дэмулена, вдова Эбера и пятнадцать другихъ, казними — д'Эпремениля, ле-Шапельѣ, Турэ, старика Мальзерба, защищавшаго короля въ его процессѣ, Лавуазье, великаго химика и хорошаго республиканца, и наконецъ сестру Людовика XVI, M-me Elisabeth, которую, конечно, можно бы-

ло-бы освободить вмѣстѣ съ ея племянницею, безъ всякой опасности для Республики.

Роялисты волновались, и 7-го прэріаля (25-го мая) нѣкій Ладмираль, писецъ, лѣтъ 50-ти, пришелъ въ Конвентъ, съ намѣреніемъ убить Робеспьера. Онъ тамъ заснулъ во время рѣчи, произносившейся Баререомъ, и такимъ образомъ пропустилъ „тирана". Тогда онъ пошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Колло́ д'Эрбуа́ и выстрѣлилъ въ Колло́ въ то время, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ въ свою квартиру. Между ними завязалась сильная борьба, и Колло́ обезоружилъ Ладмираля.

Въ тотъ же день молоденькая дѣвушка, лѣтъ 20-ти, Цецилія Рено́, дочь содержателя бумажной лавочки, крайняго роялиста, пришла во дворъ того дома, гдѣ Робеспьеръ жилъ у плотника-подрядчика Дюплэ, и потребовала свиданія съ Робеспьеромъ. Ея поведеніе возбудило подозрѣніе; её арестовали, и въ карманахъ нашли два маленькихъ ножика. Нескладныя ея рѣчи наводили на мысль о покушеніи на жизнь Робеспьера, — во всякомъ случаѣ совершенно ребяческомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба эти покушенія послужили предлогами въ пользу закона о Террорѣ.

Оба Комитета немедленно воспользовались случаемъ, чтобы устроить громадную „амальгаму", т. е. казнь всякаго рода людей, соединенныхъ, какъ попало, въ одинъ процессъ. Заарестовали отца и брата Цецилiи, а также нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ единственнымъ преступленіемъ было знакомство съ Ладмиралемъ. Въ ту-же „амальгаму" включили г-жу Сентъ-Амарантъ, которая держала игорный домъ, гдѣ посѣтители встрѣчали ея дочь, г-жу Сартинъ, извѣстную своей красотой. А такъ какъ этотъ домъ усердно посѣщали всякаго сорта люди, между прочимъ Шабо́ (Chabot), Дефьё (Defieux) и Эро́-де-Сешель (Hérault de Séchelles), и туда заходилъ повидимому Дантонъ и младшій братъ Робеспьера, то изъ этого постарались сдѣлать роялистскій заговоръ, къ которому хотѣли примѣшать даже Максимиліана Робеспьера, черезъ его брата. Въ тотъ

же процессъ включили Сомбрёйля (того самаго, котораго Мальяръ спасъ во время убійствъ 2-го сентября), актрису Гранъ-Мезонъ (Grandmaison), пріятельницу извѣстнаго роялиста барона Баца, роялиста Сартина, одного изъ роялистскихъ „рыцарей кинжала“ и, рядомъ со всѣми этими господами — несчастную семнадцатилѣтнюю дѣвочку, портниху Николь.

Въ силу закона 22-го прэріаля, судебное дѣло было рѣшено самымъ быстрымъ образомъ. Въ этотъ разъ на казнь повезли сразу 54 человѣка, одѣтыхъ въ красныя рубашки, какъ отцеубійцы, и казнь продолжалась два часа. Такъ вступалъ въ дѣйствіе новый законъ, который получилъ названіе закона Робеспьера. Онъ сразу дѣлалъ царство Террора ненавистнымъ для массы парижанъ.

Легко представить себѣ, какое стало состояніе умовъ среди заарестованныхъ по сентябрьскому закону „о подозрительныхъ“, которыми были тогда набиты парижскія тюрьмы, когда они узнали о законѣ 22-го прэріаля и его примѣненіи къ 54-мъ казненнымъ. Они ждали всеобщаго избіенія, „чтобы очистить тюрьмы“, какъ это было сдѣлано въ Нантѣ и Ліонѣ, и готовились къ сопротивленію. По всей вѣроятности, составлялись также планы тюремныхъ бунтовъ*).

Тогда революціонный судъ сталъ сразу приговаривать къ смерти по 150-и человѣкъ, которыхъ казнили отрядами по 50-и, — уголовныхъ и роялистовъ, отвозимыхъ вмѣстѣ на эшафотъ.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этихъ казняхъ. Достаточно сказать, что со дня основанія революціоннаго трибунала, т. е. съ 17-го апрѣля 1793-го года, вплоть до 22-го прэріаля II-го года (10-го іюня 1794), т. е. въ 14 мѣсяцевъ, было казнено въ Парижѣ 2.607

*) При обыскѣ, сдѣланномъ въ тюрьмахъ, были найдены у заключенныхъ значительныя суммы денегъ (864.000 ливровъ), независимо отъ драгоцѣнностей, такъ что считали, что у заключенныхъ было всего на 1.200.000 ливровъ всякихъ цѣнностей.

человѣкъ; но со дня введенія новаго закона, въ сорокъ-шесть дней, съ 22-го прэріаля по 9-ое термидора (27-е іюля 1794), тотъ-же судъ послалъ на казнь 1.351 человѣка въ 46 дней.

Парижскій народъ скоро сталъ съ ненавистью смотрѣть на эти телѣги, подвозившія каждый день десятки приговоренныхъ къ подножію гильотины, — причемъ пять палачей едва успѣвали опоражнивать живой грузъ. Въ городѣ не находилось болѣе кладбищъ, чтобы хоронить эти жертвы, и всякій разъ, когда въ предмѣстьяхъ отерывали новыя кладбища, чтобы зарывать тамъ казненныхъ, рѣзкіе протесты поднимались среди населенія этихъ кварталовъ.

Теперь симпатіи парижскихъ рабочихъ обращались уже къ казнимымъ, тѣмъ болѣе что богатые эмигрировали, или скрывались въ самой Франціи, и подъ гильотину попадали преимущественно бѣдняки. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 2.750-и гильотинированныхъ, общественное положеніе, которыхъ могъ установить Луи Бланъ, оказалось, что только 650 человѣкъ принадлежали къ зажиточнымъ классамъ. Въ то время даже говорили другъ другу по секрету, что въ Комитетѣ Общественной Безопасности сидитъ роялистъ, агентъ барона Баца, который толкаетъ на казни, чтобы возбудить ненависть противъ Республики.

Одно только несомнѣнно: это то, что каждая такая партія казнимыхъ ускорала паденіе Якобинцевъ.

Есть вещи, которыхъ государственные люди не понимаютъ. Терроръ пересталъ уже терроризировать.

LXVIII.

Девятое термидора. — Торжество реакціи.

Если у Робеспьера было множество поклонниковъ, доходившихъ даже до обоготворенія своего героя, то у него не было также недостатка во врагахъ, глубоко его ненавидѣвшихъ. Эти враги пользовались всѣмъ, чѣмъ могли, чтобы возбудить враждебное къ нему отношеніе, приписывая ему всѣ ужасы Террора. Они не пропустили также случая представить его въ смѣшномъ свѣтѣ, впутавши его въ нелѣпыя росказни одной полу-помѣшанной на мистицизмѣ старухи, Катерины Тэо, которую ея почитатели называли „матерью Господа".

Но не личная вражда была, конечно, причиною гибели Робеспьера. Его паденіе по тому было неизбѣжно, что онъ представлялъ собою правительственную систему, которая уже шла къ роковой гибели. Пройдя черезъ свое восходящее время, продолжавшееся вплоть до августа или сентября 1793-го года, Революція вступила съ тѣхъ поръ въ свой нисходящій фазисъ. Теперь она переживала фазисъ якобинскаго строя власти, котораго лучшимъ выразителемъ былъ Робеспьеръ. Но этотъ

строй, не имѣя передъ собою будущаго, не могъ удержаться. Власть неизбѣжно должна была перейти къ „людямъ порядка и сильной власти," которые только и ждали случая покончить съ революціоннымъ „безпорядкомъ"; они выжидали минуту, когда имъ можно будетъ свергнуть террористовъ Монтаньяровъ, не вызывая возстанія въ Парижѣ.

Тогда съ полною ясностью обозначилось всё зло, происшедшее изъ того, что Революція въ своей экономикѣ основалась на *обогащеніи отдѣльныхъ личностей*. Революція должна стремиться къ *благу всѣхъ*, — иначе она неизбѣжно будетъ задавлена тѣми самими, кого она обогатитъ на счетъ всего народа. Всякій разъ, когда революція совершаетъ переходъ состояній изъ рукъ въ руки, она должна была бы это дѣлать, *не въ пользу отдѣльныхъ личностей, а въ пользу группъ, сообществъ, обнимающихъ весь народъ*. Между тѣмъ Французская Революція поступила какъ разъ наоборотъ. Земли, которыя она конфисковала у духовенства и дворянства, она отдала частнымъ людямъ, тогда какъ онѣ должны были перейти сельскимъ и городскимъ обществамъ, потому что въ былыя времени эти земли принадлежали народу, и только въ силу историческаго насилія стали частною собственностью. Разъ онѣ выходили изъ частнаго владѣнія, ихъ слѣдовало вернуть *народу*.

Но, руководясь государственными и буржуазными цѣлями, Учредительное и Законодательное Собранія, а за ними и Конвентъ, отнявши земли у помѣщиковъ, монастырей и Церкви, и обративши ихъ въ государственную казну, рѣшили продавать ихъ, отчасти отдѣльнымъ крестьянамъ, но больше всего отдѣльнымъ людямъ изъ средняго сословія.

Легко вообразить себѣ, какой грабёжъ начался, когда эти земли, представлявшія собою цѣнность отъ десяти до пятнадцати милліардовъ франковъ (отъ 10.000 до 15.000 милліоновъ) были пущены въ продажу, въ нѣсколько лѣтъ, на условіяхъ особенно выгодныхъ для покупателей; причемъ покупателямъ стоило только

снискать милость новыхъ мѣстныхъ властей, чтобы всячески еще улучшить эти условія. Такъ создались на мѣстахъ „черныя банды“ скупщиковъ и спекуляторовъ, о которыя разбивалась вся энергія комиссаровъ Конвента.

И тогда, понемногу, зловредное вліяніе этихъ скупщиковъ, поддерживаемыхъ всѣми спекуляторами въ Парижѣ, интендантами арміи и мѣстными грабителями, стало подниматься вверхъ, до Конвента, гдѣ честныхъ Монтаньяровъ одолѣвали ловкіе дѣльцы, les profiteurs, какъ ихъ тогда называли. Въ самомъ дѣлѣ, что могли честные люди противупоставить этимъ ордамъ грабителей? Разъ секціи Парижа были парализованы, и Бѣшеные были уничтожены, — на кого могли опереться честные люди изъ Горцевъ? Правые были конечно противъ нихъ, а Центръ Конвента уже тогда получилъ характерное прозвище Болота, или Брюха! — Тутъ-то и засѣдали чаявшіе „порядка“ ловкіе дѣльцы.

Побѣда, одержанная войсками Республики 8-го мессидора (26 іюня), при Флёрюсѣ, надъ соединенными силами австрійцевъ и англичанъ, и закончившая, на этотъ годъ, кампанію въ сѣверной Франціи, а также успѣхи, одержанные Республикою въ Пиренеяхъ, со стороны Альпъ и на Рейнѣ, и наконецъ прибытіе во Францію транспорта съ хлѣбомъ изъ Америки (причемъ пришлось пожертвовать главными военными кораблями), — самые эти успѣхи становились доводами, въ устахъ „умѣренныхъ“, противъ Революціи. —„Къ чему теперь революціонное правительство“, говорили они, „разъ война заканчивается? Пора положить конецъ правленію Революціонныхъ комитетовъ и Патріотическихъ обществъ. Пора закончить революцію и вернуться къ законному порядку!“

Но Терроръ, который всѣ приписывали Робеспьеру, отнюдь не утихалъ, а скорѣе еще усиливался. 3-го мессидора (21 іюня), Германъ (Herman), „комиссаръ при гражданскихъ администраціяхъ, полиціи и судахъ“,

внёсъ въ Комитетъ Общественнаго Спасенія докладъ, испрашивая разрѣшеніе произвести слѣдствіе о заговорахъ внутри тюремъ, и въ этомъ докладѣ онъ грозилъ всеобщимъ избіеніемъ заключенныхъ, говоря что „потребуется, можетъ быть, внезапно очистить тюрьмы". Комитетъ Общественнаго Спасенія разрѣшилъ ему произвести такое слѣдствіе, и тогда начались ужасныя бойни: ряды повозокъ каждое утро везли подъ гильотину десятки мужчинъ, женщинъ и подростковъ, и жителямъ Парижа эти бойни скоро стали противнѣе сентябрьскихъ убійствъ. Имъ не видно было конца, и происходили онѣ посреди баловъ, концертовъ и увеселеній всякаго рода разбогатѣвшей буржуазіи. Мало того, казни сопровождались всевозможными безобразіями и кутежами роялистской молодёжи, которая съ каждымъ днемъ все смѣлѣе овладѣвала улицей.

Всѣ чувствовали, что такъ дѣла не могутъ продолжаться, и „умѣренные," вмѣстѣ съ роялистами, пользовались этимъ въ Конвентѣ. Дантонисты, Жирондисты, члены Болота смыкали свои ряды и сосредоточивали свои усилія на одномъ: для начала,—сверженіе Робеспьера и прекращеніе Террора. А съ тѣхъ поръ, какъ Комитету Общественнаго Спасенія удалось обезличить секціи, бывшія до того истинными очагами революціонныхъ народныхъ движеній, — настроеніе умовъ въ Парижѣ такъ понизилось, что контръ-революція могла уже надѣяться на успѣхъ.

Къ тому-же, 5-го термидора (23 іюля) Генеральный Совѣтъ Коммуны, руководимый теперь Клодомъ Пайяномъ, личнымъ другомъ и поклонникомъ Робеспьера, еще болѣе подорвалъ авторитетъ Коммуны въ глазахъ народа, сдѣлавъ постановленіе, совершенно несправедливое по отношенію къ рабочимъ. Не смотря на то, что цѣны на всѣ припасы страшно поднялись вслѣдствіе пониженнаго курса ассигнацій, Совѣтъ Коммуны велѣлъ обнародовать во всѣхъ 48-и секціяхъ Парижа максимумъ цѣнъ, установленный закономъ о максимумѣ, которымъ должны были довольствоваться рабочіе.

Коммуна, такимъ образомъ, теряла послѣднія симпатіи въ народѣ. Что-же касается до Комитета Общественнаго Спасенія, то онъ уже былъ непопуляренъ въ секціяхъ, такъ какъ онъ уничтожилъ, какъ мы видѣли, ихъ независимость и присвоилъ себѣ право самовольно назначать членовъ ихъ комитетовъ.

Минута была, стало быть, самая подходящая, чтобы совершить государственный переворотъ.

Робеспьеръ медлилъ. Онъ ничего не предпринималъ, и только 21-го мессидора (9 іюля) открылъ онъ свой походъ противъ заговорщиковъ. Передъ тѣмъ за недѣлю, онъ уже жаловался въ клубѣ Якобинцевъ на войну, которая велась лично противъ него. Онъ даже напалъ, слегка впрочемъ, на Барера, — на того самаго Барера, который до того времени всегда былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ его группы, когда нужно было нанести сильный ударъ ея соперникамъ въ Конвентѣ. Два дня спустя, онъ рѣшился напасть открыто, тоже въ Якобинскомъ клубѣ, на Фушэ, комиссара Конвента, террориста, за его жестокое поведеніе въ Ліонѣ. Онъ добился даже того, что клубъ рѣшилъ предать Фушэ своему суду.

26-го мессидора (14 іюля), началась открытая война, такъ какъ Фушэ отказался явиться на судъ Якобинскаго клуба, и открыто выступилъ противъ Робеспьера. Напавши-же на Барера, Робеспьеръ тѣмъ самымъ вооружилъ противъ себя двухъ другихъ членовъ Комитета Общественнаго Спасенія, изъ крайнихъ республиканцевъ, — Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, равно какъ и двухъ могучихъ членовъ Комитета Общественной Безопасности, — Вадьѣ и Вуллана (Vadier и Vouland), которые часто видались съ Бареромъ и дѣйствовали съ нимъ за-одно по дѣламъ о заговорахъ въ тюрьмахъ.

Тогда всѣ члены Лѣвой въ Конвентѣ, т. е. Тальенъ, Бареръ, Вадьѣ, Вулланъ, Бильо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Фушэ, почувствовавъ надъ собой угрозу, соеди-

нились противъ „тріумвировъ“ террористовъ, т. е. Робеспьера, Сенъ Жюста и Кутона. Что же касается до Умѣренныхъ, —Барраса, Ровэра, Тирьона, Куртуа́, Бурдона и др., которые хотѣли-бы избавиться, не только отъ Робеспьера и Сенъ-Жюста, но и отъ всѣхъ крайнихъ Монтаньяровъ, т. е. также отъ Колло́, Бильо́, Барера, Вадьѐ и др., то они вѣроятно рѣшили, что для начала лучше сосредоточить нападеніе на робеспьеровской группѣ. Они понимали, что если справятся съ нею, имъ не трудно будетъ справиться и съ остальными.

Гроза разразилась въ Конвентѣ, 8-го термидора (26 іюля 1794). Она не была неожиданностью, такъ какъ зала Конвента была биткомъ набита зрителями. Робеспьеръ, въ очень обработанной рѣчи, напалъ на Комитетъ Общественной Безопасности, обвиняя его въ интригѣ противъ Конвента. Онъ защищалъ въ данномъ случаѣ самаго себя и Конвентъ отъ клеветы. Онъ оправдывался отъ обвиненія въ стремленіи къ диктатурѣ, и не щадилъ своихъ соперниковъ, — не исключая даже Камбона: онъ говорилъ о немъ, а также о Маллярмэ и Рамесѣ, словами заимствованными у Бѣшеныхъ, т. е. называлъ ихъ Фёльянтами, аристократами и плутами.

Всѣ ждали заключеній его рѣчи, и когда онъ дошелъ до нихъ, то всѣмъ стало ясно, что въ сущности онъ требовалъ только усиленія власти для себя и своей группы. Никакихъ новыхъ взглядовъ, никакой новой программы! Передъ Конвентомъ стоялъ просто человѣкъ правительства, требовавшій усиленія власти, чтобы карать враговъ его власти.

„Гдѣ средство противъ этого зла?“ говорилъ онъ въ своемъ заключеніи. — „*Наказать измѣнниковъ;* назначить новыхъ людей въ канцеляріи Комитета Общественной Безопасности; *очистить этотъ Комитетъ и подчинить его Комитету Общественнаго Спасенія; очистить также и этотъ Комитетъ:* установить единство

въ правительствѣ, подъ верховною властью Конвента, представляющаго центръ власти и высшій судъ".

Тогда всѣ поняли, что онъ только требовалъ больше власти для своего тріумвирата, чтобы направить её противъ Колло́ и Биль о́, противъ Тальена и Барера, Камбона и Карно, Вадьѐ и Вуллана. Заговорщикамъ правыхъ партій оставалось только радоваться. Они могли всё предоставить Тальену, Биль о́-Варенну и другимъ Монтаньярамъ, которые ради самозащиты постараются свергнуть Робеспьера.

Въ тотъ-же вечеръ, Якобинскій клубъ покрылъ рукоплесканіями рѣчь Робеспьера и яростно отнёсся къ Колло́ д'Эрбуа́ и Биль о́-Варенну. Въ клубѣ поднимался даже вопросъ о томъ, чтобы идти съ оружіемъ противъ Комитетовъ, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности. Всё ограничилось, однако, одними рѣчами: Якобинскій клубъ и раньше никогда не былъ центромъ дѣйствія.

За то, въ ту-же ночь Бурдонъ и Тальенъ заручились поддержкою Правыхъ, и повидимому сговорились съ ними не давать на завтра Робеспьеру и Сенъ-Жюсту говорить съ трибуны. Дѣйствительно, на слѣдующій день, 9-го термидора, какъ только Сенъ-Жюстъ началъ читать свой докладъ,—очень умѣренный, надо сказать, въ своихъ заключеніяхъ, такъ какъ докладчикъ требовалъ только пересмотра правительственной организаціи, —Биль о́-Вареннъ и Тальенъ не дали ему читать. Они требовали ареста „тирана", т. е. Робеспьера, и ихъ крики: „Долой тирана!" были подхвачены всѣмъ Болотомъ. Робеспьеру точно также не дали сказать ни слова, и послѣ очень бурной сцены, Конвентъ велѣлъ его заарестовать, вмѣстѣ съ его братомъ, Сенъ-Жюстомъ, Кутономъ и Леба́. Ихъ отвели въ четыре различныя тюрьмы.

Тѣмъ временемъ Анріо́, начальникъ національной гвардіи, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и нѣсколькихъ конныхъ жандармовъ, скакалъ по направленію къ Конвенту; но два члена Конвента, увидавъ

его въ улицѣ Сентъ-Онорэ, велѣли его заарестовать шестерымъ изъ сопровождавшихъ его жандармовъ, — что́ и было ими исполнено.

Генеральный Совѣтъ Коммуны собрался только въ шесть часовъ вечера. Онъ выпустилъ прокламацію къ народу, приглашая его возстать противъ Барера, Колло́ д'Эрбуа́, Бурдона, Амара, и послалъ Кофингаля освободить Роб спьера и его друзей, которые — такъ полагалъ Совѣтъ — должны были содержаться при Комитетѣ Общественной Безопасности. Но тамъ ихъ не оказалось; Кофингаль нашелъ только Анріо́, котораго и освободилъ. Что-же касается до Робеспьера, то его перевели сперва изъ Конвента въ Люксембургъ, гдѣ тюремщики его не приняли; и онъ тогда, вмѣсто того чтобы идти въ Ратушу, гдѣ засѣдала Коммуна, и броситься смѣло въ возстаніе, направился въ администрацію Полиціи, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи. Сенъ-Жюстъ и Леба́, освобожденные изъ тюремъ, пришли въ Коммуну; Робеспьеръ-же не хотѣлъ трогаться, и Кофингаль едва заставилъ его подчиниться требованію Коммуны и направиться въ Ратушу. Онъ пришелъ туда только въ восемь часовъ вечера.

Совѣтъ Коммуны поднималъ возстаніе; но оказалось, что секціи вовсе не стремились возставать противъ Конвента — вѣроятно потому, что ихъ звали къ бунту во имя тѣхъ, кого онѣ обвиняли въ казни своихъ любимцевъ, Шомета и Эбера, въ смерти Жака Ру, въ удаленіи Паша и въ уничтоженіи независимости секцій. Впрочемъ, народъ Парижа долженъ былъ также чувствовать, что Революція умираетъ, и что люди, изъ-за которыхъ Совѣтъ Коммуны звалъ народъ къ бунту, не представляли собою никакого новаго начала въ народной революціи.

Наступила полночь, а секціи и не думали возставать. Во всѣхъ секціяхъ царило несогласіе, говоритъ Луи Блапъ, такъ какъ ихъ гражданскіе комитеты не были согласны съ ихъ революціонными комитетами и общими собраніями. Тѣ 14 секцій, которыя рѣшили повин-

новаться Коммунѣ, ничего не предпринимали, а 18 секцій, изъ которыхъ шесть были въ самомъ центрѣ города, вокругъ Ратуши, были противъ постановленія Коммуны. Члены секціи Гравильѣ, къ которой нѣкогда принадлежалъ Жакъ Ру, составили даже главное ядро одной изъ двухъ колоннъ, направившихся по приказанію Конвента противъ Городской Ратуши*).

Конвентъ, тѣмъ временемъ, объявилъ инсургентовъ и самую Коммуну „внѣ закона", и когда этотъ декретъ былъ прочтенъ на площади Гревы, канониры Анріо, стоявшіе здѣсь безъ всякаго дѣла, разошлись по одиночкѣ. Площадь передъ Ратушею такимъ образомъ опустѣла, и въ Ратушу вступила безъ боя вооруженная колонна секцій Гравильѣ и Арси. Тогда, одинъ молодой жандармъ, который первый вошелъ въ залу, гдѣ находились Робеспьеръ и его друзья, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и раздробилъ ему челюсть.

Самый центръ сопротивленія — Городская Ратуша — былъ такимъ образомъ захваченъ безъ всякаго сопротивленія со стороны инсургентовъ. Леба убилъ себя; Робеспьеръ младшій рѣшилъ покончить съ собою и

*) Секціи, говоритъ Эрнестъ Мелье, „уже не повелѣвали своимъ комитетамъ, а слѣдовали за ними, причемъ секціонные комитеты состояли изъ членовъ, зависѣвшихъ только отъ Комитетовъ Конвента — Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности. Вся политика шла помимо секцій.... Дошли до того, что даже запретили имъ называться первичными собраніями избирателей: 20 го флореаля II-го года (9 мая 1794), національный агентъ Коммуны [Пайянъ, замѣнившій Шомета] предупредилъ секціи, что при революціонномъ правительствѣ, первичныхъ собраній не полагается.... Онъ, слѣдовательно, напоминалъ имъ, что ихъ отреченіе отъ политики должно быть полное" (стр 151, 152). Разсказавши, сколькимъ послѣдовательнымъ «очищеніямъ» секціи должны были подвергнуться, чтобы угодить клубу Якобинцевъ (стр. 153), Мелье заключилъ такими словами: „Мишле, стало быть, былъ правъ, когда говорилъ, что въ эту пору общія собранія секцій были уже мертвыми, и что вся власть перешла къ Революціоннымъ комитетамъ, которые сами тоже не выказывали большой жизненности" (стр. 154, 155).—9-го термидора, какъ убѣдился въ этомъ Мелье изъ

бросился изъ окна третьяго этажа; Кофингаль взялся за Апріо, обвиняя его въ трусости, и выбросилъ его изъ окна; Сенъ-Жюстъ и Кутонъ дали себя заарестовать.

На другое утро, послѣ простаго удостовѣренія личности, всѣ были казнены, въ числѣ двадцати-одного человѣка; но раньше чѣмъ привезти ихъ на площадь Революціи, ихъ долго возили по улицамъ, подъ оскорбленіями контръ-революціонной толпы. Высшій „свѣтъ", собравшійся въ полномъ составѣ на это зрѣлище, ликовалъ—еще болѣе, чѣмъ въ день казни Эбертистовъ. Окна, на пути процессіи телѣгъ, везшихъ революціонеровъ на казнь, нанимались за баснословныя цѣны. Дамы возсѣдали въ этихъ окнахъ, въ праздничныхъ нарядахъ.

Реакція восторжествовала. Революціи наступилъ конецъ.

Здѣсь, и мы остановимся, не вдаваясь въ описаніе оргій реакціоннаго Террора, начавшихся послѣ 9-го термидора, ни въ описаніе двухъ попытокъ бунта противъ реакціи: прэріальскаго движенія III-го года и заговора Бабёфа въ IV-мъ году.

Противники Террора, — тѣ, которые постоянно говорили о милосердіи, показали, что о милосердіи они хлопотали только для себя и для своихъ сторонниковъ. Безъ малѣйшаго промедленія, они казнили всѣхъ видныхъ сторонниковъ свергнутыхъ ими Монтаньяровъ. За три дня, т. е. 10-го, 11-го и 12-го термидора (28, 29 и 30 іюля) казнено было *сто-три* Монтаньяра. Доносы, исходившіе изъ буржуазіи, сыпались безъ конца, и гильотина работала безъ отдыха—на пользу реакціи. Съ 9-го термидора по 1-е прэріаля, т. е. менѣе чѣмъ

архивныхъ документовъ, почти во всѣхъ секціяхъ Революціонные комитеты были въ сборѣ и *ждали приказаній правительства* (стр. 169). Нечего, стало быть, удивляться, что секціи не тронулись противъ заговорщиковъ термидорскаго переворота.

въ десять мѣсяцевъ, 73 представителя Конвента были приговорены къ смерти, или арестованы, тогда какъ 73 Жирондиста вернулись въ Конвентъ.

Теперь наступилъ черёдъ „истинныхъ“ „государственныхъ“ людей. Законъ о максимумѣ цѣнъ былъ отмѣненъ, вслѣдствіе чего начался ужасный торговый кризисъ, во время котораго биржевая спекуляція на ассигнаціяхъ и бумагахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Буржуазія ликовала — какъ она ликовала послѣ іюньскихъ дней въ 1848-мъ году и послѣ майскихъ дней 1871-го года. „Золотая молодёжь“, организованная Фрерономъ, хозяйничала на улицахъ Парижа, тогда какъ рабочіе, видя что Революція побѣждена, вернулись въ свои трущобы, обсуждая шансы слѣдующаго возстанія.

Они дѣйствительно попробовали снова возстать 12-го жерминаля III-го года (1 апрѣля 1795) и 1-го прэріаля (20 мая), требуя хлѣба и конституціи 1793-го года. Предмѣстья дружно поднялись; но буржуазія уже успѣла организовать свои силы. „Послѣдніе Монтаньяры“ Роммъ, Бурботъ, Дюруа, Субрани, Гужонъ и Дюкенуа, были приговорены къ смерти военнымъ судомъ — революціонный трибуналъ былъ уничтоженъ — и казнены.

Съ тѣхъ поръ, буржуазія вполнѣ овладѣла Революціею, и писходящій фазисъ продолжался. Реакція вскорѣ стала открыто роялистскою. Члены *Золотой арміи* уже не скрывались: они носили сѣрый кафтанъ Шуановъ*), съ зелеными или синими отворотами, и убивали всѣхъ тѣхъ, кого называли „террористами“, т. е. республиканцевъ. Убійства совершались гуртомъ и въ розницу. Тѣхъ, кто способствовалъ чѣмъ бы то ни было казни короля, или его аресту въ Варенпѣ, указывали всѣмъ роялистамъ, и жизнь имъ дѣлали совершенно невозможной.

*) *Шуанами* назывались отряды, сражавшіеся въ Вандеѣ.

Въ провинціи, особенно на югѣ, „роты Іисуса“, „роты Солнца“ и другія роялистскія организаціи мстили огуломъ. Въ Ліонѣ, Э (Aix), Марсели, убивали въ тюрьмахъ тѣхъ, кто былъ сторонникомъ и участникомъ Революціи. „Почти каждая мѣстность Южной Франціи имѣла свое 2-е сентября“, говоритъ Минье,— конечно, роялистское Второе Сентября. И рядомъ съ огульнымъ истребленіемъ, члены обществъ Іисуса и Солнца вели истребленіе въ розницу. Въ Ліонѣ, когда они встрѣчали революціонера, обреченнаго ими на смерть, но до тѣхъ поръ уцѣлѣвшаго, они убивали его тутъ же на улицѣ и бросали его трупъ въ Рону. Такъ же поступали роялисты въ Тарасконѣ.

Волна реакціи поднималась всё выше и выше, и наконецъ 4-го брюмэра IV-го года (26 октября 1795) Конвентъ разошелся. Ему наслѣдовала Директорія, которая и подготовила, сперва — Консульство, а затѣмъ — Имперію. Директорія, это была вакханалія буржуазіи, тратившей въ безумной роскоши состоянія, нажитыя во время Революціи, и особенно во время термидорской реакціи. Дѣйствительно, если до 9-го термидора Революція выпустила около 8.000 милліоновъ ассигнацій, термидорская реакція ухитрилась *въ пятнадцать мѣсяцевъ* выпустить ихъ на совсѣмъ невѣроятную сумму *тридцати тысячъ милліоновъ*. Легко представить себѣ, какія состоянія наживали ловкіе дѣльцы, благодаря этимъ массамъ денежныхъ знаковъ, пущенныхъ въ обращеніе.

Еще разъ попробовали революціонеры-коммунисты, въ IV-мъ году (май 1796), подъ предводительствомъ Бабёфа, поднять возстаніе, подготовленное ихъ тайнымъ обществомъ; но ихъ арестовали раньше, чѣмъ возстаніе успѣло вспыхнуть. Точно также кончилась неудачей ихъ попытка поднять лагерь въ Гренэллѣ, въ ночь 23-го фрюктидора IV-го года (9 сентября 1796). Бабёфъ и Дартэ были приговорены къ смерти, и убили себя ударами кинжала (7 прэріаля V-го года) раньше казни. Но и роялисты тоже потерпѣли неу-

дачу, 18-го фрюктидора V-го года (4 сентября 1797), вслѣдствіе чего Директорія продержалась еще года два, до 18-го брюмэра VIII-го года (9 ноября 1799).

Въ этотъ день, бывшій ярый санъ-кюлотъ, Наполеонъ Бонапарте сдѣлалъ свой государственный переворотъ, и народное представительство было уничтожено генераломъ, за котораго стояла армія. Война, длившаяся уже семь лѣтъ, дошла такимъ образомъ до своего логическаго заключенія. 28-го флореаля XII-го года (18 мая 1804), Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ, и война возобновилась, послѣ чего продолжалась еще, съ короткими перерывами, вплоть до 1815-го года.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

При видѣ того, какъ Конвентъ, грозный и могучій въ 1793-мъ году, пришелъ въ полный упадокъ два года спустя; какъ Республика, — полная, казалось, живыхъ силъ,— погибла въ нѣсколько лѣтъ; и какъ Франція, пройдя черезъ разлагающій строй Директоріи, подпала въ 1799-мъ году подъ военное иго Бонапарта, нерѣдко ставился вопросъ: —„Къ чему революція, если послѣ того страна должна опять подпасть подъ чьё-нибудь иго?“ И въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка повторяли этотъ вопросъ; причемъ люди состоятельные и люди робкіе пользовались имъ, какъ непобѣдимымъ доводомъ противъ всякихъ внезапныхъ переворотовъ.

Страницы этой книги отвѣчаютъ на подобные вопросы. Задавать ихъ могутъ только тѣ, кто видитъ во Французской Революціи одну лишь смѣну правительствъ, и совершенно не замѣчаетъ выполненнаго ею экономическаго переворота и ея воспитательнаго значенія.

Дѣйствительно, экономическое преобразованіе Франціи, совершившееся во время Революціи было такъ велико и глубоко, что Франція, какою она представ-

ляется въ самомъ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ минуту Наполеоновскаго государственнаго переворота, вовсе уже не та Франція, какою она была наканунѣ 1789-го года. Развѣ до-революціонная Франція, въ которой чуть не треть обнищавшаго крестьянскаго населенія голодала едва-ли не каждый годъ, могла-бы выдержать всѣ тягости и раззореніе наполеоновскихъ войнъ, продолжавшихся еще 15 лѣтъ послѣ войнъ, вынесенныхъ уже Республикою въ 1792—1799 годахъ для отраженія нападенія всей Европы?

Но въ 1792-мъ и въ 1793-мъ году создалась уже новая Франція. Во многихъ ея департаментахъ, населеніе всё еще страдало отъ недостатка хлѣба, а послѣ термидорскаго переворота, когда реакція отмѣнила максимальную таксу на жизненные припасы, выпуская вмѣстѣ съ тѣмъ массы ассигнацій, цѣны на всё поднялись до ужасающей высоты. Нѣкоторые департаменты и послѣ 1793-го года всё еще выращивали недостаточно хлѣба для своего пропитанія, а такъ какъ война не прекращалась и перевозочныя средства поглощались ею, то въ этихъ департаментахъ хлѣба ~~ещё~~ не хватало. Но изъ всѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, ясно выступаетъ одно: Франція производитъ уже *гораздо больше* жизненныхъ припасовъ, чѣмъ она производила въ 1789 мъ году.

Никогда еще не было во Франціи такой энергичной пахоты, говоритъ Мишлэ, какъ осенью 1792-го года, когда крестьяне вели борозду по землямъ, отнятымъ ими у помѣщиковъ, у монастырей, у церквей и, подгоняя своихъ воловъ, кричали на нихъ: „Тяни, Пруссія! Выгятивай Австрія!“ Никогда еще не было столько поднято нови, какъ въ эти го́ды революціи,—съ этимъ согласны даже реакціонные историки. Первый хорошій урожай, въ 1794-мъ году, далъ уже достатокъ двумъ-третямъ Франціи,—ея деревнямъ, само собою, такъ какъ города, вслѣдствіе войны, продолжали жить подъ угрозою голодовки. Не потому, чтобы для нихъ не хватало хлѣба, или чтобы муниципалитеты не при-

нимали мѣры для прокормленія безработныхъ; но весь рабочій скотъ въ деревняхъ, свободный отъ полевыхъ работъ, былъ отобранъ для подвоза припасовъ и боевыхъ запасовъ четырнадцати арміямъ Республики, отбивавшимся отъ иностраннаго вторженія. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, а сельскія дороги были еще въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ теперь въ Россіи.

Но вездѣ въ деревняхъ народилась уже новая Франція за эти четыре года Революціи. *Крестьянинъ наѣдался до сыта*, — въ первый разъ за послѣдніе нѣсколько сотъ лѣтъ. Онъ разгибалъ наконецъ свою спину! Онъ дерзалъ говорить! Прочтите подробные отчеты о томъ, какъ крестьяне вернули плѣннаго короля, Людовика XVI-го, изъ Варенна въ Парижъ, и скажите:—Подобное увлеченіе общественными дѣлами, подобная независимость сужденій и дѣйствій среди крестьянъ были-ли возможны раньше 1789-го года? Новая нація уже народилась за эти го́ды.

И только, благодаря этому возрожденію, Франція могла вынести войны Республики и Наполеоновской имперіи и разнести принципы Великой Революціи по всей Европѣ: въ Швейцарію, въ Италію, въ Испанію, въ Бельгію, Голландію, Германію — вплоть до границъ Россіи. И когда, переживши мысленно всѣ эти войны и прослѣдивши за французскими арміями вплоть до Египта и Москвы, мы думаемъ найти, въ 1815-мъ году, вполнѣ обѣднѣвшую, разоренную Францію, мы находимъ, вмѣсто того, ея деревни, даже въ восточныхъ ея частяхъ и въ Юрѣ, гораздо болѣе воздѣланными и зажиточными, чѣмъ были даже берега Марны, когда Петіонъ, указывая на нихъ Людовику XVI-му на обратномъ пути изъ Варенна, спрашивалъ его,— есть-ли на свѣтѣ другое такое государство, отъ котораго правитель самъ захотѣлъ бы отказаться?

За эти го́ды, прожитые среди бурь Революціи, внутренняя сила деревень стала такова, что въ нѣсколько лѣтъ Франція сдѣлалась страною зажиточныхъ крестьянъ; и ея сосѣди вскорѣ узнали, къ великому своему

изумленію, что несмотря на всѣ свои потери, Франція является страною самою богатою *по своей производительности.* Такою она осталась еще теперь. И свои богатства она получаетъ не изъ далекой Индіи и Египта, не отъ міровой торговли, а изъ своей земли, изъ любви къ родной землѣ, изъ умѣнья съ нею обращаться, изъ своего трудолюбія. Причемъ Франція является также страною самою богатою по распредѣленію своихъ богатствъ между наибольшимъ числомъ жителей, и самою богатою по возможностямъ, представляемымъ ею въ ближайшемъ будущемъ.

Вотъ каковъ былъ результатъ Революціи. И если поверхностный взглядъ видитъ въ наполеоновской Франціи одну только любовь къ военной славѣ, къ войнѣ —то историкъ открываетъ, что самыя войны, которыя вела Франція, она вела ихъ, *чтобы обезпечить себѣ плоды Революціи:* чтобы удержать земли, отнятыя у дворянъ, у Церкви, у богачей; чтобы удержать свободы, отвоеванныя у деспотизма. Если Франція готова была истекать кровью, лишь бы Нѣмцы, Англичане и Русскіе не посадили ей на престолъ Людовика XVIII-го, она дѣлала это, по тому что не хотѣла, чтобы возвращеніе роялистской эмиграціи повлекло за собою отнятіе у крестьянъ земель, уже политыхъ ихъ потомъ, и потерю свободъ, добытыхъ кровью патріотовъ.

Въ результатѣ, когда, послѣ двадцати-трехъ лѣтней борьбы Франціи, побѣжденной Европою, не было другого выхода, какъ принять Бурбоновъ,— *она же ставила имъ условія.* Бурбоны будутъ царствовать, но земли останутся за тѣми, кто отнялъ ихъ у феодальныхъ владѣльцевъ. Даже Бѣлый Терроръ Бурбоновъ не сможетъ этого разрушить. Старый порядокъ не будетъ возстановленъ.

Еще одно замѣчаніе.

Въ исторіи всякаго народа неизбѣжно наступаетъ когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное измѣненіе во всемъ строѣ его жизни становится неиз-

бѣжнымъ. Такъ было во Франціи въ 1789-мъ году: королевскій деспотизмъ и феодализмъ доживали свой вѣкъ. Долѣе удержать ихъ, было невозможно: надо было отъ нихъ отказаться.

Но тогда представлялось два возможныхъ выхода: реформа — или революція.

Всегда, въ такихъ случаяхъ бываетъ минута, когда реформа еще возможна. Но если этою минутою не воспользовались, если правители, страны, вмѣсто того, чтобы пойти на встрѣчу новымъ требованіямъ, упорно сопротивляются проявленіямъ новой, возникающей жизни, и вслѣдствіе этого кровь начнетъ литься на улицахъ, какъ это случилось 14-го іюля 1789-го года, — тогда начинается революція. И, разъ началась *революція*, — т. е., не простой политическій переворотъ, а нѣчто болѣе глубокое, революція неизбѣжно разовьётся до своихъ крайнихъ послѣдствій, — т. е. до той точки, до которой она можетъ достигнуть, хотя бы на короткое время, при данномъ состояніи умовъ въ данный историческій моментъ. Такъ и было во Франціи.

Если мы изобразимъ медленный прогрессъ, совершающійся въ странѣ во время періода Эволюціи, т. е. мирнаго развитія, линіею проведенною на бумагѣ, то эта линія будетъ медленно, постепенно подниматься. Но вотъ начинается революція, — и линія дѣлаетъ рѣзкій скачёкъ кверху. Она быстро поднимается, въ Англіи, напримѣръ, — до Кромвеллевской республики, во Франціи — до республики 1793-го года. Но на этой высотѣ, въ эту историческую минуту прогрессъ не можетъ удержаться; враждебныя ему силы еще слишкомъ сильны. Онѣ соединяются между собою противъ намѣченнаго прогресса, и низводятъ жизнь съ этой высоты. Республика побѣждена злыми силами стараго порядка. Наступаетъ реакція, и наша линія быстро падаетъ. Въ политикѣ, по крайней мѣрѣ, линія можетъ упасть очень глубоко. Но мало по малу она опять поднимается, и когда снова наступаютъ мирныя времена, во Франціи въ 1815-мъ, въ Англіи въ 1688-мъ

году, — линія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оказывается уже на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ она была раньше, до революціи.

Тогда снова наступаетъ періодъ медленнаго развитія, эволюціи; наша линія снова начинаетъ постепенно, медленно подниматься. Но подъёмъ ея совершается уже на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ прежде, и почти всегда онъ идетъ быстрѣе.

Таковъ законъ прогресса въ человѣчествѣ. Современная Франція, пройдя черезъ Коммуну, прежде чѣмъ дойти до Третьей Республики, недавно дала новое подтвержденіе того-же закона. Онъ бываетъ вѣренъ также и для отдѣльной личности.

Результаты Французской Революціи не ограничиваются, однако, однимъ тѣмъ, что̀ она дала Франціи; они состоятъ также въ основныхъ началахъ политической жизни, завѣщанныхъ ею всему девятнадцатому вѣку, — въ ея завѣтахъ будущему, для всѣхъ странъ образованнаго міра.

Всякая реформа неизбѣжно является компромиссомъ съ прошлымъ; тогда какъ всякій прогрессъ, совершенный революціоннымъ путёмъ, непремѣнно содержитъ въ себѣ задатки для будущаго. Въ силу этого, если Великая французская Революція подводитъ итогъ предыдущему столѣтію эволюціи, она также даётъ программу развитія, имѣющаго совершиться въ будущемъ, въ теченіе девятнадцатаго вѣка. Это тоже, по моему мнѣнію, историческій законъ, что періодъ въ сто, сто-тридцать приблизительно лѣтъ, протекающій между двумя революціями, получаетъ свой характеръ отъ той революціи, которою начался этотъ періодъ.

Наслѣдіе, завѣщанное революціею, народы стараются воплотить въ своихъ учрежденіяхъ. Всё то, что̀ ей не удалось провести вполнѣ въ практическую жизнь, всѣ великія идеи, которыя были провозглашены во время переворота, но которыхъ революція не смогла или не съумѣла осуществить такъ, чтобы онѣ

удержались въ жизни, всѣ попытки соціологической перестройки, намѣченныя ею — все это становится содержаніемъ періода медленнаго развитія, эволюціи, слѣдующаго за революціею; причемъ къ этому прибавятся еще тѣ новыя идеи, которыя будутъ вызваны эволюціею, когда она будетъ проводить въ жизнь программу, унаслѣдованную ею отъ предыдущаго общественнаго переворота. Затѣмъ, черезъ 100—130 лѣтъ, новый переворотъ совершится уже среди другого народа, и этотъ народъ, въ свою очередь, дастъ программу дѣятельности для слѣдующаго столѣтія.

Таковъ былъ ходъ исторіи за послѣдніе пять или шесть вѣковъ.

Дѣйствительно, столѣтіе протекшее со времени 1789—1793 годовъ, характеризуется въ Европѣ двумя крупными завоеваніями: уничтоженіемъ крѣпостнаго права и его пережитковъ, и ограниченіемъ самодержавной королевской власти. Хотя одновременно съ этимъ, при поддержкѣ усиливающагося Государства, создавалась власть буржуазіи и капитала, но тѣмъ не менѣе за это столѣтіе создавалась личная политическая свобода, о которой ни крѣпостные, ни подданные абсолютнаго короля не смѣли даже мечтать въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Оба эти завоеванія ведутъ свое начало отъ Великой французской Революціи, которая въ свою очередь воспользовалась наслѣдіемъ англійской Революціи, расширяя его и одухотворяя всѣмъ умственнымъ прогрессомъ, совершившимся съ тѣхъ поръ, какъ англійскій народъ вырвалъ власть изъ рукъ Двора и передалъ её Парламенту.

Совершившись во Франціи во время Революціи, эти два завоеванія составили съ тѣхъ поръ сущность прогрессивной работы девятнадцатаго вѣка, и оба медленно распространялись изъ Франціи на всю остальную, континентальную Европу.

Начатое французскими крестьянами въ 1789-мъ году, дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго феодализма разносилось по Европѣ и продолжалось арміями

санъ-кюлотовъ въ Савойѣ, въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Германіи и въ Австріи. Къ несчастію, оно едва проникло въ Польшу и вовсе не проникло тогда въ Россію.

Крѣпостное право исчезло-бы изъ Европы уже въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, если бы французская буржуазія, добравшись до полной власти черезъ трупы Крайнихъ, Кордельеровъ и Якобинцевъ, не остановила революціи, не возстановила монархіи, и не отдала-бы Францію въ руки перваго Наполеона, который, ставши императоромъ, конечно забылъ свои прежнія убѣжденія и свое происхожденіе отъ санъ-кюлотовъ. Но во всякомъ случаѣ, толчокъ былъ уже данъ революціонными арміями во всей Европѣ: крѣпостному праву былъ уже нанесенъ смертельный ударъ. Не смотря на временное торжество реакціи, которая возстановила крѣпостное право въ Италіи и въ Испаніи послѣ изгнанія французскихъ армій, его пережитки скоро были уничтожены въ этихъ двухъ странахъ. Раненое на смерть въ Германіи, въ 1811-мъ году, оно могло продержаться здѣсь только до 1848-го года. Россія была вынуждена отказаться отъ крѣпостнаго права въ 1861-мъ году, а война 1878-го года положила ему конецъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, рабство было уничтожено въ 1863-мъ году.

Итакъ циклъ теперь совершился. Право помѣщика надъ личностью крестьянина уже не существуетъ болѣе въ Европѣ, даже тамъ, гдѣ выкупъ феодальныхъ повинностей, обращенныхъ изъ личныхъ въ поземельныя, еще не законченъ.

Историки недостаточно оцѣниваютъ этотъ громадный фактъ. Погруженные въ вопросы политическіе, они не замѣчаютъ, какое значеніе имѣетъ въ нашей цивилизаціи уничтоженіе крѣпостнаго права и его пережитковъ, составляющее однако главную характеристику девятнадцатаго вѣка. Соперничество между европейскими государствами и проистекавшія изъ него войны,

политика великихъ державъ, о которой такъ много говорятъ, — все это вытекаетъ однако изъ одного основнаго факта: уничтоженія *личной* зависимости человѣка и замѣны ея системою зависимости отъ заработной платы.

Такимъ образомъ французскіе крестьяне, — возставши сто-двадцать лѣтъ тому назадъ противъ своихъ помѣщиковъ, посылавшихъ ихъ колотить палками по прудамъ, чтобы лягушки не тревожили помѣщичьяго сна,— освободили крестьянъ всей Европы. Сжигая бумаги, въ которыхъ была записана ихъ подчиненность помѣщикамъ, сжигая записи и ведя втеченіе четырехъ лѣтъ упорную борьбу противъ тѣхъ, кто отказывался признать ихъ человѣческія права, французскіе крестьяне разбудили всю Европу и побудили её освободиться отъ позорныхъ учрежденій слегка смягченнаго рабства.

Съ другой стороны, потребовалось также около стадвадцати-пяти лѣтъ, чтобы ограниченіе абсолютной монархіи обошло Европу. Послѣ англійской революціи 1648—1657-го года и французской, 1789—1793-го, неограниченная королевская власть стала отживать понемногу въ остальныхъ частяхъ Европы, и теперь мы находимъ народное представительство, даже на Балканскомъ полуостровѣ, даже въ Турціи. Россія тоже вступаетъ въ тотъ же циклъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ направленіяхъ, Революція 1789—1793 годовъ выполнила свою программу. *Равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ* и *представительное правленіе* вошли уже, болѣе или менѣе, въ Своды Законовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи. Въ теоріи, по крайней мѣрѣ, законъ одинаковъ для всѣхъ, и всѣ принимаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, участіе въ управленіи страною.

Самодержавная власть короля надъ своими подданными и такая-же власть помѣщика надъ своими крѣ-

постными почти исчезли, такимъ образомъ. Въ Европѣ теперь владычествуетъ буржуазія.

Но одновременно съ этимъ, Великая Революція завѣщала намъ также другія начала, несравненно болѣе широкія: начала коммунистическія. Мы видѣли, какъ за все время Революціи старалась пробиться коммунистическая мысль, и какъ, послѣ паденія Жирондистовъ, въ іюнѣ 1792-го года дѣлалось множество попытокъ въ этомъ направленіи. Фурьеризмъ происходитъ по прямой линіи отъ Л'Анжа, съ одной стороны, а съ другой - отъ Шальѐ. Бабёфъ — прямой продуктъ идей, волновавшихъ народныя массы въ 1793-мъ году. Онъ, Буонарроти и Сильвэнъ Марешаль только систематизировали ихъ до нѣкоторой степени, или даже только изложили ихъ въ литературной формѣ. Но тайныя общества Бабёфа и Буонарроти стали впослѣдствіи родоначальниками тайныхъ обществъ „коммунистовъ-матеріалистовъ", въ которыхъ Бланки и Барбэсъ дѣлали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заговоры противъ буржуазной монархіи Луи-Филиппа. Позднѣе, изъ этихъ обществъ возникъ, прямою преемственностью, Международный Союзъ Рабочихъ (Интернаціоналъ).

Что касается „соціализма", то извѣстно теперь, что это слово было пущено въ ходъ, чтобы не называться „коммунистами", — такъ какъ въ концѣ сороковыхъ годовъ называться коммунистомъ стало опасно, вслѣдствіе преслѣдованій, направленныхъ противъ тайныхъ коммунистическихъ обществъ, бывшихъ тогда центрами революціоннаго дѣйствія.

Такимъ образомъ, между „Бѣшенными" 1793-го года и Бабёфомъ 1795-го года, и Международнымъ Союзомъ Рабочихъ (Интернаціоналомъ), можно установить прямую преемственность.

Но преемственность существуетъ и въ идеяхъ. Современный соціализмъ ничего, рѣшительно ничего еще не прибавилъ къ тѣмъ идеямъ, которыя обращались во французскомъ народѣ въ 1789—1794-хъ годахъ, и которыя народъ пытался осуществить во время II-го

года Республики. Современный соціализмъ только приводитъ эти идеи въ системы и находитъ доводы въ ихъ пользу, либо обращая противъ буржуазныхъ экономистовъ нѣкоторыя изъ ихъ собственныхъ опредѣленій, либо обобщая нѣкоторые факты изъ развитія промышленнаго капитализма въ теченіе 19-го вѣка.

Мало того. Я позволю себѣ также утверждать, что какая бы ни проявлялась иногда неопредѣленность въ стремленіяхъ народнаго коммунизма первыхъ двухъ лѣтъ Республики, и какъ-бы мало онъ ни пользовался языкомъ буржуазныхъ экономистовъ, онъ яснѣе понималъ свои задачи и глубже доходилъ въ своемъ анализѣ этихъ задачъ, чѣмъ современный соціализмъ. Яснѣе и глубже — потому, что люди прямо шли къ *коммунизму въ потребленіи*, — къ коммунализаціи и націонализаціи *потребленія*, — когда они хотѣли установить въ каждой общинѣ магазины, хлѣбные и всякихъ другихъ жизненныхъ припасовъ, куда складывалось-бы все нужное для жизни общины, когда они предпринимали громаднѣйшее разслѣдованіе съ цѣлью установить „истинную цѣнность“ всѣхъ предметовъ „первой и второй необходимости“, и когда они внушали Робеспьеру эти глубоко-вѣрныя слова, что только *избытокъ въ припасахъ можетъ быть предметомъ торговли: необходимое-же принадлежитъ всѣмъ.*

Родившись изъ жизненныхъ потребностей бурной эпохи, коммунизмъ 1793-го года, со своимъ утвержденіемъ *права всѣхъ на средства существованія и на землю, служащую для ихъ производства*, съ его отрицаніемъ права кого-бы то ни было владѣть большею площадью земли, — чѣмъ сколько одна семья можетъ сама обрабатывать (около 40 десятинъ), и наконецъ со своею попыткою коммунализировать торговлю и отчасти производство, — этотъ коммунизмъ доходилъ гораздо глубже до сущности вещей, чѣмъ всѣ возможныя программы-минимумы нашего времени и даже предпосылаемыя имъ принципіальныя соображенія-максимумы.

Во всякомъ случаѣ, изучая Великую Революцію, мы убѣждаемся, что она была источникомъ всѣхъ коммунистическихъ, анархическихъ и соціалистическихъ воззрѣній нашего времени. Мы слишкомъ плохо еще знаемъ нашихъ родоначальниковъ, но мы открываемъ, наконецъ, что искать ихъ надо въ 1793-мъ году, и что намъ есть кое-чему у нихъ поучиться.

Человѣчество движется впередъ медленными шагами, и каждый крупный его шагъ отмѣчается въ теченіе послѣднихъ столѣтій большою революціею, происходящею въ той или другой странѣ. Такъ, послѣ Нидерландовъ выступаетъ Англія, а послѣ Англіи, совершившей свою революцію въ 1648—1657-хъ годахъ, наступаетъ черёдъ Франціи.

Но каждая революція имѣетъ нѣчто свое, ей свойственное. Такъ, Франція и Англія объ уничтожили у себя абсолютную власть короля революціоннымъ путемъ. Но, борясь противъ королевской власти, Англія больше всего занялась утвержденіемъ личныхъ правъ человѣка, — особенно въ религіозныхъ вопросахъ, — и правами мѣстнаго самоуправленія для каждаго отдѣльнаго прихода и общины. Франція-же обратила главное свое вниманіе на земельный вопросъ и, нанеся смертельный ударъ феодальному строю, она нанесла также ударъ крупной собственности и пустила въ міръ идею о націонализаціи земли и о соціализаціи торговли и главныхъ отраслей промышленности.

Какой націи выпадетъ теперь на долю задача совершить слѣдующую великую революцію? Одно время, можно было думать, что это будетъ Россія. И тогда являлся такой вопросъ: Если Россія затронетъ *революціонными методами* земельный вопросъ, — какъ далеко пойдетъ она въ этомъ направленіи? Съумѣетъ-ли она избѣгнуть ошибки, сдѣланной французскими Національными Собраніями, и отдастъ-ли она землю, — обобществленную — тѣмъ, кто самъ её обрабатываетъ? Но от-

вѣтить на этотъ вопросъ мы не въ силахъ. Всякій отвѣтъ лежалъ бы уже въ области пророчества.

Но несомнѣнно одно. Какой-бы народъ ни вступилъ теперь въ періодъ революцій, онъ уже получитъ въ наслѣдіе то, что наши прадѣды совершили во Франціи. Кровь, пролитая ими, была пролита для всего человѣчества. Страданія, перенесенныя ими, они перенесли для всѣхъ націй и народовъ. Ихъ жестокія междоусобныя войны, идеи, пущенныя ими въ обращеніе и самыя столкновенія этихъ идей, все это составляетъ достояніе всего человѣчества. Все это принесло свои плоды и принесетъ еще много другихъ, еще лучшихъ плодовъ и откроетъ человѣчеству широкіе горизонты на которыхъ вдали, будутъ свѣтиться, какъ маякъ, все тѣ-же слова: Свобода, Равенство и Братство.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Появленіе этой книги на французскомъ языкѣ (въ 1909-мъ году) оживило во Франціи и въ Россіи интересъ къ роли „округовъ“ и „секцій“ Парижа во время великой Революціи. Уже Мишлэ, понимая роль народа въ этомъ переворотѣ и не переоцѣнивая значенія въ немъ законодательныхъ учрежденій, указалъ на то, что дѣлали округа и секціи для развитія революціонной дѣятельности, а также на то, какъ неизбѣжно было торжество термидорской контръ-революціи, когда независимость парижскихъ секцій была уничтожена Комитетомъ Общественнаго Спасенія.

Позднѣе, въ 1861—82 годахъ, одинъ реакціонный историкъ Террора, Мортимеръ Терно, занявшись изученіемъ архивныхъ документовъ, касавшихся исторіи Парижа въ 1792—95 годахъ, обнародовалъ нѣсколько весьма интересныхъ матеріаловъ, подтверждавшихъ значеніе секцій въ революціи.

Затѣмъ, Сигизмундъ Лакруа, въ своихъ введеніяхъ къ изданнымъ подъ его редакціею матеріаламъ, касавшимся Парижской Коммуны, высказалъ рядъ весьма вѣрныхъ мыслей относительно федеративнаго характера революціонной организаціи Парижа. И наконецъ, въ 1898 году, вышла небольшая, но чрезвычайно интересная книга молодаго учёнаго, Эрнеста Мелльe, въ которой, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, была указана роль секцій въ политическихъ и, отчасти, экономическихъ движеніяхъ во время Революціи.

Этими трудами, въ особенности книгою Мелльe, я и воспользовался въ своемъ очеркѣ Французской Революціи.

Къ сожалѣнію, преобладаніе государственническихъ, централизаціонныхъ идей, развившееся въ исторической наукѣ за послѣднее время, было причиною того, что названныя изслѣдованія прошли незамѣченными, какъ во Франціи, такъ и у насъ: „трудъ Мелльe", пишетъ проф. Н. А. Карѣевъ, „не смотря на новизну своей темы [и, прибавлю я, на серьёзность ея обработки], почему-то оставался мало-извѣстнымъ, т. е. о немъ какъ-то совсѣмъ не писали, и вообще на него очень мало ссылались".

Теперь, взглядъ на „секціи" и „дистрикты" начинаетъ однако мѣняться. Во Франціи, проф. Оларъ предложилъ профессору Брэшу (Braesch) заняться изученіемъ секцій и помогъ ему выполнить эту работу, и въ результатѣ получился громадный трудъ въ 1250 страницъ мелкаго шрифта, полный новыхъ данныхъ, посвященный дѣятельности секцій и Парижской Коммуны — преимущественно политической — за пять мѣсяцевъ 1792-го года*). Слѣдующіе полтора года жизни революціонной Коммуны и секцій потребуютъ, вѣроятно, по крайней мѣрѣ, еще одного, или двухъ, такихъ-же томовъ.

Всякій, кто ознакомится съ этимъ обширнымъ трудомъ проф. Брэша, увидитъ, что я не только не преувеличилъ политическую роль секцій, но могъ бы выставить её еще рельефнѣе.

Съ другой стороны, въ Россіи, проф. Н. А. Карѣевъ занялся изученіемъ роли Парижскихъ секцій и уже напечаталъ нѣсколько работъ по этому вопросу**).

*) «La Commune du Dix Août 1792. Étude sur l'histoire de Paris, du 20 Juin au 2 Décembre 1792», par F. Braesch, Paris (Hachette), 1911.

**) Въ 1912 году онъ издалъ въ «Запискахъ» нашей Академіи Наукъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ, касающихся

Приступая къ изданію русскаго перевода „Великой Французской Революціи", я имѣлъ въ виду воспользоваться новыми изслѣдованіями Брэша и другими, а также недавно изданными во Франціи документами, касающимися экономическихъ выступленій Революціи, чтобы дополнить и расширить сказанное мною въ текстѣ по этимъ двумъ предметамъ.

Но русское изданіе, печатаясь въ Лондонѣ, настолько запоздало выходомъ, что въ данную минуту я вынужденъ отказаться отъ этой мысли; тѣмъ болѣе, что при быстромъ накопленіи новыхъ матеріаловъ, нѣсколькихъ страницъ было бы уже недостаточно.

Кромѣ роли секцій, есть еще одинъ вопросъ, по поводу котораго я намѣревался сказать нѣсколько словъ, въ отвѣтъ на замѣчанія проф. Н. А. Карѣева и Е. В. Тарле, который спеціально занимался закономъ о Максимумѣ*). Оба упрекаютъ меня за мои отзывы объ этомъ законѣ, и на это я отвѣчу въ нѣсколькихъ словахъ.

Отзывовъ, враждебныхъ закону о максимумѣ, высказанныхъ со стороны жирондистовъ, — защищавшихъ неограниченное право буржуазіи на эксплуатацію голоднаго народа, — можно, конечно, набрать очень много. Но для историка они такъ же мало убѣдительны, какъ доводы, приводившіеся въ Россіи противъ сельской общины партіею „Московскихъ Вѣдомостей", ост-

---

секцій, найденныхъ имъ въ Парижскихъ архивахъ; кромѣ того, онъ выпустилъ: 1) небольшую книгу, «Парижскія секціи временъ Французской Революціи», Спб. 1911, гдѣ вкратцѣ изложена книга Мелье и дано нѣсколько новыхъ выписокъ изъ архивныхъ данныхъ; 2) двѣ статьи, «Политическія выступленія Парижскихъ секцій въ эпоху Революціи», («Русское Богатство», ноябрь и декабрь 1912), гдѣ онъ вкратцѣ изложилъ нѣкоторыя главы изъ книги Брэша; и 3) первую серію новой работы, «Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху Революціи», Спб. 1913, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, и о книгѣ Брэша.

*) Е. В. Тарле, «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху Революціи», 2 части, Спб. 1909 и 1911.

зейскими дворянами и вообще всѣми, жаждавшими „дешевыхъ рукъ“ для развитія фабрикъ и обработки помѣщичьихъ имѣній. Историкъ, ознакомившійся съ дѣйствительно-ужаснымъ положеніемъ Франціи въ неурожайные — вѣрнѣе, голодные — годы 1788—1793, при тогдашней бѣдности страны и при войнѣ, раззорявшей страну, не можетъ не видѣть, что установленіе максимальной цѣны на жизненные припасы представилось въ этихъ условіяхъ явною необходимостью.

Отого ея требовали уже наказы 1789-го года, и даже буржуазный экономистъ Неккеръ высказывался за таксу на хлѣбъ. Нѣкоторые города, какъ напримѣръ, Гренобль, уже въ 1789-мъ году, самовольно вводили её. Съ тѣхъ поръ, каждый годъ, требованія таксы на всё необходимое для жизни раздавались всё громче и громче, повсемѣстно; и во многихъ мѣстахъ таксы на припасы вводились самовольно — особенно по мѣрѣ того, какъ разгоралась война. Я увѣренъ, поэтому, что никто изъ изучавшихъ реальную *жизнь* Франціи въ эти годы не усомнится, что случись *теперь*, въ странѣ гораздо болѣе богатой, чѣмъ тогдашняя Франція, такое-же сочетаніе обстоятельствъ (неурожаи, милліоны нищихъ и война на *всѣхъ* границахъ, сухопутныхъ и морскихъ), — максимальная такса на припасы явится такою же неизбѣжною необходимостью, какою она явилась во Франціи.

Зная изъ документовъ, въ какомъ положеніи была Франція въ тѣ годы, и до какого ужаснаго положенія дошла Англія къ концу наполеоновскихъ войнъ; зная, съ другой стороны, какъ даже такая богатая страна, какъ современная Англія, живетъ, даже теперь, такъ-сказать, изо дня въ день, — не имѣя въ запасѣ больше, чѣмъ на три мѣсяца хлѣба для своихъ жителей, и *на шесть недѣль сырья для своихъ фабрикъ;* кромѣ того, видѣвши недавно, какъ во время такой сравнительно-небольшой войны, какъ Бурская война, спекуляція подняла цѣны на всѣ предметы первой и второй необходимости (съѣстные припасы, *уголь, кожи* и т. д.),

— зная это, вполнѣ понимаешь, почему законъ о максимальныхъ цѣнахъ на жизненные продукты былъ признанъ необходимымъ, не смотря на протесты жаждавшей наживы буржуазіи.

Но, говоря о Максимумѣ, я указалъ еще нѣчто другое; а именно, что, подобно всякой другой полицейской мѣрѣ, такса на хлѣбъ, мясо и т. д. вовсе не разрѣшала вопроса о томъ, какъ жить городамъ, — чѣмъ кормиться бѣдному городскому населенію? И когда это стало ясно въ 1793-мъ году, когда обнаружилось безсиліе таксаціи продуктовъ, — тогда у болѣе смѣлыхъ, не-буржуазныхъ революціонеровъ стала вырабатываться новая мысль — мысль о *національзаціи обмѣна*, объ обобществленіи *національной торговли всѣмъ тѣмъ, что не представляетъ* (въ данное время) *предметовъ роскоши*. А изъ этой мысли родилась другая мысль, коммунистическаго характера—мысль, что предметомъ спекулятивной торговли можетъ быть только *излишекъ*, а отнюдь не то, что̀ *необходимо* для жизни всѣхъ гражданъ данной страны.

Этотъ фактъ потому очень важенъ, что всякій, кто вдумается въ происхожденіе соціалистическихъ теорій девятнадцатаго вѣка, и ознакомится съ *дѣйствительною* —не легендарною—исторіею ихъ зарожденія и развитія, тотъ неизбѣжно самъ увидитъ родовую преемственность между соціалистическими теоріями сороковыхъ годовъ, и воззрѣніями, высказанными болѣе крайними революціонерами въ 1793-мъ и 1794-мъ годахъ.

Къ стр. 389-й. — Относительно того, что одною изъ причинъ отступленія прусскихъ войскъ изъ Франціи могло быть желаніе Пруссіи, не упустить своей доли въ раздѣлѣ Польши, профессоръ Ernest Nys сообщилъ мнѣ слѣдующую интересную выдержку изъ недавно вышедшихъ Мемуаровъ графа де-Брэ. Битва при Вальми — говоритъ издатель этихъ мемуаровъ, полковникъ Ф. де Брэ, — состояла только изъ канонады, отъ ко-

торой обѣ стороны потеряли всего 500 убитыхъ; но французскія войска выказали стойкость, и пруссаки, думавшіе встрѣтить только банды разбойниковъ, отступили. Тогда начались переговоры между Дюмурье и герцогомъ Брауншвейгскимъ. Конвентъ потребовалъ очистки территоріи. Пруссаки, встрѣтивъ непредвидѣнное препятствіе на пути въ Парижъ, поняли, что „это предпріятіе можетъ потребовать значительнаго усилія, которое поглотитъ всѣ ихъ средства, между тѣмъ, какъ русскіе будутъ вольны дѣйствовать въ это время въ Польшѣ. Это значило-бы упустить добычу ради ея тѣни .... Дѣлежъ Польши было легче совершить, чѣмъ завоевать Францію... Польскимъ вопросомъ опредѣлилась политика союзниковъ“ *).

Замѣчаніе полковника де-Брэ весьма похоже на правду, а потому оно дѣлаетъ возможнымъ, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній насчетъ Людовика XVI-го герцогу Брауншвейгскому не было дано.

*) Mémoires du Comte de Bray, ministre et ambassadeur de S. M. Maximilian, premier roi de Bavière. Publiés par le Colonel d'Etat-Major, F. de Bray, t. I., Bruxelles, 1911, pp. 311—312.

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе — — — — —		v
i.	Два главныхъ теченія Революціи —	1
ii.	Идейное теченіе — — — —	6
iii.	Народное дѣйствіе — — —	13
iv.	Народъ наканунѣ Революціи — —	18
v.	Бунтовской духъ. Возстанія — —	22
vi.	Необходимость созыва Генеральныхъ Штатовъ — — — —	36
vii.	Крестьянское возстаніе въ первые мѣсяцы 1789 года — — — —	42
viii.	Бунты въ Парижѣ и его окрестностяхъ —	55
ix.	Генеральные Штаты — —	59
x.	Приготовленія къ перевороту —	68
xi.	Парижъ наканунѣ 14-го іюля — —	79
xii.	Взятіе Бастиліи — — — —	92
xiii.	Послѣдствія 14-го іюля въ Версали —	104
xiv.	Народныя возстанія — — —	111
xv.	Города — — — — —	116
xvi.	Крестьянское возстаніе — — —	130
xvii.	4-е августа и его послѣдствія — —	141
xviii.	Феодальныя права остаются — —	155
xix.	Декларація Правъ Человѣка — —	170
xx.	Дни 5-го и 6-го октября 1789 года —	176
xxi.	Страхъ буржуазіи. — Новая муниципальная организація — — — —	190
xxii.	Финансовыя затрудненія. — Продажа имуществъ духовенства — —	202

XXIII. Праздникъ Федераціи — — — 209
XXIV. Округа и секціи Парижа — — 216
XXV. Парижскія секціи при новомъ муниципальномъ законѣ — — — 226
XXVI. Задержки въ уничтоженіи феодальныхъ правъ — — — — 234
XXVII. Феодальное законодательство 1790 года — 246
XXVIII. Пріостановка Революціи въ 1790-мъ году 256
XXIX. Бѣгство короля. — Реакція. — Конецъ Учредительнаго Собранія — — 271
XXX. Законодательное Собраніе. — Реакція 1791—1792 годовъ — — — 283
XXXI. Контръ-революція на Югѣ — — 295
XXXII. 20-е іюня 1792 года — — — 304
XXXIII. 10-е августа. — Его непосредственные результаты — — — — 320
XXXIV. Междуцарствіе. — Измѣна — — 336
XXXV. Сентябрьскіе дни — — — 354
XXXVI. Конвентъ. — Коммуна. — Якобинцы — 369
XXXVII. Правительство. — Борьба партій въ Конвентѣ. — Война — — — 380
XXXVIII. Процессъ короля — — — 394
XXXIX. Гора и Жиронда — — — 406
XL. Усилія Жирондистовъ остановить Революцію — — — — 416
XLI. „Анархисты“ — — — — 422
XLII. Причины движенія 31-го мая — — 431
XLIII. Требованія соціальнаго характера. — Состояніе умовъ въ Парижѣ.—Ліонъ — 442
XLIV. Война. — Вандея. — Измѣна Дюмурье — 453
XLV. Неизбѣжность новаго возстанія — 467
XLVI. Возстанія 31-го мая и 2-го іюня — 476
XLVII. Народная революція — Принудительный заёмъ — — — — 485
XLVIII. Общинныя земли. — Рѣшенія Законодательнаго Собранія — — — 492
XLIX. Возвратъ общинамъ ихъ мірскихъ земель 502
L. Окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ — — — — 509
LI. Національныя имущества — — 515

LII. Борьба съ голодомъ. — Законъ о Максимумѣ. — Ассигнаціи — — — 521
LIII. Контръ-революція въ Бретани.—Убійство Марата — — — — 532
LIV. Возстанія въ Вандеѣ, — въ Ліонѣ, — на Югѣ — — — — 541
LV. Война.—Иностранное нашествіе отражено 551
LVI. Республиканская конституція. — Революціонное правительство — — 560
LVII. Истощеніе революціоннаго духа — 571
LVIII. Коммунистическое движеніе — — 579
LIX. Мысли о соціализаціи земли, фабрикъ и заводовъ, средствъ существованія и торговли — — — — 590
LX. Конецъ Коммунистическаго движенія — 598
LXI. Организація центральнаго правительства. — Казни — — — — 608
LXII. Народное образованіе. — Метрическая система. — Новый календарь. — Противорелигіозное движеніе — — — 620
LXIII. Разложеніе секцій — — — 633
LXIV. Борьба противъ Эбертистовъ. — Схватка между различными партіями. — Роль Масонства — — — — 639
LXV. Паденіе Эбертистовъ.—Казнь Дантона — 649
LXVI. Робеспьеръ и его Группа — — 658
LXVII. Терроръ— — — — 664
LXVIII. Девятое термидора. — Торжество реакціи 672
Заключеніе — — — — — 689
Приложеніе — — — — — 698
Оглавленіе — — — — — 705

Конецъ.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ:

	Цѣна ш.	п.
Великая Французская Революція. П. Кропоткина.	2	6
Русская Революція и Анархизмъ (сборникъ статей подъ редакціей П. Кропоткина).		3
Парижская Коммуна. П. Кропоткина.		2
О Рабочихъ Союзахъ. К. Оргеіани.		2½
Революціонный Синдикализмъ и Анархизмъ. М. Изидина.		2½
Нравственныя Начала Анархизма. П. Кропоткина.		3
Анархія. П. Кропоткина.		2
Борьба съ Капиталомъ и Властью. М. Корнъ.		1½
Земельная Программа А.-К. А. Кочегарова.		2
Объ Интеллигенціи. К. Оргеіани.		1½
Объ индивидуалистическомъ анархизмѣ. Вл. Забрежнева.		1½
Государство, его роль въ исторіи. П. Кропоткина.		9
Хлѣбъ и Воля. П. Кропоткина.	2	0
Доктрины Марксизма. В. Черкезова.		6
Анархія, ея философія, ея идеалъ. П Кропоткина.		3
Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ. К. Оргеіани.		10
Комплектъ газ. «Листки Хл. и Воля» (18 ном.).	3	6
„Рабочій Міръ“ (ежемѣсячный органъ федераціи русскихъ группъ а.-к. за-границей) №		2

Заказы и деньги просятъ присылать по одному изъ слѣдующихъ адресовъ

A. Schapiro, 163, Jubilee Street, LONDON E.
Rédaction "Les Temps Nouveaux", rue Broca, 4, PARIS.

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ